3 1761 05263757 6

Presented to
The Library of the University
of Toronto
by
The Varsity Fund
for the purchase of books
in Slavic Studies

418

24

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(издателемъ „Русскаго Архива").

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. БОЕЙКОВА.
1869.

LIBRARY
JUN 26 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
127
B37
Kn.4

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Рескрипты и указы (151) Императора *Петра 1-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724 . . . . . 1—76

II. Указы (17) Императрицы *Екатерины 1-й* Лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину. 1725—1726. . . . . 77—86
(Извлечено изъ Архива канцеляріи Рижскаго генералъ-губернатора *Е. В. Чешихинымъ*).

III. Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).
1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г. . . . . 87—92
2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ. . . . 92—94

IV. Современное письмо о наказаніи Салтычихи, 21 окт. 1768. Съ послѣсловіемъ *Л. Н. Майкова* и издателя . . . . . 94—96

V. Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле*, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ Архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора. I и II. . . . . 97—206

VI. Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. Н. Ламанскимъ*. . . . . 207—215

VII. Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го . . . . . 216—224

VIII. Антидотъ (Противоядіе) Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й*, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи. 225—463

ЧАСТЬ 1-я. Разборъ предисловія. . . . . 227—231
Отчетъ о путешествіи въ Тобольскъ . . . . . 231—271
О климатѣ Сибири и прочихъ областей Россіи. . . . . 271—288
О Русскомъ правительствѣ съ 861 по 1767 г. . . . . 289—330
О Греческой вѣрѣ . . . . . 330—346

ЧАСТЬ 2-я. Описаніе города Тобольска, его жителей, Русскихъ нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и пр. . . . . 347—415

О домашнихъ и дикихъ звѣряхъ, о птицахъ, о рыбахъ и насѣкомыхъ. . . . . 415—423
Объ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ Россіи, о народномъ характерѣ и о воспитаніи. . . . . 424—456
О законахъ, о казняхъ и о ссылкѣ. . . . . 456—463
IX. Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го. . . . . 464—469
X. Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ. . . . . 469—473
XI. Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла 1-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*) . . . . . 474—475
XII. Ода Императору Павлу 1-му, *Степана Руссова*, съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго*. . . . . 476—488

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

---

*

Приготовляя къ печати **АРХИВЪ СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА** (имѣющій выходить отдѣльными книгами) издатель „Осмнадцатаго Вѣка“, пріостанавливаетъ на нѣкоторое время V книгу своего сборника. Назначенныя для нея статьи появятся въ Русскомъ Архивѣ 1870 года.

*

РЕСКРИПТЫ И УКАЗЫ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-ГО КЪ ЛИФЛЯНДСКИМЪ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРАМЪ: ПОЛОНСКОМУ, КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ И КНЯЗЮ РЕПНИНУ.

Объявляя 19 Августа 1700 г. войну Шведамъ, которые «не только ограбили Русскихъ толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли»,—Петръ первоначально имѣлъ въ виду укрѣпиться на берегахъ Финскаго залива, Лифляндію же съ Эстляндіею соглашался предоставить въ обладаніе Польшѣ. Щадя Ингрію, Карелію и вообще земли, которыя должны были отойти къ Россіи, Петръ, при началѣ Сѣверной войны вовсе не думалъ щадить ни Лифляндіи, ни Эстляндіи, но приказалъ Шереметеву, «дабы войска Шведскія не имѣли въ Лифлянтахъ довольства», разорить эту страну. Шереметевъ во всей точности исполнилъ приказаніе: въ 1702 г. Лифляндія была опустошена. «Все разорили и опустошили безъ остатку, доносилъ Шереметевъ царю, осталось цѣлаго Перновъ, да Ревель и межь ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ около моря же, да Рига, а то все запустошено и разорено въ конецъ». Въ слѣдующемъ 1703 г. Шереметевъ «учинилъ плѣнъ и разореніе» Эстляндіи. Въ 1704 году 13 Іюля былъ взятъ Дерптъ, а 15 Августа генераломъ-губернаторомъ всѣхъ покоренныхъ у Шведовъ земель назначенъ князь Меншиковъ. Во власти Шведовъ оставались къ 1705 году только города: Рига, Перновъ, Аренсбургъ и Ревель. Немедленно послѣ Полтавской побѣды Петръ приступилъ къ покоренію этихъ городовъ. Начали съ Риги. 10 Ноября 1709 г. Шереметевъ обложилъ Рижскую крѣпость, 14 Ноября началось бомбардированіе города. «Первыя три бомбы, писалъ Петръ Меншикову, своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить». Царь распорядился не вести правильной атаки крѣпости, а ограничиться одною блокадою. Шереметевъ, оставивъ подъ Ригою семитысячный отрядъ князя Репнина (впослѣдствіи генералъ-губернатора Лифляндскаго), отвелъ войска на зимнія квартиры въ Курляндію. Непонятно, почему защищавшій Ригу генералъ-губернаторъ графъ Штрембергъ не воспользовался

удаленіемъ Шереметева: Рижскій гарнизонъ, состоявшій изъ 12 тысячь человѣкъ, могъ бы разбить Репнина. 11 Марта 1710 г. графъ Шереметевъ прибылъ въ осадный лагерь, съ 15 Апрѣля Русскіе совершенно уже обложили крѣпость, прекратили всякое сообщеніе по Двинѣ и съ Іюня мѣсяца начали бомбардировать крѣпость. Рига, опустошаемая голодомъ и чумою, не могла защищаться. 30 Іюня начались переговоры о сдачѣ. Уполномоченными для переговоровъ отъ рыцарства были гауптманъ Паткуль и ассессоръ Рихтеръ, отъ города Риги бургомистръ Норденъ, ратманъ Рейтеръ, отъ большой гильдіи (купцовъ) эльтерманъ Фегезакъ, а отъ малой (ремесленниковъ) эльтерманъ Фробрихъ. 4 Іюля были подписаны акордные пункты, 10 Іюля Штрембергъ со всѣмъ гарнизономъ выступилъ изъ крѣпости, а 12 Іюля графъ Шереметевъ, въ сопровожденіи рыцарства и горожанъ, торжественно вступилъ въ крѣпость.— 12 Августа 1710 г. сдалась Русскимъ Динаминдская крѣпость. Перновъ сдался генералу Бауеру 14 Августа, и вслѣдъ за симъ сдались Аренсбургъ и островъ Эзель. Съ паденіемъ Ревеля, въ концѣ Сентября 1710 г., завершилось покореніе Лифляндіи и Эстляндіи,— тѣмъ не менѣе Петръ готовъ былъ и тогда уступить и Ригу и Ливонію Польскому королю и рѣчи посполитой. Но извѣстно, что обороною Польши Петръ навлекъ на себя войну турецкую, въ которой, въ противность договору, былъ оставленъ Польшею. Война кончилась сильною неудачею. Петръ принужденъ былъ въ 1711 г. отдать Туркамъ многіе города, стоившіе многихъ милліоновъ и только съ этого времени твердо рѣшился, въ вознагражденіе потерь, понесенныхъ въ турецкой войнѣ, присоединить на вѣчныя времена къ Россіи Ливонію со всѣми ея городами и крѣпостями.

1 Марта 1712 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе всѣхъ привиллегій рыцарства, земства и городовъ, всѣхъ правъ, судовъ, статутовъ, обычаевъ, съ оговоркою однакоже: «елико сообразны они съ общими государства нашего законами и установленіями». Все внутреннее управленіе земли и городовъ оставлено въ томъ видѣ, какъ было при Шведахъ.

Первымъ Русскимъ комендантомъ Риги былъ назначенъ въ 1710 г. Ласси, но онъ былъ скоро отозванъ къ арміи, выступившей въ Турцію. Его мѣсто заступилъ генералъ-маіоръ Яковъ Васильевичъ Полонскій. Въ началѣ 1711 года онъ былъ утвержденъ оберъ-комендантомъ Риги и Лифляндскимъ губернаторомъ, генералъ же губернаторомъ Лифляндіи и Эстляндіи окончательно назначенъ князь Меншиковъ. Полонскій умеръ въ Ригѣ въ 1713 г. Рескриптами къ нему Петра и начинается сборникъ именныхъ указовъ въ архивѣ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора.

1.

Господинъ генералъ-маіоръ. Пошли немедленно изъ Рижскаго гарнизону довольное число солдатъ съ добрымъ командиромъ на встрѣчу къ тѣмъ нашимъ людямъ, которые изъ Эльбингскаго гарнизона проводятъ Шведскій гарнизонъ, который взятъ въ Эльбингѣ, и прикажи оныхъ Шведовъ у нихъ принять у Мемеля или и гдѣ хотя въ Курляндіи, и пре-

проводи къ себѣ въ Ригу, а тѣхъ провожатыхъ людей вели немедленно возвратить опять въ Эльбингъ въ гварнизонъ и чтобъ шли туда па́-скоро. Петръ. Мая въ 19 день 1711 г.

Мѣсто, откуда посланъ сей рескриптъ, не означено; но надобно полагать, что изъ Польши, ибо 25 Февраля 1711 г. послѣдовало объявленіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ о войнѣ съ Турціею, 6 Марта царь выѣхалъ изъ Москвы въ Польшу, 9 Апрѣля былъ въ Луцкѣ, 24 Апрѣля въ Яворовѣ, а 30 Мая былъ въ Ярославлѣ, гдѣ и заключенъ договоръ съ королемъ Августомъ о дѣйствіяхъ въ Помераніи и противъ Турокъ.

Эльбингъ, послѣднее мѣсто, которымъ владѣли Шведы въ Польшѣ, послѣ Полтавскаго сраженія, сдался Русскимъ въ началѣ 1710 г.

2.

Господинъ оберъ-комендантъ. Понеже имѣемъ мы вѣдомость, что у Риги близко города въ госпиталѣ и у Динаминда явилось повѣтріе, о чемъ отпиши къ намъ не мѣшкавъ—давно ли оная болѣзнь зачалась и нѣтъ-ли въ самой Ригѣ и далеко-ли отъ города госпитали, гдѣ тѣ больные лежатъ. Петръ. Изъ Эльбинга, Ноября 3 дня 1711 г.

Чума открылась въ половинѣ Мая 1710 г., во время осады Риги. Она свирѣпствовала съ одинаковою силою какъ у осажденныхъ (отъ чумы умерло 30 тысячь человѣкъ), такъ и у осаждающихъ (умерло 9800 человѣкъ). Лѣтомъ 1711 г. появилась снова, и въ третій разъ, уже послѣдній, появилась въ началѣ Іюля 1712 г. и продолжалась въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ.

Изъ Эльбинга Петръ, вмѣстѣ съ царицею Екатериною Алексѣевною, проѣхалъ въ Петербургъ. 18 Ноября былъ въ Ригѣ и пробылъ здѣсь до 6 Декабря. Въ это время онъ купилъ близъ набережнаго крѣпостнаго вала (теперешняя пристань) на новой улицѣ домъ. Домъ этотъ царь велѣлъ перестроить себѣ во дворецъ. Нынѣ въ этомъ домѣ помѣщается уѣздное училище (съ 1805 года).

3.

Господинъ оберъ-комендантъ. Понеже слышали мы, что вы деньги 110 тысячъ рублевъ въ Эльбингъ уже послали, однакожъ сего нашего адъютанта Шестемирева нарочно для того мы послали, дабы оныя деньги какъ наискорѣе до князя Меньшикова были отвезены; того для отпишите къ тому, кто отъ васъ съ тѣми деньгами посланъ, дабы оному нашему адъютанту въ томъ былъ послушенъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 15 Апрѣля 1712 г.

Меньшиковъ въ это время уже былъ въ Помераніи, куда онъ выступилъ съ войсками 1 Марта 1712 г.

4.

Господинъ генералъ-маіоръ. Мундиръ, который привезенъ съ Москвы въ Ригу (на тѣ полки, которые въ Помераніи), отправь не мѣшкавъ до Мемля на Курляндскихъ подводахъ, а отъ Мемля до Эльбинга водою и пошлите за тѣмъ мундиромъ провожатыхъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 8 Іюня 1712 г.

5.

Чтобы усилить и оживить военныя дѣйствія въ Помераніи, Петръ самъ отправился туда въ Іюнѣ 1712 г. 25 Іюня онъ былъ въ Ригѣ и пробылъ здѣсь до 30 Іюня. Въ этотъ день онъ отправился, въ сопровожденіи царицы Екатерины Алексѣевны, въ Штетинъ, гдѣ стоялъ Меншиковъ. Въ бытность въ Ригѣ онъ подписалъ слѣдующій указъ:

Господину эгемарату Левенвольду (Geheimerath, тайный совѣтникъ баронъ Левенвольде былъ полномочнымъ управляющимъ земствомъ и дѣлами Лифляндскаго рыцарства).

а.

О всякихъ провозахъ вещей и прочихъ дѣлахъ будутъ писать къ нему изъ Сенату нашего, то повиненъ исправлять.

б.

Ежели во время нужное непріятельскаго нападенія для содержанія крѣпости что̀ понадобится, всевозможное послѣднее чинить съ земли вспоможеніе.

в.

Число деревъ на полисады и казармы и прочее, когда отдѣлаются поселяне отъ работы полевой, то требуемое число лѣсу уѣздными мужиками вырубить и, Двиною сплавя, вручить оберъ-коменданту.

г.

На 6000 человѣкъ давать по полпуду солода на мѣсяцъ, да мяса по четыре фунта на недѣлю или, вмѣсто мяса, свинова сала, или коровья масла по 3 фунта человѣку каждому. Петръ. Въ Ригѣ 30 Іюня 1712 г.

6.

Господинъ генералъ-маіоръ. Получили мы третьяго дни въ вечеру вѣдомость отъ королевскаго величества Дацкаго, что городъ Шведскій Штадъ купно съ Вигеръ-шанцемъ въ 27 прошлаго мѣсяца взятъ на дискрецію, и сею новиною

первою вамъ поздравляемъ. Для посылки на экзекуцію дайте Петру Бестужеву Олонецкаго полку драгунъ толикое число, коликое онъ будетъ требовать. Петръ. Изъ Грабсвальда, 1 Сентября 1712 г.

P. S. Къ господину Левенвольду о дачѣ солдатамъ мяса и прочаго нынѣ повторительно указъ посланъ.

Не смотря на взятіе въ Бременской области крѣпости Штада, Померанскій походъ 1712 г. былъ совершенно неудаченъ. Отъ огорченій Петръ заболѣлъ и въ Октябрѣ 1712 поѣхалъ лечиться въ Карлсбадъ и Теплицъ.

Петръ Бестужевъ—царскій коммисаръ въ Курляндіи. Надобно вспомнить, что въ 1710 г., молодой герцогъ Курляндскій Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ руку царской племянницѣ Аннѣ Іоанновнѣ и, поставивъ условіями брака: выводъ изъ Курляндіи царскихъ войскъ и обязательство не брать съ нея контрибуціи, просилъ въ приданое 200 тысячъ рублей. Петръ согласился на условія, согласился дать и 200 т. рублей, но только въ разные сроки и съ тѣмъ, чтобы за приданое считать только 40 тысячъ рублей, а остальные 160 тысячъ считать данными герцогу въ займы на выкупъ его заложенныхъ имѣній, а выкупленныя имѣнія отдать Аннѣ Іоанновнѣ въ закладъ, при чемъ она будетъ получать ежегодно по 5%. Брачный контрактъ былъ подписанъ $^{10}/_{21}$ Іюня 1710; 31 Октября совершено вѣнчаніе въ Петербургѣ съ большимъ торжествомъ. Герцогъ получилъ деньги: 50 т. послѣ утвержденія договора, 50 т. въ день брака; но неумѣренные пиры разстроили его здоровье, полубольной онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и проѣхалъ всего двѣ станціи. Въ Кипени (45 верстъ отъ Петербурга) онъ долженъ былъ остановиться и тутъ умеръ $^{10}/_{21}$ Января 1711 г. Имѣнія герцога поступили въ закладъ Аннѣ Іоанновнѣ; для управленія ими и сбора доходовъ былъ назначенъ Петръ Бестужевъ. (О немъ см. ниже, особенно указъ № 118).

Экзекуція, о которой пишетъ царь Полонскому, по всей вѣроятности, назначалась для взысканія какого нибудь долга съ арендаторовъ имѣній герцогини.

7.

Господинъ генералъ-маіоръ. Олонецкой драгунской полкъ изъ Курляндіи выведите и поставьте около Риги, такожъ и другой полкъ драгунской, который присланъ будетъ отъ господина фельдмаршала Шереметева, остановите въ Рижскомъ же уѣздѣ, чтобъ нашихъ людей нынѣ въ Курляндіи никого не осталось. Петръ. Изъ Карлсбада, 11 Октября 1712 г.

Какъ не вѣрны и какъ не надежны были доставки писемъ даже чрезъ курьеровъ, можно судить изъ того, что одинъ экземпляръ сего рескрипта былъ доставленъ въ Ригу 29 Октября, чрезъ курьера Шкурина, второй отданъ Полонскому курьеромъ Соловымъ 15 Ноября, наконецъ третій экземпляръ полученъ 2 Января 1713 чрезъ какого-то полковника.

8.

Господинъ генералъ-маіоръ. По полученіи сего указу два полка драгунскіе, Олонецкой и другой, который присланъ отъ фельдмаршала Шереметева, отправь въ Курляндію и вели имъ тамъ расположиться немедленно. Петръ. 12 Декабря 1712 г. Изъ Гистроу.

P. S. Амуницію, которая привезена изъ Эльбинга къ Мемелю, вели перевозить въ Ригу исподволь обывательскими Курляндскими подводами.

14 Декабря былъ посланъ Полонскому дубликатъ этого указа. Въ немъ приписано: «P. S. Драгунскому командиру, кто будетъ съ драгунами въ Курляндіи, велите для нашей ѣзды съ Курляндскихъ обывателей собрать подводы и проставить отъ Мемеля до Риги противъ того, какъ въ прошломъ году разставлены, и чтобъ оныя готовы были Генваря къ 10 или къ 15 числу.»

Изъ Гистроу Петръ, по просьбѣ Датскаго короля, двинулся съ войскомъ за Шведами въ Голштинію, разбилъ ихъ при Швабштедѣ, потомъ поѣхалъ въ Гановеръ для склоненія курфистра къ союзу и дѣйству общему противъ Швеціи, съ тою же цѣлію заѣзжалъ въ Берлинъ для свиданія съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I; но, видя безполезность переговоровъ, рѣшился оставить Меншикова у Фридрихштата, а самому ѣхать въ Россію, чтобы дѣйствовать противъ Шведа со стороны Финляндіи. Въ Мартѣ 1713 г. царь уже былъ въ Петербургѣ и началъ готовиться къ походу въ Финляндію: стягивать къ Петербургу войска и проч.

9.

Господинъ генералъ-маіоръ. Рязанскій пѣхотный полкъ, также и Воронежскій, который былъ въ Эльбингѣ, отправьте немедленно въ Питербурхъ; буде же оные полки по письмамъ сенатскимъ или фельдмаршала Шереметева отправлены на Украйну, то ихъ повороти и вели итти конечно въ Питербурхъ, чего для нарочно пошли къ нимъ штабнаго, добраго офицера и прикажи по дорогѣ къ Питербурху, для поспѣшенія въ маршу солдатамъ, собрать подводы, чтобъ они скорѣе поспѣли въ Питербурхъ, о чемъ командирамъ тѣхъ полковъ указъ при семъ посылается. Петръ. Изъ Берлина, 28 Февраля 1713 г.

10.

Господинъ генералъ-маіоръ. Когда наша невѣстка кронъ-принцесса въ Ригу пріѣдетъ, тогда Олонецкой драгунской полкъ изъ Курляндіи выведите въ Лифлянды, потомъ по

малу велите оному полку маршировать сюда, чтобъ оной полкъ могъ сюда поспѣть Мая къ 2 числу. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 17 Апрѣля 1713 г.

Кронъ-принцесса—это Софія Шарлота Бланкенбургская, супруга Алексѣя Петровича. Бракъ ихъ былъ совершенъ въ Торгау 14 Октября 1711 г.

Вскорѣ по полученіи этого рескрипта Полонскій умеръ. На его мѣсто назначенъ сенаторъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ (1660—1722) съ титуломъ Рижскаго губернатора, комендантомъ же былъ назначенъ генералъ-маіоръ фонъ Бушъ. Голицынъ прибылъ въ Ригу 11 Іюля 1713 г. Рескрипты съ № 11 до № 103 адресованы къ нему.

11.

Господинъ губернаторъ. Которые мастеровые люди присланы изъ Голландіи отъ князя Куракина и чрезъ Бранта къ Рижскому купцу Кордесу (ежели оные еще не отправлены) немедленно сюда отправьте, такожъ и прочихъ мастеровыхъ людей, которые отправлены изъ Помераніи отъ князя Меншикова, такожъ и изъ Гамбурга, а особливо которые дѣлаютъ суда именуемыя эверсы, и прочихъ такожъ немедленно сюда отправьте съ симъ нашимъ посланнымъ. Петръ. Изъ С. Петербурга, 28 Іюля 1713 г.

P. S. Письмо твое, писанное изъ Риги, до насъ дошло, въ которомъ пишите о инструкціи что́ вамъ не дано, которую мы нынѣ приказали вамъ дать господамъ высокимъ сенаторамъ.

Вина венгерскія, которыя привезены въ Ригу, отправьте сюда отъ Риги на подводахъ до Дерпта, а отъ Дерпта до Нарвы водою, не пропустя удобнаго времени, а именно съ половины Августа мѣсяца, противъ того какъ прежде и оберъ-коменданту Полонскому писано; того для заранѣе пишите въ Дерптъ къ коменданту Монастыреву и къ оберъ-коменданту Нарвскому Нарышкину, дабы они у Дерпта изготовили для тѣхъ винъ суда, на которыхъ тѣ вина довозить до Нарвы.

12.

Господинъ губернаторъ. Письмо твое, писанное изъ Риги (при самомъ отъѣздѣ изъ Петербурга сюда) до насъ дошло, въ которомъ пишете о указѣ, что́ вамъ тамъ будучи чинить, и на оное мы письменно указъ дали Сенату, дабы вамъ полную инструкцію немедленно послали. Такожъ зѣло

нужно, чтобъ вы подрядили въ Польшѣ дубовыхъ лѣсовъ корабля на три, а буде столько невозможно, то хотя на два (60-ти пушечныхъ), который бы лѣсъ нынѣшнею осенью вырубить, а зимою вывозить на берегъ и весною по полой водѣ ставить въ Ригу, къ чему свѣдущій человѣкъ есть у васъ въ Ригѣ тесть Олсуфьева Аристъ фонъ Далненстернъ, который на такія дѣла гораздо свѣдомъ и можетъ вамъ добрый совѣтъ дать. Такожъ пошли кого свѣдущаго человѣка на островъ Эзель осмотрѣть, что́ есть ли тамъ дубовые лѣса и ежели есть годные на корабельное строеніе, то вели ихъ описать и сею осенью въ Октябрѣ или Ноябрѣ мѣсяцахъ, сколько возможно, вырубить. Такожъ, ежели возможно, купите въ Ригѣ изъ торговыхъ два галіота, которые не стары были *и на парусахъ нарочиты и, освѣдомясь о Шведскихъ корабляхъ, пошлите ихъ въ Ревель, а оттоль въ Петербургъ, понеже сей осени они тамъ нужны для изготовленія на оныхъ мортировъ къ будущему лѣту.* Петръ. Изъ Гельсингфорса, 12 Августа 1713 г.

Подчеркнутое писано Петромъ собственноручно.

Финляндскій походъ начался 26 Апрѣля 1713 г. Галерный флотъ, въ авангардѣ котораго шелъ самъ Петръ, какъ контръ-адмиралъ, высадилъ въ началѣ Мая 16-ти тысячное войско у Гельсингфорса. Шведскій генералъ Армфельдъ, не ожидая приступа, очистилъ городъ и бѣжалъ въ Борго. Русскіе, овладѣвъ Гельсингфорсомъ безъ боя, направились къ Борго, а царь уѣхалъ въ Петербургъ, ввѣривъ предводительство войсками князю Мих. Мих. Голицыну. Въ Августѣ царь снова прибылъ къ войскамъ въ Финляндію.

13.

Господинъ губернаторъ. Человѣкъ двухъ или трехъ рыболововъ такихъ, которые умѣютъ ловить камбалы, вышлите въ С. Петербургъ нынѣшнею осенью. Петръ. 18 Августа 1713 г.

14.

Господинъ губернаторъ. Объявляемъ вамъ, что, по укрѣпленіи Гельсингфорса и его гавани, съ арміею путь свой воспріяли въ 17 день сего мѣсяца прямо къ Абоу, а непріятельская армія стояла тогда (подъ командою генераловъ-маіоровъ Армфельда и Фитингофа) при деревнѣ Зомерсъ на половинѣ дороги въ боку къ правой сторонѣ, и отъ взятыхъ языковъ подтверждалось, что намѣрены непріятели насъ

держать на рѣкѣ Салѣ; а когда приближались къ рѣкѣ Карисъ-ла-перо, то передовые наши наѣхали тутъ полковника Штернпканца съ 500 пѣшихъ и съ 250 конныхъ, который мостъ передъ собою сжегъ, а рѣка вся зѣло порожиста, гдѣ непріятель крѣпко насъ боронилъ, однакожъ наши зѣло храбро поступили: переметавъ бревна и огорѣлыя клѣтки, ползкомъ чрезъ мостъ подъ своимъ ружьемъ перешли и непріятеля сбили, гдѣ взяли оберъ-офицеровъ 6, капраловъ и рядовыхъ 58 (да убито болѣе 100 человѣкъ), которые такожъ вышеписанное подтвердили. Но когда потомъ къ вышеписанной рѣкѣ пришли, то непріятеля тамъ не нашли, и тако въ 28 день сего мѣсяца безъ всякаго супротивленія всѣ въ столичный Финскаго княжества городъ вошли, и съ помощію Божіею сіе княжество овладѣли, а непріятель, какъ нынѣ слышно, намѣренъ итти въ Остенъ-Ботенъ, которому послѣдовать такожъ будемъ. И съ сею новиною вамъ поздравляю. Петръ. Изъ Абоу, въ 30 день Августа 1713 г.

Русскіе настигли Шведовъ въ Октябрѣ и разбили ихъ при рѣкѣ Пелкени у Тамерсфорса. Къ концу 1713 г. вся Финляндія до Каяніи уже была въ рукахъ Русскихъ.

15.

Понеже Голландскій резидентъ Дебій, будучи въ С.-Петербургѣ, подалъ намъ меморіалъ, въ которомъ написалъ, что Голландскіе Штаты, получа извѣстіе о обидномъ состояніи подданныхъ своихъ купцовъ, которые имѣютъ торговлю чрезъ Балтійское море въ завоеванныхъ городахъ нашихъ, а именно въ Ригѣ, о нападкахъ и о насиліи отъ комендантовъ и офицеровъ, которые на приходящіе и отходящіе корабли тотчасъ ставятъ солдатъ и корабельщиковъ съ корабля берутъ, подъ притворомъ объявляя имъ, будто къ губернатору или къ коменданту отводятъ, межъ которымъ временемъ, въ отбытіи оныхъ шипоровъ съ кораблей, многіе непорядки чинятся и осмотръ нагрузки и свидѣтельство паспортовъ и наемныхъ писемъ, такожъ вѣдомости берутъ о цѣнѣ товаровъ, и по чемъ оные куплены, изъ чего не иное что происходитъ, токмо отъ подданныхъ ихъ неохота ко отправленію ихъ купечества въ наши города, и чтобы тѣ дѣла освидѣтельствовать и учинить по нихъ сатисфакцію. И по полученіи сего указу велите отыскать, кто имъ

такія обиды прежде въ Ригѣ чинилъ, и по сыску кто явятся виноватые, о томъ къ намъ пишите, и впредь не токмо какихъ обидъ имъ чинить, но и доброе имъ призрѣніе имѣть и ласку всякую казать, дабы вящѣе тѣмъ ихъ пріучать, нежели отгонять. Петръ. Мѣста и времени не означено. — Отмѣтка: подано 17 Сентября 1713 г.

16.

Господинъ губернаторъ. Понеже увѣдомились мы нынѣ изъ донесенія посла князя Куракина, что будто въ Ригѣ въ вывозѣ хлѣба въ Голландію купцамъ ихъ Голландскимъ чинится остановка, что́ отъ насъ никогда не было запрещено: того ради смотри ты на́-крѣпко сего, чтобъ имъ Голландскимъ купцамъ въ покупкѣ въ Ригѣ хлѣба и въ отпуску онаго, по прежнему обыкновенію съ платежемъ установленной пошлины, задержки не было. *Паки подтверждаю, чтобъ сего вы на́-крѣпко смотрѣли, ибо въ томъ собственный нашъ интересъ есть.* Петръ.

Чиселъ и мѣста нѣтъ. На рескриптѣ отмѣчено: подалъ капитанъ Мазовской 7 Октября 1713 г.

17.

Господинъ губернаторъ. При семъ посланное письмо къ князю Долгорукому въ Копенгагенъ отправьте изъ Риги какъ наискорѣе на первой почтѣ, ибо нужное есть. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 3 Ноября 1713 г.

Въ Даніи въ это время сильно безпокоились по поводу договора, заключеннаго $\frac{\text{25 Сентября}}{\text{6 Октября}}$ Меньшиковымъ съ Прусскимъ королемъ о секвестраціи Штетина, Рюгена, Штральзунда и Висмара. Объ этой секвестраціи, въ которую замѣшался и герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, шла дѣятельная переписка между Датскимъ и Русскимъ дворами.

18

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего указу объявите Смоленской губерніи всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ, которые имѣютъ юфтью и пенькою торгъ у города Архангельскаго, чтобъ помянутые товары къ будущей веснѣ для продажи ставили въ Петербургъ сухимъ путемъ и водою, кому какъ способно, а къ городу Архангельскому и въ Ригу помянутыхъ товаровъ конечно бы не возили, подъ потеряніемъ своихъ пожитковъ; а о хлѣбѣ и прочихъ всякихъ товарахъ, кромѣ юфти и пеньки, дается на волю кто

куда похочетъ изъ сихъ двухъ мѣстъ сюда или къ городу чтобъ безъ запрещенія возили; и для того сей нашъ указъ заранѣе всѣмъ объявить, и написавъ прибить по городамъ Смоленской губерніи вездѣ какъ у церквей, такъ и по градскимъ воротамъ, дабы всѣ вѣдали и невѣдѣніемъ никто бъ не отговаривался. Петръ. Данъ въ С.-Петербургѣ, Ноября въ 5 день 1713 г.

Смоленскъ еще въ Іюлѣ 1713 былъ приписанъ къ Рижской губерніи. См. указъ о томъ въ П. С. З., томъ V, № 2703.

19.

Господинъ губернаторъ. Понеже о состояніи Смоленской губерніи надобно вамъ взять къ себѣ всякое вѣдѣніе, а особливо сдѣлать такую вѣдомость, что̀ въ Смоленску и въ прочихъ городахъ Смоленской губерніи всѣмъ, какъ приказнымъ, такъ и прочихъ всякихъ чиновъ людямъ, дается въ годъ по окладу денежнаго и хлѣбнаго жалованья (кромѣ тѣхъ, которые посылаются въ положенный окладъ со Смоленской губерніи на армію), и сдѣлавъ такую вѣдомость, пришлите сюда къ намъ къ Генварю мѣсяцу Смоленской губерніи съ ландрихтеромъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 15 Ноября 1713 г.

20.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше я получилъ, въ которомъ вы пишите отвѣтъ зѣло тупо и нерадѣтельно о подрядѣ лѣсовъ на корабли. Я зѣло удивляюсь, что вы указъ (см. выше № 12) и такое нужное дѣло пренебрегаете, что̀ вамъ учинить не тяжело, ибо по вся годы множество клепки пригоняютъ въ Ригу. Но надобно послать въ тѣ мѣста и осмотря договориться со шляхтою, по чемъ какое дерево станетъ и о томъ немедленно писать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 15 день Ноября 1713 г.

21.

Господинъ губернаторъ. За прошлый 1712 г. доимку, также и на нынѣшній 1713 г. настоящіе доходы съ Рижскаго дистрикту и съ прочихъ земель, которые сбирали въ Ригу, которые въ бытность геймарата господина Левенвольда были не выбраны, нынѣ выберите вы, чтобъ оные въ доимкѣ не остались. Противъ посланной при семъ че-

лобитной Рижскаго генералъ-суперъинтендента Брининга жалованье за прошлые мѣсяцы, справя съ кого надлежитъ, велите ему выдать, также и впредь давать по тому, какъ мы, будучи въ Ригѣ, дачу ему опредѣлили отъ геймарата господина Левенвольда. *Такожъ не забывай о подрядѣ лѣсовъ на корабли, о чемъ уже многократно мы къ вамъ писали.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 28 день Ноября 1713 г.

Уполномоченный отъ Русскаго правительства тайный совѣтникъ баронъ Левенвольде вѣдалъ дѣла земства и рыцарства Лифляндскаго до 1713 г. Въ этомъ году, 14 Октября, состоялся указъ: быть Лифляндскому шляхетству подъ вѣдомствомъ Рижскаго губернатора, а Лифляндскому купечеству у оберъ-инспектора Исаева. Этимъ же указомъ назначено отпускать изъ Рижскихъ доходовъ губернатору Рижскому жалованья по 3000 руб. въ годъ. (См. П. С. З., томъ V, № 2723).

22.

Ежели изъ Гамбурга или изъ другихъ мѣстъ прибудутъ въ Ригу эверсовые мастеры или иные какіе, и тѣхъ, какъ наискорѣе, отправляйте сюда. Петръ. Мѣста и времени не означено.

23.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное Декабря отъ 8 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишете, что по Двинѣ-рѣкѣ и въ другія мѣста, гдѣ рубятъ клепку, осмотрѣть и подрядить ты послалъ, и то изрядно, что посланные отъ васъ осмотрятъ; только подряжать до указу не вели, а между тѣмъ вели хорошенько освѣдомиться, въ которыхъ мѣстахъ клепка есть и будутъ-ли подрядчики и по чемъ станутъ просить, и какъ о томъ подлинную вѣдомость получишь, тогда къ намъ отпиши. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 день Декабря 1713 г.

24.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего письма вышли сюда изъ Риги Нѣмецкіе литеры съ наборщикомъ, который можетъ набрать, а станка и прочихъ инструментовъ, которые къ друку принадлежатъ, не присылайте, ибо всѣ они здѣсь есть. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 Декабря 1713 г.

P. S. При семъ посланныя письма къ господамъ генераламъ Репнину и Долгорукому велите послать съ нарочнымъ.

Въ это время царь отправилъ въ Копенгагенъ генералъ-адъютанта Ягужинскаго какъ въ помощь послу Долгорукому, такъ и для того, чтобы успокоить Датчанъ и побудить ихъ войти въ 1714 г. въ Шонію.

Репнинъ (князь Аникита Ивановичъ, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и Лифляндскій генералъ-губернаторъ) находился въ отрядѣ Меньшикова въ Помераніи.

25.

Господинъ губернаторъ. Предъ симъ писали мы къ вамъ, дабы выслать вамъ сюда изъ Риги Нѣмецкія литеры и прочее что къ нимъ принадлежитъ (кромѣ станка друкарнаго, ибо станки здѣсь есть), такожъ одного друкарея, который бы зналъ Шведскій языкъ (и ежели еще не выслали, то вышлите съ симъ посланнымъ, какъ наискорѣе), буде же нѣтъ такого, чтобы зналъ по шведски, то пришлите какой есть Нѣмецкаго языка. Петръ. Изъ С.-Петербурга въ 11 день Генваря 1714 г.

26.

Господинъ губернаторъ. Получили мы вѣдомость, что Саксонскихъ войскъ въ Курляндію пришли два полка, да и еще туды идутъ, отъ которыхъ сосѣдей имѣйте добрую осторожность, дабы вамъ незапно чего не учинили. Петръ Генваря 1714 г.

Къ указу сему нѣсколько строкъ приписано собственноручно царемъ, но что̀ именно — мною не разобрано, какъ не разобраны и слѣдующіе за нимъ два указа: отъ 29 Января и 16 Февраля 1714 г. Многочисленныя сокращенія, титла, очевидная спѣшность письма до крайности затрудняютъ чтеніе. Предпочитаю совсѣмъ опустить сказанные два указа, чѣмъ допустить невѣрность текста ихъ.

Саксонскія войска вступили въ Курляндію въ концѣ 1713 года и тотчасъ же наложили на эту страну значительно большую контрибуцію. Они стояли въ Курляндіи до тѣхъ поръ, пока царь не указалъ вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ имѣть постоянное пребываніе въ Митавѣ, т. е. до 1716 года.

Извѣстно, что всѣ старанія Петра побудить своихъ союзниковъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи въ 1714 г. были безуспѣшны. Ему приходилось вести войну одному. Не надѣясь на союзниковъ, государь обратилъ все свое вниманіе на окончательное покореніе Финляндіи и на усиленіе своего флота.

27.

Господинъ губернаторъ. По посланному къ вамъ указу отъ господъ сенаторей о приготовленіи въ Ригѣ муки и крупъ, сколько возможно старайтесь, и для того заранѣе изъ

наличнаго провіанту, который нынѣ есть въ Рижскомъ гварнизонѣ, изготовьте къ половинѣ Мая мѣсяца сухарей сколько возможно, а послѣ то число, что́ на сухари изойдетъ, замѣнить въ гварнизонъ изъ того провіанту, который изъ Смоленска полою водою привезутъ. Такожъ необходимая есть нужда, дабы къ тому времени подрядами поставить въ Ригѣ 96 тысячь ведръ пива такого, какое дается матросамъ на корабляхъ, и чтобъ оное было горько, дабы скоро не окисло, и вели варить съ такимъ уговоромъ: сколько того пива принято будетъ, за то и деньги будутъ заплочены. *Сіе конечно учините, необходимая нужда торопиться.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 25 день Февраля 1714 года.

28.

Господинъ губернаторъ. Вчерашняго числа получили мы изъ Финляндіи отъ господина генералъ-лейтенанта князя Голицына вѣдомость, что когда оный увѣдомился (о непріятелѣ, что оный стоялъ у Вазы), то собрався съ нѣкоторою частію людей, а именно въ 8 тысячахъ человѣкъ, на онаго пошелъ и 19 Февраля у деревни Лапола увидѣли онаго въ ордеръ-баталіи стоящаго; когда приближились наши, то оной зѣло десператно нашихъ атаковалъ, а именно давъ залпъ изъ всѣхъ четырехъ шеренгъ вдругъ, и потомъ съ багинетами пошли. Наши, видя то ихъ намѣреніе, принуждены тожъ чинить; но нашимъ то гораздо успѣло, что по вытерпѣніи непріятельскаго огня свой задали, и потомъ кололись; однакожъ съ помощіею Божіею наши люди викторію одержали, такъ счастливо развѣ немногіе ушли, а прочіе всѣ на мѣстѣ остались и въ полонъ взяты, о чемъ пространнѣе объявлено въ печатной реляціи, и съ сими зѣло изрядными вѣдомостями вамъ поздравляемъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга въ 3 день Марта 1714 г.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженія Армфельда у деревни Лаппо было покореніе всей Финляндіи, завершившееся взятіемъ крѣпости Нейшлота. Побѣдою при Лаппо Русскіе обязаны нерѣшимости Шведскаго генерала де-ла-Барра, неумѣвшаго во время подкрѣпить Армфельда своею кавалерією.

29.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное изъ Риги Марта отъ 6 дня, до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ:

провіантъ также и сухари по первому указу приготовляйте, а пива готовить не велите. Библіотеку Курляндскую, которая есть въ Ригѣ, пришлите сюда къ намъ съ посланнымъ отъ доктора Арескина *не мѣшкавъ*. Петръ. Изъ С.-Петербурга въ 11 день Марта 1714 г.

Библіотека Курляндская взята царемъ въ Митавѣ. Она состояла изъ 2500 книгъ и, по всей вѣроятности, принадлежала покойному герцогу. Нынѣ эта библіотека находится въ Императорской Академіи Наукъ.

30.

Господинъ губернаторъ. Каковъ указъ вновь о раздѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ вещей послѣ отцовъ дѣтямъ состоялся, оной посылаю при семъ (который надрукованъ, дабы вездѣ разослать и у церквей прибить), по чему вы должны чинить, а наипаче въ великомъ осмотрѣніи имѣть 16-й пунктъ: для того ибо обычай есть проклятымъ ябедникомъ всѣ указы своими вымыслы портить. Того для, буде какія дѣла явятся о недвижимомъ, раздѣломъ, куплею или инако какимъ бы ни есть образомъ оное ни было, а по сему указу оныхъ рѣшить невозможно будетъ, о томъ писать (какъ указъ гласитъ), хотя бъ и сущая правда была; также смотрѣть, дабы задними числы не дѣлали, что́ все на васъ взыскано будетъ по 16 артикулу. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 24 день Марта 1714 г.

31.

Господинъ губернаторъ. Увѣдомлены мы, что не токмо на нынѣшній 1714, но и на прошедшій 1713 годы не прислано въ адмиралтейство по положенному окладу на вашу губернію многаго числа денегъ; того ради, по полученіи сего указу, какъ найскорѣе въ высылкѣ тѣхъ денегъ исправляйтесь. А ежели вы оною высылкою денегъ скоро не исправитесь и учинится отъ того въ покупкѣ на флотъ матеріаловъ, также и въ дачѣ жалованія морскимъ служителемъ какая остановка, и въ томъ принуждены вы будете жестокой отвѣтъ дать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 23 день Апрѣля 1714 г.

32.

Господинъ губернаторъ. Доноситель сего письма, Питершанскаго полку подпоручикъ Иванъ Бентинъ билъ челомъ

намъ дать ему чинъ капитанской въ томъ же полку, и ежели есть ваканція, то напишите его капитаномъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Апрѣля въ 27 день 1714 г.

33.

Господинъ губернаторъ. Ежели корабль Перло отъ Риги къ Ревелю не пошелъ, то вы онаго не отпускайте до указу, пока мы о томъ впредь отпишемъ, ибо вчерашняго дня получили мы вѣдомость, что около Ревеля есть непріятельскіе корабли; того для опасно, чтобъ онаго не взяли, также и офицеровъ морскихъ, которые пріѣхали въ Ригу, конечно отправьте ихъ въ Ревель сухимъ путемъ, а не моремъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Мая въ 13 день 1714 г.

34.

Господинъ губернаторъ. Когда пріѣдетъ въ Ригу гротирнаго и фонтаннаго дѣла мастеръ Георгъ Матернови, который принятъ въ службу нашу, то онаго немедленно сюда отправьте, и велите въ небытіи нашемъ явиться генералъ-фельдцехмейстеру Брюсу.

Такожъ когда вамъ объявитъ Рижскій житель Іоганнъ Голландеръ (1) присланные изъ Гамбурга два сундука съ рамами отъ картинъ, то оные пришлите сюда.—Петръ. Изъ С.-Петербурга, 7-го Мая 1714 года.

35.

Господинъ губернаторъ. Послали мы въ Ригу подпоручика Гаврила Меншикова для осмотру гукара, который пришелъ изъ Голландіи (на которомъ пріѣхали морскіе служители), и ежели оной, по осмотру его, годенъ будетъ, то велите оный сторговать и купить; только смотрите того, чтобъ въ цѣнѣ передачи не было; *буде же гораздо дорого, то отпишите.* — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, Мая въ 14-й день 1714 года.

36.

Господинъ губернаторъ. Доносилъ намъ присланный отъ васъ изъ Риги друкарь Янъ Клеммеръ, что въ домкирхѣ (2)

---

(1) Дѣдъ Адама Васильевича Олсуфьева?

(2) Въ Соборной церкви.

схоронена въ гевельбѣ ([3]) королевская библіотека и друкарня; чего для того друкаря нынѣ послали къ вамъ съ подпоручикомъ Гавриломъ Меншиковымъ, и какъ они пріѣдутъ, тогда помянутаго друкаря взявъ съ собою, сходи въ тою кирху самъ и гдѣ онъ укажетъ мѣсто, гдѣ оная библіотека и друкарня схоронены, то велите разломать и, вынявъ что̀ чего явится, велите описать и тое опись прислать къ намъ, и какъ оное обыщете, то разыщите для чего о томъ прежде не объявили тѣ, которые о томъ вѣдали, и о томъ къ намъ пишите-жъ.—Петръ. Съ корабля св. Екатерины, Мая въ 14-й день 1714 г.

Неизвѣстно, о какой библіотекѣ и друкарнѣ доносилъ Клеммеръ и что̀ по розыскѣ оказалось. Можетъ быть, Клеммеръ разумѣлъ *городскую* библіотеку, но она помѣщалась и въ то время, какъ и нынѣ, не въ гевельбѣ (погребѣ), а въ смежномъ съ Домкиркою домѣ, въ которомъ нѣкогда жили члены архіепископскаго капитула. Рижская городская библіотека учреждена, по распоряженію магистрата, въ 1553 году, слѣд. принадлежитъ къ древнѣйшимъ общественнымъ библіотекамъ въ Европѣ. Къ первоначальному основанію ея послужили книги изъ упраздненныхъ католическихъ монастырей въ Ригѣ. Въ настоящее время городская библіотека содержится частію изъ городскихъ средствъ, частію изъ небольшаго капитала, пожертвованнаго литераторомъ Беренсомъ. Книги выдаются для чтенія всякому желающему безплатно. Въ библіотекѣ имѣется книгъ до 50000 томовъ.

37.

Господинъ губернаторъ. Воевода Троцкой господинъ Огинской отсель отправленъ, и когда пріѣдетъ въ Ригу, тогда велите ему отвесть квартиру, ибо онъ будетъ тамъ нѣкоторое время жить, и пока будетъ тутъ жить и чего будетъ отъ васъ требовать, то чините по возможности въ его нуждахъ всякое вспоможеніе.—Такожъ просилъ онъ насъ, чтобы ему дать шлюпку, того для дайте ему одну шлюпку изъ тамошнихъ, а именно ту, которая была у бывшаго оберъ-коменданта Полонскаго, и какъ онъ отъѣдетъ въ свое отечество, то надобно вамъ имѣть съ нимъ корреспонденцію.—Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 20-й день Мая 1714 года.

Огинскій пріѣзжалъ въ Петербургъ подъ видомъ своихъ частныхъ дѣлъ, въ сущности же пріѣзжалъ просить царя сдѣлать предложеніе королю Августу о выводѣ Саксонскихъ войскъ изъ Польши. — Польша и Литва, во

([3]) Въ подвалѣ.

время Сѣверной войны, подверглись сильному разоренію. Шведы опустошили лучшія Польскія области. Саксонцы обременяли жителей большими контрибуціями. И, какъ мы теперь видимъ, писалъ въ 1714 г. царю князь Вас. Влад. Долгорукій, «житье польское — несносно имъ, не могутъ выдержать; такъ стали убоги, что повѣрить нельзя».—Тѣмъ не менѣе Саксонскія войска были выведены изъ Польши только въ 1715 г., когда Поляки взялись за оружіе, начали битвы съ Саксонцами и обнаружили иное намѣреніе пристать, какъ выразился Русскій резидентъ въ Варшавѣ Дашковъ, не только къ Шведу, но и къ самому дьяволу, если Саксонцы не оставятъ Польши и Литвы.

38.

Господинъ губернаторъ. — Писалъ ты къ намъ, что морскихъ служителей, которые отправлены отсель отъ капитана-поручика Синявина изъ Риги въ ихъ отечество на чемъ отправить, и понеже инаго способу въ томъ лучше сыскать невозможно, то оныхъ отправляйте на отходящихъ отъ Риги чужестранныхъ торговыхъ корабляхъ человѣкъ по 20 или 30 на корабль, давъ имъ на дорогу провіанту по ихъ трактатамъ, противъ того какъ помянутой Синявинъ къ вамъ писалъ. — Также по морскихъ служителей, которые задержаны за подводами въ Либавѣ, пошлите, дабы ихъ какъ наискорѣе въ Ригу привесть, и ежели добровольно Курляндскіе обыватели подводъ подъ нихъ не дадутъ, то, для собранія подъ тѣхъ подводъ, пошлите туда капитана съ ротою драгунъ и велите подводы добрымъ порядкомъ собрать какъ наискорѣе, на которыхъ имъ до Риги доѣхать, *изъ Риги сюда.—Сіе какъ наискорѣе учините, ибо зѣло нужны оные намъ.* — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, стоящаго у Ревеля, Іюня въ 14-й день 1714 г.

P. S. Деревья померанцовыя и прочія (которыя взяты изъ Курляндіи) отправьте въ Ревель моремъ, усмотря случай, когда отъ непріятеля опасности не будетъ; а ежели за опасностію отъ непріятеля моремъ послать будетъ невозможно, то отправьте ихъ сухимъ путемъ до Дерпта (въ удобное время, когда дѣловая пора минуетъ или крестьянамъ досугъ будетъ), а отъ Дерпта до Нарвы водою.

Въ этомъ году Петръ, въ бытность свою въ Ревелѣ, основалъ ревельскій военный портъ и приказалъ исправить ревельскую гавань, существовавшую еще въ XVI столѣтіи, когда Ревель поступилъ въ число Ганзейскихъ городовъ.

39.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего вели немедленно Ильѣ Исаеву купить бочекъ десятокъ сала говяжья и прислать сюда на розставныхъ или на почтовыхъ подводахъ, какъ наискорѣе. — Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 23-й день Іюня 1714 г.

40.

Господинъ губернаторъ. Отправлены отсель съ корабля Ла-Ферма Англійской морской капитанъ Порнесъ, а съ нимъ морскихъ служителей и матросовъ 221 человѣкъ. И когда оные прибудутъ въ Ригу, то отправляйте ихъ въ ихъ отечество такимъ же образомъ, какъ и первыхъ, кои отсель прежде отправлены, на отходящихъ изъ Риги портовыхъ корабляхъ; а до тѣхъ мѣстъ, пока они будутъ жить въ Ригѣ, велите имъ давать провіантъ какъ матросамъ, такъ и офицерамъ равную порцію, также и на проѣздъ дайте имъ провіанту на 6 недѣль. Петръ. Съ корабля св. Екатерины, Іюня въ 23 день 1714 г., отъ Ревеля.

41.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное изъ Риги Іюня отъ 20-го дня, до насъ дошло, въ которомъ пишете, что нѣкоторые Англійскіе матросы, прибывшіе отселѣ въ Ригу, желаютъ въ нашу службу, и оныхъ принимайте, для чего мы нарочно къ вамъ послали морскаго флота офицера Калмыкова, который будетъ ихъ выбирать; а по чему имъ обѣщать жалованья, тому съ помянутымъ Калмыковымъ послана къ вамъ вѣдомость, и въ договорахъ именно велите писать на сколько лѣтъ кто пойдетъ въ службу и по чемъ имъ жалованья платить и, договорясь, съ онымъ отправляйте ихъ сюда.—Такожъ пишете, что прежде сего у штабъ и оберъ-офицеровъ Рижскаго гварнизону солдаты косили сѣно наймомъ, и ежели кромѣ солдатъ нанять имъ будетъ некого, то велите солдатамъ на нихъ косить по найму, только смотрите того, чтобы волею нанимались, а не въ неволю ихъ офицеры заставливали.—Петръ. Съ корабля св. Екатерины, стоящаго при Ревелѣ, Іюня въ 26-й день 1714 г.

P. S. Которые матросы или унтеръ-офицеры приняты будутъ въ нашу службу и безденежно сюда ѣхать не похотятъ, то дайте имъ хотя по небольшому денегъ, и о томъ къ намъ пишите, которыя мы велимъ вамъ заплатить.

42.

Господинъ губернаторъ. Обрѣтающимся при Ригѣ изъ полевой арміи двумъ полкамъ драгунскимъ и другимъ двумъ пѣхотнымъ (которые были у васъ) велите нынѣ быть въ диспозиціи господина генерала князя Репнина, такожъ когда онъ будетъ у васъ просить пороху и свинцу, то велите ему отпускать; и понеже пороху довольно есть въ Смоленскѣ, того для велите оттоль въ Ригу привесть сколько вамъ потребно, дабы впредь для всякаго случая въ Ригѣ пороху было довольно. Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 2 день Іюля 1714 г.

43.

Господинъ губернаторъ. Письмо твое, писанное Іюня отъ 29 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что резидентъ Платеръ объявилъ, дабы воеводѣ Троцкому Огинскому (пока онъ будетъ въ Ригѣ жить) былъ ежедневный столъ на 12 персонъ, также и людямъ его давать ежедневную порцію и на лошадей раціоны. И понеже такъ зѣло убыточно, того для, когда онъ, воевода Троцкой, въ Ригу прибудетъ, то отпущайте ему оптомъ на недѣлю (или на мѣсяцъ) съ людьми его вообще по нѣскольку скотины и для его собственнаго стола по нѣскольку птицъ, также красное и бѣлое вино и пиво отпускать къ нему жъ бочками вдругъ, усматривая, дабы безубыточно было, а не поить запросомъ, а въ раціонахъ отказать, для того что нынѣ кормъ лошадямъ есть на полѣ, токмо развѣ для стоялыхъ лошадей дать ему нѣсколько четвертей овса. Что же пишите о Англійскихъ офицерахъ и матросахъ, что оные вамъ докучаютъ, дабы ихъ отпустить на двухъ нарочно нанятыхъ галіотахъ, за которые съ насъ просятъ немалое число денегъ, и въ томъ имъ съ ласкою отказать и не все по ихъ прихотямъ дѣлайте, но усматривая какъ лучше и безубыточнѣе, на таковыхъ судахъ съ небольшимъ наймомъ ихъ отправляйте. Петръ. Съ корабля св. Екатерины, въ 4 день Іюля 1714 г.

44.

Господинъ губернаторъ. Объявляемъ вамъ, коимъ образомъ Всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ; ибо, по много дарованнымъ побѣдамъ на земли, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ, ибо сего мѣсяца въ 27 день Шведскаго шаутбенахта Нильсона Эреншильда съ однимъ фрегатомъ и 6 галерами и 2 шлюпботами, по многомъ и зѣло жестокомъ огню, у Гангута близь урочища Риликсъ-Фигль взяли. Правда, какъ у насъ въ сію войну, такъ и у алиртовъ (1) съ Франціею, много не только генераловъ, но и фельдмаршаловъ брано, а флагмана ни единаго. И тако сею, мню, николи у насъ бывшею викторіею вамъ поздравляемъ; о прочемъ пространнѣе увѣдомитесь изъ реляціи, какова послана къ князю Репнину. Петръ. Изъ флота отъ Гангута, Іюля въ 29 день 1714 г.

Побѣда при Гангутѣ одержана Петромъ лично, и недаромъ онъ всегда гордился ею. За сраженіемъ при Гангутѣ слѣдовало покореніе Аланда и рѣшительный перевѣсъ Русскихъ морскихъ силъ предъ Шведскими на Балтійскомъ морѣ. За побѣду при Гангутѣ Петръ былъ провозглашенъ въ Сенатѣ вице-адмираломъ.

45.

Господинъ губернаторъ. Письмо твое, писанное изъ Риги Іюля отъ 28 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что на дачу жалованья Рижскаго гварнизона офицерамъ и солдатамъ и на прочіе расходы прислать къ вамъ за ефимки мелкихъ денегъ; того для послали мы нынѣ указъ въ Ревель къ оберъ-коменданту, чтобъ онъ отпустилъ къ вамъ изъ Ревеля мелкихъ денегъ до 20 тысячъ рублевъ, которые велите Ильѣ Исаеву принимать и вмѣсто ихъ присылать къ намъ въ Петербургъ ефимки. Петръ. Изъ Гельсингфорса, съ корабля св. Екатерины, Августа въ 24 день 1714 г.

46.

Указъ Рижскому губернатору господину князю Голицыну.

Понеже здѣсь каменное строеніе зѣло медленно строится, оттого что каменьщиковъ и прочихъ художниковъ того дѣла достать трудно и за довольную цѣну, того ради запрещается во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ (пока

(1) Союзниковъ.

здѣсь удовольствуется строеніе) всякое каменное строеніе какого бы имяни ни было, подъ разореньемъ всего имѣнія и ссылкою, и для того сей указъ объяви во всѣхъ городахъ и уѣздахъ своей губерніи, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, и какъ всѣмъ объявленъ будетъ, о томъ къ намъ пишите. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день Сентября 1714 г.

47.

Господинъ губернаторъ. Отправили мы отсель капитана Колюбакина съ тремя бригантинами въ Эльбингъ для взятія оттоль завоеванной артиллеріи и амуниціи, которую мы взяли у Шведовъ, а прежде велѣли ему заѣхать въ Ригу, и какъ онъ въ Ригу пріѣдетъ, то дайте ему лоцмановъ двухъ человѣкъ, которые прежде сего до Мемля моремъ хаживали, или изъ рыбаковъ, кои бывали тамъ, и отправить его въ назначенное мѣсто немедленно; и понеже помянутую артиллерію и амуницію, которая нынѣ привезена будетъ къ Мемлю, надобно отправлять оттоль по зимнему пути къ Ригѣ сухимъ путемъ, и когда оной капитанъ къ вамъ изъ Мемля пріѣдетъ и какъ настанетъ зимній путь, то объявите Курляндскимъ обывателямъ, чтобы они немедленно изготовили подъ помянутую артиллерію подводы, а для лучшаго исправленія и конвоя пошлите отъ себя въ Курляндію нѣсколько ротъ драгунъ по своему разсужденію, и велите оную артиллерію и амуницію къ Ригѣ перевозить. Петръ. Изъ С.-Петербурга, во 2 день Октября 1714 г.

48.

Господинъ губернаторъ. Писалъ сюда изъ Голландіи князь Куракинъ, что высланный отъ него по указу нашему пилотажнаго дѣла мастеръ, по пріѣздѣ своемъ въ Ригу, живетъ больше двухъ мѣсяцевъ, а вы его по сіе время не отправили, и ежели оной мастеръ еще изъ Риги сюда не поѣхалъ, то отправьте его сюда немедленно и отпишите къ намъ, для чего онъ такъ долгое время былъ не отправленъ. Также ежели впредь отъ него князя Куракина мастеровые или иные какіе люди, нанятые въ нашу службу, въ Ригу пріѣдутъ, то отправляйте сюда безъ замедленія, о чемъ мы и прежде сего къ вамъ писали, *ибо въ задерживаніи оныхъ*

кредитъ теряютъ, такъ что многіе, на то смотря, неохотно ѣдутъ, и для того гораздо опасись. Петръ. Изъ С.-Петербурга, 17 дня Октября 1714 г.

49.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, отъ 17 дня Октября писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишете, ото около Рижскаго порта непрестанно являются три капера Шведскихъ. Того для освѣдомитеся объ нихъ, откуда они являются и не пристаютъ ли у Эзеля или у Дагеръ-орта и сколь велики видаютъ ихъ купецкіе корабли. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 1 день Ноября 1714 г.

P. S. Также зѣло мы удивляемся, что не можете освѣдомиться о томъ суднѣ, что́ отъ Перпова пошло: въ морѣ ли пропало, или непріятель взялъ.

50.

Господинъ губернаторъ. Повелѣно вамъ дивизіи генерала князя Репнина полки поставить на винтеръ-квартиры въ Ригѣ, въ Перновѣ и въ уѣздахъ оныхъ городовъ, о чемъ уже вы и отвѣтствовали въ Сенатъ письмомъ своимъ, что оное исполните; но понеже нынѣ объявлялъ помянутый князь Репнинъ, что онымъ полкамъ квартиръ еще вы не опредѣлили, отчего солдаты не малую нужду терпятъ въ нынѣшнее осеннее время, того для мы подтверждаемъ вамъ, дабы о расположеніи оныхъ квартиръ, такожъ и о провіантѣ и о фуражѣ помянутымъ полкамъ, конечно вы учинили по посланнымъ къ вамъ указамъ изъ Сенату немедленно, *понеже на васъ то взыскано будетъ.* Петръ. Изъ С. Петербурга, въ 5 день Ноября 1714 г.

51.

Господинъ губернаторъ. Морскаго флота капитинъ Англичанинъ Янъ Нарбурій, которой нанятъ въ нашу службу, нынѣ живетъ въ Кенигсбергѣ для того, что не имѣетъ денегъ чѣмъ ему до Риги доѣхать, того для отправьте къ нему (или переведите чрезъ вексель) столько денегъ, чѣмъ ему мочно до Риги доѣхать, а какъ пріѣдетъ въ Ригу, то отправьте его сюда. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 5 день Ноября 1714 г.

Англичанинъ капитанъ Янъ Нарбурій въ Кенигсбергѣ живетъ на дворѣ торговаго человѣка Рина.

52.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное Октября отъ 8 дня, съ пунктами гетмана Потѣя до насъ дошло, на которое не имѣемъ что отвѣтствовать, понеже нынѣ посылаемъ отъ себя къ нему Потѣю капитана отъ гвардіи Горохова, съ которымъ обо всемъ пространно приказано. Того для о семъ объяви присланному ротмистру отъ гетмана Потѣя и его отпусти. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 10 день Ноября 1714 г.

Дѣло шло о выводѣ Саксонскихъ войскъ изъ Польши и Литвы. Гетманъ Потѣй выдалъ универсалы противъ войскъ королевскихъ и просилъ покровительства царя. Августъ II собрался было въ походъ противъ Потѣя, но послушался убѣжденій Долгорукаго и въ походъ не ходилъ. Потѣю дано было знать, что царь не желаетъ возстанія. Литва успокоилась на время. Возстаніе противъ Саксонскихъ войскъ и короля началось въ Польшѣ въ 1715 г.

53.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше Ноября отъ 22 дня до насъ дошло, въ которомъ пишете, что посла Французскаго, ѣдущаго къ намъ, пропускать-ли, на что отвѣтствуемъ, не только что онаго пропустить, но принять и отправить его сюда съ честію надлежитъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Декабря въ 5 день, 1714 г.

54.

Господинъ губернаторъ. Перновскаго коменданта полковника Панина отпусти къ господину генералу князю Репнину для службы въ полевую армію,—а на мѣсто его въ Перновъ примите въ коменданты бригадира Болобанова и который полкъ вѣдалъ полковникъ Панинъ, велите вѣдать ему Болобанову. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Декабря въ 12 день 1714 г.

55.

Господинъ губернаторъ. Писалъ къ намъ господинъ генералъ князь Репнинъ, что солдатамъ противу указа недодано провіанту въ Россійскую мѣру на мѣсяцъ человѣку муки по 11 фунтовъ съ того времени, какъ они поставлены въ Лифляндахъ на квартиры, по Февраль мѣсяцъ; того для оной провіантъ велите имъ додать противъ гварнизонныхъ солдатъ.

Такожъ которые офицеры и солдаты корпуса его имѣютъ квартиры въ городѣ, и тѣмъ велите давать дрова. Онъ же пишетъ, что квартиры въ городѣ отведены солдатамъ его зѣло тѣсны и поставлены на дворѣхъ у ремесленниковъ однихъ; того для велите ихъ ставить у всѣхъ мѣщанъ кромѣ бургомистровыхъ, ратсгеровыхъ и шляхетскихъ дворовъ и пока онъ, генералъ князь Репнинъ, въ Ригѣ будетъ жить, то пароль и лозунгъ гваринзоннымъ полкамъ велите принимать отъ него; такожъ коликое число будетъ онъ на полки свои требовать отъ васъ пикъ, и оныя велите ему изъ цейхгауза выдать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 4 день Марта 1715 г.

56.

Господинъ губернаторъ. Понеже вы паче другихъ извѣстны, что въ Ригѣ попы зѣло плохи, отъ чего немалой есть стыдъ отъ тамошнихъ жителей, того для сыщите въ Смоленскѣ добрыхъ и искусныхъ поповъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ, сколько потребно, и вышлите ихъ въ Ригу при себѣ, а которые въ Ригѣ непотребные, тѣхъ отпусти. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 7 день Апрѣля 1715 г.

Въ 1710 г. Русскіе не застали въ Ригѣ ни одной православной церкви. По повелѣнію Петра, въ этомъ году деревянная лютеранская церковь въ цитадели обращена въ православную и освящена во имя апостоловъ Петра и Павла. Церковь эта существовала до 1776 г. Въ слѣдъ за симъ обращена въ православную церковь рыцарей въ замкѣ,—та самая, въ которой 5 Іюля 1710 г. оберъ-пасторъ Либоріусъ Депкинъ говорилъ рѣчь на текстъ: «всякъ властемъ предержащимъ да повинуется», по окончаніи коей рыцарство и духовенство присягнули Петру. Церковь эта освящена во имя успенія Пресвятыя Богородицы, и предназначалась для генералъ-губернаторовъ. Послѣ къ приходу ея причислены были городскіе крѣпостные артиллерійсты (см. № 108).

Около этого же времени Петръ повелѣлъ возобновить въ городѣ разрушенную во время бомбардированія Риги въ 1710 г. католическую церковь Маріи Магдалины и освятить оную во имя Алексѣя человѣка Божія.

Въ 1715 г. заложена Благовѣщенская (Николаевская) церковь для православныхъ жителей Московскаго форштата.

Эти четыре церкви существовали во все время царствованія Петра. Замковая и Алексѣевская церкви существуютъ и по настоящее время, но на мѣстѣ деревянной церкви въ цитадели въ 1776 г. заложена каменная, а Благовѣщенская церковь перенесена на нынѣшнее мѣсто въ 1770 г., сгорѣла въ 1812 и отстроена вновь въ 1818 г.

Прочіе 9 церквей (нынѣ въ Ригѣ православныхъ церквей 13) основаны уже въ позднѣйшія времена.

По содержанію сего указа были назначены въ цитадельскую гарнизонную церковь изъ Смоленска причетники Ленючевскій и Зборомирскій.

57.

Господинъ губернаторъ. Посланъ въ Ригу изъ недорослей Константинъ Баклановскій, котораго отдайте въ школу для науки нѣмецкаго и французскаго языковъ, такожъ чтобъ учился и геометріи, а за ученье мастерамъ также и ему на пищу велите давать по разсмотрѣнію. Петръ. Изъ С. Петербурга, въ 25 день Мая 1715 г.

Надобно полагать, что этотъ Баклоновскій былъ изъ числа тѣхъ 1006 человѣкъ недорослей и дворянъ, которые были представлены царю на смотръ въ слѣдствіе указа 1714 г.

У Голикова есть еще извѣстіе, что при началѣ дѣла Алексѣя Петровича камеръ-пажъ Баклановскій, находясь въ кабинетѣ царя, подсмотрѣлъ указъ о взятіи подъ стражу Кикина и Вяземскаго, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, чтобы послать объ этомъ Кикину извѣстіе. Извѣстіе и было послано, но царскій гонецъ обогналъ посланнаго Баклановскимъ гонца. Поспѣшный же выходъ Баклановскаго показался царю подозрительнымъ; начались розыски, и обнаружилось, что Кикинъ обѣщалъ Баклановскому 20 тысячъ рублей, если онъ дастъ знать ему заблаговременно объ опасности. Баклановскій былъ высѣченъ.

58.

Господинъ губернаторъ. Просили насъ господа Статы Голландскіе чрезъ особливую грамоту свою, что понеже купцы ихъ Голландскіе нынѣ на корабляхъ своихъ много посылаютъ соли въ Ригу и Ревель, которую тамъ по обыкновенію съ тѣхъ кораблей мѣщаномъ въ краткое время, которое воинскіе корабли ихъ у Риги стоять имѣютъ, никоимъ образомъ столь великаго числа продать не могутъ. Того ради, дабы мы въ разсужденіи толь великаго иждивенія въ вооруженіи ихъ Голландскихъ воинскихъ кораблей, которые для защиты купечества въ Балтическое море отъ нихъ отправляются, такожъ и ради умноженія впредь въ пристаняхъ нашихъ торговли, позволили токмо на сей годъ, а въ другіе не въ примѣръ, чтобъ они ту соль въ Ригѣ и Ревелѣ въ амбары склась могли, и потомъ изъ оныхъ мѣщаномъ продавать, и когда Голландскіе корабли сего лѣта въ Ригу съ солью придутъ и тамошнимъ мѣщаномъ въ такое краткое время продавать не мочно будетъ,

то вы дайте позволеніе Голландцамъ ту соль, ради вышеозначенныхъ причинъ, въ амбары скласть и тамошнимъ мѣщаномъ изъ оныхъ продавать токмо въ сей годъ, а впредь имъ до нашего указу того отнюдь не дозволять. Петръ. Съ Котлина острова, Іюня въ 4 день 1715 г.

Указъ Рижскому губернатору господину князю Голицыну.

59.

О какихъ дѣлахъ будетъ вамъ предлагать указомъ нашимъ отъ гвардіи нашей маіоръ Ушаковъ, то коего предложенія исправляйте неотложно. Петръ. Съ Котлина острова, Іюня въ 4 день 1715 г.

60.

Господинъ губернаторъ. Понеже предлагаетъ намъ здѣсь Рижскій житель Голландецъ Янъ Пальмъ о строеніи кораблей въ Ригѣ, и для осмотру на корабельное строеніе лѣсовъ посылаемъ съ нимъ нынѣ корабельнаго мастера Юрью Рамза да курьера нашего Танѣева, и когда они къ вамъ пріѣдутъ, то дайте имъ для конвою до тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ надобно осматривать корабельные лѣса, солдатовъ сколько пристойно; такожъ и въ прочемъ, чего они будутъ у васъ требовать, чините имъ всякое вспоможеніе, дабы ни въ чемъ имъ остановки не было. Петръ. Съ Котлина острова, въ 5 день Іюня 1715 г.

61.

Господинъ губернаторъ. Письмо ваше, писанное изъ Риги Іюля отъ 6 дня, до насъ дошло, въ которомъ пишите, что въ прошломъ 1714 и въ нынѣшнемъ 1715 годахъ по указу для гварнизонныхъ нуждъ изъ наличнаго числа въ Ригѣ купецкой ржи задержана половина и чтобъ для нынѣшнихъ пришедшихъ кораблей оная рожь была увольнена. И по полученіи сего указу Рижскимъ жителямъ, такожъ Англійскимъ и Голландскимъ купцамъ, дайте позволеніе хлѣба своего стараго и новаго отпустить за море двѣ трети, а одну треть въ запасъ для нужнаго случая оставить. Петръ. Въ 17 день Іюля 1715 г., съ корабля Питеръ-Майландъ, стоящаго у Ревеля.

Нужный случай однако не встрѣтился въ 1715 г. $^{11}/_{22}$ Ноября 1714 г. Карлъ XII явился въ Штральзундѣ и близко сошелся со знаменитымъ

интриганомъ Герцемъ. Какъ ни желалъ Петръ поступать рѣшительно, но его убѣжденія плохо дѣйствовали на союзниковъ. Весь 1715 годъ прошелъ въ переговорахъ, взятъ былъ только Штральзундъ (12 Декабря 1715 г.) Датчанами и Пруссаками; Русскія же войска въ Померанской кампаніи этого года не участвовали.

62.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего, полкъ драгунской, который въ Курляндіи, велите вывесть въ Рижскій дистриктъ, а оставьте тамъ въ командѣ подполковника князя Голицына только 200 человѣкъ. Петръ. Отъ Ревеля въ 17 день Августа 1715 г.

Русскія войска занимали Курляндію въ 1715 г. для защиты морскихъ береговъ ея отъ вторженія Шведовъ. Отрядомъ командовалъ князь Репнинъ.

63.

Господинъ губернаторъ. Когда прибудетъ въ Ригу господинъ генералъ Вейдъ и коликое число будетъ отъ васъ требовать въ дополнку пѣхотныхъ своихъ пяти полковъ (изъ Рижскаго гварнизону) солдатъ, и то число ему отправьте безъ задержанія, а то число что̀ ему отдадите велѣно сенаторамъ отправить къ вамъ рекрутъ; такожъ по возможности ссудите его полковыми лошадьми и прочимъ чего онъ будетъ отъ васъ требовать, и что̀ ему отдано будетъ, о томъ къ намъ пишите. И то все немедленно велимъ къ вамъ сенаторамъ дослать. Петръ. На кораблѣ Питеръ-Майландъ, въ 21 день Августа 1715 г.

Дѣло шло объ укомплектованіи арміи Шереметева, готовившейся къ вступленію въ Померанію. Но походъ въ Померанію въ этомъ году не состоялся, ибо вспыхнувшее возстаніе Поляковъ противъ Саксонскихъ войскъ побудило Долгорукаго, изъ опасенія, чтобы вся корона и Литва не пристала къ противникамъ Августа II, остановить Шереметева въ Польшѣ «для заданія страху конфедератамъ». Петръ былъ сильно недоволенъ княземъ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ за остановку Русскихъ войскъ въ Польшѣ, но безъ этой остановки едва ли бы конфедераты согласились на миръ, послѣдовавшій въ началѣ 1716 г.

64.

Господинъ губернаторъ. Когда объявитель сего письма съ лошадьми нашими пріѣдетъ въ Ригу, тогда велите имъ отвесть квартиры и давать людямъ провіантъ, а лошадямъ фуражъ. Петръ. Изъ Ревеля, въ 23 день Августа 1715 г.

P. S. Такожъ и прочее что принадлежитъ къ конюшнѣ, какъ къ починкѣ фурмановъ желѣза или иное что, безъ чего немочно пробыть, и на то по росписямъ Семена Алабердѣева велите имъ отпускать денегъ съ роспискою, или велите то для нихъ покупать.

65.

Господинъ губернаторъ. Понеже съ Рижскаго, Венденскаго и Перновскаго уѣздовъ въ положенное число къ гаванной работѣ многое число бревенъ сюда не довезено, и для того, по полученіи сего указа, объяви ландратомъ, чтобъ они конечно велѣли достальныя бревна вырубить и вывозить зимою въ Ревель. Такъ же и сверхъ того, что́ на нихъ положено будетъ вывозить лѣсу вновь, о которомъ указъ будетъ писать князь Меньшиковъ, и тотъ прибавочной лѣсъ, по письмамъ его, велите рубить и возить такожъ безъ всякаго задержанія. Петръ. Изъ Ревеля, Августа въ 23 день 1715 г.

66.

Господинъ губернаторъ. Когда будетъ къ вамъ писать генералъ-фельдцехмейстеръ Брюсъ о приготовленіи судовъ по артиллерійскіе припасы къ Либау, и по тому исполняйте неотложно. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день Сентября 1715 г.

67.

Господинъ губернаторъ. Писали вы къ намъ, что Петру Бестужеву, которому приказано смотрѣть надъ ландратомъ, жалованье ничего не опредѣлено, и для того нынѣ опредѣлите ему жалованья по 800 рублей денегъ, да хлѣба по 200 четвертей въ годъ изъ тѣхъ доходовъ, которые сбираются съ земли, и велите ему давать съ того времени, какъ сей указъ получите. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 день Октября 1715 г.

68.

Господинъ губернаторъ. Прежде сего изъ Ревеля писали мы къ вамъ, дабы недовезенной лѣсъ съ Рижскаго, съ Венденскаго и Перновскаго уѣздовъ къ дѣлу Ревельскаго гавана велѣли довесть, о чемъ и нынѣ подтверждаемъ, дабы конечно весь доимочный лѣсъ былъ по зимѣ довезенъ, и сверхъ

того тѣми же уѣздами велите поставить лѣсу къ тому же гаванному дѣлу 8000 бревенъ (мѣрою отъ 4 до 5 сажень), чтобъ конечно нынѣ были вырублены и по зимнему пути у Ревеля поставлены. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 22 день Октября 1715 г.

P. S. Приложенное при семъ письмо къ фельдмаршалу Шереметеву отправь на первой почтѣ немедленно, ибо нужное есть.

Послѣдовавшій за симъ указъ отъ 27 Октября 1715 г., писанъ собственноручно царемъ, но столь неразборчиво, что прочесть и разобрать его я не могъ. Указомъ этимъ предписывалось приготовить по 50 подводъ на каждомъ стану для проѣзда по Лифляндіи въ Ригу: контръ-адмирала (10), адмирала (9), генерала Вейде (6), доктора Арескина (3), генералъ-адъютанта Нарышкина (2), капитана Сляева (2), секретаря Макарова (2), поручика Мишукова (2), Олсуфьева (2), Яна бухмистра (2), верховымъ (2), поварамъ и подключникамъ (7). Поѣздка государя въ этомъ году не состоялась, она была отложена до Января 1716 г.

69.

Господинъ губернаторъ. Посланъ къ вамъ указъ юфтенъ (5), которое дѣло публикуй и смотри, по исшествіи двухъ лѣтъ, чтобъ сей указъ былъ весьма исправленъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 3 день Ноября 1715 г.

70.

Господинъ губернаторъ. Министра Левольда большому сыну объяви нашимъ указомъ, чтобъ онъ ѣхалъ съ подполковникомъ отъ гвардіи господиномъ княземъ Долгорукимъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 20 день Декабря 1715 г.

P. S. Ефимки пошлиннаго сбору, которые есть нынѣ на лицо у Ильи Исаева, отправьте туды, куда скажетъ вамъ подполковникъ нашъ отъ гвардіи господинъ князь Долгорукій.

71.

Господинъ губернаторъ. Прежде сего писано къ вамъ Августа отъ 23, да Октября отъ 22 чиселъ, чтобъ вы недовезенный лѣсъ, который положенъ съ Рижскаго, Венденскаго и Перновскаго уѣздовъ къ строенію Ревельскаго гавана и сверхъ того, по письму князя Меньшикова, прибавочно 8000 бревенъ въ указную мѣру конечно симъ зимнимъ пу-

(5) Указъ о дѣланіи юфти?

темъ велѣли вывозить, не опуская удобнаго времени, ибо ежели гавань въ морозы нынѣ не отдѣлаютъ, то послѣ нельзя будетъ ничего дѣлать; и для того опредѣлите къ той лѣсной возкѣ ландрата, чтобъ онъ той работы смотрѣлъ. Также возьмите съ Рижскихъ жителей къ тому гаванному дѣлу 3000 пудъ желѣза и отправьте въ Ревель. Петръ. Въ 28 день Декабря 1715 г.

P. S. Когда пріѣдутъ въ Ригу мастеровые люди изъ Франціи, которые тамъ наняты въ нашу службу, Кононъ Зотовъ и Лафоттъ, и оныхъ безъ задерживанія сюда отправь, давъ имъ подводы, сколько они будутъ требовать.

Также освѣдомися, не присланы ли въ Ригу какіе ящики съ книгами изъ Кенигсберга отъ бурмистра тамошняго Негилина (ежели присланы или впредь пришлются), то немедленно къ намъ пришли, и о томъ спроси почтмейстера и Рижскихъ купцовъ, которые съ помянутымъ Негилинымъ имѣютъ корреспонденцію.

72.

Господинъ губернаторъ. Понеже мы довольно уже къ вамъ писали о приготовленіи бревенъ къ Ревельскому гавану и какая въ томъ есть нужда, чтобъ въ нынѣшніе морозы (пока на морѣ крѣпокъ ледъ) тотъ гаванъ и цитадель обдѣлать, о чемъ и нынѣ паки подтверждаемъ, дабы то конечно было исполнено, и хотя мы писали къ тебѣ, дабы къ той работѣ нарочно опредѣленъ былъ одинъ изъ ландратовъ, однако мы заблагоразсудили, чтобъ тебѣ нынѣ на нѣкоторое время самому въ Ревелѣ побывать, и тамъ все лучшимъ образомъ обще съ господиномъ фельдмаршаломъ и губернаторомъ княземъ Меньшиковымъ тое работу опредѣлить, не опуская удобнаго времени пока есть морозы, для чего помянутый князь Меньшиковъ завтра отсель въ Ревель поѣдетъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Генваря въ 6 день 1716 г.

73.

Господинъ губернаторъ. По полученіи сего указа велите Лифляндіею до Риги для насъ паки приготовить подставныя подводы противъ того по скольку и прежде было поставлено и чтобъ оныя готовы были къ 20 числу сего мѣсяца. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Генваря въ 7 день 1716 г.

P. S. И чтобъ не меньше было какъ по 60 или по 70 подводъ на каждомъ стану.

Приложенное при семъ письмо о сей же матеріи къ подполковнику князю Голицыну отправьте немедленно.

74.

Господинъ губернаторъ. Послали мы въ Либау галернаго подмастерья Мокея Черкасова для дѣла тамъ трехъ скампавей (и Голицыну о томъ писанъ отъ насъ указъ, при семъ посылаемъ къ вамъ копію), однакожъ ежели чего къ тому дѣлу не могутъ тамъ вскорѣ сыскать, а именно желѣза или чего инаго, о чемъ будетъ писать помянутый подполковникъ, то велите отправлять изъ Риги на счетъ адмиралтейской безъ задержанія. Петръ. Изъ С.-Петербуга, въ 15 день Генваря 1716 г.

Копія съ указа князю Голицыну отъ 14 Января 1716 г.

Послали мы къ вамъ галернаго подмастерья Мокея Черкасова, которому велите въ Либау сдѣлать три скампавеи и что̀ къ тому дѣлу надобно лѣсовъ (кромѣ дубовыхъ, которые отсель посланы), также и прочаго чего онъ Мокей будетъ отъ васъ требовать, то велите заранѣе заготовливать, также велите ему къ той работѣ дать плотниковъ изъ солдатъ сколько потребно, ибо отсель послано съ нимъ плотниковъ только 6 человѣкъ.

Въ Либавской гавани зимовалъ въ это время Русскій галерный флотъ. 24 Января 1716 полубольной Петръ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ царицею за границу. Цѣль поѣздки его была пользоваться Пирмонтскими минеральными водами, а главнѣйшее ускорить и кончить переговоры съ союзниками, убѣдить ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Шведовъ, чтобъ какъ можно скорѣе кончить войну. 1 Февраля государь прибылъ въ Ригу и оставался здѣсь до 8 Февраля.

*

Понеже Его Царскаго Величества господинъ сенаторъ и губернаторъ князь Голицынъ, его сіятельство, высокопомянутаго Его Царскаго Величества 4-го сего мѣсяца ему опредѣленной ордеръ въ переводной копіи, чтобъ по Его Царскаго Величества всемилостивѣйшему указу ([6]) оберъ ланд-

([6]) Въ сборникѣ рескриптовъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора этого указа не сохранилось, но онъ приведенъ у Берг-

фохта Павла Брокгаузена, преступленія его ради, по правамъ судить магистрату комуниковалъ, и сего для, по обстоянію его преступленія, како оное въ прежде помянутомъ Его Царскаго Величества высокомъ ордерѣ обстоятельно написано, и что̀ еще его высокопомянутое сіятельство о состояніи онаго дѣла сказывалъ, всепокорнѣйше разсудили: непристойно имѣетъ быть, чтобъ противъ святѣйшей Его Величества (воли?) его допрашивать, но по здѣшнимъ Его Царскаго Величества конфирмованнымъ правамъ справедливо присудили: когда онъ оберъ-ландфохтъ Павелъ Брокгаузенъ ради квартиры его превосходительству генералу Вейду не токмо не послушенъ явился, но сверхъ того зѣло безчинно и дерзновенно учинилъ, ибо своею волею въ домѣ, (гдѣ) Его Царское Величество кушалъ и Его Величества прибытія не почитая, неописаннымъ невѣжествомъ кричалъ и непристойнымъ отреченіемъ, которое подданному не принадлежало, въ удивленіе и досады высокопомянутому Его Царскаго Величества господину сенатору, его сіятельству Голицыну жаловался, и тако весьма неразсудительнымъ образомъ тотъ решпектъ, которой пристойно всепокорнѣйше подданному своему Самодержцу дать принадлежало, оставилъ, и за такое его преступленіе и безумнаго обхожденія вѣчно въ заключеніе опредѣленъ и сверхъ того изъ Магистратской Коллегіи вѣчно выключенъ и ото всѣхъ своихъ дѣлъ отставленъ да будетъ; а

мана въ IV томѣ его Исторіи Петра Великаго (пер. Аладьина. 2 изд.), на стр. 28-й.

Вотъ этотъ указъ:

Господинъ губернаторъ. Понеже мы третьяго дни съ удивленіемъ услышали, какъ здѣшній бургомистръ Брокгаузенъ, по дѣламъ о квартированіи, явился противъ генерала Вейде не только ослушнымъ, но даже неучтивымъ и дерзновеннымъ, и войдя въ домъ, гдѣ мы обѣдали, и не обращая вниманія на насъ, съ неописаннымъ грубымъ крикомъ и строптивостію, особѣ подданнаго неподобающими, въ присутствіи нашемъ васъ всѣхъ перекричалъ, къ удивленію всѣхъ, и самымъ противнымъ образомъ; то повелѣваемъ мы за сіе его великое преступленіе, чтобъ магистратъ вышеименованнаго преступника судилъ по законамъ, и чтобъ каждый въ судѣ свою сентенцію (какого наказанія онъ заслуживаетъ) подписалъ собственноручно и потомъ представили таковыя намъ. Петръ.

Дерзкая выходка Брокгаузена, какъ видно зъ этого указа, произошла 2-го Февраля.

впрочемъ буди Его Царскаго Величества всемилостивѣйшая воля. Подписали: Еганъ фонъ-Бенкендорфъ, Мельхіоръ Видау, Еганъ Шуценъ фонъ-Левенштернъ, Теодрихъ Бекеръ. Въ 4-й день Февраля 1716 г. — На этой сентенціи Петръ положилъ собственноручно слѣдующую резолюцію: *Отъ вѣчнаго заключенія освобождается, а за вину его послать на вѣчное житье въ Тобольскъ.*

Другіе члены магистрата: фонъ-Этингъ, Гансъ Клейзингъ, Еганъ Гроте, Христіанъ Цимерманъ, Петеръ Веэръ и Нордекъ подписали другую сентенцію, въ которой полагали: «и за такое преступленіе и безумнаго обхожденія не токмо отъ всѣхъ дѣлъ онъ отставленъ и изъ Магистратской Коллегіи вѣчно выключенъ, но такожъ на цѣлой годъ въ заключеніе опредѣленъ да будетъ».

Брокгаузена тотъ же часъ отправили въ Тобольскъ, но онъ не долго пробылъ въ ссылкѣ. По дорогѣ въ Данцигъ, Петръ 15-го Февраля того-же 1716 г. былъ въ Кенигсбергѣ. Обучавшіеся въ этомъ городѣ Лифляндцы привѣтствовали царя рѣчью. Ораторъ такъ понравился Государю, что получилъ позволеніе просить себѣ милости. Ораторъ былъ сынъ Брокгаузена и просилъ о помилованіи отца. Петръ, хотя и не охотно, но простилъ Брокгаузена и приказалъ возвратить его въ Ригу.—Царскій указъ засталъ его уже въ Тобольскѣ. Брокгаузенъ выѣхалъ на родину, но на возвратномъ пути, умеръ 4-го Января 1717 г. въ Смоленскѣ, гдѣ плѣнные Шведы и похоронили его.

75.

Указъ губернатору господину князю Голицыну.

Понеже, какъ видѣть мочно, всѣмъ городамъ много Шведскихъ адгерентовъ (7) есть, того ради зѣло опасно поступать надобно, дабы чего тайнаго не учинили зла, согласясь съ посторонними мнимыми друзьями (8), чему предварить по слѣдующему:

а.

На всякіе три мѣсяца перепись поголовную имѣть жителямъ и ихъ служителямъ (9).

---

(7) Сторонниковъ.

(8) Указъ о воспрещеніи жителямъ княжествъ Лифляндскаго и Эстляндскаго и также Шведскимъ военноплѣннымъ непозволительной переписки со Шведами состоялся нѣсколько прежде. Онъ помѣщенъ въ П. С. З. подъ № 2974, томъ V.

(9) Была-ли перепись, неизвѣстно; но въ 1767 г. въ Ригѣ считалось 20,003 жителей; въ 1801 г. 28,483; въ 1823 г. 39,764; въ 1849 г. 57,906; въ 1867 г. 102,000.

б.

Всѣхъ пріѣзжихъ (ктобъ они ни были) дневальному полковнику самому распрашивать, и ежели кто мало подозрителенъ будетъ, того брать за арестъ и сыскивать.

в.

Мужикамъ для продажи всячины учинить рынокъ за городомъ, а въ городъ кромѣ необходимыхъ нужныхъ потребъ не пущать, яко дрова, сѣно, хлѣбъ, которые только въ двои вороты впускать и выпускать, а именно въ однѣ отъ рѣки, и въ другіе отъ Табашнова шанца, и когда впускать, считать людей и записывать, и чтобъ оные весьма не ночевали въ городѣ, но къ вечеру паки выѣзжали, а кто не выѣдетъ сыскивать у кого ночевалъ, по запискѣ къ кому ѣхалъ, также не надлежитъ въ день болѣе 300 человѣкъ впускать.

г.

Въ фурманахъ и въ возахъ осматривать, нѣтъ ли ружья и людей, и для того только вскрывать фурманы, а въ нихъ ящиковъ и прочихъ мелочныхъ вещей не разбивать.

д.

Ежели войска Саксонскія въ Курляндію или въ Литву на квартиры станутъ, тогда неусыпное око на нихъ имѣть, чтобъ чего не сдѣлали сложась съ жителями, чего для тогда двойные караулъ и конныя частыя патрулины дѣлать; лѣсъ противъ города пилить и прочую всякую осторожность имѣть, не вѣря никакимъ ихъ ласкательствамъ и увѣреніямъ.

е.

Лѣтомъ корабли подъ палубами добрымъ офицерамъ осматривать, дабы чего не было противнаго, равнымъ же образомъ суды и плоты (на которыхъ чуланы есть) сверхъ Двины идущіе осматривать у Юнгфернгофа искусному офицеру, нѣтъ ли лишнихъ людей и не гораздо-ль много, и ежели много, хотя и не лишнее, то къ городу вдругъ не допускать, а именно болѣе 1,000 вдругъ не припущать къ городу. Петръ. Въ Ригѣ, въ 7-й день Февраля 1716 г.

76.

1716 г. Февраля въ 8 день. Изъ привозныхъ соляныхъ денегъ, которые сюда привезены, оставить здѣсь 4000 р. на расходы царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ и отдать ихъ Александру Кикину съ роспискою.

Да генерала маіора Балка женѣ, когда она сюда пріѣдетъ, дать на проѣздъ Прусами ([10]) *триста рублевъ*.

Подписи нѣтъ, но подчеркнутыя слова написаны царемъ собственноручно.

Царевна Марія Алексѣевна весною 1716 г. слѣдовала въ Карлсбадъ, и въ Октябрѣ 1716 г. возвратилась въ Петербургъ. Ее провожалъ Кикинъ, главный участникъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя, въ послѣдствіи казненный въ Москвѣ въ началѣ Марта 1718 г.

Генеральша Балкъ, сестра камергера Монса, была статсъ-дамою супруги царя и въ послѣдствіи, въ Ноябрѣ 1724 г., сослана въ Тобольскъ.

77.

Господинъ губернаторъ. Заслуженное жалованье господину Бестужеву, котораго ему отъ васъ не выдано, нынѣ велите выдать съ того времени, какъ онъ началъ быть въ Ригѣ у коммисіи. Петръ. Изъ Либоу, Февраля въ 14 день 1716 г.

Ср. № 97.

78.

Господинъ губернаторъ. Шнявы также и тялки съ амуниціею, которыя зимовали у Риги, по вскрытіи льду, отправьте съ капитаномъ-поручикомъ Мухановымъ ([11]), а куды ему съ ними итти, о томъ ему даны отъ насъ пункты, и что̀ къ тому потребно (о чемъ онъ Мухановъ будетъ вамъ предлагать), то заранѣе, по коихъ мѣстъ ледъ не вскроется, велите ему отправлять. Такожъ поручику Мортомъ-Энгелю, который отправленъ съ помянутымъ Мухановымъ, велите дать жалованья, на счетъ адмиралтейской, на три мѣсяца. Петръ. Изъ Либоу, Февраля въ 14 день 1714 г.

Муханову царь приказалъ слѣдовать съ эскадрою и десантомъ къ Данцигу, забирая въ пути непріятельскіе суда и транспорты, какіе бы ни шли съ провіантомъ или оружіемъ въ Швецію.

79.

Господинъ губернаторъ. Доносителя сего Растрелія съ товарищи, когда они въ Ригу прибудутъ, примите ласково

([10]) Т. е. черезъ Пруссію.

([11]) Ипатомъ Калинычемъ?

и отправьте ихъ въ С.-Петербургъ безъ задержанія, давъ имъ подводы, сколько они будутъ требовать. Петръ. Изъ Кенигсберга, въ 15 день Февраля 1716 г.

Парижскій архитекторъ, скульпторъ и рѣщикъ Растрелли былъ нанятъ въ Русскую службу съ сыномъ и съ воспитанникомъ за 1500 руб. въ годъ.

80.

Господинъ губернаторъ. Понеже билъ челомъ намъ генералъ князь Репнинъ, дабы ему отдать въ Венденскомъ дистриктѣ мызу Сесвегинъ въ аренду, и по полученіи сего указу оную ему отдайте въ аренду, такъ какъ и прочимъ отдаются. Петръ. На кораблѣ Питеръ-Майландъ при Ревелѣ, въ 21 день Августа 1715 года.

Неизвѣстно, по какой причинѣ, но указъ этотъ полученъ въ Ригѣ 22 Марта 1716 г. Въ послѣдствіи Сесвегенскими мызами владѣлъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ. Надлѣдники Бутурлина продали эти мызы въ 1770 г. императрицѣ Екатеринѣ за 135 т. рублей; императрица же, въ 1778 г., подарила ихъ генералъ-маіору Семену Зоричу.

81.

Господинъ губернаторъ. Когда поѣдетъ изъ Петербурга въ Курляндію племянница наша царевна Анна, тогда приготовьте ей Лифляндіею подводы, а о числѣ тѣхъ подводъ, по времени къ которому ихъ надобно будетъ поставить, снеситесь съ князь Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ, такожъ дайте тогда знать о числѣ подводъ и въ Курляндію къ Бестужеву, дабы онъ зналъ, сколько ихъ приставить и къ которому времени. Петръ. Изъ Данцига, Марта въ 22 день 1716 г.

Ср. № 6. Оберъ-раты (Oberrath—совѣтъ герцогскій), управлявшіе Курляндіею отъ имени Фердинанда, послѣдняго потомка дома Кетлера, были въ это время сильно заняты вопросомъ: кому быть герцогомъ по смерти бездѣтнаго Фердинанда. Царь, подъ предлогомъ, что оберъ-раты плохо уплачиваютъ Аннѣ Іоанновнѣ 5% съ займа и ежегодную вдовью пенсію въ 40 т. рублей, приказалъ вдовствующей герцогинѣ имѣть постоянное жительство въ Курляндіи. Бестужеву повелѣно было приготовить для герцогини два дома: одинъ въ Митавѣ, а другой въ Бирцау. Въ 1716 г. Анна Іоанновна поселилась въ Митавѣ, и тогда же Петръ началъ переговоры съ королемъ Августомъ о бракосочетаніи вдовствующей герцогини съ герцогомъ Саксенъ-Вейсенфельскимъ. Переговоры, какъ извѣстно, кончились ничѣмъ.

82.

Господинъ губернаторъ. Когда прибудутъ чрезъ Курляндію въ Ригу отъ капитана Норова суконные мастеры и ов-

чары, которыхъ онъ Норовъ нанялъ въ Шлезіи и въ Польшѣ, и оныхъ принявъ, отправьте въ Петербургъ, а что̀ имъ надобно подводъ, о томъ снеситесь съ Петромъ Бестужевымъ, ибо Курляндіею ему велѣно ихъ отправлять. Такожъ дайте о подводахъ заранѣе знать въ Петербургъ князь Александру Даниловичу, дабы онъ отъ Дерпта до Петербурга велѣлъ имъ противъ тогожъ давать подводы. Петръ. Изъ Данцига, Апрѣля въ 30 день 1716 г.

83.

Господинъ губернаторъ. Когда объявитель сего письма Бартель Дистервальтъ прибудетъ въ Ригу (который отсель ѣдетъ для житья въ Петербургъ съ фамиліею), тогда оному дайте отъ Риги до Петербурга подводы сколько надлежитъ безъ задержанія, такожъ когда присланы будутъ чрезъ Курляндію въ Ригу отъ капитана Норова и т. д. (Слѣдуетъ повтореніе предъидущаго указа слово въ слово. Подписано): Петръ. Изъ Данцига, Апрѣля 29 дня 1716 г.

Петръ прибылъ въ Данцигъ 18 Февраля и жилъ тутъ по 1 Мая. Девять недѣль провелъ царь въ переговорахъ со своими подозрительными и своекорыстными союзниками. 8 Апрѣля было совершено здѣсь бракосочетаніе племянницы царя Екатерины Ивановны съ Мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ. 1 Мая царь выѣхалъ въ Штетинъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ, а послѣ въ Альтонѣ съ Датскимъ королями, и только 23 Мая уговорились на счетъ высадки Русскихъ войскъ въ Шонію, и только тогда Петръ поѣхалъ лечиться въ Пирмонтъ.

84.

Господинъ губернаторъ. Пишете вы, что пеньку отправленную изъ Порѣчья отъ маіора Ушакова (которую надлежитъ отдать королю Дацкому), въ Полоцкѣ Поляки задержали, и ежели по сіе время оной не отпустили, то, по полученіи сего указа, пошли изъ Риги солдатъ 300 человѣкъ вооруженныхъ съ добрымъ командиромъ и вели оное пеньку взять сильно и привесть въ Ригу. Петръ. Изъ Пирмонта, въ 11 день Іюня 1716 г.

85.

Господинъ губернаторъ. Когда присланы будутъ къ Ригѣ корабли королевскаго величества Датскаго для взятья пеньки (которая куплена и прислана отъ маіора Ушакова), и оную

отдайте немедленно. Петръ. Изъ Пирмонта, въ 11 день Іюня 1716 г.

P. S. Съ тою же пенькою отпустите имъ обѣщанныя мачтовыя деревья, которыя имъ обѣщали числомъ 200 мачтъ.

Изъ Пирмонта государь 14 Іюня поѣхалъ въ Гановеръ.

86.

Господинъ губернаторъ. Отправлены отсель въ Петербургъ мастеровые Французы: архитекторъ Леблонъ съ фамиліею и съ подмастерьями, и когда они въ Ригу пріѣдутъ, тогда примите ихъ ласково и удовольствуйте ихъ въ дорогу подводами и прочимъ, чего они будутъ требовать. Также посланный съ ними курьеръ Шушеринъ ежели будетъ отъ васъ требовать на пищу имъ въ дорогу денегъ, то дайте по своему разсмотрѣнію, дабы помянутой Леблонъ, будучи отъ Риги въ дорогѣ, ни въ чемъ нужды не имѣлъ. Петръ. Изъ Шверина, въ 23 день Іюня 1716 г.

Въ Пирмонтѣ, на минеральныхъ водахъ, государь пробылъ съ 26 Мая по 14 Іюня. Съ Леблономъ ѣхало 18 человѣкъ различныхъ мастеровыхъ, нанятыхъ во Франціи царскимъ агентомъ Конономъ Зотовымъ. Жалованье Леблону назначено 5000 руб. въ годъ, кромѣ квартиры; прочимъ художникамъ и мастеровымъ отъ 200 до 400 руб. каждому.

Изъ Шверина государь пріѣхалъ въ Ростокъ, гдѣ уже стояла Русская галерная эскадра съ десантомъ, назначеннымъ къ Копенгагену.

87.

Господинъ губернаторъ. Билъ челомъ намъ надворный совѣтникъ господинъ Рагузинской, дабы отдать въ аренду мызу Лаудану съ Лубаною, которая въ Рижскомъ уѣздѣ о $20^1/_4$ гаковъ, Лифляндскому жителю, тамошнему его прикащику Дебраску противъ того, какъ и прочимъ въ аренду даются; и по полученіи сего указа ту мызу Савину прикащику въ аренду отдайте, ежели прежняго откупщика срокъ вышелъ, изъ того жъ платежу, по чему прежде съ оной въ казну приходило; а ежели прежняго откупщика срокъ не вышелъ, то велите отдать съ торгу. Петръ. Изъ Гановера, въ 17 день Іюня 1716 г.

Это тотъ самый графъ Савва Лукичъ Владиславичъ Рагузинскій, который въ Декабрѣ 1725 г. былъ отправленъ посломъ въ Китай, заключилъ 14 Іюня 1728 трактатъ о границахъ и торговлѣ съ Китаемъ. Его царь узналъ еще въ 1702 г., когда онъ былъ греческимъ купцомъ и торговалъ въ Азовѣ.

88.

Господинъ губернаторъ. Объ отпускѣ сюды къ королевскому величеству Датскому пеньки и мачтовыхъ деревъ указъ уже къ вамъ посланъ, по которому отправляйте немедленно. Такожъ просили насъ здѣшніе королевскаго величества совѣтники, что они по указу королевскому перевели въ Ригу денегъ до 6 тысячь ефимковъ на покупку тамъ матеріаловъ, надлежащихъ къ адмиралтейству, и дабы съ тѣхъ денегъ пошлинъ у нихъ не брать, того для пошлинъ съ помянутаго числа денегъ, на которыя они будутъ покупать матеріалы, брать не велите. Петръ. Изъ Копенгагена, въ 1 день Августа 1716 г.

Петръ прибылъ въ Копенгагенъ еще 5 Іюля. Время проходило въ безконечныхъ переговорахъ о высадкѣ въ Шонію до самаго Октября, когда уже нельзя было думать о походѣ.

89.

Господинъ губернаторъ. Когда торговые корабли отъ Риги пойдутъ назадъ, то отпустите сюда на оныхъ для нашего флоту деревъ на мачты и райны и досокъ пильныхъ, противъ приложенной при семъ вѣдомости, ибо здѣсь въ томъ нужда не малая; а на сколько чего по цѣнѣ отпустите, о томъ къ намъ пишите, которыя деньги велимъ вамъ послѣ заплатить изъ соляныхъ денегъ. Петръ. Изъ Копенгагена, въ 1 день Августа 1716 г.

P. S. Росписи при семъ послать не успѣли, но прислана будетъ на будущей почтѣ, однако между тѣмъ старайтесь тѣхъ деревъ довольное число приготовить къ посылкѣ.

90.

Господинъ губернаторъ. Понеже господа Голландскіе Статы, какъ чрезъ грамоту свою, такъ и чрезъ своего министра здѣсь пребывающаго, насъ просили, чтобъ ихъ Голландскихъ купцовъ товары, отправленные на корабляхъ въ Ригу и Ревель, которыхъ они за поздностію времени не могутъ всѣхъ продать, позволить сложить въ тѣхъ городѣхъ, того ради мы на то ихъ прошеніе соизволили, и сей нашъ указъ къ вамъ отправили, повелѣвая вамъ оставшіеся ихъ товары, которые они не могли успѣть продать за поздностію времени, позволить имъ сложить въ Ригѣ

такъ, какъ и въ прошломъ году по нашему указу съ товары ихъ было учинено. Петръ. Изъ Копенгагена, въ 6 день Октября 1716 г.

91.

Господинъ губернаторъ. Въ бытность нашу здѣсь билъ челомъ намъ Гузенской почтмейстеръ Фридрихъ Говерсъ, чтобъ долги его на должникахъ его въ Ригѣ доправить и отдать ему, также и по смерти которыхъ должниковъ остались пожитки, чтобъ ихъ до указу удержать, пока съ нимъ не расплатятся: того для съ помянутыми его должниками Рижскому магистрату велите учинить справедливость, по правамъ, какъ надлежитъ, немедленно. Петръ. Изъ Фридрихштата, въ 27 день Октября 1716 г.

Повелѣвъ войскамъ своимъ стать на зимнія квартиры въ Мекленбургѣ, а флоту отправиться въ Ревель, царь 16 Октября оставилъ Копенгагенъ.

92.

Господинъ губернаторъ. Пишетъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что Казанскій драгунской полкъ, по указу изъ Сената, отправляется къ Смоленску, а понеже тамъ безъ нашего караулу и безъ разъѣздовъ быть не мочно, того для, по полученіи сего указу, оставьте въ Курляндіи того полку драгунъ для карауловъ и разъѣздовъ роты двѣ или три съ добрыми офицеры и дайте о томъ отъ себя знать господамъ Сенату, что вы то число драгунъ тамъ оставите по указу нашему, дабы они о томъ вѣдали. Петръ. Изъ Любека, въ 3 день Ноября 1716 г.

93.

Господинъ губернаторъ. Понеже просилъ насъ фельдмаршалъ господинъ графъ Шереметевъ, дабы ему данъ былъ въ Ригѣ тотъ дворъ, въ которомъ жилъ генералъ-маіоръ Полонскій, того для, по полученіи сего указу, помянутой дворъ, въ которомъ жилъ Полонскій, отдайте ему фельдмаршалу во владѣніе. Петръ. Изъ Альтеноу, Ноября въ 23 день 1716 г.

Послѣ покоренія Риги, Шереметевъ получилъ въ награду отъ царя Пебальгскія мызы, и теперь еще состоящія во владѣніи его наслѣдниковъ.

94.

Господинъ губернаторъ. Понеже какимъ образомъ отъ штурму разорился Ревельской гаванъ, о томъ уже ты вѣ-

даешь, того для, по полученіи сего указу, поѣзжай въ Ревель немедленно и возьми съ собою одного или двухъ очередныхъ ландратовъ и что̀ надлежитъ до починки того гавана, то чините съ совѣту генерала фельдмаршала князя Меньшикова, что̀ зѣло нужно, и будь тамъ до совершенія того дѣла. Петръ. Изъ Амстердама, въ 21 день Декабря 1716 г.

Царь нашелъ нужнымъ послать Голицыну и дубликатъ этого указа отъ 25 Декабря. Указъ полученъ 2 Января 1717, а дубликатъ 7 Января.

95.

Господинъ губернаторъ. Когда къ вамъ присланной изъ Берлина отъ графа Александра Головкина съ кабинетомъ ентарнымъ пріѣдетъ, и онаго отправьте немедленно до Петербурга, давъ ему столько лошадей съ саньми, сколько онъ будетъ требовать, и велите тотъ кабинетъ везть бережно по его волѣ, дабы его не изломали, и для того придайте ему отъ себя одного офицера съ нѣсколькими солдатами, такожъ дайте тому посланному въ дорогу до Петербурга на пищу денегъ. Петръ. Изъ Амстердама, Января въ 7 день 1717 г.

Въ 1717 г., царь до 23 Февраля пробылъ въ Амстердамѣ; 27 Февраля былъ въ Саандамѣ, 8 Марта въ Гагѣ, 17 Марта въ Лейденѣ; съ 19 по 24 Марта пробылъ въ Ротердамѣ, 1 Апрѣля былъ въ Антверпенѣ, 10 Апрѣля въ Дюнкирхенѣ, а съ 26 Апрѣля по 9 Іюня прожилъ въ Парижѣ, съ 16 Іюня по 13 Іюля пробылъ въ Спа, а съ 22 Іюля по 22 Августа снова въ Амстердамѣ; 8 Сентября былъ въ Берлинѣ, 18 Сентября въ Данцигѣ, гдѣ пробылъ до 21 Сентября. 27 Сентября былъ въ Митавѣ, 28 Сентября въ Ригѣ, 1 Октября въ Перновѣ, 3 въ Ревелѣ, 7 въ Нарвѣ и воротился въ Петербургъ 10 Октября 1717 г., пробывъ за границей годъ и восемь мѣсяцевъ.

96.

Господинъ губернаторъ. Писалъ сюда оберъ-инспекторъ Илья Исаевъ, что присланъ къ вамъ изъ Приказу Большой Казны указъ, чтобъ смольчуга, поташа, мачтовыхъ деревъ, смолы никому продавать и за море отпускать не велѣно, и понеже отъ того не токмо купечеству не безъ поврежденія будетъ, но и пошлинной сборъ можетъ умалиться, и того ради вы тотъ указъ оставьте и тѣми товары, которые изъ Польши и изъ иныхъ мѣстъ въ привозѣ будутъ, велите торговать свободно и отпускать за море по прежнему

обыкновенію, чтобъ противъ прежняго никакого препятствія въ купечествѣ не было, но содержано бы было оное во всемъ противъ того, какъ при Шведскомъ владѣніи было. Петръ. Изъ Гаги, въ 16 день Марта 1717 г.

97.

Господинъ губернаторъ. Понеже мы скоро отсель поѣдемъ къ своимъ краямъ и для того, по полученіи сего указа, какъ Курляндіею, такъ и Лифляндіею изготовьте для насъ подводы, и отъ Риги велите поставить на двое: одни подводы на Дерптъ, другіе на Ревель и которые на Ревель тѣхъ велите ставить на каждомъ стану числомъ по 70 подводъ, а большее число поставьте по Дерптской дорогѣ, а именно, чтобъ тамъ было на каждомъ стану подводъ по 200 и о томъ съ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ спеситесь. Петръ. Изъ Амстердама, въ 16 день Августа 1717 г.

P. S. И о томъ отпиши отъ себя въ Курляндію къ Петру Бестужеву, чтобъ онъ сборъ подводъ распорядилъ въ Курляндіи добрымъ порядкомъ и чтобъ они были распоряжены тамъ, чтобы ихъ тогда, когда получите о поставкѣ ихъ другой указъ, могъ ихъ поставить въ три дни; числомъ надобно на каждомъ стану по 270 подводъ.

98.

Господинъ губернаторъ. По прошенію герцога Гессенъ-Кассельскаго позволили мы чрезъ наши земли ѣхать министру Голштейнскому барону Герицу и дали ему для способнаго проѣзда нашъ паспортъ, и когда оный прибудетъ въ Ригу, то его примите учтиво и отправьте съ приносителемъ сего сержантомъ отъ гвардіи Мещерскимъ до Ревеля къ господину адмиралу, давъ ему подводы, которой имѣетъ указъ объ отправленіи его куда надлежитъ. А въ отбытіи адмирала велѣно отправить его оберъ-коменданту, и содержите о проѣздѣ его Герицовѣ секретно, дабы никто о томъ не могъ вѣдать, что онъ проѣхалъ, и ежели люди его послѣ прибудутъ въ Ригу, то по тому жъ оныхъ по содержанію даннаго ему паспорта пропустите, и отправьте до Ревеля. Петръ. Изъ Амстердама, въ 20 день Августа 1717 г.

Баронъ Герцъ (Görz) хлопоталъ о заключеніи мира между Россіею и Швеціею. Паспортъ Герцу былъ выданъ 30 Іюля, но только 19 Октября онъ пріѣхалъ въ Ригу, отсюда онъ уѣхалъ въ Ревель и потомъ пробрался въ Швецію. Мирные переговоры между Герцемъ и Гиллембергомъ съ Шведской и Брюсомъ и Остерманомъ съ Русской стороны вачались на Аландѣ 12 Мая 1718 и тянулись безъ всякаго, какъ извѣстно, успѣха до 6 Сентября 1719 г.

99.

Господинъ губернаторъ. Понеже мы отсель по двухъ или трехъ дняхъ поѣдемъ къ своимъ краямъ, того для по первому указу велите для той нашей ѣзды изготовить подводы Курляндіею, такожъ и Лифляндіею, отъ Риги на двѣ дороги, а именно на Ревельской по 70, по Дерптской по 200 подводъ на каждомъ стану. Петръ. Изъ Берлина, Сентября въ 10 день 1717 г.

100.

Господинъ губернаторъ. Когда прибудутъ въ Ригу нанятые въ нашу службу матросы, отправленные отъ маіора Матюшкина, тогда вели ихъ отправлять въ Петербургъ и вели имъ дать подводы числомъ по стольку жъ по чемъ имъ давано въ Польшѣ и въ Курляндіи, и къ которому времени тѣ подводы надобно собрать и сколько числомъ, о томъ снесися съ Петромъ Бестужевымъ и съ Матюшкинымъ, также велите приготовить для тѣхъ матросовъ въ Ригѣ провіанту и мяса на дорогу, съ которымъ бы провіантомъ могли безъ нужды доѣхать до Петербурга. Петръ. Въ 1 день Ноября 1717 г., изъ Петербурга.

101.

Господинъ губернаторъ. Били намъ челомъ Амстердамскіе купцы Арноутъ Диркъ и Яковъ Фанлетнеты съ братомъ, дабы вы по дѣлу ихъ, которое есть въ Ригѣ, съ фамиліею умершаго Рижскаго купца Опденеля въ долговыхъ ихъ деньгахъ учинили справедливость и рѣшили то дѣло немедленно по правамъ, какъ надлежитъ, и въ томъ дѣлѣ по прошенію ихъ учините по тому немедленно рѣшеніе. Петръ. Изъ Амстердама, Августа въ 22 день 1717 г.

102.

Господинъ губернаторъ. Отправленъ къ вамъ въ Ригу морскаго флота капитанъ Беземакеръ и когда онъ вамъ явит-

ся, тогда его опредѣлите къ тому дѣлу, у котораго были прежде его же братья капитаны Лобикъ и Попугай, и велите ему давать тоже довольство, что они прежніе капитаны получали. Петръ. С.-Петербургъ. Декабря 12 дня 1717 г.

Этимъ кончаются указы Петра I, данные князю Петру Алексѣевичу. Послѣдовали-ли какіе указы въ 1718 году, мнѣ неизвѣстно: въ Архивѣ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора книга, слѣдующая за книгою съ указами 1717, содержитъ въ себѣ указы 1719 г., данные уже новому генералъ-губернатору князю Аникитѣ Ивановичу Репнину.

Князь Голицынъ былъ переведенъ изъ Риги въ Кіевъ губернаторомъ-же, гдѣ и умеръ въ 1722 году. На его мѣсто въ началѣ 1719 г. былъ назначенъ князь Репнинъ, который прибылъ въ Ригу и вступилъ въ управленіе Лифляндіею съ титуломъ Рижскаго генералъ-губернатора 17 Апрѣля 1719 г. Вотъ прохожденіе государственной службы князя Аникиты Ивановича, одного изъ неутомимѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ и храбрѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго.

Князь Репнинъ на 17 году отъ роду, при учрежденіи въ 1685 г. потѣшной роты, пожалованъ поручикомъ, въ 1687 г. полковникомъ. Въ званіи капитана фрегата участвовалъ въ покореніи Азова, въ 1698 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1701 сдѣланъ генераломъ отъ пѣхоты. При объявленіи войны Швеціи былъ назначенъ Новгородскимъ губернаторомъ, потомъ участвовалъ въ покореніи Нарвы, Митавы, и въ 1707 г., ему ввѣрены были войска, расположенныя въ Польшѣ. Въ 1708 г., по интригамъ Меншикова, былъ преданъ, за потерю 7 орудій въ сраженіи при Головчинѣ, суду и разжалованъ въ солдаты. Прощенъ послѣ сраженія при Лѣсномъ и назначенъ начальникомъ дивизіи въ Малороссіи. Въ Полтавской битвѣ командовалъ центромъ арміи, а въ Ноябрѣ 1709 г. уже стоялъ съ своею дивизіею подъ Ригою. При покореніи Риги принималъ самое дѣятельное участіе. Въ 1711 г. въ Прутскомъ походѣ начальствовалъ авангардомъ, въ 1712 г., состоя въ отрядѣ Меншикова, участвовалъ въ покореніи Тенингена и Штетина и овладѣлъ Фридрихштатомъ. Въ 1715 г. ему поручена была защита морскихъ береговъ въ Курляндіи, въ 1716 г. занималъ Хелмское, Плоцкое, Мазовецкое и Любельское воеводства въ Польшѣ. Въ 1719 году, въ чинѣ генералъ-аншефа, назначенъ Рижскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1724 г. назначенъ президентомъ военной коллегіи съ оставленіемъ въ должности генералъ-губернатора. Въ день коронованія императрицы Екатерины I произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Послѣ смерти Петра Великаго удалился въ Ригу, гдѣ и скончался 3 Іюля 1726 г. на 58 году отъ роду.

103.

Господинъ генералъ. О здѣшнихъ объявляемъ, что къ сему мѣсту какъ галерный, такъ и корабельный флотъ пришли въ разные дни, только собрались всѣ въ 8-мъ числѣ сего мѣсяца; потомъ держаны три генеральныя консиліи,

на которыхъ положено, чтобъ десантъ въ Швецію учинить, который подъ конвоемъ корабельнымъ учиненъ, съ помощію Божіею въ 11 день сего мѣсяца, а именно въ 10-й день въ 9 часу ввечеру отсель пошли, а въ 11 день въ 4 часу по полудни въ Шведскія шхеры счастливо вступили, и какъ на морѣ, такъ и во входѣ въ шхеры непріятеля не видали. Дай Боже доброе окончаніе, а начало зѣло благополучно учинилось. Петръ. Съ корабля Питеръ-Майландъ, у острова Ламеландъ, Іюля въ 13 день 1719 г.

104.

Господинъ генералъ. О здѣшнемъ объявляю, что генералъ-маіоръ Лесси, который отправленъ отъ адмирала въ правую сторону, у онаго съ непріятелемъ былъ бой и помощію Божіею непріятеля побили и 7 пушекъ взяли, а какъ былъ бой и какое потомъ оной генералъ-маіоръ разореніе непріятелю учинилъ, о томъ посылаю обстоятельную вѣдомость и симъ вамъ поздравляемъ. Отъ адмирала послѣ опогдашняго вѣдомости не имѣемъ, только вчерашній пришедшій Швецкой шерботъ съ провизіею къ Шведскимъ посламъ, изъ Стокгольма отправленной, сказывалъ, что въ Стокгольмѣ слышалъ, что городъ Судетелге уже разоренъ отъ адмирала, и пошелъ къ Никепину, и что́ впредь учинится, о томъ писать будемъ къ предбудущимъ почтамъ. Петръ. Изъ флота отъ острова Ламеландъ, Іюля въ 30 день 1719 г.

Въ вѣдомости разсказано, что эскадра изъ 21 галеръ съ 12 большими лодками 24 Іюля подошла къ деревнѣ Грину, 25 Іюля произведена высадка десанта, состоявшаго изъ 2400 рядовыхъ съ принадлежащими штабъ и оберъ-офицерами. Отрядъ сей, подъ начальствомъ Ласси, направился разорить желѣзный заводъ Леста-брукъ, отстоящій отъ берега въ $1\frac{1}{2}$ миляхъ. Шведы, послѣ незначительнаго сопротивленія, отступили, и заводъ былъ сожженъ. Съ непріятельской стороны убито 30 человѣкъ, пушекъ взято 7, съ нашей стороны убито солдатъ 3, ранено: поручикъ 1, нижнихъ чиновъ 14.

Ласси, въ послѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ, знаменитый военными подвигами въ царствованіе императрицъ Анны и Елисаветы, былъ Лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1729 по 1731 годъ, послѣ Григорія Петровича Чернышева, управлявшаго Лифляндіею по смерти Реннина до 12 Іюня 1729 г.

Текстъ указа отъ 9 Августа 1719, касающагося покупки хлѣба въ Ригѣ, писаннаго собственноручно государемъ, мною не разобранъ.

105.

Господинъ генералъ. Понеже Англичане уже присылали съ объявленіемъ на Аландъ письма на мое имя, которыхъ наши полномочные тамъ не приняли, но попросили списковъ, которые дали имъ Англичане; но наши, видя въ нихъ варварскій поступокъ, оныхъ не приняли: того для, ежели къ вамъ къ Ригѣ попытаются, также сдѣлайте, а писемъ не принимайте, также и въ прочемъ осторожнѣе будьте, и какія услышите вѣдомости, о томъ къ намъ пишите. Петръ, Сентября въ 19 день 1719 г., изъ С.-Петербурга, въ 1 часу по полудни.

P. S. Въ Перновъ къ коменданту о томъ также пишите отъ себя, дабы онъ имѣлъ отъ Англичанъ осторожность.

Хотя царь и приказывалъ Репнину писать отъ себя Перновскому коменданту Балабанову, но все таки отправилъ къ нему слѣдующій указъ:

Господинъ бригадиръ и комендантъ. Ежели къ Пернову отъ Англійскихъ кораблей какая будетъ къ вамъ попытка, и вы въ томъ будьте осторожны и никакихъ писемъ изъ Англійскаго флоту не принимайте. Петръ. Сентября въ 19 день 1719, изъ С.-Петербурга.

Извѣстно, что Англичане въ это время сблизились съ Швеціею и заключили съ нею мирный договоръ.

106.

Господинъ генералъ. О приготовленіи на гаванное дѣло лѣсу писали мы къ господину генералу адмиралу графу Апраксину, чтобъ онъ велѣлъ Ревельскимъ ландратамъ отвесть мѣста гдѣ тотъ лѣсъ рубить, а работниковъ къ тому велѣно опредѣлить съ Лифляндіи и Эстляндіи по препорціи, такожъ какъ и прежде сего для рубки и возки лѣсу сбираны: того для, по полученіи сего указу, учините распоряженіе о работникахъ немедленно по прежнимъ примѣрамъ, и о томъ о всемъ снеситесь съ господиномъ генераломъ адмираломъ, такожъ съ Ревельскими и Дерптскими ландратами, къ которымъ послушные указы посланы (дабы они въ томъ дѣлѣ господину генералу адмиралу были послушны) и, выбравъ для того, пошлите отъ себя въ Ревель добраго комисара. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Октября въ 22 день 1719 г.

За симъ указомъ слѣдуетъ указъ отъ 11 Ноября 1719, писанный собственноручно царемъ, о заготовкѣ хлѣба. Онъ написанъ столь неразборчиво и столь неясно, что прочесть его я не могъ.

107.

Господинъ генералъ. На письмо ваше, отъ 19 числа Ноября писанное, инаго не имѣемъ къ вамъ писать, токмо объявляемъ, чтобы вы пріѣзжали сюда сами къ празднику Рождества Христова, а какой указъ посланъ отъ насъ нынѣ къ Ильѣ Исаеву о покупкѣ хлѣба, съ того при семъ прилагается къ вамъ копія, и въ покупкѣ того хлѣба чините ему всякое вспоможеніе. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 7 день Декабря 1719 г.

Копія съ письма Его Царскаго Величества посланнаго къ Ильѣ Исаеву Декабря 4 дня 1719 г.:

Господинъ Исаевъ. Письмо твое Ноября отъ 19 числа до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что для покупки хлѣба послалъ ты въ Курляндію; но понеже указъ къ вамъ не въ такой силѣ посланъ, чтобъ такое число хлѣба вскорѣ сею зимою купить, но болѣе старайся, чтобъ чрезъ уговоръ и подрядъ поставить водою по веснѣ (рѣкою Двиною и прочими рѣками, кои къ ней прилегли) изъ Литвы, также и отъ нашихъ Россійскихъ городовъ, гдѣ хлѣбъ дешевле, а въ Курляндіи такого числа купить невозможно, къ тому жъ и цѣною тамъ дороже. Что же упоминается о деньгахъ, дабы за тотъ хлѣбъ платить ефимками, и ежели Польскіе купцы за тотъ хлѣбъ мелкими деньгами брать не станутъ, то плати сборными пошлинными ефимками, которые нынѣ у васъ въ сборѣ есть, а Русскимъ купцамъ Русскими деньгами, для чего прислано къ вамъ будетъ мелкихъ денегъ.

108.

Докладная записка, поданная государю княземъ Репнинымъ въ Петербургѣ:

1. Коликому числу во время атаки быть солдатъ, въ которомъ гарнизонѣ въ Лифляндіи?

Отвѣтъ. Во время нечаяннаго нападенія непріятельскаго съ моря, восемь полковъ вашей дивизіи раздѣлить въ Динаминдъ и Перновъ по полку, или въ Перновъ третій баталіонъ прибавить, а достальные въ Ригу.

2. Въ Воинскомъ Уставѣ напечатано: во время алярму или атаки гражданскихъ или купецкихъ людей употребить съ ружьемъ въ пристойныхъ мѣстахъ; а въ Ригѣ купечество разныхъ вѣръ и націй, и надѣюся разному сумнѣнію быть, и въ вышеозначенное время (ежели случится, чего не дай Боже) какъ оное купечество употребить?

Отвѣтъ. Кой часъ услышишь о прибытіи непріятеля, тогда немедленно, ружья обобравъ, оставить только старыхъ и малыхъ, да женскій полъ, прочихъ всѣхъ выслать вонъ изъ города и сказать подъ смертною казнію, чтобъ шли всѣ въ нашу землю, а не ино куды.

3. Также и съ уѣздомъ гдѣ живетъ шляхетство, на которыхъ къ вѣрности мало (мнится мнѣ) упованію быть, какъ поступать?

Отвѣтъ. Уѣзднымъ велишь такожъ удалиться внутрь, а въ городъ не пускать.

4. Когда фортеція пограничная суть, тогда надлежитъ быть всѣмъ удовольствована. А нынѣ въ гарнизонахъ Лифляндскихъ пороховые и провіантскіе магазины весьма слабы, о чемъ уже репортовалъ не единожды въ Сенатъ и въ Военную Коллегію, а денегъ и ничего нѣтъ, кромѣ сборовъ лицентскихъ ефимками, и оные отсылаются для передѣлки въ Москву на денежной дворъ, и чтобъ Лифляндскія фортеціи по Вашему Царскаго Величества указу вышеписаннымъ были удовольствованы для всякихъ (сохрани Боже) злыхъ случаевъ.

Отвѣтъ. О провіантѣ указъ въ Камеръ-Коллегіи уже данъ, а о порохѣ и амуниціи посланъ указъ въ Военную Коллегію.

5. Не повелитъ-ли Ваше Величество указомъ опредѣлить, дабы какъ въ землѣ, такъ и въ городахъ всякой бы имѣлъ для всякаго случившагося времени на всякую персону на годъ хлѣба и для лошадей фуражу.

Отвѣтъ. Надлежитъ учинить въ городахъ.

6. По указу Вашего Величества въ Курляндіи, въ Либавѣ и въ Виндавѣ описной хлѣбъ велѣно взять мнѣ въ свою диспозицію, и объ ономъ что повелите?

Отвѣтъ. Надлежитъ тотчасъ нынѣ взять въ Ригу.

7. Петеръ-шанецъ содержать-ли и починивать-ли его, и буде починивать, то надлежитъ и магазейнъ сдѣлать.

Отвѣтъ. Держать и починивать, а магазейнъ сдѣлать малой, понеже всегда оной дополнять мочно.

8. Магистратъ Рижской, по ихъ привиллегіямъ и по конфирмаціи Вашего Величества никакимъ судомъ до губернаментства и до гофъ-герихта не привязанъ, и хотя по указамъ отъ губернаментства противности великой еще не показалось, однако больше обходятся политическими отговорками и кумплементами, между чего объявляютъ вышеписанныя свои привиллегіи и Вашего Величества конфирмацію, а паче же въ строеніи фортеціи и въ нѣкоторыхъ противностяхъ съ гарнизономъ, и чтобъ для лучшаго съ ними управленія и послушанія Вашего Величества указомъ были опредѣлены.

9. Оной же Магистратъ между себя выбираетъ въ Магистратъ безъ вѣдома губернаментства (развѣ когда для почести скажутъ, что хотятъ выбрать, но персоны не объявляютъ) и въ томъ бываютъ и непотребныя къ тому между ими контры, о чемъ и прошенія отъ другихъ нынѣ произошли, а въ данныхъ нынѣ намъ инструкціяхъ взыскиваетъ сего на насъ, чтобъ были люди добрые и вѣрные.

Отвѣтъ. На 8 и 9-й пункты данъ будетъ указъ особой за нашею рукою.

10. Ваше Величество изволили указать мнѣ, дабы въ Ригѣ въ городѣ у артиллеріи городовой офицеру и прочимъ служителямъ иноземцомъ не быть, а быть (хотя и въ магистратской диспозиціи однакожъ) Русскимъ, и о помянутомъ потребно Вашего Величества указъ въ Военную Коллегію о присылкѣ оныхъ офицера и прочихъ служителей и къ Магистрату о послушаніи.

Отвѣтъ. О посылкѣ артиллерійскихъ офицеровъ указъ посланъ.

Записка сія перемѣчена по листамъ рукою Петра такъ: Въ- Питер- бурхѣ— въ- 10- день — Февраля — 1720 г. Петръ. —

Рига, при самомъ основаніи своемъ, была укрѣпленнымъ городомъ. Въ 1200 г. епископъ Альбертъ обвелъ весь городъ оборонительною стѣною съ башнями, и въ томъ же году Меченосцы выстроили укрѣпленный замокъ Виттенштейнъ, внѣ крѣпостной стѣны (гдѣ нынѣ Іоанновская церковь). — Въ 1209 г. Рига выдержала 1-ю осаду и именно со стороны Куровъ (Корсь).— 14-го Февраля 1329 г. Рига испытала 2-ю осаду: 13 мѣсяцевъ гермейстеръ Ливонскаго ордена Эбергардъ фонъ-Мангеймъ держалъ городъ въ

блокадѣ, и наконецъ вынудилъ Рижанъ покориться себѣ. Вступивъ въ покоренный городъ, Мангеймъ 15-го Іюня 1330 г. заложилъ гермейстерскій укрѣпленный зàмокъ (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ генералъ-губернаторскій зàмокъ). Съ этого времени явилось различіе городской ограды или собственно крѣпости, состоявшей въ вѣдомствѣ города, и укрѣпленнаго зàмка, состоявшаго въ вѣдомствѣ рыцарей.

Городскою крѣпостью завѣдывалъ Магистратъ, лучше сказать отдѣленіе Магистрата, называвшееся *Мунстеріею*. Мунстерія производила крѣпостныя работы, завѣдывала крѣпостною артиллеріею, всѣми военными припасами. Мунстеріи былъ подчиненъ и крѣпостной инженеръ, обыкновенно иностранецъ и чаще всего Голландецъ. Къ 1400 году относится начало насыпанія земляныхъ верковъ и укрѣпленія ронделями. Городъ и рыцарскій орденъ, иначе крѣпость и зàмокъ, постоянно враждовали между собою. То зàмокъ былъ осаждаемъ городомъ, то городъ замкомъ. 18 Мая 1484 г. горожане одолѣли рыцарей и сломали замокъ до основанія. Тѣмъ не менѣе рыцари не думали отказываться отъ власти надъ Ригою, возобновили военныя дѣйствія въ 1489 г., разбили Рижанъ въ 1491 г. на голову и принудили ихъ выстроить вновь гермейстерскій зàмокъ. — Въ 1499 г. началась постройка новаго зàмка (нынѣшній генералъ-губернаторскій домъ) и окончена въ 1515 г.—Съ 1525 г. гермейстеръ Плетенбергъ, утвердивъ привиллегіи Рижанъ, явился единственнымъ обладателемъ Риги. Архіепископъ Рижскій потерялъ всякое значеніе, а съ 1530 г. рондели въ крѣпости начали перестроивать въ бастіоны. Послѣ разгрома Ливоніи Іоанномъ Грознымъ, въ 1562 г. послѣдній гермейстеръ Готгардъ Кетлеръ сложилъ съ себя свое достоинство, присягнулъ Польшѣ и за тѣмъ провозглашенъ герцогомъ Курляндскимъ и Семигальскимъ и губернаторомъ Лифляндіи. — Зàмокъ занятъ былъ Польскимъ гарнизономъ, городская же крѣпость осталась во власти Магистрата. Въ 1601 и 1605 годахъ Ригу осаждали Шведы, но безуспѣшно. Въ 1621 г. 16 Сентября и зàмокъ и крѣпость покорились Густаву Адольфу. — Въ 1650 г. Шведы основали Рижскую цитадель по проекту генералъ-квартирмейстера Штернпильда, и потомъ въ 1670 г. дали ей то начертаніе, которое она сохранила и до нынѣ. Въ 1671 г. началась перестройка всѣхъ верковъ городской крѣпости, и работы продолжались до самаго завоеванія Риги Петромъ. 4-го Іюля 1710 г. Рига сдалась Шереметеву. Цитадель поступила въ казенное вѣдомство, ибо городъ въ постройкѣ ея не участвовалъ, и при Шведахъ она составляла собственность казны. Относительно же городской крѣпости въ § 8-мъ капитуляціи сказано: «всему тому, что̀ къ крѣпостному строенію принадлежитъ, такожъ всей артиллеріи въ городѣ, мортирамъ, пушкамъ, гаубицамъ и всякаго прочаго званія артиллеріи, цейхгаузамъ и что̀ въ нихъ имѣется и къ нимъ принадлежитъ, всему оружію, муниціи, пороховымъ погребамъ и магазейнамъ, не меньше же артиллерійскимъ и фортификаціоннымъ служителямъ съ небольшею городскою пѣхотою, остаться безъ всякой перемѣны подъ магистратскою дирекціею такъ, какъ оный Магистратъ все то до сего спокойно за собою содержалъ». Утверждая капитуляцію 30 Сентября 1710 г. Петръ противъ сего пункта отмѣтилъ: «дозволяется съ такою кондиціею, чтобъ Магистратъ со всякою ревностью на то смотрѣлъ, чтобъ все пока-

занное въ семъ пунктѣ завсегда въ такомъ состояніи содержать, дабы въ нужномъ случаѣ оное употребить было можно.—Такъ утвердилось различіе въ Ригѣ «цитадельской» и «городовой» крѣпостей. Составляя въ военномъ отношеніи одно цѣлое, цитадельская крѣпость была въ вѣдѣніи казны и завѣдывалась Рижскою инженерною командою, городская же крѣпость состояла въ вѣдѣніи Магистрата, и такъ продолжалось до 30 Сентября 1811 г., когда городская крѣпость, по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся еще въ 1809 г., перешла въ вѣдомство военныхъ инженеровъ.

Рижская городовая крѣпость существовала до 1857 года. Въ этомъ году, по Высочайшему повелѣнію, Рижская крѣпость упразднена и сдана 5 Ноября обратно Магистрату, но уже на сносъ. Съ 15 Ноября того же 1857 г. Магистратъ приступилъ къ ломкѣ главнаго вала и быстро двинулъ работами. — Къ 1862 г. крѣпостныхъ верковъ, воротъ, мостовъ, погребовъ уже не было.

Рижская цитадель существуетъ и по нынѣ. По Высочайшему повелѣнію отъ 22 Іюня 1867 г. она уже упразднена, и верки ея повелѣно сдать на сносъ городу же, но сдача не произведена еще: не кончены необходимые переговоры и условія съ городомъ.

По 10 пункту вышеприведенной записки Репнина былъ посланъ въ «городовую фортецію» артиллеріи маіоръ Ждановъ съ Русскими же артиллеристами. — На 8 и 9-й пункты послѣдовалъ слѣдующій указъ:

109.

Божіею милостію мы Петръ первый, царь и самодержецъ Всероссійскій и пр., и пр., и пр.

Объявляемъ вамъ, вѣрно любезные, высокошляхетные урожденцы и благоискусные бургомистры и райцы, нашу императорскую милость и благоволеніе.

Понеже увѣдомлены мы заподлинно, что у васъ по управленіямъ позволенныхъ вамъ отъ насъ въ городѣ Ригѣ отъ нѣкотораго между вами несогласія въ дѣлахъ принадлежащихъ къ интересу нашему, а особливо въ строеніи и починкѣ фортеціи и въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, оружейныхъ дворовъ, амуниціи и магазейновъ, такожъ артиллерійскихъ и фортификаціи служителей и городовой пѣхоты, происходятъ многіе непорядки, пренебреженіе и ослаба, чего, при настоящей продолжающейся у насъ со Швеціею войнѣ интересъ нашъ (въ предосторожность нашу) терпѣть не можетъ: того ради разсудили мы за потребно симъ вамъ нашимъ указомъ объявить, дабы вы въ вышеупомянутыхъ дѣлахъ, которыя къ охраненію города Риги принадлежатъ, т. е. въ строеніи и починкѣ фортеціи, въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, оружейныхъ дворовъ,

амуниціи и магазиновъ и служителей артиллерійскихъ и фортификаціи, такожъ и городовой пѣхоты поступали и чинили по диспозиціи генерала отъ инфантеріи, генерала-губернатора нашего князя Репнина, которому данъ нашъ указъ, чтобъ онъ во всемъ ономъ управленіе имѣлъ надлежащимъ образомъ. Такожъ, понеже намъ извѣстно изъ многихъ доношеній, что въ избраніи у васъ магистратскихъ и другихъ чиновъ, такожъ и въ судахъ чинится неисправленіе: того ради мы за благо разсудили дать указъ нашъ, по новоучиненнымъ въ государствѣ нашемъ регламентамъ, помянутому генералъ-губернатору нашему, дабы онъ того смотрѣлъ, чтобъ у васъ какъ то избраніе въ чины по достоинству, такъ и судъ по справедливости и правамъ безъ всякаго замедленія чинились, дабы изъ того подданнымъ нашимъ не было обиды. Въ прочемъ же имѣетъ онъ васъ оставить въ томъ при прежнихъ правахъ и порядкахъ по данной вамъ нашей привиллегіи, и такожъ надлежитъ вамъ и о томъ вышеписанномъ подавать ему извѣстіе, и пребываемъ вамъ нашею милостію склонный. Данъ въ С.-Петербургѣ, Февраля 23 дня 1720 года. Петръ. Графъ Головкинъ.

На содержаніе «городской фортеціи» Магистратъ не назначалъ первоначально никакихъ опредѣленныхъ суммъ, а отговариваясь уменьшеніемъ городскихъ доходовъ, началъ отпускать деньги въ столь уже ограниченномъ числѣ, что содержаніе фортеціи затруднялось. Сенатъ указомъ отъ 23 Марта 1731 г. нашелся вынужденнымъ предписать магистрату, чтобъ на содержаніе крѣпости онъ ежедневно расходовалъ 10 тысячъ рублей. Указъ этотъ былъ подтвержденъ въ 1760 году, и генералъ-фельдцехмейстеръ Шуваловъ 14 Января 1760 г. предписалъ канцеляріи Рижской артиллеріи и фортификаціи наблюдать за тѣмъ, чтобъ магистратъ непремѣнно издерживалъ въ годъ по 10 тысячъ рублей на крѣпостныя работы, и недоплоченныя деньги считать въ долгу за городомъ. Какъ плохо уплачивались эти деньги, видно изъ того, что при сдачѣ городской крѣпости въ 1811 году въ казну, недоплаченныхъ на работы денегъ считалось въ долгу за городомъ 96825 рублей серебромъ.

110.

Господинъ генералъ. По полученіи сего отпишите въ Ригу, дабы отправили въ Гданскъ къ капитану Вильбою изъ Рижскаго гварнизона солдатъ 70 человѣкъ, выбравъ кои помоложе, съ добрымъ поручикомъ, и отпиши отъ себя въ Митаву къ Петру Бестужеву, чтобъ онъ чрезъ Курляндію до Мемля далъ имъ тремъ человѣкомъ по подводѣ, чтобъ

скорѣе могли въ пути поспѣшить, а отъ Мемля гавани водою, и для того чтобъ онъ, Бестужевъ, нанялъ имъ судна, и велите имъ дать денежнаго жалованья на полгода, и сверхъ того, чтобъ снабдить ихъ въ дорогу провіантомъ со удовольствомъ. Петръ, въ 13 день Февраля 1720 г., въ С.-Петербургѣ.

Вильбоа, Никита (Францъ) Петровичъ, въ послѣдствіи контръ-адмиралъ, былъ женатъ на дочери пастора Глюка, въ домѣ котораго императрица Екатерина I провела свою юность, и пользовался большимъ благоволеніемъ царя.

111.

Господинъ генералъ. По полученіи сего выпиши изъ Данцига каштановыхъ деревъ 30 или болѣе и посади въ удобномъ гдѣ мѣстѣ для пробы, а 3 или 4 передъ моими палатами въ городѣ. Петръ. 11 Марта 1720 г.

Изъ посаженныхъ предъ палатами (нынѣ уѣздное училище) деревъ въ настоящее время осталось только два каштановыя дерева, растущія передъ окнами, обращенными къ Двинѣ. Судя по толщинѣ этихъ деревъ, нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что они были посажены именно по этому приказанію Петра.

112.

Господинъ генералъ. Письмо ваше Апрѣля отъ 20 числа до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ: драгунъ команды вашей отъ Смоленска возьмите сколько вамъ потребно, по своему разсужденію; о прочемъ обстоятельствѣ писано къ вамъ изъ Военной Коллегіи. Петръ. Въ 3 день Мая 1720 г. Изъ С.-Петербурга.

P. S. За присланные отъ васъ устерсы и цытроны благодарствуемъ, и оные зѣло свѣжи привезены.

113.

Господинъ генералъ. На письмо ваше Мая отъ 1 числа симъ отвѣтствуемъ: Рижскаго и Перновскаго гварнизоновъ полки отпущены отсель еще до вашего письма, только оставленъ одинъ полкъ. Такожъ пишетъ къ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что Курляндцы торговые просятъ позволенія, дабы ихъ хлѣбъ, который описанъ въ Либоу и Виндау, отпустить имъ въ Выборгъ и въ Гельсингфорсъ для продажи на счетъ Голландскихъ купцовъ; но понеже въ перевозѣ того хлѣба есть небезопасности, дабы не достался

непріятелю, того для велите взять у нихъ реверсъ, что ежели въ тѣ мѣста не будутъ, но инуды пойдутъ, то за оное заплатили бъ вдвое штрафу, а ежели такаго письма дать не похотятъ, то бъ они тотъ свой хлѣбъ для продажи привезли въ Ригу, и о томъ имъ велите объявить. Ежели же они замѣшкаются и вскорѣ того хлѣба въ помянутыя мѣста не отпустятъ, а между тѣмъ непріятель либо ускоритъ и высадитъ людей на Курляндскій берегъ, и въ такомъ случаѣ велите тотъ хлѣбъ сжечь, ежели оборонить будетъ не по силамъ, дабы въ руки непріятелю не достался. Петръ. Въ 11 день Мая 1720 г. Въ С. Петербургѣ.

Англія въ это время снаряжала сильный флотъ въ Балтійское море на помощь Шведамъ. Репнинъ принималъ всѣ мѣры для защиты береговъ Лифляндіи отъ высадки Англичанъ. Но извѣстно, что Англійскій флотъ, посланный въ Балтійское море съ цѣлію устрашить Петра, нимало не помѣшалъ Русскимъ опустошить Швецію.

114.

Господинъ генералъ. Когда прибудутъ изъ Голландіи торговые корабли для взятья мачтовыхъ деревьевъ, тогда отпустите на тѣхъ корабляхъ мачтовыхъ деревъ на нашъ счетъ столько числомъ, сколько въ приложенной при семъ росписи написано, и адресуйте ихъ въ Амстердамъ къ Данилу фонъ Левеку, и о томъ дайте знать господину послу князю Куракину. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 16 день Мая 1720 г.

По росписи было назначено отпустить въ Амстердамъ 63 мачтовыхъ дерева разныхъ размѣровъ.

115.

Господинъ генералъ. Здѣсь обносится слухъ, что ѣдетъ сюда отъ Англійскаго двора посланникъ или резидентъ Жефресъ или другой кто, и когда въ Ригу пріѣдетъ, то сколько возможно имѣйте осторожность, чтобъ недолго въ Ригѣ былъ и не нюхался бъ съ тамошними жителями, и для того немедленно его отправьте сюды на почтѣ, придавъ къ нему добрыхъ двухъ офицеровъ, которые бы всегда при немъ въ дорогѣ были неотступно, и ежели съ кѣмъ станетъ говорить, чтобъ они при томъ были, и для того изъ тѣхъ офицеровъ хотя бъ одинъ былъ такой, который бы зналъ

говорить по англійски. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Іюня во 2 день 1720 г.

P. S. *Корабли торговые, которые нагрузятся и похотятъ итти, не давай (итти?), подъ какимъ ни есть предлогомъ удержи и описывайся, а безъ письма отъ меня не отпускай.*

116.

Господинъ генералъ. Объявляю вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ Англійской и Шведской флоты къ Ревелю и стояли у Наргина острова и пересылались письмами, а между тѣмъ Шведы сожгли у насъ на Наргинѣ одну избу, да баню, которыя сдѣланы были для работныхъ людей. Потомъ во 2-й день сего мѣсяца пришла къ нимъ авизъяхтъ, по которой тотчасъ оба флоты пошли назадъ. Мы не знали причины такъ скораго ихъ отходу, понеже и отвѣту Норрисъ на свое письмо не дождался, но третьяго дня получили мы вѣдомость, что партія наша подъ командою бригадира фонъ Менгдена въ Швецію впала и паки счастливо чрезъ море перешла къ своимъ берегамъ, а что́ сдѣлала, при семъ прилагаю печатныя вѣдомости. Правда, хотя не гораздо великой непріятелю убытокъ учиненъ, только, слава Богу, сдѣлано то предъ глазами помощниковъ ихъ, чему препятствовать ничего не могли. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Іюня въ 8 день 1720 г.

Фонъ-Менгденъ былъ отправленъ съ 5-ти тысячнымъ отрядомъ въ Швецію изъ Финляндіи генераломъ княземъ Голицынымъ. Онъ высадился близъ городовъ старой и новой Уммы и истребилъ: шляхетскихъ дворовъ 2, деревень 41, а въ нихъ дворовъ крестьянскихъ 1026, мѣльницъ вѣтряныхъ 7, водяныхъ 10, амбаровъ 113, ластовыхъ судовъ съ хлѣбомъ и другими вещами 8, лодокъ 13. Скота брали, сколько могли.

117.

Господинъ генералъ. Письмо ваше отъ 8 числа сего мѣсяца до насъ дошло, въ которомъ пишете, что по указу торговые корабли подъ подлогомъ вы удержали, однакожъ когда шипоры будутъ объ отпускѣ съ принужденіемъ просить, тогда какъ съ ними поступать. И на сіе вамъ отвѣтствуемъ: что нынѣ торговые корабли, которые въ путь свой готовы будутъ, отпускайте безъ удержанія, *развѣ въ сихъ дняхъ паки Англійской флотъ явится; въ такомъ случаѣ не*

надлежитъ отпускать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Іюня въ 21 день 1720 г.

P. S. Получили мы письмо изъ Данцига отъ Эртмана, изъ котораго къ вамъ посылаемъ при семъ экстрактъ, противъ котораго имѣйте осторожность, и когда такой капитанъ Англійской прибудетъ въ Ригу и будетъ что́ противное дѣлать, то его вели задержать, и о томъ къ намъ пиши, такожъ имѣйте присмотръ и за тѣмъ купцомъ, къ кому онъ адрессованъ изъ Данцига.

Экстрактъ изъ письма оберъ-аудитора Эртмана, писаннаго къ Его Царскому Величеству изъ Данцига Іюня въ 7 день 1720 г.

Сего Іюня мѣсяца 4 числа пошелъ изъ здѣшней рейды одинъ Англійской капитанъ именемъ Кефельманъ со своимъ кораблемъ, съ пинкою Жорже, до Риги, которой капитанъ недавно пришелъ сюда изъ Швеціи и нагрузилъ здѣсь соли отвести въ Ригу къ купцу именемъ Гей (по англійски Hay), а понеже помянутой капитанъ взялъ съ собою нѣсколько сукъ (по англійски Boys), которымъ обычайно дѣлается знакъ другимъ о глубинѣ воды, а былъ здѣсь у купца Англійскаго именемъ Гопманъ, который, какъ я слышалъ, корреспондентъ съ адмираломъ Норрисомъ, что́ я повиненъ Вашему Величеству донести, а о подлинномъ онаго Англійскаго капитана намѣреніи донести не могу. О всемъ семъ я доносилъ его сіятельству генералу и кавалеру князю Репнину.

118.

Господинъ генералъ. Понеже прибывшій ко двору нашему Польскій полномочной посолъ, воевода мазовецкій Хоментовской именемъ королевскимъ и рѣчи посполитой приносилъ здѣсь жалобу, что въ Курляндіи отъ людей нашихъ чинятся многія обиды какъ во взятьи великихъ контрибуцій, такъ найпаче въ интересованіи въ тамошнее управленіе и сборы доходовъ: того ради, сего Іюня 9, указъ нашъ въ Митаву къ генералу комисару Бестужеву за подписаніемъ собственныя наши руки, дабы онъ въ Курляндіи ни въ какія тамошнія управленія и сборы пошлинные и другихъ всякихъ доходовъ не вступался, и отнюдь ни до чего не интересовался, съ котораго при семъ указа копія ради лучшаго выразумлѣнія вложена, и повелѣваемъ вамъ симъ,

дабы вы, по близости къ Курляндіи, надъ нимъ генераломъ коммисаромъ Бестужевымъ прилежное всегда надзираніе имѣли, чтобы онъ, будучи въ Курляндіи, поступалъ во всемъ противъ вышеозначеннаго нашего отправленнаго къ нему указу и въ управленіе, порядки и сборы доходовъ тамо отнюдь не интересовался и прочимъ жителямъ Курляндскимъ никакихъ обидъ и тягостей не чинилъ, такожъ и инымъ нашимъ людемъ того или инаго какого своевольства чинить не допускалъ и надлежитъ вамъ о томъ ему, Бестужеву, письмами своими по часту подтверждать и о всемъ отъ него частыхъ репортовъ требовать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Іюля 3 дня 1720 г.

Копія съ указа Его Царскаго Величества, отправленнаго къ генералу коммисару Петру Бестужеву.

Господинъ генералъ-коммисаръ. Повелѣваемъ тебѣ симъ нашимъ указомъ, дабы ты, по полученіи сего, въ княжествѣ Курляндскомъ ни въ какія тамошнія управленія и сборы тамошніе и другихъ всякихъ доходовъ не вступался, и отнюдь ни до чего не интересовался, кромѣ однѣхъ мѣстностей, опредѣленныхъ отъ оберъ-ратовъ Курляндскихъ на содержаніе племянницѣ нашей вдовствующей герцогинѣ Курляндской царевнѣ Аннѣ, и ежели, кромѣ сихъ мѣстностей, гдѣ индѣ въ Курляндіи люди наши у какихъ сборовъ или у надзиранія оныхъ нынѣ есть, тѣхъ всѣхъ тебѣ оттуда свесть, такожъ буде и какіе Курляндскіе сборщики подъ твоимъ управленіемъ у какихъ сборовъ были, оныхъ всѣхъ подчинить оберъ-ратамъ и объявить онымъ Курляндскимъ оберъ-ратамъ, дабы они всѣ тѣ сборы доходовъ и прочее управленіе въ Курляндіи (кромѣ помянутыхъ мѣстностей, опредѣленныхъ племянницѣ нашей) въ свою диспозицію приняли, и въ томъ отчетъ, кому надлежитъ, сами впредь давали. Такожде мы увѣдомлены, что въ Курляндіи на почтовыхъ подставахъ стоятъ многія подводы, а именно по 20 и болѣе, что̀ Курляндцы себѣ за немалую тягость причитаютъ, того ради ты съ тѣхъ почтовыхъ становъ въ Курляндіи лошадей немедленно убавь, и учреди на каждомъ стану для нужныхъ посылокъ держать съ перемѣною токмо по 6 лошадей, и за тѣмъ у посылаемыхъ куръеровъ вели брать поверстныя деньги противъ того какъ платятъ за

такія почтовыя лошади въ Лифляндіи, а именно по 2 алтына на 10 верстъ и лошадь, а безъ такихъ поверстныхъ денегъ никому тѣхъ почтовыхъ подводъ давать не вели, такожъ и въ прочемъ никакихъ налоговъ Курляндскимъ жителямъ не чини, и никому чинить не позволяй. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день Іюля 1720 г.

Не для однихъ жалобъ на Бестужева прибылъ въ Петербургъ Хоментовскій. Главнѣйшею цѣлію посольства было получить съ царя выговоренныя по прежнимъ договорамъ субсидіи и требовать отдачи Ливоніи. Посольство Хоментовскаго, конечно, не имѣло ни малѣйшаго успѣха. (См. Ист. Россіи Соловьева, томъ XVII, стр. 293—296).

119.

Господинъ генералъ. Письмо ваше Іюля отъ 10 числа до насъ дошло, въ которомъ пишете о шкипорѣ, который сказалъ, что транспортныя суда непріятель распустилъ, и понеже вѣрить во все то невозможно: и для того, по первымъ вамъ даннымъ указамъ имѣйте всякую предосторожность, и у того шкипора для лучшаго увѣренія возьмите за присягою письменное подтвержденіе въ томъ, что правда ли онъ сказалъ, и ежели онъ присягою тожъ подтвердитъ, то вели его изъ-за ареста свободить, а ротмистра присылай въ Воинскую Коллегію, какъ вы о томъ сами писали. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 18 день Іюля 1720 г.

120.

Господинъ генералъ. Писали мы къ племянницѣ нашей царевнѣ Аннѣ, чтобъ она пріѣзжала въ Ригу и была бы тутъ до нѣкотораго времени, пока мы къ ней отпишемъ: того для заранѣе приготовь ей въ Ригѣ квартиру, и вели скорѣе собрать подводы, на чемъ ей отъ Митавы до Риги ѣхать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Августа въ 5 день 1720 г.

P. S. Приложенное при семъ письмо къ племянницѣ нашей немедленно отошлите въ Митаву.

Герцогиня прибыла въ Ригу 18 Августа, 1 Сентября пріѣхалъ сюда князь Ал. Дан. Меньшиковъ, и они вмѣстѣ отправились въ Петербургъ 5 Сентября.

121.

Господинъ генералъ. Объявляемъ вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ услышали мы, что непріятельскіе корабли и галеры явились въ Ламеландской гавани, по ко-

торымъ вѣдомостямъ писали, дабы генералъ князь Голицынъ, взявъ добрую часть галеръ, или самъ шелъ, или послалъ для поиску надъ онымъ, а сего мѣсяца въ 6 день получили отъ него чрезъ маіора Шипова зѣло радостную вѣдомость, что онъ непріятеля въ вышерѣченномъ мѣстѣ засталъ и далъ съ нимъ бой, и съ помощію Божіею четыре фрегата отъ нихъ взялъ, изъ которыхъ два взяты абордажемъ на полномъ ходу. И сею нечаянною викторіею вамъ поздравляемъ, а какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость. Петръ. Въ 8 день Августа 1720 г., изъ С.-Петербурга.

Сраженіе происходило 27 Іюля въ шхерахъ у острова Гренгама. Взято 4 фрегата, на нихъ офицеровъ и прочихъ морскихъ и сухопутныхъ служителей 407, убито 103, пушекъ взято 104. На Русскихъ галерахъ убито сухопутныхъ и морскихъ 82, ранено 203, опалено 43, всего выбыло 328, въ томъ числѣ офицеровъ убито 2, ранено 6 и опаленъ 1.

122.

Указъ господину генералу и губернатору Лифляндскому князю Репнину. При семъ посылаемъ къ вамъ книгу Воинскаго Морскаго Устава, которая нынѣ напечатана, и какъ оную получите, то по оной поступайте, какъ со своими такъ и съ иностранными, и объявите всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, чтобъ всякій о должности своей, что̀ кому прилично, вѣдалъ и поступалъ такъ, какъ добрымъ и честнымъ людямъ надлежитъ, дабы послѣ не могъ никто невѣдѣніемъ отговариваться. И сей указъ велите записать въ Рижской канцеляріи въ книгу, дабы и впредь кто по васъ будутъ управители о сей книгѣ вѣдали, и всегда въ памяти имѣли, и отдавали бъ сей указъ при перемѣнахъ одинъ губернаторъ другому съ росписками. Петръ. Въ 18 день Августа 1720 г. Въ С.-Петербургѣ.

P. S. При семъ же посылаемъ еще такихъ же двѣ книги, изъ которыхъ пошлите одну въ Перновъ, другую въ Динаминдъ, и напишите къ комендантамъ отъ себя указы, въ таковой же силѣ, какъ выше писано.

Морской Уставъ 26 Августа былъ посланъ къ Перновскому коменданту бригадиру Алексѣю Балабанову, а 27 Августа къ Динаминдскому коменданту полковнику Ивану Кропотову.

Уставъ сей напечатанъ въ VI томѣ П. С. З. подъ № 3485.

123.

Господинъ генералъ. Въ 8 число сего мѣсяца, взятые Шведскіе фрегаты сюда съ тріумфомъ пришли вѣтромъ вестъ-зюйдъ-вестомъ и какъ оные шли, также предводили и замыкали ихъ галеры, тому прилагаю копорштыхъ ([12]) при семъ, также и пирамидѣ съ проблемами, которая для сего тріумфа на Троицкой площади сдѣлана. Сіи фрегаты давно приведены были, но замѣшкались за тѣмъ, что двоихъ изъ нихъ на комеляхъ вводили въ устье; при семъ же посылаю ихъ препорцію длины, ширины и глубины. Правда, что написаны фрегатами всѣ, но два изъ оныхъ Штуръ-Фениксъ и Венкеръ сей рангъ превосходятъ; понеже Фениксъ былъ о 50 пушкахъ, но раненъ былъ, того для палуба верхняя снята; а Венкеръ и теперь двоепалубный и съ фордекомъ и имѣетъ 44 окна пушечныхъ, только исподней лагъ Шведы не употребляли для тѣсноты или низости между палубъ. Сего тріумфа нынѣ послѣдній третій день, и всѣ ночи убраны луминаціями зѣло изрядно. При вводѣ ихъ стрѣляно съ обоихъ крѣпостей изъ столька пушекъ, сколько на нихъ взято. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Сентября въ 11 день 1720 г.

Размѣры взятыхъ кораблей были слѣдующіе:

	Длина.	Ширина.	Глубина въ водѣ.
Сторъ-Фениксъ .	110 футъ	29 ф. 7 дюйм.	13 футъ.
Данскъ-Эрнъ . .	109 —	24 — 2 —	13 —
Сискенъ	76 —	20 — 2 —	9 — 6 дюйм.
Венкеръ	109 —	30 — —	17, между палубъ 5 ф. 1 д. оконъ пушечныхъ 44.

124.

Господинъ генералъ. Податель сего письма господинъ Збуржинскій отпущенъ отъ насъ въ свое отечество, и когда онъ къ вамъ пріѣдетъ, тогда на время отведите ему въ Ригѣ квартиру, также отпишите въ Курляндію къ Бесту-

---

([12]) Копорштыхъ—гравюра. Къ этому указу приложены три гравюры, довольно отчетливо выполненныя. На одной гравюрѣ изображены медали, выбитыя по случаю побѣды, на второй — взятые корабли и на третьей — пирамида.

жеву, чтобъ онъ его отправилъ безъ задержанія. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 11 день Сентября 1720 г.

125.

Господинъ генералъ. Увѣдомились мы, что отъ Пернова на корабляхъ не малое число за море отпускаютъ лѣсу. И по полученіи сего отпускъ за море лѣсу запретить, дабы никто не отпускали, *понеже ставится безлѣсно.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 25 день Сентября 1720.

126.

Господинъ генералъ. Всешутѣйшаго князь-папы веселіе будетъ нынѣшняго мѣсяца съ 15 числа и продолжится три дня, ежели можешь (..... одного слова не разобрано) зѣло желаемъ, чтобъ ты былъ, ибо (..... также слова не разобрано) хорошо будетъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 5 день Октября 1720 г.

127.

Господинъ генералъ. Имѣемъ мы вѣдомость, что Голстинскій герцогъ отъ Бреславля путь свой взялъ инкогнито, подъ именемъ одного капитана Томсона, и будетъ оной свой путь продолжать чрезъ Курляндію къ Ригѣ: того для отправьте изъ Риги на встрѣчу къ нему добраго офицера, и велите ему подводы и прочее что принадлежитъ къ пути его приготовить, такожъ и конвой по разсмотрѣнію, ежели онъ самъ будетъ требовать, о чемъ и къ Бестужеву въ Курляндію отпишите отъ себя, чтобъ вспомогалъ, и когда герцогъ въ Курляндію прибудетъ, чтобъ ему всякое почтеніе чинилъ, такожъ и въ Ригѣ приготовьте для его добрую квартиру, *и въ прочемъ сколько возможно чините къ его удовольству и намъ дай знать, какъ въ Ригу прибудетъ.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, Марта въ 1 день 1721 г.

Петръ самъ пригласилъ герцога Голстинскаго Карла Фридриха въ Россію, чтобъ побудить Шведовъ къ миру опасеніемъ, что онъ будетъ оружіемъ поддерживать права его, герцога, на Шведскій престолъ. Къ этому же царь хотѣлъ и лично познакомиться съ герцогомъ, такъ какъ въ то время возникало предложеніе брачнаго союза между нимъ и царевною Анною Петровною.

По прибытіи герцога въ Ригу, царь 11 Марта отправился сюда изъ Петербурга. 12 Марта выѣхала въ Ригу и царица Екатерина Алексѣевна. Государь въѣхалъ въ Ригу 17 Марта при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ и остановился въ собственныхъ палатахъ, гдѣ его встрѣтили гер-

цогъ Голстинскій и герцогиня Курляндская Анна Іоанновна. Петръ пробылъ въ Ригѣ до 22 Мая.

128.

Его Царскому Величеству рабское доношеніе отъ генералъ-губернатора Репнина.

1. Въ Лифляндскихъ гварнизонныхъ полкахъ офицеровъ многое число некомплектъ, а которые и есть, и въ тѣхъ много старыхъ и неискусныхъ.

Вмѣсто отвѣта рукою государя отмѣченъ крестъ ×.

2. Магазейнами, какъ пороховыми, такъ и хлѣбными, зѣло скудно, для чего нынѣ лежитъ не въ удобныхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Отвѣтъ (13). Пріискать удобныя мѣста и объявить съ рисункомъ и своимъ мнѣніемъ.

3. Въ городѣ Ригѣ башня пороховая обвѣтшала и для того разобрана, и вмѣсто оной надлежитъ построить городомъ пороховой магазейнъ вновь, который въ томъ-ли мѣстѣ строить или гдѣ въ другомъ, избравъ удобное и безопасное мѣсто?

Отвѣтъ. Гдѣ лучше и безопаснѣе; напередъ избрать и показать мѣсто.

4. Цитадель и городъ Ригу и Динаментшанцъ гдѣ надлежитъ починить, по прежнему-ль починивать, а паче же въ цитадели валъ подорванный зѣло слабъ въ крѣпости, а матеріаловъ къ каменной работѣ надобно немалое число, а здѣшнимъ приготовленіемъ тѣхъ матеріаловъ и мастерамъ управиться невозможно. Также Петеръ и Табакъ-шанцы такъ ли додѣлывать какъ нынѣ начаты или другимъ образомъ?

Отвѣтъ. Сдѣлать рисунки и смѣту во что станетъ, и по онымъ смотрѣть надлежитъ, что̀ первѣй и что̀ одно по другому.

5. Каналъ, который съ поля проведенъ въ городовой ровъ, также который въ городѣ былъ, чистить-ли и починивать-ли?

Отвѣтъ. Городовой чистить, а что̀ съ поля перво осмотрѣть.

---

(13) Всѣ отвѣты писаны собственноручно Петромъ.

6. Здѣсь въ Ригѣ обыкновеніе купецкимъ морскимъ судамъ глубокаго ходу останавливаться на рейдѣ, и изъ него выгружаютъ на малыя суда и перевозятъ за наемъ, а нанимаются здѣшнія мелкаго грузу суды; а мое мнѣніе: лучше бы было Вашего Царскаго Величества мелкаго грузу ластовыя суда прислать и со служители и помянутую перегрузку перевозить на нихъ за наемъ.

Отвѣтъ. Писано въ Петербургъ о высылкѣ сколько будетъ потребно, и вольныхъ не допускайте, когда сіи будутъ.

7. Когда былъ отправленъ сюда для управленія здѣшней провинціи и городовъ тайный совѣтникъ баронъ господинъ Левенвольде и ему дана инструкція какъ управлять во всякихъ интересахъ, которая и нынѣ у сына его генерала адъютанта. А оная здѣсь для управленія весьма потребна, ибо нынѣ данная мнѣ инструкція изъ Правительствующаго Сената къ здѣшнимъ управленіямъ (которыя особливо состоятъ) мало слѣдуетъ: того ради нижайше прошу дать мнѣ инструкцію вновь, или отъ генерала адъютанта Левольда, сына помянутаго тайнаго совѣтника, отобравъ, отдать мнѣ.

Отвѣтъ. ×

8. Нынѣ здѣсь ландратскихъ вакансовъ не мало отъ умершихъ, а иные за великою старостію отъ службы отказываютъ, а здѣсь обыкновеніе, и Вашего Величества всемилостивѣйшею резолюціею подтверждено, выбирать въ ландраты самимъ шляхтѣ и для конфирмаціи доносить тотъ выборъ Вашему Величеству, а сбираютъ къ тѣмъ ландратовъ собраніямъ въ городѣ, и нынѣ просятъ, чтобъ имъ повелѣно было учинить собраніе для ландратскаго избранія, и выбрать.

Отвѣтъ. Число есть въ ихъ привеллегіи, а дѣлать чтобы выбирали надежныхъ.... (нѣсколько словъ не разобрано мною).

9. Курляндскій шляхтичь Сакенъ проситъ Вашего Величества, дабы ему заплачено было за огни, которые онъ всегда имѣетъ на Курляндской сторонѣ для хода корабельнаго съ моря въ Ригу; а, по справкѣ, здѣсь въ Ригѣ во владѣніе высокой державы Вашего Величества ему за тѣ огни ничего не плачено, и оному прилагается къ сему экстрактъ подъ знакомъ А, и по тому его прошенію платить ли за тѣ огни за прошлые годы и впредь, и изъ какихъ доходовъ?

Отвѣтъ. Дать за огни и платить изъ такихъ доходовъ, изъ которыхъ плачены при Шведскомъ владѣніи.

10. По доношенію доносителя Салмона, чинена инквизиція въ корресподенціи въ Швецію и другія мѣста, изъ чего экстрактъ прилагается и съ росписью описныхъ пожитковъ и товаровъ и денегъ корреспондентовъ подъ знакомъ Б, для резолюціи.

Отвѣтъ. ×

11. По его доношенію о двухъ мызахъ будто владѣютъ нѣкоторые шляхта безъ документовъ, и одна сыскана въ публичныхъ, а другою владѣлъ шляхтичь яко приватною, о которой нынѣ слѣдуетъ инквизиція, а надѣюся и впредь таковыя найдутся, и съ таковыми мызами и владѣтелями что чинить?

Отвѣтъ. Отбирать, а за владѣніе, исправя гдѣ что съ нихъ получили, брать.

12. Которые здѣшніе Лифляндцы выѣхали отсюда, иные предъ взятіемъ, а иные и по взятьи здѣшней провинціи и крѣпостей, и живутъ въ Гамбургѣ и другихъ таковыхъ же мѣстахъ и, по публикованіи указнаго термина (которые не явятся въ годъ и въ шесть недѣль, здѣсь таковые отъ всего будутъ лишены), спустя не мало время, нѣкоторые изъ нихъ въ подданство присягали въ Гамбургѣ у резидента Бетхера и тѣ присяги сюда прислали, и сами по прежнему тамъ же живутъ, а по какому указу здѣсь присягали неизвѣстно, и тѣ присяги и ихъ за подданныхъ признавать-ли?

Отвѣтъ. Не признавать.

13. Помянутый Салмонъ нынѣ доноситъ и впредъ ежели будетъ доносить въ какихъ неважныхъ дѣлахъ, а именно въ корреспонденціи и пересылкѣ денегъ и прочее, кромѣ Швеціи, и оные принимать-ли и слѣдовать-ли? Притомъ же и челобитная его о награжденіи.

Отвѣтъ. Принимать, а награжденіе дать надобно, чтобы сыскалъ, дабы инымъ было охотнѣе служить.

И на вышеписанное сіе мое доношеніе рабски прошу Вашего Царскаго Величества всемилостивѣйшаго указу. Князь Репнинъ, Апрѣля 25 дня 1721 года, въ Ригѣ.

Приведенныя здѣсь резолюціи по сему докладу писаны государемъ въ Ригѣ 15 Мая 1721 г.

129.

Указъ генералъ-губернатору господину князю Репнину.

1) По дѣламъ, которыя слѣдуются здѣсь по доношенію Ягана Салмона, надлежитъ купца Гильбода Лидерсона пытать, какая еще корреспонденція была предъ симъ, и понеже въ важномъ дѣлѣ къ нему послѣднее письмо явилось, по тому можно знать, что непервое и, можетъ быть, о многомъ къ нему писано было, и о такихъ вредныхъ дѣлахъ съ кѣмъ здѣсь говаривалъ и кого знаетъ такихъ же корреспондентовъ.

2) Съ другихъ, которые корреспонденцію имѣли, взять штрафъ слѣдующей, что хотя къ свойственникамъ или корреспондентамъ ихъ подлинно посылали, которые въ Швеціи и въ другихъ мѣстахъ, оное доправить, а что изъ казны дано, то вдвое, и при томъ объявить, кто о чемъ будетъ впредъ корреспондовать хотя о маломъ какомъ дѣлѣ, то казненъ будетъ смертью и все имѣніе будетъ взято, а что у кого такихъ еще здѣсь, или въ землѣ явится, то взять яко опальное.

3) По дѣлу Михеля Мальма спросить Магистрата, для чего, вѣдавъ заказъ, что не корреспондовать, а позволили оному корреспондовать. Петръ. Въ Ригѣ, въ 15 день Мая 1721 г.

130.

Меморія генералъ-губернатору господину князю Репнину.

1) Придѣлать палатку къ нынѣшней канторкѣ такою величиною, и дверь сдѣлать въ круглую лѣстницу и подъ нею жилья.

2) Дворъ хлѣбниковъ купить или на выморочной промѣнять и двери проломать.

3) Заготовить къ строенію на новомъ мѣстѣ, что близъ Александрова шанца, плитнаго камня, кирпичу и извести; а кирпичь, кажется, лучше подрядить изъ Голландіи или изъ Любека на товары.

4) Каналъ вычистить, которымъ прежде сего въ ровъ вода текла, и привесть воду сего лѣта.

5) Островъ весь обдѣлать фашинами отъ рѣки, дабы тутъ быть верфу сего города; сіе дѣлать по окончаніи работъ въ зачатомъ огородѣ.

6) Для разводу лѣсовъ, избравъ удобную землю, вспахать и насѣять дубовыми желудями, также липовымъ и кленовымъ семенемъ.

7) Огородъ съ трехъ сторонъ, кромѣ рѣчной, огородить досками палками. Петръ. Мая въ 22 день 1721 г., въ Ригѣ.

Огородъ, о которомъ упоминается здѣсь, есть нынѣшній царскій садъ, заложенный Петромъ въ 1721 г., во время пребыванія въ Ригѣ. Въ этомъ саду указываютъ на липу, посаженную, какъ говоритъ преданіе, самимъ Петромъ. Въ настоящее время царскій садъ сильно запущенъ.

131.

Указъ генералъ-губернатору господину князю Репнину.

Увѣдомились мы, что денежные сборы и доходы, которые здѣсь сбираются, всѣ не употребляются къ тому, къ чему они опредѣлены и что въ содержаніи здѣшней фортификаціи и въ прочихъ нужнѣйшихъ учрежденіяхъ отъ бургомистровъ и Магистрата здѣшняго города есть пренебреженіе немалое, и хотя мы позволили тѣмъ денежнымъ сборамъ и доходамъ по прежнему у нихъ быть, однакожъ въ нынѣшнюю нашу здѣсь бытность дали имъ указъ, чтобъ безъ вѣдома вашего никуда оныхъ не употребляли, и ежемѣсячно исправную вѣдомость, какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ денегъ, за руками вамъ подавали; того для по вышеписанному указу, какъ въ приходѣ, а наипаче въ расходѣ денегъ, прилѣжное имѣйте смотрѣніе, чтобъ на непотребные расходы употреблены не были. Петръ. Мая въ 22 день 1721 г., въ Ригѣ.

Тоже самое царь писалъ еще 18 Мая 1721 бургомистрамъ и Магистрату города Риги. Указавъ на пренебреженіе немалое фортеціи, Петръ повелѣвалъ имъ: «дабы тѣми деньгами не располагать и никуда оныя не употреблять, безъ вѣдома и не объявя о томъ напередъ здѣшнему нашему генералу и генералъ-губернатору князю Репнину, которому вы такожде ежемѣсячно исправную вѣдомость, какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ тѣхъ денегъ, за подписью подавать имѣсте».

132.

Господинъ генералъ. Понеже, какъ пишетъ Юнсенъ, что у огородной работы солдатъ больше не бываетъ, какъ человѣкъ по 800, а иногда малымъ чѣмъ больше и меньше: того для, по полученіи сего, велите къ той работѣ солдатамъ прибавить изъ гварнизонныхъ сколько возможно, дабы скорѣе могли отдѣлать. Петръ. Изъ Ревеля, Іюня въ 15 день 1721 г.

133.

Господинъ генералъ. Отправленъ отъ насъ къ вамъ въ Ригу поручикъ отъ гвардіи Шемякинъ для осмотрѣнія лѣсовъ по уѣзду для огорода, и чего онъ будетъ отъ васъ требовать, а именно офицеровъ и солдатъ и прочаго, дайте ему безъ замедленія. Петръ. Изъ Ригергофа, въ 8 день Іюля 1721.

134.

Господинъ генералъ. Понеже зѣло намъ нужно, чтобъ перевесть къ князю Куракину денегъ 8638 ефимковъ, того для поговори ратсгеру Цимерману или другимъ Рижскимъ купцамъ, чтобъ на то число вексель дали, и какъ дадутъ, то немедленно отправь на почтѣ въ Голландію къ князю Куракину и о томъ къ намъ для вѣдома пиши: тогда мы вмѣсто того велимъ имъ заплатить здѣсь въ Петербургѣ или на Москвѣ, кому они велятъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 26 день Іюля 1721 г.

P. S. Также надобно вамъ пріѣзжать сюда самому къ 15 числу Августа, *понеже на завтріе начнется князь-папы новоселье.*

135.

Господинъ вицъ-губернаторъ ([14]). Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцати одно лѣтнюю такъ жестокую и опасную войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить изволилъ, которой миръ заключенъ Августа въ 30-е въ Нейштатѣ и онымъ вамъ поздравляемъ. И за сію толикую божескую милость надлежитъ трикратно благодареніе учинить: первое тотчасъ, какъ вѣдомость придетъ, другое Октября 22 дня, третье Генваря 28 дня, дабы два послѣднія во всемъ государствѣ вдругъ отправлены были. И всѣ три съ троекратною пушечною стрѣльбою. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день Сентября 1721 г.

P. S. Сіе, какъ ландратомъ и шляхетству, такъ и Магистрату, объявите, такожъ и всему народу.

Манифестъ о Ништатскомъ мирѣ былъ привезенъ въ Ригу флота капитаномъ Госларомъ 28 Сентября и въ тотъ же день былъ прочитанъ въ цитадели, въ Домской церкви и въ церкви Св. Якова, въ присутствіи вице-

---

([14]) Боейковъ.—Репнинъ въ это время былъ Петербургѣ.

губернатора Воейкова, дворянства, Магистрата, двухъ гильдій и мѣщанства, при пушечной пальбѣ. Текстъ Ништатскаго трактата напечатанъ въ VI томѣ П. С. З. подъ № 3819. Разграниченіе земель со Швеціею произошло въ 1723 г. См. о томъ П. С. З. томъ VII, № 4189.

136.

Указъ господину генералу князю Репнину. Предъ нѣсколькимъ временемъ писали мы въ Митаву къ Петру Бестужеву, чтобъ о выкупленіи въ Курляндіи княжескихъ закладныхъ отъ шляхтъ амтовъ и маетностей съ ними договариваться, на что оной отвѣтствовалъ, что нѣкоторые изъ шляхты къ тому нынѣ явились склонны: того для отпиши отъ себя въ Ригу, чтобъ переслали къ нему нынѣ изъ Рижскихъ доходовъ напередъ для задатку за маетности 30000 ефимковъ *выдать*. Въ С.-Петербургѣ, Октября въ 29 день 1721 г.

Указъ этотъ государемъ не подписанъ, но слово *выдать* написано имъ собственноручно.

137.

Указъ генералъ-губернатору, господину князю Репнину. Понеже, по милости Вышняго, имѣемъ миръ, въ которомъ о распорядкахъ домовыхъ трудиться надлежитъ, изъ которыхъ обрѣтаемъ и сіе, что городъ Рига великое купечество имѣетъ, а все на чужестранныхъ судахъ, отчего какъ прибыли лишаемся, такъ и въ обученіи навигаціи, чего ради мы даемъ безденежно сему городу *десять* судовъ морскихъ и съ матросы, которые они долженствуютъ содержать, и буде какое несчастіе придетъ надъ которымъ, то вмѣсто его новое сдѣлать, какое хотятъ, лишь бы не меньше ластами, и тако всегда сіе число имѣть, и не точію имѣть, но и тщиться еще умножить, для чего надлежитъ Магистрату немедленно верфь зачать, *гдѣ прилично*. Матросовъ должны имѣть на своей платѣ. Петръ. Въ С.-Петербургѣ, въ 17 день Ноября 1721 г.

О семъ учиня анштальты и репортовать ([15]).

138.

Господинъ генералъ. Предъ симъ писалъ къ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что оберъ-гауптманъ Ренъ въ

([15]) Корабельной верфи въ Ригѣ зачато не было; верфи нѣтъ въ Ригѣ и въ настоящее время; анштальты — Anstalt, учрежденіе.

Курляндіи поступалъ противно нашему интересу и потомъ, по разговорамъ его Бестужева, тѣ противныя поступки чинить пересталъ; а нынѣ онъ же Бестужевъ пишетъ, что помянутой Ренъ, взявъ съ собою адвоката Витмана, поѣхалъ въ Гданскъ, а изъ Гданска хотѣлъ ѣхать для дѣлъ князя Фердинанда въ Варшаву, и ежели онъ по прежнему будетъ противности чинить, то въ Курляндскія его маётности командируйте роту или больше драгунъ, смотря по препорціи его деревень, и велите имъ брать для себя провіантъ и фуражъ. Петръ. Съ Петровскихъ заводовъ, Марта въ 7 день 1722 г.

Герцогъ Фердинандъ постоянно проживалъ въ Данцигѣ, гдѣ онъ и умеръ 4 Мая 1737 г. Ренъ, назначенный въ должность оберъ-гауптмава самимъ герцогомъ, хлопоталъ о томъ, чтобы всѣ герцогскіе доходы пересылались въ Данцигъ.

139.

Господинъ генералъ-губернаторъ. Доносителя сего подпоручика Юнсена послали мы въ Ригу съ чертежемъ тамошняго огорода, а что́ ему велѣно дѣлать, и то усмо́трите изъ данной ему инструкціи и сколько потребно будетъ для сажанья въ тотъ огородъ какихъ деревъ, и оныя велите немедленно, пріискавъ, возить и сажать, также и прочее что́ надобно велите дѣлать. Петръ. Въ Москвѣ, изъ Преображенскаго, Марта въ 18 день 1722 г.

Въ инструкціи Юнсену указано, гдѣ, по какимъ дорожкамъ и какія сажать деревья.

140.

Господинъ генералъ. Пишетъ адмиралъ Крейцъ, что онъ объ отдачѣ товаровъ корабля Фондалинга, который разбило у Любека, къ генералу коммисару Бестужеву многократно писалъ, дабы съ помянутаго корабля товары отдать страховщикамъ, которыхъ и по нынѣ тѣмъ страховщикамъ еще не отдали, отъ чего не малой убытокъ имъ учинился, ибо присыланъ былъ для пріему помянутыхъ товаровъ отъ нихъ корабль, который, выстоя 6 недѣль, возвратился паки въ Любекъ праздно: того для, ежели еще тѣ товары не отданы, то, какъ возможно скорѣе, велите ихъ тѣмъ страховщикамъ отдать, буде же добровольно не отдадутъ, то принудьте ихъ силою отдать, и тѣ напрасные убытки на виноватыхъ доправить. Петръ. Въ 8 день Мая 1722, изъ Преображенска.

141.

Господинъ генералъ. Когда капитанъ отъ гвардіи нашей Бибиковъ, по врученной ему отъ насъ коммисіи, чего у васъ требовать будетъ, то по предложенію его чините. Петръ. Въ Москвѣ, въ 11 день Мая 1722.

Такожъ ему о нѣкоторомъ дѣлѣ наказано, когда прибудетъ, и то вамъ чинить, такъ дѣлайте.

142.

Господинъ генералъ. Когда на строеніе въ Ригѣ нашихъ домовъ и огородовъ потребны будутъ деньги, тогда на оные употребляйте изъ какихъ нибудь Рижскихъ сборовъ, а что́ издержано будетъ, и то число впредь возвратите изъ тѣхъ денегъ, которыя будутъ сбираться съ выкупныхъ въ Курляндіи амптовъ отъ Петра Бестужева. Петръ. Изъ Коломны, Мая въ 16 день 1722 г.

Этотъ и предъидущій указы подалъ Репнину капитанъ Бибиковъ Іюня 5 дня 1722.

143.

Господинъ генералъ. Объявляемъ вамъ, что мы отъ Астрахани шли моремъ до Терка, и отъ Терка до Аграхани, отколь послали универсалы, а тамъ, выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи, которая несказанной трудъ въ своемъ маршѣ имѣла отъ безводицы и худыхъ травъ, а особливо тотъ корпусъ, который отъ Астрахани шелъ съ генералъ-маіоромъ Кропотовымъ. Къ бригадиру Витеранію посланъ былъ указъ, чтобъ онъ шелъ къ Андреевой деревнѣ, и оную разорилъ, ежели не укрѣплена какъ слухъ носился, и когда оной еще съ прямой дороги къ нимъ и не поворотилъ, но сталъ прямою дорогою приближаться, то отъ оныхъ атакованъ былъ; потомъ, съ помощію Божіею, непріятель побитъ, и деревню ихъ, въ которой сказываютъ съ 3 тысячи дворовъ было, разорили и выжгли безъ остатку и пришли къ намъ; а потомъ и Кропотовъ отъ Астрахани; и какъ оныхъ дождались, пошли въ путь свой, и дошли до сего мѣста. Дорогою все видѣли смирно и отъ владѣльцевъ горскихъ приниманы пріятно лицемъ (а сія пріятность ихъ была съ такой ихъ воли, какъ проповѣдь о божествѣ Христовѣ, реченное: что намъ и тебѣ Іисусе, сыне Бога жи-

ваго); только какъ вошли во владѣнье салтана Мамута Утемышевскаго, оной ничѣмъ къ намъ не отозвался; того ради послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ Донскихъ казаковъ Августа 19 по утру, и тогожъ дня 3 часа по полудни изволилъ сей господинъ нечаянно насъ атаковать (чая насъ неготовыхъ застать), которому гостю зѣло были ради (и особливо робята, которые свисту не слыхали), и, принявъ, проводили его кавалеріею, и третьею частію пѣхоты до его жилища. Отдавая контра-визитъ и побывъ тамъ для увеселенія ихъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ (а именно сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, съ 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ сожгли шесть). Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было 10 тысячь; такое число не его, но многихъ владѣльцевъ подъ его именемъ, и чуть не половина пѣхоты, изъ которыхъ около 600 человѣкъ отъ нашихъ побитыхъ сочтено, да взято въ полонъ 30 человѣкъ. Съ нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ, а пѣхотѣ ничего не досталось: ни урону, ни находки, понеже ихъ не дождались непріятели. Потомъ, когда приближились къ сему городу, то наипъ (намѣстникъ) сего города встрѣтилъ насъ и ключь поднесъ отъ воротъ. Правда, что сіи люди нелицемѣрною любовію приняли, и такъ намъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Изъ Баки такія жъ письма имѣемъ, какъ изъ сего городу прежде приходу имѣли; того ради и гварнизонъ туды отправимъ. И тако въ сихъ краяхъ съ помощію Божіею футъ получили, чѣмъ вамъ поздравляемъ. Маршъ сей хотя недалекъ, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ. Петръ. Отъ Дербента, въ 30 день Августа 1722 г.

4 Октября Петръ прибылъ обратно въ Астрахань, 7 Ноября отправился въ Москву, куда 13 Декабря имѣлъ торжественный въѣздъ; въ Петербургъ прибылъ 3 Марта 1723 г. См. въ статьѣ Соловьева: Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ въ Вѣстникѣ Европы, 1868, Мартъ, стр. 163—202.

144.

Господинъ генералъ. Писалъ ты въ нашъ кабинетъ отъ 17 числа сего мѣсяца, что Рижской экономіи оберъ-комисаръ Фелькерзамъ подалъ тебѣ меморіалъ, въ которомъ до-

носитъ, что съ мызы Вольфартъ бывшаго барона Петра Шафирова прикащикъ его объявилъ ему 987 талеровъ-албертусъ, да 387 талеровъ - курантъ и нѣсколько концовъ полотна, и ты неизвѣстенъ, какой указъ есть о ономъ Шафировѣ и просишь указу, какъ въ томъ и въ прочихъ дѣлахъ, ежели случатся, поступать; а понеже онъ, Шафировъ, за преступленіи свои штрафованъ отнятіемъ чести и чиновъ, и всѣ его имѣнія, движимыя и недвижимыя, взяты на насъ, того для оныя объявленныя деньги и полотна возьми у него, Фелькерзама, въ нашу казну и вели публиковать указъ въ Ригу и во всей Лифляндіи, чтобъ кто имѣетъ на Шафирова деньги или иныя какія вещи, чтобъ объявляли безъ утайки подъ смертною казнію. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 29 день Марта 1723 г.

Петръ Павловичъ Шафировъ, въ 1691 переводчикъ въ посольской канцеляріи, въ 1709 г. подканцлеръ и баронъ, въ 1722 дѣйствительный тайный совѣтникъ, былъ преданъ суду 9 Январи 1723 г. за присвоеніе себѣ значительныхъ суммъ денегъ по почтовому вѣдомству, за произвольное возвышеніе почтовой таксы, и за укрывательство въ своихъ помѣстьяхъ бѣглыхъ,—и осужденъ на смерть. 15 Февраля Петръ измѣнилъ судебный приговоръ: Шафировъ былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Имѣніе его конфисковано. Императрица Екатерина I въ 1725 простила Шафирова, возвратила ему баронское достоинство и призвала въ С.-Петербургъ. Онъ умеръ 1 Марта 1739 г.

Главнымъ виновникомъ паденія Шафирова былъ Меншиковъ. Судъ надъ Шафировымъ обнаружилъ и злоупотребленія Меншикова.

145.

Господинъ генералъ. Понеже слышимъ, что Магистратъ Рижской Поляковъ озлобляетъ арестованіемъ за свои долги и прочими тягостями, отчего Поляки уже почитай не ѣздятъ сами, но токмо что́ Рижане у нихъ закупятъ, то привозятъ, а сами обратились въ Кенигсбергъ: того ради тихонько о семъ провѣдай, а чего нельзя тихо, и явно розыщи, также у пріѣзжихъ самъ спроси, да и въ Литву добраго человѣка пошли, дабы о семъ подлинно намъ вѣдать, чѣмъ недовольны Поляки и какого удовольства желаютъ, отчего бы могъ торгъ Рижской въ такое состояніе притить, какъ предъ прошлою войною было, и что́ возможно учинить, дабы ихъ и отъ другихъ портовъ къ Рижскому обратить, не только отгонять; и о всемъ, развѣдавъ и розыскавъ, подлинное

вѣдѣніе съ нарочнымъ добрымъ прислать, который могъ бы и на словахъ о томъ съ нами говорить. Бенкендорфа, который отпросился по жену, по сю пору не было; вышли съ провожатымъ и съ женою немедленно сюда. Петръ. Въ 30 день Апрѣля 1723 г. Изъ С.-Петербурга.

146.

Господинъ генералъ-губернаторъ. Въ Рижскомъ уѣздѣ публичную деревню, именуемую Гофригенъ, отдайте на аренду до указу нашего подпоручику Петру Іонсену, а между тѣмъ увѣдомь насъ: нѣтъ-ли къ оной мызѣ наслѣдниковъ, и по скольку платится съ оной аренды, и сколько гаковъ и въ нихъ дворовъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 19 день Мая 1723 г.

147.

Господинъ генералъ. Посолъ Персидской, который присланъ просить помочи отъ насъ, также и о возведеніи на престолъ новаго шаха, негоціацію сію окончилъ и за оную помочь всѣми провинціями, лежащими по Каспійскому морю, намъ вѣчно уступилъ, которымъ новымъ успѣхомъ вамъ поздравляемъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день Сентября 1725 г.

P. S. Каковъ трактатъ о тѣхъ уступленныхъ провинціяхъ учиненъ, оной печатной при семъ къ вамъ посылаемъ.

Трактатъ, заключенный между Петромъ I и Персидскимъ шахомъ Тахмасибомъ, 12 Сентября 1723 г., помѣщенъ въ П. С. З. томъ VII, подъ № 4298.

148.

Господинъ генералъ. Слышалъ я, что въ Курляндіи смолу дѣлаютъ въ печахъ каменныхъ; постарайся такихъ мастеровъ достать сюда; также, получа сіе письмо, поѣзжай къ Москвѣ, куда мы всѣ ѣдемъ. Я зѣло сожалѣю о твоей болѣзни, и понеже съ Москвы я поѣду на Олонецъ, куда и тебѣ надобно будетъ ѣхать, понеже отъ ипохондріи никакое лекарство такъ способно, какъ тамошнія воды; о прочемъ о чемъ ты писалъ, какъ увижусь, переговорю о всемъ, а иное уже сдѣлано. Петръ. Изъ С.-Петербурга, во 2 день Декабря 1725 г.

15 Ноября 1723 г. состоялся манифестъ о коронованіи Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны. См. П. С. З. томъ VII, № 4366.

Государь назначалъ было день коронаціи на Рождество въ 1723 г.

149.

Господинъ генералъ. Писали мы къ вамъ въ 2 день сего мѣсяца, чтобъ вы ѣхали къ Москвѣ, по полученіи того письма, куда и мы хотѣли ѣхать вскорѣ; но нынѣ не вѣдаемъ, можемъ ли къ празднику Рождества быть въ Москвѣ или нѣтъ: того для и вы ѣздою къ Москвѣ обождите до другаго нашего указу, а прочее чините по первому письму. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Декабря 4 дня 1723 г.

150.

Господинъ генералъ. Когда вамъ будетъ легче отъ болѣзни, пріѣзжай сюда и буде не можно будетъ въ семъ мѣсяцѣ, то хотя въ первыхъ Февраля. Суперинтенденту Бриску объяви, чтобъ онъ нынѣ сюда пріѣхалъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Генваря въ 5 день 1724 г.

Съ самаго учрежденія Военной Коллегіи въ 1718 г. Меншиковъ былъ президентомъ оной. Слѣдствіе надъ Меншиковымъ, учрежденное тотчасъ послѣ суда надъ Шафировымъ, обнаруживъ его злоупотребленія, обнаружило вмѣстѣ съ тѣмъ, что главныя средства къ непозволительному обогащенію Меньшиковъ почерпалъ изъ Военной Коллегіи. Наложивъ 200 тысячъ рублей штрафа на Меншикова, Петръ лишилъ его званія президента Военной Коллегіи и вызвалъ Репнина для занятія этой должности.

151.

Господинъ генералъ. Присланной отъ тебя чертежъ коммуникаціи Пейпускаго озера съ рѣкою Аа, которой чертежъ дѣлалъ полковникъ Бриль, и описаніе его Брилево на тотъ чертежъ мы видѣли, и первая коммуникація, что изъ озера мимо Ряпиной мызы рѣкою Весною, весьма неудобна, но другая рѣкою Эмбахомъ, которая идетъ мимо Дерпта, удобна до самаго мѣстечка Валки; а отъ онаго мѣстечка до рѣки Аа, написано въ описаніи его Брилевомъ, что рѣчкою Педелемъ разстоянія на прямикъ полторы мили, но токмо горами и болотами великими, гдѣ будто никакимъ способомъ комуникаціи учинить не возможно, потому что и теченіе оной рѣчки неспособно. Того для пошли еще кого искуснаго человѣка, или его же Бриля, и вели ему отъ мѣстечка Валки до рѣки Аа осмотрѣть подлинно, не возможно-ли горы обойтить низкими мѣстами, а ежели болоты есть, въ томъ сомнѣваться не надлежитъ, понеже помѣша-

тельства въ дѣлѣ отъ нихъ не будетъ, и чтобъ, сдѣлавъ чертежъ, прислать къ намъ, а другой въ Ригѣ оставить. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 30 день Генваря 1724 г.

Это послѣдній, полученный Лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, имянной указъ Петра I.

Кн. Репнинъ въ Февралѣ 1724 г. прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ должность президента Военной Коллегіи, съ оставленіемъ и въ званіи Лифляндскаго генералъ-губернатора. 7 Мая 1724 г., въ день коронаціи императрицы, онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

Репнинъ и Меншиковъ никогда не жили въ ладахъ между собою. Раздоръ выказывался явно. Такъ Лефортъ писалъ 7 Ноября 1724: «Третьяго дни, на крестинахъ у Ягужинскаго, Меншиковъ и Репнинъ сильно поругались между собою, взводя другъ на друга обвиненія въ семи смертныхъ грѣхахъ». (См. Herrmann, Geschichte des russischen Staates, 4 Band, Seite 443).

Императоръ Петръ скончался 28 Января 1725 г., а 18 Марта князь Репнинъ уже былъ смѣщенъ съ должности президента и получилъ повелѣніе ѣхать къ своему мѣсту въ Ригу.

Указы императрицы Екатерины I Лифляндскому генералу-губернатору князю Репнину.

1.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Ѣхать вамъ въ Ригу и, пріѣхавъ, чинить слѣдующее:

1. Осмотрѣть всѣ магазейны, также артиллерію и амуницію, и въ чемъ есть недостатокъ, о томъ писать къ намъ, также въ Сенатъ и въ Воинскую Коллегію, а наипаче имѣть стараніе о провіантѣ, чтобъ его всегда было въ магазейнахъ года на два, а по нуждѣ на полтора.

2 Развѣдать подлинно, всѣ-ль Рижскіе жители и Лифляндское шляхетсво и обыватели у присяги были, и ежели которые не были, о тѣхъ развѣдать подлиннѣе, для чего не были, и кто противны явились, о такихъ разыскивать и писать къ намъ.

3. Осмотрѣть фортификацію Рижскую и цитадель, и гдѣ испортилось, въ тѣхъ мѣстахъ велѣть починить.

4. Питеръ-шанцъ, по вашему мнѣнію, также генералъ-маіора Кулона и другихъ инженеровъ, надлежитъ снесть, а вмѣсто того сдѣлать траншаментъ на острову.

5. И какъ для сихъ, такъ и для исправленія губернскихъ дѣлъ надлежитъ вамъ быть тамъ будущее лѣто, а между тѣмъ о нужныхъ дѣлахъ, о чемъ принадлежитъ, писать къ намъ, также и въ Сенатъ; а въ осень, о пріѣздѣ вашемъ сюда, присланъ будетъ къ вамъ указъ.

6. Дѣла Воинской Коллегіи, въ небытіи вашемъ, исправлять членамъ, кои съ вами были, а между тѣмъ на время прикажемъ вѣдать генералу фельдмаршалу господину князю Меншикову.

7. Освѣдомиться, не сыщутся ли на выкупъ какіе закладные ампты въ Курляндіи, также о прежнихъ покупныхъ Курляндскихъ амптахъ, которые куплены на наши кабинетныя деньги, прислать къ намъ вѣдомость: коликое число съ оныхъ въ сборѣ было на прошлые годы денегъ и прочаго, и на что̀ издержаны и что̀ за тѣмъ есть въ остаткѣ.

8. О прочемъ, хотя чего здѣсь и не написано, а усмотрите что̀ нужно будетъ намъ и государственному интересу, о томъ о всемъ развѣдывать и чинить, какъ честному въ свѣтѣ и доброму генералъ-фельдмаршалу надлежитъ, и наипаче имѣть осторожность отъ стороны Польской и Курляндіи, и ежели что̀ новое услышите, о томъ писать къ намъ и въ Сенатъ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, Марта 18 дня 1725 г.

2.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Письмо твое, отъ 16 числа сего мѣсяца писанное, до насъ дошло, въ которомъ написано, что о поминовеніи высокославной и вѣчно достойной памяти его Величества Государя Императора доносилъ Рижской регирунгсъ, о чемъ просишь указу: и, по полученіи сего, то поминовеніе по ихъ обычаю вели отправить въ 30 будущаго Мая, такожъ вели и въ прочихъ мѣстахъ, яко въ Аренсбургѣ и въ Динаминдѣ, то поминовеніе по ихъ обычаю отправить, о чемъ велѣли мы послать указы по всѣмъ церквамъ другихъ законовъ изъ Синода.

По экстракту, присланному отъ тебя о вѣдомостяхъ отъ обрѣтающагося въ Курляндіи, мы о всемъ извѣстны. Екатерина. Въ 27 день Апрѣля 1725 г.

P. S. Устерсы отъ васъ получены, и благодарствуемъ.

Въ православныхъ церквахъ панихида по усопшемъ императорѣ была отслужена 3 Февраля. 4 Марта войска присягали Императрицѣ Екатеринѣ I въ цитадели, Магистратъ же и мѣщанство присягали 5 Марта въ Домской церкви.

3.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. По посланному къ вамъ указу изъ Сенату, генералу барону фонъ-Аларту лежащія въ Лифляндіи мызы Вольмерсгофъ, Муремойсъ, Буртнекъ и Швартенъ, съ которыхъ сбирается въ годъ аренды

по 3860 ефимковъ, отдайте на аренду; изъ вышеписаннаго числа ефимковъ 1860 ежегодно съ него берите, а 2000 ефимковъ опредѣлили мы ему въ жалованье, какъ о томъ къ вамъ изъ Сената писано. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, Мая въ 26 день 1725 г.

Инженерный генералъ, баронъ Людвигъ Николаевичъ Галлартъ поступилъ на Русскую службу, по рекомендаціи короля Августа II, въ 1700, въ качествѣ генерала Польскаго, окончательно же присягнулъ на службу въ 1706 г. Галлартъ участвовалъ во всѣхъ походахъ Петра, въ 1711 г. вышелъ въ отставку, въ 1721 г. поступилъ на службу вновь и умеръ въ Лифляндіи, въ своихъ помѣстьяхъ, 28 Марта 1728 г.

4.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Увѣдомились мы, что вы остаточныя за расходомъ деньги, вырученныя въ Курляндіи съ выкупныхъ княжескихъ амптовъ, 7355 талеровъ велѣли прислать въ Ригу, и то хорошо. И какъ помянутыя деньги въ Ригу привезутъ, то, оставя изъ оныхъ рублевъ до 1000 на роздачу солдатамъ заработныхъ денегъ, достальныя пришлите къ намъ, и впредь тѣхъ денегъ, безъ собственнаго нашего указу, ни на какіе расходы употреблять не велите, и о томъ отъ себя къ господину Бестужеву пошли указъ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, въ 7 день Іюля 1725 г.

5.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Письма ваши отъ 18 Іюля, да отъ 15 Августа до насъ дошли, и на оныя отвѣтствуемъ: что выкуплено въ Лифляндіи закладныхъ коронныхъ мызъ 32, и то изрядно, только мы желаемъ видѣть, коликое число бываетъ въ сборѣ въ годъ доходовъ и какихъ порознь. Церковь въ цитадели лучше бы сдѣлать каменную, и для того велите сдѣлать чертежъ, каковой ей быть и, смѣтяся, учинить роспись что́ надобно кирпичу, камня и прочихъ потребныхъ къ тому матеріаловъ и съ чертежемъ прислать къ намъ заранѣе. Что же принадлежитъ о возвращеніи денегъ, которыя издержаны изъ Рижской рентереи за выкупные въ Курляндіи амптыи, и о томъ учинена будетъ резолюція впредь. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, Сентября въ 3 день 1725 г.

6.

Понеже, чаю, памятно вамъ, что блаженныя и высокославныя памяти Государь Императоръ намѣреніе свое имѣлъ, дабы завесть въ Ригѣ партикулярную верфь, но понеже тогда многія тому препятствовали причины, а наипаче что кончиною Его Императорскаго Величества пресѣклось; но понеже мы, не хотя такихъ дѣлъ для пользы народной опустить, находимъ къ тому нынѣ изрядной способъ, а именно, что здѣсь въ Петербургѣ корабельныхъ дубовыхъ лѣсовъ многое есть число: того для поговорите искусно и какъ бы отъ себя, не упоминая нашего указу, съ Рижскими купцами, которые есть доброжелательные, надобны ли имъ торговые корабли для ихъ коммерціи и какой препорціи и сколько, и ежели надобны, то имъ велимъ сдѣлать здѣсь кораблей отъ 5 до 7 или и до 10 изъ своего лѣсу, который имъ дадимъ безденежно, только бъ они заплатили за работу плотникамъ что̀ надлежитъ, тако жъ и за такелажъ, а какъ тѣ корабли сдѣланы будутъ, то мы велимъ ихъ до Риги проводить своими матросами и отдадимъ ихъ вовсе для ихъ коммерціи. Сіе намъ зѣло нужно, въ чемъ приложите свое стараніе и что̀ сдѣлаете о томъ къ намъ пишите.

Подъ симъ указомъ не означено даты, и нѣтъ никакой подписи.

7.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Билъ челомъ намъ гофъ-юнкеръ нашъ Андрей Древникъ, чтобъ, за его службы, для скудости, дать ему въ Перновскомъ уѣздѣ лежащую коронную мызу Аудернъ, въ которой, по вѣдомости Камеръ-Коллегіи по ревизіи 1716 г., $10\frac{1}{2}$ гаковъ, съ нее доходовъ въ казну положено брать аренды, хлѣба и стаціи, всего $482\frac{1}{2}$ рубля, и по тому его челобитью оную мызу Аудернъ, за его службы и для его бѣдности, отдать ему во владѣніе впредь до указу нашего безъ аренды. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, Сентября 30, 1725 г.

8.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Понеже мы въ лошадяхъ цуковыхъ имѣемъ нужду, того для велите пріискать купить въ Ливоніи два цука, да въ Курляндіи два жъ цука

хорошихъ легкихъ лошадей, шерстьми булапыхъ или соловыхъ или воронопѣгихъ, цѣною отъ 300 до 400 рублевъ цукъ, и чтобъ въ каждомъ было по 7 и по 8 лошадей, и какъ пріищите, то, приторговавъ ихъ, о деньгахъ пишите къ намъ. Екатерина. Декабря 15 дня 1725 г. Въ С.-Петербургѣ.

9.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Билъ челомъ намъ оберъ-кихенъ-мейстеръ Янъ Фелтенъ, чтобъ за его службы пожаловать ему въ Дерптскомъ дистриктѣ въ Теальскомъ и Фельскомъ кирхшпилѣ публичную мызу Игастъ, въ которой, по ревизіи 1723 году, 8 гаковъ съ осьмухою, съ нея доходовъ положено брать аренды и стацій всего 454 ефимка, и оную мызу за его службы отдать ему во владѣнье впредь до указу нашего безъ аренды. Екатерина. Изъ С.-Петербурга, въ 29 день Генваря 1726 г.

10.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Получили мы ваше отъ 18 дня Февраля письмо, въ которомъ пишете, что мызу Игастъ, лежащую въ Дерптскомъ дистриктѣ, по посланному къ вамъ Генваря 29 дня указу, оберъ-кухмейстеръ нашъ Янъ Фелтенъ, за тѣмъ что ко оной имѣется наслѣдная претензія, не взялъ, а проситъ оный Фелтенъ, чтобъ вмѣсто оной пожаловать ему публичную мызу въ Дерптскомъ же уѣздѣ, въ Нейнпинскомъ кирхшпилѣ, именуемую Унипихтъ, въ которой по ревизіи 1723 году, 8 гаковъ, и оную мызу Унипихтъ, выкупя, отдайте оному Фелтену, по силѣ перваго нашего указу, безъ аренды со всѣми принадлежностями. Екатерина. Въ 24 день Февраля 1726 г.

11.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Билъ челомъ намъ генералъ-суперинтендентъ Лифляндской Генрихъ Брининкъ, что за 14 лѣтъ по 1725 годъ жалованье выдавано ему половинное, только по 400 рублевъ

на годъ, и чтобъ на тѣ годы недоданное его жалованье ему выдать, или бъ вмѣсто того пожаловать ему лежащую въ Лифляндіи въ Перновскомъ дистриктѣ, въ кирхшпилѣ Тарвасъ, мызу, именуемую Сусленъ, въ которой, по ревизіи 1725 г., 11 гаковъ. Того для велите ему оную мызу отдать вмѣсто недоданнаго его жалованья до указу нашего безъ аренды. Екатерина. Изъ С.-Петербурга, въ 6 день Марта 1726 года.

12.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ писали вы къ намъ, что на строеніе церкви, которую надлежитъ строить въ Рижской цитадели, потребно кирпичу 1300000, которой надлежитъ купить цѣною по 13 рублевъ тысячу, что̀ зѣло дорого, а потомъ пишете вы въ кабинетъ отъ 2 числа сего мѣсяца, что при Ригѣ кирпичные заводы есть и кирпичь дѣлается: того для, по полученіи сего, велите на вышеписанное строеніе на тѣхъ заводахъ кирпичу сдѣлать предбудущимъ лѣтомъ солдатами и наемными работниками до милліона, для котораго дѣла отправлены къ вамъ два человѣка кирпичныхъ мастеровъ. Однакожъ велите напередъ смѣтиться, по чему того кирпичу тысяча на своихъ заводахъ станетъ и годенъ ли онъ будетъ въ церковное и въ другія нужныя строенія, и ежели въ наружныя стѣны будетъ не годенъ, то хотя бъ во внутреннія стѣны, а на наружныя стѣны мочно по нуждѣ выписать изъ Любека или изъ Гданска, отколь дешевле или мочно, и отсель лучшаго кирпича можемъ отправить; и о томъ о всемъ къ намъ пишите, также и на фундаментъ велите заранѣе приготовить камня и извести сколько потребно, а деньги на то строеніе употребляйте изъ доходовъ съ выкупныхъ въ Курляндіи амптовъ отъ тайнаго совѣтника Бестужева, о чемъ отъ насъ къ нему указъ посланъ. Екатерина. Въ 14 день Марта 1726 г. Въ С.-Петербургѣ.

Копія съ указа Бестужеву отъ 14 Марта 1726 года:

Господинъ тайной совѣтникъ. Понеже мы повелѣли генералъ-фельдмаршалу господину князю Репнину вмѣсто деревянной церкви въ цитадели Рижской построить каменную, и на дѣло той церкви, на камень, на кирпичь и на прочіе

матеріалы и на дачу мастеровымъ и работнымъ людямъ потребна не малая сумма денегъ: того для которыя деньги сбираются съ выкупныхъ курляндскихъ амптовъ, и оныя на то строеніе отпускайте къ нему генералъ-фельдмаршалу.

Екатерина.

Тѣмъ не менѣе деревянной церкви не ломали и новой не строили. Она существовала до 1776 г., когда императрица Екатерина II повелѣла построить въ цитадели вмѣсто деревянной, пришедшей въ совершенную ветхость, новую каменную гарнизонную церковь. Работы начались въ томъ же 1776 г., по проекту Рижскаго архитектора Габерланда, и были окончены въ 1786 году. Церковь эта, сохранявшая за собою прежнее наименованіе гарнизонной Петропавловской, переименована въ каѳедральный Петропавловскій соборъ въ 1836 г.

13.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору князю Репнину.

По полученіи сего, для додѣлки другой половины Рижскаго огорода, велите вывесть лифляндскими обывателями изъ лѣсовъ клену, липы съ 50 тысячъ деревъ, или сколько вамъ объявитъ камергеръ нашъ Питеръ Іонсенъ, и чтобъ оныя деревья вывезены были въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца. Для сажанія оныхъ деревъ и додѣлки дома и пруда опредѣлите въ тотъ нашъ огородъ на работу 400 человѣкъ, да для береженья и содержанія чистоты въ первомъ огородѣ опредѣлите 10 человѣкъ, чтобъ были безперемѣнные. Екатерина. Изъ С.-Петербурга, въ 6 день Марта 1726 г.

14.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Билъ челомъ намъ генералъ господинъ Лессій, чтобъ лежащую въ Лифляндіи въ Венденскомъ дистриктѣ, въ Кальценовскомъ кирхшпилѣ, публичную мызу Кальценовъ, которую онъ содержитъ на арендѣ, пожаловать ему въ вѣчной арендной платежъ, а по справкѣ съ Каморъ-коллегіею въ той мызѣ, по послѣдней 1725 года ревизіи, до 19 $^3/_4$ гаковъ, аренды и стацій деньгами и хлѣбомъ сбирается 1034 ефимка, и оную мызу Кальценовъ велите отдать ему, Лессію, за службы его въ вѣчной арендной платежъ, и аренды брать съ него, по чему прежде онъ платилъ. Екатерина. Марта 16 дня 1726 г.

15.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору господину князю Репнину.

Била челомъ намъ покойнаго оберъ-инспектора рижскаго Даненштерна жена его вдова Кристина, что въ прошломъ 1724 году била челомъ она блаженной и вѣчно достойной памяти Его Императорскому Величеству о сбавкѣ аренды лежащей въ Дерптскомъ уѣздѣ, близь Печерскаго монастыря, маетности, именуемой Киримпей, понеже оная во время съ Шведскою короною войны разорена, и не малое число мужиковъ до войны и въ войну въ моровое повѣтріе вымерло, и въ Россію вывезено, на которой ея челобитной Его Императорское Величество собственною своею рукою изволилъ подписать: *сбавку учинить по разсмотрѣнію генералъ-губернатору*, и по тому указу опредѣлено ей, Даненштерншѣ, платить съ той маетности аренды двѣ трети, а третья часть сбавлена до указу съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ оную всегда имѣть въ готовности, и какъ спросятъ заплатить бы сполна куды повелѣно будетъ, и чтобъ съ помянутой маетности аренды платить ей двѣ трети, а сбавленную третью часть съ нея не спрашивать, понеже и тѣ двѣ арендныя трети, за разореніемъ оной маетности, прибавливая своими, платитъ съ нуждою. А по справкѣ въ помянутой маетности Киримпей, по послѣдней ревизіи, явилось 47 гаковъ и $^5/_8$ доль, податей съ нея сбирается по 2653 ефимка, по 21 грошу въ годъ, а треть учинитъ 784 ефимка $40^1/_3$ грошей; и по полученіи сего указу оной сбавленной третьей части съ нея Даненштерниши спрашивать до указу нашего не велите. Екатерина. Въ 16 день Марта 1726 г. Изъ С.-Петербурга.

16.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору Лифляндскому господину князю Репнину.

Билъ челомъ намъ камергеръ нашъ Питеръ Юнсенъ, чтобъ вмѣсто мызы Уденкили, которая отошла отъ него наслѣдникамъ, пожаловать ему въ Рижскомъ дистриктѣ, въ Руенскомъ кирхшпилѣ, публичную мызу Руйенъ-Гросгофъ, которую онъ содержитъ нынѣ на арендѣ, а по справкѣ съ Каморъ-коллегіею въ той мызѣ, по послѣдней 1725

году ревизіи, написано $28^5/_8$ гаковъ, съ оной сбирается аренды 1380 ефимковъ, стацій 201 ефимокъ 8 грошей; того для велите оную мызу ему отдать въ вѣчную аренду, а для его скудости и за службы его на пропитаніе брать отъ него половину вышеписанной аренды, а другую половину оставлять ему. — Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, въ 26-й день Марта 1726 г.

17.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору князю Репнину.

По полученіи сего, въ Рижской губерніи, въ Рижскомъ дистриктѣ, въ кирхшпилѣ Салисбургъ, публичную мызу Отенгофъ, въ которой, по ревизіи 1725 г., 15 гаковъ, а аренды и стацій сбирается въ годъ 829 ефимковъ, которая по вѣдѣнію Каморъ-коллегіи явилась выкупленная и къ ней никакой наслѣдной претензіи нѣтъ, отдайте по поламъ: половину гофъ-юнкеру нашему Алексѣю Татищеву, другую половину лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанту Степану Медвѣдеву за ихъ службы, до указу, безъ аренды.— Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, Мая 7 дня 1726 году.

Это послѣдній указъ, данный Императрицею Репнину.

Въ Архивѣ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора не имѣется ни одного имяннаго указа за 1727, 1728 и 1729 годы. — Можетъ быть, они не сохранились, но можетъ быть за это время указовъ и не послѣдовало.— Слѣдующая за указами 1726 г. книга заключаетъ въ себѣ уже указы Императрицы Анны Іоанновны, начинающіеся съ 1730 года.

Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ умеръ въ Ригѣ 3 Іюля 1726 года и 10 Іюля похороненъ въ Алексѣевской церкви (1). На похоронахъ его были:

---

(1) Въ замковой Успенской церкви, на хорахъ въ стѣнѣ, вдѣланъ большой деревянный гербъ генералъ-фельдмаршала Репнина, и подъ гербомъ вырѣзаны слѣдующіе стихи:

Inclytus antiquo Russorum ex sanguine princeps,
Impleni partes principis egregii.
Smolensco vitam, Petrus mihi magnus honores.
Mars palmas, Riga at postera fata dedit.
Sortes sicce meas summo moderante Iehovah
Quinquaginta annos, octo et in orbe fui.

т. е. знаменитый князь изъ древняго Русскаго рода, я выполнилъ обязанности доблестнаго князя. Смоленскъ далъ мнѣ жизнь, Петръ Великій почести, Марсъ пальмы, Рига же послѣдующія судьбы. — Произволеніемъ Божіимъ я прожилъ на семъ свѣтѣ 58 лѣтъ.

князь Меншиковъ, прибывшій въ Ригу въ концѣ Іюня съ цѣлію сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ, генералъ-аншефы: Алартъ и командующій войсками въ Лифляндіи Бонъ фонъ-Сельверстритъ.

Исправляющимъ должность генералъ-губернатора назначенъ генералъ-аншефъ Бонъ (Германъ Іоганъ) фонъ-Сильверстритъ. тотъ самый, который былъ принятъ въ службу Петромъ Великимъ въ 1716 г., по рекомендаціи Датчанъ,—съ чиномъ генералъ-лейтенанта. До того времени онъ служилъ въ Датской арміи. Бонъ былъ первый кавалеръ ордена св. Александра Невскаго. Императрица Екатерина I, въ день бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ Голштинскимъ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, 21 Мая 1725 г., собственноручно возложила на Бона знаки этого ордена.

Бонъ исправлялъ должность генералъ-губернатора до 25 Января 1727 года,—до прибытія въ Ригу назначеннаго на эту должность генералъ-кригсъ-коммисара Григорія Петровича Чернышева, исправлявшаго должность губернатора въ Воронежѣ.

Григорій Петровичъ Чернышевъ (род. 1672 г. умеръ въ Петербургѣ 30 Іюля 1745 г.) управлялъ Лифляндіею два года. 12-го Іюня 1729 г. онъ былъ отозванъ въ Москву, на мѣсто же его Лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Петръ Петровичъ Ласси, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ (17 Февраля 1736) и графъ Россійской Имперіи (1739 г.).

(*Извлечено Е. В. Чешихинымъ.*)

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія.

1.

Выписки изъ перлюстраціи.

Депеша Прусскаго посла при Петербургскомъ дворѣ Финкенштейна въ Февралѣ мѣсяцѣ 1748 года.

J'eus hier l'occasion de me voir seul avec l'ami intrepide et de lui parler assez longtemps sur la situation présente des affaires d'ici et en particulier sur la marche du corps auxiliaire. Il ne me dissimula pas le mecontentement général, que cette affaire causait parmi les principaux de la nation; il me dit qu'il craignoit seulement, que le chancelier n'apportât trop de lenteur à cette marche pour empecher que les troupes arrivassent à tems et puissent être employées contre l'ennemi; que si le contraire arrivait et qu'elles en vinssent aux mains, il y avait à parier, qu'elles seroient mal menées puisque il n'y regnoit plus la discipline du tems passé, et que le gén. Lieven, qui les commandoit, n'était nullement aimé. Il ajouta, que c'était un echec pareil, qui faisait actuellement le desir de tous les généraux bien intentionnés, que plusieurs d'entre eux lui en avaient parlé disant: qu'il n'y avait que ce seul moyen pour faire revenir l'impératrice de son aveugle prévention pour le chancelier, que tant que les choses alloient bien, il ne fallait pas songer à un changement; mais qu'il leur falloit un soufflet et qu'alors il ne seroit pas difficile de le faire tomber. Je souhaite qu'ils y reussissent, mais je ne voudrais pas jurer que le cas existant le chancelier, plus intriguant et mieux epaulé qu'eux, ne trouvât encore moyen de se soutenir.

Переводъ. Вчера имѣлъ я случай побывать на единѣ съ отважнымъ пріятелемъ ([1]) и довольно долго говорилъ съ нимъ о настоящемъ положеніи здѣшнихъ дѣлъ и въ особенности о походѣ вспомогательнаго войска. Онъ не

([1]) Т. е. съ Лестокомъ.

скрылъ отъ меня, что главнѣйшія лица въ здѣшнемъ народѣ крайне недовольны этимъ дѣломъ. „Я боюсь только, сказалъ онъ мнѣ, что, благодаря проволочкамъ канцлера, войска могутъ замедлить въ походѣ, придутъ слишкомъ поздно и не будутъ употреблены противъ непріятеля. Въ противномъ случаѣ, если они поступятъ въ дѣло, можно ручаться, что успѣха отъ нихъ не произойдетъ, потому что того порядка, коимъ они отличались въ прежнее время, теперь уже нѣтъ, и командующій ими генералъ Ливенъ отнюдь не пользуется ихъ любовью. Всѣ благонамѣренные генералы — прибавилъ онъ — желаютъ въ настоящее время подобнаго исхода; многіе изъ нихъ говорили мнѣ о томъ, и выражались, что это будетъ единственнымъ средствомъ избавить императрицу отъ ея слѣпаго пристрастія къ канцлеру; что пока дѣла шли хорошо, не приходилось думать о перемѣнѣ; что имъ нужна оплеуха, и что тогда не трудно будетъ его сбыть.“ Желая имъ въ этомъ успѣха, не поручусь, чтобы въ такомъ случаѣ канцлеръ, который пронырливѣе ихъ и располагаетъ бо́льшими средствами, не съумѣлъ бы удержаться.

2.

2 Марта 1748. Фаворъ Бестужева все сильнѣе и сильнѣе; это потому только хорошо, что увеличивалъ число его враговъ и завистниковъ; прошлую середу, императрица была у него въ новомъ домѣ, и подарила на новоселье 40,000 рублей.

3.

Апрѣль 1748. Le prince Troubezkoi est attaqué depuis quelques semaines d'une maladie de poitrine qui fait d'autant plus craindre pour lui, qu'il en a déjà pensé mourir l'année passée dans cette même saison. Ce serait à coup sûr une grande perte, et le chancelier se verrait delivré par-là de l'ennemi le plus redoutable et le plus dangereux qu'il ait dans ce pays-ci. Les comtes Lestock et Cte de Woronzof qui sont liés d'amitié avec lui, en sont fort inquietés et ont raison de l'être.

Переводъ. Нѣсколько недѣль какъ князь Трубецкой (2) страдаетъ грудною болѣзнію, которая тѣмъ опаснѣе, что прошлый годъ, въ эту самую пору года, онъ едва было не умеръ отъ нея. Это будетъ конечно потеря важная; у канцлера въ здѣшней странѣ нѣтъ другаго врага, который былъ бы сильнѣе князя Трубецкаго и котораго бы онъ такъ опасался. Графы Лестокъ и Воронцовъ, связанные съ нимъ дружбою, весьма тревожатся, и не по пустому.

---

(2) Иванъ Юрьевичъ, отецъ И. И. Бецкаго.

4.

Еще донесеніе Пруссака Финкенштейна 7 Сентября 1748.

Le Cte de Lestock qui est en campagne avec l'imp. m'avait fait savoir hier que la souveraine était outrée contre les puissances maritimes et qu'elle fulminait contre elles, disant, qu'on voulait apparement perdre et ruiner ses trouppes, que d'ailleurs la cour de Vienne était toujours la cour bien aimée qu'on pouvait fort bien distinguer des deux autres, et qui ne participait en rien à tout ceci; que le Gr. Chanc. en consequence des ces sentiments insistait sur ce que les trouppes devaient rester en Boheme jusqu'au printems. J'aurais fait souhaité de voir l'ami important, pour tirer cette affaire au clair; mais je n'ay pas pu le trouver.

Переводъ. Вчера графъ Лестокъ, находящійся въ деревнѣ съ императрицею, далъ знать мнѣ, что государыня была разгнѣвана противъ морскихъ державъ; она говорила объ нихъ раздражительно въ томъ смыслѣ, что повидимому хотятъ погубить и уничтожить ея войска, что впрочемъ съ Вѣнскимъ дворомъ всегда была дружеская связь, его можно хорошо отличать отъ двухъ другихъ, и онъ тутъ ни въ чемъ не замѣшанъ. Сообразно этимъ изъявленіямъ, великій канцлеръ настаивалъ, чтобы до весны войска оставались въ Богеміи. Я желалъ повидаться съ важнымъ другомъ, чтобы разузнать объ этомъ дѣлѣ навѣрное; но не могъ застать его. На оберткѣ надпись: Внесено переводчикомъ Волковымъ 7 Апрѣля 1749.

„NB. Ея Императорскому Величеству лучше извѣстно, изволила-ль такіе разговоры при Лестокѣ держать; но преступленіе его въ томъ равно, лгалъ ли онъ или вѣрный рапортъ дѣлалъ министру короля Прусскаго. Ея Императорское Величество изъ прежнихъ писемъ уже усмотрѣть изволила, что Лестокъ совѣтовалъ, чтобъ ни министра Ея Императорскаго Величества на конгресъ не допускать, ниже Россію въ мирной трактатъ не включать.“

Эти строки конечно принадлежатъ Бестужеву и писаны уже по сверженіи Лестока. L'ami important получалъ пенсію отъ Прусскаго короля.

Выписки изъ современныхъ бумагъ.

5.

5-го Августа 1749 съ Даніею у Россіи заключена тайная конвенція: обѣ державы выставляютъ войско и флотъ про-

тивъ Швеціи; Россія соглашается, чтобъ Данія для будущей барьеры пріобрѣла провинціи Шоненъ, Галландъ и Багусленъ. Бумага къ барону Корфу (посланнику нашему при Датскомъ дворѣ): „Мы ни времени не упускали, ниже чего либо притомъ жалѣли, ибо мы еще и нынѣ къ Панину (Никитѣ Ивановичу нашему послу въ Швеціи) 25,000 червонныхъ въ натурѣ для раздачи благомнительной партіи отправить повелѣли, и ему же свободныя руки оставили, еще 50,000 рублевъ занять, и на нашего канцлера, не подавая нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ нималаго о томъ извѣстія, въ томъ ассигнаціи давать."

6.

26-го Октября 1749 Панинъ испросилъ повелѣніе дать 1000 червонныхъ совѣтнику Фриденштирну, который „первымъ между патріотами остается и остальное число оныхъ своею твердостію содержитъ."

7.

Бумага къ Панину 22-го Ноября 1749: „Разсужденіе совѣтника Фриденштирна, что Финляндское княжество право имѣетъ особливой сеймъ созвать, и присовокупленныя къ тому ваши примѣчанія, что не невозможно-бъ вамъ сію націю отъ подданства Швеціи совсѣмъ отдѣлить, или паче къ нашей имперіи присоединить, весьма изрядны суть; оныя же и съ намѣреніями нашими такъ сходствуютъ, что публикованныя во время послѣдней войны съ нашей стороны тамо манифесты въ равной съ тѣмъ силѣ сочинены были."

8.

Осенью 1749 года Морицъ Саксонскій присылалъ въ Петербургъ графа Гуровскаго, чтобъ выпросить у Елисаветы декларацію, что она не освободитъ Бирона и его сыновей, и что „въ снабдѣніи Курляндскаго стула на благоизобрѣтеніе короля Польскаго полагается". Гуровскій долженъ былъ предложить Бестужеву 25,000 червонныхъ, если онъ уладитъ это дѣло. Узнавъ объ этомъ отъ Саксонскаго шарже д'афера Функа и доставъ въ свои руки билетъ Морица на 25,000, Бестужевъ написалъ слѣд. письмо графу А. Г. Разумовскому: „Пріемлю смѣлость приложить при семъ пакетъ съ крайне нужными дѣлами, и Ваше Сіятельство покорнѣй-

ше прошу оныя Ея Императорскому Величеству всенижайше поднести. Я уповаю, что Ея Величество по всевысочайшей своей довѣренности вложенное въ немъ прочитать вамъ позволитъ, слѣдственно Ваше Сіятельство изъ того усмотрѣть изволите, до чего дошли производящіяся повсюду интриги о доставленіи Французскому маршалу графу Саксу герцогства Курляндскаго. Я Ея Императорскому Величеству и недавно, но вкратцѣ за недостаткомъ времени, всенижайше представлялъ, чтобъ для отвращенія такихъ интригъ навсегда несчастливаго герцога Бирона освободить. Но Ея Императорское Величество сказать изволила, что его не освободитъ. Я потому не дерзаю болѣе Ея Императорское Величество моими всенижайшими представленіями утруждать; но я Ваше Сіятельство покорнѣйше прошу, принявъ сіе дѣло въ уваженіе, Ея Императорскому Величеству при случаѣ всенижайше представить, что графъ Саксъ ничего болѣе и не требуетъ какъ такого со стороны Ея Императорскаго Величества изъясненія, что Биронъ свободенъ быть не можетъ; слѣдственно мнѣ легко былобъ 25,000 червонныхъ принять. Но я весма вѣрной Ея Императорскаго Величества рабъ и сынъ отечества, чтобъ я помыслить могъ и противъ будущихъ интерессовъ Ея и государства малѣйше поступить.“

Представленіе, о коемъ упоминаетъ Бестужевъ, было по поводу секретной реляціи Русскаго посла графа Кейзерлинга изъ Дрездена отъ 18-го Іюля, полученной 6 Августа 1749: „Увѣдомленъ я, что король Прусскій сестру свою за графа Сакса за мужъ выдать хочетъ; показанныя сему графу недавно въ Берлинѣ и Потсдамѣ великія отличности, чего инако и для владѣтельныхъ князей тамо не дѣлается, чинятъ такое дѣло достовѣрнымъ. Ежели же оное исправно, то при семъ никакого иного вида быть не можетъ, какъ Курляндію къ его дому доставить, на которое герцогство помянутый графъ еще неотмѣнно мнимыя свои претензіи производитъ. Высокое мнѣніе, кое король о военномъ сего графа искусствѣ имѣетъ, чаятельно его на сей проектъ привело, ибо онъ такого зятя, каковъ есть сей и который у короля Французскаго въ толикомъ кредитѣ состоитъ, въ поспѣшествованіи своихъ Французскихъ и Шве-

скихъ замысловъ, съ превеликою пользою употребить надѣется; а понеже Курляндія ему въ томъ суще удобною былабъ, то въ самомъ существѣ ничего опаснѣйшаго для тишины въ Сѣверѣ вымышлено быть не моглобъ". По этому поводу Бестужевъ подалъ мнѣніе, что „принужденнымъ себя видитъ Ея Величеству *вновь* всенижайше представить, не будетъ ли угодно сего несчастливаго герцога освободить и въ Курляндію паки возстановить, взявъ дѣтей его въ службу аманатами, какъ то и Дрезденскій дворъ при заступленіяхъ своихъ за него оберъ-гофмаршалу графа Бестужеву-Рюмину представлялъ." (3)

9.

Октябрь 1749. Записка Бестужева для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія. „Хотя тогда никто слова не говорилъ какъ Лестокъ на обѣдѣ у Шведскаго посланника Вулфенштерна (въ присутствіи пословъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ и здѣшнихъ знатнѣйшихъ) канцлера съ великимъ грубіанствомъ принуждалъ за здравіе Ея Императорскаго Величества предъ всѣми людьми пить; но какъ на прошедшей недѣлѣ въ четвертокъ, т. е. 12 сего Октября, канцлеръ на новосельѣ у князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго, гдѣ было за столомъ съ хозяиномъ и хозяйкою 20 персонъ, ассесора Теплова принудить хотѣлъ, чтобъ онъ за здоровье графа А. Г. Разумовскаго покалъ, который всѣми полонъ питъ, полный же выпилъ, то теперь по всему городу уже разсказываютъ, будто канцлеръ Теплова разругалъ, съ великимъ для него прискорбіемъ, что его непріятели (коихъ безъ причины столько же много какъ волосовъ на головѣ) тѣмъ пользуются пожалованный ему отъ Ея Императорскаго Величества, изъ первѣйшихъ въ государствѣ, чинъ съ такимъ молодымъ человѣкомъ смѣшивать. Канцлеръ однакожъ за излишне поставлялъ бы Ея Императорскому Величество оправданіемъ своимъ предъ Тепловымъ утруждать, но дабы какъ гдѣ ложно обнесеннымъ не быть, то всенижайшее дерзновеніе пріемлетъ представить, что канцлеръ, увидя, что Тепловъ въ помяну-

(3) Екатерина, по вступленіи на престолъ, не замедлила привести въ исполненіе эту мысль Бестужева. См. Осьмнадц. вѣкъ, кн. 1-я, въ выпискахъ изъ дѣлъ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора.

тый покалъ только ложки съ полторы налилъ, принуждалъ его оный полонъ выпить, говоря, что онъ долженъ полонъ выпить за здоровье такого человѣка, который Ея Императорскому Величеству вѣренъ такъ и въ ея высочайшей милости находится, и отъ котораго ему подлинно много благодѣяній сдѣлано, и что къ чему же въ такія компаніи и ѣздить, буде съ другими наравнѣ не пить. Но какъ Тепловъ грубіянство имѣлъ и того не послушаться, то можетъ быть канцлеръ ему и сказалъ, что развѣ онъ хощетъ примѣру церемоніймейстера Веселовскаго послѣдовать, а впрочемъ никакого браннаго ниже оскорбительнаго слова не сказалъ, и въ томъ на всѣхъ безпристрастныхъ изъ той компаніи ссылается. Что́ до грубіянства Теплова принадлежитъ, то онъ въ томъ уже обыкъ, ибо въ многіе домы незваный пріѣзжалъ, гораздо у прочихъ и старшихъ себѣ за столомъ мѣста снималъ, да и дамъ тѣмъ не щадитъ, какъ то особливо Авдотья Герасимовна Журавка надъ собою искусство тому видѣла, когда онъ отнялъ у ней мѣсто въ каретѣ, въ которой она уже ѣхала, такъ что она на улицѣ осталась, о чемъ она сама лучше донести можетъ. А примѣръ Веселовскаго въ томъ состоитъ, что на прощательномъ обѣдѣ у посла лорда Гиндфорта, какъ посолъ, наливши полный покалъ, пилъ здоровье, чтобъ благополучное Ея Императорскому Величеству государствованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покалѣ капель, то и всѣ оный пили, а одинъ только Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы и то съ водою токмо налилъ, и въ томъ упрямо предъ всѣми стоялъ, хотя канцлеръ изъ ревности къ Ея Величеству и изъ стыда предъ послами ему порусски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здравіе полнымъ покаломъ пить какъ вѣрный рабъ, такъ и потому, что ему отъ Ея Императорскаго Величества много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ толь знатный. Но канцлеръ тогда не хотѣлъ Ея Императорское Величество симъ утруждать, какъ то и нынѣ происшедшее съ Тепловымъ въ молчаніи оставилъ бы, ежели бъ о томъ по городу инако не толковали, хотя онъ и то и другое изъ усердія своего сдѣлалъ: первое изъ респекта и должности къ Ея Императорскому Величеству, а другое по любви

къ графу Алексѣю Григорьевичу, а еще паче, что и то респекту противно, чтобъ не хотѣть пить за здоровье такого человѣка, который милость Ея Императорскаго Величества на себѣ носитъ".

(Сообщено С. М. Соловьевымъ).

СОВРЕМЕННОЕ ПИСЬМО О САЛТЫЧИХѢ.

Милостивый государь мой,

На нонѣшней почтѣ по реестру писемъ отъ васъ, государь, не было, о чемъ я и умалчиваю, а донесу только вамъ, что̀ у насъ въ прошедшую субботу дѣлалось, то-есть, 17-го числа. Сдѣланъ былъ на Красной площади ашефотъ, возвышенный многими ступенями, посреди коего поставленъ былъ столбъ, а въ столбъ вбиты три цѣпи; и того дня сдѣлана публикація, а по знатнымъ домамъ повѣстка, что 18-го сего Октября будетъ представлено позорище, кое 18-го числа, часу во 12-мъ, въ началѣ, и началось слѣдующимъ порядкомъ. Прежде шла гусаръ команда, потомъ везена была на роспускахъ Дарья Николаева дочь Салтыкова, во вдовствѣ, людей мучительница, по сторонамъ которой сидѣли съ обнаженными шпагами гронадеры. И какъ привезена была къ ашефоту, то, снявъ съ роспусковъ, взвели и привязали цѣпьми ее къ столбу, гдѣ стояла она около часу; потомъ, посадя паки на роспуски, отвезли въ Ивановскій дѣвичій монастырь, въ сдѣланную для ней, глубиною въ земли аршина слишкомъ въ три, покаянную, коя вся въ землѣ, и ни откуда свѣта нѣтъ. Оная въ желѣзахъ, и никого къ ней, кромѣ одной монахини и караульнаго, допускать не велѣно; да и имъ тогда только ходить къ ней, когда ѣсть принесть должно будетъ, и то при свѣчѣ, а какъ отъѣстъ, то опять огонь погасить и во тьмѣ оставить; а когда будетъ церковное пѣніе, то допускать ее къ церковному окну, къ коему по обыкновеннымъ у ходовъ ступенямъ всходить должна; и быть ей велѣно до смерти. А во время ея у столба привязи надѣтъ былъ на шеи листъ съ

напечатанными большими литерами: *Мучительница и душегубица*. А какъ ее повезли, то послѣ ея биты были кнутомъ и клеймены люди ея и попъ: попъ—за то, для чего онъ мученныхъ ею хоронилъ, а людей—дворецкаго, который въ особливой милости былъ, и кучера, что̀ убитыхъ валилъ, и другихъ,—чѣмъ и кончилось сіе позорище. Чтожъ принадлежитъ до народу, то не можно повѣрить, сколько было онаго: почти ни одного мѣста не осталось на всѣхъ лавочкахъ, на площади, крышахъ, гдѣ бы людей не было, а каретъ и другихъ возковъ, — несказанное множество, такъ что многихъ передавили, и каретъ переломали довольно. Пищужь ей велѣно давать обыкновенную монашескую, и лишена имени, дворянства и отцовской и мужеской фамиліи. Вотъ вамъ, государь, наши вѣсти. Еще донесу вамъ: у насъ уже зима со 18-го числа началась, а 19-го и ѣздить на санкахъ стали. И я вчерась черезъ Москву рѣку переѣзжалъ. И напослѣдокъ остаюсь съ должнымъ моимъ къ вамъ, государь, почитаніемъ. 21 Октября (1768). Село Покровское.

Это письмо можетъ служить дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ о Салтычихѣ, которыя были помѣщены въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 г., ст. 247—256. Письмо взято изъ стариннаго сборника и, вѣроятно, въ свое время ходило по рукамъ. И. М. Снегиревъ, въ книгѣ своей „Лубочныя картинки Русскаго народа въ Московскомъ мірѣ" (М. 1861), стр. 67, разсказываетъ со словъ одного любителя Русской старины, что позорная казнь Салтыковой была изображена въ свое время на лубочной картинкѣ, подобно тому какъ и казнь другихъ злодѣевъ Московскихъ, половины прошлаго вѣка, Жуковыхъ, мужа и жены, убившихъ изъ корыстныхъ видовъ родную мать и сестру. *Л. Майковъ.*

*

Салтычиха—это наслѣдіе Елизаветинскаго царствованія. той эпохи, которую Екатерина характеризовала выраженіемъ: *боярское правленіе*. Многочисленныя жалобы на звѣрство Салтычихи, связанной родствомъ съ знатнѣйшими лицами, не достигали престола; но только что Екатерина прибыла въ Москву на коронацію свою, какъ наряженъ былъ судъ надъ Салтычихою, а за тѣмъ послѣдовало и рѣшеніе. Этою мѣрою новое царствованіе тотчасъ дало себя знать

народу, и Екатерина обезпечила себѣ приверженность и простолюдиновъ. При маломъ знаніи недавней старины и по злораднымъ толкамъ иностранныхъ писателей,—для которыхъ особенно ненавистна славнѣйшая эпоха Русской жизни,—у насъ распространено мнѣніе, будто Екатерина поддерживала крѣпостное право. Ближайшее знакомство съ подлинными историческими бумагами убѣждаетъ въ противномъ. Правительство тогдашнее слѣдило за злоупотребленіями помѣщичьей власти и, въ случаяхъ насилія, покупало въ казну у злаго помѣщика крестьянъ его. По усмиреніи Пугачевщины, когда помѣщики вздумали мстить простому народу и посылали распоряженія объ отрѣзаніи ушей и носовъ (см. Русскій Архивъ 1869), а Сенатъ замышлялъ издать какой-то законъ противъ крестьянъ,—Екатерина энергически высказала свой образъ мыслей и призывала высшія сословія къ благоразумію и снисходительности (см. XVIII в., кн. 3-я, стр. 390). По словамъ графа Блудова, въ бумагахъ Екатерины сохранилось начертаніе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права; а именно она думала объявить, что всѣ родившіеся послѣ изданія Дворянской Грамоты уже не будутъ состоять въ крѣпостномъ правѣ; неудобоисполнимость такой мысли очевидна.

Мы должны судить историческихъ дѣятелей по ихъ обстановкѣ. Пусть укажутъ намъ минуту, когда событія внутренней и внѣшней политики дозволили бы Екатеринѣ привести къ исполненію ея желаніе гражданской свободы помѣщичьихъ крестьянъ. Правда, все это царствованіе носитъ дворянскій характеръ, но тому были незбѣжныя причины; и все-таки узкой сословной исключительности мы не замѣчаемъ. *П. Б.*

ПОСЛѢДНІЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ ВЪ ГРОДНѢ И ЛИТВА ВЪ ИСХОДѢ XVIII ВѢКА.

ГЛАВА I-я

Введеніе. Назначеніе Гродна мѣстопребываніемъ Станислава-Августа. Приготовленіе Репнина къ его пріему; наказы, данные имъ гр. Безбородку, кн. Циціанову и генералу Бенингсону. Путь короля отъ Варшавы до Гродна и ожиданіе его въ этомъ послѣднемъ городѣ. Тогдашнее состояніе Гродна. Пріѣздъ короля. Его свита и издержки, нужныя на его содержаніе. Первый мѣсяцъ пребыванія въ Гроднѣ короля Станислава-Августа, по журналу гр. Безбородка. Состояніе Литвы послѣ 2-го раздѣла Польши. Военныя дѣйствія въ этой странѣ во время революціи 6-го Апрѣля 1794 г. и участіе въ нихъ кн. Репнина. Назначеніе его Литовскимъ генералъ-губернаторомъ; манифестъ, обнародованный отъ его имени, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго; принесеніе ими вѣрноподданнической присяги.

Взятіе Суворовымъ Варшавскаго предмѣстья, Праги, 24-го Октября 1794 года, рѣшило жребій Польши: революціонное правительство, образовавшееся 28 Мая того же года и не оставившее даже тѣни власти королю Станиславу-Августу Понятовскому, перестало существовать. Казалось бы, что, съ паденіемъ революціонеровъ, король снова вступалъ во всѣ свои права, но... третій, послѣдній раздѣлъ Польши уже считался дѣломъ рѣшеннымъ,—она исчезала съ карты Европы ([1]). Послѣднему Польскому королю не трудно было отказаться отъ призраковъ павшей власти, такъ какъ во все время своего долголѣтняго царствованія, возсѣдая на Варшавскомъ тронѣ, онъ не успѣлъ познакомиться съ властолюбіемъ, всего менѣе съ его пресыщеніемъ. Ода Дер-

([1]) См. *Исторію Паденія Польши*, сочиненіе С. Соловьева, гл. XII-ую. Профессоръ Соловьевъ относитъ штурмъ Праги къ 4-му Ноября, выставляя это число по новому стилю.

жавина на взятіе Варшавы не была простымъ стихотвореніемъ на *случай*, а восторженнымъ національнымъ гимномъ по поводу событія первѣйшей исторической важности. Отсюда въ этомъ стихотвореніи Суворовъ является богатыремъ и изображается яркими красками народной поэзіи.

Новый Трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,—
Царь въ полону!

Какой тронъ? — Варшавскій! Чей царь? — Польскій! Въ прошломъ столѣтіи живѣе помнились событія начала XVIII вѣка—взятіе Москвы Поляками, плѣнъ Василія Шуйскаго, казавшаяся неминуемою гибель всего Московскаго государства: понятно, живѣе былъ и восторгъ отъ событія 24 Октября. Подъ вліяніемъ этого чувства, должно было забыться и смолкнуть многое. Забывались и личныя качества послѣдняго Польскаго короля, слабыя и дурныя стороны его характера. Польскій король исчезалъ, оставался Станиславъ-Августъ Понятовскій, живой образъ развѣнчаннаго величія, во всякомъ случаѣ возбуждающій участіе. Таково, по нашему мнѣнію, значеніе послѣдняго Польскаго короля послѣ паденія Варшавы и Польши. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, при безцвѣтности и вялости своего характера, впрочемъ добродушнаго и симпатичнаго, Понятовскій все же былъ и и до конца оставался *добрымъ* (какъ говорятъ) Полякомъ, т. е. человѣкомъ, искренно любившимъ несчастное свое отечество. Спасти его онъ былъ не въ силахъ, и тогда, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ на престолъ Пястовъ и Ягеллоновъ, и теперь, когда пали подпорки, поддерживавшія ветхое зданіе Рѣчи Посполитой, и онъ увидѣлъ себя царемъ безъ царства. „Судьба Польши въ вашихъ рукахъ, писалъ несчастный король Имп. Екатеринѣ, ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мнѣ лично, я не могу забыть своего долга къ моему народу, умоляя за него великодушіе вашего Императорскаго Величества (2)“. Королю Станиславу-Августу оставалось теперь болѣе всего позаботиться о дальнѣйшей своей судьбѣ, хотя и здѣсь жизнь уже не могла, по видимому,

(2) Ист. Пад. Польши Соловьева, стр. 355.

обольщать его надеждами: въ это время ему было уже 62 года отъ роду. Отвѣчая Станиславу на письмо, Императрица Екатерина, между прочимъ, выражалась, что извѣстія объ опасностяхъ, которымъ подвергался король въ Варшавѣ „среди разнузданнаго народа Варшавскаго, заставляютъ меня желать, чтобъ ваше величество *какъ можно скорѣе переѣхали изъ этого виновнаго города въ Гродно*“ (3). И такъ развѣнчанному Польскому величеству оставалось только покориться опредѣленному для него жребію—покинуть блестящую столицу, обращавшуюся въ Прусскій провинціальный городъ, и удалиться въ чужую, хотя и очень близкую землю, въ чужой, еще недавно Польскій, а теперь *Русскій* городъ. Не легокъ былъ для Станислава-Августа этотъ переѣздъ, медленно и неохотно собирался онъ въ недалекую дорогу. Узнавъ о новомъ раздѣлѣ Польши, король въ разговорѣ съ барономъ Ашемъ, завѣдывавшимъ его дипломатическими дѣлами, сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ лучше согласится отречься отъ престола и провести остатокъ жизни въ Римѣ. Ашъ отвѣчалъ, что отреченіе въ его королевской власти и что его величество можетъ устроить это дѣло въ Гроднѣ. Король обратился къ Суворову и представилъ, что ему не съ чѣмъ выѣхать, не чѣмъ расплатиться съ долгами, вознаградить своихъ слугъ, обезпечить судьбу родныхъ; но и фельдмаршалъ указывалъ ему на ту же Гродну, гдѣ, по словамъ его, обо всемъ этомъ позаботятся. Л. Н. Энгельгардтъ (1766—1836), авторъ любопытныхъ записокъ, свидѣтель знаменательныхъ событій, происходившихъ въ это время въ Варшавѣ, приводитъ нѣкоторые факты, по которымъ можно заключить, что фельдмаршалъ-побѣдитель относился къ развѣнчанному королю съ почтительною деликатностію. „Миръ, тишина и спокойствіе“—были первыя слова, которыми встрѣтилъ Суворовъ (сидя въ палаткѣ, разбитой въ опрокинутомъ Пражскомъ ретрашаментѣ и на деревянномъ отрубкѣ вмѣсто стула) Варшавскихъ депутатовъ; послѣдніе, обласканные и очарованные пріемомъ, возвратились въ столицу Польши, и слова: „Покой! Покой!“ вмѣстѣ съ привѣтствіями Императрицѣ и Суворову, громко

(3) Тамъ же и слѣд. стр.

и торжественно произносились народомъ, всего менѣе дорожившимъ благами покоя ([1]). Итакъ, король началъ собираться въ путь; другой причины, кромѣ приготовленія необходимыхъ экипажей, къ медленности не было; въ Гроднѣ все было готово для пріема почетнаго гостя; тамъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его давнишній старый знакомый, князь Репнинъ, игравшій такую важную роль въ возведеніи его на Польскій престолъ, теперь генералъ-губернаторъ Лифляндскій, Эстляндскій и Литовскій.

13-го Ноября 1794 г. отправился князь Репнинъ изъ Несвижа, гдѣ онъ находился во время взятія Праги, въ Литву, именно въ Гродну, для принятія присяги отъ жителей на вѣрноподданство Императрицѣ. Присяга долженствовала произойти тотчасъ же по обнародованіи отъ имени генералъ-губернатора манифеста. 17-го числа Репнинъ былъ уже въ Гроднѣ; но приведеніе къ присягѣ замедлилось, потому что, по неимѣнію Русскаго шрифта въ Литовскихъ типографіяхъ, пришлось отправить манифестъ для напечатанія въ Бердичевъ и ожидать оттуда его полученія. Но кромѣ принятія въ подданство и устройства вновь присоединяемаго Польскаго края, въ духѣ Русскихъ государственныхъ учрежденій, Репнину предстояли большія хлопоты съ устройствомъ резиденціи и встрѣчи для бывшаго Польскаго короля. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 21 Ноября Суворовъ былъ извѣщенъ о назначеніи Гродны мѣстопребываніемъ Станиславу-Августу. 2-го Декабря Литовскій генералъ-губернаторъ спрашивалъ фельдмаршала, когда онъ думаетъ отправить короля изъ Варшавы и какія, при этомъ, предполагаетъ сдѣлать распоряженія; но Суворовъ предупредилъ Репнина слѣдующимъ письмомъ отъ 3-го Декабря:

„Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

„Вслѣдствіе всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія касательно перевезенія короля Польскаго изъ Варшавы въ Гродну, немедленно приступлю я къ выполненію; а потому, вашему сіятельству сообщая, покорнѣйше прошу, для принятія его въ Гроднѣ, взять свои мѣры. И какъ для проѣзду нужно поставить, по недостатку обывательскихъ, отъ войскъ команды моей отсюда до Бѣль-

---

([1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, изданіе Р. Архива, стр. 178—180.

ска на каждой (станціи) по 80-ти человѣкъ; отъ онаго жъ до Гродны ваше сіятельство не оставьте то (также) учинить съ вашей стороны. Имѣю честь быть и пр. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій". Провожать короля до Гродны фельдмаршалъ назначилъ генерала Тормасова.

Высочайшее повелѣніе о принятіи и о водвореніи короля Польскаго на жительство въ Гроднѣ, данное кн. Репнину, состоялось 23-го Ноября. Оно, какъ кажется, застало въ расплохъ генералъ-губернатора, находившагося въ то время въ Вильнѣ, съ цѣлію отправиться потомъ въ Ковну и др. мѣста, для обозрѣнія ввѣреннаго его управленію края. Это приказаніе заставило Репнина поспѣшить возвращеніемъ въ Гродну. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны, 2-го Декабря, извѣщая императрицу о полученіи ея указа, старый дипломатъ, глубокій знатокъ Польскихъ дѣлъ и Польскаго національнаго характера, отлично знавшій и того, кто поручался теперь его непосредственному надзору, вотъ что писалъ государынѣ:

„Стану я, всемилостивѣйшая государыня, по высочайшей вашей волѣ, которая для меня всегда была священнымъ закономъ, *стеречь и честить* короля Польскаго; желаю только, чтобы силъ моихъ и способностей достало на выполненіе, по сему отношенію, всѣхъ высочайшихъ вашихъ наставленій. Не упущу всякимъ образомъ, въ пристойныхъ случаяхъ, внушать и твердить его Польскому величеству все вами предписанное, и что̀ по сему послѣдуетъ, буду о томъ въ свое время всеподданнѣйше доносить. Но долженъ, всемилостивѣйшая государыня, сказать, что трудно, мнѣ кажется, за то увѣрительно отвѣчать, чтобы сей государь, имѣя съ собою своихъ ближнихъ и нѣкоторую свиту и бывъ хотя подъ надзоромъ, но однакожъ съ оказаніемъ къ нему уваженія и въ нѣкоторой свободѣ со всѣми тѣми людьми, не имѣлъ бы случая сноситься съ нашими противниками, противъ чего, однако же, я всю возможную прилежность употреблю и всѣ, безъ огласки, мѣры приму, которыхъ только понятіемъ моимъ обнять возмогу. Не извѣстны мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, положенія политическихъ дѣлъ; но относительно того Вашего Величества повелѣнія, чтобы отыскивать способы, коими наиудобнѣе можно было короля отдалить отъ Польши, доставя ему содержаніе на счетъ тѣхъ союзныхъ дворовъ къ жизни, для него покойной и для нихъ безвредной; то думаю, что можно его будетъ на то склонить, ежели онъ точно узнаетъ, что раздѣлъ Польши и ея политическое уничтоженіе уже совсѣмъ

рѣшено между трехъ союзныхъ дворовъ. Но поколь онъ въ семъ не будетъ увѣренъ, дотоль своевольно (добровольно) ни на что подобное, не думаю, чтобы согласился; слѣдов., почитаю первымъ къ тому нужнымъ шагомъ его удостовѣрить, что раздѣлъ всей Польши уже непремѣнно рѣшенъ. А къ сему удостовѣренію необходимо надобно, чтобы онъ никакихъ сношеній съ посторонними людьми не имѣлъ, чтобы до его свѣдѣнія только доходило то, что́ мы допустить за благо разсудимъ, дабы онъ не льстился всѣми пустыми надеждами отъ разныхъ слуховъ и извѣщеній, которые до него доходить будутъ. Къ таковому содержанію сего государя, соблюдая все пристойное къ нему уваженіе, пребываніе его въ Гроднѣ, опасаюсь, что не будетъ способно, почитая, что для него станутъ въ томъ мѣстѣ толпиться легкомысленные здѣшніе обыватели и, ежели не письменно, то хотя словесно, допускать до него всякія несмысленныя басни и сплетенныя ихъ безмозглостію новости, къ колебанію его удобныя. Естли бы возможно было, по политическимъ обстоятельствамъ, перевести его въ Ригу; то тутъ бы съ оказаніемъ всего пристойнаго къ нему уваженія, можно было, имѣя свой вѣрный и исправный почтамтъ, а сверхъ того не бывъ онъ окруженъ здѣшнею толпою, сношенія его всѣ современно знать и не допускать къ нему, безъ всякаго оскорбленія, скрытнымъ образомъ, инаго, какъ то, что́ доходить до него должно; равнымъ образомъ, тамъ бы онъ нашелъ какъ покойный домъ, такъ и всѣ выгоды. Но не смѣю я о семъ представлять Вашему Императорскому Величеству, а только всеподданнѣйше мысль мою доношу".

Императрица не раздѣляла опасеній своего осторожнаго ген.-губернатора; но Репнинъ очень хорошо зналъ живой, мечтательный, поддающійся всякимъ вліяніямъ характеръ короля и Поляковъ, а потому не могъ не тревожиться. Онъ принялъ всѣ необходимыя, по его мнѣнію, мѣры для стереженія и чествованія Польскаго короля. Приставомъ къ королю онъ назначилъ генералъ-маіора графа Илью Андреевича Безбородка, которому 9-го Декабря далъ слѣдующую инструкцію:

„Его величество король Польскій, по высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества, пріѣдетъ сюда немедленно, а ваше сіятельство, по довѣренности къ вамъ, мною опредѣляется къ нему въ приставы. По прибытіи его въ сей городъ, для пребыванія его величества съ фамиліею и свитою, опредѣляется здѣшній дворецъ, съ его принадлежностями. Для караула его будетъ рота съ знаменемъ и 30 человѣкъ конвойныхъ драгунъ съ литаврами; изъ которыхъ 24 съ офицеромъ, помѣщенные въ передней комнатѣ, всег-

да должны ѣздить съ его величествомъ, а 6 человѣкъ съ литаврами оставаться при фрунтѣ. Конвою же имѣть при выѣздѣ его величества 12 человѣкъ передъ самой каретою, а другіе 12 за самою же оною, а офицеръ долженъ ѣздить у дверей кареты, имѣя съ собой двухъ унтеръ-офицеровъ для посылокъ и надзирать на (за) сохранность его величества вездѣ и во всякомъ случаѣ. А ваше сіятельство и сами, когда король выѣзжать станетъ, всегда за нимъ ѣздите въ каретѣ, ежели онъ васъ когда съ собою не посадитъ. Воля Ея Императорскаго Величества есть, чтобы мы всѣ оказывали сему государю все слѣдующее уваженіе; почему и изволите оное наблюдать, какъ и то, чтобы караулы ему всегда честь отдавали, какъ должно, съ барабаннымъ боемъ и знаменнымъ уклоненіемъ. Вамъ должно осмотрѣть все положеніе дворца и при всѣхъ выходахъ и входахъ имѣть часовыхъ, коими обезпечено бы было сохраненіе его величества, и чтобы никто изъ онаго и въ оный входить не могъ, который бы видимъ и знаемъ не былъ и о комъ бы вы извѣстія не имѣли: понеже, при всемъ вышесказанномъ всевозможномъ къ королю уваженіи, высочайшее желаніе въ томъ состоитъ, что, поелику управленіе здѣсь дѣлъ производится именемъ и властію Ея Императорскаго Величества, то само по себѣ разумѣется, что король ни въ какія дѣла входить не можетъ и въ отправленіи дѣлъ ни малѣйшаго участія имѣть не долженъ,—о чемъ всемѣрно стараться надлежитъ, дабы его до оныхъ ни подъ какимъ видомъ и отнюдь не допускать. Многіе опыты насъ уже удостовѣрили, что сей государь былъ всегда вопреки пользъ нашихъ; ибо ни единое не совершилось въ Польшѣ противное видамъ нашего высочайшаго двора событіе, въ которомъ бы онъ не нашелся главою, или соучастникомъ и соревнителемъ. Извѣстность таковая, какъ и давнее познаніе мое свойствъ и качествъ его величества, долженствуютъ поставить сколь меня, столь и ваше сіятельство, противу его въ крайнюю осторожность; а по сему за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюденіе, позволяя чинить сіе только съ людьми, кои не могутъ подвержены быть подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причинъ отдалять отъ него не слѣдуетъ. А какъ, при томъ, надобно полагать, что онъ стараться будетъ перессорить сопредѣльные и союзные дворы и преклонить въ пользу свою и другіе разными и ему одному извѣстными происками, кои, при всемъ ихъ незначеніи, могутъ иногда причинить въ будущихъ дѣлахъ затрудненіе: то, въ предупрежденіе сего, переписка его съ иностранными землями и совсѣмъ не должна имѣть мѣста. Почему все сіе въ примѣчаніе вашему сіятельству предлагаю, дабы вы со-

образныя и всевозможныя по всему оному мѣры непрестанно принимать старались.... По всякимъ случаямъ и осторожностямъ, какъ выше помянутымъ, такъ и таковыя (sic), которыя бы здѣсь упомянуты не были, требующихъ моего разрѣшенія,—изволите, ваше сіятельство, мнѣ немедленно доносить, дабы я могъ, также безъ потерянія времени, васъ снабдить моими резолюціями. При пріѣздѣ его величества въ здѣшній городъ, ваше сіятельство имѣете его встрѣтить во дворцѣ, на крыльцѣ, гдѣ я равнымъ образомъ буду и васъ ему представлю."

Въ тотъ же самый день и генералъ-маіоръ кн. Циціановъ, командовавшій войсками, расположенными въ Гроднѣ, получилъ отъ кн. Репнина слѣдующую особую инструкцію:

„Какъ его величество король Польскій немедленно изъ Варшавы въ здѣшній городъ прибудетъ; то, для его пріѣзда, изволите ваше сіятельство отсель, безъ потерянія времени, отправить, съ надлежащимъ прокормленіемъ, на каждую станцію изъ полковыхъ и артиллерійскихъ по 80-ти лошадей, съ упряжью и извощиками, въ Кузницы, Соколку и Букштель, а при томъ, для конвоя его величества, по одному эскадрону драгунъ, при штабъ-офицерахъ, и человѣкъ по 30-ти казаковъ въ Кузницу и Соколку. Для караула же въ Соколку, сверхъ того, пошлите двѣ роты гранадеръ съ знаменемъ и двѣ полковыя пушки; домъ же въ Соколкахъ прикажите топить и вычистить на тотъ случай, ежели бы его величество тамъ почевать заблагоразсудилъ. Поручите въ Соколкахъ какъ надзираніе за всѣмъ тѣмъ, такъ и команду особому надежному штабъ-офицеру, дабы никакого безпорядка тамъ произойдти не могло. А караулъ дому королевскому поставить прикажите—роту гранадеръ съ знаменемъ, и чести ему отдавать всѣ, слѣдующія государю; а другая рота гранадеръ съ пушками чтобы стояла въ караулѣ въ городѣ, для удержанія въ ономъ всякого порядка. Въ дорогѣ конвою его величества ѣхать слѣдующимъ образомъ: предъ самою его каретою—казаки, за самою же тою—ескадронъ драгунъ, а штабъ-офицеръ, онымъ командующій, и другой еще одинъ оберъ-офицеръ чтобы ѣхали по обѣимъ сторонамъ кареты, отдавая ему всю надлежащую честь и имѣя къ нему все надлежащее уваженіе, сохраняя его отъ всякаго приключенія и, притомъ, готовыми чтобы были на всякое ему пособіе, надзирая наикрѣпчайше, чтобы его величество довезенъ былъ сохранно и предупреждая всемѣрно всякій случай, тому противный. Съ дороги прикажите, чтобы командиры конвойные, какъ скорѣе возможно, присылали сюда рапорты о пріѣздѣ и выѣздѣ его величества въ назначенныя имъ мѣста. При пріѣздѣ его ве-

личества сюда, должно выстрѣлить изъ парка сто одинъ выстрѣлъ холостыми зарядами а войско, какъ гранадеры, такъ и драгуны, пѣшкомъ на проѣздѣ его, въ пристойныхъ мѣстахъ, чтобы были поставлены подъ ружьемъ, отдавая ему честь, какъ слѣдуетъ государю, съ барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знаменъ. На караулѣ у него здѣсь, во дворцѣ, должна быть рота съ бѣлымъ знаменемъ и 30 человѣкъ драгунъ съ литаврами, которые должны быть и конвойные, когда его величество выѣзжать станетъ. Къ его особѣ приставленъ г. генералъ-маіоръ и кавалеръ графъ Безбородко, въ коего начальствѣ находиться должны какъ весь караулъ и конвой королевской, такъ и весь дворецъ. Ваше сіятельство, при пріѣздѣ короля, изволите его встрѣтить за мостомъ и, переправя черезъ рѣку сохранно, потомъ ѣхать къ войскамъ, для его пріѣзда въ строю находящимся, и оными командовать."

Независимо отъ этихъ мѣръ, князь Репнинъ посылаетъ циркулярныя предписанія къ кн. Голицыну и генералу Кнорринту, въ Ковну и Вильну, чтобы они словесно, безъ огласки, объявили и крѣпко подтвердили, какъ въ этихъ, такъ и въ повѣтовыхъ городахъ, чтобы жители, кромѣ поставленной отъ Русской Императрицы власти, другой не признавали и ни королевскихъ, ни иныхъ повелѣній, кромѣ исходящихъ отъ генералъ-губернатора и поставленныхъ надъ ними начальниковъ, не слушались. Поручивъ распоряженія и встрѣчу короля въ Гроднѣ генераламъ гр. Безбородку и кн. Циціанову, Репнинъ поручаетъ распоряженія встрѣчею и проводами короля въ предѣлахъ своего управленія, отъ Бѣльска до Бѣлостока, генералъ-маіору Бенингсону. Этотъ генералъ долженъ былъ выставить по 80-ти лошадей, отъ своей команды и полевой артиллеріи, въ Бѣльскѣ, Воишкахъ и Бѣлостокѣ; тоже количество лошадей на станціи Кузницу, Соколку и Букштель посылалось изъ Гродны; отъ Варшавы до Бѣльска, на станціяхъ Венгровѣ и Брянскѣ, какъ сказано, всѣ распоряженія дѣлались отъ имени фельдмаршала Суворова. Маршрутъ этотъ — обычный путь, которымъ всегда ѣзжалъ въ Гродну послѣдній король Польскій. На каждой изъ этихъ станцій должны были находиться: штабъ и оберъ-офицеръ, эскадронъ Изюмскаго легкоконнаго полка и 30 человѣкъ казаковъ, для конвоя и караула; казаки должны были ѣхать впереди королевской кареты, эскадронъ конницы—позади ея, а офицеры по обѣимъ

сторонамъ, съ боковъ. Бенингсонъ долженъ былъ встрѣтить короля въ Воишкахъ и сопровождать его со всѣми почестями, кромѣ пушечной пальбы (отмѣненной потомъ), до Букштеля.

„Есть ли бы, пишетъ князь Репнинъ Бенингсону, паче всякого чаянія, нашелся при его величествѣ какой либо караулъ или конвой собственныхъ его войскъ изъ гвардіи его, или изъ иныхъ какихъ польскихъ, — въ такомъ неожиданномъ случаѣ изволите тѣ войска остановить и не пропускать, а напротивъ, обезоруживъ совершенно, отпустить ихъ въ домы, донеся почтительно и учтиво его величеству, что вѣрность его и совершенная сохранность всего съ нимъ ѣдущаго будутъ всемѣрно наблюдаться нашими войсками которое (что́) прикажите наикрѣпчайше, что въ мѣстахъ, занятыхъ войсками Ея Императорскаго Величества, не могутъ уже другія войска вмѣстѣ съ ними быть. Однакожь, естьли бы случилось, что на экипажахъ королевскихъ, по разнымъ повозкамъ, сидѣли человѣкъ 10 или 20 съ ружьями, пистолетами или саблями; то ихъ не трогать, какъ не составляющихъ войска, и не безоруживать, а пропускать свободно, по уваженію и почтенію къ его величеству.“

Предположеніе, что Польскій король явится въ Россію хотя съ небольшимъ отрядомъ войска, Репнинъ основывалъ на простомъ слухѣ, что у Станислава-Августа есть небольшая гвардія, состоящая изъ 300—400 человѣкъ, пѣшихъ и конныхъ. Въ другомъ письмѣ къ Бенингсону, писанномъ черезъ 10 дней, князь Репнинъ говоритъ:

„Ежели бы, паче всякаго чаянія, дерзнули тѣ войска вамъ противиться, въ такомъ неожиданномъ случаѣ должно уже вамъ съ ними поступить военною рукою, какъ съ непріятелемъ; но сего я не ожидаю, и сколь возможно отъ того, до самой крайности, удерживаться должно.“

Онъ, наконецъ, совѣтуетъ Бенингсону отправить курьера къ Тормасову, когда тотъ пріѣдетъ съ королемъ въ Бѣльскъ, съ извѣщеніемъ его о распоряженіи на счетъ польскихъ войскъ о томъ, дабы этотъ генералъ предупредилъ Станислава-Августа заблаговременно, еще не вступая въ предѣлы Литовскаго генералъ-губернаторства. Но опасенія Репнина шли уже черезчуръ далеко: роялистическія манифестаціи вовсе не были въ духѣ Поляковъ, и послѣдній король всего менѣе могъ на это разсчитывать. Вообще пріемъ неожиданнаго гостя доставилъ князю Репнину множество хлопотъ. Онъ ни минуты не

зналъ покоя, и надобно удивляться, когда этотъ человѣкъ находилъ время вести такую обширную и притомъ собственноручную переписку, какую велъ онъ въ послѣдній мѣсяцъ 1794 г., адресуя свои письма въ Петербургъ (къ Императрицѣ и гр. Платону Зубову), въ Варшаву (къ Суворову, Ферзену и Тормасову) и въ Бѣлостокъ; во всѣхъ этихъ письмахъ рѣчь шла все о томъ же неожиданномъ гостѣ. Читатель, мало знакомый съ личностію кн. Репнина, съ его блестящими дипломатическими способностями, обнаруженными имъ въ бытность его нашимъ посломъ въ Варшавѣ (1764—1769), можетъ приписать его тревоги и опасенія просто трусости, а въ его подозрительности и во взглядѣ на бывшаго короля Польши—провидѣть русскаго Гудсона-Лоу. Ничего подобнаго не было: послѣдующіе факты прежде всего убѣдятъ читателя, что князю Репнину, образованнѣйшему человѣку своего времени, Франмасону, были доступны самыя высокія душевныя движенія по отношенію къ тому же Станиславу Понятовскому, который, не будучи Наполеономъ, естественно возбуждаетъ въ каждомъ, коловратностію судьбы своей, чувство жалости; притомъ же не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда Репнину предстала возня съ бывшимъ Польскимъ королемъ, на рукахъ у него была великая обуза—цѣлый вновь присоединенный Польскій край, почти незнакомый съ гражданскимъ покоемъ.

Въ Варшавѣ, между тѣмъ, шли переговоры между королемъ и фельдмаршаломъ Суворовымъ (желавшимъ сбыть поскорѣе съ рукъ перваго) о времени выѣзда: одинъ желалъ оттянуть его, другой—ускорить; Суворовъ настаивалъ на 21-е, Понятовскій — на 26-е Декабря, на которомъ, наконецъ, и остановились. „Его Величество король Польскій, писалъ фельдмаршалъ Репнину отъ 20-го Декабря, по причинѣ, что екипажи не могутъ быть ближе готовы исправленіемъ, изволитъ предпринять путь свой въ Гродню 27-го сего мѣсяца“. На другой день Литовскій генералъ-губернаторъ получаетъ отъ генерала Тормасова слѣдующее, успокоившее его письмо:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Имѣвъ препорученіе находиться при его величествѣ королѣ Польскомъ, для почестей и препровожденія до Гродни,

долгомъ себѣ поставляю донести вашему сіятельству, что его величество назначилъ выѣхать изъ Варшавы 27 числа и первый ночлегъ имѣть будетъ въ Венгровѣ, второй — въ Бѣльскѣ, третій — въ Бѣломъ Стокѣ, а оттуда — въ Гроднѣ. Желаніе его величества было остановиться въ Бѣломъ Стокѣ двѣ недѣли, но на сіе отвѣтствовано было его сіятельствомъ графомъ А. В. Суворовымъ-Рымникскимъ, что сіе зависитъ отъ учрежденія (распоряженія) вашего сіятельства. Сегодня получилъ я извѣщеніе отъ г. генералъ-маіора барона Бенингсона, что ваше сіятельство предписать изволили — не впускать въ Литву никакихъ польскихъ войскъ; соотвѣтственно чему буду имѣть попеченіе, чтобы при его величествѣ, кромѣ самаго малаго числа офицеровъ, никакихъ польскихъ войскъ не было. При семъ честь имѣю представить списокъ всѣмъ особамъ, королевскую свиту составляющимъ, изъ коихъ нѣкоторыя съ запасами вчерашняго числа отправлены, а другія завтра (22-го) отправляются.

Удостойте принять увѣреніе искреннѣйшаго высокопочитанія и безпредѣльной преданности, съ коими и проч.

Александръ Тормасовъ".

Остановиться королю на двѣ недѣли въ Бѣломъ Стокѣ князь Репнинъ не позволилъ.

Итакъ Станиславъ-Августъ Понятовскій 27-го Декабря 1794 года, въ четвергъ, въ 10 часовъ утра, покинулъ свою столицу, куда уже не суждено было ему возвратиться. Длинная цѣпь экипажей, составлявшихъ королевскій поѣздъ, медленно тянулась по дорогѣ въ Венгрово. Ее обогналъ молодой Русскій офицеръ, спѣшившій въ это время изъ Польской столицы къ своему отцу, въ Могилевскую губернію, и занесшій потомъ въ записки свои сіи знаменательныя строки: „Дорогою объѣхалъ я короля Станислава-Августа, котораго везли въ Гродну, гдѣ ожидалъ его князь Н. В. Репнинъ. Итакъ Императрица возвела его на престолъ Польскій, и она же лишила его короны!" ([5]). Думалъ ли въ эти минуты уѣзжавшій изъ Польши послѣдній ея король о безвозвратно-прошломъ, о Московскомъ Кремлѣ и Жолкѣвскомъ, о Владиславѣ и Василіѣ Шуйскомъ, — осталось его тайной! Но минуты были великія, и слабѣйшій изъ государей, едва ли не слабѣйшій изъ людей, благодаря имъ, непремѣнно долженъ былъ возвыситься, просвѣтлѣть нрав-

---

([5]) *Записки Л. И. Энгельгарта*, стр. 190.

ственно, уже по одному тому, что судьба его роковымъ образомъ соединилась съ судьбою его отечества.

Первый ночлегъ варшавскіе путники имѣли въ Венгровѣ; на другой день, въ 8 часовъ вечера, прибыли они въ мѣстечко Брянскъ; 29-го, въ 10 часовъ ночи, пріѣхали въ Бѣлостокъ, протащившись 8 миль 13 часовъ, по причинѣ большихъ снѣговъ. Здѣсь было думали поставить экипажи на полозья, но такъ какъ эта работа угрожала затянуть отъѣздъ на три дня, поэтому положено было раздѣлить поѣздъ на двѣ партіи и каждой ѣхать особо, но нѣсколько медленнѣе. Въ Бѣлостокѣ король отдыхалъ до 31-го числа. Въ этотъ день, въ 9 часовъ утра, онъ отправился въ Соколку, куда и прибылъ въ 6 часовъ вечера, располагая на другой день, въ самый Новый годъ по старому стилю, въ 7 часовъ утра отправиться въ Гродну.

Въ то время, какъ король Польскій былъ уже въ пути, князь Репнинъ, въ ожиданіи его, далъ князю Циціанову еще слѣдующее, *секретное*, наставленіе:

„По случаю скораго прибытія его величества короля Польскаго въ Гродню и его въ семъ мѣстѣ нѣкоторое время пребыванія, необходимо нужными почитаю имѣть слѣдующія осторожности: 1) чтобы его величество самъ и никто изъ окружающихъ его особъ не могъ имѣть съ иностранными которыми-либо дворами и ихъ министерствами переписки, чрезъ учрежденную здѣсь почту: то съ почты всѣ письма его и свиты его, не отправляя, а приходящія по почтѣ на имя его величества и свиты его не отдавая, представлять ко мнѣ, и крайне наблюдать, чтобы никто изъ здѣшнихъ, какого-бы званія ни былъ, доставленія переписки чей-либо изъ придворныхъ ни тайно, ни явно принимать на себя не осмѣлился. А если, паче чаянія, откроется, что кто на таковой поступокъ дерзнетъ, таковаго, взявъ подъ стражу, представлять ко мнѣ; 2) для лучшаго успѣха въ открытіи приверженныхъ королю самому, или свитѣ его, особъ, здѣшняго мѣста жителей, надлежитъ прилежное смотрѣніе, наблюденіе и примѣчаніе имѣть за тѣми всякаго званія людьми, кои необыкновенно часто во дворецъ въѣзжать и входить будутъ, надзирая — къ кому въ покои кто ходитъ и подъ какимъ предлогомъ, а особливо, чтобъ изъ торгующихъ здѣсь ни съ какими товарами, какъ во дворецъ, такъ изъ онаго, безъ строгаго примѣчанія впускаемы и безъ возможнаго обозрѣнія выпускаемы не были. Для присмотру же за всѣмъ вышесказаннымъ, который долженъ быть не-

примѣтенъ, имѣть, сверхъ караульныхъ, двухъ расторопныхъ дежурныхъ и надежныхъ офицеровъ, которые бы, ведя дневную записку всѣмъ во дворецъ пріѣзжающимъ и изъ дворца выѣзжающимъ и выходящимъ, при вечернемъ бы рапортѣ вашему сіятельству представляли бы, а вы изволите, для свѣдѣнія моего, оныя представлять ко мнѣ; 3) изъ принадлежащихъ къ свитѣ королевской особъ многія, по свойству́ или по старой связи, съ здѣшними, конечно, будутъ имѣть сообщеніе, — чего для нужно примѣчать: кто у кого примѣтнымъ образомъ часто будетъ въ домѣ, и не будетъ ли, въ одно время съ таковыми, въ томъ домѣ съѣзжаться еще кто-либо изъ здѣшнихъ сомнительныхъ, а особливо изъ духовныхъ чиновъ? Сіе замѣчаніе для того наиболѣе имѣть нужно и должно, чтобы, подъ видомъ обычайныхъ посѣщеній, не составились совѣтованія, до чего они (Поляки) падки, а оттого не послѣдовала бы начальству излишняя забота; 4) изъ мелкихъ чиновъ, какъ-то: офицеровъ, офиціантовъ и ливрейныхъ, по свойственной имъ праздности, думаю, часто посѣщать будутъ трактиры и корчмы; то также наблюдать строго того, чтобы кто-либо изъ свиты королевской не вздумалъ, по врожденной Польской націи необдуманной дерзости и запальчивости, особливо въ пьяномъ образѣ, произвести въ черни, въ сего рода мѣста̀ стекающейся, какого-либо колебанія, или внушенія, пустыми разговорами, — и для того всѣмъ хозяевамъ трактировъ и корчмъ строго приказать и подтвердить, чтобы въ 10 часовъ вечера никто въ оныхъ, ни подъ какимъ видомъ, пьяный ночью не оставался, и давали бы они о таковыхъ знать къ ближнимъ къ нимъ расположеннымъ командамъ, коимъ подтвердите: всѣхъ таковыхъ пьяныхъ, коль скоро имъ сказаны будутъ, взявъ подъ караулъ, препровождать назавтра рано въ ихъ квартиры пристойнымъ образомъ; 5) карауламъ во всѣхъ мѣстахъ въ Гроднѣ приказать, чтобы ружей у сошекъ ночью не оставляли, а вносили бы ихъ всегда съ собою въ караульныя казармы; часовые же, на часахъ стоящіе, имѣли бы ружья заряженныя, дабы въ случаѣ, — чего я хотя не уповаю, но если, паче чаянія, нужно будетъ, — выстрѣлъ ихъ сигналомъ для всѣхъ служить могъ. Часовыхъ ночью, какъ у фронта, такъ и въ казармахъ, имѣть двоихъ, а треть людей, сверхъ караула, изъ числа въ казармахъ остающихся, должна быть всегда во всякой военной осторожности и готовности, на всякій могущій быть случай; 6) наконецъ, сверхъ всѣхъ вышесказанныхъ осторожностей, для сохраненія въ городѣ совершенной тишины, спокойствія и безпечности, изволите ваше сіятельство учредить ежедневно патрули и конные разъѣзды по всѣмъ улицамъ, кои начи-

нать съ сумерекъ до разсвѣта. По поводу патрулей и разѣздовъ, должно вамъ примѣтить, что оные, по испытаніи въ службѣ нашей, дѣлаются махинально, и когда повелѣно будетъ ихъ дѣлать, продолжаются все послѣдующее время, въ тѣ самые часы, въ которые въ первый день то учинится; а отсего и пользы настоящей быть не можетъ, понеже всякій неблагонамѣренный, желая воспользоваться удобнымъ временемъ, узнавъ однажды часы, въ которые патрули и разъѣзды дѣлаются, возметъ по тому свои мѣры и осторожности и намѣреніе свое удобно выполнить можетъ. А посему, дабы желаемую отъ сего имѣть пользу, надлежитъ учредить патрули и разъѣзды такъ, чтобы они дѣлались не въ одно время, а напротивъ слѣдующимъ образомъ: напримѣръ, сегодня пополудни въ 6, 8, 10, 12 и 2, 4, 6 часовъ пополуночи; завтра въ 5, 7, 9, 11 и 1, 3, 5; послѣзавтра въ $5^1/_2$, $7^1/_2$, $9^1/_2$, $11^1/_2$ и $1^1/_2$, $3^1/_2$, $5^1/_2$ часовъ; и ежедневно бы сіе перемѣняемо было, и чтобы никто не зналъ, въ которые часы патрули и разъѣзды дѣлаться будутъ. Приказывать же о томъ въ тотъ самый день, передъ вечернею зарею, дежурному штабъ-офицеру, который посуточно наряжаемъ быть долженъ отъ расположенныхъ въ Гроднѣ полковъ и котораго должность быть должна — надзирать, чтобы наряженные патрули и разъѣзды дѣлать офицеры повелѣнное имъ урочное время, или какъ отъ него имъ приказано будетъ, исполняли и его о всемъ рапортовали, а онъ относиться имѣетъ, если-бы что́ важное случилось, къ вамъ и моему дежурному, ни мало немедля. Патрули и разъѣзды начинать всякій день съ разныхъ пунктовъ; и проходя всѣ улицы, естли бы гдѣ услышали крикъ, шумъ или какую-либо неблагопристойность, должны все таковое, остановясь, унять, развести и виновныхъ, естли быть случатся изъ ливрейныхъ его величества, препроводить тотчасъ къ дежурному его сіятельства, генералъ-маіора Безбородка, а прочихъ, естли изъ военныхъ, то въ дежурство вашего сіятельства, а естли изъ здѣшнихъ обывателей, то, взявъ подъ караулъ, отсылать къ дежурному штабъ-офицеру, или правящему должность плацъ-маіора, или же куда отъ васъ приказано будетъ.“

Читая это наставленіе, сообщенное въ копіи и приставу, графу Безбородку, можно подумать, что король Станиславъ-Августъ съ своею свитою въѣзжалъ въ обширный и многолюдный городъ, въ тѣсныхъ улицахъ котораго, среди враждебно-настроеннаго и многочисленнаго населенія, со стороны русскихъ властей требовалось, какъ говорили тогда, чуткое, недреманное око; вспомнивъ значеніе Гродны въ

исторіи послѣднихъ лѣтъ Польской республики, какъ мѣста, гдѣ собирались генеральные сеймы, ея близость къ Варшавѣ, Вильнѣ, можно, дѣйствительно, представлять себѣ этотъ городъ, по меньшей мѣрѣ, чѣмъ-то среднимъ между столицами Литвы и Польши. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, гродненское общество, если не населеніе, должно было удвоиться отъ пребыванія въ городѣ начальника края съ его штабомъ, отъ водворенія въ немъ Варшавскаго двора, отъ пріѣзда множества лицъ, которыхъ привлекало и то, и другое, и при томъ съ разныхъ мѣстъ,—изъ Варшавы, Вильны, Риги и Петербурга. Словомъ, городъ Гродно, или, какъ называли его тогда Русскіе, Гродня, былъ дѣйствительно (и еще болѣе казался) шуменъ и многолюденъ; но ничего похожаго на Варшаву и Вильну онъ не имѣлъ: это доказываетъ теперешнее его состояніе, отсутствіе въ немъ памятниковъ давней старины, за исключеніемъ развалинъ Коложенской православной церкви (не говоримъ о немногихъ незначительныхъ постройкахъ, принадлежавшихъ къ прошлому вѣку). Исторія городовъ, находившихся въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой, даже ихъ теперешній, внѣшній, такъ сказать, архитектурный видъ наводитъ на мысли, далеко неблагопріятныя для польской цивилизаціи. Въ сѣверозападномъ, напримѣръ, краю, гдѣ такъ усиленно пропагандировалась эта цивилизація и гдѣ она, дѣйствительно, сдѣлала большія завоеванія, за исключеніемъ Вильны, собственно не было города, даже въ русскомъ, необширномъ, какъ извѣстно, значеніи этого слова. Правда, Вильна была и есть городъ по преимуществу: ея узкія, кривыя улицы, громадные каменные дома, тяжкой, наводящей тоску архитектуры, словомъ, вся она въ цѣломъ представляетъ такое монументальное явленіе старины, какого не представляетъ даже Москва; но, увы! старина эта мало польская, не смотря на множество вѣковыхъ костеловъ, все того же наводящаго тоску архитектурнаго стиля; старина эта тѣмъ болѣе не литовско-русская и уже никакъ не русская, не смотря на существовавшія прежде и недавно возобновленныя православныя церкви, почти такого же стиля. Въ Екатерининское время очень хорошо понималось историческое, воспитывающее значеніе этой монументальной старины, все

же созданной подъ условіями польской гражданственности,— и, конечно, по этой причинѣ, при назначеніи главнаго административнаго центра для Литвы, Вильна была обойдена. Есть въ Варшавѣ часть города, очень напоминающая Вильну и, повидимому, представляющая обращикъ польской старины: это—*Старое Мѣсто* (Stare Miasto); еще больше, говорятъ, такой старины въ Краковѣ. Но дѣло въ томъ, что эта старина не столько польскаго, сколько нѣмецко-еврейскаго происхожденія, а архитектурные памятники ея принадлежатъ къ эпохѣ упадка средневѣковаго искусства. Дивиться, впрочемъ, здѣсь не чему, такъ какъ города, находившіеся въ предѣлахъ бывшей Польши, обязаны своимъ существованіемъ нѣмецко-еврейскому элементу, а городская жизнь слагалась подъ вліяніемъ Магдебургскаго права; при абсолютномъ отсутствіи средняго сословія въ Польшѣ иначе и быть не могло и, конечно, по этой причинѣ, польская національность обнаружила несравненно меньшую способность къ созданію города, чѣмъ русская, или, точнѣе, великорусская. Сѣверо-западные, или Литовскіе города поражаютъ своею ничтожностію: древностей въ нихъ, памятниковъ лучшей старины, нѣтъ никакихъ, за исключеніемъ иногда одного или двухъ костеловъ; все, что замѣчается лучшаго, растущаго и богатѣющаго, принадлежитъ новому времени и уже носитъ русскій характеръ, типъ русско-европейскаго города. Такова, напримѣръ, Ковна, растущая и богатѣющая и мало чѣмъ отличающаяся отъ хорошаго губернскаго города средней и южной полосъ Россіи; да такова и самая Варшава, предметъ гордости и тщеславія Поляковъ; ея архитектурныя красоты, дѣйствительно нося европейскій (а не нѣмецко-еврейскій, или польско-еврейскій, какъ въ Вильнѣ) характеръ, въ тоже самое время, и на столько же, если не болѣе, носятъ, увы! и типъ русскій, петербургскій, съ тою, впрочемъ, разницею, что колоссальные размѣры Сѣверной Пальмиры на берегахъ Вислы значительно съуживаются, вездѣ и во всемъ,—отъ Краковскаго предмѣстія, напоминающаго Невскій проспектъ, до Варшавскихъ дворцовъ и палатъ. Городъ Гродна ничего виленскаго и ковенскаго въ себѣ не имѣетъ; въ настоящее время она принадлежитъ къ числу лишь посредственныхъ русскихъ горо-

довъ,—въ родѣ порядочнаго уѣзднаго, но не первой руки, какъ Серпуховъ, Коломна, Елецъ, Козловъ и т. п. Въ немъ всего одна порядочная улица да площадь, съ неизбѣжнымъ *тѣятникомъ* (т. е. бульваромъ), фарой (рим.-катол. соборъ), присутственными мѣстами и т. п.; остальныя улицы состоятъ почти сплошь изъ деревянныхъ, крытыхъ гонтомъ или черепицею домиковъ, самой незатѣйливой архитектуры. Бо́льшая половина Гродны истреблена пожаромъ 1735 г., во время котораго погибло, по разсказамъ старожиловъ, множество зданій, принадлежавшихъ магнатамъ. Палацы Огинскихъ, Сангушки и Юндзила, или точнѣе — мѣста, на которыхъ они находились, нынѣ принадлежатъ Евреямъ; въ домѣ Сапѣги, принадлежащемъ князю Любецкому, нынѣ помѣщается такъ называемое „благородное" собраніе. Но вообще въ Гроднѣ нѣтъ ни одного, хотя бы въ развалинахъ, панскаго дворца, или палаццо, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя бѣдная и некрасивая Гродна считаетъ у себя не одинъ, а чуть ли не три дворца. Первый гродненскій дворецъ стоитъ на площади, тотчасъ же при въѣздѣ въ городъ изъ Вильны по желѣзной дорогѣ, въ части города, называемой *Городницею*; онъ представляетъ довольно большое, покоеобразное, одноэтажное и очень низкое зданіе, окруженное большимъ садомъ; въ немъ теперь живетъ гродненскій губернаторъ, въ немъ же, вѣроятно, жилъ въ описываемую нами пору кн. Н. В. Репнинъ; домъ этотъ построенъ литовскимъ подскарбіемъ Тызенгаузомъ. Другой дворецъ, двухъ-этажный, меньшихъ размѣровъ, стоитъ на противоположномъ концѣ города, на самомъ берегу р. Нѣмана, на горной, почти утесистой его сторонѣ, съ которой онъ, если смотрѣть на него съ луговой, кажется готовъ сползти. Видъ изъ этого дворца, занятаго теперь военнымъ госпиталемъ и называемаго *Новымъ за́мкомъ*, на луговую сторону Нѣмана, на широко-раскинувшійся горизонтъ,—очарователенъ. Этотъ домъ былъ построенъ Сигизмундомъ-Августомъ II собственно для сеймовъ, и въ немъ-то жилъ несомнѣнно Станиславъ-Августъ Понятовскій (6). На углу,

(6) По мѣстнымъ преданіямъ король жилъ въ теперешнемъ губернаторскомъ домѣ; но это не вѣрно: во 1-хъ потому, что домъ этотъ стоитъ на Городницѣ, а не надъ Нѣманомъ, а во 2-хъ потому, что онъ одноэтажный,

образуемомъ впаденіемъ рѣчки Городничанки въ Нѣманъ, тотчасъ же подлѣ *Новаго*, находится *Старый замокъ*, отдѣляющійся отъ него однимъ рвомъ. До Стефана Баторія замокъ этотъ былъ деревянный; на мѣстѣ деревяннаго этотъ король выстроилъ каменный, нынѣ тоже не существующій. Теперешній *Новый замокъ*—позднѣйшей, неуклюжей архитектуры; въ немъ теперь также помѣщаются войска. Ближайшія окрестности Гродны, за исключеніемъ прибрежныхъ по-нѣманскихъ мѣстъ, довольно печальны и однообразны; ихъ и сравнивать невозможно съ прелестными окрестностями Вильны и съ живописными ландшафтами, которые сопровождаютъ р. Вилію по всему ея теченію. Посѣтивъ Гродну въ началѣ 1868 года, мы недоумѣвали: гдѣ и какъ могли размѣститься въ этомъ маленькомъ городкѣ толпы знатныхъ переселенцевъ изъ Варшавы, Риги и Петербурга и прожить здѣсь болѣе двухъ лѣтъ? Эти два многознаменательные въ исторіи Гродны года пролетѣли надъ нею, не оставивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, никакихъ почти воспоминаній. Впрочемъ, спѣшимъ прибавить, что по *исключительнымъ* причинамъ, все еще имѣющимъ мѣсто въ нашемъ западномъ краѣ, мы не могли обратиться за справками къ мѣстнымъ уроженцамъ польскаго происхожденія (нельзя не отдать имъ чести) ревниво относящимся къ своей старинѣ.

Въ первый день новаго 1795-го года, въ понедѣльникъ, въ исходѣ 12-го часа утромъ, пріѣхалъ король Станиславъ-Августъ въ Гродну и расположился въ приготовленномъ для него дворцѣ. Вотъ современное описаніе этого пріѣзда, имѣющее, впрочемъ, офиціальное происхожденіе: имъ начинается первая страница поденныхъ записокъ, которыя вести, конечно, приказывалъ кн. Репнинъ, кромѣ тѣхъ ежедневныхъ записокъ о посѣтителяхъ, составленіе которыхъ, какъ мы видѣли, поручалось Циціанову; онѣ велись гр. И. А. Безбородкомъ, по крайней мѣрѣ, подъ его непосредствен-

---

а не двухъ-этажный. Въ журналѣ графа Безбородка жилище короля опредѣляется именно этими двумя признаками: *двухъ-этажное и стоитъ какъ разъ надъ Нѣманомъ*, съ терассою, выходящею на берегъ этой рѣки. Домъ, занимаемый Репнинымъ, принадлежалъ Станиславу Понятовскому, вѣроятно, королевскому племяннику, которымъ могъ быть пріобрѣтенъ отъ Тызенгауза.

ной редакціей, имъ подписывались и ежемѣсячно представлялись генералъ-губернатору.

„Въ ожиданіи въ тотъ день (1 Января) прибытія Его Величества, по полученному извѣстію отъ препровождавшаго до Гродно генералъ-маіора Тормасова, что Его Величество имѣлъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Соколкахъ, за 6 миль отъ Гродно, а выѣхалъ Генваря 1-го, въ 7 часовъ по полуночи,—въ тотъ же день во дворцѣ Гроденскомъ поставленъ караулъ, состоящій въ ротѣ съ бѣлымъ знаменемъ, музыкою и 24-хъ человѣкахъ драгунъ съ литаврами. Въ 11 часовъ его сіятельство главнокомандующій, кн. Николай Васильевичъ Репнинъ, прибылъ во дворецъ и ожидалъ прибытія Его Величества. Получа жъ извѣстіе, что король за нѣсколько только верстъ отъ Гродно, послалъ генералъ-маіора кн. Циціанова, который, при сближеніи Его Величества въ двухъ верстахъ отъ Гродно, встрѣтилъ его и препровождалъ верхомъ до дворца; эскадронъ же драгунъ, при штабъ-офицерѣ, встрѣтивъ за двѣ версты, препровождалъ до города и дворца. Въ исходѣ 12 часовъ прибылъ Его Величество во дворецъ, стоящій тамъ караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя. Главнокомандующій съ генералитетомъ и штабъ-офицерами встрѣтилъ его на крыльцѣ и препроводилъ въ парадные покои. Съ Его Величествомъ сидѣли въ каретѣ: Польскій генералъ Горжинскій, камергеръ его Дюгамель и докторъ Беклеръ. Его Величество и главнокомандующій, оставя всѣхъ въ аудіенцъ-залѣ, пошли во внутренніе королевскіе покои, откуда черезъ часъ главнокомандующій возвратился въ свою квартиру и къ обѣденному столу къ королю въ два часа паки пріѣхалъ. Въ сей день былъ у Его Величества подскарбій и кавалеръ Дзяконскій и черезъ часъ уѣхалъ. Того же дня ввечеру пріѣзжалъ отъ главнокомандующаго генералъ-маіоръ Тормасовъ — спросить Его Величество о назначеніи времени, когда представить ему находящійся здѣсь нашъ генералитетъ и штабъ-офицеровъ и, получа отъ Его Величества отвѣтъ о назначеніи на то завтрешняго дня по утру въ 12 часовъ, возвратился къ главнокомандующему. Въ 9 часовъ того же вечера посланъ былъ отъ короля съ письмами къ главнокомандующему Польскій маіоръ Понятовскій“.

До 14-го числа король никуда не выѣзжалъ изъ дворца; первый выѣздъ его былъ къ обѣднѣ въ бывшій іезуитскій монастырь; 21-го Января онъ былъ съ визитомъ у главнокомандующаго.

Вотъ при какой обстановкѣ встрѣтились старые знакомые, князь Репнинъ и бывшій графъ Понятовскій! При этой

первой встрѣчѣ бесѣда ихъ шла несомнѣнно о путешествіи и касалась лицъ, составлявшихъ королевскую свиту. „При первомъ свиданіи, я ни объ чемъ съ нимъ не говорилъ“, писалъ кн. Репнинъ Императрицѣ; но на королевскую свиту онъ посмотрѣлъ не благосклонно: „она, кажется, говорится въ томъ же письмѣ, составлена изъ людей не лучшаго выбора, каковые, къ несчастію, всегда Его Величество окружали“ (7). При полномъ уваженіи, подобающемъ королевскому сану, Репнинъ привыкъ относиться къ Польскому королю съ нѣкоторымъ педагогическимъ снисхожденіемъ. Свита королевская должна была состоять изъ слѣдующихъ лицъ:

1) Принцъ Іосифъ Понятовскій, королевскій племянникъ, которому впрочемъ, какъ увидимъ, не дозволено было пріѣхать. 2) Оберъ-шталмейстеръ Кицкій; 2) Генералъ Горжинскій; 3) Графъ Трембицкій. Камергеры: 4) Стржембашъ (Strzembasz); 5) Дюгамель. Адъютанты: 6) Киркоръ; 7) Гордонъ; 8) Бишевскій; 9) Грабовскій, прибывшіе послѣ. Секретари: 10) Пузына; 11) Баччіарелли, по дипломатической части. 12) Устрицкій, по финансовой; 13) Саготинскій; 14) аббатъ Любанскій, милостынераздаватель, l'aumonier; 15) аббатъ Воловичъ, докладчикъ (référendaire). 16) Фризъ (Friese); 17) Швендровичъ; 18) Карусъ; 19) Антонъ Понятовскій. Пажи: 20) Ябинскій; 21) Дубецкій; 22) Скорульскій; 23) Буховецкій. Каммердинеры: 24) Брунетъ; 25) Руссо. 26) Шталмейстеръ, полковникъ Политальскій. 27) Квартирмейстеръ, Ромуальдъ Понятовскій. 28) Смотритель королевскаго дворца Янъ Маковскій. 29) Главный докторъ Беклеръ; 30) Главный кухмистеръ Трель; 31) Главный буфетчикъ Шульцъ; 31) Парикмахеръ Прдушевичъ. Кондиторы: 32) Рихтеръ; 33) Людвигъ. 34) Мундшенкъ Антонъ Луцинскій; 35) Главная прачка Петерсонова; 4-е камеръ-лакея; 1 фурьеръ; 1 скороходъ; 1 егерь; 6 лакеевъ; 6 гайдуковъ; 6 полотеровъ; 13 конюховъ; 6 кучеровъ; 22 погонщика (? вѣроятно, чернорабочіе); 1 кузнецъ; 1 сѣдельщикъ; 10 человѣкъ обоего пола чернорабочихъ при кухнѣ; 5—при буфетѣ, 7—при прачешной (къ нимъ потомъ прибавлено 11 человѣкъ), 5—при кондитерской (потомъ прибавили 4-хъ), 5—при мундшенкѣ; 8 сторожей.

---

(7) Это мнѣніе князя Репнина вполнѣ подтверждается Китовичемъ въ его Pamiętniki do panowania Augusta III i Stanisława-Augusta (см. стр. 245—250), —характеристиками Рыкса, Баччіарели, Комаржевскаго, Бишевскаго и Кортицелли.

Сверхъ того при королевскомъ дворѣ находились:

a) Главный экономъ староста Рыксъ, b) 1 маіоръ, c) 1 капитанъ, d) 7 писарей. Всего съ королемъ прибыло изъ Варшавы болѣе ([8]) 153 человѣкъ; въ послѣдствіи число это увеличилось. При королѣ и его свитѣ находились 184 лошади. Въ ожиданіи Станислава-Августа, Репнинъ выдалъ Безбородку три тысячи червонныхъ на столъ и другія необходимыя издержки, приказавъ ему тотчасъ же составить ежемѣсячную смѣту расходовъ, съ обозначеніемъ прежней ассигновки на жалованье служащимъ лицамъ и на другія статьи. Все королевское хозяйство (а по немъ и статьи бюджета) раздѣлялись на 12 частей, или *департаментовъ*, по выраженію Безбородка. По каждой статьѣ расходовъ этому послѣднему подавались частныя смѣты, составляемыя лицами, которыя ими завѣдывали; такимъ образомъ предполагалось:

a) На столъ	2,000	червонцевъ	(злоты отбрасываются).
b) На жалованье служащимъ	1,364	—	
c) На освѣщеніе	150	—	([9])
d) На погребъ	619	—	([10])
e) На кондитерскую и кофешенкерскую . . .	450	—	
f) На конюшню	200	—	([11])
g) На королевскій кабинетъ	100	—	
h) На отопленіе	1,000	—	([12])
i) На уголья	32	—	
j) На мелочные расходы .	288	—	
Всего съ прежними	6,204	червонца.	

([8]) Говоримъ *болѣе* потому, что, при счетѣ ихъ и указаніи по двумъ спискамъ, нѣсколько разнаго времени, неизбѣжно должны были вкрасться нѣкоторые пропуски и неточности.

([9]) По этой статьѣ таже сумма была назначена королю на послѣднемъ сеймѣ; но по статьямъ *d* и *e* потребовали прибавки. ([10]) Безбородко полагалъ достаточнымъ на обѣ статьи *450* червонцевъ, но Репнинъ оставилъ просимую сумму. ([11]) по назначенію гр. Безбородки; на Гродненскомъ сеймѣ было назначено болѣе. На 184 лошади потребовано въ мѣсяцъ: сѣна — 1.744 пуда, овса — 618 гарнцевъ. ([12]) т. е., въ сторонѣ и теперь еще лѣсистой, гдѣ дрова, сравнительно съ Москвою и Петербургомъ, ни по чемъ, на отопленіе, уже не говоримъ *одного небольшаго дворца*, а всѣхъ жилищъ 153 лицъ, потребовали почти столько же, сколько и на ихъ содержаніе, пищу, одежду, обувь (1,364 червонца)!

Утвердивъ эту смѣту 13-го Января, князь Репнинъ прибавилъ еще двѣ слѣдующія статьи:

k) На ремонтъ ливреи . . . . . 750 червонцевъ.
l) На фуражъ . . . . . 751 —

Всего, съ прежними 7,705 червонцевъ.

Но вниманіе Репнина къ королю не ограничилось одною этою прибавкою: представляя эту смѣту на высочайшее утвержденіе, онъ просилъ Императрицу увеличить ее до 11-ти тысячъ червонцевъ, назначая лишніе 3,295 червонцевъ ежемѣсячно на „карманные расходы“ для короля. Екатерина согласилась съ мнѣніемъ генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, Русскому правительству содержаніе бывшаго Польскаго короля стоило ежемѣсячно 11 тысячъ червонцевъ, или 33 тысячи руб. серебромъ, по тогдашней цѣнности золота; въ годъ, слѣд., — 396,000 руб. сер. По тогдашней цѣнности серебрянаго рубля сравнительно съ теперешнимъ, это выйдетъ громадная сумма. Станиславъ Понятовскій могъ жить съ царскою пышностію: онъ получалъ гораздо болѣе, чѣмъ будучи *настоящимъ* королемъ. Правда, потомъ, какъ увидимъ, онъ постоянно канючитъ, выпрашиваетъ денегъ; но финансовое положеніе его было дѣйствительно очень не завидно: кругомъ въ долгахъ, почти нищимъ въѣхалъ въ Россію король Польскій!

Поденныя записки, которыя велись, подъ редакціею гр. Безбородка и по приказанію кн. Репнина, при Гродненскомъ дворцѣ, независимо, какъ сказано, отъ именныхъ ежедневныхъ списковъ посѣтителей, носятъ слѣдующее заглавіе: „Журналъ пребыванія Его Величества короля Польскаго въ Гроднѣ“. Онѣ обнимаютъ ровно два года, съ 1-го Января 1795 по 1-е Января 1797 года, почти до дня королевскаго выѣзда въ Петербургъ. Этотъ журналъ ежемѣсячно представлялся генералъ-губернатору и посылался непремѣнно всегда въ мѣсто его пребыванія, — въ Вильну, Ригу, Петербургъ, во внутреннія губерніи; только въ Ноябрѣ 1796 г. журналъ представлялся гр. П. П. Румянцеву-Задунайскому, главнокомандующему арміей. Любопытныя подробности объ образѣ жизни Польскаго короля въ Гроднѣ представляетъ этотъ двухгодичный журналъ,—подробно-

сти, впрочемъ, очень монотонныя, но такова была и сама жизнь. Мы уже привели изъ него выписку—о первомъ днѣ пребыванія короля Польскаго въ Гроднѣ; для знакомства съ характеромъ самаго журнала и съ образомъ жизни Станислава-Августа въ новомъ мѣстѣ его пребыванія, приводимъ въ подлинникѣ весь Январь мѣсяцъ 1795 г.

„Генваря 2-го. Въ 12 часовъ главнокомандующій, съ генералитетомъ и штабъ-офицерами, прибылъ во дворецъ, о чемъ тотчасъ, какъ скоро было доложено королю, вышелъ онъ въ аудіенцъ-залу. Главнокомандующій представилъ Его Величеству всѣхъ генераловъ, полковниковъ и штабъ-офицеровъ, также опредѣленнаго имъ къ Его Величеству генералъ-маіора, графа Безбородко. Его Величество разговаривалъ со многими генералами и потомъ съ главнокомандующимъ пошли во внутренніе королевскіе покои, гдѣ были съ часъ, и во 2-мъ часу главнокомандующій возвратился въ свою квартиру. По повелѣнію его сіятельства главнокомандующаго, генералъ-маіоръ графъ Безбородко вступилъ въ свою должность, а генералъ-маіоръ Тормасовъ смѣнился. Передъ обѣдомъ были у короля господа: воевода Минскій Хоминскій и генералъ Польскій Шидловскій. Его Величество пригласилъ гр. Безбородко обѣдать и въ 2 часа вышелъ къ столу, за коимъ было 12 человѣкъ. Послѣ обѣда Его Величество оставался болѣе получаса въ предспальней его комнатѣ. Въ сіе время пріѣзжали къ нему вицеканцлеръ Польскій графъ Платеръ, который оставался у него долго, г-жа Башовская, которая его просила о своихъ дѣлахъ, и Его Величество поручилъ гр. Безбородку просить его сіятельство о возможномъ ея просьбѣ удовлетвореніи и что Его Величество въ состояніи и въ дѣлахъ ея принимаетъ участіе. Въ 6 и 7-мъ часу были у короля г. крайчій коронный Грабовскій и генералъ Шидловскій; въ 8-мъ часу былъ приставъ гр. Безбородко. Въ 11 часовъ Его Величество легъ опочивать".

„Генваря 3-го. Его Величество посылалъ пажа просить генералъ-поручика графа Румянцева обѣдать, а во 2-мъ часу пріѣхалъ главнокомандующій и кушалъ у Его Величества, также помянутый генералъ-поручикъ графъ Румянцевъ и приставъ графъ Безбородко. Поутру того дня былъ у короля подскарбій Дзяконскій и черезъ часъ уѣхалъ; потомъ пріѣзжалъ къ королю каштелянъ Мерецкій Воловичъ. Конвоировавшіе Его Величество штабъ-офицеры, Плехановъ и Чаликовъ, приходили къ генералу Горжинскому благодарить за подарки, полученные ими отъ короля. Ввечеру были у короля: Польскій подполковникъ Хоминскій, кн. Сапѣга и

сынъ подскарбія Дзяконскаго. Въ тоже время генералъ-маіора Тормасова дежурный капитанъ Парчевскій приходилъ къ старостѣ Рыксу для счетовъ. Отъ его сіятельства главнокомандующаго пріѣзжалъ къ королю съ письмомъ маіоръ Инзовъ, отъ короля-жъ былъ у главнокомандующаго шамбелянъ Дюгамель".

„Генваря 4-го. Пріѣхали изъ Варшавы шамбеланъ Бадини, въ 12-мъ часу пришелъ къ королю съ сверткомъ бумагъ и вышелъ безъ оныхъ чрезъ $^1/_4$ часа; въ томъ же часу былъ у короля приставъ гр. Безбородко. Генералъ Горжинскій ѣздилъ къ главнокомандующему; генералъ-маіоры кн. Циціановъ и Тормасовъ обѣдали у короля. Предъ обѣдомъ былъ у Его Величества пріѣхавшій изъ Варшавы полковникъ Вицкій; пріѣзжалъ гр. Платеръ. Въ вечеру пріѣзжали къ королю, въ разные часы: воевода Минскій г. Хоминскій, кн. Воронецкій и г. Косаковскій; сей послѣдній былъ болѣе часа".

„Генваря 5-го. Прибыли изъ Варшавы: маршалъ коронный г. Мошинскій и аббатъ г. Воловичъ. Въ половинѣ 2-го часа по полудни пріѣзжалъ главнокомандующій къ Его Величеству и, пока время пришло къ обѣду, былъ съ нимъ въ его внутреннихъ покояхъ. Идучи къ столу, представилъ главнокомандующій генералъ-поручика кн. Голицина, который приглашенъ былъ къ столу и обѣдалъ. Въ сей день Его Величество и главнокомандующій долѣ обыкновеннаго просидѣли за столомъ и послѣ обѣда много разговаривали о постороннихъ матеріяхъ".

„Генваря 6-го. Какъ сіе число по старому стилю,—а по новому 17-е — день былъ рожденія королевскаго, и главнокомандующій о томъ зналъ; то король предварилъ его сіятельство усиленною просьбою, чтобъ никакого ему, по случаю сего торжества, не дѣлать празднества, о чемъ главнокомандующій и приказалъ Его Величество никакъ не безпокоить, что́ и было со стороны нашей исполнено, кромѣ здѣшнихъ господъ польскихъ, которые безвременнымъ своимъ пріѣздомъ по утру 6-го Генваря принудили Его Величество выходить нѣсколько разъ для нихъ и принимать поздравленія. Того дня по утру хотя и пріѣзжалъ графъ Безбородко во дворецъ, но, не хотѣвъ безпокоить Его Величество, не былъ у него. Въ вечеру жъ позванъ онъ былъ къ королю и былъ у него съ полчаса. Отпущенъ въ Варшаву изъ королевскихъ ливрейныхъ гайдукъ Іосифъ Мизовичъ съ билетомъ изъ главной квартиры".

„Генваря 7-го. Его Величество имѣлъ выходъ въ придворный костёлъ и въ 10 часовъ возвратился. Въ 12-мъ часу, представлены были приставомъ въ предспальней его комнатѣ: генералъ-маіоры Ланской, Обрѣзковъ, полковникъ Реп-

нинъ и гвардіи капитанъ Еропкинъ; король съ ними, а паче съ первымъ, много разговаривалъ. И въ сей день также, какъ и въ прочіе, не оставляли посѣщеніемъ многіе здѣшніе господа пріѣздомъ во дворецъ, какъ къ королю, такъ и къ нѣкоторымъ изъ его свиты, а кто именно и въ какое время былъ, о томъ ежедневная записка его сіятельству представлена".

„Генваря 8-го. Приставъ былъ у короля. Генералъ-маіоръ Ланской, по приглашенію, обѣдалъ у Его Величества. По полудни были у короля: полковникъ Карно̀, коммисаръ Ельскій, шамбеланъ Травельскій и Тумашевскій. Выѣзжалъ маршалъ Тишкевичъ и въ 7-мъ часу возвратился".

„Генваря 9-го. Въ дежурство маіора Палена. Его Величество проводилъ сей день по обыкновенному, не выходя изъ своей спальни никуда прежде стола. Въ 11-мъ часу утра были у Его Величества господа: Ляхницкій, Суходольскій и кастелянъ Воловичъ. Генералъ-маіоръ Тормасовъ прибылъ во 2-мъ часу по полудни, обѣдалъ у Его Величества и возвратился въ 4-мъ. Въ сіе время пріѣзжалъ священникъ Контра. Въ 5 часу по полудни былъ у генерала Горжинскаго полковникъ Эльсинъ. Въ 6-мъ часу былъ графъ Платеръ у Его Величества. По сей день выѣзжали изъ дворца поутру маршалъ Тишкевичъ, гр. Мушинскій и докторъ Беклеръ".

„Генваря 10-го. Въ дежурство маіора Аничкова. Въ 8 часовъ утра Его Величество всталъ и, кромѣ обѣда, не выходилъ никуда изъ внутреннихъ покоевъ. По сей день былъ у Его Величества г. Цишпенскій. Почтмейстеръ Ковенскій Ессенъ приносилъ два письма къ шамбелану Дюгамелю, на имя его сына. Шамбеланъ Штрембажъ писалъ въ Варшаву къ сестрѣ своей чрезъ капитана Трейдена, посланнаго туда. Подполковникъ Герсдорфъ пріѣзжалъ къ графу Мушинскому отъ главнокомандующаго. Во 2-мъ часу по полудни прибылъ генералъ-маіоръ гр. Безбородко и вскорѣ послѣ генералъ-маіоръ Бенинксонъ (*sic*), обѣдали у Его Величества и уѣхали въ 4-мъ".

„Генваря 11-го. Въ дежурство маіора кн. Циціанова. Въ 8-мъ часу утра Его Величество всталъ и, кромѣ обѣда, по обыкновенію своему, не выходилъ никуда изъ своихъ покоевъ. Были у Его Величества: генералъ-маіоръ кн. Циціановъ, каштелянъ Воловичъ и г. Шидловскій, обѣдали и разъѣхались. Во 2-мъ часу по полудни выѣзжалъ графъ Мушинскій къ подскарбію Дзяконскому и въ 3-мъ возвратился. Въ 4-мъ часу пріѣзжалъ воевода Минскій, г. Хоминскій, и черезъ часъ уѣхалъ. Въ 5-мъ былъ у Его Величества ректоръ Виленской академіи Почебутъ и уѣхалъ въ 8 часу вечера. Въ сіе время выѣзжалъ изъ дворца г.

Мушинскій къ главнокомандующему и въ 8-мъ часу вечера возвратился".

„Генваря 12-го и 13-го. Его Величество препровождалъ оба сіи дни такъ обыкновенно, какъ и прочіе, имѣя выходъ только къ столу, и все почти время во внутреннихъ своихъ покояхъ оставался, допущая къ себѣ только тѣхъ, кто имѣлъ къ нему какое дѣло, разумѣя его придворныхъ и приближенныхъ ему".

„Генваря 14-го. Въ день воскресный. Его Величество, въ препровожденіи пристава гр. Безбородко и его придворныхъ, выѣзжалъ въ клясторъ бывшій іезуитскій, гдѣ отслушавъ читальную мшу ([13]), возвратился во дворецъ и проводилъ по обыкновенію своему весь тотъ день съ обыкновенною своею компаніею. Былъ въ вечеру у короля приставъ гр. Безбородко. Пріѣзжалъ отъ главнокомандующаго маіоръ Инзовъ къ г. Мушинскому".

„Генваря 15-го. Его Величество, кромѣ что къ столу, весь день не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ. Поутру былъ у г. Мушинскаго полковникъ Фризель; пріѣзжалъ бригадиръ Косаковскій".

„Генваря 16-го. Пріѣзжалъ въ 12-мъ часу утра къ Его Величеству коронный секретарь Тингоборскій. Въ тотъ же день, во 2-мъ часу по полудни, прибылъ къ Его Величеству главнокомандующій, обѣдалъ у короля и въ 4-мъ часу возвратился. Въ 6-мъ часу вечера былъ у Его Величества генералъ-маіоръ и кавалеръ Тормасовъ и откланялся, при отъѣздѣ его въ Ковну".

„Генваря 17-го. Его Величество, кромѣ къ столу, не выходилъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Во 2-мъ часу по полудни пріѣхали господа: Шидловскій, воевода Хоминскій, кн. Сапѣга, кастелянъ Воловичъ, обѣдали и въ 5-мъ часу разъѣхались. Въ 4-мъ часу по полудни были: гр. Платеръ, который черезъ часъ уѣхалъ, гг. Варвацкій и Крестовичъ".

„Генваря 19-го и 20-го. Въ оба сіи дни Его Величество не имѣлъ никуда выѣзду и, кромѣ обыкновеннаго къ столу обѣденному, выхода не было. Пріѣзжали также нѣкоторые изъ здѣшнихъ гг. польскихъ, о коихъ суточными записками представлено было его сіятельству главнокомандующему".

„Генваря 21-го. Въ 10 часовъ пополуночи его величество, въ препровожденіи пристава генер.-маіора гр. Безбородко,

---

([13]) Отъ messa, Римск.-католич. литургія, читаемая (и не сопровождаемая пѣніемъ) про себя, или шепотомъ. Православные, живущіе между католиками, называютъ ее *шептухой*. Бывшій іезуитскій монастырь — нынѣ *Фара*, Римско-католическій соборъ.

придворныхъ его и конвоя въ 24 человѣка драгунъ, при офицерѣ, ѣздилъ въ бывшій езуитскій монастырь. При выѣздѣ его изъ дворца, караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя, что̀ сдѣлано также и на городской гауптвахтѣ, мимо которой ѣхалъ. По прибытіи въ церковь, слушалъ читальную мшу, по окончаніи которой вышелъ и, садясь въ карету, приказалъ ѣхать на Городницу къ главнокомандующему, куда когда прибылъ, то рота, стоящая на караулѣ, отдала честь. Главнокомандующій встрѣтилъ его величество въ передней комнатѣ и препроводилъ въ кабинетъ, гдѣ близко часа они были вмѣстѣ. Вышедши изъ кабинета, король ходилъ по всѣмъ покоямъ дому Станислава Понятовскаго, гдѣ квартируетъ главнокомандующій, смотрѣлъ галлерею и манежъ и потомъ отправился его величество во дворецъ, куда, въ исходѣ 2-го часа, прибылъ главнокомандующій и обѣдалъ у его величества."

„Генваря 22-го. Его величество паки имѣлъ выѣздъ изъ дворца въ Доминиканскій монастырь и, отслушавъ службу, возвратился. Въ сей день отправленъ въ Варшаву королевскій подчашій Люцинскій для покупки разныхъ напитковъ къ столу, съ которымъ приставъ гр. Безбородко писалъ въ Варшаву къ ген.-маіору Буксгевдену. Обѣдали у его величества приставъ гр. Безбородко и полковникъ С.-Петербургскаго драгунскаго полку Чесменскій. Пріѣзжала послѣ обѣда въ 4 часа княгиня Сапѣжина ([14]) къ королю и была болѣе часа. Были въ разныхъ мѣстахъ во дворцѣ здѣшніе господа польскіе, о коихъ въ суточныхъ запискахъ было донесено. Приходили дважды во дворецъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, Доминиканскаго здѣшняго монастыря пріоръ съ однимъ монахомъ и были во дворцѣ у шамбеляна Вольскаго."

„Генваря 23-го. Возвратился изъ Варшавы посыланный отъ пристава капитанъ Трейденъ и привезъ для короля билліардъ и другія игры, кои желалъ онъ, чтобъ были изъ дворца варшавскаго доставлены. Въ 10 часовъ его величество выходилъ, былъ во всѣхъ покояхъ своихъ кавалеровъ, гдѣ смотрѣлъ лазаретныя комнаты, для его служителей учрежденныя, и возвратился во дворецъ. Обѣдали у его величества: кн. Сапѣжина, бискупъ Луцкій и секретарь коронный Грановскій. Принесено было здѣшнимъ Евреемъ письмо отъ бискупа Нарушевича къ маршалу Мушинскому. Былъ отъ главнокомандующаго маіоръ Инзовъ съ письмами, отъ короля жъ ѣздилъ къ нему гр. Мошинскій и шамбелянъ Дюгамель."

([14]) Польское словопроизводство, — жена Сапѣги.

„Генваря 24-го. Его величество до обѣденнаго времени былъ въ своемъ кабинетѣ, допущая къ себѣ тѣхъ, кто его хотѣлъ видѣть. Въ 12-мъ часу былъ у него гр. Безбородко. Въ исходѣ 2-го часа пополудни прибылъ во дворецъ главнокомандующій и обѣдалъ у его величества. Сегодня были у короля предъ обѣдомъ: кн. Друцкой-Любецкій, крайчій коронный г. Грабовскій, послѣ обѣда секретарь коронный Тингоборскій, г. Грановскій и подскарбій Дзяконскій."

„Генваря 25-го. Отпущены отъ короля изъ служителей 8 конюховъ: Станиславъ Любертъ, Петръ Страдонокъ, Василій Мируньянъ, Масловскій, Данило Альбертъ, Петръ Новицкій, Михайло Зихинскій и Каминскій, которымъ, для свободнаго проѣзда, пашпортъ данъ за подписомъ генер.-маіора кн. Циціанова."

„Генваря 26-ое число его величество препроводилъ обыкновенно. Въ сей день былъ у его величества бискупъ Нарушевичъ, котораго свиданіе съ его величествомъ тѣмъ началось, что оба неутѣшно плакали; долгое время оставался онъ въ кабинетѣ и потомъ уѣхалъ. Пріѣзжали дѣти князя Чарторижскаго и были у короля; обѣдали у короля польскіе господа Брестовскій и Хребтовичъ; послѣ обѣда былъ графъ Платеръ, княгиня Сапѣжина и племянникъ ея Сапѣга. Въ вечеру его величество выходилъ въ билліардную комнату и игралъ въ билліардъ."

„Генваря 27-го. Были у его величества предъ обѣдомъ каштелянъ Мерецкой, Воловичъ, г. коронный секретарь Тингоборскій, бискупы Нарушевичъ и Ядровичъ и уѣхали прежде обѣда. Въ вечеру приходилъ Доминиканскій пріоръ къ шамбеляну Вольскому и въ 10 часовъ возвратился."

„Генваря 28-го. Его величество, въ 9 часовъ пополуночи, имѣлъ выходъ чрезъ парадные покои въ придворную церковь и, отслушавъ обѣдню, возвратился во внутренніе свои покои. Въ 1-мъ часу пріѣзжали бискупы Нарушевичъ и Ядровичъ, были у его величества въ кабинетѣ и откланялись. Главнокомандующій, генералъ-поручикъ гр. Румянцовъ и приставъ Безбородко кушали въ сей день у его величества. Пріѣзжали послѣ обѣда къ его величеству бывшій долгое время въ Англіи повѣреннымъ польскій господинъ Букати съ братомъ своимъ, вице-канцлеръ гр. Платеръ и г. Тингоборскій. Въ вечеру того дня, въ 8 часовъ, его величество выходилъ въ кавалерскую комнату и игралъ въ билліардъ. Отпущенъ королевскій гайдукъ Папинскій въ Несвижъ, для свиданія съ родными, коему пашпортъ данъ для проѣзду."

„Генваря 29-го. Присланъ былъ отъ его сіятельства главномандующаго во дворецъ капитанъ Штейнъ. Были у короля: подскарбій Дзяконскій и шамбелянъ Нарбутъ."

„Генваря 30-го. Уѣхалъ въ Варшаву аббатъ Воловичъ. Въ сей день обѣдали у короля князья Чарторижскіе и г. Гурскій. Были послѣ обѣда гр. Платеръ и г. Букати.“

„Генваря 31-го. Его величество посылалъ пажа звать обѣдать полковника С.-Петербургскаго гранадерскаго полку Ессена и гр. Сапѣгу, которые, и также ген.-маіоръ гр. Безбородко, обѣдали. Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда его величество долго съ многими игралъ въ билліардъ и въ 4 часа ретировался во внутренніе свои покои.“

Тревожныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ, окончательно погубившія Польшу, потрясли до послѣдней возможности общественное и экономическое благосостояніе великаго княжества Литовскаго, и безъ того далекаго отъ процвѣтанія. И здѣсь неурядица Польской республики принесла свои горькіе плоды. Безпрестанныя конфедераціи, эти государственные бунты и мятежи, имѣвшія хотя легальную, но тѣмъ не менѣе безобразную форму, необузданный произволъ магнатовъ, переносящій насъ къ самымъ мрачнымъ эпохамъ феодализма, разноплеменный, разновѣрный народъ, порабощенный и истощенный до послѣдней степени, до невозможности тѣхъ даже протестовъ, какіе не рѣдко встрѣчались въ восточной Россіи противъ владѣльческаго и иныхъ видовъ произвола,—народъ окаменѣвшій въ сельской, крестьянской неподвижности; обычныя, въ продолженіи всего XVIII вѣка, вторженія иноземныхъ войскъ, Саксонскихъ, Шведскихъ, Русскихъ, ихъ квартированія и переходы по странѣ, ихъ деморализующее вліяніе,—достаточно вспомнить все это, чтобы составить себѣ понятіе о состояніи вновь присоединеннаго къ Россіи края.

Время, протекшее между 2-мъ раздѣломъ Польши (въ Сентябрѣ 1793 года) и послѣднею, вспыхнувшею въ Варшавѣ революціею (6 Апрѣля 1794) было коротко для установленія въ Литвѣ хоть какого-нибудь порядка, даже для вступленія во владѣніе всѣми пунктами, которые достались Россіи. Изъ земель, доставшихся Россіи по второму раздѣлу, было предписано образовать тогда же три губерніи: Минскую, Изяславскую и Брацлавскую, управленіе коихъ ввѣрено было сначала генералу Кречетникову, а потомъ генералъ-поручику Тутолмину; но дѣйствительное образованіе ихъ совершалось весьма медленно и едва было окончено въ

1796-мъ году. Польскій государственный организмъ постоянно питался соками провинцій присоединенныхъ къ коронѣ, т. е. средствами Литвы, Бѣлоруссіи, Малороссіи, Галиціи. Съ отпаденіемъ этихъ провинцій, началась агонія самого организма. Въ собственной Литвѣ, еще принадлежавшей Польшѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ, въ Вильнѣ и Гроднѣ, оставались Русскіе военные отряды, частію еще неуспѣвшіе выйдти, частію нарочно удерживаемые для возстановленія спокойствія въ странѣ, гдѣ не улегся воинственный духъ, приведшій къ событіямъ 1793 г., частію и для безопасности нашей новой западной границы. Варшавская рѣзня 6-го Апрѣля потребовала съ истощенной Литвы новыхъ жертвъ; поэтому самому и Русское правительство должно было обратить на независимую еще отъ него часть Литвы особенное вниманіе. Это наблюденіе за Литвою, съ цѣлію обезпеченія нашихъ границъ отъ вторженія вооруженныхъ шаекъ и уничтоженія этихъ послѣднихъ на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія, императрица поручила Лифляндскому и Эстляндскому генералъ-губернатору, генералъ-аншефу князю Репнину въ тоже самое время, какъ верховное предводительство арміей, назначенной дѣйствовать противъ Поляковъ, ввѣрено было фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому. Собственно въ Литвѣ, у Репнина, во время послѣдней Польской войны, не случилось ничего важнаго. Довольно подробный и обстоятельный разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ этого времени въ Литвѣ находится въ любопытныхъ Запискахъ Л. Н. Энгельгардта, изданныхъ „Русскимъ Архивомъ". Мы нѣсколько останавливаемся на этомъ времени единственно для того, чтобы ознакомиться съ состояніемъ страны въ туже пору и съ личностію того, кто является однимъ изъ главныхъ лицъ нашего разсказа.

Хотя князь Репнинъ пріобрѣлъ во время войнъ съ Турками извѣстность не только боеваго генерала, но и хорошаго полководца, однако же достаточно одного бѣглаго взгляда на его дѣйствія въ Литвѣ, съ первыхъ чиселъ Апрѣля 1794 г., чтобы убѣдиться въ недостаточности его полководческихъ способностей: медленнымъ и осторожнымъ онъ является вездѣ, на каждомъ шагу, и притомъ до крайности. Военныя его способности тѣмъ болѣе являются здѣсь въ

невыгодномъ свѣтѣ, что онѣ сталкиваются одновременно и на той же мѣстности съ геніальностію Суворова, уничтожившаго быстро и смѣло Польскую армію и взявшаго приступомъ Прагу,—подвиги, на которые и въ мысляхъ не рѣшился бы князь Репнинъ. Но въ Репнинскомъ кунктаторствѣ ярко выступаетъ одна свѣтлая сторона: это—присущая ему организаторская способность, которая проглядываетъ въ самыхъ незначительныхъ его распоряженіяхъ. Сбереженіе людей, заботы объ ихъ продовольствіи, объ удовлетвореніи ихъ жалованьемъ, аммуниціею и т. п. не даютъ ему ни минуты покоя: переписка его съ графомъ Н. И. Салтыковымъ, президентомъ государственной военной коллегіи, доказываетъ это какъ нельзя лучше. Впрочемъ, въ то время, когда Репнинъ получилъ команду надъ Русскими войсками въ Литвѣ, о наступательныхъ дѣйствіяхъ нечего было и думать: всѣ наши войска въ этомъ княжествѣ состояли изъ двухъ небольшихъ отрядовъ—въ Вильнѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Арсеньева, и въ Гроднѣ подъ начальствомъ кн. Циціанова; но всякое сообщеніе какъ между ними, такъ и съ ними, было прервано; свѣжіе полки изъ Россіи только подходили; съ Тутолминымъ также прервались сообщенія; шляхта повсемѣстно пришла въ движеніе; появились вооруженныя банды; возстаніе, обхватившее Литву, грозило распространиться и въ Курляндіи, находившейся, какъ извѣстно, въ ленной зависимости отъ Польши. Главнокомандующій Русской арміей, защищая дѣло Тарговицкой конфедераціи, естественно долженъ былъ смотрѣть на возставшихъ противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ, какъ на мятежниковъ, на ихъ стремленія—какъ на государственный бунтъ противъ Польскаго правительства, поддерживаемаго Россіею. Тарговицкая конфедерація, какъ извѣстно, возникла въ Маѣ 1792 года, съ цѣлію поддержанія стараго анархическаго порядка, уничтоженнаго конституціею 3-го Мая 1791 года; 12 Іюля приступилъ къ ней король Станиславъ-Августъ; въ Сентябрѣ слѣдующаго 1793 года происходило *иѣмое* засѣданіе Гродненскаго сейма, окончившееся *вторымъ* раздѣломъ Польши. Послѣднее возстаніе Поляковъ, начавшееся Варшавскою рѣзнею, было направлено противъ совершившихся событій и въ интересѣ кон-

ституціи 3-го Мая 1791 г., установлявшей въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и имѣвшей въ предметѣ ограничить шляхетскій произволъ на Сеймахъ, уничтоженіемъ права подрывать ихъ крикомъ: nie pozwoliam! Конституціонисты, повторяемъ, въ глазахъ Репнина иначе и не могли быть, какъ *мятежниками*; таковыми же они слыли тогда и въ глазахъ всѣхъ Русскихъ. Къ такому взгляду, не вѣрному юридически, по отношенію къ подданнымъ другаго государства, присоединились общія господствовавшія тогда у насъ опасенія *разрушительныхъ Французскихъ идей*, вполнѣ раздѣляемыя и Репнинымъ, и тогда уже, въ концѣ XVIII вѣка, мѣшавшія успѣху всякаго дѣла и прежде всего путавшія понятія. Такъ и теперь спутали понятіе о Польскомъ конституціонистѣ, нисколько не думавшемъ объ освобожденіи крестьянъ, съ Французскимъ республиканцемъ, уничтожившимъ старый, феодальный порядокъ ([15]).

Репнинъ находился тогда въ Ригѣ. Въ безопасности Остзейскаго края, Лифляндіи и Эстляндіи, онъ былъ увѣренъ, хотя и выражается въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову: „чернь, *особливо Нѣмецкую*, я весьма не люблю“, а въ другомъ еще опредѣленнѣе высказываетъ свои опасенія относительно благонадежности Остзейскихъ крестьянъ: „нѣсколько лѣтъ назадъ, при покойномъ графѣ Броунѣ, здѣсь начиналися бунтованія крестьянъ противъ помѣщиковъ.... Хотя нижніе земскіе суды репортуютъ, что вездѣ все благополучно; но я знаю, что въ генеральности жребій здѣшнихъ крестьянъ хотя не хуже, но и не лучше сталъ прежняго. А Латыши, натурально, злы; въ нынѣшнее же развратное время всего остерегаться должно“. Эту „развратность времени“, иначе „богопротивныя и отвратительныя правила Французскія, которыя царствуютъ теперь въ Литвѣ и Польшѣ“, князь, вмѣстѣ со многими изъ своихъ современниковъ, видѣлъ наиболѣе въ духѣ свободы, начинавшемъ проникать въ народныя массы; но онъ ошибался, вообразивъ, что крестьянскія массы, подымавшіяся въ Литвѣ

([15]) Впрочемъ, тоже воззрѣніе на Польскихъ конституціонистовъ и тѣже упреки въ якобинизмѣ были въ Австріи и Пруссіи. См. Шлоссера. Т. 5. стр. 160—194, въ русск. переводѣ.

и Польшѣ, одушевлены тѣмъ же самымъ духомъ, что запоздалыя прокламаціи Косцюшки о свободѣ въ состояніи тотчасъ же пробудить въ нихъ этотъ духъ, такъ долго спавшій: крестьяне поднимались, вмѣстѣ съ шляхтою, если и не всегда *принуждаемые* панскою волею, то побуждаемые силою общаго движенія, силою внѣшнихъ, такъ сказать, фактическихъ толчковъ, при которыхъ мудрено оставаться въ неподвижности; куда нибудь да двинуться нужно! Въ такомъ пассивномъ способѣ движенія, характеризующемъ народныя массы въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, нечего искать ни патріотическаго одушевленія съ одной, ни симпатій и антипатій съ другой стороны. Но, какъ бы то ни было, князь Репнинъ опасался за Курляндію и придавалъ большое значеніе возстанію мелкой шляхты и Литовскихъ крестьянъ, дѣйствительно поднявшихся отъ самой Ковны и вплоть до Вильны. Репнинъ предполагалъ образовать въ Курляндіи, или на ея границѣ, особый обсерваціонный корпусъ, который долженъ былъ удерживать спокойствіе въ этой странѣ и возстановить прерванныя сношенія съ Русскими отрядами, расположенными въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Корпусъ этотъ, или отдѣльный отрядъ, ему и удалось сформировать на границѣ Курляндіи, въ Бовскѣ (Баускъ). Зная партизанскій характеръ войны, которую вели инсургенты, Репнинъ однако же не соглашался дѣйствовать противъ нихъ небольшими отрядами. „Вывороченныя вверхъ дномъ дѣла (здѣсь) весьма трудны теперь, писалъ онъ Салтыкову, и великихъ осторожностей требуютъ. Съ здѣсь находящимися войсками, обезпеча границу, чего изъ вида николи упускать не должно, идти мнѣ будетъ не съ чѣмъ: какъ бы какъ безславія не нанесть оружію нашему, которое во все настоящее царствованіе такъ блистательно отличалось. Бѣгать и впередъ не должно, когда идетъ дѣло о чести имперіи, дабы какъ не забѣжать неосмотрительно. Если будетъ угодно Ея Величеству меня назначить къ командованію, то прошу я, чтобы отрядъ былъ такой, съ которымъ бы я честь Ея удержалъ и исправилъ то, что́ испорчено“. „Малѣйшая наша неудача, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, часъ отъ часу подымать будетъ и такъ уже наглостію набитыя польскія головы,

отчего опасно, чтобы, напротивъ, наши люди не пришли въ торопливость". Кн. Репнинъ совѣтывалъ начать наступательныя дѣйствія, со стороны Минска, генералу Тутолмину, но этотъ послѣдній былъ, кажется, болѣе, чѣмъ остороженъ: даже Репнинъ трунилъ надъ его нерѣшительностію. Взятіе въ плѣнъ генерала Арсеньева ([16]) въ Вильнѣ и истребленіе его отряда окончательно смутили Репнина. „Теперь, пишетъ онъ Салтыкову, вы уже о всѣхъ нашихъ несчастіяхъ извѣстны несомнѣнно: онѣ, такъ сказать, неисчетны. Вы все еще считаете (разсчитываете) на наши въ Литвѣ войска и мнѣ пишете, что я назначенъ ими командовать; но ихъ уже нѣтъ ни клочка: можетъ быть, только куда ни есть укроются, а куда?—того и придумать нельзя; слѣдовательно, и распоряжать(ся) не кѣмъ и даже выручать не кого". Въ самомъ дѣлѣ, Русскія силы, которыми начальствовалъ Репнинъ, были по своей численности ничтожны: ихъ даже въ послѣдствіи времени, когда вошли въ Литву свѣжіе полки изъ разныхъ мѣстъ, было менѣе 25 тысячъ. „Никто еще, говоритъ Репнинъ, такой арміи въ команду не принималъ, въ которой даже знать нельзя, гдѣ и самому быть". Кромѣ этого, Репнинъ жалуется постоянно на недостатокъ у насъ людей, на недостатокъ хорошихъ образованныхъ офицеровъ и генераловъ. Неизвѣстность, что̀ сталось съ Гродненскимъ отрядомъ князя Циціанова, что̀ дѣлается въ Несвижѣ, гдѣ въ это время находился Тутолминъ; усилившееся волненіе въ Литвѣ, гдѣ все пришло въ движеніе (снимали съ костеловъ колокола для литья пушекъ, съ трехъ дымовъ брали вооруженнаго солдата, а остальныхъ крестьянъ вооружали топорами и косами), гдѣ распространялись прокламаціи Косцюшки, гласившія, что онъ, съ помощію Французовъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ, надѣется освободить Польшу; частныя удачи повстанцевъ при мѣстечкѣ Янишкахъ, недалеко отъ Бовска, и подъ Вильною, гдѣ они разбили казачій полкъ Кирѣева и баталіонъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, взявши въ плѣнъ самихъ начальниковъ:—все это заставило Репнина нѣсколько отступить отъ своего начальнаго плана. Онъ

([16]) Подробности см. у Энгельгардта, стр. 162—164.

вознамѣрился выдти изъ Лифляндіи и соединиться съ Дерфельденомъ. Отрядомъ, стоявшимъ у Бовска, сначала командовалъ генералъ-поручикъ Ферзенъ, который былъ посланъ потомъ къ Гроднѣ, чтобы выручить изъ бѣды отрядъ Циціанова. Когда этотъ послѣдній благополучно выбрался изъ Гродны, Ферзенъ, угрожаемый Косцюшкою, соединился съ Прусскими войсками, вступившими въ Польшу и до самаго прибытія Суворова оставался внѣ предѣловъ Литвы. Отрядъ Дерфельдена, подчиненный Репнину, дѣйствовалъ въ это время противъ Польскихъ войскъ, также внѣ этихъ предѣловъ, именно на югѣ. Мѣсто Ферзена въ Курляндскомъ отрядѣ занялъ генералъ Нумсенъ, неспособный, дряхлый и расточительный старикъ, которому не съ чѣмъ было являться даже къ мѣсту своего назначенія, если бы Репнинъ не выдалъ ему въ счетъ жалованья 2 тысячи рублей, обращенные потомъ въ подъемныя. Принимая къ себѣ такого безполезнаго человѣка, Репнинъ искренно радовался прибытію къ нему людей способныхъ. Въ это время ему сдѣлалось извѣстнымъ, что князья Юрій Владиміровичъ Долгорукой и Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, жившіе въ Москвѣ, изъявили желаніе служить въ Литовской арміи. Князь Ю. В. Долгорукой былъ въ одномъ чинѣ съ Репнинымъ ([17]), кн. С. Ѳ. Голицынъ—въ чинѣ генералъ-поручика. Пріѣзду Долгорукова, впрочемъ несостоявшемуся, кн. Репнинъ очень радовался: онъ просилъ Салтыкова похлопотать о его переводѣ, убѣдить князя, чтобы онъ „изъ усердія къ отечеству“, рѣшился на эту поѣздку, прибавляя, что онъ „будетъ командовать всѣмъ, чѣмъ самъ пожелаетъ; я искренно и сердечно его почитаю и люблю, по какой причинѣ его и прошу“. Видя неизбѣжность наступательныхъ дѣйствій, кн. Репнинъ предполагалъ поставить Долгорукова на своемъ мѣстѣ, въ Лифляндіи. О Голицынѣ, любимомъ потомъ своемъ помощникѣ, кн. Репнинъ выражался такимъ образомъ: „Голицынъ долго, думаю, изъ Москвы не будетъ. Онъ хорошій офицеръ; но, думаю, не имѣетъ желанія служить: а кто не хочетъ, тотъ хуже того, кто не можетъ“.

([17]) Объ Ю. В. Долгорукомъ, см. въ нашей статьѣ *Дневникъ Репнина* Русск. Арх. 1869 г. № 3, стр. 566—567).

Голицынъ прибылъ въ половинѣ Мая и заступилъ мѣсто Нумсена. Положеніе Репнина, въ самомъ дѣлѣ, было не завидно. Вниманіе его раздваивалось; онъ долженъ былъ беречь и стеречь Литву, и въ тоже самое время не выпускать изъ виду самой Польши, гдѣ теперь находились два главныхъ его отряда, Ферзена и Дерфельдена, и гдѣ распоряженія самого главнокомандующаго, фельдмаршала Румянцева, еще ничѣмъ не опредѣлились. Въ 1793 году въ Литвѣ былъ сильный голодъ; въ этомъ году стояла засуха, и яровые совсѣмъ не родились, сѣна не было: все это приводило въ отчаяніе Репнина. Напрасно писали ему изъ Петербурга о ничтожности инсуррекціи, о трусости Поляковъ: „воображаемая рабость Поляковъ, отвѣчалъ онъ, которая подлинно быть можетъ отъ стороны мужиковъ, ни мало не согласуется съ ихъ настоящею наглостію, съ каковою они дрались съ подполковникомъ Люисомъ и съ полковникомъ Дѣевымъ; почему сіе не инымъ чѣмъ почитаю, какъ разсказами нашихъ офицеровъ, въ угодность писанными. Хорошо, впрочемъ, чтобы они такъ подлинно мыслили!“ Дѣло Дѣева, происходившее 26-го Апрѣля, въ 20 миляхъ отъ Несвижа, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ во всю кампанію: оно подняло духъ нашихъ отрядовъ, расположенныхъ по границамъ Минской губерніи. Хотя въ слѣдующемъ отрывкѣ, осуждая воззрѣнія своихъ помощниковъ на предстоящую войну съ Поляками, князь Репнинъ самому себѣ противорѣчитъ: „г-да тактисты почитаютъ дѣлать свою войну противъ взбалмошныхъ Поляковъ такъ, какъ противъ регулярныхъ войскъ она дѣлается; ихъ изъ сихъ мыслей выбить нельзя. Здѣсь же не войски, а вѣтеръ, и должно, безъ всякихъ мудростей, гдѣ ближе скопище случится,—то и бить, глядя только, чтобы коммуникацію свою сберегать, а за дальними отнюдь не гоняться“. Въ нѣкоторыхъ нашихъ полкахъ, особенно конныхъ, служило въ это время много Поляковъ, частію изъ присоединенныхъ уже отъ Польши мѣстностей, бо̀льшею же частію передававшихся изъ Польской арміи. Репнинъ положительно отказывался отъ этихъ людей, говоря: „мнѣ ихъ употреблять нельзя, какъ подозрительныхъ и опасныхъ людей; почему лучше желаю имѣть меньше у себя людей,

нежели водить съ собой предателей или, по крайней мѣрѣ, бѣглецовъ, которые о всей внутренности нашей, перебѣгая, непріятелю разсказывать станутъ". Продолжая себя считать предводителемъ нашихъ войскъ, находящихся въ самой Польшѣ, князь Репнинъ обратилъ все свое вниманіе на Курляндію, на восточную границу Литвы, къ Минску, и на соединеніе съ Дерфельденомъ, которому приказалъ поспѣшить своимъ приходомъ съ Волыни, гдѣ въ то время онъ находился.

Хотя Курляндское дворянство еще въ Апрѣлѣ просило о дозволеніи составить конфедерацію въ пользу Россіи, но волненія продолжались въ этой странѣ, и вооруженныя шайки не переставали появляться въ разныхъ мѣстахъ Курляндіи, проникая даже въ Либаву. Противъ самого Бовска, гдѣ расположенъ былъ отрядъ кн. Голицына, появлялись вооруженныя банды. Два раза ѣздилъ Репнинъ въ Бовскъ на совѣщаніе съ кн. Голицынымъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, и рѣшились еще пообождать ихъ началомъ. Впрочемъ, Голицынъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ противъ инсургентовъ не только въ Курляндіи, но и въ такъ называемой Самогитіи, на Жмуди, близъ Шавель и Поневѣжа. Князь Репнинъ несомнѣнно преувеличивалъ значеніе участія крестьянъ въ инсуррекціи, хотя и несомнѣннаго, но уже никакъ не происходившаго отъ „проклятаго духа своеволія, извергами Французскими вездѣ разсѣяннаго"; онъ вѣрилъ всѣмъ доходившимъ до него по этому поводу слухамъ и продолжалъ въ этомъ смыслѣ дѣйствовать, т. е. связывать себѣ руки ложными опасеніями. Такъ, при разбитіи повстанцевъ при мѣстечкѣ Биржѣ, на границѣ Курляндіи, онъ велѣлъ наказать крестьянъ, „своевольно приставшихъ къ сему скопищу;" по этой же причинѣ онъ продолжаетъ настаивать на стратегическомъ значеніи Курляндіи, колеблясь между необходимостію наступательныхъ дѣйствій и страхомъ передъ „проклятымъ духомъ своеволія". „Ежели, писалъ онъ, „Курляндія оголится нашимъ вступленіемъ глубже въ Литву, то неизбѣжно будетъ мятежниками выжжена. А, сверхъ того, въ ней города и крестьяне заражены мыслями вольности и равенства и, кажется, весьма дурно расположены,—отчего и сами призовутъ мятежниковъ про-

тивъ дворянъ: крестьяне начинаютъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщиковъ не слушаться. Такое развратное расположеніе земли, въ смежности съ нашею здѣшнею границею лежащей, требуетъ вниманія и осторожности; почему надлежитъ съ великою осмотрительностію отсель отдаляться, ежели когда то нужно и можно будетъ.... Жаль мнѣ только князя Голицына, что человѣкъ такихъ достоинствъ и способностей тутъ запропастился; но польза однакожь отъ его корпуса уже есть весьма ощутительная: онъ оттянулъ къ себѣ слишкомъ 10 тысячъ человѣкъ, которые были бы въ Вильнѣ или противъ нашей Минской границы.“ Расположивши свой отрядъ по Курляндской границѣ, кн. Голицынъ долженъ былъ вести партизанскую войну съ бандами инсургентовъ, скрывавшимися по лѣсамъ и перебѣгавшими съ одного мѣста на другое.

Тутолминъ, какъ мы сказали, сосредоточилъ свои силы въ Несвижѣ. Положеніе его было тоже незавидно: и въ Бѣлоруссіи начали формироваться банды и обнаружились безпокойства между крестьянами, хотя, по свидѣтельству Репнина, тамошніе крестьяне были „болѣе на нашей сторонѣ, нежели на мятежничей.“ На помощь Тутолмину и для защиты Минской границы, Репнинъ сначала посылаетъ генералъ-маіора Кнорринга, потомъ Германа; но происшедшее несогласіе между боязливымъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ и Кнорингомъ до такой степени мѣшаетъ дѣлу, что князь Репнинъ, державшій сторону послѣдняго, не видитъ иной возможности положить конецъ ихъ ссорѣ, какъ самому отправиться въ Несвижъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ Іюля. Здѣсь, на пространствѣ отъ Вильны до Минска, отъ Слонима до Динабурга, все было объято пламенемъ возстанія. Вильна, это, по мѣткому выраженію кн. Репнина, „мятежное лукошко,“ находилась въ рукахъ непріятеля: здѣсь засѣлъ польскій генералъ Віельгурскій съ 8 т. отрядомъ; на всемъ пространствѣ отъ Вильны до Минска бродили не однѣ вооруженныя шайки, но появились и регулярныя польскія войска, въ немалыхъ силахъ. Польскіе генералы Сѣраковскій и Бѣлякъ начали угрожать со стороны Слонима, Оскерко— Динабургу; Полоцкъ былъ не въ безопасности; противъ Пинска появились вооруженныя толпы въ числѣ 20 тысячъ.

Съ прибытіемъ Репнина въ Несвижъ начались наступательныя дѣйствія, большею частію малыми отрядами, противъ чего въ началѣ кампаніи такъ вооружался главнокомандующій; при этомъ особенно прославились уже извѣстный намъ Гродненскій сидѣлецъ князь Циціановъ и бригадиръ, вскорѣ генералъ-маіоръ, Бенингсонъ. Этотъ послѣдній съ отличнымъ успѣхомъ дѣйствовалъ между Ошмянами и Дисною; потомъ онъ пробирается къ Ковнѣ, занимаетъ этотъ городъ и два раза отбиваетъ отъ него Поляковъ; въ концѣ кампаніи мы видимъ его у Бѣлостока. Циціанова мы видимъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужна отвага и рѣшительность. Кнорринтъ, очистивъ путь отъ Минска до Вильны, устремляется къ этому послѣднему городу противъ Віельгурскаго, но терпитъ неудачу; но когда соединился съ нимъ отрядъ Циціанова, въ концѣ Іюля, Віельгурскій былъ разбитъ, и наши войска заняли городъ. Въ Динабургѣ, окруженномъ непріятелемъ, дѣйствуетъ Германъ также съ большимъ успѣхомъ; въ Полоцкъ идетъ изъ Лифляндіи генералъ-поручикъ графъ Румянцевъ, для обереженія съ этой стороны нашей границы. Между тѣмъ отрядъ Дерфельдена вошелъ въ Литву и направился къ Слониму, откуда Сѣраковскій, избѣгая рѣшительной битвы, ушелъ къ Кобрину; кн. Репнинъ не позволилъ Дерфельдену его преслѣдовать. Между тѣмъ почти передъ глазами самого Репнина, находившагося, какъ сказано, въ Несвижѣ, смѣлый польскій партизанъ Грабовскій съ партіею, состоящею изъ 3 тысячъ, по однимъ, или изъ 8-ми тысячъ, по разсказамъ другихъ, ударился на Минскъ, портя на пути своемъ мосты и дороги, захватывая наши посты, заваливая лѣса засѣками и увлекая за собою цѣлыя толпы крестьянъ. Противъ него былъ посланъ князь Циціановъ. Узнавъ о преслѣдованіи, Грабовскій повернулъ къ Бобруйску, а отсюда къ Рогачеву; здѣсь настигъ его Циціановъ и поразилъ наголову, оттѣснивъ къ Пинскимъ болотамъ. При мѣстечкѣ Люблинѣ произошло окончательное пораженіе, и самъ Грабовскій былъ взятъ въ плѣнъ. Вотъ чѣмъ объясняетъ Репнинъ дерзкое предпріятіе Грабовскаго, ворвавшагося въ русскіе предѣлы, въ виду русскихъ войскъ. „Дерзостное стремленіе сихъ мятежниковъ, пустившихся въ глубину нашихъ границъ, не по-

нятно: оно доказываетъ согласіе съ ними здѣшнихъ обывателей; понеже тѣ мятежники никакихъ съ собою повозокъ не имѣютъ и, слѣдственно, пропитаніе находятъ готовое у обывателей, куда они придутъ,—давая (думать должно) впередъ о томъ знать. Здѣшніе жители еще ежели не бунтуютъ, то единственно отъ страха; а сколь скоро войскъ нашихъ не видятъ, столь немедленно и готовы уже приступить къ бунту.“ Во время этой кампаніи начались успѣхи нѣкоторыхъ лицъ, въ послѣдствіи времени громко прославившихся; къ числу ихъ принадлежатъ: графъ Витгенштейнъ, Ермоловъ, князь Багратіонъ, Коновницынъ (о нихъ смотри. *Записки Энгельгардта*) и Барклай-де-Толли; послѣдній, въ чинѣ премьеръ-маіора, отличился храбростію при взятіи Вильны и у Рогачева.

Назначеніе фельдмаршаломъ Румянцевымъ Суворова въ предводители войскъ, долженствовавшихъ дѣйствовать въ самой Польшѣ, появленіе послѣдняго у Кобрина и Бреста и разбитіе стоявшихъ тамъ сильныхъ польскихъ отрядовъ, быстрое движеніе его къ Нѣману,—все это имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи, окончившейся знаменитымъ штурмомъ Праги, и на положеніе князя Репнина, изъ военачальника, какъ мы видѣли, не совсѣмъ предпріимчиваго, обратившагося въ организатора страны, разоренной войною. Главныя силы Репнина, корпуса Дерфельдена и Ферзена, отошли теперь подъ начальство Суворова; Репнинъ только заботился, попрежнему, объ ихъ продовольствіи. Такое положеніе не могло ему, конечно, нравиться: „мнѣ крайне прискорбно, пишетъ онъ Салтыкову, сіе случившееся со мною обстоятельство: я уже не знаю—самъ ли я командую, или отданъ подъ команду?“ „Бога для, пишетъ онъ позднѣе, убѣдительнѣйше ваше сіятельство прошу: разведите насъ, раздѣлите между нами тѣ войска,—которыя *кому* принадлежать должны?“ Но этого *развода* не послѣдовало, не послѣдовало и распоряженія, по которому бы Репнинъ уже былъ не въ правѣ считать себя главнокомандующимъ *всѣхъ* войскъ.

Спѣшимъ прибавить, что недоразумѣнія не перешли въ ссору между военачальниками. О взятіи Праги, Суворовъ слѣдующею лаконическою запискою извѣщалъ кн. Репнина:

„Съ милостію Всемогущаго Бога ваше сіятельство поздравляю.“—Происходили между ними и нѣкоторыя другія недоумѣнія, неизбѣжныя при смѣшеніи ихъ властей въ командованіи почти одними и тѣми же войсками, какъ напримѣръ по поводу мѣста отправленія плѣннаго Косцюшки; но все это не имѣло ровно никакихъ послѣдствій: князь Репнинъ вполнѣ благодушно и доброжелательно относился къ успѣхамъ Суворова, и потомъ, когда Литвѣ уже не угрожало никакою опасностію, самъ и охотно посылалъ къ нему свои войска, сознаваясь въ ихъ безполезности для себя. Слѣдующее письмо могло бы также служить доказательствомъ его благодушныхъ отношеній и къ другимъ, низшимъ лицамъ, если бы тотъ, о комъ въ немъ идетъ, рѣчь не былъ братомъ фаворита, обязаннаго своимъ *случаемъ* тому же графу Н. И. Салтыкову, съ которымъ Репнинъ переписывается. Этотъ братъ, графъ Валеріянъ Зубовъ, 23-хъ лѣтній генералъ-маіоръ, служившій подъ начальствомъ Суворова, при переправѣ черезъ Бугъ, былъ тяжко раненъ: ему оторвало лѣвую ногу. Объ этомъ-то происшествіи писалъ Репнинъ Салтыкову отъ 20-го Октября:

„Сейчасъ получилъ я рапортъ, здѣсь включенный, отъ ген. поруч. Дерфельдена, который спѣшу, безъ всякаго прочаго, отправить, по причинѣ несчастнаго приключенія съ графомъ Велеріаномъ Александровичемъ, опасаясь, чтобы сіе извѣстіе не дошло какъ прежде неосторожно до графа Платона Александровича. По словамъ курьера, простаго вахмистра Украинскаго легкоконнаго полку, онъ будетъ живъ,—что̀ тотъ курьеръ слышалъ изъ разговоровъ лѣкарей и офицеровъ. Дай Боже, чтобы то такъ и было! *Не могу описать вамъ, какъ мнѣ его жаль: молодой человѣкъ рѣдкихъ качествъ и способностей, усерденъ неограниченно къ службѣ, смѣлъ, вникателенъ ко всякому* (всему), *что̀ до его дѣла касается, и съ тѣмъ даромъ, что всѣ его любятъ, всѣ довольны, и всѣ служить съ нимъ желаютъ! Боже сохрани его для самой пользы службы!*—Здѣсь влагаю письмо ко мнѣ отъ полковника графа Клисона, изъ коего видно, что нога оторвана ядромъ и уже лѣкарями отнята. Тамъ есть хорошій лѣкарь Штоффъ, Кіевскаго конно-егерскаго полку; а, сверхъ того, я отсель сей же часъ туда отправляю штабъ-лѣкаря

Роде, котораго также очень хвалятъ.“ Рѣшившись не пропускать безъ вниманія въ нашей монографіи замѣчательныхъ этнографическихъ, бытовыхъ и біографическихъ чертъ, намъ мало знакомыхъ и постепенно исчезающихъ, останавливаемся на этомъ письмѣ не по одному тому, что оно доказываетъ, что и Репнинъ шелъ не впереди, а за вѣкомъ, *плылъ по теченію* (кто же тогда поступалъ иначе?) Напечатанныя курсивомъ строки представляютъ любопытную и, несомнѣнно-правдивую характеристику Валеріана Зубова, объясняя (если не оправдывая) благодушныя отношенія современниковъ къ подобнымъ лицамъ, намъ теперь непонятныя.

По окончаніи кампаніи, у Репнина въ Литвѣ оставались еще нѣкоторые военные отряды, находившіеся подъ начальствомъ слѣдующихъ лицъ: кн. Голицынъ стоялъ на Жмуди, Германъ — у Вилькоміра, кн. Циціановъ—въ Гроднѣ, Бенингсонъ—въ Бѣлостокѣ, Лассій — по Минской границѣ; но Брестъ, Кобринъ, Пружаны, Шерешевъ и Владавы, т. е. вообще южная граница Литвы, были, по мнѣнію Репнина, недостаточно защищены. По очищеніи Литвы отъ инсургентскихъ шаекъ, князь Репнинъ вознамѣрился обнародовать отъ своего имени манифестъ ко всѣмъ жителямъ великаго княжества Литовскаго, конечно, предварительно испросивъ на это высочайшее соизволеніе. Къ составленію этого манифеста былъ приглашенъ имъ Т. И Тутолминъ. „Я заимствовалъ перо Тимоѳея Ивановича Тутолмина, говоритъ Репнинъ въ письмѣ къ Салтыкову, къ составленію онаго, какъ знающаго, по его мѣсту, здѣшнія гражданскія постановленія, дабы чего несогласнаго съ ихъ обрядами не предписать“; но и безъ этой замѣтки видно, что перо было заимствованное — водянистое и риторичное. Репнинская рѣчь была проще и чище. Манифестъ этотъ былъ отправленъ въ Петербургъ (въ Октябрѣ) на высочайшее утвержденіе; вотъ онъ:

„Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, генералъ-аншефъ, предводительствующій войсками ея въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ, на прекращеніе мятежа дѣйствующими, сенаторъ, Лифляндскій и Эстляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ,

полковъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго подполковникъ, Таврическаго гранадерскаго шефъ и кавалеръ орденовъ Россійскихъ императорскихъ святыхъ: апостола Андрея, Александра Невскаго, военнаго великомученика и побѣдоносца Георгія и равноапостольнаго князя Владиміра, большаго креста первыхъ степеней, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Гольстинскаго святыя Анны, князь Николай Репнинъ объявляетъ симъ: всякаго званія, духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, благородному рыцарскому стану, и всѣмъ вообще обывателямъ великаго княжества Литовскаго.

„Утихли печальныя слѣдствія коварства и мятежа, воздвигнутаго внутренними республики Польской врагами! Священное покровительство Ея Величества Императрицы Всероссійской и непобѣдимая сила Ея, предводительству моему высочайше повѣренная, успокоивъ смятеніе въ землѣ сей, гдѣ духъ буйства превозмогалъ надъ всѣми уваженіями, измѣнники отечеству похитили преимущества власти, ниспровергли связь законовъ гражданскихъ и политическихъ, проливали съ безчеловѣчною жестокостію кровь невинныхъ, истощевали стяжанія ихъ и уловляли благомыслящихъ въ союзъ съ собою гоненіями, угрозами и даже самыми лютыми казнями,—сблизили васъ паки къ наслажденію тишины и общаго въ спокойномъ пребываніи удовольствія! Уже, подъ защитою войскъ всемилостивѣйшей Государыни моей, не обуреваетъ васъ то ужасное смятеніе, коего каждый часъ ознаменованъ былъ въ несчастной землѣ вашей новыми народа отягощеніями, неустройствомъ и своевольствомъ, которыхъ обычными слѣдствіями были разоренія, насилія и убійства. Собственность ваша была пищею наглости и хищенія; всеобщій развратъ господствовалъ надъ всѣми состояніями, и порядокъ политическаго народнаго состава былъ разрушенъ. Прекративъ, съ помощію Всевышняго, пагубное зло сіе въ областяхъ великаго княжества Литовскаго, имѣю я обязанность, яко учрежденный, по волѣ Ея Императорскаго Величества, главный начальникъ войскъ, противу возмутителей дѣйствовавшихъ, объявить, собственнымъ Ея Императорскаго Величества именемъ и словомъ, нижеслѣдующее:

1. Что обнадеживаются всѣ обыватели сего края въ безопасности лицъ и имѣній ихъ, подъ защитою и охраненіемъ Россійскихъ императорскихъ войскъ. Да останется всякъ при совершенной и неограниченной свободѣ, на основаніи древнихъ сего княжества коренныхъ правъ и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ.

2. Вызываются, силою сего, въ имѣнія свои всѣ тѣ, кои или отъ преслѣдованія возмутителей укрываются, страха

ради, или, бывъ совращены льстивыми зломыслящихъ убѣжденіями, присоединились къ нимъ отъ простоты сердечной, но теперь, раскаяваясь въ заблужденіи и отставъ чистосердечно отъ измѣнниковъ, прибѣгаютъ подъ охраненіе Россійскаго воинства. Всѣ сіи торжественно обнадеживаются, что останется всякъ изъ нихъ при невозбранномъ владѣніи законнаго достоянія своего и что мщеніе и притѣсненіе, отъ кого бы-то ни было, ихъ коснуться не могутъ.

3. Свобода торга, художествъ, рукодѣлій и промысловъ дозволенныхъ не только не стѣсняется, но поощряются и воззываются всѣ и каждый: оставить суетное къ разврату прилѣпленіе, коего плачевныя событія въ землѣ вашей вы уже испытали, обратиться каждому на дѣло свое и остаться въ кротости и безмолвномъ повиновеніи законной власти. Сельскіе же жители, яко совершенно невинные и вовлеченные въ бунтъ принужденіемъ развратныхъ, вызываются симъ: отстать отъ совращенія, имъ паче всѣхъ пагубнаго, не внимать никакимъ измѣнническимъ разглашеніямъ и угрозамъ и, подъ обороною войскъ Россійскихъ императорскихъ, спокойно и безопасно упражняться въ земледѣліи и домостроительствѣ своемъ.

4. Подтверждается найстрожайше всякаго рода, пола, возраста и состоянія жителямъ, край сей населяющимъ: блюсти свято и ненарушимо тишину и спокойствіе, насажденныя благостію великія Государыни Екатерины въ землѣ ихъ, прервать всякое съ возмутителями сношеніе, подъ страхомъ законной строгости и лишенія всякаго покровительства и пощады надъ тѣми и имѣніями ихъ, кто покусится на вѣроломство и, съ нарушеніемъ паки общаго и частнаго блага и пользы, дерзнетъ прямо или посредственно, тайно или явно, участвовать и способствовать не только дѣломъ, но внушеніями, или инымъ чѣмъ, замысламъ, дѣйствіямъ и намѣреніямъ изверговъ отечества вашего, — на что́ распредѣленные по землѣ генералы и всѣ военные частные начальники, по силѣ данныхъ имъ повелѣній моихъ, не оставятъ взирать бдительнымъ окомъ: — вслѣдствіе того,

5. Буде кто получитъ отколь какіе-либо возмутительные письма, изданія и другіе акты, общему благосостоянію противные, да не осмѣлится сокрыть и удержать оные въ рукахъ своихъ, паче же производить ихъ въ дѣйство и передавать другимъ, подъ какимъ бы предлогомъ ни было; но имѣетъ тотчасъ представлять и доносить о томъ помянутымъ генераламъ, для принятія надлежащихъ по обстоятельствамъ мѣръ и для наказанія преступниковъ и единомышленниковъ, въ страхъ другимъ, безъ всякой пощады.

6. Войскамъ Ея Императорскаго Величества, расположеннымъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, для удержанія внутренняго въ немъ покоя, найкрѣпчайше предписано отъ меня блюсти строжайшую военную дисциплину. Вступленіе ихъ въ разныя мѣста отнюдь не долженствуетъ никому и ни мало препятствовать въ спокойномъ и безопасномъ домостроительствѣ, промыслахъ и торгахъ. Всякія обиды и притѣсненія обывателямъ отвращены и успокоены будутъ недреманнымъ частныхъ военныхъ начальниковъ и моимъ собственнымъ надзоромъ; за все, для продовольствія войскъ взимаемое, удовлетворится полною заплатою каждому. Но дабы, съ одной стороны, удалить и при семъ случаѣ всякое однихъ предъ другими отягощеніе, съ другой же — не подвергнуть побѣдоносныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ нуждѣ и недостатку въ ихъ довольствѣ, предписываю: опредѣлить немедленно въ каждомъ повѣтѣ коммиссаровъ изъ людей надежныхъ и вѣрныхъ, которымъ доставлять и располагать, по требованіямъ командующихъ генераловъ, все къ продовольствію надобное, вести счетъ съ особо учрежденною отъ меня по сей надобности коммиссіею и, яко повѣреннымъ соотчичей своихъ, блюсти и наставлять, чтобъ производима была слѣдующая за все, по постановленнымъ цѣнамъ, заплата тѣмъ, у кого что, для содержанія и пропитанія войскъ, будетъ, по нарядамъ и росписаніямъ ихъ коммиссаровъ, взято, съ наблюденіемъ безобиднаго между жителями уравненія и взирая на обиліе жатвы минувшаго лѣта.

7. Въ предупрежденіе, дабы собираемые съ земли доходы не могли быть расточены и злоупотребленіемъ неблагонамѣренныхъ употреблены на поддержаніе возмутительскихъ дѣйствій, повелѣваю: тѣхъ, кои къ сбору податей приставлены по начатіи уже возмущенія, перемѣнить немедленно другими, прежде сего бунта при помянутыхъ должностяхъ находившимися; если же оныхъ въ близости не состоитъ,— опредѣлить вновь въ экзекуторы благомыслящихъ и надежныхъ людей, которымъ препоручается пещись о неусыпномъ, исправномъ и бездоимочномъ сборѣ всякаго рода установленныхъ доходовъ и податей, требовать, въ случаѣ медленія, военной, для понужденія неплательщиковъ, экзекуціи, и всѣ собранныя деньги, по прошествіи каждаго мѣсяца, отдавать, при обстоятельныхъ отчетахъ, командующимъ генераламъ, коимъ нынѣ же предварительно доставить акты послѣдней люстраціи и тарифовъ по каждому повѣту и представить обстоятельныя табели о всѣхъ сборахъ, податяхъ и доходахъ, по положенію республики въ казну ея вступающихъ.

8. Оградивъ симъ образомъ безопасность лицъ и имуществъ вашихъ и обезпечивъ тишину, порядокъ и спокойствіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, гдѣ прежде побѣдоносной защиты войскъ Ея Императорскаго Величества всѣ мѣста и селенія ваши угнетались буйствомъ, своевольствами и разореніями, отнимались жизни безъ содраганія и расхищалось достояніе каждаго безъ пощады и страха, я надѣюсь совершенно, что возчувствуетъ каждый изъ васъ милосердіе и благость Ея Величества Императрицы Всероссійской, спасительною коея десницею исторгнуты вы и стяжанія ваши отъ послѣднихъ и невозвратныхъ пагубнаго смѣшенія слѣдствій, и что духовенство, вышнее и нижнее, яко пастыри человѣческихъ душъ, подадутъ къ тому первый собою примѣръ и потщатся всѣми силами впечатлѣть въ сердца паствы своей сладость тишины, гнусность измѣны и бунта и собственную тяжесть того несчастнаго правленія, гдѣ нѣтъ ни правосудія, ни добраго порядка, ни подобающаго повиновенія къ законамъ и власти.

9. Сей манифестъ во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ не только читать для всенароднаго свѣдѣнія съ каѳедръ въ четыре воскресные дни сряду, но тутъ же повелѣвается духовенству толковать содержаніе онаго четыре воскресные дни сряду, а сверхъ того военные начальники войскъ Ея Императорскаго Величества прикажутъ прибить оный въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы всякъ о томъ зналъ и не имѣлъ никто повода отрицаться невѣдѣніемъ.

Данъ, за подписаніемъ руки моей и съ приложеніемъ герба моего печати, въ Несвижѣ, Октября 1794 году.

Этотъ манифестъ былъ возвращенъ къ Репнину для обнародованія, но нѣсколько въ иной, мѣстами совершенно новой, редакціи ([18]). 9-ми статьямъ репнинскаго манифеста соотвѣтствуютъ 12 статей петербургскаго, еще болѣе витіеватаго, напечатаннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ. Вотъ содержаніе этихъ статей: въ 1-й говорится о милости и прощеніи, во 2-й о „совершенной и ничѣмъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры“, о утвержденіи правъ владѣнія и безопасности; въ 3-й — учрежденіе въ Гроднѣ Верховнаго Литовскаго Правленія, въ 4-й — присяга на вѣрноподданство; въ 5-й — воззваніе къ римско-католическому духовенству, чтобы оно подавало собою примѣръ своей паствѣ; 6-я статья соотвѣтствуетъ 3-й репнин-

---

([18]) Полн. Собр. Законовъ, Т. XXIII, стр. 580—584.

ской, 7-я — 4-й, 8-я — 5-й, 9 — 6-й, 10-я — 7-й, 12-я — 9-й Репнина; въ 11-й ст. говорится объ упроченіи спокойствія, при чемъ указывается на примѣръ трехъ Бѣлорусскихъ губерній, Минской, Изяславской и Брацлавской.—Черезъ шесть дней по взятіи Варшавы, 30-го Октября, Репнинъ былъ назначенъ Литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Императрица приказала ему одновременно обнародовать во всемъ княжествѣ манифестъ отъ его имени, принять присягу отъ всякаго званія обывателей, открыть Ея именемъ суды и во всѣхъ главныхъ и повѣтовыхъ городахъ учредить исполнительную власть изъ военныхъ начальниковъ. Отпечатанный въ Бердичевѣ, съ переводомъ на Польскій языкъ, манифестъ былъ вездѣ обнародованъ 20-го Ноября; въ главномъ городѣ края, въ Гроднѣ, торжество его обнародованія и принесеніе вѣрноподданической присяги происходило по слѣдующему церемоніалу.

Всѣ войска, находящіяся въ Гроднѣ, въ 9 часовъ утра, въ полной парадной формѣ, были собраны на площади. Въ это время сдѣланъ былъ сигнальный выстрѣлъ изъ пушки, для предувѣдомленія „всѣхъ знатныхъ особъ", имѣвшихъ собраться въ домъ генерала-маіора графа Палена, а прочихъ, незнатныхъ, — въ церковь; объ этомъ распоряженіи всѣ жители Гродны еще наканунѣ были извѣщены черезъ мѣстную полицію. Въ исходѣ 10-го часа послѣдовалъ второй пушечный выстрѣлъ, по которому всѣ высшіе гражданскіе чиновники и значительнѣйшіе изъ мѣстнаго дворянства, вмѣстѣ съ гр. Паленымъ, отправились въ домъ, занимаемый генералъ-губернаторомъ, а духовенство — въ церковь. Въ половинѣ 11-го Литовскій генералъ-губернаторъ, съ собравшимися у него лицами, вышелъ изъ занимаемаго имъ дома, чтобы отправиться въ церковь; въ это время сдѣланъ былъ третій пушечный выстрѣлъ. Русскіе, составлявшіе свиту князя, отравились въ православную церковь, котолики — въ іезутскій монастырь, куда поѣхалъ и генералъ-губернаторъ. У церковной паперти встрѣтили его стоявшіе здѣсь канцелярскіе чиновники, магистратъ, купечество и ремесленные цѣхи, а при входѣ въ костелъ — католическое духовенство. Принявъ князя, это послѣднее отправилось для совершенія литургіи, а князь Репнинъ, не за-

нявъ приготовленнаго для него мѣста, вышелъ изъ костела и отправился въ православную церковь для слушанія обѣдни. По окончаніи службы въ Русской церкви, князь, предшествуемый чинами своего штаба, возвратился въ іезуитскій монастырь, гдѣ, при входѣ въ церковь, все католическое духовенство снова встрѣтило его и проводило до приготовленнаго для него мѣста. Когда онъ занялъ послѣднее, самъ епископъ, внятнымъ и громкимъ голосомъ, началъ чтеніе высочайшаго манифеста, сопровождаемое пушечною пальбою, — 101-мъ выстрѣломъ. По прочтеніи манифеста, епископъ совершилъ благодарственное молебствіе за здоровье Ея Императорскаго Величества. По окончаніи молебствія, на особо приготовленномъ мѣстѣ, громко, внятно и протяжно, началъ тотъ же епископъ читать присягу на вѣрноподданство Императрицѣ Всероссійской и Ея преемникамъ, которую всѣ присутствующіе въ церкви за нимъ повторяли, отъ слова до слова. Послѣ этого, на особомъ большомъ столѣ, началось письменное утвержденіе клятвеннаго обѣщанія, на особыхъ, для каждаго сословія, присяжныхъ листахъ. Оставивъ гр. Палена присутствовать при этой церемоніи, князь отправился въ свой домъ, куда приглашены были къ обѣду всѣ „знатные чины". Когда главное духовенство, магистратъ и первѣйшее купечество подписались подъ присяжными листами, графъ Паленъ также оставилъ костелъ, въ которомъ, до окончанія подписи, поочередно дежурили члены верховнаго Литовскаго трибунала. Въ 7 часовъ вечера все знатное духовенство и обоего пола дворянство было приглашено на балъ и ужинъ къ генералъ губернатору.

ГЛАВА II-я.

Трудность положенія князя Репнина на Литвѣ. Состояніе этого княжества въ моментъ присоединенія его къ Россіи. Шляхта. Дворянство; отношеніе къ нему князя Репнина. Крестьяне и отношеніе къ нимъ новаго правительства. Черты нравовъ Литовскаго дворянства въ эту эпоху. Нравственная невозможность для Литовскаго генералъ-губернатора отдать предпочтеніе какому-нибудь одному сословію; но видимое предпочтеніе, оказываемое имъ дворянству. Временное устройство края. Суды. Печать. Духовенство и проч. Станиславъ-Августъ привыкаетъ къ своему положенію. Финансовыя его затрудненія и желаніе Репнина помочь ему. Образъ жизни короля. Русское и Польское общества въ первый разъ сходятся въ Гродвѣ. Заботы Станислава-Августа о своихъ родственникахъ. Лѣтнія прогулки короля и замѣчательные случаи дворской жизни въ продолженіи 1795 года. Прибытіе королевскихъ сестеръ. Отреченіе Станислава-Августа отъ престола и его послѣднія желанія.

Не легко было привести въ исполненіе даже первоначальную программу, которую кн. Репнинъ получилъ при назначеніи своемъ Литовскимъ генералъ-губернаторомъ: отъ времени этого назначенія до введенія въ краѣ Русскихъ государственныхъ учрежденій, именно Положенія о губерніяхъ, прошло болѣе полугода, въ продолженіи котораго предстояло и успокоеніе края, взволнованнаго послѣдними событіями, и настоятельная необходимость хорошенько опознаться въ немъ, изучить его во всѣхъ подробностяхъ, какъ край уже *свой*, но долженствующій перейдти изъ однихъ формъ государственнаго быта въ другія. По ничтожности вооруженнаго возстанія въ Литвѣ, по легкости пораженія его, никакъ нельзя судить о громадной трудности дѣла, предстоявшаго Репнину: причина этой трудности лежала не въ однѣхъ всевозможныхъ потрясеніяхъ края, хронологически обуреваемаго анти-государственными бунтами, но и въ самомъ характерѣ Польскихъ учрежденій, въ характерѣ Польской націи, или точнѣе ея представителей, носителей ея культуры. Этотъ характеръ окончательно сложился

подъ вліяніемъ дѣйствительно свободныхъ, но построенныхъ на рабскомъ фундаментѣ, учрежденій. Эти либеральныя, аристократическія и анти-государственныя учрежденія всего рѣзче бросаются въ глаза и поражаютъ своею аномаліею, въ тѣхъ польскихъ провинціяхъ, гдѣ собственно не было польскаго народа, гдѣ сельское и городское населеніе представляли смѣсь племенъ и вѣрованій, какъ это было въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Ничего не было противуположнѣе тѣхъ элементовъ, которые послѣ долгой, вѣковой борьбы, опять во второй разъ такъ сильно столкнулись, и которымъ предстала наконецъ неизбѣжная необходимость слитія, срощенія,—элементовъ польскаго и русскаго, польскихъ и русскихъ учрежденій, польскаго и русскаго народнаго характера. Какъ русскій народъ и народность воспитались въ суровой школѣ государства и государственныхъ началъ, которые имъ были близки и дороги, такъ и польскій національный характеръ образовался въ школѣ, гдѣ систематически проходилось искусство разложенія государства, гдѣ республика, съ номинальнымъ королемъ во главѣ, отожествлялась съ анархіею. Изъ подобной школы не могли выдти ни Гораціи Коклесы, ни Минины; въ ней могло лишь развиться чувство односторонняго, романтическаго, а не реальнаго патріотизма. Въ ту эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, въ Виленской губерніи, состоявшей изъ западной части теперешней губерніи этого имени и почти изо всей теперешней губерніи Ковенской, народонаселеніе обоего пола и всѣхъ сословій простиралось до 961 тысячи. Изъ этого числа: крестьянъ обоего пола и всѣхъ наименованій (экономическихъ, старостинскихъ, помѣщичьихъ и духовныхъ) было до 732 тысячъ; шляхты обоего пола — до 90 тысячъ; духовенства бѣлаго и монашествующаго, всѣхъ исповѣданій, вмѣстѣ съ такъ называемыми „вольными людьми“, жившими и служившими при церквахъ и монастыряхъ, — до 4,500; городскаго населенія (купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ), въ 11 городахъ и 229 мѣстечкахъ, — до 63 тысячъ; число помѣщичьяго сословія въ нашихъ источникахъ не показано. Оставляя въ сторонѣ городское населеніе, почти сплошь не польское, мы видимъ, что въ центрѣ Литвы настоящій польскій элементъ, шляхта,

не составляла и десятой части народонаселенія; но тѣмъ не менѣе, политическими правами польской псевдо-республики пользовались только эти девяносто тысячъ, считая, конечно, особенно римско-католическое духовенство (около 2 тысячъ), и небольшое число землевладѣльцевъ, что́ все вмѣстѣ едва ли составляло цифру 5 тысячъ. Что же представляли эти полноправные граждане? Изъ нихъ только не много болѣе одной трети (до 34 т.) было собственниками, владѣющими землею и обитающими въ особенныхъ селеніяхъ, называемыхъ *околицами*. Это была шляхта болѣе или менѣе независимая и неисчерпанная, еще до сихъ поръ сохранившая добрыя черты стараго польскаго быта, но все же необразованная, невоспитанная для свободной политической жизни, которою издавна хвалятся Поляки. Польская шляхта, по историческому своему происхожденію, представляетъ замѣчательно-аналогическія черты съ нашими прежними однодворцами (какъ измельчавшимъ и *захудавшимъ* дворянствомъ, а не какъ государственными крестьянами, совершенно забывшими всякое родовое преданіе, чѣмъ явились наши однодворцы въ позднѣйшее время, когда они совершенно выродились въ простыхъ крестьянъ-земледѣльцевъ). Наше до-петровское служилое сословіе, именно боярскіе дѣти, также имѣло сходство съ польской шляхтой, какъ сходны съ нею Бѣлорусскіе панцырные бояре. Остальныя двѣ трети шляхетнаго сословія въ Литвѣ, хотя и не перешли въ крестьянство, подобно нашимъ однодворцамъ (до сихъ поръ шляхта отличается замѣчательно-архаистическими свойствами, крѣпкой упругостію и неподатливостію къ ассимиляціи, къ переходу въ крестьянство); но за то была въ полнѣйшей, экономической и моральной, зависимости отъ помѣщиковъ, съ каждымъ поколѣніемъ растлѣваясь отъ анархическаго состоянія республики и отъ своихъ раболѣпныхъ отношеній къ гордому и ничѣмъ необуздываемому въ своемъ произволѣ польскому панству. Изъ этихъ $^2/_3$ до 20 тысячъ шляхты обоего пола находилось въ личномъ услуженіи у помѣщиковъ и до 36 тысячъ жило на земляхъ помѣщичьихъ, съ платежомъ за пользованіе ихъ чинша, или оброка. Эти 56 тысячъ номинальныхъ гражданъ Литовскаго княжества, составлявшаго часть Польской республики, были настоя-

щею дѣятельною силою лишь для высшаго дворянства. Другая сила иноплеменная, хотя и крѣпко спаянная съ нимъ котолицизмомъ, были крѣпостные крестьяне, число которыхъ, обоего пола, простиралось до 360 тысячъ. Между этими послѣдними и шляхтой почти не было никакихъ общихъ духовныхъ интересовъ, если исключить интересы религіозные. Шляхта естественно тянула къ дворянству, аристократіи, для которой она составляла своеобычную клієнтуру, самую подвижную и легко воспламеняемую на всякаго рода предпріятія; но эти кліенты не были римскимъ плебсомъ, какъ не были патриціями польскіе дворяне. Безправный литовскій, бѣлорусскій и даже польскій крестьянинъ тянулъ лишь къ землѣ, держался и стоялъ лишь за кусокъ насущнаго хлѣба, часто у него вырываемый, безъ надежды на помощь, безъ утѣшенія въ благости короля, идея о которомъ, какъ о народномъ защитникѣ, была вовсе не знакома крестьянину. Литовское дворянство, каково бы ни было его происхожденіе, было въ то время совершенно польскимъ, помѣщики—настоящими Поляками; вся сторона, даже съ лучшей, привлекательной стороны своей, носила на себѣ вотчинный помѣщичій характеръ. Несмотря на большую давность польской гражданственности и пограничность ея съ западно-европейскимъ міромъ, вновь присоединенный край по внѣшнему своему благоустройству былъ, по меньшей мѣрѣ, не выше старыхъ русскихъ, сѣверо-и юговосточныхъ областей Россіи; за исключеніемъ Вильны и Гродны, въ немъ не было вовсе городовъ, даже *холстинныхъ*, какъ называются въ одномъ стихотвореніи екатерининскіе города; города приходилось создавать новому правительству, и о ничтожности ихъ можно уже судить потому, что даже второй послѣ Вильны, губернскій городъ Слонимъ пришлось потомъ образовать изъ помѣщичьяго имѣнія; такое же помѣщичье происхожденіе имѣли и другіе города въ двухъ литовскихъ губерніяхъ. Всѣ эти вновь созданные города, какъ и 125 старинныхъ, расположенныхъ на панской землѣ мѣстечекъ, были плохо и бѣдно обстроены, такъ что каменныя сооруженія, какъ и у насъ въ туже пору на востокѣ, считались дивомъ; ничтожная торговля и такое же ремесленное производство находилось

въ рукахъ Евреевъ и частію Нѣмцевъ; туземнаго купечества и мѣщанства почти вовсе не существовало. Польская республика, а слѣдовательно и Литва, была единственною, классическою страною, гдѣ высшее аристократическое сословіе полновластно и безконтрольно располагало всѣмъ. Передъ польскимъ вельможествомъ никло всякое другое, — дореволюціонно-французское, англійское, русское временъ Екатерины II-й. Польское панство, т. е. аристократія, не многочисленная, но могущественная по своему вліянію, богатству, родственнымъ связямъ, нерѣдко съ владѣльческими иностранными фамиліями, одно пользовалось державными правами въ республикѣ и въ погонѣ за ихъ сохраненіемъ разбило государственный организмъ, систематически подтачиваемый всѣми средствами анархіи. Мало чѣмъ, по политическому своему значенію, т. е. по зависимости отъ вельможъ, отличалось отъ шляхты не только мелкое, малоземельное и малодушное дворянство, но даже и такое, какое у насъ въ Россіи никогда ни считалось мелкимъ. Экономическое и моральное положеніе, какъ этого дворянства, такъ и шляхты, при кажущейся полнотѣ ихъ политическихъ правъ, заключавшейся, впрочемъ, въ выкрикиваніи на Сеймахъ слова — nie pozvoliam, было далеко не блестящимъ: это сословіе почти не знакомо было даже съ матеріальными благами гражданскаго покоя, потому что само не знало, къ какой придется ему присоединиться партіи, или конфедераціи и когда, добровольно или *вынужденно*, будетъ это присоединеніе. На это деспотическое принужденіе къ участію въ псевдо-политическихъ партіяхъ, затѣваемыхъ *фамиліями* польскихъ магнатовъ, нельзя не обратить вниманія безпристрастному историку, если онъ не желаетъ впасть въ крайность огульнаго осужденія высшихъ классовъ польскаго общества. Оставляя за послѣднимъ неопровержимыми племенныя и общечеловѣческія достоинства и добродѣтели, историкъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ умолчать о томъ глубоко-деморализующемъ вліяніи, которое имѣлъ такой общественный порядокъ на полноправные польскіе классы: онъ могъ развить (и развивалъ) идеи *вольности*, *независимости*, но никакъ не идею того равноправнаго патріотизма, безъ котораго нѣтъ спасенія государствамъ и наро-

дамъ, не идею политической свободы въ истинномъ ея значеніи. Нѣтъ надобности распространяться объ этой глубокой деморализаціи высшихъ классовъ польскаго общества, погубившихъ Польшу: она всѣмъ теперь извѣстна и осуждена безпристрастною исторіею. Въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ, относящемся собственно къ Литвѣ, читатель увидитъ также нѣкоторыя любопытныя черты помѣщичьихъ нравовъ. Не безъинтересны въ этомъ отношеніи слѣдующія два письма къ кн. Репнину, писанныя польскими женщинами ([19]); въ нашихъ рукахъ эти письма писаны по русски,но мы не знаемъ, подлинникъ ли это или переводъ.

I.

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

„Видя, что Всевышній не переставъ еще творить чудеса, какъ помню, когда были больны и изъ Львова въ Варшаву на рукахъ несены, я посѣщала (васъ); но столь были удручены слабостію отъ трехъ болѣзней въ то время претерпѣнныхъ, что я не ожидала уже, чтобы остались въ живыхъ ([20]); однако Создатель всѣхъ благъ одарилъ (даровалъ вамъ) здравіе единственно (для того), чтобы возвратили вождѣленное спокойствіе *обуреваемому въ мнѣніи вольности непостоянному народу*. Соизволеніемъ Создателя, всемилостивѣйшая государыня опредѣлила намъ васъ начальникомъ, и я бывъ (была) симъ обрадована, а наипаче, что дни жизни моей доводится кончить подъ вашимъ покровительствомъ. Признаюсь, что, проживая въ Вѣнѣ, *сдѣлался мнѣ собственный (родной?) Польскій народъ нетерпимъ*; поелику

([19]) Надо вспомнить извѣстное женолюбіе масона кн. Репнина. Изъ многихъ его наперсницъ любимою была княгиня Чарторижская, такъ называемая *майка ойчизны*, произведшая на свѣтъ князя Адама, который получилъ столь гибельную для Россіи извѣстность въ царствованіе Александра Павловича. Онъ былъ похожъ лицомъ на кн. Репнина, и принимаемъ въ его семьѣ какъ родной; сохранились, говорятъ, даже письма, въ которыхъ нашъ фельдмаршалъ и кн. Адамъ просто называютъ другъ друга mon fils, и mon père. Отчего эти письма не напечатаны? Самое происхожденіе этого номинальнаго короля Польши соотвѣтствуетъ лживости его дѣяній. *П. Б.*

([20]) Обстоятельства, о которыхъ здѣсь говорится, намъ неизвѣстны: онѣ, какъ видно, случились въ началѣ службы кн. Репнина, которому, какъ и вообще его современникамъ, едва ли не болѣе нашего, была извѣстна Польша и принадлежавшія ей земли вдоль и поперекъ, отъ дворцовъ до шляхтескихъ околицъ.

самъ Іосифъ II промолвилъ сіе:—„*Къ чему въ Европѣ нужна Польша, развѣ только для того, чтобъ дѣлать замѣшательства? И сія земля достойна нетерпѣнія: народъ хотѣлъ убить своего короля, а съ отшедшихъ частей сей земли Всевышній имѣетъ болѣе прославленія*“ (авторъ письма хотѣлъ сказать, что надъ землями, отнятыми у Польши, почіетъ-де благословеніе Божіе). И когда я спросила Втораго Іосифа, почему бы такъ предполагалъ, — отвѣчалъ онъ, „*ваши* (-де) *клятвы всегда ложны*“. Сей разговоръ былъ у графини Сальморовой, высочайшей княжны Маріанны, сестры его, у коей я великую милость имѣла. Она пошла, а я осталась и сказала Сальморовой: Какую же мнѣ проповѣдь сказалъ Кесарь? А сія отвѣтствовала: „*когда солдата бранятъ* (у насъ), *то называютъ: о, ты Полякъ!* Возвратясь изъ Вѣны въ Коссово, вознамѣрилась (я) дѣлать оныхъ (моихъ соотечественниковъ?) благополучными, воздавая долгъ тому, по милости коего сдѣлалась владѣтельницею Коссова; и естлибъ не оное обуреваніе (мнѣніями вольности?), имѣла бъ годоваго дохода 10 тысячъ рублей, а всякая деревня (моя) имѣла бы училище для наставленія въ законѣ (вѣроятно, въ смыслѣ преданности русскому правительству) земледѣльцевъ, скотъ и лошадей; но, при моемъ слабомъ здоровьи, дождусь ли такого времени“?

„О подателѣ сего, капитанѣ Ганенфельдѣ, покорнѣйше прошу,—старинный онъ служитель князей Чарторижскихъ: былъ пажомъ, изъ ихъ милости имѣетъ здѣсь маленькую деревушку; который (Ганенфельдъ) проситъ покровительства въ томъ, чтобы сынъ его былъ принятъ въ военную службу. Увѣрена бывъ о милости вашей, кою уже во время претерпѣннаго мною ужаса съ Маія мѣсяца по 4 Августа (получила?) чрезъ полученную охрану, оживу при кончинѣ жизни. Увѣрены будьте, что есмь благодарна, а моего сына Адама съ женою Елисаветою и ихъ дѣтьми поручаю отличному и весьма необходимому вашему покровительству. (У него есть) 6 тысячъ червонныхъ въ банкѣ у Габрія, 5400 червонныхъ у Протопотоцкаго и староство у Прусскаго короля, а мой совѣтъ — чтобы продалъ (староство). Покойный Прусскій король владѣльцамъ (имѣній) заплатилъ.... а моя надежда въ покровительствѣ вашего сіятельства ([21]). Посылаю труды мои и дѣтей моихъ для любезнѣйшихъ внучатъ вашихъ ([22]), пребывая съ истиннымъ

([21]) Темнота употребленныхъ здѣсь выраженій намъ кажется двусмысленной. ([22]) Дѣти княгини Александры Николаевны Волконской: князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, братья князья Никита и Сергій (впослѣдствіи декабристъ) Григорьевичи и недавно умершая княгиня Софья Григорьевна Волконская же (супруга фельдмаршала кн. Петра Михаиловича).

П. Б.

почтеніемъ и проч. М. Быстржина". Февраля 25 дня 1796 года, въ Коссовѣ.

II.

„Имѣла счастіе служить вашему сіятельству въ Сржедникѣ; слышала, какъ изволили напоминать о лошади, которая была вами употребляема во время вашей кампаніи. Имѣла я того завода кобылку и хотѣла показать вашему сіятельству, но, къ моему несчастію, она окалѣчилась. Тогожь завода лошадь бурую и другую съ оною посылая, покорнѣйше прошу, чтобъ ваше сіятельство изволили, для сбереженія драгоцѣннаго для всѣхъ вашего здоровья, а наипаче для меня, ѣздить на нихъ для прогулки. Не отказывайтесь, ваше сіятельство, принятіемъ сихъ лошадей, которое (принятіе) тѣмъ болѣе доставитъ мнѣ удовольствія, что оныя (лошади) собственно мною возращены, и удостойте сею милостію пребывающую съ глубочайшимъ почтеніемъ. Забѣллова".

Наивный цинизмъ курсивомъ напечатанныхъ выраженій перваго письма не требуетъ поясненій; несомнѣнно то, во всякомъ случаѣ, что если льстивый и подобострастный тонъ втораго письма былъ обыченъ и возможенъ въ ту эпоху вездѣ, письмо М. Быстржины, конечно, пламенной и искренней патріотки, при другихъ обстоятельствахъ, есть явленіе исключительно-польское. Неизвѣстно, приняты ли были посылаемые подарки; но ни эти подарки, ни странность намековъ перваго письма ни малѣйше не компрометируютъ кн. Репнина уже по одному тому, что этимъ письмамъ онъ придалъ возможную въ то время огласку, передавъ ихъ въ канцелярію, на руки чиновниковъ, въ архивъ, гдѣ мы и нашли ихъ пришитыми къ бумагамъ 1796 г. Не таковъ былъ князь Репнинъ, глубокій знатокъ *обуреванія*, администраторъ со всѣми качествами врача, нужными для исцѣленія язвъ, нанесенныхъ краю этимъ обуреваніемъ. Вотъ мнѣніе о Репнинѣ человѣка, близко знающаго край, Ревельскаго губернатора, барона Врангеля. Письмо его, хотя принадлежитъ перу человѣка подчиненнаго, но, тѣмъ не менѣе, оно весьма любопытно для характеристики Литовскаго генералъ-губернатора.

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

„Сердце мое часто побуждало меня возобновить вашему сіятельству увѣренія искренняго моего высокопочитанія и

преданности; но я не смѣлъ утруждать васъ моимъ писаніемъ тогда, когда благія и важнѣйшія дѣянія суть единственнымъ вашимъ предметомъ. Въ началѣ же сего Новаго года не могу удержать (ся), дабы не пожелать вашему сіятельству всякаго блага и не возрадоваться со всѣми, кои имѣютъ счастіе знать васъ, отмѣнному вашему жребію, доставляющему миръ разоренной землѣ. Достохвальны лавры героя, но они ростутъ на Марсовомъ полѣ и орошаются кровію; достохвальнѣе того масличная вѣтвь, омоченная слезами радости, въ рукѣ возстановителя мира: но всего достохвальнѣе слава того, который нѣкогда помирилъ въ Тѣшинѣ первыя державы Европы, потомъ, яко герой, соединилъ при Мачинѣ лавры съ масличною вѣтвью, и единственно для того побѣдилъ востокъ, чтобы и тамъ возстановить миръ, — которому, наконецъ, и тамъ предлежало возстановить порядокъ, гдѣ ярость возмущенія едва прекращена, гдѣ кровь убіенныхъ едва удержана и гдѣ развалины городовъ еще дымятся. Сіятельнѣйшій князь! да даруетъ вамъ Всевышній только здравіе при сихъ благотворящихъ упражненіяхъ; прочее же все вы въ самомъ себѣ находите".

„Къ сему желанію, происходящему изъ глубины преданнаго вамъ сердца, присовокупляю я покорнѣйшую мою просьбу о продолженіи вашей благосклонности, которую я вѣчно стараться буду заслуживать отличнымъ высокопочитаніемъ и преданностію, съ коею имѣю честь быть и проч. Андрей Врангель". Ревель. Генваря 3-го дня 1795 г.

„Люди, мнѣнія, правосудіе, все въ Польшѣ было продажно открытымъ образомъ", — говоритъ Нѣмецкій историкъ XVIII вѣка ([23]). При этомъ, при впечатлительности и живости національнаго польскаго характера, при легкомысліи самомъ изумительномъ, въ Польшѣ, въ дворянской кастѣ, составлявшей польскую республику, всегда возможны были явленія, немыслимыя нигдѣ. Такъ и въ Литвѣ еще въ ту пору, когда она не была очищена отъ конституціонныхъ шаекъ, самые ревностные приверженцы конституціи 3-го Мая, заводчики возстанія и провозвѣстники французскихъ либеральныхъ принциповъ 89 года, жмудскіе и курляндскіе паны, отправляютъ депутатовъ къ императрицѣ и изъявляютъ желаніе принять вѣрноподданство, разумѣется, съ искренностію, возможною въ ихъ положеніи. Князю Репнину

([23]) Шлоссеръ, въ Русскомъ переводѣ, Т. 3, стр. 141.

предстояли тяжкіе труды для уврачеванія ранъ, нанесенныхъ послѣднею революціей даже тѣмъ самымъ лицамъ, которыя были непосредственными ея виновниками. Когда не удалось литовское повстанье, какъ пчелы изъ улья разлетѣлись по разнымъ мѣстамъ мѣстные паны, — кто куда могъ! Теперь же, когда край былъ окончательно присоединенъ къ Россіи и когда, съ принятіемъ присяги на вѣрноподданство, открылась возможность возвратиться на родину и вступить во владѣніе имѣніями, просьбамъ, жалобамъ не было конца,— и литовскій генералъ-губернаторъ не только выслушивалъ ихъ, но и помогалъ, на сколько было возможно. Ожесточенной племенной вражды между польскимъ дворянствомъ того времени и русской интеллигенціей, представители которой явились теперь администраторами края, быть не могло, — по крайней мѣрѣ враждебныя отношенія не могли дойдти въ ту эпоху до мелочнаго ожесточенія, не дающаго покоя уму и совѣсти. Русскіе временъ Екатерины не могли враждебно относиться къ Полякамъ, потому, во-первыхъ, что въ ту пору еще не занимались химическимъ разложеніемъ національныхъ элементовъ и оцѣнкою ихъ доброкачественности; а, во-вторыхъ, потому, что самое событіе возсоединенія съ Имперіей Литвы и Бѣлоруссіи, самое сліяніе двухъ вѣчно-враждовавшихъ государствъ, безповоротное рѣшеніе ихъ *давнишняго, стараго спора*, возвышая русское національное чувство, не давало мѣста въ душѣ никакой низкой страсти ([24]). Несомнѣнная дружелюбность отношеній къ Поля-

---

([24]) Вмѣсто всякихъ разсужденій на эту тему, приводимъ въ извлеченіи слѣдующій отрывокъ изъ Записокъ Державина, человѣка желчнаго и раздражительнаго, крѣпко не долюблившаго Поляковъ. Когда, при Павлѣ I, въ Сенатѣ происходили разсужденія о соучастникахъ въ заговорѣ Домбровскаго (о немъ будетъ ниже), которые „были почти всѣ изъ нижняго разбора людей“ и которыхъ, какъ измѣнниковъ, приговаривали, вмѣсто смерти, къ вѣчной каторгѣ, Державинъ, будучи въ это время сенаторомъ, высказалъ свое мнѣніе вопросомъ, обращеннымъ къ Макарову: „Виноваты ли были Пожарскій, Мининъ и Палицынъ, что они, желая избавить Россію отъ рабства польскаго, учинили между собою союзъ и свергли съ себя иностранное иго“? Макаровъ отвѣчалъ, что не только не виноваты, но достойны нашей благодарности. „Почему жъ, спрашиваетъ Державинъ, такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры о спасеніи отъ нашего владѣнія своего отечества, и можно ли ихъ

камъ со стороны Русскихъ, объясняется не столько большею крѣпостію и силою гражданственности, всегда имѣющей притягательное свойство, сколько племеннымъ родствомъ и, независимо отъ него, замѣчательно-аналогическими чертами быта: враждующіе соперники имѣли общіе экономическіе интересы; крѣпостное право роднило ихъ больше, чѣмъ славянская кровь. Но съ другой стороны это родство, эта общность экономическихъ интересовъ, столь выгодныя для исторически-неизбѣжнаго сліянія двухъ народностей, связывали руки русской администраціи при управленіи ея краемъ, отъ перваго момента присоединенія до позднѣйшихъ временъ. Русское правительство и тогда

винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ же самымъ законамъ, по каковымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные подданные"?... Сказавъ, что графы Ильинскій, Потоцкій и другіе вельможи, подписавшіе смертный приговоръ, конечно, думали тоже, что̀ осужденные, Державинъ продолжаетъ: „Чтобъ сдѣлать истинно вѣрноподданными завоеванный народъ, надобно его прежде привлечь сердце правосудіемъ и благодѣяніями, а тогда уже и наказывать его за преступленіе.... И такъ, по моему мнѣнію, пусть они думаютъ и говорятъ о спасеніи своего отечества, какъ хотятъ, но только къ самому дѣйствію не приступаютъ, за чѣмъ нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того ихъ не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не наказывать и не посылать всѣхъ въ ссылку; ибо всей Польши ни переказнить, ни заслать въ заточеніе не можно. Иное дѣло главныхъ заводчиковъ"... (Стр. 424—425). Воззрѣнія самого Репнина были не менѣе гуманны. Здѣсь кстати замѣтить, что Державинъ, прославившій Репнина героемъ добродѣтели въ стихотвореніи *Памятникъ Герою*, въ своихъ *Запискахъ* называетъ его *святошею* за холодный пріемъ и отказъ въ просьбѣ замолвить о немъ слово предъ государемъ (Павломъ) прогнавшимъ отъ себя нашего поэта, дѣйствительно докучливаго. „Державинъ, говоритъ поэтъ о себѣ, поклонясь (Репнину) вышелъ, почувствовавъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзеніе къ человѣку, который носилъ на себѣ личину благочестія и любви къ ближнему, а въ сердцѣ — адскую гордость и лицемѣріе. Скоро послѣ того низость души сего князя узнали и многіе" (кто̀ и по какому случаю? — совершенно неизвѣстно). (Стр. 393). Мы уже знаемъ, что Державинъ не стѣснялся въ рѣзкихъ приговорахъ, часто совершенно противорѣчившихъ тому, что̀ онъ *воспѣвалъ*.

Отъ издателя. Намъ кажется, что здѣсь уважаемый авторъ не совсѣмъ правъ въ отзывахъ о Державинѣ. Князь Репнинъ, при всѣхъ достоинствахъ, имѣлъ слабыя стороны, и не мудрено, что Державинъ, при своей поэтической впечатлительности, которая, къ сожалѣнію, не покидала его и на государственномъ поприщѣ, отнесся къ нему враждебно на этотъ разъ, хотя прежде и восхищался имъ. *П. Б.*

вполнѣ понимало, что для спокойнаго обладанія провинціями, присоединенными отъ Польши, необходимо поднять и привлечь на свою сторону униженные и порабощенные земледѣльческіе классы; но оно, пугаясь еще въ ту пору крестьянской свободы, не имѣло силы сдѣлать это, само нуждаясь въ расположеніи привиллегированныхъ сословій, на бѣду хотя и немного, но все же болѣе образованныхъ, чѣмъ таковыя же въ тогдашней Россіи, а главное съ громаднымъ вліяніемъ въ краѣ. Относясь прямо и трезво къ предстоящей ему миссіи въ Польшѣ теоретическимъ образомъ, русское правительство екатерининскаго времени на практикѣ, при столкновеніи съ дѣйствительностію, должно было дѣлать многія, неизбѣжныя уступки. Такъ, вступивъ въ Литву при самомъ открытіи послѣдняго возстанія, въ Маѣ 1794., русскіе военачальники хотя и называютъ въ своихъ прокламаціяхъ возставшихъ противъ тарговицкой конфедераціи (знамя которой мы тогда защищали) *мятежниками* и провозглашаютъ покровительство крестьянамъ; но на дѣлѣ этимъ же *мятежникамъ* больше довѣряютъ, чѣмъ крестьянамъ. Одна изъ такихъ прокламацій, составленная по указанію Репнина и переведенная по польски, заслуживаетъ того, чтобы привести ее цѣликомъ:

„1) Вступаютъ нынѣ подъ моимъ начальствомъ войски Ея Императорскаго Величества въ Литву какъ для наказанія измѣнниковъ и бунтовщиковъ, такъ для покровительства, сбереженія и охраненія тихихъ и спокойныхъ людей, не принимающихъ участія въ поднявшемся бунтованіи противъ истиннаго закона Божія (?!), вѣроломною измѣною нарушеннаго и противъ прежняго законнаго государственнаго правленія, съ которыми всѣми мятежниками поступаемо будетъ какъ съ нарушителями общаго покоя, *злодѣями нашими и ихъ собственнаго государства* и преступниками законовъ; напротивъ же того, всѣ тѣ, которые оставаться станутъ смирно въ ихъ домахъ, никакъ не участвуя въ семъ бунтованіи, получать станутъ отъ войскъ Ея Императорскаго Величества покровительство и охраненіе отъ набѣговъ и разореній бунтовщиковъ.“

„2) Всѣ крестьяне, для ихъ собственнаго сбереженія, симъ приглашаются, чтобы они оставались спокойно въ своихъ домахъ и упражнялись бы своимъ хлѣбопашествомъ и хозяйствомъ, отнюдь не слушаясь бутовщическихъ повелѣній ничьихъ, *ниже своихъ помѣщиковъ*, почему они бу-

дутъ сохраняемы отъ войскъ Ея Императорскаго Величества. И ежели ихъ помѣщики и управители къ сему бунту пристали, то бы ни въ чемъ имъ не повиновались и никакихъ доходовъ не платили и не давали, а напротивъ, таковыхъ бунтовщиковъ, кто бы они ни были, захватывали бы и подъ карауломъ ко мнѣ представляли; за то тѣ крестьяне надлежащее награжденіе отъ меня получать станутъ и будутъ пользоваться, какъ выше сказано, покровительствомъ и охраненіемъ войскъ Ея Императорскаго Величества. Напротивъ же того,"

„3) ежели бы, паче всякаго чаянія, найдены были какіе крестьяне, съ оружіемъ въ рукахъ обороняясь: то таковые, подобно самымъ бунтовщикамъ, наказаны будутъ безъ всякой пощады, какъ злодѣи и преступники; тихіе же и спокойные крестьяне, какъ выше сказано, будутъ пользоваться покровительствомъ и сбереженіемъ.

„4) Ежели, въ противность самого христіанства, кто изъ духовенства осмѣлится въ своихъ предикахъ, или какъ инако, подбивать народъ къ возмущенію: таковые, яко противники своей христіанской должности, будутъ наказаны какъ преступники и злодѣи безъ всякаго упущенія. А тѣ, напротивъ ксендзы и всякія духовнаго сана особы, которые въ своихъ предикахъ и своими поступками станутъ отводить народъ отъ бунтованія и приводить его къ миру и тишинѣ,—будутъ почтены, охранены, всякимъ образомъ сберегаемы и всякимъ покровительствомъ пользоваться станутъ."

„5) По моимъ требованіямъ и повелѣніямъ, куда они доставлены будутъ чрезъ войски Ея Императорскаго Величества мнѣ ввѣренныя, всѣмъ и каждому подтверждается немедленно и безъ малѣйшаго затрудненія точное исполненіе дѣлать — поставкою фуража, провіанта и подводъ, сколько когда и чего предписано будетъ; за что послушные и исполняющіе въ точности и немедленно повелѣнія войскъ Ея Императорскаго Величества, къ нимъ присланныя, получать станутъ надлежащее награжденіе; а тѣ, которые, противъ всякаго чаянія, осмѣлятся противиться таковымъ повелѣніямъ или не въ скорости ихъ исполнятъ, съ ихъ домами и имѣніями, съ крайнею строгостію и безъ всякой пощады, наказаны будутъ, какъ злодѣи и преступники."

„Въ увѣреніе чего сіе подписано собственною моею рукою съ повелѣніемъ, чтобы сіе объявленіе публиковано было и прочтено во всѣхъ церквахъ, куда оно дойдетъ, для успокоенія всѣхъ, всякаго рода мирныхъ и въ тишинѣ пребывающихъ жителей и крестьянъ."

Князь Репнинъ не упускалъ ни одного случая, чтобы привлечь на свою сторону крестьянъ; не забыты имъ были

и раскольники, издавна поселившіеся въ Литвѣ. Вотъ что онъ писалъ генералъ-поручику Ферзену, оберегавшему сѣверныя литовскія границы, въ Апрѣлѣ 1794 года, т. е. еще до взятія въ плѣнъ Косцюшки: „При вашихъ дѣйствіяхъ въ литовской границѣ, ежели ихъ предпринимать станете, крайно должно сберегать крестьянъ, дабы ихъ на нашу сторону привлечь; развѣ которые станутъ сами злодѣйски поступать, то тѣхъ уже не жалѣть. Въ прочемъ брать все съ господскихъ мызъ и домовъ тѣхъ, которые въ конфедераціи, и ихъ не щадить, а солдатамъ изъ ихъ скотины давать въ порцію мясо. Долженъ я вашему превосходительству примѣтить, что въ Жмуйдахъ (на Жмуди) и въ повѣтѣ Упицкомъ, точно (какъ разъ) противъ васъ лежащемъ, есть много русскихъ раскольниковъ и крестьянъ, тамъ живущихъ, которые конечно помогать намъ станутъ, коль скоро помощь нашу увидятъ и ежели мы станемъ ихъ беречь. Приглашайте ихъ и приласкайте и теперь, чрезъ посланныхъ подъ разными видами, — а ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ въ сихъ мѣстахъ находится.“ Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ предписывается тому же генералу, нѣсколько дней спустя, по поводу слуховъ, распространяемыхъ помѣщиками, что русскія войска, вступивъ въ Литву, начнутъ все жечь и разорять,—успокоивать и увѣрять крестьянъ въ нашемъ къ нимъ расположеніи. Крестьянъ, возвращающихся добровольно изъ конфедератскихъ бандъ, отправляли по домамъ и награждали деньгами. Кого понималъ кн. Репнинъ подъ именемъ этихъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ русскихъ крестьянъ, — Бѣлоруссовъ ли католиковъ теперешней Виленской и Витебской губерній, или еще кого, — неизвѣстно. Изъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ въ первое время присоединенія, видно, что въ самомъ центрѣ литовскаго княжества, составившемъ виленскую губернію, число Русскихъ опредѣляется цифрою нѣсколько бо́льшею 15,500; но неизвѣстно — однихъ ли православныхъ или же уніатовъ и католиковъ. Понимая необходимость нравственной и матеріальной поддержки крестьянскаго, преимущественно единовѣрнаго съ нами, населенія и затрудненія къ этому, соединенныя съ экономическимъ и государственнымъ строемъ тогдашней Россіи, князь Репнинъ

и его современники, съ одной стороны, не могли романтически относиться къ этому населенію, которое они отлично знали: люди екатерининскаго вѣка, какъ извѣстно, отличались замѣчательно реальнымъ взглядомъ на вещи. Племенная пестрота крестьянскаго населенія въ областяхъ, принадлежащихъ Польшѣ, амальгамировалась католицизмомъ, уніею, вліяніемъ польской гражданственности, отрицать которое даже и на нихъ невозможно. Чуждое польскому, литовское племя стягивалось съ нимъ крѣпкими узами католицизма, котораго Литовцы всегда были самыми восторженными послѣдователями; Бѣлоруссы, даже православные, не говоря уже о католикахъ и уніатахъ, близки къ Полякамъ физіологически—по племенному родству и нарѣчіямъ. Вся эта амальгама оказалась конечно, хрупкою, но *она была*, и при лучшемъ государственномъ строѣ, слабо связанныя части непремѣнно могли бы сростись въ одинъ крѣпкій организмъ; но ожесточенной вражды между этими частями современники Репнина, не оставаясь мечтателями, не могли замѣтить: разложеніе не есть еще вражда, и борьба элементовъ, обусловливаемая ею, возможна только при здоровомъ ихъ состояніи; вражды не было и потому еще, что сельское населеніе было истощено и обезсилено до послѣдней возможности, т. е. было безъ средствъ, нужныхъ для борьбы. И въ самомъ дѣлѣ, даровитое литовское племя, подъ вліяніемъ государственнаго строя Польши, не развилось ни малѣйшимъ образомъ, а лишь ушло въ себя, заперлось въ изумительной исключительности крестьянскаго быта: литовскую угрюмость и сосредоточенность, поражающихъ теперь наблюдателя, никакъ нельзя объяснить однимъ вліяніемъ окружающей природы, отчасти дѣйствительно угрюмой, но въ тоже самое время прелестной своимъ разнообразіемъ и во всякомъ случаѣ болѣе благодарной, чѣмъ сѣверо-востокъ Россіи, колыбель даровитѣйшаго изъ славянскихъ племенъ — великорусскаго. Наименѣе даровитое изъ этихъ послѣднихъ, бѣлорусское племя, подъ вліяніемъ польской гражданственности и польскихъ государственныхъ учрежденій, окончательно оскудѣло и обнищало духомъ; тяжесть крѣпостнаго права, вѣковая религіозная борьба, окончившаяся сдѣлкою, уніей, конечно, были главнѣйшими,

но не единственными причинами этого оскудѣнія; другія причины несомнѣнно лежали въ предшествующей исторіи, собственно литовскаго періода, въ скудости страны, въ изолированности ея отъ великихъ историческихъ переворотовъ, поднимающихъ народный духъ. Роскошное древо политической свободы, въ полнотѣ его цвѣта (выражаясь словами польскихъ патріотовъ, вѣчно гордящихся этой свободой), выросши въ верхнихъ привиллегированныхъ слояхъ, не пустило корней въ низменныя, народныя почвы, изъ которыхъ лишь вытягивалась, самымъ неразумнымъ образомъ, питательная здоровая сила, пожираемая безумною анархіею. Отъ такого истощенія народъ потерялъ политическій разумъ, патріотическое чутье: для него немыслимы были ни наше Смутное время, ни нашъ 12-й годъ. Народъ до такой степени сдѣлался не способенъ къ малѣйшей иниціативѣ, что призывъ Косцюшки и его агентовъ, разсыпанныхъ въ Литвѣ, къ освобожденію не произвелъ на него особеннаго вліянія: сегодня онъ шелъ, вооруженный вилами и топорами, въ одну банду, завтра точно также апатично и не торопясь собирался въ другую, принадлежавшую враждебной конфедераціи; послѣ завтра исполнялъ точно также приказаніе русскихъ войскъ, посланныхъ для разогнанія конфедератовъ. Трудно было придумать школу болѣе гибельную для воспитанія народныхъ массъ, чѣмъ та, которую представляла польская республика: масса также политически развращалась, на нее *никому* нельзя было опереться, какъ на каменную гору. Повторяемъ, это очень хорошо понималъ Репнинъ и всѣ его современники, менѣе насъ пропитанные всякими теоріями: въ литовскихъ крестьянахъ они не могли видѣть людей, готовыхъ братски и восторженно броситься въ ихъ объятія; они не могли не понимать, что это братское чувство (даже въ Бѣлоруссѣ) совершенно имъ чуждо, что самые раскольники, чистокровные Великоруссы, сжились съ краемъ и сошлись съ людьми другихъ племенъ и вѣрованій,— по меньшей мѣрѣ до ослабленія къ намъ братскаго чувства. Люди прошлаго вѣка, воспитанные въ идеѣ строгой государственности, не могли не примѣтить такого крупнаго факта, какъ существованіе въ литовскомъ краѣ государственности польской, какова бы

ни была ея непрочность, и считали ребячествомъ ее отрицать, понимая въ тоже самое время очень хорошо, что *Москаль* и *Ляхъ* были не одни бранныя слова, не пустые звуки, а живые типы двухъ гражданственностей, и что большую часть всего *ляшскаго* и *московскаго* можно приложить не къ однимъ чистокровнымъ Полякамъ и Великоруссамъ. Все это непремѣнно долженъ имѣть въ виду историкъ новѣйшаго времени для того, чтобы безпристрастно судить о дѣятельности князя Репнина на Литвѣ въ важный моментъ окончательнаго ея присоединенія къ Россіи. Къ этой дѣятельности нельзя прилагать нашихъ современныхъ требованій, нашихъ взглядовъ на народъ и государство. Но каковы бы ни были требованія и взгляды, трудность положенія князя Репнина нисколько не умаляется: онъ никому не могъ дать безусловной вѣры, но и никого не могъ отталкивать.

Не могъ, тѣмъ менѣе, отталкивать отъ себя кн. Репнинъ тогдашняго литовскаго дворянства, еще могущественнаго своимъ значеніемъ въ странѣ: въ душѣ онъ презиралъ его за суетность, политическую безтактность и глубокую нравственную распущенность; но онъ не могъ не вести съ нимъ счетовъ, не могъ не привлекать его. Конфискуя имѣнія лицъ участвовавшихъ въ послѣднемъ возстаніи какъ измѣнниковъ, кн. Репнинъ долженъ былъ потомъ, когда эти измѣнники становились русскими подданными, *всероссійскимъ дворянствомъ*, иначе смотрѣть на нихъ, долженъ былъ облегчить имъ во всякомъ случаѣ не легкій переходъ изъ однихъ, и при томъ совершенно противоположныхъ, формъ государственнаго быта въ другія. Вотъ почему мы часто встрѣчаемъ кн. Репнина небезучастнымъ ходатаемъ за интересы литовскихъ помѣщиковъ. Указываемъ на нѣкоторые факты, бо́льшею частію заимствованные изъ переписки князя со всемогущимъ въ то время фаворитомъ, гр. Платономъ Зубовымъ; эти факты любопытны и для характеристики литовскаго дворянства. Воевода новогрудскій Неселовскій, человѣкъ, по выраженію Репнина, первой знатности въ Литвѣ, и уже преклонныхъ лѣтъ, былъ душею и руководителемъ послѣдняго литовскаго возстанія. Генералъ Кноррингъ поймалъ его въ лѣсу и представилъ генералъ-губернатору. Князь Репнинъ велѣлъ жить ему въ Вильнѣ подъ присмот-

ромъ, впредь до высочайшаго распоряженія, давая ему пристойное содержаніе „и не дѣлая ему никакого озлобленія". Сынъ этого Неселовскаго, бывшій также между „самыми зараженными начальниками" возстанія, узнавъ объ арестѣ отца, явился въ Литву къ генералъ-губернатору, съ паспортомъ, выданнымъ ему Суворовымъ, и съ просьбою о свиданіи съ отцомъ. Князь Репнинъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, потребовалъ отъ Неселовскаго-сына присяги на подданство; но послѣдній отказался отъ этого, а потому и не допущенъ былъ до свиданія съ отцомъ и долженъ былъ ѣхать обратно въ Варшаву. Неселовскій-отецъ былъ слишкомъ 70-ти лѣтъ и былъ женатъ на сестрѣ бывшаго Виленскаго епископа князя Масальскаго; женѣ его, также древней старухѣ, дозволено было жить съ мужемъ въ Вильнѣ. Неселовскій, „главнѣйшее орудіе литовскаго бунтованія", участіе свое въ возстаніи объяснялъ ненавистью къ гетману Косаковскому, пожертвовавшему своею жизнію за преданность къ Россіи, но *нагло* отнявшему у него одну большую деревню. Прося помилованія и дозволенія принести присягу на вѣрноподданство, онъ, первый членъ центральнаго литовскаго комитета, сознавался, что *„во время мятежа надобно было или съ мятежниками быть, или идти на казнь"*. Князь Репнинъ, прося дозволенія допустить его къ присягѣ, увѣрялъ, что Неселовскій будетъ вѣренъ, какъ потому, что испыталъ тщету и гибель прежнихъ затѣй, такъ и оттого, что онъ человѣкъ честныхъ и твердыхъ правилъ.

Очень любопытенъ слѣдующій разсказъ самого Репнина (въ письмѣ къ гр. Салтыкову): „Есть нѣкто староста Карпъ, который былъ въ начальникахъ между литовскихъ возмутителей, такожъ и на революціонномъ сеймѣ былъ, хотя не между начальниками, но въ числѣ тѣхъ, которые охотно приступили къ конституціи 3-го Мая (1791 г.). Теперь (въ Октябрѣ), явился онъ у ген.-поруч. князя Голицына прося прощенія и позволенія въѣхать въ его деревни, въ упитскомъ повѣтѣ лежащія, объявляя, что онъ *по принужденію* долженъ былъ оставаться между мятежниками, заѣхавъ *нечаянно* въ Вильну наканунѣ тамошняго бунта, гдѣ былъ *противъ воли* задержанъ и посаженъ членомъ въ ихъ

главную коммиссію: которое (это самое) и другіе обыватели кн. Голицыну подтверждаютъ; а притомъ то вѣроятно и потому (происходило), что *онъ человѣкъ богатый и скупой, котораго обобрали въ томъ мятежническомъ сонмищѣ подъ предлогомъ патріотическихъ даровъ*" ([23]).

Грановскій, одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Галиціи, передъ началомъ возстанія жилъ въ своемъ помѣстьѣ, въ 7 миляхъ отъ Вильны, гдѣ былъ захваченъ мятежниками и страхомъ смерти завербованъ въ банду. Еще до прихода шайки въ его деревню, Грановскій письменно просилъ покровительства и защиты у нашихъ войскъ, у капитана артиллеріи Тучкова; но, послѣдній, занятый спасеніемъ артиллеріи и людей при отступленіи нашихъ войскъ изъ Вильны, не могъ оказать помощи Грановскому. Пробывъ двѣ недѣли въ бандѣ, Грановскій бѣжалъ оттуда въ свои Галицкія помѣстья, гдѣ и жилъ мирно, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла. Съ старикомъ Грановскимъ были захвачены подъ Вильною сынъ его и пасынокъ Пацій (Пацъ); они приняли уже дѣятельное участіе въ возстаніи: сынъ-Грановскій былъ убитъ при взятіи Праги, а Пацій раненъ и потомъ невѣдомо куда дѣвался. Грановскій-отецъ былъ извѣстенъ съ хорошей стороны и Могилевскому генералъ-губернатору П. Б. Пассеку. Репнинъ принялъ участіе въ судьбѣ Грановскаго изъ опасенія, чтобы онъ не потерпѣлъ „понапрасну нарѣканіе невѣрнаго и вѣроломнаго подданнаго", считая, конечно, недостойнымъ и постыднымъ для себя допытываться и докапываться въ тайникѣ души: да подлинно такъ ли это? Въ ту трудную пору, при первомъ актѣ сліянія двухъ народностей и госу-

---

([23]) Нечего удивляться, что эти и другія, приводимыя нами черты польскихъ нравовъ, сохраняются доселѣ. Любопытно въ этомъ отношеніи прочесть 2-ую главу 2-й части Мемуаровъ Михаила Огинскаго, бывшаго членомъ провизоріальнаго совѣта въ Вильнѣ въ 1794 г. Здѣсь представлена знакомая по послѣднему мятежу сцена. На погулянкѣ собирается толпа въ нѣсколько тысячъ. Огинскій говоритъ пламенную рѣчь, въ которой слова: *свобода*, *просвѣщеніе*, *Европа*, *Москали*, *варварство*, *цѣпи*, *Сибирь* и проч. перекрещиваются и возбуждаютъ крики, потрясающіе воздухъ и отдающіеся эхомъ въ Виленскихъ горахъ. Восторгъ неподдѣльный; женщины, составляющія большую половину всей народной массы, проливаютъ слезы!

дарственностей, такая пытливость, совершенно несвойственная нашему національному великодушію, была бы положительно вредна: и некогда было докапываться до душевныхъ тайниковъ, и нельзя же было оставлять безъ вниманія, на произволъ судьбы, людей дѣйствительно намъ преданныхъ, заявляющихъ о своей преданности и даже спекулирующихъ несомнѣнно ею. Такъ Репнинъ переписывается съ старымъ графомъ Ржевусскимъ, жившимъ въ Пизѣ съ 1783 г. по причинѣ болѣзни и не принимавшимъ никакого участія въ послѣднемъ возстаніи. Старый графъ, давнишній знакомый князя и лично извѣстный Императрицѣ, тотчасъ далъ присягу въ вѣрности, но возвратиться въ свои помѣстья, Богуславъ и Новый Константиновъ, не могъ, почему онѣ и были секвестрованы. По ходатайству Репнина этотъ секвестръ былъ снятъ. Извѣщая объ этомъ Ржевусскаго, Репнинъ, между прочимъ пишетъ: „Вы правы были, любезный графъ, сказавъ, что ваше отечество сумазбродствовало. Жаль только, что невинные страдаютъ при этомъ столько же, сколько и виновные; но таковъ жребій бѣднаго человѣчества!“ Приходилось Репнину просить и за тѣхъ, въ которыхъ потомъ онъ обманывался, какъ въ воеводѣ Мстиславскомъ Хоминскомъ. Словомъ, приходилось сплошь и рядомъ помогать, оставляя въ сторонѣ всякаго рода пытливость и подозрительность. Такъ Репнинъ освобождаетъ отъ большой контрибуціи имѣніе помѣщика Шидловскаго на томъ основаніи, что Шидловскій, преданный Россіи во время послѣдняго возстанія въ Варшавѣ, передался русскимъ войскамъ, домъ его былъ разграбленъ, а жена его уѣхала къ своей матери въ Галицію, не допытываясь — такова-ли жена, какъ мужъ? Такъ онъ заботливо охраняетъ интересы наслѣдниковъ бывшаго епископа Виленскаго кн. Масальскаго, пожертвовавшаго жизнію за свою преданность Россіи, не допытываясь о степени ихъ благонадежности; у князя Масальскаго были дома̀ въ Гроднѣ и Вильнѣ и дача близь послѣдняго города, знаменитые по своему прелестному мѣстоположенію *Вѐрки*, нынѣ принадлежащіе кн. Витгенштейну. Предписывая изловить начальника банды Сулистравскаго, скрывавшагося въ крестьянскомъ платьѣ, по разбитіи его шайки Пруссаками и пробиравшагося на Жмудь,

по слухамъ, въ свои помѣстья, къ матери, князь Репнинъ не только дозволяетъ этой послѣдней, урожденной Пацъ, спокойное пребываніе въ ея секвестрованномъ имѣніи, но и приказываетъ, „въ уваженіи ея невинности и старыхъ лѣтъ“, давать для ея содержанія треть изъ доходовъ, получаемыхъ съ ея помѣстій. Впрочемъ, доходы съ секвестрованныхъ имѣній, собираемые частію нашими коммиссарами, частію мѣстными *порендковыми коммиссіями*, въ такомъ только случаѣ поступали сполна въ казну, когда владѣлецъ имѣнія, находясь въ конфедераціи и въ вооруженныхъ шайкахъ, не возвращался въ Литву, или же, возвратившись, не давалъ подписки (рецесса) не участвовать болѣе ни въ какихъ мятежахъ и не принималъ присяги; но жены и родственники участвовавшихъ въ возстаніи пользовались частію доходовъ даже и въ этомъ случаѣ, если только они обращались къ милосердію Императрицы. Возвращавшіеся въ Литву сами собою или присылаемые прусскими властями, но недававшіе *рецесса* (отреченія отъ мятежа) и присяги, снова высылались за границу Литвы, и имѣнія ихъ поступали въ казну. Но, независимо отъ этого необходимаго заступничества, литовское дворянство было особенно благодарно своему генералъ-губернатору за то, что онъ не оставилъ безъ вниманія самаго существеннаго и дорогаго для него интереса—повиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ. Этотъ вопросъ въ ту эпоху, о которой мы пишемъ, иначе и не могъ быть разсматриваемъ, какъ въ интересѣ послѣднихъ: помѣщики, давшіе рецессъ и принесшіе присягу, могли быть спокойными на счетъ этого повиновенія. Сдѣлалось извѣстнымъ, что князь Репнинъ въ офиціальныхъ бумагахъ, гдѣ только говорилось объ отношеніяхъ крѣпостныхъ къ господамъ, запретилъ упоминать имя Косцюшки, провозгласившаго было освобожденіе первыхъ; идеи свободы такого рода въ концѣ царствованія Екатерины назывались у насъ „якобинскими правилами“. Сама Императрица въ указѣ Тутолмину отъ 17-го Мая, по поводу покровительства Уніятамъ, обращающимся *къ благочестію* (въ православіе), пишетъ: „но дабы при подобномъ присоединеніи къ церкви нашей того желающихъ не взяли сіи послѣдніе за поводъ уклониться отъ повиновенія помѣщикамъ или же

къ другимъ своевольствамъ“ ([26]). Князь Репнинъ, независимо отъ дуновенія политическаго вѣтра, по самой природѣ своей, былъ противникомъ освобожденія крѣпостныхъ. Это мы видѣли при усмиреніи имъ крестьянскихъ волненій во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ въ 1797 году ([27]); это еще замѣтнѣе обнаружилось въ Литвѣ и при подавленіи возстанія, и въ томъ, можно сказать, ожесточеніи, съ какимъ онъ преслѣдовалъ сподвижниковъ Косцюшки. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ-поручикъ *Мирбахъ*, родомъ Курляндецъ, начальствовавшій отрядомъ расположеннымъ въ Курляндіи, гдѣ онъ возбудилъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, обѣщаніемъ свободы. Съ русскимъ паспортомъ, даннымъ ему въ Варшавѣ для проѣзда на Жмудь, Мирбахъ явился въ Гродну къ литовскому генералъ-губернатору, въ чаяніи, конечно, свободнаго пропуска, какъ это дѣлалось для многихъ; но князь Репнинъ, „въ разсужденіи его столь неистоваго поведенія“, приказалъ его арестовать и отправилъ въ Ригу подъ особый присмотръ тамошняго губернатора фонъ-деръ-Палена и, при томъ, съ довѣреннымъ лицемъ, премьеръ-маіоромъ Барклаемъ-де-Толли, въ послѣдствіи знаменитымъ фельдмаршаломъ. Въ письмѣ къ фавориту, графу Платону Зубову, Репнинъ упираетъ на *неистовства* Мирбаха, на великую отвѣтственность его передъ судомъ его соотчичей, на пользу преданія несчастнаго агитотора этому суду; изъ нашихъ источниковъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это любопытное дѣло. Подобные взгляды начальника края, отвращеніе его ко всякаго рода якобинизму, его общительность и привѣтливость, его образованность и свѣтскій лоскъ, пріобрѣтенные имъ въ тогдашнихъ блестящихъ салонахъ Европы, напр. у г-жи Помпадуръ,—все это, повторяемъ, было очень выгодно для литовскаго дворянства и, конечно, въ ущербъ крестьянскимъ интересамъ; но кн. Репнинъ никогда не былъ тѣмъ, что потомъ стали называть *Полонофиломъ*, въ смыслѣ подобострастія ко всему польскому. Въ его время, повторяемъ, еще не были извѣстны измышленныя, теоретическія отношенія

([26]) Полн. Собр. Законовъ. т. XXIII, стр. 511—512.

([27]) См. нашу статью въ 3 № „Русск. Архива“. 1869 г., стр. 517—577.

къ живой, хотя бы и чужой жизни: съ ней дѣлали то, что можно было сдѣлать; о невозможномъ не мечтали. Репнинъ глубоко понималъ окружающую его среду и презрительно относился къ нравственной ея испорченности. Конечно онъ не изумлялся, видя, какъ, въ одно и тоже время, одни изъ польскихъ помѣщиковъ устраиваютъ вѣрноподданническія депутаціи къ новой верховной власти; другіе торжественно отрекаются отъ своего польскаго имени, предавая его отвратительному поруганію; третьи проклинаютъ Косцюшку и его „якобинскія правила"; четвертые носятъ на груди портреты и медальоны того же Косцюшки. Репнинъ былъ очевидцемъ примѣненія французскихъ началъ 1789 года къ закорузлой въ рабствѣ и анархіи польской почвѣ, — революціи въ верхнихъ слояхъ и давленія въ нижнихъ. Какъ онъ себя чувствовалъ въ этой невыносимо-душной атмосферѣ, мы увидимъ ниже изъ частной его переписки съ графомъ Н. И. Салтыковымъ; но симпатіи, влеченія онъ вовсе не чувствовалъ, тѣмъ менѣе подчиненія, подобострастія къ польской цивилизаціи. Людямъ, подобнымъ Репнину, послѣднее показалось бы просто смѣшнымъ.

Литовское дворянство радоваться могло собственно только одному, т. е. тому, что якобинскія правила Косцюшки не восторжествуютъ; во всемъ-же остальномъ Репнинъ не много на него полагался. Такъ, узнавъ, что нѣкоторые начальники дивизій, для ускоренія присяги и водворенія въ краѣ порядка, составляютъ изъ помѣщиковъ коммиссіи, Репнинъ высказываетъ имъ полное свое неудовольствіе, замѣчая, что они этимъ созваніемъ превышаютъ свою власть и что устраивать въ землѣ, теперь намъ принадлежащей, порядокъ „посредствомъ владычествуемаго въ ней неустройства и безпорядка", не только вредно, но и опасно: ибо, замѣчаетъ генералъ-губернаторъ, коммиссіи легко могутъ повлечь за собою новыя скопища мятежниковъ. „Мы должны", превосходно оканчиваетъ Репнинъ одно изъ такихъ наставленій, „единственно стараться держать землю къ себѣ въ страхѣ и почтеніи, выигрывая послѣднее сколь можно болѣе справедливостію, оказываемою поселянамъ, сберегая ихъ по возможности, и строгимъ взысканіемъ, если бы кто дерзнулъ изъ военно-служащихъ имъ напрасныя обиды дѣ-

лать: *симъ способомъ лучше и сердцами, и землею овладѣть будетъ можно*" ([28]). Съ тѣмъ же неудовольствіемъ отнесся Репнинъ къ другому распоряженію одного изъ подчиненныхъ ему генераловъ, дозволившаго, еще до взятія Праги, слѣдовательно въ самый разгаръ возстанія, съѣзды помѣщиковъ для составленія судовъ: князь запретилъ съѣзды и приказалъ закрыть такіе суды, дозволивъ дивизіоннымъ начальникамъ имѣть при себѣ, для производства суда, особыхъ коммиссаровъ изъ мѣстныхъ благонадежныхъ жителей, давшихъ рецессъ. Конечно, не по однимъ узко-консервативнымъ, а тѣмъ менѣе крѣпостническимъ побужденіямъ, обратилъ князь Репнинъ серьезное вниманіе и на воспитаніе дворянскаго юношества, обучавшагося въ школахъ, учрежденныхъ Піарами, и въ виленской академіи; впрочемъ, инициатива въ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не ему, а самой Императрицѣ ([29]). Поручая эти школы особому надзору князя Циціанова, начальствовавшаго, какъ мы видѣли, гродненскою дивизіею, Репнинъ былъ побуждаемъ не однимъ опасеніемъ грядущихъ мятежей, но и пониманіемъ среды, которую не могла оживить и спасти отъ растлѣнія самая либеральная идея. „Предлагаю вашему сіятельству, пишетъ Репнинъ Циціанову, обратить вниманіе ваше на воспитаніе юношества, по возможности его, дабы впредь основывалось оное на повиновеніи Божіему и гражданскому законамъ; а какъ извѣстно, что виленская академія, а паче школы Піаристовъ, неистовыми, богопротивными и для всего рода человѣческаго пагубными вліяніями литовское юношество заражали,—то съ глубочайшею прозорливостію испытать сіи училища вредныя и проистекающее отъ нихъ зло въ самомъ его источникѣ изсякать и по возможности искоренять, къ чему всякіе способы и старанія употребить". Кн. Циціанову вмѣнено было въ обязанность доставить именные списки всѣхъ академическихъ профессоровъ, число школъ, содержимыхъ Піарами, и мѣстопребыванія ихъ, именные списки учителей въ этихъ школахъ, съ обозначеніемъ ихъ національности и состоянія, время пребыванія въ Литвѣ, число

([28]) Сравни мнѣніе Державина, въ примѣчаніи 24-мъ.

([29]) Полн. Собр. Закон. т. XXIII, стр. 576—577.

учащихся съ такимъ же обозначеніемъ національности и съ особымъ указателемъ мѣстныхъ литовскихъ уроженцевъ, средства школъ, программу занятій и т. п. Впрочемъ, мнѣніе Репнина о виленской академіи нисколько не помѣшало ея ректору Почебуту быть почти ежедневнымъ гостемъ короля Станислава-Августа въ Гроднѣ; замѣтимъ здѣсь кстати, что и кромѣ Почебута, было не мало лицъ, которыя хотя и скомпрометировали себя передъ русскимъ правительствомъ въ послѣднихъ событіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ, но тѣмъ не менѣе не стѣснялись показываться въ гродненскомъ дворцѣ.

Не одними словами ограничилъ князь Репнинъ свое сочувствіе къ крестьянскому населенію организуемаго имъ края: онъ обратилъ вниманіе на самый главный, существенный предметъ, касающійся народнаго благосостоянія,— на подати и налоги. По постановленію Гродненскаго Сейма, подати съ крестьянъ собирались по четвертямъ года,— въ Январѣ, Мартѣ, Іюнѣ и Сентябрѣ. Одинъ изъ начальниковъ дивизій, расположенныхъ на Жмуди, генералъ-поручикъ кн. Сергѣй Голицынъ, приказалъ было собрать подати въ Декабрѣ 1795 г. за весь истекавшій годъ; но податныя коммиссіи отозвались, что онѣ уже три раза заплатили подати: въ Январѣ и Мартѣ законному, а въ Іюнѣ революціонному правительствамъ. Узнавши объ этомъ, кн. Репнинъ велѣлъ брать подати только за послѣднюю сентябрскую четверть, „понеже, замѣчаетъ онъ, обыватели принуждены были многіе и противъ воли своей доходы взносить.“

Одновременно съ дозволеніемъ Репнину обнародовать отъ его имени манифестъ, т. е. того же 30 Октября 1794 г., Императрица приказала раздѣлить великое княжество литовское, для лучшаго имъ управленія, на три части, такъ чтобы города: Вильна, Гродна, Ковна или Кейданы,—были главными административными центрами; „блюдителями“ исполнительной власти назначались „корпусные войскъ начальники,“ которыхъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ снабдить своими инструкціями; изъ этихъ четырехъ Гродна избиралась главнымъ, центральнымъ пунктомъ, резиденціею главнаго начальника края, гдѣ и было *Верховное Литовское*

Правленіе, состоявшее изъ 4-хъ отдѣленій: 1) казеннаго, 2) уголовнаго, 3) гражданскаго и 4) экономическаго. Начальниками этихъ отдѣленій назначались: полковникъ Фризель, бригадиръ Русановъ, надворный совѣтникъ Волковъ и преміеръ-маіоръ Литкъ; въ помощь этимъ начальникамъ, придавались товарищи, подъ именемъ *экспедиторовъ*, изъ мѣстнаго дворянства. Прежніе *земскіе* и *гродскіе* суды, ратуши и магистраты оставлялись въ своей силѣ, съ обязательствомъ дѣйствовать именемъ Всероссійской Императрицы и притомъ „порядкомъ, до конституціи 3-го Мая въ Польской республикѣ существовавшимъ" ([30]). Оставлялся при отправленіи своихъ дѣйствій и Литовскій Трибуналъ, куда переносились апелляціи, по дѣламъ гражданскимъ, изъ земскихъ и гродскихъ судовъ; но недовольные рѣшеніемъ Трибунала обращались въ Верховное Правленіе, какъ послѣднюю инстанцію по всякаго рода дѣламъ. Пытки и опредѣленіе смертной казни, „яко неизвѣстныя у народовъ скипетромъ Нашимъ управляемыхъ и вовсе Нами изпроверженныя" (какъ выражается указъ 30 Октября), строго запрещались ([31]). Предписывая Репнину допускать къ присягѣ на вѣрноподданство только тѣхъ изъ „отсутствующихъ" литовскихъ помѣщиковъ, которые, по возвращеніи въ край, представятъ благонадежныя свидѣтельства въ неучастіи ихъ въ мятежѣ, Императрица приказывала удалить отъ дѣлъ людей, опредѣленныхъ революціоннымъ сеймомъ и обратить вниманіе на управителей королевскихъ имѣній (староствъ) въ Шавляхъ, которыя, какъ мы видѣли, считались очагомъ инсуррекціи. „Своевольное и повсемѣстное въ Литвѣ печатаніе книгъ, яко зло, многими и очевидными опытами дознанное, повсюду благонравіе жителей и ихъ спокойствіе разрушающее, долженствуетъ (говоритъ Императрица въ томъ же рескриптѣ) привлечь на себя особливое ваше воззрѣніе." Съ этою цѣлію литовскій генералъ-губернаторъ долженъ былъ „собрать въ Гродно" всѣ существующія въ краѣ типографіи, учредить цензуру и истребить „всѣ напечатанные во время бунта возмутительные акты и прочіе,

---

([30]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIII, стр. 574.
([31]) Ibid. стр. 576.

всякого названія, сочиненія и листы" ([32]). За исключеніемъ предписаній объ отобраніи „возмутительныхъ листовъ," въ генералъ-губернаторскихъ бумагахъ того времени мы не находимъ никакихъ ни распоряженій, ни дѣлъ о закрытіи типографій, о конфискаціяхъ отдѣльныхъ книгъ или цѣлыхъ библіотекъ и т. п.: отъ слабости ли это кн. Репнина произошло, или отъ чего другаго,—неизвѣстно. На мѣсто убитаго инсургентами, преданнаго Россіи, виленскаго римско-католическаго епископа князя Масальскаго, императрица назначила Коссаковскаго, съ наименованіемъ его *епископомъ инфляндскимъ*; католическое духовенство другихъ національностей не имѣло права въѣзда въ Литву; всѣ монашескіе ордена подчинялись епископу и „не дерзали навлекать на себя зависимость отъ какой-либо духовной власти, внѣ имперіи пребывающей;" папскія буллы и посланія не могли быть принимаемы,—онѣ должны быть, тотчасъ по полученіи, отсылаемы къ генералъ-губернатору ([33]). Въ высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему Сенату 14 Декабря 1795 г. и извѣщающемъ о присоединеніи къ Россіи на вѣчныя времена великаго княжества Литовскаго, велѣно раздѣлить его на двѣ губерніи,—Виленскую и Слонимскую; при чемъ губернаторами назначались: первой—генералъ-маіоръ Тормасовъ, второй—ген. маіоръ Новицкій; въ Виленской вице-губернаторомъ былъ опредѣленъ полковникъ Фризель, въ Слонимской—коллеж. совѣтникъ Волковъ. Но эти распоряженія едва возъимѣли силу въ слѣдующемъ 1796-мъ году. Одновременно съ указомъ, Сенатъ долженъ былъ обнародовать высочайшій манифестъ къ жителямъ присоединенной провинціи и озаботиться приведеніемъ ихъ къ присягѣ ([34]); въ этомъ манифестѣ, послѣ извѣщенія о присоединеніи Литвы, Императрица обращается къ новымъ своимъ подданнымъ, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „обнадеживаемъ притомъ (васъ) Императорскимъ Нашимъ словомъ, за Насъ и Наслѣдниковъ Нашихъ, что не

([32]) Ibid. Стр. 577—578. ([33]) Ibid. Стр. 763—764.

([34]) Въ третій разъ. Первая присяга сопровождала обнародованіе репнинскаго манифеста, высочайше утвержденнаго 30 Октября 94 г.; вторая присяга, съ приложеніемъ самой ея формы,—въ указѣ Репнину (№ 17, 272, стр. 599, т. XXIII), отъ 22 Ноября 1794 г.

токмо свободное исповѣданіе вѣры, отъ предковъ вами наслѣдованной, и собственность, законно каждому принадлежащая, въ цѣлости соблюдены будутъ; но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные россійскіе, по милости Нашихъ предковъ и Нашей, пользуются.“ (35) *Екатерина буквально исполнила свое обѣщаніе: какъ русская императрица, она безъ пятна и укора является по отношенію къ польской національности, начинавшей сливаться съ русскою.* Въ Литвѣ, между прочимъ, не было и рѣчи при Екатеринѣ о вѣроисповѣдномъ вопросѣ,—объ отношеніяхъ къ католикамъ диссидентовъ, хотя въ минскомъ генералъ-губернаторствѣ въ тоже самое время и не разъ поднимался вопросъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ панами и ксендзами уніятамъ, желавшимъ присоединиться къ православію.

Первымъ слѣдствіемъ паденія Польши былъ страшный наплывъ Поляковъ вездѣ по Россіи, особенно въ Петербургѣ,—объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ современники этого событія въ своихъ запискахъ. Но они примирялись съ этимъ неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ примирялись русскіе люди до-екатерининскаго времени съ *наплывомъ нѣмецкимъ*: абсорбація, поглощеніе въ большихъ размѣрахъ разныхъ народностей—удѣлъ каждой великой націи! При Екатеринѣ II понимали важность и нелегкость этого поглощенія, и не морщились, вкушая эту историческую снѣдь. Но для того, чтобы организація вновь присоединеннаго края возъимѣла надлежащій ходъ, чтобы изъ военнаго управленія перейти въ гражданское, требовалось подробнѣйшее ознакомленіе съ краемъ и съ существовавшими прежде въ немъ порядками; съ этою цѣлію князь Репнинъ обратилъ особое вниманіе на собираніе всякаго рода статистическихъ и иныхъ свѣдѣній, которыя находились или предполагались существующими въ гродненскомъ трибуналѣ, въ скарбовой коммиссіи, въ гродскихъ канцеляріяхъ, или же отбирались отъ лицъ, которыя занимали офиціальныя должности при прежнемъ правительствѣ. Весь 1795-й и большая половина

(35) Полн. Собр. Закон. Т. XXIII., № 17, 418, стр. 845—846.

слѣдующаго года, т. е. до окончательнаго введенія Учрежденія о губерніяхъ (въ Августѣ 96 г.), употреблены на собираніе разнаго рода свѣдѣній, на ознакомленіе съ краемъ и на постепенный переходъ отъ одной формы управленія въ другую. А тутъ еще ко всему этому, ко всей этой обузѣ, лежавшей на плечахъ кн. Репнина,—польскій король съ цѣлымъ дворомъ въ Гроднѣ, возня съ нимъ, заботы о немъ!

Изъ краткаго офиціальнаго описанія образа жизни короля Станислава-Августа въ Гроднѣ, въ продолженіе перваго мѣсяца его тамъ пребыванія, мы уже видѣли, что литовскій генералъ-губернаторъ нерѣдко навѣщалъ своего гостя, нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Въ слѣдующемъ любопытномъ письмѣ, отъ 5-го Января, къ Императрицѣ кн. Репнинъ сообщаетъ, о чемъ именно шла у нихъ бесѣда:

„Съ пріѣзда королевскаго, видясь съ нимъ повседневно, нахожу, что онъ съ одной стороны надежду почти теряетъ остаться на своемъ мѣстѣ, а съ другой еще совершенно въ томъ не отчаявается, почему въ его разговорахъ часто разными образами трогается сего предмета. Я всегда ему твержу, что жребій Польши рѣшенъ, что,—для покоя и тишины сосѣднихъ державъ, яко государственнаго главнѣйшаго уваженія (интереса), и даже для истиннаго блага самихъ Поляковъ,—нельзя имъ остаться, послѣ происшедшаго, въ ихъ прежнемъ положеніи. Употребляю къ тому образъ моего стараго обхожденія, почти сорокалѣтняго съ его величествомъ знакомства: говорю ему съ ласкою, что, при таковомъ рѣшеніи жребія земли его, должно ему помышлять о его собственномъ жребіи, и что лучшій способъ къ устроенію онаго есть—предаться съ неограниченною довѣренностію волѣ и покровительству Вашего Императорскаго Величества. Примѣчаю я, что сіе въ немъ дѣйствуетъ, и что ежели такъ скоро онъ еще не рѣшился совершенно; то происходитъ сіе отъ нѣкотораго слабаго остатка надежды, — что авось-либо не перемѣнится какъ судьба Польши! Межь тѣмъ нашелъ я, что голова его весьма смѣшанна и развлечена на множество мелкостей, его занимающихъ и относящихся къ частнымъ людямъ, по большей части ничего незначущимъ, которые его о своихъ дѣлахъ просили и которымъ онъ надѣлалъ разныя обѣщанія. Я все сіе отклоняю неудобнымъ теперь къ тому временемъ, наводя его, при всякомъ случаѣ, на нужду ему, прежде всего, думать о самомъ себѣ, послѣ чего онъ, можетъ быть, найдется въ состояніи и другимъ нѣкоторымъ быть полез-

нымъ. При всемъ таковомъ его возмущающемся еще положеніи, уповаю, Всемилостивѣйшая Государыня, что скоро онъ яснѣе и рѣшительнѣе о преданіи себя въ волю Вашего Императорскаго Величества говоритъ станетъ."

Это письмо, какъ равно выдержки изъ другихъ, приводимыхъ нами, какъ нельзя болѣе доказываютъ, что едва ли былъ другой человѣкъ, который бы зналъ на столько Станислава Понятовскаго, какъ князь Репнинъ.

Не только безъ гроша денегъ, но и по уши въ долгахъ, прибылъ въ Гродну послѣдній король Польскій: не мудрено, что голова его была „смѣшанна" помимо другихъ „мелкостей," еще и денежными. За границей еще оставались его послы, давно не получавшіе жалованья; имъ не на что было возвратиться; въ Варшавѣ и въ иныхъ мѣстахъ— старые слуги, жившіе милостію короля; имъ нечего было дать и давно ничего не давалось. Правда, Станиславъ Понятовскій долженъ былъ получать въ Гроднѣ царское содержаніе, но не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы сдѣлать изъ него какое-нибудь сбереженіе, чтобы ограничить смѣшную въ его положеніи роскошь и хоть на половину уменьшить кучу окружавшихъ его дармоѣдовъ. Вотъ имена польскихъ дипломатовъ, находившихся за границей въ качествѣ посланниковъ, министровъ, резидентовъ и т. п.:

1) *Букати*, повѣренный въ дѣлахъ (chargé d'affaires) въ Лондонѣ; 2) *Зембицкій*, повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ; 3) *Миддлетонъ* (Middleton)—резидентъ въ Гагѣ; 4) *Кохановскій*— повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ; 5) *Потоцкій*—чрезвычайный посланникъ въ Стокгольмѣ; 6) *Антици* (Antici)— полномочный министръ въ Римѣ; 7) *Далл'Оглio* (Dallj'Oglio)— агентъ въ Венеціи; 8) *Геннигъ* (Hennig)—коммиссаръ въ Данцигѣ; 9) *Деболи́*—бывшій полномочный министръ въ Россіи и 10) *Голуховскій*—секретарь его; 11) *Орашевскій*—бывшій чрезвычайный посланникъ во Франціи; 12) *Заблоцкій*—бывшій резидентъ въ Берлинѣ; 13) *Заблоцкій*—бывшій консулъ въ Херсонѣ; 14) *Яблоновскій*—бывшій чрезвычайный посланникъ въ Берлинѣ; 15) *Швейковскій*—секретарь берлинскаго посольства; 16) *Збишевскій*—посолъ въ Мадритѣ.

Эти дипломаты получили отъ короля слѣдующую циркулярную депешу, одобренную въ чернѣ Репнинымъ и самою Императрицею:

„Событія, которыя произвели революцію 1794 г., вамъ извѣстны; слѣдствіемъ ихъ было мое здѣсь пребываніе. Послѣ того, что́ случилось, я нахожусь въ необходимости увѣдомить васъ, м. г., что чужестраннымъ посламъ въ Варшавѣ уже дано знать о томъ, что со времени моего отъѣзда ихъ обязанности прекращаются. Такъ какъ національная независимость Польши болѣе не существуетъ, поэтому оканчивается и ваше представительство, о чемъ имѣете извѣстить правительство, при которомъ вы до сихъ поръ состояли. Такъ какъ вамъ не доплачено жалованья, въ слѣдствіе чего вы должны были войдти въ долговыя обязательства, могущія затруднить отъѣздъ вашъ изъ страны, въ которой вы находитесь, вы представите мнѣ счетъ тѣхъ и другихъ, а равно и суммы, необходимой на путевыя ваши издержки. Я не сомнѣваюсь, что вы будете пользоваться международнымъ правомъ до самой той минуты, пока не оставите мѣсто вашего пребыванія".

Еще находясь въ Варшавѣ, Станиславъ писалъ Екатеринѣ о затруднительности своего финансоваго положенія; прибывъ въ Гродно, онъ написалъ къ ней вторично слѣдующее письмо:

„Государыня, моя сестра!

„По желанію Вашего Императорскаго Величества, заявленному мнѣ, я нахожусь въ Гроднѣ для того, чтобы ожидать здѣсь рѣшенія будущаго жребія Польши. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, я имѣлъ честь представить Вамъ, Государыня, о моемъ собственномъ положеніи, какъ равно и тѣхъ, кому я обязанъ, кто близки мнѣ по крови или по многолѣтней службѣ, но которыхъ я покинулъ безъ малѣйшей увѣренности въ средствахъ ихъ существованія. Но не тяжела была для меня разлука: я разстался съ ними, повинуясь Вашей волѣ. Прощаясь съ ними, я ничего не могъ сказать имъ, какъ то, что предаюсь единственно и исключительно въ руки Вашего Величества, и что, гдѣ бы я ни былъ и какъ бы ни сложилась моя будущая жизнь, я не теряю надежды, что Ваша доброта и мудрость не отдѣлятъ моего личнаго благосостоянія отъ тѣхъ людей, которые мнѣ столь близки, и что я былъ бы глубоко несчастливъ, если бы это могло случиться. Вотъ предметъ самыхъ усерднѣйшихъ просьбъ, которыя я обращаю къ великодушію и сострадательности Вашего Величества".

„Говоря сегодня объ этомъ предметѣ съ княземъ Репнинымъ, я узналъ о намѣреніяхъ Вашего Императорскаго Величества и убѣдился, что мнѣ, кромѣ Васъ, не у кого искать облегченія и утѣшенія въ моей судьбѣ. Съ полнотою

этого убѣжденія, имѣю честь быть, Государыня моя сестра, Вашего Императорскаго Величества добрый братъ
Станиславъ-Августъ, король"

Гродно, 18 Января 1795 г.

У короля Станислава были слѣдующіе родственники: 1) старшій братъ его Карлъ Понятовскій, 74 л.; 2) старшая сестра графиня Замойская, вдова Палатина Подоліи, дочь которой была за графомъ Мнишкомъ; 3) младшая сестра, графиня Браницкая, вдова каштеляна Краковскаго; 4) два племянника, Іосифъ и Станиславъ, бывшій великимъ подскарбіемъ литовскимъ. Экономическое благосостояніе этихъ семействъ, въ особенности сестеръ, на самомъ дѣлѣ было до такой степени разрушено, въ слѣдствіе послѣднихъ событій, что имъ негдѣ и не на что было жить. Устройство судьбы своихъ родственниковъ очень занимало Станислава Понятовскаго, и князь Репнинъ помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ, на сколько могъ, своимъ ходатайствомъ передъ Императрицею. Между тѣмъ, пока рѣшался вопросъ объ этомъ, душевное настроеніе короля замѣтно становилось спокойнѣе. Онъ сталъ откровеннѣе и довѣрчивѣе къ Репнину, о чемъ послѣдній и свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Императрицѣ отъ 20 Января: „Его Польское величество, говоритъ онъ, продолжая откровенное поведеніе и доказательства своей къ волѣ Вашего Императорскаго Величества преданности, прислалъ ко мнѣ, безъ моего требованія, расшифрованныя имъ полученныя депеши изъ Гаги, Штокгольма, Лондона и Копенгагена, съ цифирнымъ ключемъ изъ послѣднихъ двухъ мѣстъ". Великій маршалъ графъ Мошинскій и секретарь Фризъ были посредниками, во всякаго рода сношеніяхъ, между королемъ и генералъ-губернаторомъ; послѣдній не нахвалится ихъ услугами. Приводимъ вполнѣ слѣдующее любопытное письмо князя Репнина, писанное въ тотъ же самый день:

„Удостоился я получить высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, отъ 10-го сего мѣсяца, съ приложеніемъ, въ копіяхъ, заключенныхъ двухъ актовъ съ Вѣнскимъ дворомъ, протоколовъ министерскихъ и высочайшія повелѣнія, данныя министрамъ Вашего Императорскаго Величества при Вѣнскомъ и Берлинскомъ дворахъ, чрезъ г. вице-канцлера графа Ивана Андреевича Остермана. Все-

милостивѣйшая Государыня! Довѣренность, тѣмъ мнѣ оказанная, требуетъ, по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, содержать все сіе въ непроницаемой тайнѣ и въ осторожности о(тносительно) предохраненіи черты, мнѣ порученной; стану я наблюдать всемѣрно и по всей возможности. Относительно предписанія того же высочайшаго указа о поведеніи короля Польскаго, долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести: что, кажется, по убѣжденіи его, что не осталось ему инаго убѣжища и иной надежды, какъ милость и щедрость Вашего Императорскаго Величества, оное (поведеніе) теперь таково, какъ быть слѣдуетъ. И онъ тò отъ меня съ самого пріѣзда знаетъ, что я долженъ примѣчать за всѣми его поступками, чтò продолжать по всей возможности не упущу, какъ и твердить ему при всякомъ случаѣ, что мѣра его преданности волѣ Вашего Императорскаго Величества будетъ мѣрою Вашего къ нему снисхожденія и благоволѣнія; но теперь, всемилостивѣйшая Государыня, не по отношенію къ его поведенію, а по настоящему положенію съ Берлинскимъ дворомъ, если бы, паче всякаго чаянія, оно могло дойти до какой крайности, пребываніе здѣсь короля Польскаго въ подобномъ случаѣ было бы крайне тягостно для осторожностей, по его поводу, нужныя связывало бы движенія здѣшнихъ войскъ и вредно было бы вліяніемъ, каково можетъ подобный случай произвесть какъ въ немъ самомъ, такъ въ *здѣшней легкомысленной и развращенной націи*. Почему осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести, что въ таковомъ неожидаемомъ случаѣ нужно бы было заблаговременно короля отсель перевесть, куда Ваше Императорское Величество заудобнѣе повелѣть изволите. Въ доказательство же его теперешняго расположенія, всеподданнѣйше подношу его ко мнѣ адресованный меморіалъ ([36]), въ которомъ оное видно, какъ и на что онъ ко всему готовъ, чтò только угодно Вашему Императорскому Величеству будетъ ему предписать. При семъ долженъ я всеподданнѣйше донести, что слухи о несогласіи съ Берлинскимъ дворомъ уже начинаютъ здѣсь въ публикѣ носиться, хотя еще почитаются большею частію неосновательными; сколько примѣтить можно, кажется, что тѣ слухи идутъ отъ войскъ Прусскихъ, въ Польшѣ расположенныхъ".

Въ концѣ того же мѣсяца (30 Января), въ слѣдующемъ письмѣ Репнинъ сообщаетъ Императрицѣ еще болѣе утѣшительныя вѣсти о королѣ:

„Удостоясь получить высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 23-го сего мѣсяца, съ приложеніемъ

([36]) Въ нашихъ бумагахъ его нѣтъ.

письма къ королю Польскому, поднесъ я оное его величеству, который, по прочтеніи того письма, *съ восторгомъ, кажется, нелицемѣрнымъ*, поручилъ мнѣ благодарить Ваше Императорское Величество за всемилостивѣйшее о его жребіи попеченіе. И какъ примѣтилъ я ему, что отъ его искренней преданности къ волѣ Вашего Императорскаго Величества зависѣть будетъ Ваше къ нему благорасположеніе; то тутъ онъ съ клятвою, сколько можно примѣтить, чистосердечно, меня увѣрилъ, что, отдавшись уже въ Ваши руки и сдѣлавъ себѣ правиломъ — не имѣть иной воли, какъ Вашу, не отступитъ онъ отъ онаго николи, поставляя себѣ благополучіемъ, что онъ, въ своемъ несчастіи, на благотвореніе и милосердіе Вашего Императорскаго Величества надежду полагать можетъ."

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ пребыванія Станислава въ Гроднѣ.

Изъ поденныхъ записокъ объ образѣ жизни короля Станислава въ Январѣ 1795 года мы уже видѣли, что онъ не жилъ въ Гроднѣ отшельникомъ: съ утра до поздней ночи въ гродненскомъ дворцѣ толпился народъ, и невозбранно допускались къ королю не только мѣстные, но и пріѣзжіе Поляки, уже не говоря о лицахъ составлявшихъ его свиту; русская, окружавшая его стража, была на самомъ дѣлѣ лишь *почетною*, и уже никакъ не отличалась свойствами Аргуса, какъ въ этомъ легко убѣдиться, прочтя дневникъ Безбородка, проникнутый необыкновенно почтительнымъ отношеніемъ къ королю и дружелюбіемъ къ его свитѣ и лицамъ, его навѣщавшимъ; придворные короля пользовались полнѣйшею свободою: съ дозволенія королевскаго и съ паспортомъ пристава гр. Безбородка они очень часто отправлялись даже въ Варшаву на довольно продолжительное время; изъ Варшавы выписывалось все необходимое для дворца. Освоившись съ своимъ новымъ положеніемъ, успокоившись и *просвѣтлѣвъ мыслію*, король вошелъ въ свой обыкновенный, повседневный образъ жизни. Собственно отъ дворской жизни онъ никакъ не хотѣлъ отказаться: выходы, пріемы, офиціальные и запросто, обѣды и ужины, простые и парадные, продолжались по прежнему, при той же королевской обстановкѣ, какъ и въ Варшавѣ, конечно, менѣе блестящей, но болѣе солидной; рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы у короля никого не было. Впрочемъ, образъ

жизни короля Станислава-Августа былъ очень правильный: вставалъ онъ въ 8 часовъ утра, обѣдалъ въ часъ и не позже двухъ, рѣдко ужиналъ, хотя ужинъ всегда подавался, и ложился спать въ 11 и уже никакъ не позже двѣнадцати часовъ ночи; въ эту же пору засыпалъ и весь дворецъ, да и вся Гродна погружалась въ сонъ. Князь Репнинъ раза два въ недѣлю навѣщалъ короля, большею частію обѣдалъ у него; изрѣдка бывалъ у генералъ-губернатора и Станиславъ-Августъ, хотя своихъ придворныхъ, даже не важнаго чина, онъ посѣщалъ гораздо чаще; но между королемъ и генералъ-губернаторомъ происходили ежедневныя сношенія чрезъ пажей, адъютантовъ и чаще всего черезъ королевскаго секретаря Фриза. Пріѣзжавшія въ Гродну болѣе или менѣе важныя лица, нерѣдко иностранцы, посѣщали короля; Русскихъ представлялъ ему или приставъ графъ Безбородко или самъ главнокомандующій; значительнымъ польскимъ панамъ давалось помѣщеніе въ самомъ дворцѣ; эти послѣдніе въ самый день пріѣзда или на другой день дѣлали визитъ главному начальнику края. Король любилъ играть въ билліардъ; свободное свое время онъ употреблялъ также на чтеніе и письмо, вѣроятно, на составленіе своихъ извѣстныхъ, но еще не изданныхъ мемуаровъ; въ праздничные и воскресные дни непремѣнно присутствовалъ онъ при богослуженіи или въ придворной каплицѣ, или же въ монастыряхъ доминиканскомъ и поіезуитскомъ. Но истинною страстію, которой король предавался съ увлеченіемъ, была любовь его къ природѣ, ежедневныя, не рѣдко по два раза въ день, прогулки. Эти прогулки начались съ Февраля мѣсяца, по двору замка, передъ дворцомъ; съ 15-го Марта король уже началъ выѣзжать за городъ. Ни одного подгороднаго мѣста, по ту и по эту сторону Нѣмана, деревни, рѣчки, лѣса, урочища и т. п., не осталось, гдѣ бы по нѣскольку разъ не побывалъ Станиславъ-Августъ въ два года своей гродненской жизни ([37]); лѣтомъ цѣлые часы онъ проводилъ подъ

([37]) Вотъ эти мѣста:

1) Деревня *Понѣмунь*, въ 7 верст. отъ Гродны, на правомъ берегу Нѣмана; прежде принадлежала монастырю Бригитокъ. 2) Другой *Понѣмунь* на томъ же берегу, въ верстѣ отъ города, прежде принадл. Іезуитамъ,

открытымъ небомъ. Въ слѣдствіе, конечно, такого образа жизни, весьма умѣреннаго въ пищѣ и питьѣ, король, несмотря на свои годы, пользовался хорошимъ здоровьемъ: онъ рѣдко бывалъ боленъ, а если и случалось, то самымъ легкимъ недугомъ. Еще менѣе короля могло скучать въ Гроднѣ привлеченное туда его присутствіемъ высшее польское общество, уже ровно ничѣмъ не стѣсненное. Съ Февраля во дворцѣ генералъ-губернатора открылись вечера, называемые въ дневникѣ Безбородка *ассамблеями*; съ пріѣздомъ семейства Репнина эти собранія стали чаще и оживленнѣе; штабъ начальника края былъ также не малъ: кн. Репнина окружали многіе заслуженные генералы, въ послѣдствіи пріобрѣтшіе громкую извѣстность; въ Гроднѣ они жили съ своими семействами, — и такимъ образомъ въ этомъ городѣ образовалось также и высшее русское общество. Два общества, русское и польское, въ полномъ семейномъ составѣ, такимъ образомъ въ Гроднѣ въ первый разъ сходятся, сталкиваются между собою. Подробностей, частностей этого столкновенія, затаенной, можетъ быть, вражды или непріязни, отъ перемѣнившихся ролей, когда

нынѣ — г-жѣ Ляхницкой. 3) *Пышки* — лѣсная дача, на томъ же берегу, въ 3-хъ верстахъ отъ города, принадлежитъ кн. Любецкому. 4) *Коханово* — на томъ же берегу въ 7 верст. отъ города, прежде принадлежало монастырю Бригитокъ. По лѣвому берегу Нѣмана: 5) *Лососна* — въ 3-хъ верстахъ отъ Гродны, на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Нѣманъ; здѣсь въ это время была какая-то фабрика, построенная Тызенгаузомъ и загородный домъ Радзивила. 6) *Августово* — возлѣ Лососны. 7) *Каролинъ* — въ 7 верст. отъ Гродны. 8) *Адамовичи* — шляхетская околица, въ 7 верстахъ отъ города. 9) *Гнойница* принадлежала Іезуитамъ, нынѣ — помѣщику Видацкому. Въ то время дорога изъ Гродно въ Вильну шла на мѣстечко *Меречь* (Трокск. уѣз.); это и былъ въ то время *виленскій трактъ*, по которому часто прогуливался Станиславъ-Августъ до деревни *Грандичи*, въ 4-хъ верстахъ отъ Гродны, прежде принадлежав. Кармелитамъ, нынѣ — частію казнѣ, частію городу и шляхтѣ. *Новый* виленскій трактъ шелъ на мѣстечко *Скидель*, въ 34 верст. отъ Гродны, почему и назывался при Станиславѣ просто *Скидельскимъ*. Была еще третья дорога, по которой часто катался король, — *Езёрская*, отъ мѣстечка *Езёры*, находящагося въ 30 верстахъ отъ Гродны; по Езёрской дорогѣ находились двѣ деревни, въ которыхъ бывалъ Понятовскій — *Каплица* въ 4-хъ и *Путришки* въ 6-ти верст. отъ города. Сверхъ этихъ мѣстъ, король посѣщалъ — *Станиславовъ*, въ полверстѣ отъ Гродны, имѣніе кн. Любецкаго, близь вокзала желѣзной дороги, и *Кульбаки* въ 2-хъ верст. отъ города, шляхетская околица за Станиславовымъ.

недавніе гости стали теперь хозяевами и наоборотъ,—намъ не откуда узнать; но въ общемъ, видимомъ, не было ничего враждебнаго, можетъ быть потому, что эти два общества были аристократическія, т. е., какъ бы мы сказали теперь, *мало*-народныя, и больше—потому что онѣ жили цѣльнѣе, проще, безъ теоретическихъ ломокъ своей нравственной природы; русскому же обществу всегда были чужды злорадство и душевная мелочность, издѣвающаяся надъ несчастіемъ врага. Тогдашнее высшее русское общество, мужеское и женское, не могло быть ниже польскаго. Если оно уступало ему нѣсколько въ образованіи, то несомнѣнно было его нравственнѣе, свѣжѣе. Подчинявшееся французскому образованію, обще-европейской цивилизаціи, русское общество того времени не могло раболѣпно преклоняться передъ цивилизаціей польской: оно уже вышло изъ этого ребяческаго состоянія, въ которомъ находилось при Петрѣ, даже при Елисаветѣ, — вышли изъ него, по крайней мѣрѣ, передовые люди, которыхъ въ описываемую нами пору было не мало въ литовскомъ краѣ. Русское общество конца прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка упрекаютъ въ космополитизмѣ, — въ данномъ случаѣ упрекъ важный! — ; но и космополитизмъ конца екатерининскаго и первыхъ годовъ александровскаго царствованія уже не былъ тѣмъ уродливымъ явленіемъ, какимъ представляли его Фонъ-Визинъ и сатирическіе журналы: онъ былъ органическимъ явленіемъ, вышедшимъ изъ тогдашняго положенія Россіи, восторженно относившейся къ своему европейскому значенію, но не исключавшимъ возможности другихъ, не всепоглощавшимъ увлеченіемъ, отодвигавшимъ общество назадъ. Подобно сентиментальному и романтическому направленіямъ, принесшимъ свои добрые плоды, русскій космополитизмъ, по меньшей мѣрѣ, ничему не помѣшалъ: ни сліянію Польши, ни торжеству надъ Наполеономъ, ни прогрессивному движенію Россіи. Но, какъ бы то ни было, два общества сближались, сходились у короля и главнаго начальника края, въ городѣ и во дворцѣ. Ничего лагернаго, казарменнаго, монашескаго въ тогдашней гродненской жизни не было, хотя новые хозяева и самъ ихъ представитель, князь Репнинъ, какъ увидимъ ниже, чувствовали себя

не совсѣмъ дома. Но, во всякомъ случаѣ, свободно текущая жизнь, общество блестящихъ женщинъ и молодежи, давали себя чувствовать обычными результатами: устроивались родственныя связи, разыгрывались романы. Одинъ изъ такихъ романовъ, относящихся впрочемъ, къ слѣдующему году, дошелъ до свѣдѣнія фаворита, слѣд. и Императрицы. Приводимъ два любопытныхъ письма по этому предмету:

„М. г. князь Николай Васильевичъ!

„До свѣдѣнія моего дошло, что артиллеріи подпорутчикъ Семишинъ, влюбившійся въ дѣвицу Крушецкую и имѣя взаимную ея склонность, взялъ ее, по ея согласію, изъ дому ея отца и женился на ней по нашему закону. Отецъ ея, не одобряя сего брака, который безъ вѣдома его послѣдовалъ единственно потому, что молодые люди вѣдали, что онъ на оный не согласится, ищетъ теперь разорвать оный и лишить дочь свою наслѣдства, на которое она послѣ матери своей имѣетъ право по законамъ Прусской земли, гдѣ находится имѣніе сей фамиліи. И какъ мнѣ извѣстно притомъ, что, не взирая на гоненіе отца и всей семьи, она живетъ съ мужемъ своимъ хорошо и отнюдь съ нимъ разстаться не желаетъ, то покорнѣйше прошу ваше сіятельство, по извѣстной мнѣ склонности вашей къ благодѣяніямъ, употребить милостивое ваше посредство о удержаніи сего брака въ его силѣ, такъ какъ сему и по законамъ нашимъ слѣдуетъ быть; а притомъ убѣдите г-на Крушецкаго, чтобы онъ дочь свою простилъ и возвратилъ бы ей принадлежащее, съ тѣмъ, что естли окажется какое-либо имѣніе, слѣдующее ей въ губерніяхъ начальства вашего,— то чтобы чрезъ ваше покровительство она сего лишена не была. Для лучшаго успѣха въ семъ дѣлѣ, не угодно-ли будетъ препоручить Виленскому губернатору, чтобы онъ объяснился съ дядею ея каноникомъ, у котораго она воспитывалась, и постарался бы преклонить его въ пользу своей племянницы, которая, конечно, не сдѣлала важнаго преступленія, вышедши замужъ за благороднаго россійскаго офицера, который службою своею можетъ со временемъ приобрѣсти себѣ пристойныя награды и основать свое состояніе; притомъ же, сколько мнѣ извѣстно, не по своевольству она вступила въ супружество безъ воли отца своего, но, бывъ увѣрена о его къ Россіянамъ ненависти, никакъ не надѣялась получить его согласіе. Всѣ сіи причины убѣждаютъ меня просить Васъ убѣдительно—войдти въ сіе дѣло и осчастливить молодыхъ людей доставленіемъ

имъ, чрезъ ваше покровительство, подкрѣпленія ихъ состоянію. Имѣю честь быть и проч. Князь Платонъ Зубовъ.“
Іюля 7 дня 1796 г., въ Царскомъ Селѣ.

„М. г. князь Платонъ Александровичъ!

„Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 7-го текущаго Іюля, имѣю честь сказать, что мнѣ обстоятельства женитьбы г-на артиллеріи поручика Семишина извѣстны, и я ему готовъ, въ чемъ только можно будетъ, помогать, такъ какъ уже и доставилъ случай и средства пріѣхать въ Вильну къ дядѣ жены его. Я призову его къ себѣ и посовѣтуюсь съ нимъ о средствахъ примирить ихъ съ отцемъ и убѣдить сего послѣдняго выдать имъ, по малой мѣрѣ, материнское г-жи Семишиной имѣніе, которое ей неоспоримо слѣдуетъ, ежели (только) по здѣшнему закону и почти всеобще-сохраняемому обряду не записано отцу въ пожизненное владѣніе,—въ каковомъ случаѣ его (имѣніе) уже требовать нельзя, а только остается милость отцовскую просить. Я не оставлю объ успѣхахъ моего въ ихъ дѣлѣ старанія вашу свѣтлость увѣдомить, а между тѣмъ честь и проч. Князь Николай Репнинъ“.

„Ненависти къ Россіянамъ“ Крушецкаго и его соотчичей, объясняемой всею исторіею, послѣдними событіями и діаметрально-противуположными характерами двухъ враждующихъ народовъ, удивляться нечего: тѣмъ, стало быть, необходимѣе становились похищенія Сабинокъ и отношенія между русскимъ и польскимъ обществами, установляемыя въ Гроднѣ княземъ Репнинымъ. Другія, противуположныя отношенія—отчужденіе одного общества отъ другаго по принципу--были бы нелѣпы.

Изъ новыхъ болѣе знатныхъ лицъ, посѣтившихъ короля въ Февралѣ и Мартѣ, замѣчательнѣе другихъ были: племянникъ королевскій, маршалъ коронный, графъ Тышкевичъ, генералы польской службы Стрепнскій и Глинскій и князь Четвертинскій. Тѣ лица, которыхъ мы видѣли въ дворцѣ въ Январѣ мѣсяцѣ, продолжали навѣщать короля; между ними ректоръ Почебутъ былъ чуть не ежедневнымъ его собесѣдникомъ; всѣ они проживали въ городѣ, въ наемныхъ или своихъ домахъ; въ городѣ же жилъ графъ Игнатій Потоцкій, извѣстный, вмѣстѣ съ Стрепнскимъ, своимъ нерасположеніемъ къ Россіи. 15-го Марта, какъ мы сказали, король въ первый разъ выѣхалъ за городъ въ

четырехмѣстной открытой каретѣ, въ которой сидѣли: великій конюшій, дежурный каммергеръ Стрембошъ и приставъ гр. Безбородко. Карету окружали нѣсколько человѣкъ королевскихъ придворныхъ верхами и нашъ конвой изъ 24 человѣкъ ([38]) при офицерѣ. Этотъ кортежъ отправился до деревни *Грандичи*, лежащей въ полмилѣ отъ города. Возвращаясь домой, король заѣхалъ къ главнокомандующему, у котораго пробылъ сполчаса. День былъ прелестный. Съ 4-хъ часовъ вечера до захожденія солнца король гулялъ по террасѣ, что̀ надъ Нѣманомъ, съ которой открывается очаровательный видъ на Занѣманье, въ это же время рѣка вскрывалась. Отъ этой ранней и довольно продолжительной прогулки король простудился: онъ почувствовалъ лихорадочное состояніе, кашель, боль въ головѣ и поясницѣ. 20-го болѣзнь усилилась; король весь день не выходилъ изъ своей спальни; послѣ обѣда (у короля обѣдали князья Чарторыжскій и Гурскій) навѣстилъ его князь Репнинъ. 22-го приходился великій четвергъ страстной недѣли у католиковъ. Въ предспальной комнатѣ короля, по причинѣ его болѣзни, была совершена читальная мша, по окончаніи которой онъ причащался св. Таинъ. 25-го былъ католическій свѣтлый праздникъ. По болѣзни король не выходилъ и не одѣвался и слушалъ службу опять въ предспальной своей комнатѣ. Во 2-мъ часу дня онъ вышелъ въ шлафрокѣ (противъ своего обыкновенія) въ залу, гдѣ подчивалъ всѣхъ своихъ придворныхъ и состоящихъ при немъ русскихъ офицеровъ пасхою, яицами и „прочимъ пріуготовленнымъ на сей праздникъ *посвѣщоными*“, по польскому обычаю; вечеромъ у Репнина была ассамблея. 26-го король уже выздоровѣлъ и началъ свои прогулки пѣшкомъ по живописному берегу Нѣмана. Наша пасха въ этомъ году приходилась 1-го Апрѣля. Въ этотъ день, въ 11 часовъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, король ѣздилъ гулять въ *Понѣмунь*; на обратномъ пути онъ заѣхалъ къ главнокомандующему поздравить его съ праздникомъ; вечеромъ у кн. Репнина была ассамблея, на которой было много придворныхъ. 10-го Апрѣля пріѣхала въ Гродну

([38]) Впослѣдствіи уменьшенный.

княгиня Наталья Александровна Репнина и дочь ея княгиня Александра Николаевна Волконская съ сыномъ, прапорщикомъ гвардіи; король посылалъ Фриза поздравить ихъ съ пріѣздомъ. 13-го, въ 6 часовъ вечера, былъ у короля съ своею приѣхавшею семьею кн. Репнинъ. Придворные ихъ встрѣтили въ залѣ, самъ король—въ билліардной; онъ проводилъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ они и пробыли сполчаса. На другой день, въ субботу, король отдалъ визитъ семейству главнокомандующаго, которое просилъ къ себѣ на другой день, въ воскресенье, обѣдать. На этотъ обѣдъ были приглашены также приставъ гр. Безбородко, часто удостоивавшійся этой чести, и князь Лобановъ-Ростовскій; послѣ обѣда былъ концертъ, въ 5 часовъ Репнины уѣхали. 16 Апрѣля староста Рыксъ устроилъ въ Понѣмуни для короля и придворныхъ пикникъ; король отправился туда въ коляскѣ въ 6 часовъ вечера, слушалъ роговую музыку, „очень удивлялся“ и былъ доволенъ; онъ посѣтилъ загородный домъ Стреинскаго, находившійся въ Понѣмуни, гдѣ много разговаривалъ, особенно съ дамами. 19-го Апрѣля, вмѣстѣ съ Репниными и Волконскими, король опять ѣздилъ въ Понѣмунь, любимое мѣсто его загородныхъ прогулокъ. И ѣхавши на эту прогулку и возвращаясь съ нея, король былъ въ домѣ главнокомандующаго. 21-е Апрѣля было днемъ рожденія Императрицы. Вотъ что записано объ этомъ днѣ въ журналѣ Безбородка:

Въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, въ исходѣ 1-го часа, его величество съ своими придворными, въ препровожденіи пристава, поѣхалъ къ его сіятельству главнокомандующему, который встрѣтилъ его на крыльцѣ съ прочимъ генералитетомъ, а ея сіятельство княгиня Репнина въ галлереѣ. Его величество, поздравивъ главнокомандующаго съ праздникомъ, сказалъ, что *онъ пріѣхалъ къ нему обѣдать* и, оставаясь, приказалъ экипажамъ отъѣхать и быть въ три часа. Когда время было къ столу идти, то, взявъ онъ супругу главнокомандующаго, пошелъ къ столу, за коимъ также сидѣли званные свиты королевской: великій конюшій Кицкій, шамбелянъ Трембицкій и дежурный Стрембошъ, адъютанты: Киркоръ, Гордонъ и Бишевскій; полковники: Политанскій и Вицкій, совѣтникъ и докторъ Беклеръ и маіоръ Аксамитовскій. За столомъ его величество всталъ и пилъ здоровье Ея Императорскаго Величества, при чемъ изъ пушекъ 31 выстрѣлъ выпалено. Спустя

немного, его сіятельство главнокомандующій и всѣ тутъ бывшіе за столомъ, какъ наши, такъ и изъ польскихъ господъ, пили за здоровье его величества при пушечной пальбѣ также 21 выстрѣла. Послѣ обѣда пробылъ еще король часъ и въ 4 часа возвратился во дворецъ. Ѣздили къ главнокомандующему на балъ г. Кицкій, адъютанты: Киркоръ и Бишевскій.“ 27-го Апрѣля были имянины короля.

Еще наканунѣ Станиславъ-Августъ просилъ генералъ-губернатора о томъ, чтобы не было никакого, по этому поводу, празднованія и по утру не принималъ ни отъ кого поздравленія; но князь Репнинъ пріѣхалъ однакоже къ обѣду и пилъ за здоровье короля, а король за здоровье великаго князя Константина Павловича, котораго въ этотъ день были также имянины; послѣ обѣда пріѣхали обѣ княгини, генералъ-поручикъ гр. Румянцевъ и кн. Циціановъ.

Спокойствіе въ гродненскомъ дворцѣ за это время ничѣмъ не нарушалось серьезнымъ: разъ сдѣлался было пожаръ, но его скоро утушили; случились два происшествія, но безъ важныхъ послѣдствій. Ночью 24-го Марта дежурнымъ офицеромъ, обходящимъ караулы, взятъ былъ въ корридорѣ близь дворцовой кухни отставной капралъ польской гвардіи Павелъ Тихановскій, у котораго найдены просьбы къ королю,—о вспомоществованіи ему на дорогу, домой, къ генералъ-губернатору—объ отысканіи вещей, отнятыхъ у него козаками во время его пути изъ Варшавы, къ графинѣ Браницкой, сестрѣ короля,—о принятіи его къ себѣ на службу. Уволенный фельдмаршаломъ Суворовымъ изъ польской службы, этотъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы отправиться на свою родину, въ воеводство Подольское, очутился въ Гроднѣ; запрещеніемъ ходить во дворецъ Тихоновскому это дѣло и окончилось. Другой случай былъ ровно черезъ мѣсяцъ. Дежурный офицеръ, обходя караулы, замѣтилъ, что лакей Брестовскаго о чемъ-то долго разговаривалъ съ часовымъ, стоявшимъ у боковаго подъѣзда. Часовой былъ тотчасъ же смѣненъ другимъ, а по распросѣ лакея оказалось, что онъ „разсказывалъ много лишняго и дерзкаго часовому.“ По донесеніи объ этомъ главнокомандующему, кн. Репнинъ приказалъ Циціанову сказать Брестовскому, „дабы наказанъ былъ слуга за лишнюю дерзость.“

Въ Станиславѣ-Августѣ, какъ замѣтно, было сильно развито родственное чувство: онъ не только заботится о матеріальномъ благосостояніи своихъ родныхъ, но и проситъ о дозволеніи жить съ ними вмѣстѣ; прощаясь съ молодыми Чарторыжскими, отправлявшимися въ Петербургъ, онъ былъ тронутъ до слезъ. Всѣхъ своихъ родственниковъ, разорившихся и обнищавшихъ, король желалъ собрать вокругъ себя. Князь Репнинъ не былъ противъ этого. Графиню Браницкую онъ положительно хвалитъ, называя ее „женщиной смирной и почтенной;“ онъ, кажется, не имѣлъ ничего и противъ молодаго королевскаго племянника, Іосифа Понятовскаго, проживавшаго въ Варшавѣ. Іосифъ владѣлъ въ Литвѣ двумя староствами, Жижморой и Виланой; мать его жила въ Богеміи. Король просилъ о дозволеніи допустить его къ присягѣ на русское подданство; но Императрица не согласилась и не дозволила Іосифу пріѣхать къ дядѣ. Этотъ отказъ и неблаговоленіе къ племяннику Екатерины очень огорчили Станислава-Августа, какъ это видно изъ слѣдующаго письма кн. Репнина къ Государынѣ, отъ 22 Марта:

„Получа высочайшій В. И. В. указъ отъ 6-го сего мѣсяца о князѣ Іосифѣ Понятовскомъ, донесъ я о содержаніи онаго его величеству королю. Онъ прекрайно былъ тѣмъ опечаленъ, чрезмѣрно при мнѣ плакалъ и очень осердился на своего племянника, къ которому уже послано отъ него строгое повелѣніе, чтобъ онъ къ 10-му Апрѣля, по новому штилю, выѣхалъ конечно (непремѣнно) изъ Варшавы и чтобъ ѣхалъ чрезъ Галицію въ Вѣну, опасаясь, чтобы, взявъ другую дорогу, не былъ онъ схваченъ Пруссаками. Зная уже давно его величество, могу вѣрно донести, что *при настоящемъ случаѣ притворства не было*, и онъ подлинно столь оскорбился симъ случаемъ, что отъ этого занемогъ и теперь еще неможетъ ([39]). Я принужденъ былъ, всемилостивѣйшая Государыня, дабы не было остановки въ скоромъ отъѣздѣ помянутаго князя Іосифа, дать королю на сіе отправленіе тысячу червонныхъ, сверхъ получаемыхъ его величествомъ на его содержаніе. Какое по сему дѣлу отъ него получилъ я письмо, оное при семъ въ подлинникѣ всеподданѣйше подношу.“ Въ письмѣ этомъ вотъ что, между другимъ, говорится: „Не могу не обратить вашего вниманія, князь, на то, какъ мнѣ было горько узнать, что чувства моего племян-

([39]) Это огорченіе соединилось, какъ мы видѣли, съ простудой.

ника выставлены предъ ея величествомъ Императрицей въ такомъ черномъ свѣтѣ. Не могу вѣрить, чтобы мой племянникъ могъ имѣть идеи, столь противуположныя моимъ и столь пагубныя для его собственныхъ интересовъ,—какъ заслужить неблаговолѣніе ея величества Императрицы! Умоляю ваше сіятельство представить сей августѣйшей Государынѣ, съ тою чувствительностію, которая всегда васъ отличаетъ, что удаленіе племянника—для меня жертва, которую приношу я въ семъ случаѣ."

Замѣтимъ, что Іосифъ Понятовскій принималъ участіе въ битвѣ при Полонномъ (1792 г.) противъ нашихъ войскъ, гдѣ потерялъ казну, провіантъ, обозъ и секретную переписку ([40]) и что самъ Станиславъ-Августъ слѣдующими словами обрисовываетъ характеръ своего племянника: „Я знаю горячій нравъ моего племянника Іосифа и его любовь къ отечеству. Онъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы стать во главѣ арміи. При всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, онъ имѣетъ необузданную страсть къ войнѣ" ([41]). Этого достаточно для оправданія отказа Екатерины.

Желанія и просьбы короля о своихъ и о самомъ себѣ высказаны имъ въ двухъ меморіалахъ, отъ 15 Января и отъ 26 Февраля. Приводимъ ихъ въ извлеченіи и переводѣ; въ первомъ король пишетъ:

„Сестра моя графиня Браницкая уже болѣе года ничего не получаетъ съ своихъ имѣній въ Подляхіи. Помѣстье Деиблинъ (Deblin) бывшаго маршала графа Мнишка до такой степени разорено, что ей невозможно здѣсь жить; единственное убѣжище, которое для нея осталось, это—старóство Люблинское (уже значительно опустошенное), куда она думаетъ отправиться съ свекровью, мужемъ и дѣтьми, уступая своимъ кредиторамъ свое имѣніе Вишнёвецъ (Viszniovicc). У сестры моей графини Замойской ничего не осталось, кромѣ помѣстья Тичинъ (Tyczyn) въ Галиціи. Мой 74 лѣтній братъ до сихъ поръ жилъ на маленькомъ участкѣ, подаренномъ ему, но теперь отнятомъ у него Австріею; въ настоящее время онъ живетъ пансіономъ, который получаетъ отъ меня и своего сына; но оба, лишенные средствъ, мы не можемъ болѣе его поддерживать.... Я нахожусь во власти Императрицы: она можетъ сдѣлать все, чтó ей угодно, по отношенію ко мнѣ. Но если ей угодно знать о

([40]) *Записки Храповицкаго*, стр. 268. ([41]) Mémoires de Michel Oginsky sur la Pologne et Polonais. T. 1. стр. 331.

моихъ желаніяхъ, то вотъ онѣ: я прошу о назначеніи мнѣ, въ продолженіи всей моей жизни, ежемѣсячнаго пансіона 12 тысячъ червонцевъ, въ размѣрѣ, назначенномъ мнѣ еще Сиверсомъ ([42]), что составитъ въ годъ 166,656 червон. Если бы я имѣлъ эту сумму, то удовлетворилъ бы ею всѣ мои потребности, какъ здѣсь, такъ въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, предполагая при этомъ, что Ея Императорское Величество соблаговолитъ устроить это такимъ образомъ, что другіе 166,656 червонныхъ, какъ это было также назначено при Сиверсѣ, будутъ идти на уплату моихъ долговъ въ продолженіи 12 лѣтъ. Ежели бы мои родственники были обезпечены въ томъ, что имъ слѣдуетъ по законамъ Польши, — я ничего не просилъ бы для нихъ болѣе. Если я не проживу 12-ти лѣтъ, то полагалъ-бы изъ первыхъ 166,656 червонныхъ образовать мало по малу капиталъ для моихъ старыхъ слугъ, для лицъ, которыя носятъ мою фамилію, офицеровъ, которые меня не покидаютъ и для нѣкоторыхъ другихъ людей, которые мнѣ близки и кои, по всей вѣроятности, переживутъ меня. Но такъ какъ я могу умереть раньше, по этому и представляю сей проэктъ на благосклонное великодушіе Ея Величества Императрицы, которая да соблаговолитъ вникнуть, на сколько онъ важенъ для спокойствія моей души и моего сердца. Если Ея Императорское Величество рѣшитъ въ своей мудрости, что мое пребываніе въ Гроднѣ будетъ болѣе не нужно, я желалъ бы провести спокойно остатокъ моихъ дней въ климатѣ, болѣе умѣренномъ, съ моими родными и старыми слугами, удаленный отъ дѣлъ и отъ всего, что постоянно возбуждаетъ во мнѣ самыя печальныя воспоминанія". „Сестра моя графиня Замойская, пишетъ король Станиславъ-Августъ 18 Февраля, вдова подольскаго палатина, лишившись всѣхъ своихъ доходовъ съ помѣстья Грудека въ Подоліи и небольшаго староства Поросяткова, писала назадъ тому два мѣсяца его сіятельству фельдмаршалу графу Румянцову, прося его о помощи; но, не получивъ отвѣта, она не знаетъ, къ кому ей обратиться. Не имѣя чѣмъ жить въ Варшавѣ, она принуждена отправиться въ Люблинъ, — иначе сѣсть на шею зятю, графу Мнишку, у котораго самого ничего не осталось, кромѣ небольшой части этого староства: остальныя его имѣнія или заложены, или разорены. Извѣстно, что во все время послѣдней революціи мои сестры и племянницы съ ихъ мужьями настойчиво и неоднократно просили пашпортовъ на выѣздъ изъ Варшавы, но имъ всякій разъ было въ этомъ отказано; самъ собою я не могу болѣе помогать имъ, почему и прибѣгаю къ благосклонности Ея

([42]) Русскимъ посланникомъ въ Польшѣ во время втораго раздѣла.

Императорскаго Величества: не благоугодно ли будетъ ей повелѣть, чтобы сестра моя графиня Замойская, женщина болѣзненная и почти 70-ти лѣтъ, могла пользоваться доходами съ своего имѣнія, не уѣзжая въ Подолію, гдѣ она будетъ далеко отъ всѣхъ своихъ и безъ всякой надежды на врачебное пособіе."

Пребываніе королевскихъ сестеръ въ Гроднѣ были дозволено Императрицею; но вопросъ о финансовомъ положеніи короля не ограничился только этимъ. Нѣсколько позднѣе, именно въ Маѣ, король представилъ графу Суворову-Римникскому счетъ недоимокъ, слѣдуемыхъ къ полученію ему, королю, изъ казны короны и княжества литовскаго, на основаніи закона, состоявшагося въ Гроднѣ въ 1793 году,— т. е. съ 1 Сентября 1793 по 1-е Марта 1795, всего за 18 мѣсяцевъ. За это время королю слѣдовало получить:

Изъ коронной казны. 3 милліона флориновъ, ([43])
Изъ литовской казны. 1,500 тысячъ — —

Всего 4 милліона 500 тысячъ флориновъ.

Получено имъ за это время:
Изъ коронной казны серебр. 1 мил. 230 тыс. флориновъ.
— — — билетами — „ — 340 тыс. — —
Изъ литовской казны серебр. „ — 750 тыс. — —

Всего 2 мил. 320 тысячъ;

Слѣдуетъ дополучить королю 2 мил. 180 тысячъ,
т. е.
Изъ коронной казны 1 милліонъ 430 тысячъ и
Изъ литовской — „ — 750 тысячъ флориновъ.

Итакъ приводимыя цифры доказываютъ, что Польское государство не въ состояніи было дать назначеннаго имъ же самимъ содержанія своему послѣднему королю; но Станиславъ-Августъ, тѣмъ не менѣе, находилъ удобнымъ просить русскаго фельдмаршала, распоряжавшагося Варшавою, объ уплатѣ недоимки, слѣдуемой ему изъ короннаго казначейства. Вотъ что отвѣчалъ на эту просьбу Суворовъ:

„Государь!

„Льщу себя надеждою, что ваше величество удостоите оказать мнѣ справедливость въ томъ, что всѣ ваши желанія, на

([43]) Въ письмахъ Репнина къ Зубову этотъ счетъ на флорины переводится польскими злотыми.

сколько это отъ меня зависитъ, были бы предупреждены; но когда онѣ такого рода, какъ уплата недоимки въ 1,430,000 флориновъ, которые ваше величество требуете изъ короннаго казначейства,—это уже не зависитъ отъ моего распоряженія и можетъ быть исполнено лишь по Высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества. Чтó касается до меня, кромѣ военныхъ, въ другія дѣла я не вмѣшиваюсь и даже не имѣю права ходатайства въ дѣлѣ, чисто финансовомъ. Ваше величество съ удовольствіемъ найдете въ письмѣ, которымъ Императрица меня почтила, доказательства предусмотрительности и благоволѣнія къ вамъ моей Августѣйшей Государыни. Не сомнѣваюсь, что и въ настоящемъ случаѣ полное довѣріе будетъ лучшимъ успѣхомъ. Въ ожиданіи сего, пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить вашему величеству чувства глубокаго почтенія и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть, государь, вашего величества нижайшій и послушнѣйшій слуга графъ Александръ Суворовъ-Римникскій."

Чтó касается до претензій короля на литовское казначейство, то, по справкамъ, сдѣланнымъ Репнинымъ, въ счетѣ короля оказалась неточность: ему слѣдуетъ не 750 тысячъ флориновъ, или злотыхъ, а только 528,765, исключая впрочемъ 97,982 злотыхъ, уплоченныхъ королю революціонными, т. е. не имѣющими никакой цѣнности, ассигнаціями. Послѣднія 97 тысячъ употреблены были революціонерами на покупку суконъ для ихъ арміи. Сверхъ того, какъ справедливо замѣчаетъ Репнинъ, король причелъ лишнихъ два мѣсяца — Январь и Февраль, проведенные имъ въ Гроднѣ, когда онъ исправно получалъ назначенное ему содержаніе. Впрочемъ, эти неточности кн. Репнинъ не признаетъ важными и утверждаетъ счетъ.

Пріѣздъ сестеръ и племянницъ заставилъ короля хлопотать о прибавкѣ ему ежемѣсячнаго содержанія. Просьбы объ этомъ шли черезъ руки Репнина, который, до извѣстной степени, держалъ сторону Станислава-Августа. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, Императрицѣ 25-го Іюня: „И какъ онѣ (сестры короля) по обстоятельствамъ прошедшаго мятежа совсѣмъ разорены и никакихъ своихъ доходовъ не получаютъ; то, по умноженію здѣсь, по сему случаю, расходовъ, уже положенной суммы на его содержаніе не достанетъ. Съ другой же стороны, недостатокъ здѣшній не позволяетъ уже ничего отдѣлять ему денегъ въ Варша-

ву; а оттого всѣ имъ оставленные тамъ служители найдутся безъ дневнаго пропитанія; отпустить не (съ) чѣмъ: сіе положеніе истинно! Но думаю, всемилостивѣйшая Государыня, въ разсчетъ должно войдти время—долго-ли еще его (придется) содержать, а потому прибавка на мѣсяцъ 2,888 червонныхъ, имъ просимая, менѣе или важнѣе будетъ". Въ письмѣ къ Зубову Репнинъ подтверждаетъ недостаточность отпускаемой суммы „на отсутственныя издержки" короля и ходатайствуетъ о скорѣйшей помощи польскимъ дипломатамъ, которымъ дѣйствительно не съ чѣмъ было выѣхать изъ тѣхъ земель, гдѣ они были аккредитованы, и положеніе которыхъ, какъ лишившихся международнаго права, было самое плачевное. Просьба о прибавкѣ королевскаго содержанія не была уважена Императрицею, несомнѣнно въ томъ предположеніи, что Польскій король навсегда остается на ея рукахъ и не будетъ выпущенъ за предѣлы Россіи, чего такъ пламенно желалъ Станиславъ-Августъ. Но къ концу года 11 тысячъ червонныхъ, отпускавшихся прежде въ концѣ мѣсяца, стали выдавать королю за мѣсяцъ впередъ. Нѣкоторыхъ польскихъ пословъ, о которыхъ была рѣчь, мы потомъ видимъ въ гродненскомъ дворцѣ Станислава-Августа, въ качествѣ его гостей и приближенныхъ.

И такъ, не совсѣмъ спокойно наслаждался привольемъ гродненской жизни бывшій Польскій король: онъ безпрестанно писалъ то Императрицѣ, то Зубову. Репнинъ, черезъ руки котораго шли эти, не найденныя нами, письма, тщетно уговаривалъ его потерпѣть, подождать, „поколь совсѣмъ рѣшится его жребій"; старикъ, очевидно, не выдерживалъ и продолжалъ писать. Къ чести Станислава-Августа мы должны сказать, что не одни личные, эгоистичные интересы его занимали: кромѣ похвальнаго желанія призрѣть старыхъ своихъ слугъ, онъ пламенно ходатайствуетъ объ облегченіи участи лицъ, когда-то посягавшихъ на его жизнь и осужденныхъ за это на вѣчное заключеніе. Вотъ что онъ пишетъ Репнину 27-го Февраля 1795 г.:

„Вы знаете, князь, сколь печалитъ меня судьба тѣхъ несчастныхъ, которые были осуждены въ 1774 г. на вѣчное заключеніе въ Каменцѣ. Мои старанія объ ихъ освобожденіи всегда оставались безуспѣшными; никогда не хотѣли

согласиться съ тѣмъ, что ихъ страданія возмутятъ послѣднія минуты моей жизни. Прося имъ пощады у Ея Величества Императрицы, еще разъ умоляю ваше сіятельство ходатайствовать объ ихъ освобожденіи. Фамиліи ихъ: Пѣшинскій и Франкенбергъ".

Но, независимо отъ душевныхъ треволненій, гродненская жизнь шла своимъ чередомъ. Въ Маѣ при королевскомъ дворцѣ мы встрѣчаемъ новыхъ лицъ: изъ Варшавы прибылъ канцлеръ графъ Хребтовичъ, остановившійся въ верхнемъ этажѣ дворца; оттуда же пріѣзжалъ банкиръ Мейснеръ, единственный неразорившійся отъ послѣдней революціи варшавскій капиталистъ, услугами котораго пользовался всегда король Станиславъ-Августъ; кн. Репнинъ очень хвалитъ Мейснера въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Зубову. Кромѣ этихъ лицъ, являлись къ королю: княгиня Четвертинская, вдова и мать большаго семейства ([44]), канцлеръ Бодини, итальянецъ Камаскини, возвращавшійся изъ Петербурга, Русскіе генералы Бенингсонъ и графъ Панинъ. Развернувшаяся весна все болѣе манила изъ душныхъ покоевъ дворца къ наслажденію созерцаніемъ природы такого ея обожателя, какимъ былъ Станиславъ-Августъ: утромъ и вечеромъ, верхомъ и въ экипажѣ, онъ постоянно прогуливался по окрестностямъ Гродны. Король особенно облюбилъ деревню Лососну, на Нѣманѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Гродны, расположенную при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Нѣманъ. Здѣсь, въ мѣстности, очень живописной, король любилъ по долгу оставаться одинъ; сюда чаще всего, какъ потомъ, въ слѣдующемъ году, въ лѣсокъ каштеляна Вольмара, что̀ нынѣ гродненское загородное гульбище *Секретъ*, онъ ѣздилъ прогуливаться. Во время занѣманскихъ прогулокъ, по приказанію Репнина, королевскій конвой увеличивался казачею командою при старшинѣ. 9-го Мая князь Репнинъ былъ имянинникъ. Въ этотъ день всѣ знатнѣйшіе придворные, съ канцлеромъ графомъ Хреб-

([44]) Мужъ ея, князь Антонъ, погибъ во время Варшавской рѣзни весною 1794; такимъ образомъ это семейство являлось жертвою приверженности къ Россіи, и одна изъ дочерей впослѣдствіи получила преобладающее значеніе при нашемъ дворѣ подъ именемъ Маріи Антоновны Нарышкиной, которая, за одно съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, причинила много зла Россіи. *П. Б.*

товичемъ во главѣ, ѣздили въ 12-мъ часу поздравлять главнокомандующаго. У короля въ этотъ день былъ торжественный обѣдъ, на который былъ приглашенъ кн. Репнинъ и всѣ русскіе генералы, находившіеся въ Гроднѣ: графы Румянцевъ, Безбородко и Паленъ, князья Циціановъ и Лобановъ-Ростовскій, Бенингсонъ и Германъ. Послѣ обѣда король и главнокомандующій прогуливались въ Понѣмуни, гдѣ смотрѣли еврейскую свадьбу. Вечеромъ у генералъ-губернатора былъ большой балъ, который посѣтилъ и Станиславъ-Августъ. 24-го Мая былъ большой католическій праздникъ *Божьяго тѣла*, о которомъ въ журналѣ Безбородка находимъ слѣдующія подробности:

„Его Величество въ 10-мъ часу, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, пристава графа Безбородка, въ свитѣ при немъ находящихся стабъ-и оберъ-офицеровъ и конвоя драгунъ, выѣхалъ въ езуитскую церковь. Въ проѣздъ его мимо воинской команды, для церемоніи во время процессіи назначенной, подъ начальствомъ секундъ-маіора Гроденскаго, отдана ему честь. При входѣ его въ церковь, встрѣченъ духовенствомъ и препровожденъ до мѣста, для него уготовленнаго, гдѣ по обѣимъ сторонамъ поставлены были, для недопущенія тѣснпться народу, два драгунскіе унтеръ-офицера съ ружьями. По совершеніи литургіи, началась процессія изъ езуитской церкви, и шествіе по городу было слѣдующимъ образомъ: 1. Плацъ-маіоръ съ двумя квартальными офицерами и шестью унтеръ-офицерами верхами; 2. Цѣхи городовые съ ихъ знаменами; 3. Взводъ изъ 24-хъ драгунъ пѣшихъ, при оберъ-офицерѣ, унтеръ-офицерѣ, одномъ капралѣ и одномъ барабанщикѣ; 4. Духовенство, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему клиромъ, всѣхъ орденовъ католицкаго исповѣданія; каноникъ Увальдъ, несущій св. Дары подъ балдахиномъ, 4-мя польскими шляхтичами поддерживаемымъ; Его Величество, въ препровожденіи пристава графа Безбородка, великаго конюшаго Кицкаго, который велъ подъ руку короля, всѣхъ своихъ придворныхъ и въ свитѣ находящихся стабъ-и оберъ-офицеровъ; здѣшнія и наши обоего полу благородныя особы. Оныя всѣ закрываемы были по обѣимъ сторонамъ шеренгою драгунъ, по 50-ти человѣкъ въ каждой, при четырехъ офицерахъ. Вся сія процессія замыкаема была взводомъ драгунъ изъ 24-хъ человѣкъ, при офицерѣ. Шествіе было изъ езуитскаго костела въ бернардинской мужской ([45]),

([45]) Нынѣ приходскій костелъ.

въ бернадинской женскій, въ доминиканской и обратно въ езуитской, гдѣ по окончаніи всего, возвратился Его Величество, въ такомъ же препровожденіи, во дворецъ; команды-жъ воинскія, отдавъ ему честь, по приказанію гр. Безбородка, подъ коего начальствомъ оныя были на сей разъ, отпущены".

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Станиславъ-Августъ прибытія своихъ сестеръ; имъ назначено было помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ; передѣлки производились подъ наблюденіемъ архитектора Сака; король нерѣдко заходилъ ихъ осматривать. Сестры пріѣхали наконецъ въ Іюнѣ: графиня Браницкая, или, какъ она называется у Безбородка, мадамъ де-Кракови́ ([46]), — 5-го числа, графиня Замойская, или мадамъ де-Подоли́, — 13-го Іюня. Съ бо́льшими церемоніями, и, кажется, радостію, была встрѣчена Браницкая. Еще 4-го на встрѣчу ей были посланы подконюшій Аксамитовскій и поручикъ Слатинскій. На другой день, въ 7 часовъ по полудни, самъ король выѣхалъ на бѣлостокскую дорогу и на третьей верстѣ отъ Гродны встрѣтилъ ѣхавшую изъ Люблина сестру. Поздоровавшись, онъ посадилъ ее въ свою карету, а самъ сѣлъ верхомъ и провожалъ ее до моста черезъ Нѣманъ. Здѣсь онъ сошелъ съ лошади, высадилъ изъ кареты сестру и вмѣстѣ съ нею прошелся пѣшкомъ по мосту; за мостомъ они сѣли въ коляску графини и прямо отправились во дворецъ. Пріѣздъ графини Людвиги Замойской съ внучками, дѣтьми дочери ея графини Мнишекъ, не сопровождался никакими церемоніями: король встрѣтилъ ее на парадномъ крыльцѣ и проводилъ въ назначенные для нея покои. 5-го Іюня прибылъ изъ Италіи племянникъ короля, князь Станиславъ Понятовскій; а 12-го Іюня Мнишки, мужъ и жена. Всѣ эти королевскіе родственники, съ своими слугами, свитою, гувернерами и гувернантками, помѣстились во дворцѣ. И безъ того не малочисленное, дворское общество почти удвоилось: дворецъ, гдѣ помѣщался король, старый за́мокъ, Мейзеровъ (вѣроятно частный) домъ были заняты этимъ обществомъ, составлявшимъ свиту, нераз-

---

([46]) Сличи въ письмахъ князя Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Русскомъ Архивѣ 1868, стр. 226—234.

лучныхъ спутниковъ короля Станислава. Въ концѣ Сентября пріѣхала изъ Варшавы съ дочерью княгиня Радзивиллова и также помѣстилась во дворцѣ. По истинѣ, можно было бы удивляться, гдѣ и какъ размѣщалось это блестящее общество, если не принять къ свѣдѣнію того, что понятія объ удобствахъ и комфортѣ въ прошломъ вѣкѣ были менѣе требовательны, чѣмъ теперь, и что приводившая тогдашнихъ моралистовъ въ изумленіе и негодованіе роскошь, даже безумная роскошь польскихъ пановъ, была мелковата сравнительно съ нынѣшнею. Гродненскій дворъ короля Станислава-Августа сталъ теперь еще болѣе манить къ себѣ польское общество; толпы пріѣхавшихъ представиться и навѣстить короля и его „сестрицъ", какъ постоянно выражается о нихъ дневникъ графа Безбородка, все болѣе и болѣе увеличивались. Чтобы не возвращаться болѣе къ безконечному списку этихъ визитеровъ, несомнѣнно привлекаемыхъ въ гродненскій дворецъ больше праздностію и любопытствомъ, чѣмъ искреннимъ сочувствіемъ къ своему старому королю,—представляемъ имена лицъ, являвшихся во дворецъ съ 1-го Іюня по 1-е Октября. Изъ мущинъ были: Мей, Соболевскій, Михалевскій, Райскій, крайчій Еллинскій, каштелянъ Маковецкій, Александровичъ, Ледуховскій, Гусаржевскій, библіотекарь короля Липинскій изъ Варшавы, хорунжій Нарбутъ, рейсферендарій графъ Тышкевичъ, епископъ Жмудскій Ядровичъ, польскій генералъ Пломбекъ, графъ Ржевусскій, Бреитани изъ Вѣны, Глуховскій, Курнатскій, каноникъ Янкуневичъ, графъ Любомирскій; изъ польскихъ дамъ: Моставская, генеральша Муравская, Юндзилова, Забѣллова, Дзяконская, графиня Гильзенъ, Бѣлякова (жена польскаго генерала Бѣляка, командовавшаго татарскими войсками) княгиня Пузына, подкоморжина Бумаранова, Кіянская, графиня де-Меллени. Изъ Русскихъ чаще другихъ навѣщали короля генералъ-маіоръ графъ Никита Петровичъ Панинъ, котораго очень любилъ Станиславъ-Августъ, и его супруга ([47]), семейство барона д'Аша, полковники и графы Штакельбергъ и Сакенъ и контръ-адмиралъ графъ Литта. Пріѣздъ знатныхъ

([47]) Графиня Софья Владиміровна, урожденная графиня Орлова.

женщинъ послужилъ еще къ бо́льшему сближенію двухъ дворовъ — королевскаго и генералъ-губернаторскаго. Княгинь Репнину, Волконскую и Лобанову-Ростовскую и графиню Панину мы чаще прежняго встрѣчаемъ въ королевскомъ дворцѣ—съ визитами къ польскимъ дамамъ, на кофе, на обѣдахъ и ужинахъ королевскихъ, на общихъ прогулкахъ за городомъ, всего чаще въ Понѣмуни и Лососнѣ, въ театральныхъ представленіяхъ, на фокусахъ знаменитаго Пинетти, который цѣлый мѣсяцъ потѣшалъ во дворцѣ гродненское общество безъ различія національностей. Обѣихъ „сестрицъ", графа и графиню Мнишекъ, племянника королевскаго Станислава, мы также почти безпрестанно видимъ во дворцѣ генералъ-губернатора, у Репниныхъ и Волконскихъ, — съ визитами, оффиціальными и за просто, и на ассамблеяхъ, почти еженедѣльныхъ. Понятовскій и Репнинъ стали также чаще прежняго встрѣчаться между собою; чаще сталъ бывать у главнокомандующаго король; часто и князь Репнинъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ королевскаго племянника, графа Мнишка, но никого болѣе изъ Поляковъ. Что̀ касается до прогулокъ, то онѣ стали еще чаще и разнообразнѣе: одинъ, съ обѣими „сестрицами", или же только съ одною, съ графомъ Мнишкомъ, съ внучатами, утромъ и вечеромъ, верхомъ и въ экипажѣ, не взирая ни на какую погоду, по прежнему дѣлалъ свои загородныя прогулки король Станиславъ-Августъ. Съ пріѣздомъ сестеръ, король, хотя изрѣдка, сталъ ѣздить прогуливаться и къ базиліянскому, т. е. греко-уніятскому, монастырю; заходили они и въ церковь. Монастырь этотъ, называвшійся *Коложею*, находился за городомъ, надъ Нѣманомъ, на прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи; нынѣ отъ него остались однѣ развалины древнѣйшаго православнаго храма, готовыя совсѣмъ обрушиться въ Нѣманъ, берега котораго часто осыпаются. Съ пріѣздомъ королевскихъ „сестрицъ" чаще сдѣлались также посѣщенія ими однѣми и совмѣстно съ королемъ католическихъ монастырей и костеловъ, которыхъ и въ Гроднѣ было не мало; участились появленія во дворцѣ разныхъ духовныхъ лицъ. Но умственныя занятія короля Станислава, о которыхъ слегка упоминается въ дневникѣ, чтеніе книгъ и газетъ и писаніе, шли прежнимъ

чередомъ; какъ любитель и знатокъ древностей, онъ занялся однажды, въ концѣ Августа, изслѣдованіемъ какого-то большаго камня, найденнаго имъ за Нѣманомъ, у Лососны. Судя по дневнику Безбородка, которымъ мы пользуемся при составленіи очерковъ гродненской жизни, можно подумать, что эта жизнь представляла рядъ безпрерывныхъ празднествъ; но составитель дневника не могъ, или не захотѣлъ, указать драматическихъ явленій этой, дѣйствительно, праздной жизни, обращики которой мы уже видѣли. Одному изъ главныхъ героевъ представленной нами жизни, князю Н. В. Репнину, свѣтскія развлеченія были плохимъ отдыхомъ отъ заботъ и хлопотъ всякаго рода: онѣ скорѣе были для него своего рода службою, обязанностями, неразлучными съ его, смѣло можно сказать, еще необычнымъ въ исторіи Россіи положеніемъ, — организатора вновь присоединеннаго края, берегущаго короля только что умершей Польши, привязывающаго и спаяваюшаго съ Россіею вѣчно болящее и мятущееся польское общество. Князь Репнинъ безспорно принадлежалъ къ категоріи умовъ, подобныхъ Потемкину, умовъ зиждущихъ, а не разрушающихъ. Не имѣя геніальности великолѣпнаго князя Тавриды, онъ былъ чуждъ и его недостатковъ. Онъ былъ человѣкъ безустаннаго, неугомоннаго труда, образа жизни замѣчательно (по тому времени) воздержнаго, не только бережливый, но, какъ самъ сознается въ одномъ письмѣ, скупой. Онъ несомнѣнно находилъ особенное удовольствіе вырываться изъ круговорота гродненской жизни; и замѣчательно, какъ скоро онъ оставлялъ Гродну, что̀ напр. случилось въ Августѣ, эта жизнь становилась еще шумнѣе и празднѣе: не оставалось человѣка, который служилъ безмолвнымъ укоромъ всякой праздности, который былъ цѣлою головою выше окружающаго, разнохарактернаго, пестраго общества. Князь Репнинъ по самой натурѣ своей и какъ русскій человѣкъ екатерининскаго времени, ненавидѣлъ конституціонистовъ, такъ называемыхъ *польскихъ патріотовъ*; но большинство собравшагося въ Гроднѣ польскаго общества, деморализованнаго въ конецъ, онъ, какъ масонъ, какъ человѣкъ цѣльный, не могъ не презирать глубоко.

Изъ отдѣльныхъ происшествій, отмѣченныхъ у Безбородка, не надъ чѣмъ особенно остановиться. 28-го Іюня, день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, въ Гроднѣ вдвойнѣ праздновался,—какъ день открытія Верховнаго Литовскаго Правленія. Весь дворъ короля утромъ былъ съ поздравленіемъ у главнокомандующаго, который тутъ же кн. Станислава Понятовскаго, гр. Хребтовича, Кицкаго, генерала Понятовскаго и каммергера Вольскаго пригласилъ къ себѣ обѣдать, а остальныхъ на балъ; король былъ также на этомъ балѣ до 8 часовъ вечера; домъ генералъ-губернатора, по случаю этого праздника, былъ иллюминованъ. Въ Іюлѣ король жаловался на легкое нездоровье, не имѣвшее впрочемъ, опять, никакихъ послѣдствій. 22-го Іюля, въ день имянинъ Цесаревны Маріи Ѳеодоровны, у Репнина также были обѣдъ и ассамблея. Гр. Мнишекъ, Грабовскій и полковникъ Вицкій ѣздили съ поздравленіемъ и были приглашены къ обѣду; ассамблею, въ числѣ другихъ, посѣтила графиня Мнишекъ. 26-го Августа, въ день имянинъ княгини Н. А. Репниной, у короля былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали сама княгиня и ея дочь, Панины, Циціановъ и Лобановъ-Ростовскій ([48]). Поздравлять княгиню отправились: великій конюшій Кицкій, нѣчто въ родѣ министра гродненскаго двора, каммергеръ Вольскій, полковникъ Вицкій, адъютанты: Грабовскій и Киркоръ; кромѣ послѣдняго, всѣ они приглашены были на ассамблею. Эта ассамблея не могла быть блестящею, потому что въ тотъ же вечеръ король и весь его дворъ присутствовали на фокусахъ профессора Пинеттія, дававшихся въ старомъ замкѣ, въ нарочно устроенномъ для того театрѣ. 27-е Августа было днемъ восшествія на польскій престолъ короля Станислава-Августа. „Нѣкоторые польскіе господа“ пріѣзжали къ нему съ поздравленіемъ, надобно думать, безъ намѣренія возбудить въ немъ непріятныя воспоминанія; король не былъ доволенъ этимъ пріѣздомъ, „однакожь принужденъ былъ утромъ оныхъ принимать“. Любознательные Англичане не оставили въ покоѣ Станислава-Августа въ

([48]) Панинъ и Лобановъ-Ростовскій также были близкими родственниками княгини Н. А. Репниной. *П. Б.*

его гродненскомъ уединеніи. 14-го Октября его посѣтили двое англійскихъ туристовъ, графъ Дугласъ и его спутникъ, и потомъ раза два у него обѣдали. 21-го Октября въ придворной каплицѣ были парадные крестины двухъ сыновей Дульскаго. Король съ княгиней Н. А. Репниной, и самъ Репнинъ съ графиней Браницкой, были воспріемниками.

Наступилъ Ноябрь. По видимому, ничего особеннаго не случилось и не приготовлялось. Теченіе жизни было все тоже: тѣже были сношенія между обоими дворами, тѣже свиданія короля съ Репнинымъ, тѣже пересылки писемъ и посылки секретарей и адъютантовъ; такая же, какъ прежде, если не болѣе блестящая, вечеринка была во дворцѣ, въ покояхъ короля, которую давала внучка его, графиня Мнишекъ, 5-го Ноября, и на которой изъ Русскихъ присутствовали: Репнины, Волконскіе, Панины, Румянцевы, Безбородко, Германъ и Лобановъ-Ростовскій. Внѣшнее теченіе жизни было спокойно и безмятежно; но внутри ея заканчивался послѣдній актъ драмы, прологомъ которой было взятіе штурмомъ Праги. $\frac{14}{25}$ *Ноября 1795 года Станиславъ-Августъ подписалъ актъ отрѣченія* (49). Мы имѣемъ правдивое свидѣтельство одного изъ участниковъ этой неизбѣжной катастрофы, присутствовавшаго при этой, все же важной, исторической минутѣ. Подписывая свое отрѣченіе, горькими слезами обливался Станиславъ-Августъ, не столько за себя, сколько за будущую судьбу Польши! Не деревяннымъ, безчувственнымъ свидѣтелемъ стоялъ передъ нимъ князь Репнинъ: передъ представителемъ Русской Императрицы исчезалъ слабый человѣкъ, всю жизнь бывшій игралищемъ чужой воли; въ старомъ князѣ Понятовскомъ видѣлъ теперь Репнинъ олицетвореніе земной непрочности, надъ нимъ — грозный образъ самой Судьбы, и его масонская душа глубоко содрогнулась! Приводимъ слѣдующее знаменательное письмо его къ графу Платону Зубову, писанное

---

(49) См. Полн. Собр. Зак. Т, XXIV, № 17,736, стр. 284—285. Это отрѣченіе, на Русскомъ языкѣ, приложено къ конвенціи, заключенной между Россіей, Австріей и Пруссіей, по поводу окончательнаго раздѣла Польши, 15-го Января 1797 года.

очевидно подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, дрожащимъ почеркомъ и съ помарками:

„Воля Ея Императорскаго Величества исполнена: король подписалъ актъ отрѣченія, который, при всеподданнѣйшемъ отъ меня донесеніи, при семъ слѣдуетъ. Не безъ слезъ, и горькихъ, то дѣло обошлось; но не по поводу отрѣченія, а по причинѣ одобрѣнія мѣръ о будущемъ жребіи Польши и отвращенія его противъ короля Прусскаго, котораго никакъ въ актѣ назвать не хотѣлъ; по сему и написано просто, послѣ поименованія Ея Императорскаго Величества: „сосѣдственныя державы". Странно, между прочимъ, въ жребіи сего государя то, что Прага взята въ тотъ самый день, въ который онъ лѣтъ за двадцать (назадъ) увезенъ былъ барскими конфедератами и только чудесно отъ нихъ спасся, а отрѣченіе свое онъ подписалъ въ день своей коронаціи, въ которой онъ на меня перваго надѣлъ польскую голубую ленту ([50]), а теперь мнѣ же отрѣченіе свое отдалъ! Не могу я скрыть (зачеркнуто: *не признаться*), что сіе послѣднее дѣло (зачеркнуто: *тягость судьбы его*) было весьма чувствительно (зачеркнуто: *трогало меня*)! По счастію случился здѣсь графъ Мошинскій, который мнѣ много помогалъ, какъ и графъ Мнишекъ искренно также старался, а въ пересылкахъ и перепискахъ употреблялся извѣстный вамъ секретарь Фрпзъ, коего рукою и актъ написанъ. Равнымъ образомъ долженъ я сказать, что графъ Панинъ усердно трудился въ пріисканіи такого слога для акта, которымъ бы скорѣе можно было довести короля до желаемаго рѣшенія. Я внутренно убѣжденъ, что онъ имѣетъ основательныя способности къ министерской части. Съ симъ отправляя адъютанта моего князя Гагарина, который былъ подъ (подчиненъ) графомъ Ильею Андреевичемъ съ самаго начала при королѣ, поручаю его въ вашу милость и покровительство, пребывая и т. д."

Эта важная историческая минута, свидѣтелемъ которой былъ князь Репнинъ, долго не забывалась имъ. По прошествіи почти года, утомленный до истощенія силъ, тяготясь бывшимъ королемъ Польскимъ, который то съ тѣмъ, то съ другимъ приставалъ къ нему, вотъ что, между прочимъ, писалъ Репнинъ графу Н. И. Салтыкову 24 Октября 1796 г.:

„..... онъ (король) согласенъ на все; а ежели проситъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ выгодъ,—то, кажется, безъ первыхъ ему подлинно съ пристойностію (жить) нельзя, а

([50]) Бѣлаго Орла.

вторыя изъ человѣколюбія отказать трудно, вспомня: въ какое онъ возвышеніе нашимъ же дворомъ возведенъ былъ, и сколь теперь судьбами неисповѣдимыми внизъ сведенъ изъ прежняго своего состоянія, которымъ 30 лѣтъ пользовался. Его положеніе (каковъ онъ ни есть!) безъ глубокаго обмышленія о прочности человѣческой и о силѣ Всевышняго обнимаемо быть не можетъ: *трудно найдти человѣка и счастливѣе и несчастнѣе*!" Человѣкъ, писавшій эти строки, не могъ быть сэромъ Гудсонъ-Лоу'-мъ, если бы его надзору былъ порученъ и не слабый Станиславъ Понятовскій, но самъ геніальный узникъ, столько лѣтъ безжалостно томимый на знойномъ островѣ Св. Елены.

Въ тоже роковое число, $\frac{14}{25}$ Ноября, Станиславъ-Августъ пишетъ Императрицѣ Екатеринѣ слѣдующее письмо, съ приложеніемъ особаго меморіала:

„Государыня моя сестра!

„Такъ какъ я рѣшился ничего не дѣлать и не предпринимать безъ позволенія и одобрѣнія Вашего Императорскаго Величества, поэтому и хочу вполнѣ доказать Вамъ это симъ частнымъ письмомъ. Я прошу Вашего рѣшенія обо мнѣ лично и благосклоннаго вниманія на предметы, изложенные въ прилагаемомъ при семъ меморіалѣ. Желаю всѣмъ этимъ представить новое доказательство чувствъ, съ которыми пребываю Вашего Императорскаго Величества добрымъ братомъ Станиславъ-Августъ, король".

Гродно. 26-го Ноября (новаго стиля) 1795 г.

МЕМОРІАЛЪ.

1) „Желая на все остальное время моей жизни сохранить благосклонность и одобрѣніе Вашего Императорскаго Величества, представляю на Ваше благоусмотрѣніе планы о моей будущей жизни. Слѣдующею весною я желалъ бы отправиться на воды въ Карлсбадъ, предпринявъ мой путь черезъ Брестъ, Люблинъ, часть Галиціи и Моравіи въ Богемію, гдѣ живетъ моя невѣстка, уже около 20 лѣтъ, по сосѣдству Карлсбада, — та самая, о дѣлахъ которой я неотступно просилъ Ваше Императорское Величество, дабы ей были оказаны знаки Вашей доброты и справедливости. Мой врачь полагаетъ, что, послѣ Карлсбадскихъ, Баденскія воды, близь Вѣны, также необходимы для моего здоровья. Ежелибъ было угодно Вашему Императорскому Величеству и императору Римскому, я очень желалъ бы избрать мѣстомъ моего пребыванія одно изъ Австрійскихъ

государствъ, или гдѣ-нибудь по близости ихъ, въ тепломъ климатѣ, съ правомъ дѣлать небольшія путешествія по Италіи и Швейцаріи. Но если будетъ признано неудобнымъ, если я съ моимъ семействомъ водворюсь въ одномъ изъ государствъ Австріи, или въ какомъ-либо мѣстѣ Германской Имперіи, — въ такомъ случаѣ я желалъ бы избрать главнымъ мѣстомъ моего пребыванія городъ Римъ, пользуясь тою же свободою дѣлать небольшія путешествія по разнымъ мѣстамъ Италіи и Швейцаріи и не лишаясь чрезъ могущественное посредство Вашего Императорскаго Величества, покровительства международнаго права противъ всякаго рода оскорбленій и непріятностей. Я не хочу ни на что рѣшиться, не испросивъ предварительно мнѣнія Вашего Величества, — и вотъ почему представляю на благоусмотрѣніе и благосклонность Вашу вопросъ: до какой степени слѣдуетъ сохранить мнѣ внѣшніе знаки королевскаго достоинства? Спрашиваю не изъ сожалѣнія о предметѣ, дѣйствительное значеніе котораго такъ мало принесло мнѣ счастія, но на случай встрѣчь, къ которымъ все мое прошлое можетъ меня привесть."

2) Смѣю надѣяться, что Ваше Императорское Величество не сочтете докучливостію то, что́ я Вамъ напомню,—именно просьбу старшей моей сестры Замойской, палатины Подоліи, поднесенной уже къ Вашимъ стопамъ. Потерявъ старо́ство Поросятково, которое купилъ покойный ея мужъ еще въ царствованіе Августа III и которое она уступила своимъ дѣтямъ, графу Мнишку и женѣ его, она лишилась также почти половины цѣнности своего наслѣдственнаго помѣстья Бедрыховскаго Гродка въ Подоліи; старо́ство Поросятково, сверхъ того, снабжало ее лѣсомъ, необходимымъ въ хозяйствѣ. Смѣю еще представить вамъ, что старо̀ства, которыя я, на основаніи закона 1775 г. и подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, далъ моимъ роднымъ, получили тогда значеніе наслѣдственныхъ имѣній, а въ числѣ ихъ и Бѣлая Церковь, которую я отдалъ тогда графу Браницкому. Такъ какъ бо̀льшая часть имѣній и старо̀ствъ меньшой моей сестры, воеводины Подольской— вошли въ прусскіе предѣлы; поэтому позволяю себѣ надѣяться на доброту Вашего Императорскаго Величества, что Вы не откажетесь войдти въ необходимыя сношенія, по предмету владѣнія и ненарушимаго пользованія этими имѣніями и старо̀ствами, для меньшей моей сестры, на основаніи законовъ, на которыхъ основываются ея титулы, и завѣщанія, сдѣланнаго ею въ пользу своего племянника, князя Станислава. Прошу также Ваше Императорское Величество, чтобы всѣ члены моей фамиліи имѣли полное право отлучаться изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ находятся ихъ

владѣнія, по собственной ли ихъ надобности, или для слѣдованія за мною, съ тѣмъ чтобы это отсутствіе не могло принести имъ никакого вреда.“

3) „Да позволено мнѣ будетъ представить еще Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе относительно сохраненія общественнаго покоя и безопасности. Около тысячи польскихъ офицеровъ купили свои мѣста, на это они употребили все свое состояніе; но вдругъ, неожиданно, они теряютъ свой капиталъ и жалованье, составляющіе средства ихъ существованія. Эти лица теперь разсѣяны по провинціямъ, пріобрѣтеннымъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и Вашими высокими союзниками; за бѣдностью и нищетою слѣдуетъ ускореннымъ шагомъ отчаяніе. Да благоволитъ милость и великодушіе Вашего Императорскаго Величества, снесясь съ высокими Вашими союзниками, принять мѣры, отъ которыхъ зависѣло бы не только утѣшеніе, но, смѣло скажу, и спасеніе жизни этихъ лицъ. По соразмѣрности цѣны покупки офицерскаго чина, которую законъ опредѣляетъ четырехгодичнымъ жалованьемъ, я полагаю, что около 400 тысячъ червонцевъ было бы достаточно для этой цѣли.“ Подписано: „Станиславъ-Августъ, король.“ Гродно, 26 Ноября (нов. ст.) 1795 г.

Но, повторяемъ, внѣшнее теченіе гродненской дворцовой жизни, отражаемое въ нашихъ источникахъ, не возмутилось этой драмой. 24 Ноября, въ день тезоименитства Императрицы, король съ своими „сестрицами“ и придворными ѣздилъ съ поздравленіемъ къ главнокомандующему, который съ генералитетомъ и прочими чинами встрѣтилъ его въ передней и препроводилъ въ парадные свои покои, гдѣ Станиславъ-Августъ пробылъ съ часъ. Вечеромъ у Репнина былъ балъ, на которомъ, кромѣ другихъ, присутствовали: Мнишки, Грабовскіе, графъ Мошинскій, Дюгамель и Вицкій. 30 Ноября, въ кавалерственный праздникъ, король ходилъ въ придворную каплицу въ андреевской лентѣ; въ 12 часовъ пріѣзжалъ кн. Репнинъ поздравлять короля и гр. Мнишка, также андреевскаго кавалера, съ праздникомъ. 21 Декабря приходился новый годъ по новому стилю. Въ 11 часовъ утра кн. Репнинъ, въ сопровожденіи гр. Румянцева, гр. Панина, Денисова, кн. Лобанова, пріѣзжалъ поздравлять короля съ новымъ годомъ; въ 4 часа по полудни пріѣзжала къ королю и къ обѣимъ „сестрицамъ“ княгиня Александра Николаевна Волконская; въ 6 часовъ прибылъ

опять главнокомандующій съ генералитетомъ, графиня Панина и нѣкоторыя польскія дамы и просидѣли до 9 часовъ вечера, занимаясь разными играми и музыкой. 25 Декабря король посылалъ своего камергера Стршембоша къ главнокомандующему поздравить его съ праздникомъ Рождества Христова.

Такъ прошелъ первый годъ пребыванія въ Гроднѣ послѣдняго Польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго.

М. Де-Пуле.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

(Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ).

Въ Правительствующемъ Сенатѣ полученъ былъ 28 Іюня 1762 года слѣдующій указъ:

„Господа Сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ стражу, отечество, народъ и сына моего. Графамъ Скавронскому, Шереметеву, генералъ-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову присутствовать съ вами, и имъ, такъ какъ и дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву, жить во дворцѣ, при моемъ сынѣ. Екатерина."

Подлинный писанъ и подписанъ собственноручно.

Сенатъ, который находился тогда при дворѣ, опредѣлилъ означенныхъ сенаторовъ привести къ присягѣ, и во всѣ присутственныя мѣста, въ губерніи и въ провинціи, послать о томъ указы, а въ Сенатскую Контору и въ Св. Синодъ— вѣдѣнія. Въ тоже время Сенатъ призналъ нужнымъ опредѣлить одного флагмана къ устьямъ Невы, и велѣлъ ему: набравъ до 12 шлюбокъ и рябиковъ, разъѣзжать близъ Невскаго устья противъ Артиллерійскаго острова, Фонтанки и Малой Невы. Сверхъ того предписано объявить командирамъ и воинскимъ служителямъ въ галерной гавани состоявшійся о восшествіи Ея Величества на престолъ манифестъ и приводить ихъ къ присягѣ; флагману же и командирамъ, находящимся при гавани и на окружныхъ берегахъ, приказано осматривать идущія съ моря суда, и кто бы на нихъ ни былъ, всѣхъ останавливать, а буде не послушаютъ, то взявъ подъ караулъ, тотчасъ доносить Сенату; если же суда станутъ дѣлать сопротивленіе и ока-

жутся превосходнѣйшими въ силахъ, въ такомъ случаѣ, ретируясь къ берегамъ, дать издали сигналъ стоящимъ по берегамъ Невы-рѣки, Екатерингофа и Артиллерійскаго острова, артиллерійскимъ командамъ. Сіи послѣднія, подъ начальствомъ артиллеріи подполковника Мелессино, поставлены были тамъ съ артиллеріею, и велѣно имъ, ежели тѣ суда будутъ противиться флагману,—дѣйствовать по нимъ артиллеріею. Для всего этого отряженъ былъ изъ флагмановъ контръ-адмиралъ Нагаевъ, а при артиллерійскихъ командахъ оставался командиромъ вмѣсто Мелессино полковникъ Мартыновъ.

Къ стоявшимъ противъ Петергофа яхтамъ и галерѣ отправленъ на шлюбкахъ контръ-адмиралъ Милославской. Ему поручено привести къ присягѣ бывшихъ на тѣхъ судахъ командировъ и служителей и велѣть имъ оттуда слѣдовать къ Петербургу, а когда они приближатся къ вѣхамъ, то, остановя ихъ въ томъ мѣстѣ, тотчасъ донести Сенату. Если бы на тѣхъ судахъ оказался кто либо присланный изъ Петергофа или и самъ бывшій Императоръ, и кто бъ съ нимъ ни былъ, Милославской долженъ былъ арестовать ихъ и привести въ Петербургъ подъ крѣпкимъ карауломъ, наблюдая за ними, чтобъ по арестованіи не причинили сами себѣ какого вреда. О семъ указъ данъ Милославскому за подписаніемъ Ея Величества.

Въ Кронштатъ отправлена шлюбка съ двумя офицерами къ адмиралу Талызину съ объявленіемъ Высочайшей воли Ея Величества, чтобъ на яхты послать приказъ о скорѣйшемъ ихъ слѣдованіи въ Петербургъ, о приведеніи находящихся на нихъ служителей къ присягѣ и о присылкѣ подъ стражею тѣхъ, которые окажутся принадлежащими къ сторонѣ бывшаго Императора.

Сенаторъ Н. И. Панинъ прислалъ въ Сенатъ слѣдующее извѣщеніе:

„Имѣю честь чрезъ сіе увѣдомить Правительствующій Сенатъ, что Ея Императорское Величество, наша Всемилостивѣйшая Государыня, благополучно маршъ свой продолжаетъ, которую я со всѣми полками засталъ у Краснаго Кабачка на растахѣ. Впрочемъ ревность неописанную и ни мало неумаляющуюся къ намѣренію предпріятому во всѣхъ пол-

кахъ вижу; о семъ и удостовѣряю. Н. Панинъ. Въ два часа по-полуночи, 20 минутъ."(*)

Сенатъ доносилъ Императрицѣ на 29 Іюля по-полуночи въ два часа, что „Государь Цесаревичь въ желаемомъ здоровьѣ находится, и въ домѣ Ея Императорскаго Величества, потому жъ и въ городѣ, состоитъ благополучно, и повелѣнныя учрежденія исправны."

Такого же содержанія рапортъ отправленъ по-полуночи въ 5 часовъ.

Въ собраніи Сената флигель-адъютантъ Рейзеръ показалъ, что онъ посланъ изъ Петергофа въ Горѣлой Кабачокъ съ семью вербованными въ Голстинскую армію рекрутами. Ему приказано оставить ихъ тамъ на заставѣ съ тѣмъ, чтобы они развѣдывали, не проѣзжалъ ли какой курьеръ, и не пропускали никого чрезъ то мѣсто, ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга, и тотчасъ доносили бы въ Петергофъ, если бы кто проѣхалъ. Но Рейзеръ, не доѣхавъ до Горѣлаго Кабачка за версту, увидѣлъ марширующій Воронежскій полкъ, и когда онъ на вопросъ остановившихъ его сказалъ, что посланъ изъ Петергофа отъ Государя, то офицеры того полка, схватя его, арестовали и какъ его, такъ и рекрутъ привезли подъ карауломъ въ Петербургъ. Въ бытность же его въ Петергофѣ извѣстно уже было о принятіи Ея Величествомъ престола; но ему не дано никакихъ коммиссій противъ Ея Величества и Ея подданныхъ.

Въ 8 часовъ (вечера, 28 Іюня) отправился изъ Петербурга Н. И. Панинъ, взявъ съ собою копію съ наставленія, даннаго Сенатомъ адмиралу Талызину; о состояніи же Петербурга принялъ на себя донести словесно Ея Величеству.

Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ далъ почтдиректору Ашу и Ямской Канцеляріи предписаніе, чтобъ изъ Петербурга никакихъ почтъ, эстафетъ и писемъ никуда не отправлять; если же какія либо письма будутъ получены чрезъ почту или другимъ образомъ, то оныя, отъ кого бы ни были, тотчасъ взносить въ Сенатъ ко двору Ея Величества; проѣзжа-

---

(*) Т. е. уже 29 Іюня, въ Петровъ день. Самое время года благопріятствовало Екатеринѣ: въ эти дни, когда минуты были дороги, „одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса".

ющихъ же безъ подписанныхъ Сенаторомъ графомъ К. Г. Разумовскимъ подорожныхъ не пропускать.

Въ 11 часовъ (29 Іюня) по-полуночи отправленъ къ Императрицѣ рапортъ о здравіи Великаго Князя и о благополучіи въ домѣ Ея Величества и въ городѣ, при чемъ принесено поздравленіе съ днемъ тезоименитства Великаго Князя.

Въ тоже время донесено, что люди Прусскаго посланника Гольца (*), имѣя при себѣ нѣсколько денегъ, намѣрены были ѣхать къ нему на нанятыхъ подводахъ, о чемъ свѣдавъ Сенатъ разсудилъ задержать ихъ на посланниковомъ дворѣ и приставить къ нимъ караулъ. Но вскорѣ они были освобождены.

За тѣмъ Сенатъ доносилъ, что изъ Копенгагена прибылъ переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Нордштетъ, у коего привезенные имъ пакеты взяты и отправлены къ Ея Величеству.

Между тѣмъ контръ-адмиралъ Нагаевъ, собравъ шлюпки и рябики, отправился 29 числа поутру на Невскія устья и, опредѣля на нихъ изъ галерной команды морскихъ офицеровъ, учинилъ разъѣзды: первый противъ устья Фонтанки и Екатерингофскаго пролива; второй въ устьѣ большой Невы въ вѣхахъ; третій противъ Галерной Гавани; четвертый въ устьѣ Малой Невы, и всѣ приходящія съ моря суда велѣлъ останавливать. Присланные къ нему отъ главной артиллеріи пять единороговъ съ офицеромъ были имъ разставлены на Васильевскомъ острову въ двухъ мѣстахъ, а именно противъ Подзорнаго дворца и на Малой Невѣ пониже острова; а роту кирасиръ съ ротмистромъ, раздѣля на разные пикеты и разъѣзды, онъ поставилъ по берегамъ Васильевскаго острова, и всѣхъ наличныхъ галерныхъ военныхъ служителей онъ привелъ въ церкви къ присягѣ. Доставленныя же изъ Сената депеши поручилъ онъ мичману Ксенофонтову отвезти на шлюпкѣ къ адмиралу Талызину въ Кронштадтъ съ предписанною осторожностію.

Милославскій 29 Іюня прибылъ къ Петергофу, но яхтъ тамъ не нашелъ и потому поѣхалъ далѣе. Противъ Ора-

---

(*) Гольцъ, имѣвшій тогда важнѣйшее значеніе, находился при Петрѣ III-мъ. Сохранилось ли донесеніе его Фридриху Великому объ этихъ дняхъ? *П. Б.*

ніенбаума увидѣлъ онъ одну яхту и одну галеру. Суда сіи, поднявъ якори, ходили подъ парусами, и яхта показывала видъ, что намѣрена идти за нимъ въ погоню, почему онъ и не отважился ѣхать далѣе, не имѣя никакого при себѣ орудія, и возвратился для донесенія о томъ Сенату.

Возвратившійся изъ Кронштадта мичманъ Ирицкой объявилъ въ Сенатѣ, что онъ, прибывъ туда, о порученномъ ему дѣлѣ донесъ адмиралу Талызину, который сказалъ, что въ Кронштадтѣ все благополучно. А какъ яхты и галера были еще въ движеніи, то и предписано Талызину стараться одержать ихъ посредствомъ легкихъ фрегатовъ и другихъ вооруженныхъ судовъ, но не вступать съ ними въ сраженіе, и когда онѣ будутъ взяты, привести къ присягѣ находящихся на нихъ людей, а потомъ велѣть имъ слѣдовать къ Петербургу. Удержаннаго имъ графа Дивьера (*) приказано содержать крѣпко, однакожъ безъ крайней нужды не арестовать, а сверхъ сего принять мѣры осторожности, чтобы какіе либо поиски для десанта не могли быть сдѣланы съ противной стороны, и чтобъ на мелкихъ судахъ не проѣхали куда либо курьеры и всякаго званія люди. Всѣхъ ихъ безъ изъятія велѣно останавливать и брать подъ арестъ, хотя бы между ними оказался и самъ бывшій Государь.

Адмиралъ Талызинъ доносилъ 29 Іюня, что: 1) служители всѣхъ въ Кронштадтѣ командъ къ присягѣ приведены, 2) какія съ прибытія его туда сдѣланы были распоряженія, также по движеніямъ яхтъ и галеръ, о всемъ томъ представлено имъ Ея Величеству, на что онъ получилъ и высочайшій рескриптъ съ объявленіемъ ему удовольствія, и изъ содержанія онаго видитъ, что тѣхъ предосторожностей, о коихъ Сенатъ предписывалъ, употреблять уже не нужно. Графъ же Дивьеръ содержится крѣпко безъ ареста. Между тѣмъ на купеческихъ корабляхъ прибыли Голстинскіе офицеры, а именно: бригадиръ, полковникъ, маіоръ, капитанъ, штыкъ-юнкеръ, аудиторъ, полковой квартермистръ и полковой лѣкарь, да рядовыхъ 88 человѣкъ, изъ коихъ оберъ-офицерамъ отведены квартиры; а рядовые помѣщены подъ

(*) См. XVIII в. книга 1-я, изданіе 2-е стр. 72.

присмотромъ въ казенныхъ свѣтлицахъ, съ производенiемъ имъ на пропитанiе по 4 копѣйки на день.

Прибывшiй изъ Петергофа 29 Iюня адъютантъ Костомаровъ былъ арестованъ. Того же числа присланъ оттуда приказъ въ Ямскiя слободы, за подписанiемъ генералъ-поручика Овцына, чтобы выбрать самыхъ хорошихъ 50 лошадей и прислать въ Петергофъ съ выборнымъ, а Костомарову дать пару лошадей, если онъ потребуетъ. Сенатъ опредѣлилъ спросить сего адъютанта, извѣстенъ ли онъ объ означенномъ приказѣ, кѣмъ оный писанъ, отъ кого и съ кѣмъ присланъ въ Петербургъ, также отъ кого, къ кому, и съ какимъ приказомъ самъ онъ отправленъ изъ Ораниенбаума. Костомаровъ отвѣчалъ, что о приказѣ не знаетъ, но притомъ объявилъ, что Мельгуновъ и Михаилъ Львовичъ Измайловъ, посылая его изъ Ораниенбаума по имянному указу бывшаго Императора, приказывали ему сказать въ ихъ полкахъ полковникамъ, чтобы они съ полками своими слѣдовали въ Ораниенбаумъ.

Въ Сенатъ присланъ 29 Iюня отъ Краснаго Кабачка высочайшiй указъ, чтобъ полковника Воронежскаго полка Семена Маслова отправить немедленно въ выступившiй къ Петергофу корпусъ, что́ и было тогда же исполнено.

Въ 7 часовъ того жъ числа посланъ отъ Сената къ Ея Величеству рапортъ слѣдующаго содержанiя: „Высочайшее объявленiе о бывшемъ происшествiи въ Петергофѣ и о раскаянiи бывшаго Императора Сенатъ съ несказанною радостiю и съ крайнимъ восхищенiемъ получить удостоился, и какъ Богомъ руководствуемое и Ея Величествомъ предпрiятое къ желаемому совершенству достигло, то Сенатъ отъ себя, именемъ всего общества, единогласно, чистымъ сердцемъ, нелицемѣрною совѣстiю и прямою душею, всерадостно поздравляетъ, съ желанiемъ, да наградитъ Всевышнiй за толь неизреченныя Вашего Величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашего Величества изобильныя щедроты, и да исполнитъ Онъ же, Праведный и Всевышнiй Судiя, все по желанiю Вашего Монаршаго сердца, къ славѣ и пользѣ всего отечества.“

Въ 12 часовъ по-полуночи отправленъ обыкновенный о состоянiи Петербурга рапортъ. Послѣ того приготовлено

было донесеніе, что Великій Князь (*) прибылъ благополучно изъ Зимняго въ Лѣтній домъ, и обѣдня началась, а по окончаній оной весь Сенатъ для начатія молебна будетъ ждать прибытія Ея Величества. Но сіе донесеніе, за скорымъ прибытіемъ Ея Величества въ Петербургъ, отправлено не было.

30 Іюня Сенатъ приказалъ контръ-адмиралу Нагаеву и полковнику Мартынову оставить порученные имъ посты и возвратиться къ своимъ командамъ, по чему со всѣхъ постовъ шлюпки сведены, артиллерія и пикеты отпущены; а задержаннымъ въ устьяхъ Невскихъ на судахъ шкиперамъ и хозяевамъ объявленъ свободный проходъ.

Тогоже числа велѣно пропускать во всемъ на прежнемъ основаніи какъ почты и эстафеты, такъ и проѣзжающихъ по дѣлаемымъ изъ указныхъ мѣстъ паспортамъ и подорожнымъ; въ коллегію же иностранныхъ дѣлъ, для скорѣйшаго отправленія курьеровъ, давать отъ Ямской канцеляріи бланкеты на почтовыхъ и курьерскихъ лошадей.

Находившіеся въ Ораніенбаумѣ Голстинскіе генералы, штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры, до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, перевезены въ Кронштадтъ и отданы въ вѣдомство коменданта, а графъ Петръ Дивіеръ по Высочайшему указу освобожденъ, и велѣно ему и Талызину возвратиться въ Петербургъ.

*

Н. И. Панинъ 8 Іюля предложилъ собранію Сената, что Ея Величество, предавъ забвенію все прошедшее, не престаетъ сокрушаться и проливать слезы съ самаго полученія извѣстія о столь скорой и нечаянной кончинѣ бывшаго Императора; при всемъ томъ она приняла твердое намѣреніе шествовать въ Невскій монастырь къ погребенію усопшаго. Хотя Н. И. Панинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ графомъ Разумовскимъ, представлялъ Ея Величеству, чтобъ она, сохраняя свое здравіе по любви къ Россійскому отечеству и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволила отложить свое намѣреніе, но Ея Величество на то благоволенія изъявить не соизволила.

(*) Ему было безъ трехъ мѣсяцевъ 8 лѣтъ, и онъ могъ въ послѣдствіи хорошо помнить этотъ день. Это было Воскресенье, 30 Іюня.

Выслушавъ предложеніе Н. И. Панина всѣ сенаторы пошли тотчасъ во внутренніе Ея Величества покои и, представъ Монаршему ея лицу, просили убѣдительно Ея Величество отложить шествіе въ Невскій монастырь къ тѣлу бывшаго Императора. Долго Императрица не изъявляла на то согласія. Напослѣдокъ, видя неотступное прошеніе всего Сената, отмѣнила намѣреніе свое, къ удовольствію всѣхъ ея вѣрныхъ подданныхъ. Сенатъ, принявъ сіе за особливый знакъ матерняго ея милосердія, по отданіи своей благодарности, возвратился въ собраніе. О семъ опредѣлено записать въ журналъ и объявить Святѣйшему Синоду, что погребеніе, вслѣдствіе упомянутаго обстоятельства, отправляемо будетъ безъ Высочайшаго Ея Величества присутствія.

Въ теченіе сего времени присутствовали въ Сенатѣ: Князь Ю. Трубецкой, графъ Александръ Шуваловъ, Никита Панинъ, Петръ Сумароковъ, Иванъ Неплюевъ, князь Алексѣй Голицынъ, князь Иванъ Одоевскій, графъ Петръ Шереметевъ, графъ Мартынъ Скавронскій, Николай Корфъ, Ѳедоръ Ушаковъ, Алексѣй Жеребцовъ, Иванъ Костюринъ и Иванъ Брылкинъ.

(Изъ дѣла, хранящагося въ Сенатскомъ Архивѣ, о вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины.)

Указъ Сенату, данный 29 Іюня 1762 года въ Петергофѣ.

Господа Сенаторы!

Вы сами свидѣтели, какимъ образомъ, при самомъ начатіи нашего предпріятія, Божіе благословеніе предъ нами и всѣмъ отечествомъ нашимъ изліялось, а чрезъ сіе я вамъ объявляю, что оная рука Божія почти и конецъ всему дѣлу благословенный оказываетъ. Наше намѣреніе и матернее милосердіе о человѣческомъ родѣ, а паче о вѣрноподданныхъ, скипетру нашему принадлежащихъ, къ тому только и склонялося, дабы, при таковомъ важномъ предпріятіи, дойти до благаго конца безъ всякаго кровопролитія. И сіе теперь самымъ дѣломъ уже совершилося. Мы маршировали отъ Петербурга до половины пути въ неизвѣстности, что̀ дѣлается въ Ораніенбаумѣ, и на половинѣ дороги получили подлинное извѣстіе, что бывшій Императоръ со всѣмъ находившимся при немъ дворомъ, оставя свои мнимыя Голстинскія войски, ретировался на яхтахъ и галерѣ въ Кронштадтъ, куда мужескъ и женскъ полъ онаго своего двора

всѣхъ насильно безъ остатка съ собою взялъ. Но сіе его предпріятіе поздно уже имъ затѣяно было; ибо когда онъ, подъѣхавъ къ гавани Кронштатской, вступилъ на шлюбку и сигналъ далъ съ другихъ обоихъ судовъ прочимъ выступать, дабы удобнѣе войти на берегъ, то входъ ему уже скоропоспѣшнымъ нашего адмирала Талызина предварительнымъ учрежденіемъ воспрепятствованъ былъ, такъ что, когда онъ изъ шлюпки велѣлъ подать голосъ на берегъ, что онъ самъ пріѣхалъ и чтобъ въ городѣ вспомоществовали своего Государя, тогда имъ въ трубу отвѣтствовано было, что инаго въ Кронштатѣ Государя не знаютъ, кромѣ нашего Императорскаго Величества, яко своей истинной Государыни. И такимъ образомъ, по многомъ переговорѣ, послѣднее ему объявлено было, чтобъ немедленно ретировался или въ противномъ случаѣ пушками препровожденъ будетъ. Сіе отъ Кронштадта, а другое увѣдомленіе о нашемъ къ нему приближеніи столь много отвагу его поразило, что убѣжище онъ немедленно возъимѣлъ къ раскаянію, почему и прислалъ къ намъ два письма, первое чрезъ вице-канцлера князя Голицына на французскомъ языкѣ, въ коемъ просилъ помилованія, а другое чрезъ генералъ-маіора Михаила Львовича Измайлова своеручное же, писанныя карандашемъ, что была бъ только жизнь его спасена, а онъ ничего столько не желаетъ, какъ совершенно на вѣкъ свой отказаться отъ скипетра Россійскаго и намъ оный со всякимъ усердіемъ и радостію оставить готовъ торжественнымъ во весь свѣтъ признаніемъ. Мы, принявъ таковыя его къ намъ смиренныя прошенія, послали ему отъ насъ самихъ своеручную же записку, которою дали ему знать, чтобъ онъ вышепомянутое удостовѣреніе далъ намъ письменно и своеручное, но такъ добровольно и непринужденно, что мы паче отъ его собственнаго поводу того ожидать будемъ, не употребляя никакихъ дѣломъ самымъ страховъ, съ чѣмъ мы къ нему того же генералъ-маіора Михаила Львовича Измайлова и отправили, ожидая его теперь отвѣта; впрочемъ весь его дворъ уже къ намъ явился принести намъ въ вѣрности присягу, такъ какъ и гренадерскія роты въ Петергофѣ и кто случился, всѣ присягали. Что̀ будетъ впредъ, о томъ васъ увѣдомимъ, а бывшихъ при немъ ближнихъ для предосторожности, подъ карауломъ, указали задержать. Сей моментъ бывшій Императоръ къ намъ въ Петергофъ и удостовѣреніе своеручное, котораго и копію прилагаемъ (*), намъ подалъ, а оригинальное мы сами Сенату отдадимъ. Екатерина.

Петергофъ, 1762 г. Іюня 29.

(*) Это отреченіе вошло въ нижеслѣдующій манифестъ.

МАНИФЕСТЫ ПО ПОВОДУ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

I.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Всѣмъ прямымъ сынамъ Отечества Россійскаго явно оказалось, какая опасность всему Россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ. А имянно, Законъ Нашъ православной Греческой перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданей церьковныхъ, такъ, что церковь Наша Греческая крайнѣ уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе; а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего Нашего Отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради убѣждены будучи всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ Бога и Его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступили на Престолъ Нашъ Всероссійской самодержавной, въ чемъ и всѣ Наши вѣрноподданные присягу Намъ торжественную учинили.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою. Іюня 28 дня 1762 года, тако: Екатерина.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюня 28. А въ Москвѣ при Сенатской Конторѣ Іюля 3 чиселъ, 1762 года.

II. (1)

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ чрезъ сіе объявляемъ:

Вступленіе Наше на Всероссійскій Императорскій престолъ явнымъ есть доказательствомъ истины сей, что гдѣ

---

(1) Этотъ манифестъ не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ. Здѣсь онъ перепечатывается съ точностью съ современнаго печатнаго подлинника, который былъ изданъ въ двухъ видахъ, буквами церковными и такъ называемыми гражданскими. Въ сборникѣ указовъ Екатерины, изд. въ Спб. 1764 года, манифестъ этотъ озаглавленъ такъ: „Обстоятельный манифестъ о восшествіи Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ.“ *П. Б.*

сердца нелицемѣрныя дѣйствуютъ во благое, тутъ рука Божія предводительствуетъ. Не имѣли Мы никогда ни намѣренія, ни желанія такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ по невѣдомымъ Его судьбамъ промысломъ своимъ Намъ опредѣлилъ престолъ отечества Россійскаго воспріять.

Съ самыхъ дней кончины въ Бозѣ почивающей Нашей всепресвѣтлѣйшей и вселюбезнѣйшей Тетки, Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, всѣ прямо усыновленные своему отечеству, а Наши теперь вѣрноподданные, оскорблены бывши лишеніемъ своей Матери, утѣшенія въ томъ себѣ ожидали, чтобъ по меншой мѣрѣ въ знакъ благодарности къ Ней, повиноваться племяннику Ея, къ наслѣдству Еюже опредѣленному. И хотя скоро всѣ они обозрѣли въ немъ малость духа къ правленію столь великой Имперіи, однакожъ уповали на его собственное въ томъ признаніе, а искали между тѣмъ Нашего Матерняго въ правительствѣ Имперіи вспоможенія. Но самовластіе, необузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами въ Государѣ владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною. Чего ради вскорѣ по вступленіи на Всероссійскій престолъ бывшаго сего Императора, отечество Наше вострепетало, видя надъ собою Государя и властителя, который всѣмъ своимъ страстямъ прежде повиновеніе рабское учинилъ и съ такими качествами воцарился, нежели о благѣ ввѣреннаго себѣ государства помышлять началъ.

Хотя бывши онъ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ Россійскаго престола многія оказывалъ ко Всепресвѣтлѣйшей Теткѣ и Монархинѣ своей озлобленія и ко многимъ Ея печалямъ и оскорбленіямъ (что всему Нашему двору извѣстно было) подавалъ причины: однакожъ скрывалъ онъ то на наружности своей, обузданъ еще будучи при Ней нѣкоторымъ страхомъ, и почиталъ любовь Ея къ нему по крови крайнимъ себѣ утѣсненіемъ и порабощеніемъ. Со всѣмъ тѣмъ и тогда опыты къ Ней оказывалъ явные всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ дерзновенной своей неблагодарности, то презрѣніемъ къ Ея Особѣ, то ненавистію къ отечеству, а наконецъ и вовсе предпочиталъ угожденіе страстямъ своимъ доброму и приличному порядку столь великой Короны Наслѣдника. Словомъ сказать: не видно уже и тогда въ немъ было малыхъ знаковъ посредственнаго любочестія. Что же изъ того открылося? Не успѣлъ онъ только удостовѣриться о приближеніи кончины Тетки своей и Благодѣтельницы, потребилъ Ея память въ сердцѣ своемъ, прежде нежели Она еще духъ свой послѣдній испустила: такъ что на тѣло Ея усопшее въ Бозѣ, или вовсе

не глядѣлъ, или когда церемоніею достодолжною къ тому былъ приведенъ, радостными глазами на гробъ Ея взиралъ, отзываяся при томъ неблагодарными къ тѣлу Ея словами; и ежели бы не Наше къ крови Ея присвоенное сродство и истинное къ Ней усердіе, такъ какъ и Ея къ Намъ чрезвычайная любовь, долгъ на Насъ налагала, то бы и достодолжнаго такой великой и великодушной Монархини погребенія тѣлу Ея не отправлено было: ибо онъ возмечталъ о своей власти Монаршей, яко бы оная не отъ Бога уставлена была, и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ своихъ, но случайно къ нему въ руки впала для собственнаго его угожденія, и для того далъ самовластію своему соединиться съ самовольнымъ стремленіемъ на всѣ такія установленія въ государствѣ, какія только малость духа его опредѣлить могла къ оскорбленію народа, а имянно. Не имѣвъ, какъ видно, онъ въ сердцѣ своемъ слѣдовъ Вѣры Православной Греческой (хотя въ томъ довольно и наставляемъ былъ) коснулся перво всего древнее Православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною Церковь Божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе, или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули о томъ ему напомянуть съ подобострастіемъ въ осторожность, то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду неподлежащаго властителя произойти бы могли. Потомъ началъ помышлять о раззореніи и самихъ церквей, и уже нѣкоторыя и повелѣлъ было раззорить самымъ дѣломъ; а тѣмъ, которые по теплотѣ и молитвѣ къ Богу за слабымъ иногда здоровьемъ не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе законъ предписалъ, никогда церкви Божіей въ домѣхъ не имѣть. И симъ образомъ православными владычествовать восхотѣлъ, перво всего начавъ истреблять страхъ Божій, писаніемъ святымъ опредѣленный началомъ премудрости.

По таковому къ Богу неусердію и презрѣнію закона Его, презрѣлъ онъ и законы естественные и гражданскіе: ибо имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго Намъ Сына, Великаго Князя Павла Петровича, при самомъ вступленіи на Всероссійскій Престолъ, не восхотѣлъ объявить Его Наслѣдникомъ Престола, оставляя самовольству своему предметъ, который онъ въ погубленіе Намъ и Сыну Нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, а вознамѣрился или вовсе право ему преданное отъ Тетки своей испровернуть, или Отечество въ чужія руки отдать, забывъ правило естественное, что никто бо́льшаго права другому дать не можетъ, какъ то, которое самъ получилъ. И хотя Мы съ оскорбленіемъ сердца

то въ намѣреніи его примѣчали, но еще не чаяли, чтобъ такъ далеко гоненіе его къ Намъ и Сыну нашему Любезнѣйшему въ мысляхъ его простиралося. Поняли однакожъ всѣ добросовѣстные и Наши теперь вѣрноподданные, что его устремленіе вовсе оказываться начало дѣломъ самимъ на погибель Нашу собственную и Наслѣдника Нашего истребленіе, и тѣмъ возмутилося сердце благочестивое и благородное всѣхъ тѣхъ, кто истинный рачитель общаго благополучія Отечества своего; почему и напоминали Намъ тайно и многократно съ ревностію о спасеніи Нашей жизни, видѣвъ Наше терпѣливое въ гоненіи сердце, дабы тѣмъ Насъ побудить къ принятію бремени правительства.

Между тѣмъ, когда все Отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, онъ паче и паче старался умножить оскорбленіе развращеніемъ всего того, что Великій въ свѣтѣ Монархъ и Отецъ своего Отечества, блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, Нашъ вселюбезнѣйшій Дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему Онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія, а именно: законы въ Государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ, и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы Государственные расточать началъ неполезными, но вредными Государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и Государству Россійскому крайне безполезную, возненавидѣлъ полки Гвардіи, освященнымъ его Предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобьносимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ, и усердно за Вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго Государя войско то было, но чтобъ каждой въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе. Неутомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ Государству учрежденіяхъ, столь чувствительно напослѣдокъ стали отвращать вѣрность Россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ Нашихъ вѣрноподданыхъ обитаетъ къ почитанію Власти предержащей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное, его собственнымъ паденіемъ.

По таковыхъ всѣхъ предъявляемыхъ Нами всему свѣту безпристрастному обстоятельствахъ, трудно Намъ было напослѣдокъ не смутиться духомъ, видя отечество погибающее, и Себя самихъ съ любезнѣйшимъ Нашимъ Сыномъ и природнымъ Нашимъ Наслѣдникомъ престола Россійскаго въ гоненіи и почти крайнемъ отдѣленіи отъ своего дому Императорскаго; такъ что уже и тѣ, которые изъ усерднѣйшихъ къ Намъ или, лучше сказать, изъ отважнѣйшихъ къ незакрытію своего усердія (потому что ни единаго въ народѣ не видѣли Мы, кто бы Намъ добра не желалъ, и кто бы Намъ не приносилъ своего подданства), когда хотѣли благопристойное почтеніе Намъ, яко своей истинной Государынѣ, отдавать, въ опасности живота или по меньшей мѣрѣ счастія своего находилися. А напослѣдокъ стремленіе такъ далеко на пагубу Нашей собственной Персоны возрастать стало, что уже и дѣломъ самымъ оказался отъ него въ народѣ поискъ противу Насъ и Нашего Императорскаго Величества, и неудовольствіе народное, которому самъ онъ, бывшій Императоръ, былъ единственно причиною, Намъ приписывалося отъ него; отъ чего наипаче помыслы его открылися и до Насъ дошли, вовсе Насъ истребить и живота лишить. Въ чемъ Мы предостережены будучи скоропостижно отъ нѣкоторыхъ вѣрнѣйшихъ Намъ подданныхъ, и животъ свой или на избавленіе отечества или на всеконечное погубленіе опредѣлившихъ, Божіимъ подкрѣпленіемъ на такой страхъ поступили, каковаго только отъ Нашего великодушія отечество Наше за любовь его къ намъ требовать могло. И для того призвавъ Бога въ помощь, а правосудіе Его божественное Себѣ въ оборону, отдали Себя или на жертву за любезное отечество, которое отъ Насъ то себѣ заслужило, или на избавленіе его отъ мятежа и крайняго кровопролитія. По чему вооружася силою руки Господней, не успѣли Мы только согласіе свое объявить присланнымъ къ Намъ отъ народа избраннымъ вѣрноподданнымъ, тотъ часъ увидѣли желаніе всеобщее къ вѣрноподданству, которое Намъ всѣ чины духовные, военные и гражданскіе всеохотнѣйшею присягою утвердили.

Оставалося Намъ еще по Нашему природному милосердію къ роду человѣческому, а паче къ Нашимъ вѣрноподданнымъ, предупредить тѣ слѣдствія, на которыя бы безразсудно сей бывшій Государь, положа надежду на мнимыя свои Голстинскія войски въ Ораніенбаумѣ (гдѣ онъ тогда по любви къ нимъ, оставя нужное государства правленіе, въ праздности находился), покуситься иногда могъ, и тѣмъ возбудить противу себя кровопролитіе, на которое за Вѣру, за Отечество и за Насъ и Наслѣдника Нашего вѣрные Намъ Гвардіи Нашей и прочіе полки животъ свой охотно

несли. Чего ради Мы за долгъ Намъ отъ Бога врученный къ подданнымъ приняли все то предварить добрымъ и полезнымъ на тотъ часъ учрежденіемъ, и взявъ къ Себѣ въ собственное Наше предводительство всѣ Гвардіи полки, артиллерійскій корпусъ, и на тотъ часъ случившіеся при резиденціи армейскіе, пошли его упредить въ намѣреніяхъ его, о которыхъ Намъ было уже заподлинно извѣстно.

Но не успѣли только Мы выступить изъ города, какъ онъ два письма одно за другимъ къ Намъ прислалъ: первое чрезъ Вице-Канцлера Нашего Князя Голицына, въ которомъ просилъ, чтобъ Мы его отпустили въ отечество его Голстинію, а другое чрезъ Генерала Маіора Михайла Измайлова, въ которомъ самъ добровольно вызвался, что онъ отъ короны отрицается и царствовать въ Россіи болѣе не желаетъ, гдѣ при томъ упрашиваетъ Насъ, чтобъ Мы его отпустили съ Лизаветою Воронцовою да съ Гудовичемъ также въ Голстинію. И какъ то, такъ и другое письмо, наполненныя ласкательствами, присланы были нѣсколько часовъ послѣ того, что онъ повелѣніе давалъ дѣйствительно Насъ убить, о чемъ Намъ тѣ самые заподлинно донесли, съ истиннымъ удостовѣреніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота Нашего препоручено было дѣломъ самимъ исполнить.

По таковымъ добровольнымъ его къ Намъ отзывамъ своеручнымъ, видя, что онъ еще способъ имѣетъ съ Голстинскими полками и нѣкоторыми малыми полевыми при немъ случившимися командами вооружиться противу Насъ, и Насъ понудить ко многому неполезному для отечества Нашего снисхожденію, имѣя въ рукахъ своихъ многихъ знатныхъ двора Нашего мужеска и женска пола людей (къ погубленію которыхъ Наше бы человѣколюбіе никакъ Насъ не допустило, и скорѣе бы убѣдило попустить можетъ быть прешедшее зло отчасти возстановить нѣкоторымъ съ нимъ примиреніемъ для избавленія въ рукахъ его находящихся персонъ) которыхъ онъ умышленно, увѣдомившися о возмущеніи предпріятомъ противу его для освобожденія отечества, въ залогъ къ себѣ захватилъ въ домъ Ораніенбаумскій; всѣ тогда при Насъ находящіеся знатные вѣрноподданные понудили Насъ послать къ нему записку съ тѣмъ, чтобъ онъ добровольное, а не принужденное отрицаніе письменное и своеручное отъ престола Россійскаго въ формѣ надлежащей, для спокойствія всеобщаго, къ Намъ прислалъ, ежели онъ на то согласенъ; которую записку Мы съ тѣмже Генераломъ Маіоромъ Измайловымъ къ нему и отослали. Въ слѣдствіе чего онъ въ отвѣтъ къ Намъ слѣдующее своеручное написалъ письмо:

Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ Государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тя-

гость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства, владѣть Россійскимъ государствомъ. Почему и возчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради помысливъ я самъ въ себѣ, безпристрастно и непринужденно, чрезъ сіе же являю не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюсь, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ какимъ либо образомъ правительства во всю жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или чрезъ какую либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно, все сіе отрицаніе написавъ и подписавъ моею собственною рукою. Іюня 29. 1762. Петръ.

Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ Самодержавный Нашего любезнаго отечества приняли Мы на Себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное Наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ Намъ помогали. Въ заключеніи же сего неисповѣдимаго промысла Божія Мы всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и ночно, да поможетъ Намъ поднять Скипетръ въ соблюденіе Нашего православнаго Закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ Насъ на вся благая. А какъ Наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь Мы хотимъ быть достойны любви Нашего народа, для котораго признаваемъ Себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ словомъ, узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго Нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость Имперіи и Нашей Самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія. Напротиву того не сумнѣваемся, что всѣ Наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и Мы пребудемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны Нашею высочай-

шею Императорскою милостію. Данъ въ Санктпетербургѣ Іюля 6 дня, 1762 года (²).

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ; а въ Московской типографіи Іюля 13 дня, 1762 года.

III.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, духовнымъ, военымъ и гражданскимъ.

Публикованнымъ отъ 28 числа прошедшаго Іюня, Нашимъ краткимъ манифестомъ объявлено: какія вины были, которыхъ ради вступили Мы на Императорскій Нашъ Всероссійскій Престолъ; весь свѣтъ и изъ того уже ясно усмотрѣть могъ, что ревность къ благочестію, любовь къ Нашему Россійскому Отечеству, а притомъ усердное всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ желаніе видѣть Насъ на ономъ Престолѣ и чрезъ Насъ получить избавленіе отъ приключившихся, а большихъ еще слѣдовавшихъ Россійскому Отечеству опасностей понудили Насъ къ тому, и Мы Сами не могли не имѣть на совѣсти Нашей праведнаго страха, что естьли бы заблаговременно не исполнили того, чего отъ Насъ самая должность въ разсужденіи Бога и Его Церькви и вѣры Святой требовала, то бы предъ страшнымъ Его судомъ отвѣчать за сіе принуждены были; для чего Онъ Всевышній Богъ, который владѣетъ Царствомъ и кому хочетъ дастъ Его, видя праведное и благочестивое оное Наше намѣреніе самымъ дѣломъ, такъ оное благословилъ, что Мы вопріяли Самодержавно Нашъ Престолъ, и освободили отъ помянутыхъ опасностей Наше Отечество безъ всякаго кровопролитія, и имѣли удовольствіе видѣть, съ какою любовью, радостью и благодареніемъ оной о Насъ Божій промыселъ всѣ вѣрноподданные Наши приняли, и съ какимъ усердіемъ торжественную Намъ въ вѣрности, о которой Мы и прежде сего совершенно увѣрены были, учинили присягу. Въ слѣдствіе того, дабы Мы предъ Богомъ за всесильную Его дарованную Намъ во ономъ предпріятіи помощь могли оказать, и при семъ случаѣ. Нашу благодарность, что не инако, какъ отъ руки Его приняли Царство, подражая православнымъ прежде Насъ бывшимъ Россійскимъ Монархомъ, яко и Греческимъ Благочестивымъ и самимъ древ-

(²) Манифестъ этотъ, равно какъ и слѣдующій, о коронаціи, написаны тотчасъ послѣ кончины Петра III-го, уже на 9 и 10-й дни Екатерининскаго царствованія. *П. Б.*

нимъ Израильскимъ Царямъ, которые обыкновенно Елеемъ Святымъ на Царство помазываемы были, положили Мы намѣреніе безъ продолженія времени принять оное Священное Елея помазаніе, и возложить на себя корону; что съ помощію Божіею и намѣрены Мы совершить сего 1762 года, въ Царствующемъ Нашемъ градѣ Москвѣ, мѣсяца Сентября; и о томъ во всей Нашей Имперіи публиковать печатными манифестами повелѣли.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюля 7; а въ Москвѣ въ Сенатской Типографіи 13 чиселъ, 1762 года.

IV.

О кончинѣ бывшаго Императора.

Божіею милостію, Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ. Въ седьмый день послѣ принятія Нашего Престола Всероссійскаго, получили Мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ Третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ гемороидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу Нашего Христіанскаго и заповѣди Святой, которою Мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотъ часъ повелѣли отправить къ нему все, что̀ потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили Мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради Мы повелѣли тѣло его привести въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ; а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ Словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прешедшаго, съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе, и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе, принимали за промыслъ его Божественный, который Онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ, Престолу Нашему и всему Отечеству строитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ. Данъ въ Санктпетербургѣ, мѣсяца Іюля 7 дня, 1762 года.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою, тако: Екатерина. Печатанъ при Сенатѣ въ Санктпетербругѣ того жъ 7 числа Іюля, 1762 года.

АНТИДОТЪ

(ПРОТИВОЯДІЕ)

Полемическое сочиненіе

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЛИННИКА.

АНТИДОТЪ

или

РАЗБОРЪ ДУРНОЙ, ВЕЛИКОЛѢПНО НАПЕЧАТАННОЙ КНИГИ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„Путешествіе въ Сибирь по приказанію Короля въ 1761 г., содержащее въ себѣ нравы, обычаи Русскихъ и теперешнее состояніе этой Державы; географическое описаніе и нивелировку дороги отъ Парижа до Тобольска; естественную исторію оной дороги; астрономическія наблюденія и опыты надъ естественнымъ электричествомъ; украшенное географическими картами, планами, съемками мѣстности, гравюрами, представляющими обычаи Русскихъ, ихъ нравы, ихъ одежды, божества Калмыковъ и многіе предметы естественной исторіи, Господина аббата Шаппа д'Отероша, изъ Королевской Академіи наукъ. Въ Парижѣ, у книгопродавца Дебюра-отца, на Августинской набережной у св. Павла. 1768. Съ королевскимъ одобреніемъ и привиллегіею."

Замѣтка о заглавіи.

Вотъ много предметовъ для человѣка, скакавшаго на почтовыхъ отъ Парижа до Тобольска. Но минуемъ это.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Разборъ предисловія.

На V (23) строкѣ(*) страницы II-й предисловія, г. аббатъ, вы уже начинаете обращаться въ бѣгство. Вы говорите: „Я не предпринимаю изложить ея (Россіи) исторію; ограничиваюсь присовокупленіемъ новыхъ свѣдѣній къ тѣмъ, которыя мы уже имѣемъ; привожу факты, могущіе пролить свѣтъ на ея гражданскую, нравственную и политическую исторію".

Обѣщаю вамъ много обличеній, г. аббатъ Шаппъ, и я докажу все то, что́ намѣренъ я сказать о фактахъ, могущихъ пролить свѣтъ, которые вы смѣете приводить съ болтливою неточностію; ибо, надобно въ томъ сознаться, три четверти вашей книги состоятъ лишь изъ злобной болтовни. Всего лучше въ вашей книгѣ рисунки г. Ле-Пренса. Весьма жаль, что въ наше время всѣ плохія сочиненія украшаются столь великолѣпными эстампами.

Ужъ не по невѣдѣнію-ли, г. аббатъ Шаппъ, умалчиваете вы о дневникѣ профессора Гмелина, говоря, на стр. III вашего предисловія, о неточностяхъ карты Россіи, изданной въ 1745 году, и пробѣлы которой вы имѣете притязаніе пополнить? Признайтесь, что вы пользовались дневникомъ этого ученаго; но вы остерегаетесь назвать его. Однако-же легко догадаться, что человѣкъ, скачущій день и ночь на почтовыхъ, черезъ страну, языкъ которой ему неизвѣстенъ, если онъ дѣлаетъ карту этой страны, можетъ сдѣлать ее только, копируя другихъ; ибо никогда не увѣрятъ меня, чтобы карты, сдѣланныя на скаку, были карты вѣрныя. Предоставляю ученымъ судить о точности нивеллировки, произведенной аббатомъ Шаппомъ на скаку отъ Парижа до Тобольска, и желаю, чтобы его наблюденія надъ Венерою принесли болѣе пользы Академіи, были достовѣрнѣе

(*) Римская цыфра обозначаетъ страницы первоначальнаго изданія, а арабская страницы изданія книгопродавца Рея въ Амстердамѣ, 4 тома съ рисунками въ 8-ку.

и не столь противны здравому смыслу, какъ эта мнимая нивеллировка. Присовокуплю только, въ видѣ примѣчанія, что есть много охотниковъ возвеличивать себя малыми дѣлами, и если исключать изъ книгъ весь вздоръ, то весьма многія изъ нихъ пришлось-бы свести на немногія страницы и на нѣсколько эстамповъ.

Но вы, г. аббатъ Шаппъ, вы ученѣе Соломона; этотъ послѣдній зналъ все, отъ кедра до иссопа; да и то находятся люди, въ томъ сомнѣвающіеся; вы-же, вы говорите на XI страницѣ вашего предисловія (строка 13) „на географическихъ картахъ моего пути читатель найдетъ всѣ мѣстонахожденія ископаемыхъ". Замѣтьте „*всѣ* мѣстонахожденія ископаемыхъ", а нѣсколькими строками ниже сказано: „Высоты этихъ мѣстностей опредѣлены въ профилѣ, точно такъ же, какъ высоты рѣкъ, горъ, и главнымъ образомъ различныхъ ископаемыхъ, видѣнныхъ мною". И такъ, онъ даетъ мѣстонахожденія видѣнныхъ имъ на скаку ископаемыхъ, и тѣхъ, которыхъ онъ не видѣлъ: выше сказано, что онъ далъ ихъ всѣ. Достаточно-ли быть академикомъ, чтобы такъ надувать народъ? Но этого недостаточно; пойдемъ дѣлѣе. „Нивеллировка (на скаку), *такъ говоритъ г. аббатъ*, доставила мнѣ ту особую выгоду, что я могъ выразить на картахъ горы оттѣнками, сообразными съ ихъ различными высотами, и тѣмъ приблизиться къ ихъ природѣ, предметъ, на который слишкомъ мало обращаютъ вниманія въ географіи". Орвіетаномъ, что-ли, торгуете вы, г. аббатъ? (*) Вы смѣетесь надъ нами. Какъ, вы не довольствуетесь тѣмъ, что разсказываете, будто даете намъ всѣ ископаемыя, профили рѣкъ и горъ? Вы еще на скаку раскрашиваете ваши карты? Вы придаете горамъ оттѣнки, сообразные съ ихъ вышиною? Вотъ что́ называется показывать товаръ лицомъ. Не касаюсь вашихъ астрономическихъ наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры; вѣрю, что они весьма точны: у васъ глазъ отличный; вы все мигомъ увидите; ничто отъ васъ не ускользаетъ, даже на скаку.

Но вотъ что́ еще лучше: на страницѣ XIV предисловія, г. аббатъ говоритъ по поводу своихъ наблюденій надъ громомъ: „что посредствомъ желѣзнаго бруска, онъ внушилъ уваженіе (въ Сибири) этому боязливому народу, оградилъ свои наблюденія отъ насилій, ежедневно ему угрожавшихъ, такъ какъ первые опыты распространили ужасъ въ этомъ суевѣрномъ народѣ". Г. аббатъ (замѣтьте это) любитъ многозначительные эпитеты; вся его толстая книга ими наполнена. Онъ называетъ боязливымъ цѣлый народъ, потому что нѣсколько лицъ отошли отъ мѣста, куда онъ желѣз-

(*) Орвіетанъ—лекарство, которымъ въ старину промышляли плуты. *П. Б.*

нымъ брускомъ притягивалъ громъ. Бьюсь объ закладъ, что онъ самъ сталъ съ той стороны желѣзнаго бруска, гдѣ было менѣе опасности. Должно-ли заключить отсюда, г. аббатъ, что всѣ Французы, а вы изъ ихъ числа, хотя вы академикъ—трусишки?

Когда вы разрѣшите этотъ вопросъ, я попрошу васъ назвать тотъ народъ, въ которомъ старухи и дураки свободны отъ суевѣрія. Надобно сознаться, что у г. аббата взглядъ не философскій; онъ привязывается лишь къ мелочамъ; ему ненавистенъ Русскій народъ; но онъ не разсматриваетъ человѣка какъ жителя вселенной, вездѣ одинаковаго. По поводу своего поганаго желѣзнаго брусочка, онъ осмѣливается называть боязливымъ народъ, сдѣлавшій болѣе завоеваній, чѣмъ Римская республика. Подите, г. Шаппъ, спросите у Шведовъ, у Пруссаковъ, у Поляковъ, и у побѣдоноснаго Мустафы, лапою котораго хотѣли вытащить каштаны изъ огня, боязливы-ли Русскіе, въ массѣ или въ отдѣльности, и вы кое-что́ узнаете по этому предмету. Въ вашемъ кабинетѣ вы корчите мудреца; вы, конечно, были очень довольны собою, когда вы изливали на бумагу вашъ гнѣвъ и злобу, или злобу другихъ, противъ народа, который осыпалъ васъ предупредительностями и вниманіями; вы осмѣливаетесь называть его боязливымъ, тогда какъ вы умирали отъ страха, и приставали ко всѣмъ начальствамъ, чтобы они давали вамъ конвой, безъ чего совершенно обходятся въ своихъ путешествіяхъ Русскіе, хотя вы и называете ихъ боязливыми. Вы-бы дали многое, чтобы заклеймить презрѣніемъ Русскихъ, но вмѣсто того знайте, что презираютъ только аббатовъ, пишущихъ плохо и неумно, видятъ все на выворотъ, и по бо́льшей части не знаютъ, что́ говорятъ, или выставляютъ намъ на показъ нелѣпости и противорѣчія.

Оставляю здѣсь на минуту г. аббата, въ концѣ своего предисловія говорящаго объ электричествѣ, и укажу на обстоятельство, касающееся этого явленія, и мало извѣстное въ остальной Европѣ. Въ Россіи, во время сильныхъ зимнихъ морозовъ, дѣти часто забавляются тѣмъ, что въ какомъ нибудь темномъ углу трутъ мебели сукномъ или мѣхомъ, и извлекаютъ изъ нихъ искры, и даже яркія блестки. Это столь обыкновенно, что часто эта игра занимаетъ цѣлое семейство. Эту забаву всячески разнообразятъ. Вотъ еще доводъ, опровергающій мнимый страхъ Русскихъ къ молніямъ, столь напрасно предполагаемый г. аббатомъ.

Нѣтъ народа, о которомъ было-бы выдумано столько лжи, нелѣпостей и клеветы, какъ народъ Русскій. Однако-же, если-бы взяли на себя трудъ разсматривать вещи добросовѣстно и безпристрастно и сравнивать ихъ философскимъ

взглядомъ съ тѣмъ, что̀ мы видимъ въ остальномъ человѣческомъ родѣ, то увидѣли-бы, что онъ стоитъ приблизительно въ уровень съ остальными народами Европы, и что лишь предъубѣжденіе и предразсудокъ могутъ ставить его на другую степень. Надѣюсь доказать то, что̀ я утверждаю. Всѣ тѣ, которые писали о Россіи, были иностранцы, которые, по незнанію языка и страны, говорили скорѣе то, что̀ имъ казалось, чѣмъ то, что̀ они дѣйствительно видѣли. Нѣмецкіе писатели, напримѣръ, исполненные предъубѣжденій въ пользу своей страны, искали въ Русскихъ Нѣмцевъ; не находя ихъ, сердились; все было дурно; Русскимъ было непростительно быть Русскими дома. Прочіе писатели поступали точно такъ же; они находили дурнымъ, что Русскіе разнятся отъ прочихъ народовъ; они находили, что они у себя дома смотрятъ для нихъ иностранцами. Легко судить, что Французскіе писатели не отстаютъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи, они, которые любятъ первенствовать, даже въ пустякахъ и находятъ сказать что-либо противъ всего, что̀ не заимствовано у нихъ. Россія заградила путь властолюбію Французовъ; не имѣя возможности побороть ее, они говорятъ о ней какъ можно больше дурнаго, чтобы ей отомстить. Милая нація! Мило-ли это? Не знаю, но знаю очень хорошо, что это въ тонѣ наушника Мустафы. Оставьте, о Французы, оставьте этотъ тонъ, онъ вамъ не удался, и вернитесь къ тому, который присталъ вамъ; но знайте, что, каковъ бы онъ ни былъ, онъ всегда будетъ поверхностенъ.

Но пойдемъ далѣе. Послѣ предисловія, я нахожу перечень главъ, противъ котораго не имѣю сказать ничего, ибо каждый воленъ располагать свои мысли, какъ ему угодно; а когда онѣ спутаны, то путается и все остальное. За этимъ оглавленіемъ, распредѣленнымъ на шесть частей, какъ заблагоразсудилось милому аббату, слѣдуетъ извлеченіе изъ протоколовъ Королевской Академіи Наукъ отъ 31 Августа 1768 г. Вотъ оно, отъ слова до слова:

„Гг. Жюссіё, Даламберъ и Безу, назначенные для того, чтобы разсмотрѣть отчетъ, который намѣревается издать г. аббатъ Шаппъ о путешествіи произведенномъ имъ въ Сибирь по случаю послѣдняго прохожденія Венеры по солнечному кругу, и исторію Камчатки, сдѣлали объ этомъ донесеніе, и Академія сочла это сочиненіе достойнымъ напечатанія, въ удостовѣреніе чего я подписалъ настоящее свидѣтельство въ Парижѣ, 31 Августа 1768 года. Гранъ-Жанъ де Фуши, постоянный секретарь Королевской Академіи Наукъ“.

Хочется спросить, прочитавши это извлеченіе изъ протоколовъ Академіи, не походятъ-ли разборы академиковъ на консультаціи медиковъ въ комедіяхъ Мольера? Какъ!

Этотъ наборъ нелѣпостей, противорѣчій, клеветы, плоскостей, безсмыслицъ, злобныхъ выходокъ, посовѣтовалъ напечатать знаменитый Даламберъ! Первый геометръ Европы, высокій геній, другъ истины, философъ, украшеніе своего времени, разсматриваетъ и одобряетъ,—что? Сочиненіе, наименѣе философское, на изданіе котораго рѣшились потратить столько времени, написанное съ такимъ нахальствомъ и съ столь малымъ уваженіемъ къ истинѣ, сочиненіе, единственная цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы навлечь презрѣніе и насмѣшки на цѣлый народъ! Славный философъ, позволительно-ли такимъ образомъ прикрывать вашимъ именемъ аббата, лишеннаго здраваго смысла, для того, чтобы онъ могъ шарлатанить безнаказанно? Или ваше вниманіе было привлечено одними астрономическими выкладками? Или только въ выкладкахъ требуется точность? Или цѣлый народъ, унижаемый, оскорбляемый, осыпаемый бранью на каждой страницѣ разобранной и одобренной къ напечатанію вами книги, не заслуживалъ съ вашей стороны никакого вниманія? Но этимъ вниманіемъ, если не къ этому народу, вы обязаны къ истинѣ! Или васъ обманули? Или вы не замѣтили по крайней мѣрѣ, что аббатъ скакалъ на почтовыхъ, нивеллируя, исправляя карту Россіи, раздавая оплеухи и пинки своимъ проводникамъ, опредѣляя и измѣняя мѣстонахожденія ископаемыхъ, раскрашивая горы и т. д.? Но какъ исчислить все то, что милый аббатъ успѣлъ надѣлать на скаку! О! этотъ аббатъ человѣкъ единственный.

Послѣ извлеченія изъ протоколовъ Академіи слѣдуетъ королевская привилегія. Прочитавши этотъ документъ, Французы, смѣйтесь поменѣе, если въ васъ есть смыслъ, надъ старинными обычаями другихъ народовъ; вы легко усматриваете спицу въ глазу ближняго, но въ собственномъ не видите бревна: почему? Потому, что вы къ нему привыкли. Только зѣваки удивляются слогу, обычаямъ и пріемамъ иностранцевъ.

Слава Богу! Вотъ мы и добрались до самой сущности книги.

ОТЧЕТЪ О ПУТЕШЕСТВІИ, СОВЕРШЕННОМЪ ВЪ СИБИРЬ ПО СЛУЧАЮ ПРОХОЖДЕНІЯ ВЕНЕРЫ МИМО СОЛНЦА.

РАЗБОРЪ.

Оставляю въ сторонѣ вопросъ, настояла ли надобность разсказывать, какъ вы было рѣшились ѣхать моремъ, и какъ потомъ вы предпочли ѣхать сухимъ путемъ; и какъ вы рады тому, что приняли это послѣднее рѣшеніе, ибо корабль, на которомъ собирались вы ѣхать, претерпѣлъ кру-

шеніе. Но должно объявить вамъ, что для истины и для публики весьма прискорбно, что вы не пошли ко дну вмѣстѣ съ этимъ кораблемъ. Пропускаю Эльзасскія грязи и Дунайскіе туманы, по вашимъ словамъ, дѣлающіе плаваніе по этой рѣкѣ весьма опаснымъ, хотя оба берега весьма извѣстны, такъ же какъ и отмели, и т. д.

Но о чемъ думаете вы, г. аббатъ, когда, поговоривши объ этихъ туманахъ, вы разсказываете намъ, что такъ какъ нѣтъ карты этой части Дуная, вы принялись снимать ея планъ съ величайшею подробностію? И тотчасъ за тѣмъ вы присовокупляете, „что рѣка была въ разливѣ". Противорѣчіе, г. аббатъ, противорѣчіе: или не было ни тумановъ, ни разлива, или вы вовсе не дѣлали этихъ картъ, или сдѣлали очень плохія, или наконецъ срисовали чужія, и подпишете подъ нихъ ваше имя. Потомъ вы продолжаете въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Нужно было разсмотрѣть пролеты (*мостовъ*) издалека, чтобы выбрать тотъ, въ которомъ теченіе наименѣе быстро." А туманы, г. аббатъ, не мѣшали вамъ видѣть издалека? Вы ежеминутно забываетесь, или вы разукрашиваете все то, что̀ вы разсказываете, чтобы порисоваться. Вѣроятно для того, чтобы увеличить объемъ книги, г. аббатъ разсказываетъ на стр. IV (5) съ оригинальною и достойною его наивностію, какъ онъ имѣлъ опрометчивость принять еврейскую надгробную надпись Жида за предметъ, достойный перевозки въ Парижъ, и что послѣ долгихъ усилій, чтобы вырыть ее изъ земли, мѣстные крестьяне сказали ему, что̀ это такое: онъ бросилъ камень, и съ аппетитомъ поужиналъ. Поздравляю васъ, г. аббатъ, съ этою чертою, совершенно достойною того, чтобы украсить знаменитое путешествіе моремъ и сушью изъ Парижа въ Сенъ-Клу, и поздравляю также Академію съ тѣмъ, что она одобрила вашу книгу, въ особенности же съ тѣмъ, что, какъ я вижу, между ея членами больше людей любопытныхъ (но впрочемъ не лишенныхъ аппетита) чѣмъ ученыхъ.

Ваше самолюбіе чрезмѣрно, г. аббатъ, вы считаете прелестнымъ все то, что̀ проходитъ черезъ ваши руки; и вотъ почему вы пропечатываете всѣ глупости, которыя вы дѣлаете. Этого аббата все удивляетъ: то это жидовское надгробіе, то на стр. V (6) эта дѣвица лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, сѣвшая на барку, чему, по его словамъ, онъ весьма удивился, и о которой онъ (ex tempore) сочиняетъ маленькій романъ, какъ подобаетъ путешественнику. Увы! это не послѣдній, ибо аббатъ ихъ любитъ: дѣвица и надгробный камень — цвѣточки, разбрасываемые имъ тамъ и сямъ, заимствованные имъ изъ страны пошлости: берегитесь, читатель, аббатъ часто заѣзжаетъ въ нее. Канунъ

Рождества лишилъ его чемодана, и по этому поводу онъ разсказываетъ намъ утрату своихъ рубашекъ: анекдотъ важный, живо заинтересовывающій читателя и много обѣщающій для остальныхъ главъ сочиненія. Другой анекдотъ: деревянный мостъ въ Линцѣ имѣетъ длины ровно триста пятьдесятъ шаговъ. Не забывайте этого, читатель, это очень нужно: аббатъ вамъ скажетъ, для чего; я-же объ этомъ ничего не знаю. Затѣмъ отъ снова погружается въ Дунайскіе туманы, и немедленно прибываетъ въ Вѣну 31 Декабря 1760 года. Тутъ онъ знакомится съ Ихъ Императорскими Величествами, и по тому способу, которымъ онъ объ этомъ разсказываетъ, побожишься, что они всячески старались его увидѣть, а не онъ просилъ о представленіи имъ. Этотъ важный видъ, принимаемый имъ, прелестенъ. Онъ, прости Господи, считаетъ себя знаменитостію. Назадъ въ вашу скорлупку, г. аббатъ, назадъ въ вашу скорлупку; ваше имя извѣстно лишь по глупостямъ, которыя вы осмѣливаетесь говорить и которыя не доставятъ вамъ знаменитости.

Такъ какъ аббатъ знатокъ во всемъ, то онъ даетъ намъ краткое описаніе Вѣнскаго арсенала. Прекрасная вещь быть ученымъ! Его вещи не подверглись строгому изслѣдованію Вѣнской таможни. Не радуетесь-ли вы этому вмѣстѣ со мною, другъ-читатель? Во всѣхъ странахъ, Французы не охотники до таможни и до ея строгостей: они называютъ ихъ неучтивостями и, ради этого ихъ качества, съ удовольствіемъ обходятся безъ нихъ.

За тѣмъ слѣдуетъ отступленіе о барометрѣ, которое я оставлю въ сторонѣ; далѣе вы найдете разсужденіе объ электричествѣ, излѣчивающемъ ревматизмы въ Вѣнѣ лучше, чѣмъ въ Парижѣ. Знаю тому причину, но не скажу. О, мы скромны, очень скромны и, не говоримъ даже того, что̀ всѣ знаютъ

Онъ оставляетъ Вѣну, и съ быстротою молніи проѣзжаетъ Никольсбургъ; не смотря на это, описаніе города, замка и фонтана; потомъ, въ Брюннѣ, новое описаніе: странная вещь, крѣпость стоитъ на холму! Бѣда съ аббатомъ: дурная дорога, экипажъ ломается, колеса разбиваются, барометръ гибнетъ, паденіе въ канаву. Ночью не спятъ, гибнетъ второй барометръ, экипажъ разгружаютъ „какъ, присовокупляетъ онъ, мы это дѣлали при всякомъ приключеніи.“ Посмотрите, пожалуйста, какъ онъ ни отъ чего насъ не избавляетъ; все что̀ до него касается, должно быть доведено до нашего свѣдѣнія. О! это очень нужно, и еще болѣе назидательно, чѣмъ интересно. Далѣе. Онъ не можетъ путешествовать ночью безъ факеловъ, боясь не доѣхать до Тобольска. Рѣка Біанавода (бьюсь объ закладъ, что она по

славянски называется Бѣлавода) имѣетъ тридцать туазовъ ширины; онъ проѣзжаетъ ее въ бродъ, пріѣзжаетъ въ Нейтишейнъ и выѣзжаетъ изъ него. Направо отъ него Карпатскія горы, въ милѣ или въ полутора миляхъ; обѣдаетъ онъ въ Фридекѣ. Описаніе юпокъ Фридекскихъ дѣвокъ, похожихъ на всѣ юпки въ мірѣ. Аббатъ-академикъ измѣряетъ ихъ и, сдѣлавъ вычисленіе, находитъ ихъ коротковатыми; ему не нравятся ихъ покрывала, и онъ очень изумляется ихъ чулкамъ, кои описаны имъ весьма точно; и затѣмъ онъ философски рѣшаетъ, что ихъ одѣяніе столь-же смѣшно, какъ ихъ наружность. Но, г. аббатъ, что́ такое смѣшное одѣяніе? Ужъ не такое-ли, какого не носятъ въ Парижѣ? Могли-бы найтись люди достаточно-безвкусные, чтобы возразить вамъ, что нѣтъ одежды смѣшнѣе французской, которой имѣютъ безуміе подражать въ Европѣ; кромѣ того она узка, нездорова, слишкомъ холодна для зимы, слишкомъ тепла для лѣта. Спросите вашихъ собственныхъ живописцевъ и ваятелей, посмѣютъ-ли они обезобразить свои произведенія вашимъ нелѣпымъ костюмомъ? Если они умны, они конечно отъ этого воздержатся. Одѣяніе женщинъ во Франціи по моему еще безобразнѣе. Онѣ горбятъ себѣ плечи, давятъ себѣ грудь. А ихъ головы, что̀ онѣ дѣлаютъ съ ними! Или это безконечная куча волосъ, отъ которой лицо кажется малѣйшею частицею головы; или же онѣ запрятываютъ эту голову въ какую-то корзинку, называемую grand bonnet. А румяны, а бѣлила, а помады и краски, охотникъ вы до нихъ, г. аббатъ?

Не веселая задача — слѣдить за этимъ аббатомъ! Но будемъ продолжать, пока можемъ. 12-го Января ему холодно, 13-го и 14-го еще холоднѣе; онъ пріѣзжаетъ въ Бѣлицы, затѣмъ въ Заторъ; тутъ чинятъ его экипажи. Онъ проѣзжаетъ Краковъ, вотъ онъ и въ Варшавѣ, гдѣ, за неимѣніемъ гостинницы, онъ рискуетъ ночевать на улицѣ. Онъ хвалитъ Французскаго посла, короля Польскаго и его сына принца Карла. Женщины этой страны ему не нравятся, онъ разсматриваетъ ихъ одѣянія. Аббатъ очень любитъ туалетъ, онъ не упускаетъ случая о немъ распространяться (*). Посмотрите-ка, какъ аббатъ ученъ! Онъ присовокупляетъ, что любовь почти неизвѣстна въ этой странѣ, что добродѣтель въ ней есть суевѣріе, что она болѣе зависитъ отъ климата и отъ религіи, чѣмъ отъ нравовъ. Поймите, если можете, что̀ говоритъ аббатъ, и вѣрьте ему! Затѣмъ онъ говоритъ о масляницѣ, о скукѣ этикета и церемоній; описаніе маскарада, танцевъ, музыки, правитель-

(*) Про него кто-то сказалъ, что онъ дѣйствовалъ исправно за столомъ, такъ и сякъ съ дамами, и что онъ былъ хорошій счетчикъ.

ства, дворянства, крестьянъ, скота, земледѣлія. Все это занимаетъ полторы страницы. Слѣдуютъ пенька и стирка, канчуки, многочисленность прислуги, похлебки этой послѣдней, налоги, ложь аббата на счетъ наказанія тѣхъ, которые воруютъ медъ. Аббатъ, зѣваю, силъ нѣтъ! Онъ выѣзжаетъ изъ Варшавы, и по поводу этого отъѣзда разсказываетъ убіеніе цѣлаго семейства ямщиками, на что онъ употребляетъ почти столько-же бумаги, сколько на описаніе всей Польши; но тому есть причина: такъ какъ убійцы были Русскіе, то этотъ ненавистный фактъ слѣдовало выставить поярче. Но, аббатъ, какой народъ не производитъ изверговъ? Проходитъ-ли въ Парижѣ одна ночь безъ убійства? Вѣшаютъ-же у васъ ежедневно!

Онъ говоритъ, что въ Польшѣ мало извѣстны подобныя преступленія. Поѣздите-ка по ней, г. аббатъ, и вы увидите, какъ васъ отдѣлаютъ такъ называемые конфедераты. Неудачно выбрали вы время, чтобы увѣрять насъ, что въ этой странѣ нѣтъ разбойниковъ. По этому поводу, онъ находитъ дурнымъ, что Россія вытребовываетъ своихъ подданныхъ, и присовокупляетъ, что иностранцы тому удивляются. Я полагаю, что кромѣ аббата и людей столь-же зложелательныхъ какъ онъ, едва-ли кто-либо удивится тому, что Россія не допускаетъ надъ своими подданными иной юрисдикціи, какъ свою. Описаніе Бѣлостока, аббатъ продолжаетъ путь, скачетъ на почтовыхъ, и видитъ все: крѣпость, спускной мостъ, пригорки, граниты разныхъ величинъ и цвѣтовъ, камешки, травки, песчинку; ничто отъ него не ускользаетъ, и когда ему недостаетъ матеріялу, онъ изобрѣтаетъ сказочку. Какой трудъ слѣдить за нимъ по лужамъ, по льдамъ и снѣгамъ, тащиться съ горы на гору на неподкованныхъ лошадяхъ!

Весьма точное описаніе жидовскаго жилища и лохмотьевъ, находившихся въ хижинѣ. Неправда, г. аббатъ, чтобы крестьяне въ Литвѣ терпѣли зимою недостатокъ въ хлѣбѣ. Разсужденіе о кислой капустѣ. Онъ почуетъ на соломѣ, утомляется, не можетъ достать лошадей, находитъ ихъ, проѣзжаетъ деревню и прибываетъ въ Ковно, оттуда въ Митаву. „Этотъ городъ красивъ“ говоритъ онъ, и тотчасъ за тѣмъ „но вообще довольно дурно построенъ.“ Но, аббатъ, клеится-ли это—красивъ, но дурно построенъ? Въ чемъ-же, скажите на милость, заключается красота города? Онъ переѣзжаетъ границу Курляндіи и прибываетъ въ Ригу. Описаніе, очень нужное, маленькой гостинницы въ этомъ городѣ; замѣчательная вещь, посѣтители свободно пили и курили; дымъ, говоритъ онъ „былъ столь густъ, что людей на другомъ концѣ комнаты едва можно было разсмотрѣть.“ Если-бы аббатъ побывалъ въ Голландіи и въ Германіи,

табачный дымъ уже не возбуждалъ-бы его удивленія. Не смотря на дымъ, аббатъ остается доволенъ трактирными служанками, и увѣряетъ „что онѣ не имѣли притязанія быть Весталками.“ Но, аббатъ не стыдно-ли вамъ подчивать Академію такими разсказами? Краснѣю за васъ. Затѣмъ онъ поужиналъ плохо, неизвѣстно почему; ибо Рига не такое мѣсто, въ которомъ былъ-бы недостатокъ въ жизненныхъ и гастрономическихъ припасахъ; потомъ онъ легъ спать, а на другой день отправился смотрѣть городъ. Онъ даетъ родъ описанія его, и подъ конецъ прибавляетъ: „въ немъ мало дворянства, за исключеніемъ иностранцевъ.“ Но, аббатъ, вы почти никогда не знаете, что́ говорите: собственно Рижскаго дворянства нѣтъ, все окрестное дворянство — Лифляндское. Зимою оно пріѣзжаетъ въ городъ, а лѣтомъ возвращается въ деревню. Но Лифляндское дворянство въ Ригѣ не иностранное, ибо Рига въ настоящее время главный городъ Лифляндіи. Аббатъ не точенъ даже въ послѣднихъ мелочахъ. Вотъ тому примѣръ; онъ говоритъ: „Г. Фитингофъ, совѣтникъ Лифляндскаго губернскаго правленія и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, осыпалъ насъ учтивостями. Онъ женился на дочери знаменитаго генерала Миниха, хотя этотъ послѣдній былъ сосланъ въ Сибирь“. Не три ли неправды въ этихъ немногихъ словахъ? Г. Фитингофъ кавалеръ ордена св. Анны, а не св. Александра; онъ женатъ не на дочери, а на внучкѣ знаменитаго графа Миниха, не генерала, но фельдмаршала до и послѣ своего изгнанія. Его сынъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Минихъ былъ сосланъ лишь въ Вологду и никогда не былъ въ Сибири. Его дочь, г-жа Фитингофъ, осталась послѣ него шести недѣль при своей бабушкѣ, г-жѣ Менгденъ, ею была воспитана и выдана замужъ. Другъ-читатель, довѣряйте послѣ этого разсказамъ аббата, если можете; но это мимо, я еще не то вамъ покажу. Еще понадобилось разсказать намъ о ссорѣ ямщиковъ при выѣздѣ изъ Риги, о пьянствѣ перевозчика, о томъ, какъ ссора прекратилась, когда имъ показали деньги на водку, а также о всѣхъ неудачахъ, случившихся дорогою, потому что аббатъ настоялъ на томъ, чтобы ѣхать въ каретѣ, а не въ саняхъ, по мѣстному обычаю (основанному на невозможности ѣздить на колесахъ по глубокимъ снѣгамъ). Но аббатъ не можетъ постичь, что въ каждой странѣ свои обычаи, и все кажется ему страннымъ. Почему? Потому что онъ этого не видалъ во Франціи. 13-го Февраля онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ вступаетъ въ препиранія съ Академіею наукъ, потому что эта послѣдняя назначила одного изъ своихъ членовъ ѣхать въ Тобольскъ, между тѣмъ какъ аббатъ имѣлъ притязаніе отправиться

туда. Онъ столько интриговалъ при Дворѣ и у министровъ, по собственному своему показанію, что наконецъ было рѣшено послать его предпочтительно передъ членомъ Санктпетербугской Академіи. Позвольте мнѣ, г. аббатъ, маленькое отступленіе. Эстампъ на заглавномъ листѣ книги заставляетъ предполагать, что вы по приказанію Французскаго короля были посланы въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры, и ваша книга даже начинается этими словами: „снабженный приказаніемъ короля и рекомендаціями Академіи и т. д.“. Мы и оставались въ этомъ заблужденіи; но на страницѣ XXV (40), къ крайнему своему удивленію, находимъ, что васъ выписала Петербургская Академія наукъ, и вслѣдствіе долгаго вашего промедленія уже поручила другому члену это наблюденіе. Г. аббатъ, какъ согласите вы вашъ эстампъ съ этимъ обстоятельствомъ? И какую чертовскую путаницу производите вы, приписывая однимъ то, что́ принадлежитъ другимъ? А истина, г. аббатъ, Гдѣ она? Г. аббатъ, вы лишь льстецъ, или очень близки къ тому. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Тобольскъ, снабженный приказаніями двора. Тутъ вы узнаете, другъ-читатель, если это вамъ любопытно знать, съ величайшею подробностію, все то, что́ находилось въ экипажѣ аббата, и до малѣйшей щепки, входящей въ составъ рѣдкостей машины, именуемой санями; но то были сани и экипажъ г. аббата: какъ же имъ не быть достопамятнымъ для потомства? Очень хорошо награвированный эстампъ увѣнчиваетъ это описаніе. Г. канцлеръ, графъ Воронцовъ далъ аббату унтеръ-офицера въ провожатые, и онъ взялъ съ собою четыре фляжки вина, данныя ему барономъ Бретёльемъ, и которыя будутъ играть роль ниже. Это было масляницею. Аббатъ коверкаетъ иностранныя названія, какъ всѣ его соотечественники, и однакоже они имѣютъ страсть сохранять мѣстныя названія, когда было бы гораздо проще ихъ перевесть. Но наконецъ не стану спорить о нѣсколькихъ лишнихъ или недостающихъ согласныхъ или гласныхъ въ словѣ масляница (по-французски carnaval) (*); остерегайтесь только, другъ-читатель, если когда-нибудь вы пріѣдете въ Россію, произносить русскія слова, такъ какъ ихъ пишетъ аббатъ, ибо никто не понялъ бы васъ, или вамъ насмѣялись бы въ глаза; знайте также (что́ бы ни говорилъ аббатъ Шаппъ) что народъ въ Россіи не болѣе пьетъ и развратничаетъ, чѣмъ народъ во всякой другой странѣ, гдѣ бываетъ масляница передъ постомъ; кромѣ того страсть къ пьянству значительно уменьшается съ года на годъ въ

(*) Аббатъ Шаппъ пишетъ „maslinitsa“, авторъ Антидота „maslanitza“.

Россіи и вслѣдствіе дороговизны водки, и еще потому, что нравы народа измѣняются, и онъ становится порядливѣе. Въ Чудовой аббатъ вышелъ изъ своихъ саней, чтобы „погрѣться“, говоритъ онъ, закутанный въ шубахъ: „я очень озябъ; но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ голыхъ дѣтей, играющихъ на снѣгу!“ Полагаю, г. аббатъ, что они были не совсѣмъ голы; хотя мы живемъ въ Россіи и достаточно стары, чтобы знать ея обычаи, но никогда не видали, чтобы голыя дѣти играли на улицѣ, тѣмъ менѣе въ сильные морозы, въ которые они почти не выходятъ изъ домовъ. Аббатъ же говоритъ, что было очень холодно: правда, что словамъ аббата рѣдко можно вѣрить. Въ Россіи вообще не жалуются на холодъ, пока не достигнетъ десяти градусовъ, по Реомюру. На воздухѣ, одѣваются тепло, а въ комнатахъ, не чувствуютъ холода, ибо ихъ топятъ сильно, даже слишкомъ натапливаютъ. Вообще на холодъ жалуются болѣе въ другихъ странахъ, чѣмъ въ Россіи, и это по той причинѣ, что въ нихъ принимаютъ менѣе предъосторожностей. Когда аббатъ захотѣлъ обѣдать, онъ нашелъ свои четыре фляжки отчасти опорожненными. Но предоставимъ ему говорить самому: „Когда я захотѣлъ узнать обстоятельства этого событія, одинъ изъ моихъ спутниковъ сказалъ мнѣ, что это сдѣлали они“, и прибавляетъ: „отвѣтъ мой былъ таковъ, что г. ораторъ слетѣлъ съ лѣстницы столь-же быстро, какъ воспослѣдовалъ мой отвѣтъ“. Затѣмъ онъ хвалится этимъ тумакомъ, и смѣетъ утверждать, что это „единственный способъ для того, чтобы добиться отъ Русскихъ повиновенія“. Это оскорбительное замѣчаніе вы выставляете, г. аббатъ, вѣроятно для того, чтобы оправдать вашу собственную стремительность. У этого аббата предоброе сердце. Послушаешь его, такъ подумаешь, что съ Русскихъ надобно драть кожу, чтобы внушать имъ уваженіе, и онъ не стыдится утверждать, „что они признаютъ надъ собою власть лишь въ силу жестокаго обращенія, которому ихъ подвергаютъ“. Вы солгали, г. аббатъ; мягкія и счастливыя царствованія Елисаветы и Екатерины II доказываютъ противное. Знайте вообще, что нѣтъ народа, которымъ легче было-бы руководить кротостію, чѣмъ Русскіе; знайте также, что въ Россіи нѣтъ домовъ благоустроеннѣе тѣхъ, въ которыхъ служители не подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ; знайте далѣе, что вы могли-бы дорого поплатиться за вашу горячность, г. аббатъ. И какое право, скажите на милость, имѣли вы колотить людей, которыхъ Дворъ далъ вамъ въ провожатые? Господинъ философъ-кулачникъ, ваши пріемы изумительны; не были-ли вы обязаны уважать мундиръ Императрицы, носимый вашимъ унтеръ-офицеромъ? Что́ бы сказали во Франціи

о Русскомъ, еслибы онъ, изъ-за выпитой фляжки, вздумалъ-бы приколотить человѣка, состоящаго на военной службѣ, котораго приставили бы къ нему изъ усиленнаго вниманія? Я увѣренъ, что его назвали-бы неучемъ. Г. аббатъ, какъ ваше здоровье? Неправда-ли, что я не такой льстецъ, какимъ являетесь вы на эстампѣ вашего заглавнаго листа?

Пропускаю ссору г. аббата съ его часовщикомъ и разсказъ о толчкахъ, которые онъ испыталъ дорогою. 14-го Марта онъ пріѣхалъ въ Москву, и говоритъ: „Г. канцлеръ Воронцовъ рекомендовалъ меня своему брату въ Москвѣ; я былъ осыпанъ знаками величайшей пріязни отъ него, и отъ графини, его супруги". Другъ-читатель, не прелестенъ-ли этотъ фамиліярный слогъ, употребляемый аббатомъ, когда онъ говоритъ о лицахъ, стоящихъ выше его? Онъ прекрасно согласуется съ кроткими его пріемами относительно его спутниковъ, обращикъ коихъ былъ представленъ вамъ выше. „Гг. Воронцовы, говоритъ онъ на стр. XXX (48)—отцы иностранцевъ. Въ нихъ съ перваго раза, какъ имѣешь честь ихъ видѣть, поражаетъ доброжелательность и искренность, свойства болѣе рѣдкія въ Россіи, чѣмъ гдѣ-бы то ни было".

Вы хвалите гг. Воронцовыхъ, аббатъ, и вы правы, ибо они васъ хорошо приняли. Но зачѣмъ въ то-же время бранить цѣлый народъ? Плохо, какъ мнѣ кажется, отплачиваете вы гг. Воронцовымъ за ихъ вниманіе къ вамъ, изгибаясь передъ ними и въ то-же время бросая камнемъ въ ихъ соотечественниковъ. Почему хотите вы, чтобы доброжелательность и искренность были рѣже въ Россіи, чѣмъ гдѣ-бы то ни было? Аббатъ, аббатъ, неужто у васъ люди искреннѣе, чѣмъ въ Россіи? Будто ужъ въ учтивостяхъ вашихъ соотечественниковъ никогда нѣтъ фальши? Въ какой странѣ люди—не-люди? Не то, чтобы недостатокъ искренности былъ естественною принадлежностію человѣка, но не заставляютъ-ли людей, во всѣхъ странахъ, тысячи и тысячи причинъ быть осторожными? И тогда, на сколько удаляетесь вы отъ искренности! Доброжелательства человѣкъ придать себѣ не можетъ; оно должно родиться съ нимъ. Есть ученые, лишенные этого свойства, и невѣжи, имъ одаренные. И что̀ бы вы ни говорили, аббатъ, такъ какъ въ Россіи есть люди, то они такіе-же, какъ и повсюду; вся ваша болтовня и ваша злоба не докажутъ противнаго. Аббатъ говоритъ, что отъ Петербурга до Москвы ѣдутъ два дня. Знаю, что доѣзжаютъ въ пятьдесятъ два часа; не знаю, составляетъ ли это, по мнѣнію аббата, два дня.

Аббатъ выѣхалъ изъ Москвы 17-го Марта утромъ и объявилъ своей свитѣ, повелительнымъ тономъ, чтобы она за нимъ послѣдовала. Этотъ аббатъ созданъ для того, чтобы командовать, онъ любитъ начальственный тонъ, онъ еже-

минутно возвышаетъ голосъ, онъ сопровождаетъ свои рѣчи весьма выразительными знаками доброжелательства, его учтивость бережетъ свое достоинство, она не снисходитъ до людей стоящихъ ниже его.

На страницѣ XXXI (49) онъ говоритъ: „рѣки очень быстро замерзаютъ на сѣверѣ: мерзлая ихъ поверхность не шероховата, какъ поверхность Сены въ Парижѣ, но совершенно гладкая". Г. аббатъ, вы ошибаетесь; есть рѣки, ледъ которыхъ одинъ годъ шероховатъ, другой гладокъ. Когда ледъ не очень шероховатъ, большіе снѣга вскорѣ сглаживаютъ всѣ неровности; часто тоже дѣйствіе производитъ оттепель: трещины во льду, о которыхъ упоминаетъ аббатъ, обыкновенно образуются вслѣдствіе измѣненій въ уровнѣ воды, зависящихъ отъ вѣтра. Но что еще навязываете вы намъ, когда говорите, по поводу одной изъ вашихъ лошадей, провалившихся на Окѣ въ дыру: „Встрѣчаешь множество такихъ дырокъ, въ которыхъ вода никогда не замерзаетъ, хотя ледъ имѣетъ до трехъ футовъ толщины, и холодъ такъ силенъ, что замерзаютъ водка и спиртъ". Въ качествѣ путешественника, аббатъ правъ въ томъ, что ко всему примѣшиваетъ чудесное, это его ремесло; но повѣритъ-ли читатель, чтобы проводили большую дорогу зимою по дыркамъ, въ которыхъ можно потонуть, когда всѣмъ извѣстно, что въ это время года въ Россіи даютъ дорогамъ какое угодно направленіе? Знайте-же, аббатъ, что эти мнимыя дырки, по вашему, никогда не замерзающія, ничто иное, какъ дырки для черпанія воды и стирки бѣлья, сдѣланныя береговыми жителями для ихъ удобства, и называются по русски *прорубями*. Вашъ ямщикъ очевидно сбился съ дороги, если потопилъ лошадь въ проруби; ибо Русскіе слишкомъ осторожны, чтобы дѣлать проруби на большихъ дорогахъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ страны, въ которой болѣе путешествовали-бы ночью, чѣмъ наша. Аббатъ не можетъ разстаться съ этими „дырками", о которыхъ онъ толкуетъ на двухъ съ половиною страницахъ; я не намѣренъ ему подражать. Прежде, чѣмъ доѣхать до Нижняго Новгорода, аббатъ увязъ по колѣна въ снѣгъ, въ то время, какъ онъ созерцалъ пригорокъ. Какъ не передать этого потомству! Нѣтъ зѣваки въ Россіи, съ которымъ не случалось-бы тогоже самаго. Аббатъ удивляется тому, что въ концѣ Марта онъ нашелъ мало снѣга на низменностяхъ въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода, и по этому поводу даритъ насъ физическимъ разсужденіемъ. Но, аббатъ, это, въ тѣхъ мѣстностяхъ, время таянія снѣговъ; вы сами говорите на стр. XXXIV (54), что это было „подъ конецъ зимы".

На страницѣ XXXV (56) аббатъ говоритъ, что онъ былъ снабженъ множествомъ рекомендательныхъ писемъ, и что

въ силу этихъ писемъ онъ „пользовался всевозможною помощью", и затѣмъ онъ, по своему обыкновенію, присовокупляетъ выходку противъ страны и ея обывателей; вотъ она: „Если мнѣ случалось подвергаться непріятностямъ, то долженъ приписывать это лишь странѣ и свойствамъ ея жителей". Г. аббатъ! Всѣ ваши непріятности, по собственному вашему свидѣтельству, состояли лишь въ разбитыхъ колесахъ, въ сломанныхъ саняхъ, въ нѣсколькихъ паденіяхъ въ снѣгъ, заставляющихъ васъ ругаться, въ выпитой фляжкѣ вина, за которую вы заплатили ударомъ кулака; и такъ, на что́ жалуетесь вы? Для того-ли, чтобы давать уроки учтивости, браните вы страну и народъ? Ахъ, г. аббатъ! Дѣлать такія неприличія, это уже слишкомъ по французски. Стыдитесь! Вы бранитесь, для того, чтобы браниться; вы тѣмъ доказываете только ваше недоброжелательство къ Русскимъ. Развѣ это теперь въ модѣ у Французовъ? Не знаю, но знаю, что этотъ тонъ у насъ не можетъ нравиться, потому что онъ не учтивъ, не честенъ, внушенъ страстію и далекъ отъ истины. Сверхъ того, вы не благодарны, г. аббатъ; въ этой странѣ, вамъ оказали всевозможное добро, а вы не упускаете случая, чтобы говорить или выдумывать на нее всякое зло.

На стр. XXXVI (57), аббатъ даетъ описаніе Нижняго-Новгорода, построеннаго изъ дерева, какъ почти всѣ города въ Россіи.

Этотъ городъ сгорѣлъ въ 1767 году, и его перестроили изъ кирпича и камня, по правильному плану, какъ и всѣ города, съ которыми случилось это несчастіе въ царствованіе Императрицы Екатерины II, напримѣръ Тверь, которая уже отстроена, благодаря тремъ стамъ тысячамъ рублей, которыя Императрица велѣла выдать жителямъ изъ своихъ суммъ, чтобы они черезъ десять лѣтъ возвратили двѣсти тысячъ, остальныя-же сто тысячъ суть даръ, сдѣланный имъ этою Монархинею. Другъ - читатель, вотъ имена городовъ возраждающихся изъ пепла; кромѣ Твери, Ямбургъ, Старая Руса, Дерптъ, Дорогобужъ, Каргополь, Казань, Бѣлозерскъ, Торжокъ, Серпуховъ, Бѣлгородъ, Астрахань, Тюмень, Алексинъ, Бѣлой, Нижній-Новгородъ, Ярославль. Императорское казначейство дало имъ въ займы для этихъ перестроекъ милліонъ тридцать семь тысячъ двѣсти тридцать восемь рублей, которые они возвратятъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ сказано выше о городѣ Твери.

Но возвратимся къ аббату, который видитъ все, скача на почтовыхъ. Онъ говоритъ о Нижнемъ-Новгородѣ: „Онъ занимаетъ въ Россіи второе мѣсто (вѣроятно, между городами) по своему протяженію, и съ полнымъ правомъ первое по своей торговлѣ, ибо онъ есть складочное мѣсто

всего хлѣба изъ окрестностей, что́ очень оживляетъ его торговлю. Въ немъ ежегодно, лѣтомъ, можно видѣть въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ отъ семи до осьми сотъ новыхъ лицъ; однако же жители его не богаты, потому что бо́льшая доля торговли производится въ немъ въ пользу Государя". Вы лжете, г. аббатъ: нѣтъ отрасли торговли въ Россіи, которая была-бы исключительно въ рукахъ казны.

Ненавистное названіе деспота, которое аббатъ смѣетъ постоянно давать Русскому Государю, вотъ другая черта, ясно доказывающая его зложелательство.

Очень хотѣлось-бы мнѣ знать, г. аббатъ, что́ значитъ у васъ слово Государь (Souverain)? Король, издающій законы? Нашъ Государь дѣлаетъ то-же самое. Вы имѣете Парламенты, отказывающіеся принимать дурные законы, но которыхъ къ тому принуждаютъ послѣ нѣкоторыхъ препираній: у насъ есть Сенатъ, имѣющій тѣ-же права; но наши Государи избѣгли протестовъ, издавая законы лишь по представленію этого Сената, или воздерживаясь отъ того, что́ могло-бы навлечь на нихъ протестъ. Французскій король и даже его министры сажаютъ въ Бастилію и тамъ подвергаютъ судилищу на это устроенному, или суду какой нибудь коммиссіи, кого имъ вздумается: у насъ тайная канцелярія дѣлала то-же самое, но съ 1762 года она уничтожена, а ваша Бастилія существуетъ. Ваши государи, если они несправедливы, могутъ отнять у васъ и имущество и жизнь: такъ-же и у насъ, г. аббатъ. Ваши государи, однако-же, не могутъ нарушать установленныхъ законовъ, безъ того, чтобы не закричали о несправедливости. Точь въ точь какъ у насъ, г. аббатъ. Вы сошлетесь на ваши основные законы, а я отвѣчу вамъ, что они до сихъ поръ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ; сколько разъ ваши Парламенты утверждали, что такая-то вещь согласна или несогласна съ основными законами, и сколько разъ дворъ отвѣчалъ имъ голословнымъ отрицаніемъ или приказаніемъ молчать? Вы мнѣ скажете, что самые эти споры доказываютъ существованіе этихъ законовъ: но отрицанія и приказанія молчать не доказываютъ-ли существованіе неограниченной власти? Очень хорошо знаю, что хотятъ васъ увѣрить, будто ваша страна есть твердыня свободы, между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, вы рабы тѣломъ, душою, сердцемъ и умомъ. Вся ваша нація считаетъ себя самою свободною къ мірѣ, и почему? Потому что ее учатъ увѣрять себя въ этомъ. Ораторы, священники, монахи, всѣ прихвостни правительства безпрестанно увѣряютъ васъ въ этой химерѣ; какъ противустоять столь единодушнымъ свидѣтельствамъ? Быть можетъ, у васъ было-бы небезопасно имъ противорѣчить. Впрочемъ приложено стараніе о томъ, чтобы вы всегда были самаго

высокаго мнѣнія о достоинствахъ и способностяхъ тѣхъ, которые надъ вами властвуютъ. Во избѣжаніе того, чтобы они сдѣлались ненавистными черезъ злоупотребленіе порученною имъ властію, ихъ тщательно подучаютъ пользоваться ею искусно и съ извѣстною осторожностію; поэтому-то, когда начальники преподаютъ свои приказанія, мы часто видимъ, что они надѣваютъ маску кротости и говорятъ языкомъ учтивости, чтобы увѣрить подчиненныхъ, что ихъ приказанія суть лишь приглашенія, и что честь, послушаніе, долгъ, усердіе суть слова однозначущія. Итакъ, не слишкомъ хвастайтесь, но лучше будемъ молить Бога, чтобы Онъ всегда даровалъ намъ государей справедливыхъ и уважающихъ собственную славу, и тогда мы будемъ достаточно счастливы. Виноватъ, г. аббатъ, мнѣ нужно было съ вами объясниться, къ несчастію, не въ послѣдній разъ. Аббатъ говоритъ: „всѣ чиновники—маленькіе тираны". Г. аббатъ, клянусь вамъ, что наши чиновники и на сотую долю не такіе тираны, какъ гг. чиновники Французскаго короля; кромѣ того, ихъ менѣе: не думаю, чтобы въ Россіи, на протяженіи шестнадцати тысячъ верстъ, было болѣе двухъ тысячъ коронныхъ чиновниковъ, между тѣмъ какъ во Франціи, г. аббатъ, вы имѣете счастіе на гораздо меньшемъ пространствѣ имѣть ихъ восемьдесятъ тысячъ, и болѣе. Разница состоитъ въ томъ, что ваши безсовѣстно обогащаются на счетъ бѣднаго народа, а наши едва имѣютъ, чѣмъ прокормиться. Нѣтъ примѣровъ, чтобы вашихъ наказывали: протекція и связи спасаютъ ихъ. Въ Россіи, какъ только они позволяютъ себѣ слишкомъ большія вольности, ихъ наказываютъ; самъ народъ спѣшитъ ихъ тащить къ суду. Г. аббатъ, хотите примѣровъ? Дамъ ихъ вамъ въ достаточномъ количествѣ. Городъ Нижній не производилъ той торговли, которую могъ-бы производить, когда вы черезъ него проѣзжали, вслѣдствіе несогласій между жителями. Эти несогласія прекратились лишь въ 1767 году, когда Императрица Екатерина, во время своего пребыванія въ этомъ городѣ, дала ему регламентъ для образованія компаніи (не исключительной, таковыхъ не знаютъ въ Россіи), но таковой, что кто возьметъ въ ней одну или нѣсколько акцій можетъ участвовать въ торговлѣ хлѣбомъ этого города, который съ года на годъ подымается, и даже снабжаетъ Петербургъ всѣми жизненными потребностями.

На страницѣ XXXVII (59) нахожу слѣдующее: „Мальчиковъ женятъ (въ Нижнемъ Новгородѣ) такъ же, какъ и въ окрестностяхъ, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, а девушекъ тринадцати. Изъ этого конечно заключатъ, что страна очень населена: но впослѣдствіи читатель увидитъ противное, и что необходимо выдавать въ ней дѣвушекъ

рано, для того, чтобы предотвращать развратъ". Г. аббатъ, крестьяне и простолюдины женятъ своихъ сыновей нетолько четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, но даже осьми и девяти, и это для того, чтобъ имѣть лишнюю работницу въ лицѣ своей невѣстки. За то эти стараются выдавать за мужъ своихъ дочерей какъ можно позже, для того, чтобы не лишиться работницы. И такъ, г. аббатъ, не для того, какъ говорите вы, чтобы предотвратить развратъ дѣвушекъ, женятъ рано мальчиковъ. Охотно сознаюсь, что эти неравные браки не приносятъ пользы государству; поэтому уже часто заботились о ихъ устраненіи. Епископы за этимъ смотрятъ, и этотъ обычай замѣтно выводится. У насъ этотъ обычай существуетъ въ простонародьи нѣкоторыхъ мѣстностей и, какъ вы видите, его стараются выводить; у васъ же, это обычай вельможъ, и вы ему не удивляетесь. Мы будемъ говорить ниже о народонаселеніи. По этому поводу, какъ и по многимъ другимъ, аббату достанется. Но, г. аббатъ, я замѣчаю, что вы дарите много вниманія дѣвушкамъ; въ Фридекѣ вы измѣряли ихъ юбки; въ Ригѣ вы находите, что они далеко не Весталки, тутъ вы выдаете ихъ за мужъ, въ предъупрежденіе разврата. Но, аббатъ, что́ же это наконецъ такое? Прилично ли обнаруживать передъ Академіею вашу, столь сильно развитую, склонность къ дѣвкамъ? 21-го аббатъ выѣзжаетъ изъ Нижняго Новгорода; онъ очень боится вышесказанныхъ дырокъ, относительно которыхъ я объяснилъ его смѣшную ошибку; ямщики успокоиваютъ его. Полагаю, что они втихомолку не мало смѣялись надъ ошибками аббата, ибо нѣтъ народа болѣе насмѣшливаго, какъ нашъ. Аббатъ часто выходилъ изъ своихъ саней и снова въ нихъ входилъ, для того, чтобы наслаждаться видами; но вскорѣ, не будучи въ силахъ перенесть холодъ, или слишкомъ большую быстроту саней, онъ снова входилъ въ нихъ. Признайтесь, г. аббатъ, что вы были недостаточно ловки, чтобы стоять на запяткахъ вашихъ саней, и что вы возвращались въ вашъ кузовъ, боясь разбить себѣ носъ. Однако же аббатъ принужденъ сознаться, что этотъ экипажъ очень удобенъ, и что лошади прекрасны, хотя малы. Онъ пріѣзжаетъ въ Козьмодемьянскъ, и говоритъ: „это порядочная деревня, которую называютъ городомъ." Но, г. аббатъ, если ему дали названіе города, почему именуете вы его деревнею? Это прихоть съ вашей стороны.

На стр. XXXVIII (62), г. аббатъ говоритъ: „начиная съ Петербурга, я не встрѣчалъ горъ, заслуживающихъ этого названія: эта обширная равнина обнажена во многихъ мѣстахъ, и отчасти обработана; въ другихъ видишь только сосны и березы." Г. аббатъ, вы путешествовали зимою, въ

такое время, когда все было покрыто снѣгомъ. Какъ могли вы видѣть, обработана ли страна, или нѣтъ? Мы сами ѣздили этого дорогою лѣтомъ, и нашли, что начиная отъ Москвы, обѣ стороны дороги обработаны, на сколько хватаетъ глазъ. Кромѣ сосенъ и березъ, о которыхъ вы упоминаете и которыя во многихъ мѣстахъ составляютъ цѣлые лѣса, Нижегородская и Казанская губерніи наполнены липами, дубами, тополями (лучшимъ доказательствомъ тому, что́ я говорю, можетъ служить то, что эти губерніи снабжаютъ флотъ лѣсомъ для постройки кораблей); луга покрыты цвѣтами, и на нихъ растутъ дикіе вишни и персики. Аббатъ пріѣзжаетъ въ Царевококшайскъ и говоритъ, что это мѣстечко зависитъ единственно отъ Императрицы. Не слишкомъ знаемъ, что́ хочетъ этимъ сказать аббатъ. Въ Россіи есть два рода имѣній, именуемыхъ *государевыми*: одни принадлежатъ казнѣ, другія двору. Принадлежащія казнѣ пользуются самоуправленіемъ, но высшая судебная власть надъ ними принадлежитъ уѣздному воеводѣ, между тѣмъ какъ имѣнія, принадлежащія двору, управляются особымъ совѣтомъ, который называютъ придворною канцеляріею. Никто безъ подписи Императрицы не имѣетъ права налагать податей на этихъ крестьянъ. Съ 1763 года крестьяне, принадлежавшіе монастырямъ и духовенству, охотно также принимаютъ названіе *государевыхъ*, ибо они управляются совѣтомъ, именуемыхъ „коллегіею экономіи", который выплачиваетъ монастырямъ и т. д. назначенное имъ содержаніе. На всѣхъ этихъ вышеименованныхъ крестьянъ наложена годовая подать, весьма умѣренная: они платятъ государству по два рубля семидесяти копѣекъ. Но вернемся къ аббату. Онъ удивляется, видя сорокалѣтнюю почтмейстершу, которая, имѣвъ двадцать дѣтей, сохранила ихъ только двоихъ. Открытіе не хитрое. Этотъ фактъ, г. аббатъ, не рѣдкость въ Россіи. Вы найдете тоже самое во множествѣ крестьянскихъ семействъ; и конечно для государства весьма несчастливо, что еще не нашли средствъ противъ этой страшной смертности дѣтей. Слѣдуетъ эстампъ, названный *русскимъ ужиномъ*, впрочемъ вовсе не похожій на ужинъ русскихъ крестьянъ; и еслибы тутъ не было дѣвочки, подносящей ко рту родъ чашки, и подписи, никтобы не догадался даже, что изображается ужинъ.

Непріятный случай—послѣдній барометръ аббата разбивается отъ того, что сани его перевертываются. Аббатъ ошибается, когда говоритъ, что крестьяне постомъ питаются лишь хлѣбомъ съ водою, и что въ остальное время года они ѣдятъ лишь рыбу и пироги. Постомъ имъ разрѣшается ѣсть рыбу и овощи, которыхъ у нихъ весьма много; а въ остальное время года они ѣдятъ похлебку съ мясомъ.

Въ Россіи много крестьянъ, у которыхъ ежедневно на столѣ соленая или свѣжая говядина. Къ этому они присоединяютъ капусту, грибы, или иныя овощи, или кашу. Пироги ѣдятся по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ: ихъ много сортовъ, и постныхъ, и скоромныхъ. По-русски „pâtisserie“ называется пирожнымъ, а pâtés—пирогами. Аббату заблагоразсудилось упомянуть о пирогахъ, начиненныхъ маленькою рыбкою, называемою снѣтками, какъ объ единственныхъ существующихъ; онъ, по своему невѣдѣнію, предположилъ, что другихъ нѣтъ, между тѣмъ какъ булочники и стряпухи разнообразятъ до безконечности всякого рода пироги, очень любимые народомъ. Еслибы аббатъ выглянулъ въ окно, онъ тотчасъ увидилъ бы разные ихъ сорта, продающіеся на всѣхъ перекресткахъ. Цѣль аббата—представить Русскій народъ одичалымъ и погруженнымъ въ крайнюю нищету; онъ хочетъ, чтобы все было дурно; подумаешь, что онъ подкупленъ для того, чтобы все представлять въ мрачномъ и ненавистномъ свѣтѣ. Откройте глаза, г. аббатъ: вы обманываете только себя. Эта мнимая нищета не существуетъ въ Россіи; русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе, чѣмъ ваши французскіе крестьяне; онъ знаетъ, что́ слѣдуетъ ему платить, между тѣмъ какъ у васъ есть провинціи, въ которыхъ принуждены питаться каштанами, и даже не знаютъ названія всѣхъ своихъ повинностей: столько ихъ возложено на нихъ. Въ Россіи на народъ налагаютъ повинности лишь въ той мѣрѣ, въ какой извѣстно, что онъ ихъ можетъ нести; но у васъ на эти мелочи не смотрятъ: только и хлопочутъ о томъ, какъ бы изобрѣтать новые источники дохода, новые налоги.

Въ доказательство того, что́ я говорю, знайте, г. аббатъ, что съ 1748 по 1766 годъ накопилось только шесть сотъ тысячь рублей казенной недоимки, да еще можно поставить болѣе половины этой суммы на счетъ небрежности одной или другой стороны. Доказательствомъ тому, что эта мнимая нищета не существуетъ, и то, что когда въ концѣ 1768 года (въ началѣ войны съ Турками, возбужденной завистниками Россіи) было велѣно новой губерніи, Слободской Украйнѣ (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ собственно такъ называемою Украйною: Слободская Украйна расположена между Бѣлгородскою губерніею, Воронежскою и собственно такъ называемою Украйною) представить по существующимъ цѣнамъ въ казенные магазины извѣстное количество хлѣба для пропитанія войскъ: то многія общины внесли уплаченныя имъ деньги въ приходы, прося сдѣлать изъ нихъ богоугодное употребленіе, для того, чтобы вымолить благословеніе Божіе на оружіе Императрицы, ихъ благодѣтель-

ницы, говоря, что они считаютъ своею обязанностію содѣйствовать защитѣ отечества. Что-же, г. аббатъ, еслибы эти люди были въ нищетѣ, отдали-бы ли они добровольно деньги, имъ принадлежавшія? Г. аббатъ, у васъ страсть все видѣть съ дурной стороны. Очень было нужно разсказывать намъ, что крестьянскіе дома въ Россіи не освѣщены по вашему вкусу ни днемъ, ни ночью. Тутъ изумляться нечему, ибо всѣ крестьяне въ мірѣ живутъ приблизительно одинаково. Аббатъ говоритъ: „ихъ дома деревянные, и ихъ постройка не требуетъ большихъ архитектурныхъ познаній.“ Всякій крестьянинъ въ Россіи собственный свой архитекторъ: онъ строитъ свой домъ таковымъ, какимъ онъ нуженъ для его семейства, для его скота, для его потребностей. Я полагаю, что при этомъ онъ искуснѣе въ удовлетвореніи своимъ нуждамъ, чѣмъ были бы вы, г. аббатъ, не знающій ихъ, хотя вы и все видѣли на почтовыхъ. Русскій крестьянинъ, по природѣ своей, слишкомъ остороженъ, чтобы подвергать свое семейство опасности задохнуться, что́ бы съ ними случилось, если-бы ихъ комнаты были натоплены до сорока градусовъ по термометру Реомюра, какъ увѣряетъ аббатъ. Замѣтьте, прошу васъ, что у него не было болѣе термометровъ, когда онъ сдѣлалъ это наблюденіе; послѣдній изъ нихъ разбился, по собственнымъ его словамъ, въ то время, какъ его сани перекувырнулись при выѣздѣ изъ Нижняго Новгорода. Описаніе утвари русскихъ крестьянъ, похожей на утварь всѣхъ крестьянъ, мнѣ извѣстныхъ. Вещь, въ глазахъ аббата, замѣчательная: женщины стряпаютъ. „Всѣ эти обыватели, говоритъ аббатъ, показались мнѣ приверженными къ Греческому вѣроисповѣданію.“ Онъ говорилъ утвердительно о вещахъ, ему неизвѣстныхъ, а объ этой, о которой онъ могъ говорить безошибочно, онъ выражается сомнительно. Другъ-читатель, не странно ли это? Ужь не хочетъ ли аббатъ возбудить сомнѣніе на счетъ вѣроисповѣданія жителей Россіи, хотя этого и быть не можетъ? Всѣ они Греческаго вѣроисповѣданія, г. Шаппъ: никогда они не будутъ католиками.

Потомъ онъ прибавляетъ, на стр. XXXXIII (70): „всякое семейство имѣетъ въ своемъ домѣ маленькую часовню, въ которой помѣщается патронъ семейства“. Г. аббатъ, вы не знаете, что́ говорите. Вы приняли за часовню обычное въ Россіи помѣщеніе одной или нѣсколькихъ иконъ въ одномъ изъ угловъ комнаты. Опять неправда, чтобы на эти иконы смотрѣли, какъ на боговъ-защитниковъ хижины, какъ говоритъ аббатъ, которому по бо́льшей части мерещится небывальщина. Господинъ д'Отерошъ, и у васъ много набожныхъ людей, помѣщающихъ распятіе, или изображеніе Богородицы или какого-либо Святаго, въ уголъ своей комна-

ты; и до нынѣшняго времени этотъ обычай былъ у васъ еще болѣе распространенъ, ибо у васъ было болѣе христіанъ, чѣмъ теперь. Мнѣ помнится, что когда г-жа де Ментенонъ помѣстила въ своей комнатѣ большое распятіе, ея мужъ, Людовикъ XIV, увидѣвъ его, сказалъ ей: voilà un meuble bien sérieux, Madame. Люди набожные имѣютъ обычай креститься, входя въ комнату; прочіе этого не дѣлаютъ: полагаю, что и у васъ тоже самое, г. аббатъ. Другъ-читатель, вы такъ же, какъ и я, не повѣрите сказкѣ о богомольцѣ, которому, по словамъ аббата, сдѣлалось дурно послѣ усиленной молитвы и вслѣдствіе этой молитвы. Аббатъ не зналъ по-русски и увѣряетъ, что имѣлъ разговоры, которые кажутся мнѣ весьма сомнительными.

Аббатъ говоритъ, на стр. XLIV (71), что обычай зажигать передъ этими мнимыми часовнями свѣчи и лампады „соблюдается во всей Россіи и даже у Императрицы". Г. аббатъ, обычай ставить свѣчи и лампады передъ образами есть обычай, полагаю я, общій обѣимъ церквамъ, Греческой и Римской, о чемъ свидѣтельствуетъ огромное количество золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, которыя видимъ въ Лоретто и т. д., точно такъ же, какъ и въ Русскихъ церквахъ. Сверхъ того, употребленіе свѣчей и лампадъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ. И такъ мнѣ кажется, что ваше удивленіе по этому поводу совершенно неумѣстно. Но какъ можете вы утверждать, что свѣчечки въ три или четыре линіи толщины, зажигаемыя передъ иконами и, по вашимъ словамъ, причиняющія столько пожаровъ, употребляются „даже у Императрицы". Этотъ аббатъ неподражаемъ въ своихъ нелѣпостяхъ. Онъ проникъ до аппартаментовъ Императрицы. Онъ былъ тамъ, какъ свой, и такъ какъ онъ очень любознателенъ, онъ забавлялся тѣмъ, что измѣрялъ, съ точностію академика, свѣчи передъ образами: въ нихъ было отъ шести до семи дюймовъ вышины и отъ трехъ до четырехъ линій толщины. Не подумаешь-ли, что онъ говоритъ правду? И что̀ же, другъ-читатель? Во всемъ этомъ правды — ни слова. Аббатъ въ жизни своей не былъ въ аппартаментахъ Императрицы, и въ нихъ нѣтъ свѣчечекъ вышиною отъ семи до осьми дюймовъ, и толщиною отъ трехъ до четырехъ линій, ни передъ образами, ни за ними. Послѣ этой черты, другъ-читатель, вѣрьте разсказамъ аббата. За этой побасенкою слѣдуетъ другая о молодой женщинѣ, которая, находясь наединѣ съ своимъ любовникомъ, оставила его, чтобы помолиться, а за тѣмъ къ нему вернулась. Вѣрите-ли вы этому? Я не вѣрю, хотя это напечатано по постановленію Академіи наукъ отъ 31 Августа 1768 года. Онъ пріѣзжаетъ 25 Марта въ Вятку; онъ имѣетъ снисходительность принять обѣдъ, предложенный ему г-жею

Перминовою; онъ уѣзжаетъ оттуда съ фонарями. Онъ продолжаетъ свой разсказъ, и тотчасъ за тѣмъ, на страницѣ XLV (73), онъ говоритъ намъ: „всякій разъ, какъ я находился на высотахъ, я останавливался, чтобы разсмотрѣть окрестности". Онъ забываетъ, что ѣхалъ ночью, о чемъ свидѣтельствуютъ факелы и фонари г-жи Перминовой, сопровождавшіе его. И такъ или онъ вовсе не останавливался, или мало что̀ усматривалъ съ тѣхъ высотъ, на которыхъ останавливался. Но ему нужны были эти выдумки: 1) для того, чтобы придать вѣроятіе своей мнимой нивеллировкѣ на всемъ скаку; 2) для того, чтобы солгать, что эта страна не обработана. Прибавьте къ этому, что земля была покрыта снѣгомъ, ибо онъ ѣхалъ въ саняхъ. И такъ, онъ не могъ видѣть, обработана-ли она, или нѣтъ. Совершенно опровергаетъ мнимую необработанность этой страны то обстоятельство, что она снабжаетъ хлѣбомъ Архангельскую губернію, часть мѣстностей, расположенныхъ между Казанью и Тобольскомъ, и что вокругъ Вятки есть громадные винокуренные заводы. Эти маленькія неточности такъ часто встрѣчаются у аббата, что можно считать ихъ у него естественными. Онъ, не краснѣя, на каждой страницѣ, подчуетъ ими читателя. Онъ опрокидывается и пріѣзжаетъ 26-го въ Троицкое, гдѣ его сани чинятъ. Всѣ эти паденія, эти починки саней, и мелкія подробности и прилыганія, къ нимъ примѣшанныя, придаютъ его сочиненію много забавности. Вотъ еще черта, доказывающая добросердечіе аббата. Онъ засыпаетъ ночью въ своихъ саняхъ; чрезъ нѣсколько времени онъ просыпается, и такъ какъ онъ зналъ, что его спутники не слишкомъ были довольны его кроткимъ съ ними обращеніемъ, то страхъ нападаетъ на храбрую душу г. аббата, называющаго робкими тѣхъ, которые отходятъ въ сторону, когда онъ притягиваетъ громъ въ комнату; ему тотчасъ почудилось, что его свита покинула его среди снѣговъ. Онъ чувствовалъ, что этого заслуживаетъ; но оказалось, что его спутники, которыхъ онъ оскорблялъ и въ мысляхъ, и на дѣлѣ, не были такъ злы, какъ онъ, и что напротивъ того они имѣли вниманіе не будить его, отправляясь погрѣться. Мнѣ кажется, г. аббатъ, что въ эту минуту вы не стоили тѣхъ, которыхъ вы столь несправедливо подозрѣвали, и съ которыми вы принимали тонъ такого рѣшительнаго превосходства. Ахъ, г. аббатъ! Душа ваша черна, и вы придаете темныя краски всему тому, что̀ проходитъ передъ вашими глазами. Сколь трусливымъ и злымъ представляетесь вы въ вашемъ описаніи этого приключенія! Прилично-ли, г. аббатъ, разсказывать намъ на страницѣ XLVII (76), какъ вы нашли вашихъ людей „лежащими возлѣ молодыхъ дѣвушекъ". И такъ, раз-

вратъ вашего лакея, по вашему мнѣнію, фактъ достойный того, чтобы быть представленнымъ на усмотрѣніе Академіи? Вы снискали ея одобреніе: поздравляю васъ съ этимъ; но знайте, что, по моему мнѣнію, этотъ фактъ не былъ достоинъ внесенія въ ея акты, точно такъ же, какъ и весь дневникъ вашего путешествія, ибо онъ наполненъ ложью, злобою, нелѣпостями и неточностями, которыя не могутъ сдѣлать чести ни ихъ автору, ни тѣмъ, которые ихъ одобрили. Но пойдемъ далѣе. На стр. XLVII (76), аббатъ будитъ своего человѣка и бранитъ его за то, что онъ имѣлъ внимательность не тревожить его сна; тотъ, по видимому привыкшій къ ворчливымъ выходкамъ аббата, извинился, ссылаясь на находку хорошенькихъ дѣвушекъ, и аббатъ заключаетъ этотъ важный разсказъ словами: „ну какъ его не простить?“ Замѣтьте, читатель, что въ этомъ случаѣ сварливый нравъ аббатъ смягчается, какъ только онъ слышитъ о дѣвкахъ; во многихъ мѣстахъ своей книги, онъ выставляетъ себя повѣсою; тутъ онъ это свойство ставитъ себѣ въ добродѣтель. Примирившись съ своими людьми (онъ повторяетъ выраженіе „мои люди“ при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя у него собственно былъ только одинъ лакей; всѣ прочіе были его спутники) онъ ѣдетъ, подобравши пистолеты, оброненные имъ съ просонья. Онъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы, какъ подобаетъ человѣку храброму, обзывающему цѣлые народы боязливыми. Онъ уѣзжаетъ оттуда, пріѣзжаетъ въ Березовку, „населенную“, говоритъ онъ, „несчастными“, но такъ какъ онъ не поясняетъ своихъ поводовъ къ этому эпитету, то мы и не знаемъ, почему онъ такъ называетъ жителей этого мѣстечка. Онъ пріѣзжаетъ въ Русиновское и бранитъ жилища и жителей всего протяженія (въ двадцать пять миль) отъ Березовки до этого послѣдняго мѣста, названіе котораго онъ страннымъ образомъ коверкаетъ. Но, г. аббатъ, неужто вы не можете воздержаться отъ того, чтобы изливать вашу желчь на все то, что̀ вы видите, проѣзжая на почтовыхъ. Что̀? Опять эпитеты? О щедрый на эпитеты аббатъ, никто ихъ не заслуживаетъ болѣе, чѣмъ вы сами, за пасквиль, который вы посмѣли издать съ одобренія Академіи. Вы отлично поддѣли эту Академію. Ничто не нравится аббату; ѣдетъ-ли онъ лѣсомъ, онъ жалуется на то, что онъ обширенъ и пустъ; ѣдетъ-ли онъ равниною—онъ находитъ ее печальною. Дороги, хотя нигдѣ въ мірѣ онѣ не бываютъ такъ широки, какъ въ Россіи, кажутся ему узкими; сани, попадающіяся ему на встрѣчу, причиняютъ ему неудобства, хотя нѣтъ экипажей, въ которыхъ было бы удобнѣе разъѣзжаться, какъ въ саняхъ. То снѣга слишкомъ много, то встрѣчаются дырки, въ которыхъ его нѣтъ. На

стр. XLVIII (77), этотъ храбрецъ, упрекающій въ робости цѣлые народы, опасается за свою жизнь, потому что его сани дорогою зацѣпились за другія сани. Новое несчастіе. „Это потрясеніе“, говоритъ онъ, „окончательно привело мои сани въ самое плачевное состояніе. Я очутился безъ покрышки и подверженнымъ всѣмъ суровостямъ непогоды“. Увы! эта непогода не выместила на васъ всей брани, которою вы осыпаете страну и жителей, и какъ бы ни была она сурова, она кротче васъ. Послѣ нѣсколькихъ паденій, при которыхъ каждый разъ аббатъ нѣсколько барахтался въ снѣгу, онъ пріѣхалъ въ Соликамскъ 29-го въ восемь часовъ вечера, „сдѣлавъ“, какъ говоритъ онъ, „сто восемьдесятъ верстъ въ этомъ несчастномъ состояніи“. Этотъ мужественный путешественникъ считаетъ несчастіемъ проѣхать сто восемьдесятъ верстъ въ открытыхъ саняхъ. Однако же онъ, слава Богу, живъ и достаточно здоровъ, чтобы съ успѣхомъ разсказывать побасенки. Это „несчастное состояніе“ аббата напоминаетъ приключеніе Француженки, которая, бывъ въ Петербургѣ, вообразила однажды утромъ, что отморозила себѣ носъ въ постели, что въ теченіи нѣсколькихъ дней возбуждало смѣхъ во всемъ городѣ.

Пріѣхавъ въ Соликамскъ, аббатъ легъ спать, затѣмъ всталъ и отправился къ управляющему г. Демидова, которымъ былъ принятъ со всевозможною предупредительностію; онъ поселился у него и началъ съ того, что велѣлъ починить свои экипажи; это звучитъ очень громко, его экипажи, мои экипажи; но въ сущности чинились только сани г. аббата. Хотя всѣ термометры аббата, по собственнымъ его словамъ, были давно разбиты, однако-же онъ въ Соликамскѣ наблюдалъ, что холода было градусовъ десять или одиннадцать. Этотъ аббатъ преискусный человѣкъ. Не даромъ, въ Вѣнѣ, „Ихъ Императорскія Величества не преминули почтить науки и Академію, пожелавъ, чтобы аббатъ былъ Имъ представленъ“. Справьтесь на стр. VI (6), не собственныя-ли это слова аббата. Подивитесь, читатель, его скромности! Онъ обладаетъ всѣми науками; онъ ходячая академія; онъ носитъ академію въ карманѣ, какъ бумажникъ. Описаніе дома г. Демидова въ Соликамскѣ, сада, теплицъ, аптеки, похвала Русскому садовнику г. Демидова. Аббатъ дѣлаетъ два новыхъ барометра, изъ коихъ одинъ даетъ садовнику, другой оставляетъ себѣ. Описаніе Соликамска. Аббатъ сердится на Исбрантса Идеса, за то, что „онъ даетъ высокое понятіе объ этомъ городѣ“. Онъ намѣревался разсмотрѣть его до мельчайшихъ подробностей, вѣроятно для того, чтобы уличить во лжи Исбрантса Идеса, но вмѣсто того, онъ отправляется въ баню. „Я закутался въ тулупъ“, говоритъ онъ, а изъ примѣчанія вы узнаёте, что „тулупъ

есть родъ халата на мѣху". Никогда Гомеръ не входилъ въ такія подробности на счетъ кухонной посуды своихъ героевъ, въ какія аббатъ входитъ на счетъ своихъ вещей, и т. д. Да и что̀ герои Гомера въ сравненіи съ нашимъ аббатомъ? Но далѣе. Въ сопровожденіи своего лакея, онъ отправился въ баню. Событіе достопамятное; дѣло будетъ не шуточное, какъ тотчасъ увидите вы, другъ-читатель. Онъ быстро проходитъ маленькую переднюю и открываетъ дверь бани. Испуганный тѣмъ, что находитъ въ ней паръ, который принимаетъ за дымъ, герой нашъ предается страху; онъ боится задохнуться; онъ спѣшитъ бѣжать; ему чудится пожаръ. Его лакею стало стыдно за него; онъ его успокоилъ, сказавъ ему, что надобно раздѣться и войти, что̀ онъ сдѣлалъ лишь послѣ долгихъ наставленій и, увидѣвъ, что туда вошелъ, чтобы ободрить его, совершенно одѣтый человѣкъ. Наконецъ, и съ большимъ трудомъ, успѣли объяснить этому искусному физику, что эти бани устроены для того, чтобы потѣть. Какъ только очутился онъ въ банѣ, всегда опрометчивый и безтолковый какъ жукъ, онъ вскочилъ на самое высокое мѣсто, куда онъ поставилъ термометръ, при чемъ жаръ ударилъ ему въ голову. Его человѣкъ посовѣтовалъ ему сѣсть, но вмѣсто того, онъ покатился съ верху до низу; не смѣя болѣе подыматься, онъ захотѣлъ одѣться, но все его платье оказалось слишкомъ узкимъ. Не знаю, однако-же, какъ можетъ сдѣлаться узкимъ тулупъ: выше онъ сказалъ, что на немъ было только это одѣяніе. Хозяйка дома встревожилась, видя, что онъ возвращается такъ быстро и въ такомъ безпорядкѣ; она побоялась, чтобы съ нимъ не случилось какое нибудь несчастіе, но онъ попросилъ ее оставить его въ покоѣ и легъ; она предложила ему чаю, онъ отказался и, въ довершеніе немилости, опять всталъ. Тутъ, другъ-читатель, вы найдете весьма неприличный эстампъ съ надписью: *публичныя бани въ Россіи*, который скорѣе изображаетъ вакханалію, чѣмъ Русскую баню. Аббатъ ненавидитъ эти бани столько-же, какъ страну и ея жителей; онъ изображаетъ ихъ, какъ самую ужасную вещь въ мірѣ, и затѣмъ онъ присовокупляетъ: „эти бани обычны во всей Россіи; жители этой обширной страны отъ Государя до послѣдняго подданнаго моются въ нихъ два раза въ недѣлю, и одинаковымъ способомъ". Невозможно лгать болѣе наглымъ образомъ: не подумаешь-ли, что въ Россіи есть законъ, предписывающій всѣмъ ходить въ баню два раза въ недѣлю? Я-же, г. аббатъ, хотя вы и пишете съ одобренія Академіи, объявляю вамъ, что во всемъ этомъ параграфѣ нѣтъ и слова правды. Нѣтъ человѣка во всей Россіи, который ходилъ-бы въ баню два раза въ недѣлю; есть множество людей всѣхъ состоя-

ній, которые въ ней никогда не бывали; есть люди, которые бываютъ въ ней очень рѣдко. Есть простолюдины, и въ особенности чернорабочіе, которые бываютъ въ ней разъ въ недѣлю. Вы говорите, что всѣ, „отъ Государя до послѣдняго подданнаго, моются въ нихъ два раза въ недѣлю и одинаковымъ способомъ“ и вы помѣщаете тутъ-же неприличный эстампъ, поясняющій способъ, которымъ моются. Видѣли вы это, г. аббатъ? Какъ смѣете вы до того простирать безстыдство, неуважительность и наглость? Знаете-ли вы, что за одну эту черту вы заслуживаете болѣе, чѣмъ острастку? Онъ продолжаетъ на стр. LIII (87). „Всѣ тѣ, которые пользуются хотя малымъ достаткомъ, имѣютъ въ домѣ свою баню, въ которой отецъ, мать и дѣти моются иногда вмѣстѣ“. Если-бы вы сказали, что они моются, каждый полъ отдѣльно, вы-бы сказали правду. Даже въ публичныхъ баняхъ есть часы для женщинъ и другіе для мущинъ; или же есть перегородки, какъ вы и сами говорите ниже, отдѣляющія мужскія бани отъ женскихъ. Аббатъ присовокупляетъ на стр. LIV (87), что, выходя изъ бань совершенно голыми, они кидаются въ перемежку въ воду или въ снѣгъ. Выраженіе „въ перемежку“ относится тутъ къ двумъ поламъ, и даетъ поводъ думать, что таковъ обычай всего народа и всѣхъ состояній. Можно-ли, г. аббатъ, быть въ одно и то-же время злонамѣреннѣе и лживѣе? Гдѣ видѣли вы это?

Эта ложь по крайней мѣрѣ столь-же груба и нелѣпа, какъ сказка о любовныхъ похожденіяхъ погонщиковъ муловъ съ Вавилонскими дамами. Затѣмъ аббатъ говоритъ, что „бани людей богатыхъ разнятся отъ простонародныхъ лишь большею чистотою“. Это значитъ, что при нѣсколько-большей чистотѣ, богачи, какъ и народъ, ходятъ въ бани въ перемежку, мужчины съ женщинами. Но, аббатъ, возможно-ли простирать далѣе ложь и клевету, чѣмъ вы это дѣлаете въ этомъ случаѣ? Развѣ вы въ Европѣ единственное лицо, бывшее въ Россіи? И кто-же видалъ, чтобы наши дамы, красота которыхъ признана всѣми, выходя изъ бани, барахтались въ снѣгу въ перемежку съ мущинами? Аббатъ не стыдится изобрѣтать и печатать подобныя гадости; но мнѣ стыдно останавливаться на нихъ долѣе. Описаніе способа, которымъ моются въ баняхъ, не точнѣе остальнаго.

Онъ говоритъ, что въ нихъ сѣкутъ другъ друга пучками розогъ. Быть можетъ, его, для смѣху, высѣкли въ банѣ, онъ этого заслуживалъ; впослѣдствіи увидятъ, что надъ нимъ смѣялись во многихъ случаяхъ, но я не знаю, что́ онъ называетъ сѣчь другъ друга. Въ баняхъ моются различными способами. Когда хотятъ усилить жаръ паровыхъ бань, то надъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ, заставляютъ

осторожно махать простынею, и затѣмъ заставляютъ себя вытирать ею. Люди менѣе богатые употребляютъ, вмѣсто простыни, пучки березовыхъ вѣтокъ, снабженныхъ листьями. Но такъ какъ аббатъ помѣшанъ на томъ, чтобы все видѣть въ черномъ свѣтѣ, онъ увѣряетъ, что себя заставляютъ сѣчь, и въ доказательство самъ пренаивно разсказываетъ, что его высѣкли въ банѣ, и что послѣ того, какъ его высѣкли два раза, онъ вскочилъ такъ стремительно, что сбросилъ съ лѣстницы человѣка, высѣкшаго его; въ этой энергической выходкѣ вы узнаете аббата: онъ постоянно лягается. Аббатъ даже отвергаетъ здоровье всей націи, хотя всею Европою признано, что нѣтъ народа болѣе сильнаго и неутомимаго. Онъ говоритъ на страницѣ LVI (91) по поводу пользы бань, „что весь народъ вообще очень подверженъ цынгѣ“, и что „тому причиною лѣнивая жизнь, которую отъ ведетъ, и недостатокъ движенія“. Этотъ аббатъ очень поспѣшенъ въ своихъ заключеніяхъ: общія заключенія у него всегда готовы. Но на этотъ разъ всмотримся въ дѣло поближе. О комъ говорите вы, г. аббатъ? О народѣ? Общеизвѣстно, что нѣтъ народа, болѣе работящаго въ теченіи года. Лѣтомъ онъ постоянно въ полѣ, онъ пашетъ, сѣетъ, коситъ, молотитъ, рубитъ дрова; а зимою онъ ихъ возитъ, возитъ въ города продажные продукты, или онъ ловитъ рыбу, охотится, вечеромъ же, если остается у него на то время, пляшетъ и поетъ. Люди богатые ведутъ приблизительно ту-же жизнь, какую роскошь ввела во всѣ страны, гдѣ она вошла въ нравы. И такъ, г. аббатъ, вы и на этотъ разъ опять не правы. Проболтавши, все столь-же основательно, о баняхъ, о ихъ преимуществахъ и недостаткахъ, въ теченіи шести страницъ, аббатъ отправляется смотрѣть городъ Соликамскъ и мѣдно-литейный заводъ. Помощникъ директора, утомленный распросами аббата, обращается къ нему спиною; аббатъ, чтобы отомстить ему, говоритъ, „что хотя у него и былъ видъ смышленый и умный, но видно было, что онъ болѣе жилъ съ медвѣдями, чѣмъ съ людьми“. Но, г. аббатъ, если этотъ человѣкъ никогда не охотился за медвѣдями, а жилъ постоянно съ своими соотечественниками, то вы стало-быть ихъ называете медвѣдями? Если таково ваше обязательное намѣреніе, въ чемъ я не сомнѣваюсь, я отвѣчу за него, что наша страна менѣе наполнена медвѣдями чѣмъ ваша животными длинноухими. Вотъ вамъ, это буквальная правда. Аббатъ находитъ, что этотъ помощникъ, котораго онъ бранитъ, очень свѣдущъ, и что на его заводѣ царствуетъ прекрасный порядокъ. И такъ вы видите, что единственный недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ не любитъ навязчивыхъ людей, мѣшающихъ ему работать. Если-бы аббатъ былъ на его мѣстѣ,

бьюсь объ закладъ, что онъ отдѣлался-бы отъ докучливаго гостя нѣсколькими ударами кулакомъ. По поводу этого литейнаго завода, аббатъ дѣлаетъ глубокомысленное замѣчаніе, что во все продолженіе своего путешествія онъ замѣтилъ, что лучше имѣть съ собою рекомендательныя письма, чѣмъ ихъ не имѣть. Но, аббатъ, если-бы было лучше ихъ не имѣть, чѣмъ имѣть ихъ, никто-бы ихъ не бралъ. Сказавши это, аббатъ удивляется тому, что въ Россіи слуги повинуются своимъ господамъ, и даже находитъ это дурнымъ: чтобы выразить имъ свое негодованіе, онъ называетъ ихъ рабами, а ихъ господъ невѣжественными деспотами. Браво, г. аббатъ, продолжайте! Безъ эпитетовъ и брани, ваша книга не достигла-бы такой толщины. Любезность вашего характера обнаруживается на каждомъ шагу и дѣлаетъ вамъ величайшую честь. Изливъ свою жолчь на Соликамскій литейный заводъ, аббатъ говоритъ о фабрикѣ мѣдныхъ вещей, находящейся въ этомъ городѣ. Онъ нашелъ, что мѣдная утварь, изготовляемая тутъ, груба. Охотно судятъ о вещахъ по себѣ, но я не зналъ до сихъ поръ, что это распространяется и на хозяйственную утварь. Докучливые разспросы аббата были приняты точно такъ же, какъ и на литейномъ заводѣ. Затѣмъ аббатъ дѣлаетъ обзоръ солеваренъ той-же мѣстности. Онъ говоритъ на стр. LVIII (94): „Тотъ-же городъ изобилуетъ соляными источниками: ихъ насчитываютъ болѣе шестидесяти. Несмотря на это множество источниковъ, употребляютъ только два котла.“ Г. аббатъ, такъ какъ въ Россіи стараются доставлять всякой области соль изъ солеваренъ ближайшихъ, то, если въ Соликамскѣ только два котла, это конечно потому, что когда вы тамъ были, въ большемъ количествѣ не было надобности. Затѣмъ, въ примѣчаніи, достается отъ аббата Исбрантсу Идесу за то, что онъ сказалъ, будто въ Соликамскѣ есть котлы въ десять туазовъ глубиною, и прибавляетъ: „въ Соликамскѣ нѣтъ рѣки, по которой могло-бы плавать судно въ тысячу тоннъ, и никогда въ немъ не употреблялось осьмисотъ человѣкъ для перевозки соли.“ Г. аббатъ, я на этотъ разъ опять побѣдоносно отдѣлаю васъ фактами. Рѣка Кама судоходна до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Вятка, лишь въ весеннее половодье; тогда спѣшатъ спускать по ней суда, нагруженныя желѣзомъ, мѣдью, товарами и солью; между ними дѣйствительно есть такіе большія, что экипажъ ихъ доходитъ до осьми сотъ человѣкъ; эти суда ничто иное, какъ большія барки, ходящія внизъ по Камѣ и вверхъ по Волгѣ до Казани и Нижняго Новгорода, гдѣ разгружаютъ эти барки, называемыя по русски ладьями и грузъ переносятъ на суда меньшихъ размѣровъ, имѣющія однако же до двухъ сотъ человѣкъ экипажа. Изъ

одной ладьи часто нагружаютъ до четырехъ такихъ судовъ, которыя въ свою очередь подымаются по Волгѣ выше Ярославля, гдѣ снова нагружаютъ до шести и болѣе обыкновенныхъ барокъ съ одного изъ этихъ судовъ, называемыхъ по-русски стругами. Эти барки ходятъ до Петербурга. Ладьи и струга ходятъ также внизъ по Волгѣ до Астрахани, но не могутъ идти по ней вверхъ далѣе вышесказаннаго. Послѣ (Богъ вѣсть какого) описанія солеваренія, аббатъ 2-го Апрѣля выѣзжаетъ изъ Соликамска. Онъ переѣзжаетъ черезъ горы, и онѣ ему не по вкусу, точно такъ же, какъ и дороги. Онъ боится потонуть въ снѣгахъ, хотя подобному несчастію въ Россіи не бывало примѣровъ. Но неустрашимость аббата издали чуетъ всѣ несчастія: холодно-ли, онъ боится мороза; смягчается-ли погода, онъ страшится оттепели. Аббатъ, находясь такимъ образомъ между страхомъ холода и теплоты, бросаетъ мрачные взгляды на „ёлки необычайной высоты,“ которыя онъ встрѣчаетъ дорогою. На стр. LXI (99) онъ находитъ предосудительнымъ, что Сибирскія вороны и галки не летятъ ему навстрѣчу. Онъ предполагаетъ, что онѣ, точно такъ-же какъ и прочія птицы, оставили эти мѣста. Онъ ошибается; нѣтъ страны, въ которой было бы такое разнообразіе птицъ, какъ въ Сибири. Быть можетъ, онѣ приняли васъ за сову, и поэтому избѣгали вашей встрѣчи. Вы говорите, на стр. LXI (99), что „природа казалась оцѣпенѣвшею“. Какъ же, аббатъ, оцѣпенѣвшая! Почти нѣтъ страны, для которой природа была-бы столь щедра, какъ для этой Сибири. Она походитъ на страну баснословную; оттуда русская поговорка: *Сибирь-золотое дно*. Горы хрусталя, яшмовыя скалы, пригорки разноцвѣтныхъ мраморовъ, въ перемежку съ грядами золота, серебра, мѣди и желѣза, вотъ въ этой странѣ произведенія природы, которая кажется вамъ оцѣпенѣлою. Хлѣбъ родится въ ней въ изобиліи съ тѣхъ поръ, какъ въ ней распространилось хлѣбопашество. Есть земли, родящія самъ-шестьдесятъ, на многихъ хлѣбъ родится самъ-тридцатъ и тридцать четыре; на иныхъ менѣе; самый низкій урожай самъ-семъ; и наперекоръ аббату, говорящему, что „эти зерна рѣдко доходятъ до полной зрѣлости,“ Сибирь сама себя прокармливаетъ, куритъ вино и снабжаетъ хлѣбомъ многія сосѣднія области: такъ Исетская область продовольствуетъ часть Оренбургской губерніи. Татары, живущіе на южныхъ границахъ Сибири, пріѣзжаютъ за хлѣбомъ во всѣ пограничные форты. Мрачная душа аббата все видитъ въ мрачномъ свѣтѣ; тѣмъ хуже для него. Онъ продолжаетъ: „жители заперты въ своихъ хижинахъ девять мѣсяцевъ въ году, и почти не оставляютъ ихъ въ теченіи всей зимы.“ Это опять не правда; нѣтъ народа, который

болѣе любилъ-бы движеніе, чѣмъ Сибиряки. Они вообще имѣютъ умъ любознательный и, такъ сказать, постоянные искатели. Этотъ духъ даже поощряется правительствомъ, и этой склонности (если такъ можно выразиться) къ приключеніямъ, Россія обязана огромнымъ протяженіемъ земли, которымъ обладаетъ отъ Иртыша до Курильскихъ острововъ. Многія изъ этихъ завоеваній совершены зимою. Итакъ, г. аббатъ, снѣга и льды не дѣлаютъ изъ этихъ людей кротовъ, сидящихъ въ своихъ норкахъ, какъ вашему кривоумію и въ особенности вашему недоброжелательству угодно ихъ изображать. Снѣга, льды и вѣтры до сихъ поръ не полагали никакихъ преградъ предпріятіямъ Россіи или ея жителей. Они съ давнихъ поръ пріучены побѣждать всѣ препятствія, даже тѣ, которыя противупоставляетъ имъ климатъ. Это, быть можетъ, превышаетъ пониманіе многихъ людей; но, тѣмъ не менѣе, это правда.—Послѣ многихъ ухабовъ и нѣсколькихъ паденій (эти паденія аббата становятся столь часты, что я наконецъ потеряю терпѣніе и примусь противъ нихъ протестовать) онъ доѣзжаетъ до мѣста, имя котораго онъ коверкаетъ, въ которомъ онъ не находитъ лошадей и такъ какъ судьбѣ угодно, чтобы все, случающееся съ аббатомъ, казалось ему достойнымъ напечатанія, вы узнаёте тутъ-же, что аббатъ съ тѣми-же лошадьми взъѣхалъ весьма медленно на высокую гору. Онъ тотчасъ нивеллируетъ ее и находитъ, что она гораздо выше морскаго уровня въ Брестѣ. За тѣмъ, онъ пріѣзжаетъ въ деревню и выѣзжаетъ изъ нея; онъ переѣзжаетъ ручей, ему разсказываютъ, что въ началѣ зимы медвѣдь въ окрестностяхъ съѣлъ женщину: онъ говоритъ, что эти несчастія рѣдки. Онъ могъ-бы присовокупить, что если-бы были собраны всѣ приключенія съ медвѣдями въ Россіи, то оказалось-бы, что они причинили менѣе зла, чѣмъ страшная жеводанская гіена, опустошавшая Францію въ 1765 году, противъ которой было выдвинуто столько войска, за которую было обѣщано столько наградъ, и которая наконецъ была благополучно убита королевскимъ охотникомъ, за что́ онъ и былъ награжденъ пожизненною пенсіею. Торжествующій охотникъ вмѣстѣ съ звѣремъ были представлены Королю; потомъ и тѣмъ и другимъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, любовался весь Парижъ; а для удовлетворенія остальнаго королевства ихъ награвировали.

Описаніе берлоги черныхъ медвѣдей. Слѣдуетъ думать, что аббатъ сдѣлалъ имъ первый визитъ, и что все ограничилось между ними простыми учтивостями. Разсказъ объ охотѣ за медвѣдями, исчисленіе волковъ, лисицъ, зайцевъ, бѣлокъ и прочихъ дикихъ звѣрей. Похвала бѣлымъ медвѣдямъ: говорится, что одинъ человѣкъ съ пикою ходитъ на

бѣлаго медвѣдя и убиваетъ его, и что для этого надобно быть храбрымъ. Г. аббатъ, вотъ маленькое противорѣчіе; вы сказали выше въ вашемъ предисловіи (стр. XIV): „этотъ боязливый народъ.“ Тутъ вы по неволѣ признаете храбрость охотниковъ за бѣлыми медвѣдями. Ужъ не одни-ли они изъ всего народа одарены храбростію? Таково-ли ваше мнѣніе? Если вы скажете да, я скажу что, въ васъ много злобы, или въ тѣхъ, которые воспользовались вашимъ именемъ для распространенія вздора, заключающагося въ вашей книгѣ; еще страннѣе употребили они во зло имя Академіи, заставивъ ее помѣстить свое одобреніе во главѣ этого пасквиля, и пользуясь ея привиллегіями, подписанными священнымъ именемъ Людовика, чтобы напечатать столько вещей, противныхъ истинѣ. Авторитетъ Академіи въ чужихъ странахъ конечно ничего не выиграетъ отъ того, что во главѣ этой книги помѣщено ея одобреніе. А вы, бѣдный аббатъ, если вы ограничились тѣмъ, что дали въ займы ваше имя, то вы мнѣ жалки. Люди, знавшіе васъ въ Россіи, говорятъ, что вашихъ способностей не хватило-бы даже на сочиненіе такой золотой книги, какъ бы ни была она дурно написана; они думаютъ, что вашимъ именемъ воспользовались зависть и злоба, чтобы распространять то, что̀ внушала имъ страсть, или что̀ они находили сообразнымъ съ своимъ намѣреніемъ обманывать публику на счетъ этой Россіи, на которую, несмотря на ихъ усилія, устремлены взоры всей Европы. Враги ея славы стараются изобразить ее такою, какою они желали-бы, чтобы была эта страна, но не такою, какова она есть, то-есть, цвѣтущею и сильною. Жалкое и постыдное средство эта печатная клевета!—Аббатъ продолжаетъ путь, онъ пріѣзжаетъ въ Мелешино и входитъ въ домъ крестьянина. Аббатъ даетъ очень точное, по своему, описаніе хозяина, хозяйки, старухи, которая заснула, качая ребенка, хозяйскихъ дѣтей. Легко себѣ представить, что весь этотъ разсказъ, по обыкновенію аббата, направленъ лишь къ тому, чтобы дать вещамъ возможно худшій оборотъ. Въ опасеніи, чтобы читатель не пропустилъ этого скучнаго описанія, не преминули помѣстить рядомъ съ нимъ эстампъ, на которомъ нашъ герой, г. Шапиъ д'Отерошъ представленъ такъ, что не слишкомъ знаешь, пришелъ-ли онъ грабить эту хижину, или, въ качествѣ путешественника, просить въ ней ночлега: около него лежитъ полунагая женщина, и двое дѣтей, совершенно голыхъ, словно мертвыхъ, валяются у его ногъ. Мы уже опровергали выше эту мнимую наготу дѣтей: и такъ, ничего здѣсь о ней не скажемъ. Аббатъ разсказываетъ, какъ дѣти сосутъ въ Россіи. Мнѣ же кажется, что они это дѣлаютъ точно такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ странахъ. Потомъ

онъ говоритъ объ обычаѣ не пеленать дѣтей. Но онъ не говоритъ, что нѣтъ страны, гдѣ-бы дѣти ходили раньше, чѣмъ въ Россіи, потому что ихъ не пеленаютъ, отчего они дѣлаются сильнѣе; ихъ обыкновенно сажаютъ на полъ, гдѣ они не могутъ причинить себѣ вреда, и гдѣ они играютъ сколько хотятъ, валяются, встаютъ, ползаютъ; и обыкновенно, по прошествіи девяти-десяти мѣсяцевъ, они начинаютъ ходить. Кромѣ того, въ Россіи почти нѣтъ горбатыхъ. Аббатъ, сказавши, по поводу этого перваго воспитанія дѣтей „такъ слагаются въ Россіи люди, по складу своему менѣе расположенные къ немощамъ", присовокупляетъ: „они жили-бы долѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, если-бы не излишества и развратъ". Г. аббатъ, утверждаю, что въ Россіи нѣтъ болѣе разврата, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Народъ въ ней крѣпче; поэтому не все то для него излишество, что̀ было-бы излишествомъ для васъ.

Тутъ-же, на стр. LXV (106), вы найдете слѣдующую фразу: рѣчь идетъ о Русскихъ. „Вся жизнь ихъ и труды становятся возможными лишь въ силу того крѣпкаго сложенія, которое позволяетъ имъ переносить во время войны величайшія усилія, безъ ущерба для своего здоровья". Это какъ-бы невольно вырывается у аббата; онъ спѣшитъ присовокупить: „Какихъ выгодъ нельзя-бы было ожидать отъ воспитанія, подобнаго Русскому, въ странѣ, гдѣ форма правленія и нравственное воспитаніе также стремились-бы направлять человѣка къ чести, славѣ и мужеству?" Что̀ хотите вы этимъ сказать, г. аббатъ? Ужъ не ваше ли правительство намѣрены вы восхвалять, говоря это? Такъ, догадываюсь, и унизить наше? Но, г. аббатъ, въ какой націи правительство и нравственное воспитаніе болѣе стремятся направлять человѣка къ чести, славѣ и мужеству? Не въ той-ли, гдѣ Государь, тщательно собирая со всѣхъ сторонъ нача̀ла, наиболѣе способствующія тому, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ, самъ дѣлаетъ имъ сводъ, и говоритъ своимъ подданнымъ: „вотъ начала, которыя, по моему мнѣнію, могутъ васъ осчастливить! Если-бы мнѣ были извѣстны лучшія, я бы ихъ вамъ предложилъ: начертите мнѣ проэктъ законовъ по вашему усмотрѣнію, и представьте мнѣ его для того, чтобы мы могли выработать ихъ общими силами".

Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы и въ особенности людей разумныхъ, число которыхъ, правда, на свѣтѣ не велико. Не забывайте моего вопроса, г. аббатъ. Не въ той-ли націи? Или же въ той, которая воспрещаетъ ввозъ къ себѣ этого Евангелія законности, въ опасеніи конечно, чтобы у васъ не увидѣли, на сколько правительственныя начала разнятся въ обѣихъ странахъ? Наказъ,

изданный Императрицею Екатериною II, для составленія новаго уложенія, съ начала до конца направляетъ человѣка къ чести, славѣ и мужеству (*). Г. аббатъ, этотъ наказъ становится у насъ закономъ; онъ преслѣдуется у васъ, гдѣ, какъ вы увѣряете, форма правленія поощряетъ человѣка къ этимъ тремъ добродѣтелямъ. Г. Шаппъ, берегитесь, скоро у васъ останется лишь тѣнь, а сущность окажется у насъ. Аббатъ говоритъ: „нужно сознаться однакоже, что предразсудки относительно физическаго воспитанія дѣтей не столь значительны въ Парижѣ, какъ они были еще недавно. Нѣкоторыя лица перестали пеленать своихъ дѣтей; другія воспитываютъ ихъ почти голыми". Прошу васъ замѣтить, читатель, что аббатъ находилъ наготу дѣтей весьма предосудительною, когда дѣло шло о Русскихъ дѣтяхъ; теперь-же онъ восхваляетъ намъ полу-наготу Парижскихъ дѣтей, какъ принадлежность хорошаго и здороваго воспитанія. О! этотъ аббатъ неподражаемъ! Демонъ противорѣчій совершенно имъ овладѣлъ. Читатель, не находите-ли вы прелестными выраженія аббата? Значительные предразсудки (préjugés considérables)—выраженіе, кажется, почти новое.

Но наконецъ не мнѣ поправлять Француза, говорящаго на своемъ родномъ языкѣ. Всякій выражается, какъ можетъ. Значительные предразсудки—выраженіе, не заслуживающее никакого разбора. Затѣмъ, аббатъ критикуетъ обыкновеніе пользоваться правою рукою предпочтительно передъ лѣвою. Счастливое открытіе, съ которымъ поздравляю васъ, г. аббатъ. По поводу сильной смертности между дѣтьми, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Многія причины содѣйствуютъ тому, чтобы постоянно уменьшать населеніе деревушекъ, разбросанныхъ по этимъ обширнымъ пустынямъ". Объяснимся, г. аббатъ; когда вы говорите обширныя пустыни, что́ вы подъ этимъ разумѣете? Всю-ли Россію? Если такъ, то вы ошибаетесь. Собственно такъ называемая Россія, какъ яйцо, полна народомъ. Губерніи Московская и Нижегородская, такъ же какъ и многія другія области, уже страдаютъ недостаткомъ земель по количеству своихъ жителей. Къ тому-же въ Россіи земледѣльцу нужно болѣе земли, чѣмъ въ другихъ странахъ, ибо зима въ ней долга, и во все продолженіе ея приходится кормить скотъ на стойлѣ. Кромѣ того, нужно много лѣсу, чтобы топить крестьянскія избы; мы увѣрены, что у аббата въ Парижѣ нѣтъ такого огня въ печкѣ, какой есть у послѣдняго Русскаго крестьянина. Сѣверная Сибирь не столь

(*) Перепечатанъ у книгопродавца Рея съ оригинальнаго Петербургскаго изданія.

многолюдна, южная населяется,—какимъ образомъ, будетъ сказано ниже, и по обыкновенію, г. аббату достанется. Послушаешь его стр. LXVI (108), то скажешь, что Россія—гнѣздо смертельныхъ болѣзней. „Въ этой странѣ", говоритъ онъ, „не знаютъ инаго лѣченія, кромѣ бань". Г. аббатъ, эти слова ясно указываютъ на ваше невѣдѣніе на счетъ жителей. Вообще говоря, всѣ наши крестьяне знаютъ толкъ въ травахъ; у нихъ множество лѣкарствъ изъ нихъ составленныхъ; они, какъ и ваши крестьяне, имѣютъ своихъ знахарей. Не скажу, чтобы дѣйствіе этихъ лѣкарствъ было безошибочно, но гдѣ найдешь такія лѣкарства? Развѣ не ошибались самые знаменитые медицинскіе факультеты? Не на нашихъ-ли глазахъ протестовали они противъ прививанія оспы и антимонія, а употребляли всякія вздорныя мази съ такою-же самоувѣренностію, съ какою наши крестьяне пользуются извѣстными имъ лѣкарствами, которыми они, какъ и всѣ медики отъ времени до времени, излѣчиваютъ нѣкоторыя болѣзни, благодаря сложенію больнаго, и потому, что часъ его еще не насталъ? Аббатъ говоритъ, что народъ въ Россіи живетъ въ крайнемъ развратѣ, и что образъ жизни способствуетъ этому распутству, такъ какъ цѣлое семейство, отецъ, мать, дѣти и т. п. живутъ въ одной комнатѣ. Но, г. аббатъ, въ своемъ-ли вы умѣ? Развѣ можно предаваться распутству, находясь постоянно на глазахъ у родителей, и въ присутствіи цѣлаго семейства? Знаю, что вы говорите, будто „всѣ они спятъ въ перемежку, а отцы и матери, своею искренностью, научаютъ юношество многому раньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было". Но, г. аббатъ, вы ошибаетесь; ибо нѣтъ хижины, гдѣ для людей женатыхъ не было-бы особаго отдѣленія.—Онъ выѣзжаетъ изъ Мелешина, и по поводу избы, въ которой онъ переночевалъ, говоритъ: „Эти жители, бо́льшую часть года запертые въ своихъ комнатахъ, сообщаются съ внѣшнимъ воздухомъ лишь посредствомъ оконъ, величиною въ квадратный футъ, всегда запертыхъ, и посредствомъ проходца, который они открываютъ на короткое время утромъ, для того, чтобы разсѣялся дымъ; такъ что они живутъ среди зловонныхъ испареній, сгущающихся и бродящихъ около девяти мѣсяцевъ въ году". Г. аббатъ, всѣ согласны въ томъ, что ничто такъ не очищаетъ воздуха, какъ каминъ. Но нѣтъ хижины, въ которой не было-бы печи, и каждое утро, какъ вы сами говорите, открываютъ проходъ, чтобы выпустить дымъ. И такъ, воздухъ такой комнаты обновляется ежедневно, и въ ней нѣтъ испареній, сгущающихся и бродящихъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ. Г. аббатъ, поѣзжайте въ Вестфалію, и не такіе запахи услышите вы въ жилищахъ тамошнихъ крестьянъ.

Отъѣздъ аббата изъ Мелешина. Онъ очутился на равнинѣ; снѣгу меньше; однако термометръ показываетъ еще семь градусовъ ниже нуля. Онъ проѣзжаетъ деревушку и пріѣзжаетъ въ Верхотурье. Онъ говоритъ: „это маленькій Сибирскій городокъ, недалекій отъ рѣки Туры. Онъ расположенъ на скалахъ и окруженъ нѣкоторыми плохими укрѣпленіями. Они были возведены Русскими послѣ того, какъ они овладѣли Сибирью". Аббатъ, возводить въ этой странѣ крѣпости, подобныя Фландрскимъ, было бы издержкою, безполезною для государства; и такъ эти укрѣпленія, хороши-ли они или плохи, съ точки зрѣнія военнаго искусства, все-таки хороши, если они достаточны для исполненія предназначенной цѣли. И такъ, ваше выраженіе „*плохія*" въ этомъ случаѣ доказываютъ лишь крайнее ваше невѣжество и въ добавокъ вашу склонность находить дурнымъ все то, что́ вы видите. Откуда эта склонность? Оттого, что дѣло идетъ о странѣ, которую вы, или вашъ наушникъ, ненавидите. Кромѣ того, вы не знаете, что въ Сибири почти нѣтъ города, который не былъ-бы построенъ Русскими. Г. Шаппъ присовокупляетъ: „этотъ городъ (Верхотурье) былъ единственнымъ пунктомъ, черезъ который можно было проѣзжать изъ Россіи въ Сибирь" и, какъ причину тому, приводитъ, что Гагаринъ хотѣлъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ Сибири. Но причина эта ложная; единственная, по которой были запрещены остальные проѣзды, заключалась въ опасеніи, чтобы не были нарушены таможенныя постановленія. Какъ только Императрица Елисавета упразднила внутреннія таможни, всѣ дороги стали свободными и открытыми, и просьба аббата къ канцлеру о томъ, чтобы мнимая строгая Верхотурская таможня не разсматривала его инструментовъ, была лишь одною изъ его нескромностей (столь свойственныхъ его націи) и не имѣла ни цѣли, ни смысла. То, что́ говоритъ авторъ о намѣреніи князя Гагарина во времена Петра I присвоить себѣ верховную власть надъ Сибирью, не доказано. Сколько мнѣ помнится, губернаторъ этотъ былъ наказанъ не за то, что имѣлъ это намѣреніе, въ которомъ онъ никогда не былъ достаточно уличенъ, но за притѣсненія и жестокости, исчисленныя въ приговорѣ надъ нимъ.—Ученый аббатъ продолжаетъ на стр. LXVIII (111): „Петръ I издалъ постановленіе, дѣлающее слишкомъ много чести вкусу этого Государя къ наукамъ и искусствамъ, для того, чтобы я не упомянулъ о немъ здѣсь: имъ опредѣлялось, чтобы всѣ инструменты, имѣющіе отношеніе къ наукамъ и искусствамъ, никогда не осматривались на таможняхъ; но вскорѣ злоупотребленія, къ которымъ подало поводъ это разрѣшеніе, заставили его преемниковъ отмѣнить это постанов-

леніе". Аббатъ ошибается; все то, что относится къ наукамъ и искусствамъ, какъ-то: физическіе инструменты, картины, статуи, книги и т. д. до сихъ поръ не обложено въ Россіи никакою таможенною пошлиною; но осмотръ всегда производится: иначе всякіе товары проходили-бы подъ священною фирмою наукъ и искусствъ.

Несмотря на сказанное мною о несуществованіи внутреннихъ таможень, аббатъ умудрился отрыть въ Верхотурьи начальника таможни. Не знаю, кого онъ принялъ за таковаго; быть можетъ, бывшаго начальника. Но тѣмъ не менѣе правда, что на всемъ протяженіи Россійской Имперіи съ 1752 года не существуетъ внутреннихъ таможенъ. Нашъ герой подноситъ этому мнимому начальнику таможни вино и ликёры, и по этому поводу говоритъ: „въ Сибири знаютъ лишь то вино, которое завозятъ въ нее путешественники". Если-бы онъ сказалъ, что въ Сибири нѣтъ вина, за изъятіемъ церковнаго и кромѣ выписываемаго туда частными лицами и нѣкоторыми купцами, то онъ сказалъ-бы правду. Почему было-бы труднѣе выписывать въ Сибирь вино, чѣмъ Англійское пиво, которое продается до границъ Китая? Этотъ начальникъ таможни, имя котораго аббатъ коверкаетъ, даетъ мнѣ поводъ показать, на сколько аббатъ, хотя онъ постоянно прикидывается весьма знающимъ, не точенъ и несвѣдущъ на счетъ обычаевъ страны, безпрестанно имъ упоминаемыхъ. Онъ называетъ этого человѣка (о которомъ онъ много говоритъ, ибо онъ польстилъ самолюбію автора, посѣтивъ его, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ городскихъ жителей) Michitas Ivan Soubatow. Православная церковь при крещеніи даетъ каждому лицу лишь одно имя. И такъ, г. Soubatow не могъ называться Michitas Ivan, и во всемъ православномъ календарѣ, несмотря на множество поименованныхъ въ немъ святыхъ, вы не найдете ни одного, котораго называли-бы Michitas. А догадываюсь, что M-r Soubatow звали Nikita Ivanovitsch Zoubatow. Въ такомъ случаѣ его христіанское имя было Никита, имя-же его отца— Иванъ; ибо Русскій языкъ унаслѣдовалъ отъ своего родоначальника, языка Славянскаго, а этотъ послѣдній отъ языковъ восточныхъ, обычай, называя данное лицо—говорить такой-то, сынъ такого-то. Вы видите тысячу примѣровъ этого обычая въ Священномъ Писаніи: напримѣръ, Давидъ, сынъ Іессеевъ, Соломонъ, сынъ Давидовъ; такое наименованіе считалось почетнымъ, гордились именемъ своего отца, и тѣмъ выражали свое къ нему уваженіе. Многія семейства даже принимали, какъ фамильное названіе, имя своего дѣда; правда, что это вводило большую путаницу въ родословныя, ибо во всякомъ поколѣніи мѣнялось прозвище. Семейство Романовыхъ, между прочимъ, давшее

Россіи столько Государей, имѣло это обыкновеніе, и оно сохранило прозвище Романовыхъ, лишь потому, что дѣдъ патріарха Филарета Никитича, сынъ котораго вступилъ на престолъ, назывался Романомъ. Z, вставленное мною вначалѣ имени г. Зубатова, вмѣсто S, болѣе сообразно съ Русскимъ произношеніемъ.—Аббатъ выѣзжаетъ изъ Верхотурья: ночь темна, онъ велитъ зажечь факелы, съ нимъ не случается никакого приключенія; на другой день большое несчастіе, сани часовщика ломаются, ихъ связываютъ веревками. Пріѣзжаютъ въ деревушку, аббатъ отправляется смотрѣть, какъ обѣдаютъ его ямщики. Вы угадываете, что это для того, чтобы раскритиковать ихъ обѣдъ. Они ѣли choux croute (полагаю, что это значитъ кислая капуста) и кашу; онъ говоритъ, что ее приправляютъ коноплянымъ масломъ или медвѣжьимъ жиромъ. Я полагаю, что онъ шутитъ: конопляное масло употребляютъ лишь для лампъ, а медвѣжій жиръ, какъ наружное средство. Я никогда не слыхалъ ни отъ кого, кромѣ аббата, чтобы его ѣли въ Россіи, да еще постомъ. Жители Камчатки одни ѣдятъ все. Аббатъ не любитъ чернаго хлѣба, онъ говоритъ, что этотъ хлѣбъ невыносимъ. Ужъ не предпочитаете-ли вы, г. аббатъ, супъ изъ луку, которымъ угощаютъ всѣхъ путешественниковъ во Французскихъ гостинницахъ? Ужъ не находите-ли вы его болѣе питательнымъ, чѣмъ щи и черный хлѣбъ, этотъ знаменитый супъ, состоящій изъ нѣсколькихъ ложекъ теплой воды и изъ одной свѣжей луковицы? Г. Шаппъ продолжаетъ: „они очень стараются о томъ, чтобы не оставлять на столѣ ни малѣйшей крохи своихъ кушаній; они тщательно собираютъ ихъ и тотчасъ съѣдаютъ. Послѣ обѣда, столъ—единственное чистое мѣсто во всемъ домѣ". Господинъ д'Отерошъ, вы судите по дѣйствіямъ вашего ямщика о цѣломъ народѣ. Потому что онъ въ вашемъ присутствіи съѣлъ крошку, оставшуюся на столѣ, вы изъ этого прямо дѣлаете обычай всѣхъ Русскихъ: вы говорите во множественномъ числѣ: „они тщательно собираютъ малѣйшія крошки и тотчасъ ихъ съѣдаютъ". По чести, г. аббатъ, какъ плохо знаете вы нашихъ Русскихъ! Они не крохоѣды, они не настолько голодны, чтобы заниматься собираніемъ крошекъ, съѣстные припасы достаются имъ дешево, и они ѣдятъ ихъ не крохами. Вы прибавляете: „столъ, послѣ обѣда, единственное чистое мѣсто въ домѣ". Другое заключеніе, столь-же вѣрное, какъ и предъидущее, основанное на привычкахъ ямщика. Г. аббатъ, одинъ изъ моихъ соотечественниковъ видѣлъ во Франціи нищихъ, покрытыхъ рубищемъ; долженъ-ли я заключить изъ этого, что всѣ Французы ходятъ въ лохмотьяхъ? Вы видите, что моя логика не уступаетъ вашей; я столь-же искусно, какъ

и вы, вывожу заключенія; по крайней мѣрѣ, они столь-же вѣрны. Авторъ продолжаетъ: „въ этомъ домѣ было четыре или пять женщинъ, которые при нашемъ появленіи схоронились за какую-то занавѣску: мало по малу, онѣ приручились". Если женщины схоронились, вѣроятно аббатъ испугалъ ихъ, но если онѣ не приняли его за дикаго звѣря, и только удалились, то выраженіе *схоронились* становится преувеличеніемъ, вставленнымъ тутъ единственно для того, чтобы придать этимъ женщинамъ характеръ дикарокъ. Продолженіе страницы LXXI (115) доказываетъ, что я говорю правду. Такія преувеличенія встрѣчаются часто въ этой книгѣ; они входятъ въ планъ сочиненія, цѣль котораго состоитъ единственно въ томъ, чтобы представить Россію и ея жителей въ самомъ отвратительномъ видѣ: это задняя мысль видна повсюду въ этой толстой книгѣ. Но тасъ какъ всякій лгунъ, лишенный памяти, самъ лишаетъ себя вѣры, то вы найдете множество противорѣчій, и если вы не расположены, какъ аббатъ, все видѣть съ дурной стороны, то я разувѣрю васъ во многихъ вещахъ, которыя разсказываетъ г. Шаппъ д'Отерошъ, членъ Академіи Наукъ. Пойдемъ далѣе; онъ говоритъ: „эти женщины мало по малу приручились". Словно онъ говоритъ о какихъ нибудь волкахъ или хищныхъ звѣряхъ. Это выраженіе, повидимому, любезность. Вы тотчасъ будете присутствовать при его туалетѣ. Жаръ, имъ испытанный, заставилъ его скинуть тулупъ (нечего удивляться крайнему жару, на который жалуется аббатъ: вездѣ онъ оставался въ топленыхъ комнатахъ въ шубѣ), онъ надѣлъ кафтанъ, и за тѣмъ присовокупляетъ: „женщины дивились этому платью и съ крайнимъ любопытствомъ разсматривали всѣ части моего одѣянія: все казалось для нихъ новымъ, хотя эта дорога и была единственная проѣзжая". Нѣтъ, аббатъ, невозможно, чтобы женщины дивились вашему старому кафтану: нѣтъ въ Россіи того лакея, который его-бы не имѣлъ. Вы говорите сами, что находились на большой дорогѣ, по которой безпрестанно ѣздитъ множество народа, купцы съ Ирбитской ярмарки, караваны изъ Китая, губернаторы областей, воеводы и военные. И что-же? Весь этотъ народъ одѣтъ какъ прочіе Европейцы, и конечно всѣ по дорогѣ достаточно привыкли къ этому одѣянію, чтобы не приходить въ восторгъ отъ вашего кафтана и прочей вашей рухляди. Аббатъ находитъ, что женщины этой деревни очень привѣтливы, а дѣвушки красивы. Онъ останавливается нѣсколько на ихъ рукавахъ и рубашкахъ; затѣмъ, сказавши, что есть лѣса и равнины и деревушки, болѣе или менѣе населенныя, онъ возвращается къ одѣянію и прическѣ Сибирскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Чѣмъ болѣе аббатъ можетъ отъискать мело-

чей, тѣмъ болѣе онъ обыкновенно на нихъ останавливается; но онъ забываетъ сказать, или не замѣтилъ, что жилища различныхъ Сибирскихъ племенъ до того перемѣшаны, причемъ каждое сохранило свое одѣяніе или заимствовало что нибудь у своихъ сосѣдей, что нельзя сказать положительно, чтобы такое-то одѣяніе, скорѣе чѣмъ другое, было одѣяніемъ данной мѣстности. Онъ оставляетъ это мѣсто и пріѣзжаетъ 7-го въ полдень въ деревушку, называемую Бабыкинымъ. „Оттепель рѣшительная, снѣгъ растаялъ повсюду, исключая дороги". Онъ боится переѣзжать рѣки. Онъ пріѣзжаетъ въ Тюмень. На стр. LXXII (117) онъ хочетъ ѣхать, но ему говорятъ, что съ часу на часъ можетъ пройти ледъ. Аббатъ упорствуетъ въ томъ, чтобы проѣхать по льду, поитъ своихъ ямщиковъ, чтобы сбить ихъ съ толку, потомъ платитъ имъ двойные прогоны, и наконецъ переѣзжаетъ рѣку. Опрометчивость аббата напоминаетъ опрометчивость молодыхъ солдатъ, не знающихъ опасности, и которымъ это невѣдѣніе замѣняетъ храбрость. Онъ проѣзжаетъ нѣсколько деревушекъ, и достигаетъ той, гдѣ ему приходится переѣзжать черезъ рѣку Тоболъ. Тутъ онъ начинаетъ бояться, что черезъ нее не переберется: сильное душевное волненіе аббата; онъ было рѣшился остановиться тутъ, чтобы произвести свои наблюденія; тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ онъ находитъ, что въ Тобольскѣ это будетъ удобнѣе, и такъ какъ эта нерѣшительность приводитъ его въ дурное расположеніе духа, то онъ, по обыкновенію, разражается бранью на весь народъ. „Я начиналъ, говоритъ онъ на стр. LXXIII (119), уже достаточно знать этотъ народъ, чтобы не заблуждаться на счетъ того, что оказываемыми мнѣ по дорогѣ учтивостями я обязанъ нѣкоторымъ доброжелательнымъ людямъ, встрѣченнымъ мною и главнымъ образомъ, рекомендательнымъ письмамъ г. Воронцова. Во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ склонности жителей были предоставлены самимъ себѣ, я испыталъ крайнія затрудненія, а тутъ же мнѣ приходилось еще опасаться суевѣрія невѣжественнаго народа". Замѣтьте, прошу васъ, другъ-читатель, что все сказанное здѣсь г. Академикомъ, съ начала до конца—простое предположеніе. Выѣзжая изъ Петербурга, онъ началъ съ того, что установилъ въ своей свитѣ субординацію, благодушно отколотивъ кулакомъ своего провожатаго. Затѣмъ онъ много бранился съ своимъ часовщикомъ (отъ этой брани мы во многихъ мѣстахъ избавляли читателя, ибо когда онъ коснется этого предмета, онъ неистощимъ) потомъ онъ съ надменностію говоритъ о своихъ людяхъ; и вообще вы видите, что онъ со всѣми обращается сверху внизъ. Его пріемы конечно не могли располагать въ его пользу. И что-

же? Не смотря на всѣ эти учтивости, какія же это крайнія затрудненія, причиненныя естественными склонностями жителей и испытанныя имъ? Во всей книгѣ мы не встрѣчаемъ ни одного факта, въ подтвержденіе этого показанія. Онъ нашелъ дороги, испорченныя весеннею непогодою; въ Соликамскѣ онъ встрѣтилъ надзирателя, не любящаго распросовъ, и обернувшагося къ нему спиною: вотъ и все. Вообще смѣю утверждать, что народы въ Россіи болѣе гостепріимны, чѣмъ многіе другіе въ Европѣ, присвоивающіе себѣ названіе образованныхъ. Если путешественникъ заѣдетъ къ Русскому крестьянину, и только обойдется съ нимъ кротко, то крестьянинъ не откажетъ ему ни въ пріютѣ, ни въ пищѣ, которою онъ самъ питается: одинъ обѣдъ считается такою бездѣлицею, что онъ удивляется, когда его спросятъ о цѣнѣ. Но если крестьянинъ замѣтитъ, что къ нему приступаютъ съ грубостію, или съ любезностію аббата, тогда у него ничего не оказывается, и дверь его заперта. То, что̀ я сказалъ о крестьянахъ, очень хорошо можетъ быть приложено и къ жителямъ городовъ. Я-же нахожу, что наши соотечественники правы, и что аббату жаловаться не на что; несмотря на все свое недоброжелательство, онъ обязанъ сознаться, что съ одной стороны онъ встрѣтилъ „людей доброжелательныхъ“, съ другой, что рекомендаціи г. Воронцова доставили ему вниманіе отъ многихъ лицъ. И такъ, всѣ его жалобы сводятся ни къ чему; онѣ указываютъ только на предубѣжденія Отерошскаго философа или того, кто принялъ его имя. Онъ оканчиваетъ фразу, приведенную мною, словами: „мнѣ приходилось еще опасаться суевѣрія невѣжественнаго народа“. Г. аббатъ, конечно ни въ одной странѣ не встрѣчается рядомъ столько различныхъ вѣроисповѣданій, какъ въ Россіи. Вы найдете въ ней разныя мусульманскія секты, рядомъ съ идолопоклонниками всѣхъ родовъ, среди населенія православнаго, которое, несмотря на свое преобладаніе, не преслѣдуетъ ни ихъ, ни папистовъ, ни лютеранъ, ни кальвинистовъ, ни гергнутеровъ. Каждый свободно исповѣдуетъ свою вѣру. Конечно въ этомъ множествѣ сектъ есть суевѣріе, есть и невѣжество; но есть въ Россіи великая добродѣтель, вамъ неизвѣстная: это терпимость, научающая насъ смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на братьевъ. Великое разнообразіе народностей и ихъ смѣшеніе приводитъ ихъ къ тому, чтобы ежедневно исполнять этотъ законъ, самимъ Богомъ намъ данный, но не признанный вами и вамъ подобными, людьми ловкими (ибо онъ вамъ никакихъ выгодъ не приноситъ). Но пойдемъ далѣе. На стр. LXXIII (120), аббатъ находится въ двадцати пяти миляхъ отъ Тобольска; онъ боится не поспѣть во̀

время для своего наблюденія. Эта мысль бросаетъ его въ потъ; послѣ испарины, „общій упадокъ силъ“, затѣмъ отчаяніе. Это кончается тѣмъ, что онъ предлагаетъ своимъ людямъ положить клади на ледъ рѣки Тобола, который долженъ былъ вскорѣ тронуться; но такъ какъ его людямъ въ ту пору не хотѣлось утонуть, то аббатъ говоритъ: „ихъ умы были настроены на такой ладъ, что они находили невозможнымъ все то, что́ я предлагалъ, и они грубо отвергли мое предложеніе“. Я вижу въ этомъ сильное доказательство дурнаго обращенія аббата съ его людьми; ибо нѣтъ той вещи, которой нельзя было-бы заставить Русскихъ сдѣлать, если только взяться за это какъ слѣдуетъ. Конечно, не опасности пугаютъ ихъ; они изъ удальства переправляются черезъ рѣки во время ледохода. Всякій, кто бывалъ въ Петербургѣ въ это время года, можетъ это засвидѣтельствовать. Кромѣ того, во всѣхъ опасностяхъ, у простолюдина на устахъ слово *небось*. Вотъ другое мѣсто, дающее понятіе о кротости аббата. „Ихъ отказъ, говоритъ онъ, сдѣлалъ на меня такое впечатлѣніе, что я чуть было не принудилъ ихъ перевезти меня.“ Аббатъ повидимому не дорого цѣнитъ жизнь людей; онъ, въ своихъ саняхъ, подвергался меньшимъ опасностямъ, чѣмъ ямщики. Такъ какъ онъ былъ одинъ противъ многихъ, то онъ остерегся принуждать. Онъ вздумалъ кормить лошадей, потомъ опять измѣнилъ свое намѣреніе, и вмѣсто того велѣлъ себѣ принести „запасы для ужина и водку, чтобы раздать ее своимъ людямъ.“ То, что́ слѣдуетъ, подтверждаетъ мои предположенія о кротости аббата. Онъ самъ говоритъ: „Нужно было успокоить умы, раздраженные всѣмъ тѣмъ, что́ случилось.“ И кого бы не раздражило обращеніе человѣка, стоящаго на томъ, что онъ можетъ справиться съ людьми, съ которыми онъ путешествуетъ и у которыхъ онъ въ гостяхъ, лишь грубостію и насиліемъ? Не сказалъ-ли онъ выше, на стр. XXIX: „Они признаютъ господина лишь по его жестокому съ ними обращенію„? Онъ, разыгрывая съ своею свитою „господина“, ежеминутно сообразовалъ свои дѣйствія съ этимъ прекраснымъ изрѣченіемъ и вполнѣ успѣлъ въ томъ, чтобы раздражить всѣхъ своихъ спутниковъ, въ чемъ онъ въ этомъ мѣстѣ и сознается. Во время этой раздачи провіанта, онъ посылаетъ за термометромъ, и ставитъ его къ стѣнѣ. Вотъ его слова (стр. LXXIV—120): „Обыватели столько-же удивились этому инструменту, какъ и жители Козьмодемьянска барометру, принятому ими за часы“. Очень можетъ быть, что это былъ первый термометръ, видѣнный въ этой деревнѣ. Замѣчу только мимоходомъ, что профессоры второй Камчатской экспедиціи оставили въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько термометровъ, и поручили жителямъ

производить съ ними наблюденія. По возвращеніи они нашли, что нѣкоторые изъ нихъ исполнили ихъ порученіе. Никто не связывалъ съ этимъ никакихъ представленій о сверхъестественномъ. И такъ барометры и термометры не были новостью въ Сибири и привезенные г. Шаппомъ не были первыми. Аббатъ, видя любопытство жителей, предположилъ, что они тутъ видятъ нѣчто сверхъестественное. Эти предположенія нашего автора встрѣчаются на каждомъ шагу. Онъ продолжаетъ: „термометръ вскорѣ поднялся до двадцати-пяти градусовъ; тогда я взялъ его и сказалъ имъ съ видомъ увѣренности, что, вынесенный на дворъ, онъ укажетъ намъ, можно-ли переѣхать рѣку, не подвергаясь опасности; и что въ такомъ случаѣ онъ опустится ниже назначенной мною черты. Они прикрѣпили термометръ на дворѣ, я-же тотчасъ вошелъ въ избу и пересталъ говорить объ отъѣздѣ. Я тотчасъ замѣтилъ броженіе, произведенное невѣжествомъ и суевѣріемъ во всѣхъ этихъ разгоряченныхъ головахъ.“ Весь этотъ параграфъ (допустивъ даже предположеніе аббата о чудесномъ характерѣ, придаваемомъ этими людьми барометру и термометру) выставляетъ его въ видѣ отъявленнаго шарлатана; если-же онъ ошибся на счетъ любопытства этихъ людей, то нельзя не сознаться, что взглядъ этого человѣка далеко не вѣренъ: въ томъ и другомъ случаѣ его роль ни честна, ни блестяща. Онъ говоритъ: „я былъ занятъ тѣмъ, что поилъ ихъ, когда самый строптивый, вышедшій незамѣтно для меня, вернулся въ восторгѣ, и сказалъ мнѣ, что *звѣрокъ* (l'animal) опустился ниже назначенной мною черты.“ Аббатъ принимаетъ буквально, что ртуть его термометра была принята за животное, и это только доказываетъ его невѣжество. Слово *звѣрокъ*, которое очевидно было употреблено въ этомъ случаѣ,— шутливое выраженіе, охотно прилагаемое народомъ ко всему, что онъ не знаетъ, и что имѣетъ малѣйшее сходство съ чѣмъ-нибудь живымъ: ртуть-же въ термометрѣ дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое сходство съ червякомъ; видя, какъ она опускается и поднимается, ямщикъ, впрочемъ полупьяный благодаря стараніямъ аббата, пришелъ въ шутку сказать, что звѣрокъ опустился. Г. Шаппъ, чужія мысли, какъ-бы ни были онѣ вѣрны, кажутся намъ нелѣпыми, потому что онѣ не наши, когда у насъ недостаетъ философскаго духа.—Онъ оставляетъ деревушку и подъѣзжаетъ къ Тоболу. Аббатъ говоритъ на стр. LXXV (123): „первый ямщикъ собирается переѣхать, но тотчасъ останавливается. Я стоялъ на моихъ саняхъ; кричу ему „ступай!“ и въ тоже время даю своему ямщику такой пинекъ, что онъ тотчасъ трогается, и въ одно мгновеніе мы очутились на другомъ берегу.“ Аббатъ, повидимому, гордится всѣми пиньками,

которые онъ раздаетъ, и не упускаетъ случая упомянуть о нихъ печатно. Тотчасъ за тѣмъ, онъ даетъ намъ очеркъ своего характера въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я однакоже въ эту минуту не насладился тѣмъ избыткомъ радости, который слѣдовало-бы мнѣ испытать. Какъ только переѣхалъ я рѣку, я испыталъ во всѣхъ членахъ общую дрожь, за которою послѣдовали судорожные припадки: мои силы, повидимому возраставшія до этой минуты, вдругъ ослабѣли.“ Что́-же сдѣлалъ этотъ неустрашимый человѣкъ, этотъ храбрецъ на кулакахъ? Угадайте? Онъ прибѣгнулъ къ остатку ликёра, который онъ имѣлъ съ собою въ саняхъ. Онъ дѣлаетъ еще два переѣзда, переправляется черезъ Иртышъ, и пріѣзжаетъ 10-го Апрѣля въ Тобольскъ, проѣхавши, говоритъ онъ, около осьми сотъ миль, или три тысячи сто осьмнадцать верстъ отъ Петербурга, въ мѣсяцъ. Онъ посѣщаетъ г. Соймонова, тогда губернатора Сибири; этотъ послѣдній призываетъ своихъ дочерей, которыя цѣлуютъ аббата; по этому поводу, онъ описываетъ, по своему, то, что̀ онъ называетъ этикетомъ, соблюдаемымъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ говоритъ, что противъ него погрѣшилъ, ибо онъ „долженъ былъ ждать на своемъ мѣстѣ, чтобы онѣ пришли его поцѣловать.“ Но это описаніе мнимаго этикета, установленнаго, по словамъ г. Шаппа, во всей Россіи, страдаетъ двумя маленькими погрѣшностями; во первыхъ, если-бы у него не было постояннаго желанія все представлять въ смѣшномъ видѣ, мелочи, приводимыя имъ, не стоили-бы помѣщенія въ его книгѣ — развѣ для того, чтобы увеличить ея объемъ; во вторыхъ, такой этикетъ не существуетъ, ибо всякій въ Россіи живетъ въ своемъ домѣ по своему, и принимаетъ въ немъ и иностранцевъ, и земляковъ, какъ ему вздумается. Нѣтъ, быть можетъ, двухъ домовъ, въ которыхъ существовали-бы въ этомъ отношеніи совершенно одинаковые обычаи. Со времени своего пріѣзда и по 11-ое Мая, аббатъ занятъ постройкою своей обсерваторіи. На стр. LXXVII (126), онъ говоритъ, что жители Тобольска, по случаю его астрономическихъ наблюденій, приняли его за колдуна; однако онъ не былъ первымъ, кто производилъ въ Сибири астрономическія наблюденія: въ разное время, ихъ производили также обѣ Камчатскія экспедиціи. Онъ прибавляетъ на стр. LXXVIII (127): „Наименѣе невѣжественные распускали объ этомъ наблюденіи самые нелѣпые толки, между тѣмъ какъ остальные ожидали этого момента съ такимъ-же страхомъ, какъ свѣтопреставленія!“ Г. аббатъ, если Тобольскія кумушки такъ смотрѣли на дѣло, то онѣ въ этомъ сходились съ кумушками Парижскими и многихъ иныхъ мѣстъ, гдѣ кометы и прочія небесныя явленія заставляли дрожать не мало людей. Ваши королевы, въ

теченіи долгихъ временъ, не могли родить безъ того, чтобы въ гардеробной не былъ спрятанъ астрологъ, для того, чтобы предсказать будущность новорожденнаго. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не случилась-ли у васъ, среди Парижа, ужасная исторія г-жи Бренвилье, въ которую было запутано столько людей высшаго сословія, отчасти изъ-за колдовства, отчасти изъ-за суевѣрій, ядовъ, талисмановъ, и т. д? Послѣ этого вамъ не пристало изумляться толкамъ Тобольской черни. Онъ говоритъ: „меня считали виновникомъ разлива Иртыша". Этотъ разливъ однако-же происходитъ каждый годъ, какъ онъ самъ говоритъ. Нѣсколько лицъ, „предъупредили его, чтобы онъ не ходилъ одинъ на обсерваторію, и чтобы онъ остерегался буйства черни." Надъ нимъ въ Тобольскѣ смѣялись. Г. Соймоновъ, графъ Пушкинъ и архіепископъ Тобольскій захотѣли участвовать въ наблюденіи. Аббатъ велѣлъ для нихъ приготовить палатку, въ которую онъ помѣстилъ подзорную трубку для нихъ и для ихъ семействъ. Слѣдуетъ весьма подробное описаніе всего того, что̀ почувствовалъ аббатъ, видя, что погода благопріятствуетъ его наблюденію, и той перемѣны, которая произошла въ его душевномъ настроеніи, когда небо помрачилось и покрылось туманомъ и тучами. Онъ употребляетъ на это двѣ страницы съ половиною. Наконецъ онъ увидѣлъ Солнце и Венеру. „Я насладился въ эту минуту, говоритъ онъ, удовольствіемъ наблюденія, и надеждою, что послѣ моей смерти потомство воспользуется проистекающими изъ него выгодами." Этимъ скромнымъ изрѣченіемъ заключаетъ онъ отчетъ о своемъ наблюденіи надъ Венерою, но—не свою книгу.

О КЛИМАТѢ СИБИРИ И ПРОЧИХЪ ОБЛАСТЕЙ РОССІИ.

РАЗБОРЪ.

На стр. LXXXIII (135) г. Шаппъ говоритъ. „Ширина этой послѣдней полосы (Россіи) составляетъ пять сотъ двадцать пять миль отъ Азова до ея границъ у Ледовитаго Моря." Онъ, въ 1768 году (время появленія его книги), причисляетъ Азовъ къ владѣніямъ Россіи. Онъ ошибается; Азовъ и Таганрогъ были лишены укрѣпленій и объявлены пограничными пунктами между Русскою и Турецкою имперіею по Бѣлградскому міру, заключенному въ 1739 году. Эти города не принадлежали никому до объявленія настоящей войны 1769 года. Тогда Русскія войска заняли Азовъ 6-го Марта и Таганрогъ 6-го Апрѣля, и разрушенныя

ихъ укрѣпленія были возведены вновь. Нѣсколькими строками ниже приведеннаго мѣста, я нахожу слѣдующее. „Я узналъ проѣздомъ черезъ Соликамскъ, что термометръ г. Делиля опустился въ томъ же 1761 году до двухъ сотъ осьмидесяти градусовъ.“ Прямое доказательство сказанному мною выше о томъ, что барометры и термометры аббата не были первыми, которые достигли этихъ мѣстъ. Здѣсь аббатъ изумляется „этому ужасному холоду, почти неимовѣрному“ и присовокупляетъ: „я не воображалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столь жестокій холодъ.“ Предположивъ даже, что вы не прибавляете градусовъ, вамъ, г. Академикъ, стоило только оглянуться вокругъ себя, и вы увидѣли-бы, что живые люди существуютъ. Онъ говоритъ: „я нѣсколько разъ боялся, что не устою (противъ холода) хотя термометръ г. Реомюра не опускался ниже чѣмъ приблизительно на двадцать два градуса.“ Такъ какъ другіе люди жили вокругъ него, то онъ могъ надѣяться жить также; но онъ изумляется всему тому, чего онъ не видалъ въ Парижѣ. Тутъ же, читатель, вы узнаете, что съ самой Москвы аббатъ брился только разъ, и что это знаменательное событіе долженъ занести въ свои лѣтописи городъ Нижній. Онъ увѣряетъ, что „его дыханіе замерзало на его губахъ, и составляло съ его бородою одну сплошную льдину.“ Но это неправда; много, если его борода нѣсколько бѣлѣла, точно такъ же, какъ у всѣхъ ямщиковъ, носящихъ бороду: зачѣмъ-же онъ ее отпускалъ? Изъ чистоплотности, или изъ лѣни, или для того, чтобы производить физическіе опыты? Не знаю. Его жалобамъ на холодъ нѣтъ конца. Онъ говоритъ: „множество шубъ, которыми я былъ прикрытъ, правда, защищали отъ этого холода остальную часть моего тѣла; самый падающій снѣгъ иногда служилъ мнѣ огражденіемъ, образуя на моихъ саняхъ слой въ пять или шесть дюймовъ толщины. Но воздухъ, которымъ я дышалъ, производилъ въ моей груди, которою я никогда не страдалъ, столь сильную рѣзь, что я былъ измученъ постоянною болью, мною испытываемою.“ Замѣтьте, прошу васъ, что въ этомъ мѣстѣ страдаетъ отъ холода воображеніе автора, потому, что ему сказали, будто въ Соликамскѣ термометръ показывалъ необычайный холодъ; самъ же онъ, по собственнымъ своимъ показаніямъ, видѣлъ и испытывалъ лишь холодъ въ двадцать два градуса. Но, заваленный множествомъ шубъ въ крытыхъ саняхъ, на которыхъ еще лежалъ слой снѣга въ пять или шесть дюймовъ, онъ долженъ былъ подвергаться испаринѣ, а не холоду: ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые путешествовали въ этихъ саняхъ, называемыхъ по русски *возками*. Замѣтьте еще, что тутъ есть нѣкоторое противорѣчіе: когда падаетъ снѣгъ, холодъ уменьшается; и такъ когда

на саняхъ аббата было отъ пяти до шести дюймовъ снѣга, онъ естественно испытывалъ менѣе холода, чѣмъ прежде паденія этого снѣга. И такъ ясно, что въ разсказѣ г. академика есть значительныя преувеличенія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ передаетъ намъ то, что̀ сказали ему на смѣхъ. Вотъ его слова: „Въ Соликамскѣ меня увѣряли, что онъ (холодъ) иногда усиливается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ такою быстротою, что при этихъ обстоятельствахъ люди и лошади падаютъ мертвые, если, слишкомъ удаленные отъ жилищъ, они не успѣваютъ тотчасъ въ нихъ укрыться". Это сказка, дѣтей пугать. Мы никогда не слыхали, чтобы замерзали лошади, или люди; подвергаются опасности лишь пьяницы, и то очень рѣдко, если они засыпаютъ на улицѣ. Въ большіе холода при вѣтрѣ случается, что нѣкоторыя обнаженныя части тѣла коченѣютъ; тогда ихъ трутъ снѣгомъ или льдомъ, и это тотчасъ проходитъ.

За тѣмъ авторъ описываетъ почву въ окрестностяхъ Тобольска, и говоритъ, что она способна къ обработкѣ, но весьма запущена, какъ по лѣни жителей, такъ и по другимъ, физическимъ причинамъ, между которыми онъ упоминаетъ о той, что рожь тутъ рѣдко достигаетъ совершенной зрѣлости. Что бы онъ ни говорилъ, Сибирь въ настоящее время производитъ болѣе ржи, чѣмъ когда-либо; она сама себя питаетъ, въ ней есть винокурни, и она еще продаетъ хлѣбъ своимъ сосѣдямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ. Вотъ, полагаю я, самый сильный доводъ, который можно привести въ пользу ея хлѣбородности. Послушаешь аббата на стр. LXXXVI (141), то подумаешь, что весною вся Сибирь затоплена, что ѣздятъ въ лодкахъ по горамъ; къ чему-же въ концѣ концовъ сводится этотъ потопъ? Иртышъ на нѣсколько сотъ саженъ выходитъ изъ своихъ береговъ. Это аббатъ описываетъ такъ пышно, какъ будто Иртышъ въ это время становится вторымъ океаномъ. Г. академикъ, Иртышъ большая и прекрасная рѣка, но онъ не ожидалъ той чести, которую вы ему дѣлаете, называя его „новымъ моремъ, образовавшимся среди материка." Вслѣдъ за тѣмъ, аббатъ говоритъ, что въ Сибири пары, образовавши облака, снова падаютъ на землю въ видѣ дождей, снѣговъ или тумановъ; но я полагаю, что то-же самое происходитъ вездѣ. Онъ присовокупляетъ на стр. LXXXVI (141): „Имъ (холоднымъ туманамъ) тѣмъ болѣе боятся подвергаться, что, гонимые сильными вѣтрами, они причиняютъ боли еще болѣе чувствительныя, чѣмъ самый жестокій холодъ". Г. Шаппъ, когда вѣтры сильны, нѣтъ тумановъ, и когда есть туманы, нѣтъ сильныхъ вѣтровъ: эти вѣтры разсѣяли-бы туманы. Вы разсказываете гораздо болѣе

напыщенно, чѣмъ правдиво.—Послѣ этого слѣдуетъ разсказъ, изъ котораго вы узнаете, если это вамъ еще не было извѣстно, что солнце весною въ Сибири не оставляетъ небосклона, и что растенія въ ней развиваются внезапно. Новое неудовольствіе Отерошскаго барина противъ ёлокъ, которыя кажутся ему столь-же древними, какъ шаръ земной. Онъ увѣряетъ, что „ихъ форма, всегда одинаковая, и ихъ темный цвѣтъ наводятъ тоску на самую веселую душу". Г. аббатъ, когда изъ всѣхъ деревьевъ, производимыхъ Сибирью, вы называете однѣ елки, и приписываете имъ печальный видъ: то елки-ли наводитъ ипохондрію, или вы придаете вещамъ мрачную окраску? Онъ продолжаетъ на стр. LXXXVII (142): „Въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ встрѣчаешь лишь изрѣдка несчастныхъ жителей, отъискивающихъ въ нихъ березы, въ которыхъ они дѣлаютъ нарѣзки, чтобы собирать сокъ ихъ въ сосуды. Изъ этого соку они дѣлаютъ медъ." Нѣсколькими строками выше онъ говорилъ: „Въ этихъ почти пустынныхъ равнинахъ только и видишь, что нѣсколько елокъ, и т. д." Возьму смѣлость, г. аббатъ, сдѣлать вамъ на счетъ этихъ двухъ мѣстъ нѣсколько маленькихъ вопросовъ, которые немного разъяснятъ дѣло. *Во-первыхъ*, оказывается, изъ вашихъ же словъ, что есть и березы и елки, а я прибавлю, что есть и много иныхъ деревъ. Отчего же говорите вы: „въ этихъ почти пустынныхъ равнинахъ только и видишь, что нѣсколько елокъ"? Ужъ не для того ли только, чтобы можно было прибавить эти напыщенныя слова: „ихъ форма, всегда одинаковая, и ихъ мрачный цвѣтъ наводятъ тоску на самую веселую душу?" Это чистая игра воображенія. Вы желчны; вамъ слѣдуетъ почаще принимать слабительное. Вы не любите елокъ; онѣ представляются вамъ таковыми, потому что вы въ этомъ, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, видите все въ черномъ цвѣтѣ. Вспомните, какъ вы вообразили, что люди ваши покинули васъ среди снѣговъ, когда, напротивъ того, они имѣли вниманіе не будить васъ, видя, что вы крѣпко заснули. Вы неудачливы въ предположеніяхъ: то, что̀ кажется вамъ дурнымъ, несчастнымъ, печальнымъ, мрачнымъ, не представится таковымъ въ глазахъ людей, менѣе предъубѣжденныхъ, чѣмъ вы. *Во вторыхъ*, зачѣмъ говорите вы: „въ этихъ почти пустынныхъ полянахъ только и видишь, что елки," и тотчасъ затѣмъ: „въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ встрѣчаешь лишь изрѣдка несчастныхъ жителей?" Слово поляна означаетъ, полагаю я, открытую мѣстность; но тутъ я узнаю, что полянами именуются еловые лѣса. Но по моему, если есть поляны, нѣтъ лѣсовъ; если есть лишь сплошной лѣсъ, нѣтъ полянъ. Рѣшайте, г. аббатъ, я же отказываюсь понимать то, что̀ вы говорите. Но у меня еще

на душѣ „эти пустынныя поляны“ и эти „пустынные лѣса, въ которыхъ лишь изрѣдка встрѣчаешь несчастныхъ жителей.“ Если лѣса-поляны, или поляны-лѣса пустынны, то они необитаемы; и если они обитаемы, пустынны-ли они? Клянусь вамъ, г. аббатъ, что вы не знаете, что́ говорите. Зачѣмъ еще называете вы этихъ жителей несчастными? Правда, это доказательство тому, что есть жители, ибо вы говорите, что они несчастны. Но, еще разъ, почему называете вы ихъ „несчастными“? Обременены ли они податями? Они платятъ казнѣ умѣренную сумму двухъ рублей семидесяти копѣекъ деньгами, или мѣхами, по выбору. Если мѣхъ убитаго ими звѣря не стоитъ этой цѣны, они вносятъ эти деньги, и затѣмъ свободны отъ всякой повинности. Наги-ли они? Нѣтъ въ Сибири ни одного жителя, который не былъ-бы одѣтъ очень тепло съ ногъ до головы, и даже не найдется такого, кто захотѣлъ-бы промѣнять свое одѣяніе на кафтанъ аббата, при видѣ котораго, по его словамъ, женщины падали въ обморокъ отъ восторга. Страдаютъ-ли они отъ голода? Съѣстные припасы очень дешевы, рыба превосходна, мясо есть въ изобиліи, дичи не оберешься; охота и рыбная ловля ни запрещены, ни затруднены ограниченіями, или владѣльческими правами. Соль дешева, пудъ стоитъ сорокъ копѣекъ, и никто не принужденъ покупать ея болѣе, чѣмъ сколько сообразно съ его потребностями. Лишены ли они женъ, дѣтей, и т. д.? Въ женщинахъ и дѣтяхъ нѣтъ недостатка, и есть идолопоклонники, у которыхъ столько женъ, сколько они въ силахъ ихъ содержать. Удручены-ли они моровыми язвами, войною или иными бѣдствіями? Въ Сибири не знаютъ ни чумы, ни войны; въ ней доживаютъ до глубокой старости, и болѣзни въ ней менѣе часты, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Въ чемъ-же, г. аббатъ, состоитъ несчастіе жителей? Прошу васъ мнѣ это объяснить, ибо ни они, ни я, мы не можемъ догадаться, въ чемъ дѣло. Просили-ли они у васъ милостыни, сообща или черезъ повѣренныхъ? Вы имъ ничего не дали. Но вы бы, конечно, сдѣлали что-либо, чтобы избавить ихъ отъ голодной смерти. Умерли-ли они всѣ? Нашли-ли вы ихъ худыми, изнуренными, съ одними костями и кожею? Жаловались-ли они на налоги? Или вы находите ихъ несчастными потому, что они ѣдятъ не каштаны, а хлѣбъ, мясо, рыбу, кашу и овощи? Бѣдные люди, какъ они несчастны! Оставляю въ сторонѣ сказку аббата о медѣ, приготовляемомъ изъ березоваго сока. Знаю, что пьютъ весною березовый сокъ, что этотъ напитокъ освѣжаетъ кровь, не имѣя непріятнаго вкуса аптечныхъ декоктовъ. Аббатъ на стр. LXXXVII (142) прогуливается на берегахъ Иртыша, и ищетъ тамъ невозможнаго; онъ говоритъ: „я надѣялся найти

ландшафты, украшенные множествомъ жилищъ, въ мѣстахъ, затопленныхъ рѣкою.“ Необыкновенно предъусмотрительно и благоразумно—искать деревень среди водъ! Вы прелестны, г. аббатъ. Вотъ еще интересное мѣсто. Онъ выражается такъ: „одушевленный желаніемъ достать разныхъ птицъ, мнѣ неизвѣстныхъ, я на нѣсколько минутъ остановился на одномъ мѣстѣ; но слишкомъ занятый своею цѣлью, я замѣтилъ лишь застрѣливши одну изъ этихъ птицъ, что почва мало по малу опустилась подъ моими ногами; я хотѣлъ отправиться за нею; но я увязъ до того, что не имѣлъ возможности сдѣлать и малѣйшаго движенія.“ Умалчиваю о неопытности аббата, удивляющагося тому, что онъ увязъ въ мѣстѣ, затопленномъ водою. Г. Шаппъ, уже не утку-ли съ змѣиною головою вы подстрѣлили? Читатель, привыкшій узнавать изъ собственныхъ устъ аббата до малѣйшихъ подробностей все то, что́ съ нимъ происходитъ, вѣроятно не посѣтуетъ на меня за сообщеніе слѣдующаго анекдота, вѣроятно забытаго г. Шаппомъ, ибо онъ о немъ въ своей книгѣ не упоминаетъ; знать его однако-же не лишнее: множество достовѣрныхъ людей свидѣтельствуютъ о его истинѣ. У графа Пушкина въ Тобольскѣ былъ хлѣбопекъ, по имени Шеберъ, Французъ по рожденію, который познакомился съ г. Шаппомъ и доставилъ ему нѣсколько естественно-историческихъ предметовъ; между прочимъ, онъ наобѣщалъ ему утокъ съ змѣиными головами, и еще заставилъ его накупить таракановъ по десяти копѣекъ за штуку. Шеберъ увѣрилъ аббата, что эти насѣкомыя, сидя на деревьяхъ весною, поютъ какъ стрекозы, и что они ядовиты. Легковѣрный академикъ наполнилъ цѣлый ящикъ этимъ рѣдкимъ пріобрѣтеніемъ. Вернувшись съ охоты, аббатъ (на стр. LXXXVIII 143) подымается въ лодкѣ вверхъ по Иртышу, причаливаетъ въ деревнѣ, и говоритъ: „Все въ ней свидѣтельствовало о крайней нищетѣ.“ Въ сотый разъ, аббатъ, давайте доказательства тому, что́ вы говорите: откуда эта нищета? Не вижу ей иныхъ причинъ, кромѣ той, что вы рѣшились давать мрачный оборотъ всему тому, что́ вы видите. Деньги, что-ли, вы за это получаете? Сколько вамъ даютъ?

Сказавши, что овощи не родятся въ Тобольскѣ, онъ повѣствуетъ о кисломъ яблокѣ, кусочекъ котораго онъ проглотилъ, какъ пилюло. На стр. LXXXIX (144) я нахожу слѣдующее. „Пастбища великолѣпны, травы вездѣ растутъ одинаково хорошо: поэтому у жителей много скота.“ Но, г. академикъ, давая жителямъ много скота, вы забываете, что уменьшаете нищету, которую вы только что имъ приписали, и впадаете въ противорѣчіе. Авторъ захотѣлъ узнать, оттаиваетъ-ли земля въ Тобольскѣ, и прибавляетъ: „трудность доставать рабочихъ въ этой странѣ, гдѣ всѣ

рабы, заставила меня обратиться къ губернатору.“ Трудность, говоритъ онъ, доставать рабочихъ; лучше-бы онъ сказалъ: по моему невѣдѣнію мѣстныхъ обычаевъ, я не зналъ, какъ достать рабочихъ, и обратился къ губернатору. Вы говорите, что такъ какъ народъ порабощенъ, то трудно доставать рабочихъ. Откуда берете вы такія странныя заключенія? Во всей Сибири, начиная отъ самого Соликамска, нѣтъ земель, принадлежащихъ дворянамъ. Вся Сибирь государственное имущество; но никто изъ крестьянъ государственныхъ имуществъ не лишенъ права заработывать свой хлѣбъ какъ хочетъ и какъ можетъ. Какъ только его подати уплачены, все принадлежитъ ему; онъ можетъ располагать, какъ хочетъ, своимъ имуществомъ. Хочетъ-ли онъ измѣнить мѣсто жительства, онъ беретъ на нѣсколько лѣтъ паспортъ; по истеченіи срока, онъ возобновляетъ эту полицейскую формальность; съ этимъ паспортомъ онъ поселяется въ какомъ хочетъ мѣстѣ Россіи, покупаетъ, или строитъ, или работаетъ, и все, что онъ пріобрѣлъ, принадлежитъ ему вполнѣ. И такъ, г. аббатъ, если у васъ не было рабочихъ, это было не потому, что народъ порабощенъ, а потому, что вы глупецъ. Не вздумайте заключать изъ этого, вы, который такой охотникъ до заключеній, что я принадлежу къ защитникамъ рабства; нѣтъ, нѣтъ, я далекъ отъ этого; но истина должна быть высказана такъ, какъ она есть. Признаюсь, ибо люблю правду, г. д'Отерошъ, я подозрѣваю, что это показаніе о мнимой „трудности имѣть рабочихъ“ и заключеніе, выведенное въ словахъ „въ странѣ, гдѣ всѣ рабы,“ скрываетъ вашу скупость; или согласитесь по крайней мѣрѣ, что вы охотнѣе удовлетворяете вашему любопытству на счетъ другихъ, чѣмъ на свой собственный. Видя всѣ вниманія и учтивости, которыя имѣли къ вамъ, вы, вмѣсто того, чтобы нанять рабочихъ, предпочли выпросить ихъ у губернатора. Къ несчастію, и я заражаюсь болѣзнію заключеній. Если эти люди въ нищетѣ, вы въ этомъ случаѣ выказали мало человѣколюбія, лишивъ ихъ такимъ образомъ денегъ, которыя они могли заработать; и если они не въ нищетѣ, то вы лжете съ начала до конца вашей книги. Губернаторъ далъ аббату каторжниковъ. Аббатъ въ свою очередь оказалъ великодушіе, онъ далъ имъ нѣсколько копѣекъ, они напились и разбѣжались: тогда аббатъ погрузилъ въ землю свою шпагу, и нашелъ, что почва не замерзла. Онъ оканчиваетъ этотъ параграфъ словами: „Если этотъ опытъ разубѣдилъ меня въ мнѣніи, которое я составилъ себѣ о климатѣ Тобольска, онъ за то подкрѣпилъ меня въ томъ, которое я составилъ себѣ объ опасности утверждать факты по преданію и по наслышкѣ; и я полагаю, что скорѣе слѣдуетъ приписывать легковѣрію путешест-

венниковъ, чѣмъ недостатку правдивости, ложныя показанія, слишкомъ обыкновенныя въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.“ Не смотря на это изрѣченіе, любезный читатель, вы найдете достаточно и того и другого въ толстой книгѣ аббата. Это сильное доказательство тому, что отъ правила до приложенія далеко. Тутъ-же вы найдете, на стр. XC (147) наблюденія, произведенныя г. Гмелиномъ надъ холодомъ въ различныхъ областяхъ Сибири, въ которыхъ зимы, какъ и вездѣ, бываютъ неравныя. Слѣдуютъ наблюденія г. Делиля надъ колебаніями холода въ разныхъ областяхъ Россіи. На стр. XCV (155) нахожу слѣдующія слова о Москвѣ: „Вообще извѣстно, что холодъ въ ней столь жестокъ, хотя этотъ городъ и лежитъ гораздо южнѣе Петербурга, что въ извѣстныя зимы жители съ трудомъ переносятъ сильный холодъ, въ ней испытываемый.“ Ежедневный опытъ столѣтій доказываетъ, что жители разныхъ холодныхъ странъ переносятъ холодъ, и переносятъ его весьма хорошо, ибо эти страны, вмѣсто того, чтобы пустѣть, все болѣе и болѣе населяются. Какой бы ни былъ въ нихъ холодъ, онъ видно переносимъ, ибо въ нихъ живутъ и люди, и животныя. Доводъ, по моему, ясный. Въ Петербургѣ сильные холода не столь продолжительны, какъ въ Москвѣ, ибо такъ какъ этотъ городъ близокъ отъ моря, вѣтеръ въ немъ часто мѣняется, отъ чего мѣняется и погода. За то въ Москвѣ можно насчитать лишнія двѣ недѣли весны и лишнія двѣ недѣли осени, противъ Петербурга. Аббатъ, распространившись о холодѣ, говоритъ на стр. XCV (155): „Не смотря на указанный мною холодъ, хлѣба родятся въ части этихъ мѣстностей: почва очень способна къ земледѣлію въ одной части Сибири. Въ ней находятъ черноземъ, подобный Тобольскому, слѣдовательно, очень плодородный.“ Ни Россія, ни Сибирь, не покупаютъ никакого хлѣба за границею, но, напротивъ того, отпускаютъ хлѣбъ за границу: эта торговля хлѣбомъ весьма значительна, она существовала во всѣ времена. Въ Московскихъ архивахъ хранится письмо Французскаго короля, имя которого мною забыто, къ царю Ивану Васильевичу и отвѣтъ этого послѣдняго. Письмо это заключаетъ въ себѣ просьбу отпустить Французамъ въ Архангельскѣ, въ теченіи одного года, пятьдесятъ тысячъ четвертей ржи. Отвѣтъ царя гласитъ, что онъ былъ-бы весьма радъ исполнить просьбу Французскаго короля, но что въ этотъ годъ того невозможно, ибо весь хлѣбъ, находящійся въ Архангельскѣ, уже законтрактованъ Англичанами, Голландцами, Шведами и Датчанами; но что онъ отдалъ приказанія, чтобы слѣдующею весною Французы нашли желаемое количество хлѣба. И такъ, вотъ уже въ то время, конкурренція пяти государствъ на Архангельскую хлѣбную

торговлю. Эта торговля впослѣдствіи была прервана войнами и, по сооруженіи Петербурга, она была запрещена до 1763 года, когда она была разрѣшена съ нѣкоторыми ограниченіями, а въ 1766 году это разрѣшеніе было продолжено на шесть лѣтъ. Петербургскій портъ также имѣетъ позволеніе вывозить хлѣбъ, но эта торговля не столь значительна, какъ Архангельская, хотя, по правиламъ аббата Галіани, она для страны еще полезнѣе Архангельской.

Аббатъ исчисляетъ тѣ области Сибири, въ которыхъ родится, и въ которыхъ не родится хлѣбъ. Онъ могъ-бы сказать на двухъ строкахъ, что всѣ тѣ, которыя простираются къ югу, плодороднѣе тѣхъ, которыя подходятъ къ берегамъ Ледовитаго моря.

На стр. XCVII (158) я нахожу мѣсто весьма странное и противорѣчащее высказанной мною истинѣ; вотъ оно: „Мѣстности, находящіяся въ южной части Сибири, близъ границъ, не производятъ хлѣба, или производятъ его лишь весьма мало, до самыхъ окрестностей Астрахани. Это однако-же, такъ сказать, единственная часть Сибири, которая казалась-бы способною быть населенною: климатъ въ ней мягокъ; все въ ней указываетъ на почву, которая была-бы изъ плодороднѣйшихъ, если-бы она была обработана; но, за недостаткомъ жителей, въ ней встрѣчаешь лишь пустыни, оказывающія Татарамъ сильную преграду.“ Я не знаю, что́ хочетъ сказать аббатъ, говоря: „южныя части Сибири, близъ границъ, не производятъ хлѣба, или производятъ его лишь весьма мало, до самыхъ окрестностей Астрахани.“ Возьмемъ карту, и прослѣдимъ эти границы Сибири отъ Китая до Астрахани, которая далеко не граничитъ съ Сибирью, ибо между ними вся Оренбургская губернія. И такъ, прежде всего, фраза эта не точна. Во вторыхъ, если мы справимся съ картою, то увидимъ, что Нерчинская область есть первая изъ расположенныхъ на югѣ, которая граничила-бы съ Китаемъ; она плодородна, по словамъ самого аббата на стр. XCV (155). Вотъ собственныя его выраженія: „Нерчинская область весьма плодородна, и самая хлѣбная во всей Сибири“. И такъ эта фраза аббата опровергаетъ для Нерчинской области ту, противъ которой я возражаю, и это съ его стороны весьма странное, въ предѣлахъ двухъ страницъ, противорѣчіе. Эта Нерчинская область, кромѣ того, можетъ насчитать по крайней мѣрѣ двадцать пять тысячъ земледѣльцевъ. За нею слѣдуетъ Селенгинская область, почва которой хороша и плодородна, и которая, вмѣстѣ съ предъидущею, снабжаетъ хлѣбомъ области менѣе способныя къ обработкѣ. Затѣмъ можно назвать Иркутскую область, также производящую хлѣбъ; уѣзды Енисейскій и Красноярскій менѣе способны къ обработкѣ, однако-же въ

нихъ сѣятъ и жнутъ. Кузнецкъ и мѣстность расположенная между его округомъ и Иртышемъ очень способны къ обработкѣ. Поселенія тутъ ежедневно умножаются. Это доказывается тѣмъ, что пространство земли, прежде называемое Барабинскою степью, въ настоящее время покрыто деревнями и пахотою, такъ что этихъ мѣстъ нельзя узнать. Если-бы Олеарій и всѣ эти старые авторы, глупости, ошибки и нелѣпости которыхъ списываетъ аббатъ, возвратились къ жизни; они-бы сознались, что творенія ихъ годны только на то, чтобы быть брошенными въ огонь. Но пойдемъ далѣе, г. академикъ; перейдемъ Иртышъ, чтобы добраться до тѣхъ южныхъ окраинъ, которыя будто-бы не производятъ хлѣба. Вотъ мы очутились между этою рѣкою и Тоболомъ; Исетъ втекаетъ въ Тоболъ. Эта страна одна изъ наиболѣе плодородныхъ и обработанныхъ. Сказано выше, что она питаетъ часть Оренбургской губерніи. Тутъ, не по г. Шаппу, а въ дѣйствительности, оканчиваются южныя границы Сибири, и примыкаютъ къ границамъ Оренбургской губерніи. Уфимская область населена Татарами, называемыми Мещеряками, которые совершенно преданы хлѣбопашеству и обработкѣ земель; они даже нанимаютъ ихъ у Башкировъ, предпочитающихъ охоту. Въ окрестностяхъ Оренбурга розданы земли отпускнымъ солдатамъ: нужно полагать, что почва тамъ годна для обработки и обработывается, такъ какъ участки, покупавшіеся за пятнадцать рублей, лѣтъ тридцать тому назадъ, поднялись до трехъ и четырехъ сотъ рублей. Въ Уфимской области, вы спускаетесь внизъ по Яику, заселенному казаками, получившими отъ него свое названіе. Эти люди опять питаются собственнымъ хлѣбомъ. Слѣдя за границами Оренбургской губерніи, вы вступаете въ Казанскую между рѣками Камою и Самарою. Г. аббатъ, и это не Сибирь, и вашъ промахъ становится неимовѣрнымъ. Земли между этими двумя рѣками великолѣпны: онѣ населены и обработаны; заняты онѣ отпускными солдатами; свободнымъ земель тутъ уже нѣтъ. Изъ однихъ гвардейскихъ полковъ тутъ поселили въ 1763 и 1764 годахъ болѣе тысячи семействъ, сверхъ тѣхъ, которыя тутъ уже жили прежде. Перейдя рѣку Самару, вы попадете между Волгою и Яикомъ въ равнину, занятую Калмыками, народомъ пастуховъ, подчиненныхъ Россіи; они не занимаются земледѣліемъ. Но такъ какъ вы сказали, г. Шаппъ, что до окрестностей Астрахани нѣтъ хлѣба, то отправимся туда, и для этого, подымемся до Самары, и спустимся по Волгѣ. Вы найдете правый берегъ ея занятымъ не только прежними жителями, но еще двадцатью семью тысячами колонистовъ разныхъ націй отъ Самары до Царицына.

Поѣзжайте взглянуть, какъ они обработываютъ земли, вы найдете тутъ и своихъ соотечественниковъ, которые, правда, не ѣдятъ болѣе каштановъ, но за то имѣютъ въ изобиліи всякіе съѣстные припасы, и на тридцать лѣтъ освобождены отъ всякихъ податей. Вы ихъ не узнаете: они изъ худыхъ и поджарыхъ сдѣлались толстыми и жирными. Отъ Царицына до Астрахани вы, кромѣ Гернгутерскихъ колоній, встрѣтите жилища Донскихъ козаковъ и, проѣзжая мимо нихъ, вы доберетесь до Астрахани.

Но опроверженіе приведеннаго нами параграфа не окончено. Мы только доказали фактами, что аббатъ не знаетъ, что́ говоритъ, когда пишетъ, что „южныя окраины Сибири, около границъ, не производятъ хлѣба, или производятъ его весьма мало, до самыхъ окрестностей Астрахани". Невѣжество, охота говорить о томъ, чего не знаешь, и зложелательство одни могли вызвать это изрѣченіе. Лишь тѣмъже побужденіямъ можно приписать и слѣдующее: „Это однако-же, такъ сказать, единственная часть Сибири, которая казалась-бы способною служить жилищемъ людямъ: климатъ въ ней мягокъ; все указываетъ, что ея почва была-бы плодородна, если-бы была образована; но, за недостаткомъ жителей, тутъ встрѣчаются однѣ пустыни, полагающія Татарамъ сильную преграду". Г. академикъ, надобно полагать, что южныя окраиныСибири, которыя вы распространяете, неизвѣстно почему, до Астрахани, не суть единственныя удобообитаемыя части Сибири, такъ какъ со времени покоренія этого царства и до Петра Великаго всѣ поселенія, основанныя въ Сибири, болѣе располагались къ сѣверу этой страны, чѣмъ къ югу, хотя, дѣйствительно, сѣверъ менѣе удобенъ для земледѣлія, чѣмъ югъ. Полагаю, что такъ какъ тогда въ Россіи (какъ и во всей Европѣ) денегъ было менѣе, чѣмъ теперь, богатство сѣверныхъ областей пушнымъ звѣремъ было причиною тому, что ихъ населяли преимущественно передъ южными. Въ позднѣйшія времена, внимательность правительства распространилась и на южныя области. Россія застала въ Сибири лишь кочевые народы; естественно, что прежде, чѣмъ ей удалось придать имъ осѣдлость, она старалась извлечь изъ нихъ возможную пользу; поэтому въ Сибири охоту долго предпочитали земледѣлію: послѣднее завелось лишь мало-по-малу. Мы должны замѣтить тутъ, что по мѣрѣ того, какъ идолопоклонники обращались въ христіанство, они покидали кочевую жизнь и принимались за земледѣліе. Все сказанное мною доказываетъ, что люди могутъ жить на сѣверѣ, ибо сѣверъ Сибири долго былъ болѣе населенъ, чѣмъ югъ. Очень можетъ быть, что этотъ климатъ не по вкусу аббату. Не слѣдуетъ спорить ни о вкусахъ, ни о краскахъ; но смерт-

ные, не бывавшіе во Франціи, тѣмъ не менѣе—люди, хотя аббату и хотѣлось бы представить ихъ намъ медвѣдями. Окончимъ критику упомянутаго параграфа. Г. Шаппъ говоритъ: „но за недостаткомъ жителей, тутъ встрѣчаются однѣ пустыни, полагающія Татарамъ сильную преграду". Мы доказали, что эти мнимыя пустыни населены и обработаны, что населеніе съ года на годъ умножается, что есть округи, въ которыхъ нѣтъ болѣе порожнихъ земель, что мнимая нищета жителей есть праздное, бездоказательное предположеніе. Поэтому падаетъ сама собою та сильная преграда изъ пустынь, которую Россія, по словамъ аббата, противупоставляетъ Татарамъ. Никакая ложь не падала столь рѣшительно сама собою, ибо правительство постоянно озабочено тѣмъ, чтобы населять земли, которыя еще остаются порожними: мы бы не кончили, еслибы исчислять всѣ старанія, которыя были приложены и прилагаются до сихъ поръ къ этой цѣли. Вотъ что́ значитъ, г. аббатъ, страдать куриною слѣпотою: очень хорошо знаю, что́ заставило васъ сказать, будто Россія противупоставляетъ Татарамъ эти пустыни, какъ сильную преграду. Вы читали въ старыхъ школьныхъ книженкахъ, что деспотическія государства Азіи имѣли обыкновеніе опустошать свои окраины, и такъ какъ вамъ угодно при всякомъ случаѣ обзывать деспотами государей Россіи, то вы тотчасъ остроумно заключили (ибо вы большой охотникъ заключать вкривь и вкось), что такой дескать обычай Россіи, оставлять впустѣ области, граничащіяся съ Татарами; но вамъ, на бѣду, опытъ и дѣйствительность свидѣтельствуютъ противъ васъ, о чемъ вы вовсе не заботитесь, только бы вы писали и могли изливать вашъ ядъ (*).

Вслѣдъ за этимъ параграфомъ, на которомъ мы были принуждены остановиться такъ долго, авторъ говоритъ: „Впрочемъ, Россійская Имперія во многихъ мѣстахъ обработана". Странно, что онъ, вмѣстѣ съ многими другими писаками одного съ нимъ десятка, говоритъ „что Россійская Имперія обработана во многихъ мѣстахъ". Легче было бы исчислить мѣста необработанныя и которыя могли бы быть обработаны, чѣмъ мѣста обработанныя; ибо конечно, изъ всѣхъ мѣстъ, способныхъ къ обработкѣ, лишь малѣйшая доля невоздѣлана; кромѣ того эта обработка съ года на годъ распространяется. Сказано выше, что по причинѣ длинныхъ зимъ, нужно болѣе пастбищъ и лѣсовъ земледѣльцу, слѣ-

(*) Любопытно замѣтить, что Фридрихъ Великій, въ Запискахъ своихъ, приписываетъ Петру Великому намѣреніе, вмѣсто обороны границъ крѣпостями, запустошить нарочно окрайны Россіи, не только южныя, но и западныя, переведя жителей во внутрь страны и такимъ образомъ получа болѣе густое населеніе на меньшемъ пространствѣ. *П. Б.*

довательно, больше земель. Есть множество областей, въ которыхъ жалуются на недостатокъ въ нихъ.

Внизу страницы XCVII (158) аббатъ говоритъ: „Вся страна, заключающаяся между Ледовитымъ моремъ и широтою Петербурга, находящагося подъ шестидесятымъ градусомъ, почти не населена: въ ней находятся лишь лѣса и болота; въ ней не родится хлѣба, или родится его весьма мало. Въ этомъ климатѣ нѣтъ ни плодовъ, ни самыхъ обыкновенныхъ овощей", и въ выноскѣ, онъ ссылается на Штраленберга (Description de l'Emprire de Russie, Tome I, p. 26) и на всѣхъ путешественниковъ. Но замѣтьте, что ни Штраленбергъ, ни кто-либо изъ путешественниковъ, выражающихся такимъ образомъ, не были въ этой части Россіи. Весьма немногіе изъ нихъ ѣздятъ изъ Петербурга въ Архангельскъ, еще меньшее число изъ Москвы въ Архангельскъ, ни одинъ изъ Архангельска въ Тобольскъ, и т. д. И мы тамъ не бывали; но такъ какъ г. Шапинъ избираетъ исходною точкою Петербургъ, то не лишнее будетъ замѣтить, что въ Ингерманландіи, гдѣ находится Петербургъ, хлѣбъ и овощи родятся прекрасно, что эта область была лишь пустыннымъ болотомъ, когда Петръ Великій заложилъ въ ней городъ, носящій его имя; что эти болота безостановочно осушаются, что въ настоящее время въ этой Ингерманландіи, пустынной въ 1703 году, насчитывается болѣе пятидесяти тысячъ земледѣльцевъ, разныхъ народностей, занятыхъ хлѣбопашествомъ. Пойдемъ же теперь къ сѣверу, по слѣдамъ аббата, какъ мы ходили на югъ, поохотиться за нимъ, съ картою подъ глазами. Прежде всего я переправляюсь черезъ Неву и вступаю въ Карелію; она населена съ незапамятныхъ временъ, и ея жители, самые знаменитые мастера сушить болота, которыхъ знаютъ и въ окрестныхъ странахъ, такъ что ихъ выписываютъ до самой Курляндіи, чтобы производить подобныя работы. Страна ихъ каменистa и болотиста; не смотря на это, они находятъ возможнымъ сѣять и собирать хлѣбъ. Страна эта заселена Русскими и Финнами; простирается она до Ладожскаго озера. Переѣдемъ это озеро, и мы очутимся въ Олонецкой области; она очевидно населена, ибо въ ней мы находимъ тысячи жителей, изъ которыхъ часть занята въ рудникахъ, другая земледѣліемъ, еще другая производствомъ поташа. Затѣмъ идетъ Каргопольская область: она населена; крестьяне въ ней пашутъ; въ ней родится даже ленъ. Я все нахожусь за шестидесятымъ градусомъ широты. Двинская область, въ которой находится Архангельскій портъ, Мезенская, въ которой сѣятъ овесъ по причинѣ множества конскихъ заводовъ, тамъ находящихся; Важская и Вологодская населены, и хлѣбъ въ нихъ родится.

Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ очень много строеваго лѣса. Области Яренская, Тотемская, Галичская и Хлыновская еще снабжаютъ хлѣбомъ Архангельскъ, и въ нихъ много винокуренныхъ заводовъ, особенно въ послѣдней. Чердынская область менѣе обработана чѣмъ Соликамская, Пелымская почти неспособна къ обработкѣ; Тобольская весьма. Берега Ледовитаго моря неспособны къ обработкѣ, но однакоже населены древними народами Сибири, удалившимися туда: живутъ они рыболовствомъ и охотою; у нихъ много скота; они до того привыкли къ этому суровому климату, что они не могли-бы жить въ болѣе умѣренномъ. Было много примѣровъ тому, что жители устьевъ Оби и другихъ подобныхъ мѣстностей, переѣхавъ въ Москву и въ иныя болѣе теплыя страны, вскорѣ умирали отъ горячки.

Аббатъ говоритъ на стр. XCVIII (159): „Остальная часть Россіи простирается еще на двѣсти миль къ югу, и эта часть одна представляетъ почву удобную для земледѣлія.“ Мы сказали выше, что аббатъ уменьшаетъ и область земледѣлія, и количество жителей. Онъ продолжаетъ: „Украйна область весьма плодородная, она изобилуетъ всѣмъ. Большая часть земель обработана, и во всѣхъ прочихъ областяхъ, отъ пятьдесятъ шестаго градуса до широты Петербурга; но хлѣбъ родится въ нихъ посредственно.“ При этомъ онъ ссылается на Штраленберга. Вотъ много ошибокъ въ немногихъ словахъ. *Вопервыхъ*, правда, что Украйна хлѣбородна и изобилуетъ всѣмъ, но это не единственная область этого рода; ибо Бѣлгородская губернія, Слободская Украйна, губерніи Воронежская и Нижегородская и въ особенности царство Казанское, столь-же изобилуютъ плодами земными и населены еще гуще. За тѣмъ весьма сильно населена губернія Московская. *Во вторыхъ*, мы показали, что аббатъ ошибается на счетъ сѣверной широты мѣстностей, способныхъ къ обработкѣ; тутъ онъ еще болѣе попадаетъ въ просакъ, говоря, что большинство земель обработано во всѣхъ прочихъ областяхъ, начиная съ пятьдесятъ шестаго градуса широты. Онъ только что сказалъ самъ, что Украйна самая плодородная изъ нихъ, и мы показали, что есть и другія выносящія сравненіе съ нею. И что-же? Украйна начинается подъ сорокъ седьмымъ градусомъ; Кіевъ лежитъ подъ пятидесятымъ, Азовъ сорокъ седьмымъ, Астрахань также. Аббатъ сказалъ выше, что почва этой области удобна для обработки; почему-же начинаетъ онъ затѣмъ съ пятдесятъ шестаго градуса? Можно-ли быть столь неточнымъ, и не краснѣя подчивать публику такими грубыми противорѣчіями? Но это еще не все. *Въ третьихъ*. Почему говоритъ онъ: „Но хлѣбъ родится въ нихъ лишь посредственно?“ спросите, г. аббатъ, у вашихъ купцовъ, ка-

кіе хлѣба они предпочитаютъ, и посредственъ-ли Русскій хлѣбъ? Знайте-же, что почти весь хлѣбъ, вывозимый Англичанами, Голландцами, Шведами, и т. д. изъ Риги, родится въ Россіи; онъ привозится изъ Пскова, изъ Смоленска, изъ Новгорода. Вы сами, быть можетъ, сотни разъ питались этимъ хлѣбомъ въ тѣ самые дни, когда вы его бранили, и вы находили его превосходнымъ. Если вы ѣдите привозный хлѣбъ, будете увѣрены, что въ числѣ его есть и Русскій: иностранные купцы очень хорошо знаютъ, что этотъ хлѣбъ сохраняется лучше всѣхъ прочихъ хлѣбовъ, что онъ суше и менѣе подверженъ плѣсени, чѣмъ всякій другой хлѣбъ. И такъ, г. академикъ, вотъ еще очевидность, явно обличающая васъ во лжи. Клянусь вамъ, что ваше сочиненіе съ каждою строкою становится противнѣе. Думаете-ли вы, чтобы было очень пріятно читать противорѣчія и безпрестанно говорить: это неправда, это вздоръ, это ложь, это нелѣпость; разбирать, гдѣ кончается ваше невѣжество и гдѣ начинается ваше недоброжелательство? Вы, быть можетъ, спросите, за чѣмъ я беру на себя этотъ трудъ? Знайте, что только изъ усердія къ моей родинѣ одолѣваю скуку, сопряженную съ чтеніемъ вашей книги и ея опроверженіемъ. Я имѣю честь быть Русскимъ, я этимъ горжусь, я буду защищать мою родину и языкомъ, и перомъ, и мечемъ, пока у меня хватитъ жизни; я буду слишкомъ счастливъ, если мнѣ удастся быть ей полезнымъ. Клянусь вамъ (хотя вы имѣете неосторожность утверждать противное) что не ея одинъ такъ думаю и что есть множество моихъ соотечественниковъ, которые во сто кратъ меня лучше во всемъ. Я очень далекъ отъ того, чтобы считать себя остроумнѣйшимъ, умнѣйшимъ, краснорѣчивѣйшимъ, лучшимъ писателемъ, искуснѣйшимъ воиномъ моего народа. Любовь, усердіе и признательность къ моей родинѣ и къ моей Государынѣ, всѣ эти чувства я раздѣляю со всѣми тѣми изъ моихъ соотечественниковъ, которыхъ я имѣю честь знать. Если-бы у насъ были столь-же тщеславны, какъ въ извѣстныхъ странахъ, если-бъ у насъ такъ-же хвастались всѣмъ: то быть можетъ, не было-бы страны, которая представила-бы болѣе примѣровъ патріотическаго усердія и великихъ дѣяній, чѣмъ наша. Это не пустыя слова; можно-бы привести сотню примѣровъ всѣхъ доблестей, гражданскихъ, военныхъ и нравственныхъ. Не вызывайте меня, аббатъ; мы способны составить изъ нихъ сборникъ, чтобы доказать всему міру, какъ странно, что писаки, подобные вамъ, осмѣливаются обманывать публику на нашъ счетъ изъ злобы, глупости, или невѣжества. Предъубѣжденіе скоро исчезнетъ въ умахъ людей разсудительныхъ и безпристрастныхъ, когда имъ будетъ показано, что многія

басни о Россіи получили вѣру только потому, что у насъ надъ ними смѣялись, и что писакъ презирали до того, что никто не хотѣлъ имъ возражать. Пришло время разорвать эту завѣсу и отразить удары злобы, обнаруживая истину; это-то и составляетъ мою цѣль.

Вернемся къ своей задачѣ. Аббатъ говоритъ на страницѣ XCVIII (159): „Основываясь на приведенныхъ мною подробностяхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ это обширное гусударство, я начертилъ карту, на которой можно обозрѣть однимъ взглядомъ всѣ составляющія его полосы: тѣ которыя обработаны, тѣ которыя не воздѣланы, хотя почва благопріятна растительности, тѣ наконецъ, которыя, по физическимъ условіямъ, вовсе непригодны для земледѣлія, потому что въ нихъ царствуетъ, такъ сказать, вѣчная зима, и онѣ представляютъ лишь безводныя пустыни, обширныя лѣса и болота.“

Аббатъ принялъ на себя много труда, чтобы произвести нѣчто весьма неточное — я разумѣю двадцать-седмую географическую карту III-го тома его путешествія по Сибири. Онъ самъ говорилъ двумя строками выше приведеннаго мѣста: „Большая часть земель въ прочихъ областяхъ обработана отъ пятидесятаго градуса и до широты Петербурга.“

Разсмотримъ теперь карту. Онъ на этой картѣ обозначилъ зеленымъ цвѣтомъ земли, которыя онъ предполагаетъ негодными для земледѣлія, желтымъ тѣ, которыя онъ выдаетъ за невоздѣланныя, но способныя къ обработкѣ, и краснымъ тѣ, которыя (полагаетъ онъ) однѣ воздѣланы. Красное начинается у Риги, идетъ на Кіевъ и на Азовъ (замѣтьте, что тутъ текстъ аббата противорѣчитъ его картѣ; ибо текстъ говоритъ, что Россія обработана отъ пятьдесятъ шестаго градуса до широты Петербурга; а красный цвѣтъ карты, обозначающій мѣста обработанныя, проходитъ черезъ сорокъ седьмый градусъ широты); не забывайте, читатель, что я, съ своей стороны, утверждаю, что отъ этого сорокъ седьмаго градуса и до шестьдесятъ четвертаго, т. е., до Архангельска, сѣютъ и собираютъ хлѣба всѣхъ сортовъ. Но пойдемъ за Отерошскимъ бариномъ; его красная граница земледѣлія идетъ отъ Азова на Царицынъ; это послѣднее мѣсто исключено аббатомъ изъ числа обработанныхъ земель, хотя вокругъ этой крѣпости есть колоніи Гернгутеровъ, только и занимающихся, что хлѣбопашествомъ. Онъ подымается по Волгѣ: лѣвый ея берегъ удостоенъ чести производить плоды земные; по правому берегу это безусловно запрещено. Берега Самары, плодоносная часть Казанскаго царства за Волгою, области, лежащія между рѣками Самарою и Камою, все это безжалостно вычеркнуто изъ числа мѣстностей, которымъ при-

рода даровала производительныя способности, безъ всякаго уваженія къ истинѣ, да еще къ какой истинѣ? Къ такой, въ которой можно убѣдиться каждый день! Вслѣдъ за этой выходкою, вы подивитесь, читатель, тому, что аббатъ, прошедши весьма близко отъ Москвы и Новгорода, быстро проводитъ свою линію къ Петербургу, который онъ еще исключаетъ изъ привиллегированныхъ имъ мѣстностей. Но злоба аббата противъ Россіи еще ничто; вотъ что́ гораздо ужаснѣе. Во всей Сибири, онъ отмѣтилъ только два маленькихъ округа для произведенія хлѣба. Смилуйтесь еще разъ, г. академикъ: вы насъ уморите съ голоду; ради Христа, растяните вашу красную линію. Право же до крайности смѣшно предполагать изъ недоброжелательства, что люди умираютъ съ голоду. Кому вы этимъ вредите? Правда, вы можете обмануть нѣсколько дураковъ, которые будутъ вамъ вторить; но отъ этого у насъ меньше хлѣба не будетъ. Цѣль всей этой двадцать седмой карты, цѣль аббата или его наушника, состоитъ въ томъ, чтобы представить Россію въ видѣ обширной пустыни, земли которой даже никогда не могутъ быть ни обработаны, ни заселены. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только взглянуть на эту карту и осмотрѣть всѣ мѣста обозначенныя зеленымъ цвѣтомъ, неспособныя, по словамъ аббата, къ обработкѣ. Измѣрилъли онъ всѣ наши земли, десятину за десятиною, чтобы смѣть сказать: я обозначилъ желтымъ тѣ, которыя можно обработывать, но которыя невоздѣланы; краснымъ тѣ, которыя производятъ хлѣба; зеленымъ тѣ, которыя я обрекъ на безплодіе. Эта съемка столь-же вѣрна, какъ его нивеллировка на скаку отъ Бреста до Тобольска. Никогда, полагаю я, не было никого поверхностнѣе этого аббата, и вмѣстѣ рѣшительнѣе. Прежде всего у него готова маленькая система; это ему ни почемъ: онъ производитъ ихъ такъ же легко, какъ курица яйца. Если тотчасъ за тѣмъ ему прійдетъ въ голову противорѣчіе, онъ отъ него не воздерживается; ему горя мало, его дѣло только писать, не заботясь о здравомъ смыслѣ.

На страницѣ XCIX (160) онъ приводитъ длинное мѣсто г. Делиля о Гудсоновомъ заливѣ; я слѣжу за нимъ шагъ за шагомъ, и мнѣ сдается, что онъ хотѣлъ-бы навести читателя на мысль приложить это мѣсто къ моей родинѣ. Все это мѣсто, заимствованное у Делиля и основанное на разсказѣ капитана Миддлетона, напоминаетъ карту Испанскаго адмирала де-Фонте, которую г. Делиль представилъ Петербургской Академіи, когда правительство, въ царствованіе императрицы Анны, обратилось къ этой Академіи за совѣтомъ относительно второй Камчатской экспедиціи, имѣвшей между прочимъ цѣлію опредѣлить разстояніе между

Америкою и Камчаткою. Эта карта изображала мнимую „землю Компаніи„ подъ сорокъ пятымъ градусомъ широты. Основываясь на этой картѣ г. Делиля, которую онъ выдавалъ за непогрѣшимую, наши суда, на одномъ изъ которыхъ находился г. Делиль де ла Круайеръ, отыскивали эту землю, но напрасно; отъ этого и произошло, что суда наши, слишкомъ удалившись отъ сѣвера, не нашли ничего, пока осенніе вѣтры не откинули ихъ къ сѣверу, причемъ они наткнулись случайно на земли, ими открытыя, и обозначенныя на картахъ этой экспедиціи, изданныхъ Императорскою Петербургскою Академіею въ 1756 году. Эта мнимая „земля Компаніи“ и эта карта г. Делиля были причиною неудачи второй Камчатской экспедиціи. Самое существованіе адмирала де-Фонте оспаривается; но, какъ-бы то ни было, эта карта и земледѣльческая карта Россіи аббата могутъ быть причислены къ одной категоріи: и та, и другая изображаютъ вещи несуществующія.

На страницѣ CI (164) аббатъ приводитъ мѣсто изъ Лаврентія Ланге, который чуть было не отморозилъ себѣ носа, переѣзжая Верхотурскія горы. Это мѣсто ничего не доказываетъ, ибо Ланге остался съ носомъ, но аббатъ доказываетъ имъ высоту этихъ горъ, и подтверждаетъ ее нивеллировкою, произведенною имъ на почтовыхъ. Это весьма остроумно, г. аббатъ; что-же касается до меня невѣжды, вы мнѣ позволите не повѣрить тому, что́ вы утверждаете, прежде чѣмъ буду имѣть на это доказательства болѣе убѣдительныя, чѣмъ вашу нелѣпую нивеллировку и не отмороженный носъ г. Лаврентія Ланге. Страницы CII (165) и CIII (166) наполнены болтовнею о бо́льшей или меньшей высотѣ разныхъ мѣстностей надъ уровнемъ моря, и объ испытываемомъ въ нихъ холодѣ. На стр. CIV (167) слѣдуетъ таблица высотъ, надъ уровнемъ моря тѣхъ мѣстностей Сибири, въ которыхъ были наблюдаемы наибо́льшіе холода. Я отказываюсь слѣдить за разсужденіями аббата о теплѣ и холодѣ; предоставляю людямъ, болѣе ученымъ, чѣмъ я, опредѣлить, на столько-ли ненадежна его точность по части физики, какъ и по части топографіи. То, что́ я видѣлъ, отняло у меня всякое къ нему довѣріе. Вѣрить ему на слово уже я не могу. Поэтому я умалчиваю о страницахъ CV (168) CVI (169) CVII (170); на страницѣ CVIII (172) онъ говоритъ еще, что „Нерчинскъ пользуется климатомъ умѣреннымъ и плодородною почвою“. Однако-же мы уже указали на то, что въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ всѣми буквами, что „южныя окраины Сибири не производятъ хлѣба.“ O tempora! O mores!

О РУССКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ СЪ 861 ПО 1767 ГОДЪ.

РАЗБОРЪ.

Аббатъ повѣствуетъ, на стр. CX (175) что съ 861 по 1596 г. Россія управлялась рядомъ государей, произшедшихъ изъ одного семейства и что „въ теченіи этихъ слишкомъ семи сотъ лѣтъ постоянно наслѣдовали старшіе.“ Прибавлю, что въ теченіи этихъ слишкомъ семисотъ лѣтъ, т. е., до смерти царя Ѳеодора Іоанновича, Россія управлялась, имѣла приблизительно тѣ-же нравы, шла тѣмъ-же путемъ и находилось почти на одномъ уровнѣ какъ и всѣ государства Европы. Г. Шаппъ говоритъ: „Эта долгая преемственность на первый взглядъ заставляетъ думать, что Русскіе тогда пользовались благодѣяніями свободы. Тѣ-же лѣтописи и всѣ историки представляютъ намъ однако-же эту націю подъ владычествомъ государей-деспотовъ.“ И тотчасъ же за тѣмъ онъ продолжаетъ: „Это правленіе, вѣроятно, было смягчено особыми обычаями.“ На счетъ этого параграфа имѣю сказать многое. Вопервыхъ, что́ разумѣете вы подъ ненавистнымъ названіемъ деспота, которое вы безпрестанно употребляете? Очень хорошо вижу, по тому обороту, который вы придаете вашимъ рѣчамъ, что вы этому слову придаете значеніе тирана. Вы затѣмъ называете всѣхъ государей Россіи тиранами. Но кромѣ того, что вы оказываете неуваженіе къ ихъ памяти, вы лжете. Доказательствомъ тому, что они не были таковыми, служитъ то обстоятельство, что ихъ родъ царствовалъ около осьмисотъ лѣтъ. Вы сами молча сознаете всю несообразность этого наименованія, ибо тотчасъ присовокупляете: „это правленіе, вѣроятно, было смягчено особыми обычаями.“ Но если оно было смягчено, оно не было деспотизмомъ, тиранніею. Вы сказали нѣсколькими строками выше, что „эта долгая преемственность заставляетъ думать, что Русскіе тогда пользовались благодѣяніями свободы.“ Почему-же называете вы ихъ государей тиранами? Опытъ показываетъ, что въ теченіи семи сотъ лѣтъ слишкомъ, Россія была довольна ихъ правленіемъ, росла въ могуществѣ и силѣ, что во все это время подданные не жаловались на форму правленія, и дѣйствительно, это единственная, которая могла-бы существовать въ Россіи, вслѣдствіе обширности этой Имперіи. Смотрите главу II-ю *Наказа* Императрицы Екатерины, *даннаго коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія*. Но что я говорю? Смотрите главу II-ю *Наказа*? Вы-бы не посмѣли, г. аббатъ. Газеты объявили, что этотъ *Наказъ* былъ запрещенъ въ Парижѣ вашимъ мягкимъ и умѣреннымъ монархическимъ правитель-

ствомъ. Это мѣра неловкая, способная разоблачить истинный характеръ Французскаго правительства, и обнаружить, правда-ли, что оно монархическое, какъ увѣряютъ льстецы, или чисто деспотическое, какъ видно изъ этого запрещенія. Что касается до насъ, то мы совершенно убѣждены въ послѣднемъ. Объяснимся еще немного точнѣе, г. Шаппъ. Во вторыхъ, что̀ разумѣете вы подъ словами деспотъ, деспотическій? Такое-ли правительство, при которомъ мгновенная воля одного лица рѣшаетъ все, и эта неписанная воля осуществляется немедленно? Или такое, при которомъ писанная воля Государя именуется закономъ? Этотъ послѣдній случай, полагаю я, существуетъ у васъ какъ и у насъ, съ тою разницею, что у насъ это правило прилагается ко всѣмъ областямъ, между тѣмъ какъ у васъ есть цѣлыя провинціи, въ которыхъ нѣтъ писанныхъ законовъ, но лишь обычаи, часто нелѣпые, и еще чаще забытые, служащіе правилами. Знайте-же, невѣжа, что мало есть государствъ, въ которыхъ законъ уважался-бы на столько, какъ у насъ. Никакой судья, крупный или малый, не можетъ постановить рѣшенія, не сославшись на законъ, сообразно съ которымъ онъ дѣйствуетъ. Знайте далѣе, что никакое постановленіе не должно быть исполнено, если оно не согласно съ закономъ; что Римскіе законы были введены у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, ибо они входили въ составъ законовъ церковныхъ; что великій князь Ярославъ, отецъ святаго Александра Невскаго, велѣлъ изложить письменно составленные имъ законы, которымъ служили образцомъ древніе законы Новгородскіе; эти же послѣдніе не отличались ничѣмъ отъ тѣхъ, которымъ тогда слѣдовалъ почти весь Сѣверъ. Царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ составить новое уложеніе; царь Алексѣй Михайловичъ другое. Земскіе судьи съ незапамятныхъ временъ назначались ежегодно, и никто не подвергался приговору безъ предварительнаго суда. Всѣ дѣла вершились приказами, для этого назначенными. Какъ и повсюду, о всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовались съ духовенствомъ. Мнѣ кажется, что вотъ правительство, устроенное какъ почти всѣ прочія въ Европѣ того времени, и даже лучше нѣкоторыхъ изъ нихъ. Страсть аббата состоитъ въ томъ, что-бы приводить весьма пространно все, что̀ онъ можетъ откопать худшаго, или то, чему можно дать ненавистный оборотъ; но онъ остерегается упоминать о фактахъ, которые могутъ прославить нашъ народъ: на семь сотъ лѣтъ нашъ авторъ удѣлилъ лишь полъ-страницы. Но за то онъ наполняетъ полторы страницы мнимыми злодѣяніями царя Бориса Годунова; я говорю мнимыми, ибо аббатъ приводитъ ихъ много, которыхъ ни онъ, никто-бы то ни былъ не могъ-бы доказать. Этотъ государь былъ несча-

стенъ, а несчастные всегда виноваты; многіе историки наговаривали на него по наслышкѣ, или по молвѣ, распущенной его врагами или противными ему партіями (*). Поведеніе доблестнаго семейства Романовыхъ относительно его представляетъ намъ примѣръ, достойный того, чтобы мы его привели. Когда льстецы предложили вырыть и удалить изъ царской усыпальницы тѣло царя Бориса, они не хотѣли на это согласиться, говоря, что хотя онъ былъ врагомъ ихъ семейства, однако онъ былъ признанный всею землею Государь. Во время путешествій Петра Великаго, были произведены починки въ большой Московской колокольнѣ, построенной царемъ Борисомъ, на коей находилась надпись, высѣченная на камнѣ въ его честь; ее покрыли штукатуркою. Когда Императоръ объ этомъ узналъ, онъ велѣлъ возстановить ее, сказавъ буквально, что слѣдуетъ уважать память великаго человѣка. Эта надпись существуетъ до сихъ поръ. Этотъ Государь очень любилъ постройки, и строилъ величественно и роскошно: многія изъ его построекъ, изъ тёсаннаго камня, существуютъ до сихъ поръ. Аббатъ повѣствуетъ за тѣмъ, что, по смерти царя Бориса, смуты усилились и продолжались до 1613 года. Тутъ г. Шаппъ говоритъ: „хотя Россія никогда не была государствомъ избирательнымъ, народъ въ этомъ случаѣ былъ вынужденъ избрать себѣ Государя. Михаилъ Романовъ, дѣдъ царя Петра, въ томъ-же году былъ избранъ собраніемъ главныхъ бояръ, и Русскіе подчинились пятнадцатилѣтнему юношѣ, ничего отъ него не требуя.“

Остановимся нѣсколько на этомъ замѣчательномъ фактѣ. Аббатъ самъ говоритъ, что со смерти царя Ѳедора Ивановича смуты усилились и продолжались до 1613 года. Тогда многіе разумные люди согласились, изъ любви къ родинѣ, найти исходъ, который положилъ-бы предѣлъ этимъ смутамъ и бѣдствіямъ отечества. Такъ какъ не было болѣе потомковъ древняго царскаго рода, то они обратили взоры на ближайшаго родственника столькихъ царей, при которыхъ Россія росла въ могуществѣ и въ силѣ; избрать Михаила Романова, значило соединить всѣ умы для спасенія родины, хотя ему и не было болѣе пятнадцати лѣтъ. У него былъ отецъ, который былъ-бы царемъ, если-бы не былъ монахомъ, и кромѣ того, плѣнникомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ служить ему совѣтникомъ: онъ былъ на это весьма способенъ. Событія показали, что люди, разсудившіе такимъ образомъ, не ошиблись. Предписывать что либо новому Государю или требовать отъ него условій зна-

(*) Изслѣдователи Русской исторіи обратятъ вниманіе на этотъ отзывъ императрицы Екатерины о Борисѣ Годуновѣ. *П. Б.*

чило-бы продлить смуты. Кромѣ того, то было-бы новизною, непріятною народу, и которою съумѣли-бы воспользоваться враги порядка. Царь Василій Шуйскій утратилъ вѣнецъ и жизнь потому, что онъ захотѣлъ измѣнить форму правленія. Ему сказали: мы не хотимъ двадцати господъ, мы хотимъ одного Государя. Изъ сказаннаго вы видите, любезный читатель, сколь жалко заключеніе г-на д'Отероша, когда онъ говоритъ: „Легкость, съ которою Русскіе могли-бы тогда измѣнить форму правленія, заставляетъ предполагать, такъ какъ они этого не сдѣлали, что они не имѣли никакого понятія о свободѣ, или что они крайне были испорчены.“ Г. академикъ, испорченныя-ли были души у того князя Сергѣя Трубецкаго, у того Шереметева, у того монаха Троицкой Лавры, у того Нижегородскаго купца, который доставилъ имъ деньги для осуществленія ихъ замысла? Они замыслили спасти свою родину изъ рукъ Поляковъ, дать ей Государя, возвратить ей миръ. Замыселъ ихъ былъ увѣнчанъ самымъ полнымъ успѣхомъ, и вы смѣете говорить, что эти души были испорчены! Испорченны вы сами и не видите, что это люди, заслуживающіе памятниковъ. Возводили ихъ людямъ, гораздо менѣе того заслуживающимъ, такъ что и не знаешь, возводятъ-ли въ извѣстныхъ странахъ памятники въ честь лицъ, или для того, чтобы украшать города изящными изваяніями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ конечно все равно, изъ какого царства природы ни былъ-бы заимствованъ сюжетъ.

Мнѣ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно параграфа, приведеннаго мною. Аббатъ говоритъ, что избраніе царя, дѣда Петра Великаго, было произведено „собраніемъ главныхъ бояръ.“ Много авторовъ, по незнанію нашихъ обычаевъ, называютъ боярами всѣхъ Русскихъ дворянъ, между тѣмъ какъ званіе боярина давалось нѣкогда отъ Государя лишь нѣкоторымъ изъ первыхъ вельможъ государства; это былъ титулъ, который давался лишь съ какою либо должностію; военачальники, воеводы главныхъ областей, первые чиновники приказовъ и двора были изъ бояръ, т. е. Государь давалъ титулъ боярина тѣмъ, которымъ онъ поручалъ наиважнѣйшія должности; но титулъ этотъ не былъ наслѣдственный.

Аббатъ продолжаетъ: „сынъ его Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ въ 1645 году безъ всякаго новаго избранія“. Какое-же тутъ надобилось избраніе? Самъ г. Шаппъ сознался, что въ теченіи семисотъ лѣтъ слишкомъ сыновья наслѣдовали своимъ отцамъ. „Царствованіе его было возмущено возстаніями и междоусобными войнами, повидимому по большей части причиненными деспотизмомъ, съ которымъ любимецъ царя, Морозовъ, управлялъ

государствомъ.“ Этотъ Морозовъ былъ своякомъ царя, онъ былъ женатъ на сестрѣ царицы Марьи Ильинишны изъ рода Милославскихъ, первой супруги царя Алексѣя Михайловича; это былъ человѣкъ крайне ограниченный, и я не понимаю, какимъ образомъ можно его винить въ возмущеніяхъ и въ междоусобныхъ войнахъ. Правда, что въ это царствованіе были возмущенія, но причины ихъ нужно отыскивать не тутъ. Къ одному изъ нихъ подалъ поводъ соборъ, созванный для исправленія перевода Священнаго Писанія и другихъ церковныхъ книгъ. Къ этому возмущенію, конечно, подалъ поводъ не Морозовъ; онъ могъ сказать, какъ старинные Французскіе дворяне: я не умѣю читать, ибо я дворянинъ. Затѣмъ авторъ говоритъ: „г. Вольтеръ замѣчаетъ, что, въ этой части свѣта, люди, наименѣе находясь подъ вліяніемъ нравовъ, управляются истязаніями, и отъ этихъ страшныхъ истязаній раждается раболѣпство.“ Никто не питаетъ болѣе глубокаго уваженія къ г. Вольтеру, чѣмъ я. Этотъ великій человѣкъ, другъ истины, позволитъ мнѣ представить на его усмотрѣніе слѣдующія замѣчанія на это мѣсто. Никогда не было народа, который бы болѣе управлялся нравами и обычаями, чѣмъ нашъ. Всѣмъ извѣстны труды, которыхъ стоило измѣненіе этихъ нравовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но въ чемъ-же состояли эти древніе обычаи и нравы, о которыхъ здѣсь рѣчь? Войдемъ въ самые знатные дома; они были малы, и въ нихъ не господствовало никакой роскоши: цѣлое семейство, помѣщенное весьма тѣсно, жило въ нихъ; мужчины занимали передніе покои, женщины — болѣе отдаленные. Всякое семейство правильно присутствовало каждый день у заутрени, у обѣдни и вечерни, съ великою набожностію: эти благочестивыя упражненія замѣняли имъ иныя занятія. Существовалъ обычай, чтобы въ городахъ каждый взрослый мужчина, около полудня, отправлялся къ тому мѣсту, гдѣ творился судъ и расправа. Такимъ мѣстомъ въ Москвѣ была Кремлевская площадь, именуемая Ивановскою: тамъ толковали они о своихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ. Когда какой-либо старикъ замѣчалъ, что знатный молодой человѣкъ день или два не являлся на площадь, онъ дѣлалъ ему упреки и грозилъ ему извѣстить о томъ его отца: не присутствовать на этихъ собраніяхъ считалось признакомъ дурнаго поведенія и лѣни; на нихъ можно было получить свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ и состояніи государства, и видѣть знакомыхъ. Остальное время употреблялось на дѣла семейныя. Все семейство, жена, дѣти и слуги постоянно находились въ присутствіи главы дома. Легко себѣ представить, что этотъ глава семейства, такимъ образомъ окруженный, и эта семья, всегда находящаяся въ

присутствіи своего главы, не были склонны предпринимать что́-либо предъосудительное, и что слѣдовательно каждый постоянно сдерживался и наблюдалъ за собою. Въ семьяхъ царствовало согласіе. Разводы были почти неизвѣстны. Дѣти имѣли большое уваженіе къ своимъ отцамъ и матерямъ. Но что лучше всего, что́, я могъ-бы сказать, изображаетъ нравы того времени, это оговорка, которую вставляли во всѣ договоры; вотъ эта замѣчательная оговорка, отъ слова до слова: *если-же мнѣ случится отказаться отъ моего слова, или не сдержать его, то да будетъ мнѣ стыдно.* И такъ, стыдъ былъ тогда наисильнѣйшею сдержкою, которую налагали на себя, какъ *non plus ultra.* Полагаю, что нѣтъ страны, которая могла бы представить въ пользу своихъ нравовъ свидѣтельство столь-же краснорѣчивое, какъ эту формулу. Ее стали опускать лишь когда перестали жить, какъ жили прежде, когда нравы стали менѣе простыми. Эту перемѣну, повидимому, можно отнести ко времени смутъ, волновавшихъ государство и семью послѣ смерти царя Ивана Васильевича; до тѣхъ поръ, нравы были очень просты. Очень можетъ быть, что нѣкоторые примѣры строгости заставляли подумать, что „этими людьми управляли болѣе истязанія, чѣмъ нравы, и что отъ этихъ ужасныхъ истязаній раждалось раболѣпство,“ какъ сказано въ словахъ г. Вольтера, приводимыхъ у аббата, если еще г. Шаппъ не укоротилъ его фразу. Предоставляю судить, нельзя-ли сказать того-же самого о всѣхъ народахъ міра? Ибо гдѣ государство, въ которомъ не производились-бы, по крайней мѣрѣ въ то время, ужасныя истязанія? У насъ они были жестоки, это правда. Но если-бы намъ не было противно останавливаться долѣе на такомъ предметѣ, мы доказали-бы, что какъ розги и кнутъ перешли къ намъ отъ Римлянъ, такъ и всѣ подобные ужасы къ несчастію заимствованы нами у другихъ народовъ. Пусть-же эти послѣдніе въ свою очередь послѣдуютъ нашему примѣру, если они разумны, и преобразуютъ свой уголовный судъ на основаніи главы X *Наказа* Императрицы Екетерины для составленія уложенія, который былъ запрещенъ въ Парижѣ и въ Константинополѣ.

На страницѣ CXII (178) аббатъ говоритъ: „Порабощеніе все болѣе усиливалось послѣ смерти царя Алексѣя, случившейся въ 1677 году.“ Вотъ странное мѣсто. Чѣмъ докажетъ это г. Шаппъ? Но вотъ что́ еще лучше: онъ говоритъ: „Царевна Софья, дочь Ѳеодора отъ перваго брака, замыслила стать во главѣ государства.“ Г. академикъ, гдѣ гутъ точность? Царевна Софья была дочь царя Алексѣя Михайловича и сестра царя Ѳедора Алексѣевича, а вы дѣлаете ее дочерью своего брата. Объ этой царевнѣ Софьѣ

было говорено немало. Я думаю, что ей не была отдана должная справедливость. Ея старшій братъ, царь Иванъ своимъ довѣріемъ къ ней поручилъ ей, такъ сказать, правительство. Слабость и юность этого старшаго брата, и малолѣтство ея младшаго брата, царя Петра, предавали въ ея руки бразды правленія. Она имѣла противъ себя свою мачиху и всю многочисленную родню этой послѣдней. Легко судить, что интригамъ, льстецамъ, переносчикамъ и сплетникамъ открывалось обширное поприще при дворѣ, въ которомъ умы были раздѣлены такимъ образомъ, и они о себѣ не забыли; однако-же нужно отдать справедливость царевнѣ Софьѣ, устранивъ всякое пристрастіе. Она въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ руководила дѣлами государства со всею проницательностію, которой возможно желать. Когда посмотримъ на дѣла, прошедшія черезъ ея руки, нельзя не признать, что она была весьма способна царствовать. Ея честолюбіе, когда захотѣли удалить ее отъ правленія, возбудило волненія, которыя утихли лишь когда ее заточили въ монастырь. Петру Великому было лишь десять лѣтъ, когда вспыхнули эти смуты, она была его старшею сестрою, была старше даже вдовствующей царицы, которой не хотѣла уступить первенство, ибо считала себя наслѣдницею престола на случай, если-бы умерли ея братья. Партія ея была велика, и впослѣдствіи нуженъ былъ весь геній Петра Великаго, чтобы выпутаться изъ всѣхъ затрудненій, которыми постарались окружить со всѣхъ сторонъ этого юнаго Государя.

Аббатъ продолжаетъ; поговоривъ о смутахъ, возбужденныхъ царевною Софьею и о стрѣлецкихъ бунтахъ, онъ пишетъ: „Но народъ, привыкшій къ казнямъ и къ насиліямъ, всегда заставляетъ опасаться тѣхъ-же злодѣяній.“ Боже мой, возможно ли, чтобы человѣкъ, живущій въ странѣ, гдѣ ежедневно вѣшаютъ за малѣйшее воровство, могъ-бы сказать о народѣ, въ которомъ казни не употреблялись никогда иначе, какъ за самыя ужасныя преступленія, гдѣ пытка болѣе не существуетъ, гдѣ смертная казнь крайне рѣдка, сказать, что этотъ народъ, привыкшій къ казнямъ и насиліямъ, заставляетъ постоянно опасаться тѣхъ-же преступленій? Затѣмъ онъ говоритъ: „Петръ I одинъ сталъ управлять государствомъ съ 1689 года, и замыслилъ преобразовать и просвѣтить свой народъ; но, болѣе самовластный, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, онъ лишь крѣпче затянулъ узы рабства.“ Спрашиваю читателя, возможно-ли заключить больше противорѣчій въ столь немногихъ строкахъ? Какъ! Просвѣтить народъ, это значитъ затянуть узы рабства? Какъ! Этотъ Петръ Великій, учредившій Сенатъ, давшій ему право дѣлать представленія Государю въ тѣхъ

случаяхъ, когда онъ въ его распоряженіяхъ усматривалъ что̀-либо противное законамъ или вредное для государства, обвиняется здѣсь въ томъ, что онъ затянулъ узы рабства? Онъ, который открылъ свое государство для иностранцевъ, который захотѣлъ, чтобы его подданные путешествовали, который заставлялъ ихъ учиться на свой счетъ во всѣхъ странахъ Европы, о немъ говоритъ такимъ образомъ г. Шаппъ! Или этотъ Государь былъ лишенъ проницательности, въ чемъ, кажется, его обвинять нельзя; или аббатъ не знаетъ, что̀ говоритъ: это послѣднее, кажется, достаточно ясно. Затѣмъ аббатъ въ четырехъ строкахъ разсказываетъ смерть Петра Великаго, царствованіе Императрицы Екатерины, его супруги, и Императора Петра II, внука Петра I. Онъ говоритъ на страницѣ CXIII (180), что князь d'Olgorouki и графъ Остерманъ, составлявшіе верховный совѣтъ, скрыли завѣщаніе Императрицы Екатерины и распустили слухъ, будто Петръ II, умирая, назначилъ своею наслѣдницею царевну Анну, герцогиню Курляндскую. *Во первыхъ*, нѣтъ князей Олгорукихъ, но есть князья Долгорукіе. Эта княжеская фамилія утверждаетъ, что происходитъ отъ великаго князя, у которого одна рука была длиннѣе другой; отсюда сохраненное ими прозвище. *Во вторыхъ* въ верховномъ совѣтѣ были не одинъ князь Долгорукій съ Остерманомъ, но нѣсколько князей изъ семейства Долгорукихъ и Голицыныхъ, и много другихъ князей и вельможъ. *Въ третьихъ* не выдумали, будто Петръ II завѣщалъ корону, ибо многочисленный государственный совѣтъ не можетъ позволять себѣ такихъ школьническихъ продѣлокъ; но избрали въ Императрицы Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, подъ условіемъ, чтобы она подписала извѣстные пункты, что̀ она и сдѣлала, полагая, что это общее желаніе всей націи. Но пріѣхавъ въ Москву и узнавъ, что общее желаніе не соотвѣтствуетъ распоряженіямъ совѣта, она снова облеклась въ самодержавіе своихъ предковъ. Аббатъ, будьте точнѣе и менѣе невѣжественны, и тогда мнѣ будетъ менѣе затруднительно поправлять васъ на каждомъ шагу. Г. Шаппъ говоритъ: „Эта государыня привезла съ собою своего любимца, Бирона, Курляндца по рожденію. Онъ правилъ Россіею желѣзнымъ скипетромъ подъ именемъ Императрицы Анны. Повидимому онъ уже тогда замышлялъ сдѣлаться Государемъ. Биронъ поработилъ себѣ народъ посредствомъ казней и ссылокъ въ Сибирь.“ Какъ бы ни было строго это царствованіе, мы увѣрены, что правленіе хваленаго кардинала Ришелье вынесетъ съ нимъ сравненіе. Да, г. Шаппъ, этотъ кардиналъ правилъ Франціею желѣзнымъ скипетромъ, подъ именемъ Людовика XIII. Онъ не замышлялъ сдѣлаться Государемъ, но онъ дѣйствительно царство-

валъ деспотически и тиранническ; онъ поработилъ себѣ вашу націю казнями и ссылками. Вамъ нечѣмъ попрекать насъ: правда, у васъ не ссылаютъ въ Сибирь, потому что у васъ ея нѣтъ; Канада у васъ отнята Англичанами, и во времена кардинала Ришелье ея у васъ не было; но Бордосскія ланды, Олонскіе пески, развѣ не служатъ мѣстами изгнанія? А чрезвычайныя коммиссіи, а Бастилія, а Шато-Тромпетъ и прочія подобныя мѣста, охотникъ вы до нихъ, г. аббатъ? Говорятъ, они не пустѣютъ, благодаря удобному изобрѣтенію: Lettres de cachet, подписанныхъ въ видѣ бланковъ; что́, конечно, вполнѣ обезпечиваетъ гражданъ; малѣйшая интрига, если имѣешь врага, можетъ разрушить счастіе цѣлаго семейства. Но вернемся къ тексту. „Императрица Анна заставила провозгласить его (Бирона) герцогомъ Курляндскимъ по смерти послѣдняго принца изъ дома Кеттлеровъ". Это сдѣлала не Императрица Анна: Августъ III изъ дома Саксонскаго, король Польскій, изъ благодарности къ Императрицѣ, которая способствовала его избранію, первый предложилъ Русскому двору устроить избраніе оберъ-каммергера Бирона дворянствомъ Курляндскаго герцогства; что́ и было исполнено, причемъ выборъ утвержденъ королемъ Польскимъ.

Аббатъ повѣствуетъ затѣмъ о смерти Императрицы Анны, о восшествіи на престолъ маленькаго принца Іоанна Брауншвейгскаго, о регенствѣ герцога Курляндскаго, и потомъ говоритъ: „Принцесса Курляндская, мать Императора, не могла однако-же покориться игу Бирона: она замыслила его свергнуть, и избрала генерала Миниха, иностранца, поселившагося въ Россіи, чтобы исполнить свое намѣреніе". Не эта слабая принцесса замыслила арестовать регента, но маршалъ Минихъ, видя всеобщее недовольство всей націи, обратился съ этимъ предложеніемъ къ царевнѣ Елисаветѣ, дочери Петра Великаго. Эта послѣдняя отклонила это предложеніе; тогда маршалъ обратился къ принцессѣ Брауншвейгской, которую онъ уговорилъ лишь съ большимъ трудомъ. Этотъ фактъ самъ собою показываетъ, что Минихъ не могъ дать принцессѣ Аннѣ отвѣта, приписываемаго ему аббатомъ въ слѣдующихъ строкахъ, за которыя нельзя его не пожурить. Вотъ онѣ, на страницѣ CXIV (181): „Минихъ зналъ Бирона и Русскихъ; онъ отвѣтилъ принцессѣ (Аннѣ), что, разъ занявшись этимъ проэктомъ, она подвергается крайней опасности быть арестованною вмѣстѣ съ своими единомышленниками, если Биронъ не будетъ арестованъ въ теченіи двадцати четырехъ часовъ". Что хочетъ онъ сказать этимъ: „Минихъ зналъ Бирона и Русскихъ и т. д.?" Хочетъ-ли онъ дать понять, что они были привязаны къ Бирону? Такое положеніе невозможно защи-

щать. Маршалъ Минихъ конечно зналъ ихъ достаточно, чтобы не предпринимать ничего, что́ было-бы противно общему желанію, поэтому онъ и поступилъ такимъ образомъ. Главное желаніе націи было въ пользу царевны Елисаветы; послѣ ея отказа онъ обратился къ принцессѣ Брауншвейгской, которая не была ни любима, ни уважаема, но все-таки была матерью принца, объявленнаго наслѣдникомъ престола подъ попечительствомъ регента, герцога Курляндскаго. Очень хорошо знаю, что́ хочетъ сказать аббатъ: онъ хотѣлъ-бы прославить насъ за людей, на которыхъ нельзя положиться, и, чтобы выразиться безъ обиняковъ, за измѣнниковъ; и затѣмъ, полагаю я, онъ не прочь бы всѣхъ насъ повѣсить: до того онъ насъ ненавидитъ! Правда, что это было-бы средствомъ разомъ отдѣлаться отъ насъ. Ради Бога, смилуйтесь, г. аббатъ! Но вся это пустая фраза автора, приведенная мною, падаетъ сама собою, какое-бы злобное намѣреніе подъ нею не скрывалось; ибо между предложеніемъ, согласіемъ и исполненіемъ всего протекло часа три-четыре. Далѣе, правда (хотя аббатъ и утверждаетъ противное, для того, чтобы увѣрить, будто недовѣріе было такъ сильно, что маршалъ Минихъ боялся ходить къ регенту, чтобы не возбуждать подозрѣній принцессы Анны), что маршалъ Минихъ не только провелъ вечеръ, но и ужиналъ съ герцогомъ Курляндскимъ, котораго онъ въ ту же ночь арестовалъ. Авторъ съ аффектаціею называетъ герцога просто Бирономъ. Г. д'Отерошъ, это вамъ диктуетъ вашъ наушникъ? Аббатъ говоритъ на страницѣ CXIV (182): „черезъ нѣсколько дней его сослали въ Сибирь, гдѣ заперли его въ домъ, построенный среди болота". Герцога Курляндскаго сослали лишь послѣ того, какъ его поведеніе было подвергнуто разсмотрѣнію и суду особой коммиссіи. Вслѣдствіе этого, его сослали въ Сибирь, не въ домъ, построенный среди болота, но въ Пелымь, избранную маршаломъ Минихомъ, гдѣ, по его приказанію, выстроили домъ для герцога. Можетъ быть, что почва тамъ болѣе или менѣе суха, но не правда, чтобы домъ былъ построенъ среди болота. Здѣсь аббатъ изливаетъ всю свою жолчь; слѣдующее мѣсто одно изъ самыхъ оскорбительныхъ, какія можетъ изрыгать злоба. Онъ говоритъ: „безпрестанныя революціи, испытанныя Россіею, подготовляли новые перевороты, облегчали ихъ совершеніе. Этотъ народъ, всегда порабощенный, не былъ связанъ съ своимъ государемъ ни законами, ни любовію; интрига и право сильнаго предоставляли престолъ всякому, кто дерзалъ имъ овладѣть". Считаю себя въ правѣ, послѣ столь сильной выходки, выставить въ полномъ свѣтѣ намѣренія аббата Шаппа и подобныхъ ему. Видя, что вся Европа имѣетъ высокое мнѣніе о могуще-

ствѣ Россіи, и что это мнѣніе можетъ сдѣлаться слишкомъ вліятельнымъ и гибельнымъ для вѣчныхъ проэктовъ враждебной ея политики, они постарались ослабить его въ этой книгѣ и доказать, что Россійская Имперія далеко не такъ страшна, какъ это думаютъ, за неимѣніемъ свѣдѣній. И подъ предлогомъ наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры по солнечному диску, они принялись оцѣнять по своему источники нашего могущества, то есть, выставлять въ ненавистномъ свѣтѣ образъ нашего правленія, особенности и характеръ народонаселенія. Кромѣ того, они занялись умаленіемъ годовыхъ доходовъ государства, его сухопутныхъ и морскихъ силъ, численности населенія, производительности торговли и рудниковъ, качества земель. За то они постарались, сколько могли, преувеличить протяженіе лѣсовъ, пустынь и болотъ. Въ Россіи, однако-же, не болѣе сообщительны относительно подобныхъ текущихъ правительственныхъ данныхъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было; какимъ-же образомъ случилось, что аббатъ, носясь на почтовыхъ, съумѣлъ набрать матеріалы для подробныхъ таблицъ, въ которыхъ, какъ увидимъ мы ниже, силы и доходы Имперіи вычислены и выставлены на видъ, до послѣдней копѣйки? Собралъ-ли онъ ихъ въ Россіи? *Non credo* (*). Они или весьма стары, или составлены далеко отъ полюса на иждивеніе тѣхъ самыхъ, которые издали на свой счетъ книгу г. Шаппа, и которые насилуютъ свой умъ, чтобы увѣрить себя въ нашемъ ничтожествѣ, вопреки фактамъ и истинѣ. Но что́ бы ни говорилъ г. д'Отерошъ, если намъ завидуютъ и насъ боятся, насъ не такъ презираютъ, какъ въ томъ притворяются. Вернемся къ презрѣнному параграфу, который мнѣ приходится опровергать. Аббатъ сказалъ: „Безпрестанныя революціи, испытанныя Россіею, подготовляли новые перевороты, облегчали ихъ совершеніе". Я на это скажу вещь, которая удивитъ многихъ; а именно, что въ Россіи никогда не происходило революцій, развѣ когда нація чувствовала, что впадаетъ въ ослабленіе. У насъ были царствованія жестокія; но мы всегда съ трудомъ переносили лишь царствованія слабыя. Нашъ образъ правленія, по своему складу, требуетъ энергіи; если ея нѣтъ, то недовольство дѣлается всеобщимъ, и вслѣдствіе его, если дѣла не идутъ лучше, происходятъ революціи. У насъ никогда не происходило такой, для которой нельзя было-бы отыскать достаточныхъ поводовъ въ событіяхъ; никогда онѣ не были дѣломъ прихоти. Всякія козни, не опиравшіяся на голосъ народа, постоянно оказывались несостоятельными. Мнѣ возразятъ, быть можетъ, смутами, ознаменовавшими царствованіе Пет-

(*) Не вѣрю.

ра Великаго, который, конечно, не былъ человѣкомъ слабымъ. Самое это возраженіе обращается въ мою пользу; оно докажетъ то, что́ я утверждаю. Вотъ мой отвѣтъ. Знаю, что въ его время было три замѣчательныхъ бунта: первые два въ его дѣтство; одинъ, когда стрѣльцы подумали, что угрожаетъ опасность правленію царевны Софьи, возбуждавшей ихъ противъ Нарышкиныхъ, родственниковъ вдовствующей царицы; второй, когда раскольники овладѣли Архангельскимъ соборомъ, для того, чтобы совершить въ немъ обѣдню по своему обряду; третій, когда часть стрѣльцовъ получила приказаніе идти на Астрахань, и терпя, въ теченіи трехъ недѣль, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ по винѣ своего начальника, они не захотѣли идти далѣе, возмутились противъ своего начальства, близъ Воскресенскаго монастыря, и вернулись въ Москву. Этотъ послѣдній бунтъ не можетъ даже быть поставленъ на ряду съ двумя первыми; ибо какое войско, въ подобномъ случаѣ, не поступило-бы точно такъ-же? Всѣ эти смуты, надѣлавшія столько шуму въ Европѣ, не произвели революцій, и были усмирены безъ труда; и гдѣ страна, въ которой не происходили-бы подобныя? Онѣ даже не заслуживали названія возмущеній, ибо были только волненіями, неимѣвшими ни корня, ни слѣдовъ, которыя разумное правительство всегда подавляетъ съ еще большею легкостію, чѣмъ они возникли. Я знаю, что во многихъ странахъ господствуетъ заблужденіе, будто въ Россіи заговоры столь-же обыкновенны, какъ грибы послѣ дождя. Знаю также, отъ чего возникъ этотъ предразсудокъ: во первыхъ, мелочамъ часто было придаваемо слишкомъ большое значеніе; во вторыхъ къ этому подало поводъ злоупотребленіе тайною канцеляріею. Хотѣли-ли удалить кого-либо, онъ могъ быть удаленъ лишь вслѣдствіе суда; и такъ малѣйшая дворская интрига подвергалась суду этой канцеляріи, вполнѣ схожему съ судомъ Бастиліи. По законамъ, наша тайная канцелярія должна была вѣдать лишь преступленія по тремъ пунктамъ: противъ Бога, противъ Государя и противъ Государства; остальныя дѣла вносились въ нее по именному повелѣнію Государя. Публика, не зная законовъ, и рѣдко имѣя свѣдѣнія о прямыхъ приказаніяхъ, иногда отдаваемыхъ этому судилищу въ тайнѣ, заключала, что все происходящее тамъ весьма важно, между тѣмъ какъ тамъ часто судились лишь мелочи. И какъ скоро была упразднена эта канцелярія, всѣ мнимые или предполагаемые заговоры тотчасъ прекратились. Невозможно, чтобы вещи измѣнялись въ столь короткое время; онѣ остались приблизительно такими-же, какими были прежде, а однако-же событія ясно показываютъ, что эта канцелярія была пугаломъ, безполезнымъ для страны и весь-

ма вреднымъ относительно чужихъ краевъ, въ которыхъ она поселяла заблужденіе о непрочности правительства. Но вернемся къ аббату: онъ никогда не преминетъ, говоря о Государѣ, назвать его деспотомъ, а говоря о народѣ, дать ему эпитетъ рабскаго; я ниже объяснюсь съ нимъ на счетъ этого послѣдняго пункта, первый уже опровергнутъ. Будемъ продолжать разборъ занимающаго насъ параграфа. Я нахожу въ немъ слѣдующія ужасныя слова: „Этотъ народъ, всегда порабощенный, не былъ связанъ съ своимъ Государемъ ни законами, ни любовью". Однѣхъ этихъ строкъ достаточно, чтобы показать, сколь мало аббатъ и подобные ему знаютъ характеръ народа, о которомъ они говорятъ. Нѣтъ въ Европѣ народа, который-бы болѣе любилъ своего Государя, былъ бы искреннѣе къ нему привязанъ. Самъ аббатъ, о томъ не думая, привелъ тому сильное доказательство, сказавъ, что въ теченіи семисотъ лѣтъ слишкомъ царствовалъ одинъ родъ, власть переходила отъ отца къ сыну, безъ всякаго спора въ теченіи столь долгихъ временъ и при государяхъ столь различнаго характера.

Но если этого недостаточно, то приведемъ примѣръ этой любви къ Государю и къ Отечеству, примѣръ тѣмъ болѣе разительный что онъ относится къ временамъ, въ которыя конечно естественная склонность болѣе имѣла вліянія на дѣйствія, чѣмъ сознательный расчетъ. Царю Ивану Васильевичу было только пять лѣтъ, когда умеръ его отецъ; онъ былъ подъ попечительствомъ матери. Два его дяди съ отцовской стороны имѣли притязанія на это попечительство; дворянство раздѣлилось на двѣ партіи; весь народъ былъ раздвоенъ ихъ кознями, и господствовала всеобщая сумятица Между тѣмъ Крымскіе Татары, согласившись съ ханомъ Татаръ Казанскихъ, съ трехъ разныхъ сторонъ произвели нападеніе на Россію. Какъ только о томъ вѣсть доходитъ въ Москву, между враждующими возстановляется согласіе; они собираются. Прежде всего, коноводы всѣхъ партій добровольно возлагаютъ на себя обѣтъ забыть свою вражду и соединиться для защиты юнаго царя и отечества. Они сдерживаютъ свое слово. Снаряжаютъ четыре отряда войскъ; всякій по силамъ тому содѣйствуетъ: первый назначается для защиты Государя, остальные три идутъ на встрѣчу Татарамъ, разбиваютъ ихъ и возвращаются въ Москву побѣдителями своихъ страстей и враговъ, изъ привязанности къ Отечеству и къ Государю. Вотъ тѣ черты, которыя аббатъ приводить остерегается. Онѣ ему не подъ стать. Однако-же такихъ примѣровъ въ нашей исторіи много. Ваши междоусобныя войны, г. аббатъ, ваши внутренніе раздоры, кончались-ли когда-либо такимъ образомъ? Лига и Фронда призывали на помощь Испанцевъ, между

тѣмъ какъ наши ссоры прекращались, когда Государство и Государь находились въ опасности. Г. академикъ заключаетъ приведенный мною параграфъ слѣдующимъ злобнымъ замѣчаніемъ: „Интрига и право сильнаго предоставляли престолъ всякому, кто дерзалъ имъ завладѣть". Это не правда: *во первыхъ*, завѣщаніе императрицы Анны назначило принца Іоанна Брауншвейгскаго, двухмѣсячнаго ребенка, наслѣдникомъ престола, а герцога Курляндскаго регентомъ. Нельзя было распорядиться хуже, и всякій, кто имѣлъ здравый смыслъ, могъ разсудить, что царствованіе малолѣтняго, всегда слабое, должно было сдѣлаться невыносимымъ при такомъ регентѣ, чужеземцѣ, иновѣрцѣ, имѣющемъ противъ себя отца и мать своего воспитанника (чужеземцевъ, какъ и онъ) и кромѣ того, дочь Петра Великаго, обожаемую народомъ и заслуживающую это обожаніе обиліемъ высокихъ и прекрасныхъ качествъ. Г. аббатъ подобное правительство устояло-ли бы во Франціи? Царствованія малолѣтнихъ всегда были у васъ бурны. Но если-бы по завѣщанію одного изъ вашихъ королей, за недостаткомъ наслѣдниковъ мужескаго пола, былъ-бы назначенъ преемникомъ иноземный, трехмѣсячный принцъ и при немъ попечитель-Гугенотъ; если-бы къ этимъ обстоятельствамъ еще присовокупилось то, что у этого ребенка были-бы отецъ и мать, и если-бы кромѣ того (оставимъ въ сторонѣ Салическій законъ, который одинъ разъ тоже чуть было не былъ устраненъ) дочь вашихъ королей оказалась не только въ живыхъ, но еще вполнѣ достойною престола; думаете ли вы, что вы бы избѣгли междоусобныхъ войнъ и революцій? Какъ-бы дѣла ни повернулись, безъ этого вы бы не обошлись. Если герцогъ Курляндскій былъ свергнутъ, регентъ герцогъ Орлеанскій едва избѣгнулъ этой участи. За кого объявили бы себя ваши парламенты? Сомнѣнія нѣтъ, за кровь вашихъ королей (хотя эти самые парламенты долго и упорно не признавали лучшаго и величайшаго изъ вашихъ королей, Генриха IV). Таково также рѣшеніе, принятое всѣмъ нашимъ народомъ, объявившимъ себя въ пользу императрицы Елисаветы, дочери Петра Великаго. Думаете ли вы, чтобы эта послѣдняя вступила на престолъ, если-бы не была увѣрена въ согласіи всей націи? Конечно нѣтъ; ее бы не успѣли на это склонить. Если вы меня спросите, что́ я разумѣю подъ общимъ голосомъ народа или его согласіемъ, то я отвѣчу вамъ, что когда мы чувствуемъ, что государство въ опасности, то имѣется пунктъ, относительно котораго, у насъ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, въ трудное время, не сговорившись, всѣ соединяются въ одномъ чувствѣ. Эта точка, на которой соединяются всѣ умы, есть спасеніе Отечества,

обнимающее собою спасеніе всѣхъ отдѣльныхъ личностей. Когда всѣ умы согласны относительно этого пункта, революція близка; если нѣтъ, то крамола не удается; она слаба и недѣйствительна, ибо она только крамола, и въ ней не выражается всеобщее желаніе. Не вздумайте заключать изъ этого, г. Шаппъ, вы, который такой охотникъ до заключеній, чтобы мы хотѣли этимъ сказать, что крамолы у насъ обыкновенны. Конечно нѣтъ; я не хочу этого сказать, ибо этого нѣтъ; но такъ какъ во всѣхъ странахъ есть интриганы и злодѣи, то они встрѣчались и у насъ.

Вернемся въ тексту. Аббатъ разсказываетъ на страницѣ CXIV (182) вступленіе на престолъ Императрицы Елисаветы, и разсказываетъ плохо. Онъ говоритъ, что Лестокъ, „иностранный хирургъ, состоявшій при принцессѣ Елисаветѣ, замыслилъ возвести ее на престолъ". Вполнѣ достовѣрно, что желанія народа были за нее, и что первыя предложенія были сдѣланы не Лестокомъ. Когда царевна проѣзжала по улицамъ, ей кричали, чтобы она вступила на престолъ своихъ предковъ. Были люди, которые обращались къ графу Михаилу Воронцову, тогда камеръ-юнкеру (а не пажу, какъ говоритъ аббатъ) при царевнѣ. Лестокъ, видя такое расположеніе умовъ, уговорилъ царевну согласиться; правительница была объ этомъ предупреждена, и спросила у царевны Елисаветы, правда ли, что Лестокъ бываетъ у иностранныхъ министровъ, ей подозрительныхъ? Она отвѣчала, что Лестокъ никогда у нихъ не бываетъ, и это была правда. Этотъ разговоръ ускорилъ моментъ развязки. Разсказъ о немъ аббата столь-же не точенъ, какъ и скученъ. Онъ приводитъ въ эту рѣшительную минуту разсказъ о двухъ рисункахъ, наскоро, говоритъ онъ, начерченныхъ Лестокомъ, на картахъ, которыя онъ вытащилъ изъ кармана; фактъ, который, если-бы аббатъ не разукрасилъ его романическими выдумками, не стоило и приводить. Вотъ онъ въ дѣйствительномъ своемъ видѣ, а не въ томъ, въ которомъ передаетъ его аббатъ. Нѣсколько недѣль до вступленія Императрицы Елисаветы на престолъ, Лестокъ, присутствуя при ея туалетѣ и разговаривая съ нею, принялся рисовать на бумажкѣ съ одной стороны корону, съ другой колесо, и затѣмъ сказалъ: нѣтъ середины; или первая для васъ, или второе для меня.

На страницѣ CXV (184) аббатъ пишетъ: „Лестокъ говоритъ съ нею лишь объ успѣхѣ предпріятія; онъ уговариваетъ ее возложить на себя Андреевскую ленту". Это опять невѣрно. Она вышла отъ себя съ лентою Св. Екатерины, которую носила со времени коронаціи Императрицы Екатерины I, и возложила на себя знаки ордена Св. Андрея

лишь въ дворцовой церкви, послѣ того, какъ ей присягнули. Авторъ продолжаетъ: „Елисавета, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, отправляется во дворецъ, чтобы овладѣть Имперіею". Ее сопровождали не четыре человѣка, а около четырехъ сотъ гренадеръ гвардіи; когда она прибыла во дворецъ; барабанщикъ не ударилъ въ барабанъ и не хотѣлъ ударить: дворцовый караулъ присягнулъ Императрицѣ, какъ только она пригласила его признать дочь Петра Великаго, ибо на этотъ счетъ всѣ были согласны. Аббатъ вставляетъ тутъ на страницѣ CXVI (185) слѣдующее замѣчаніе: „Она говорила съ рабами: они падаютъ ницъ и присоединяются къ ея маленькой свитѣ". Какъ, г. Шаппъ! Вы называете нашихъ солдатъ рабами за то, что дворцовый караулъ призналъ Императрицею дочь Петра Великаго! За то, что любовь ихъ къ праху этого монарха, при которомъ они одержали столько побѣдъ, продолжала въ нихъ жить. За то, что они присягнули этой дочери возстановителя Имперіи, единственной оставшейся наслѣдницѣ крови столькихъ Государей. Вы пишете: „Она говорила съ рабами: они пали ницъ и присоединились къ ея маленькой свитѣ". *Во первыхъ* почему называете вы наше войско рабами? Оно не болѣе состоитъ изъ рабовъ, чѣмъ всякое другое. Я тотчасъ это докажу. *Во вторыхъ*, почему говорите вы, что они пали ницъ? Это неправда; это предполагаетъ аббатъ для того, чтобы придать дѣлу болѣе низкій характеръ; онъ рисуетъ позорную картину собственнаго изобрѣтенія. *Въ третьихъ*, почему говорите вы: они присоединяются къ ея маленькой свитѣ? Мы уже сказали, что принцессу Елисавету сопровождали не четыре человѣка, но около четырехъ сотъ; но въ этомъ случаѣ четыре или четыреста человѣкъ, это почти одно и тоже. Толпа ея приверженцевъ была очень велика, ибо вся Имперія стояла за нее лично и за кровь, текущую въ ея жилахъ; это было извѣстно даже правительницѣ и ея министерству. Посмотримъ теперь, насколько наши солдаты рабы въ сравненіи съ вашими, и потомъ мы вернемся къ тексту. Г. д'Отерошъ, держитесь крѣпко на ногахъ, ибо вамъ сильно достанется. Я знаю въ Европѣ лишь три способа набирать солдатъ. Первый и самый древній (его теперь употребляютъ лишь Турки) состоитъ въ томъ, что раздавались земли, называемыя у васъ *фіефами*, у Турокъ *тимарами*, у насъ *помѣстьями* съ обязательствомъ выводить въ поле, по востребованію, извѣстное количество людей. Петръ Великій и императрица Анна подарили эти *фіефы* и связанную съ ними повинность дворянамъ, владѣющимъ ими. Второй способъ заключается въ томъ, что за извѣстную сумму записываютъ въ солдаты человѣка, заключая съ нимъ контрактъ на извѣстное количество лѣтъ,

по прошествіи которыхъ онъ долженъ быть отпущенъ; но такіе контракты вышли изъ употребленія. Если-бы у насъ употреблялась эта метода записывать въ солдаты за деньги или безъ денегъ, съ контрактомъ или безъ онаго, то можно было-бы имѣть армію вдвое и втрое бо̀льшую той, которая существуетъ; ибо весьма удобно получать пропитаніе, одежду и жалованіе, не работая, и потому что всякій солдатъ, отслуживъ свой срокъ, избираетъ любой образъ жизни, или даже, если того захочетъ, получаетъ для обработки порожнія земли. Третій способъ состоитъ въ томъ, чтобы брать съ извѣстныхъ округовъ опредѣленное число рекрутовъ. Вотъ что̀ всегда производится въ Россіи, часто въ Пруссіи, во Франціи, въ Швеціи, и т. д.

Полагаю, что на такихъ рекрутовъ можно расчитывать болѣе, чѣмъ на всякихъ другихъ. Правда, что ихъ требуютъ и отдаютъ; но я все таки не вижу, почему-бы нашихъ рекрутовъ называть рабами въ противуположность прочимъ, хотя у васъ и вѣшаютъ тѣхъ, которые дезертируютъ, чего у насъ не дѣлается. И наши и ваши рекруты не вольны идти или не идти въ военную службу, но изъ того, что государство требуетъ услугъ, и что исполнять ихъ есть обязанность, еще не слѣдуетъ, чтобы подлежащіе этому обязательству люди были рабами; болѣе того, г. Шаппъ: въ Россіи никогда не вѣшаютъ за бѣгство со службы; всякій возвращающійся дезертиръ принимается безъ наказанія. Другая черта—наши солдаты дезертируютъ лишь когда сдѣлаютъ какой-либо проступокъ, навлекающій на нихъ наказаніе. Изо всего же этого, г. аббатъ, явствуетъ, что Русскій солдатъ не болѣе рабъ, чѣмъ всѣ прочіе Европейскіе солдаты, и слѣдовательно ваша жалкая фраза падаетъ сама собою. „Она говорила съ рабами; они пали ницъ и присоединились къ ея маленькой свитѣ". Мы сказали выше, что этого паденія ницъ не было; и такъ это тутъ сказано развѣ въ фигуральномъ смыслѣ. Аббатъ хотѣлъ бы придать этимъ нашимъ солдатамъ видъ раболѣпства; но г. Шаппъ, говоря это, самъ пресмыкается, какъ червякъ, далеко отъ истины. Никогда не было солдатовъ, менѣе раболѣпныхъ, чѣмъ наши. Спросите у иноземныхъ волонтеровъ, служившихъ въ нашихъ арміяхъ, сколько храбрыхъ, великодушныхъ и высокихъ поступковъ они при нихъ совершали. Мы приведемъ ниже нѣсколько чертъ, характеризующихъ нашего солдата; намъ нѣтъ надобности искать ихъ далеко. Возвращаюсь къ тексту г. Шаппа. Онъ говоритъ: „Лестокъ распредѣляетъ самыхъ вѣрныхъ по постамъ самымъ труднымъ, и удерживаетъ остальныхъ при себѣ: ихъ вѣрность обезпечена, ибо онъ тутъ, чтобы ими командовать". Не мало злобы въ этихъ словахъ: „ихъ вѣрность

обезпечена, ибо онъ тутъ, чтобы ими командовать". Это сказано, чтобы дать понять, что Лестокъ могъ довѣрять этому войску, лишь пока оно было у него подъ глазами. Но эта злоба совершенно напрасна; всѣ желанія были за Императрицу Елисавету: событія это доказали. Самъ аббатъ, о томъ не думая, подтверждаетъ сказанное мною, когда онъ говоритъ: „Всѣ дворцовые караулы повинуются первому велѣнію Елисаветы". Тутъ у аббата начинается романъ; вотъ его слова: „Она наконецъ достигаетъ до дверей аппартамента правительницы, которая была погружена въ глубокій сонъ. Возлѣ нея лежалъ Императоръ ея сынъ, юный Иванъ. Елисавета въ первый разъ встрѣчаетъ сопротивленіе. Караульный офицеръ показываетъ штыкъ и не только готовится защищать входъ, но еще грозитъ смертію всѣмъ тѣмъ, которые дерзнутъ идти далѣе. Лестокъ тотчасъ кричитъ ему: Несчастный, что̀ ты дѣлаешь? Проси помилованія у Императрицы! Рабъ выдаетъ свою Государыню. Елисавета входитъ въ аппартаментъ съ своею свитою. Правительница проснулась отъ слышаннаго ею шума. Принцесса Елисавета первая обратилась къ ней. Какъ, это вы, царевна? сказала правительница". Трудно, полагаю я, найти разсказъ о прошломъ, болѣе неточный, чѣмъ этотъ; его можно разсматривать какъ образецъ этого рода; онъ совершенно противуположенъ истинѣ, и ничто не можетъ быть лживѣе. Авторъ сказалъ 1-е: „Она (Императрица Елисавета) наконецъ достигаетъ до дверей аппартамента правительницы, которая была погружена въ глубокій сонъ". Она не всходила, но осталась внизу; правительница жила во второмъ этажѣ. Потомъ онъ разсказываетъ 2-е: „она (правительница), погруженная въ глубокій сонъ, имѣла возлѣ себя Императора, своего сына Ивана". Не говоря уже о томъ, что трудно спать глубокимъ сномъ, имѣя возлѣ себя годоваго ребенка, это неправда: принцъ съ своими няньками находился въ своемъ отдаленномъ аппартаментѣ. Правительница находилась въ своемъ, съ супругомъ. 3-е. Эти строки: „Елисавета въ первый разъ встрѣчаетъ сопротивленіе. Караульный офицеръ показываетъ штыкъ, и не только готовится защищать входъ, но еще грозитъ смертію всѣмъ тѣмъ, которые дерзнутъ идти далѣе"—чистая выдумка. Елисавета не всходила на лѣстницу, какъ мы уже это сказали; и такъ офицеръ не показывалъ ей штыка; всѣмъ извѣстно, что никогда гвардейскіе офицеры не имѣли ни ружья, ни штыка. И такъ, онъ не защищалъ входа штыкомъ; присовокуплю, и никакимъ инымъ оружіемъ, и не грозилъ смертію тѣмъ, которые дерзнутъ идти далѣе; скажу болѣе: на томъ мѣстѣ, которое, по словамъ аббата, защищалъ офицеръ, вовсе и не было офи-

цера. Пикетъ внизу лѣстницы былъ снятъ, а на верху ея было лишь два часовыхъ, которые не оказали никакого сопротивленія, когда къ нимъ обратились именемъ Императрицы Елисаветы. Поэтому падаетъ само собою восклицаніе, приписанное аббатомъ Лестоку, 4-е: „Несчастный, что̀ ты дѣлаешь? Проси помилованія у Императрицы!“ А остроумное замѣчаніе академика 5-е: „рабъ выдалъ свою Государыню“, ни къ чему не относится; ибо этотъ офицеръ— призракъ, созданный аббатомъ. Вотъ вамъ, другъ-читатель, странный наборъ ложныхъ показаній. Г. академикъ пишетъ по внушеніямъ своего воображенія; его прозрачное забрало обличаетъ лишь его жолчь. Онъ продолжаетъ, 6-е: „Елисавета входитъ въ аппартаментъ съ своею свитою. Правительница проснулась отъ слышаннаго ею шума. Принцесса Елисавета первая обратилась къ ней. Какъ, это вы, царевна? сказала правительница“. Вспомните, читатель, что, какъ мы уже сказали, Елисавета была внизу, и не всходила на лѣстницу. Присовокуплю, что обѣ принцессы не видались ни во время дѣйствія, ни послѣ его—это всѣмъ извѣстно. И такъ, первая не обращалась ко второй, а эта послѣдняя не говорила: „какъ это вы, царевна?“ Аббатъ увлекся изобрѣтеніемъ. Вмѣсто того, чтобы изложить весьма извѣстный историческій фактъ, многіе современники и очевидцы котораго еще живы, онъ занялся сочиненіемъ романической драмы, столь же удаленной отъ истины, какъ и отъ здраваго смысла; онъ въ нее пичкаетъ восклицанія, разговоры, брань и ужасы; во всемъ этомъ недостаетъ лишь двухъ вещей: истины и вѣроятности. Вслѣдъ за этимъ прелестнымъ разсказомъ, онъ удивляется тому, что „Елисавета на престолѣ своихъ отцовъ распоряжается во дворцѣ, какъ Государыня“ и что „все ей повинуется“. Онъ готовъ вмѣнить намъ въ преступленіе то, что мы повинуемся нашимъ Государямъ и привязаны къ ихъ крови; до того онъ раздраженъ! Г. Шаппъ, когда ваши королевы, Марія Медичи и Анна Австрійская, силою оружія заставляли ваши парламенты признавать себя за правительницъ, не все ли тотчасъ имъ повиновалось? А права ихъ далеко не были ясны, какъ права Императрицы Елисаветы. Онъ продолжаетъ: „Отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ присягаютъ принцессѣ Елисаветѣ, готовые зарѣзать правительницу и своего Императора, если то прикажетъ Елисавета, или зарѣзать ее, если правительница на минуту можетъ возвратить себѣ власть. Слухъ о восшествіи на престолъ принцессы Елисаветы между тѣмъ начинаетъ распространяться: но на людей, открыто возвѣщавшихъ эту новость, смотрѣли, какъ на людей опасныхъ; отъ нихъ бѣгали, не отвѣчая имъ“.

Все это мѣсто опять исполнено недоброжелательства и злобы. Вотъ какъ дѣло происходило въ дѣйствительности. Какъ только правительница, ея семейство и всѣ тѣ, которыхъ сочли подозрительными, были взяты подъ стражу, Императрица велѣла собрать всѣ войска, находившіяся въ Петербургѣ. Они состояли не изъ пяти-шести тысячъ человѣкъ (одни гвардейскіе полки составляли тысячъ десять) но слишкомъ изъ двадцати тысячъ. Она пригласила во дворецъ Сенатъ и Синодъ; тутъ она велѣла прочесть свой манифестъ, и всѣ присягнули ей въ дворцовой церкви, вслѣдствіе чего Сенатъ велѣлъ напечатать и обнародовать манифестъ о вступленіи на престолъ. Никто, г. Шаппъ, хотя вы это и говорите, не былъ готовъ зарѣзать правительницу и ея сына; нужно имѣть вашу черную душу, чтобы дѣлать такія ужасныя предположенія и замѣчанія. Какимъ образомъ, съ другой стороны, могло случиться, чтобы правительница, захвативъ на минуту власть, воспользовалась ею, чтобы предписывать убійство? Вы судите по развращенности вашего сердца или по собственнымъ своимъ склонностямъ. Вы предполагаете возможными тѣ ужасы, которые приходятъ вамъ въ голову, но вы не имѣете достаточнаго разсудка, чтобы понять, что такихъ ужасовъ нельзя ни предписывать, ни исполнять; ни предписывать, потому что это могло бы возбудить къ неповиновенію; ни исполнять, потому что подобное велѣніе само собою возмущаетъ умы противъ того, отъ котораго бы оно исходило. И такъ, г. аббатъ, вы совершенно напрасно изобличили этимъ замѣчаніемъ ваше испорченное сердце.

Вернемся къ приведенному параграфу, въ которомъ аббатъ говоритъ: „Слухъ о восшествіи на престолъ принцессы Елисаветы между тѣмъ начиналъ распространяться; но на людей, открыто возвѣщавшихъ эту новость, смотрѣли, какъ на людей опасныхъ“. Мы показали выше, что болѣе двадцати тысячъ человѣкъ были подняты на ноги; они собирались изъ разныхъ частей города; могло ли быть, чтобы поводъ, по которому ихъ собирали, остался тайною для жителей этого города? Боже мой! Г. Шаппъ! Какъ мало заботитесь вы о вѣроятности вашихъ показаній! Люди, возвѣщавшіе о случившемся, могли ли казаться подозрительными? Приказаніе, по которому они дѣйствовали, было напечатано съ формальностями, исключавшими всякое подозрѣніе. Вы сочиняете, а не излагаете факты; иначе вы не подчивали бы насъ такими нелѣпостями.

Въ текстѣ сказано на страницѣ CXVII (186): „Лестокъ все предвидѣлъ. Въ то время какъ онъ велъ къ престолу свою государыню, печатался манифестъ, провозглашающій Елисавету.“ Нельзя отрицать, что Лестокъ принялъ силь-

ное участіе въ этомъ событіи, но не менѣе содѣйствовалъ ему графъ Воронцовъ. Лестокъ очень плохо говорилъ и вовсе не писалъ по-русски. И такъ, конечно не онъ писалъ манифестъ; легко себѣ представить, что до удачи предпріятія нельзя было поручить составленіе такого документа третьему лицу: и такъ, если кто-нибудь писалъ его, то это могъ быть лишь графъ Воронцовъ; кромѣ того, не существовало типографіи, которая взяла бы на себя напечатаніе такого акта; если не ошибаюсь, въ Петербургѣ не было иной типографіи, кромѣ Академіи Наукъ. Въ нее нельзя было обратиться. Но дѣло въ томъ, что манифестъ былъ написанъ лишь послѣ того, какъ Императрица собрала Сенатъ и министровъ. Его написали подъ глазами Императрицы князь Черкасскій государственный канцлеръ, князь Никита Трубецкой и графъ Воронцовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Когда этотъ манифестъ представили на одобреніе Императрицы и когда она увидѣла, что онъ начинается съ обыкновенной формулы: „*Мы, Божіею милостію* и т. д.“ то она сказала: Я первая лишь послѣ Бога. Пишите: „*Божіею милостію Мы* и т. д.“ Эта послѣдняя формула, введенная ею въ эту минуту, существуетъ до сихъ поръ. Потомъ г. Шаппъ говоритъ: „Въ эту революцію съ 5-го на 6-е Октября 1741 не было пролито ни единой капли крови.“(1) Г. академикъ, недоказываетъ-ли это, что умы менѣе были склонны къ убійствамъ, чѣмъ вы это предположили выше? Вы должны сознаться также, что вамъ достается отъ меня столь-же часто, какъ Кинолѣ въ реверси (2). Но вы еще не такъ скоро отъ меня отдѣлаетесь. Г. д'Отерошъ говоритъ: „Императрица Елисавета царствовала до 1762 года, часто мучимая боязнью въ свою очередь быть свергнутою съ престола“. Г. авторъ, мнѣ все припоминаются свѣчи, столь точно измѣренныя вами. Почему вы это знаете? Говорила вамъ объ этомъ Императрица? Если-бы у нея были подобныя опасенія, то это съ ея стороны было-бы не болѣе, какъ слабость; Елисаветѣ, конечно, бояться было нечего; она была очень любима. И доказательствомъ этому служитъ то, что хотя въ послѣдніе годы ея царствованія, проведенные ею въ постоянныхъ болѣзняхъ и слабости, во многихъ отрасляхъ управленія обнаружилось значительное разстройство, однако ее жалѣли, ее любили, ее уважали, и неудовольствіе падало на тѣхъ, которымъ было поручено управленіе дѣлами. Затѣмъ аббатъ разсказываетъ о прибытіи Великаго Князя, племянника Императрицы Елисаветы, и о бракѣ этого прин-

---

(1) Очевидная ошибка: Императрица Елисавета вступила на престолъ въ ночь съ 5 на 6 Декабря по новому стилю. *П. Б.*

(2) Намъ непонятно это мѣсто. Реверси — карточная игра. *П. Б.*

ца. За тѣмъ, ни къ селу ни къ городу, слѣдуетъ разсказъ о немилости Лестока и графа Бестужева (*).

Г. аббатъ, всѣ дворы, изъ которыхъ съ твердостію и тщаніемъ не изгоняютъ интригановъ и ссорщиковъ, похожи одинъ на другой; не въ одномъ Русскомъ дворѣ найдете вы примѣры, подобные приведеннымъ вами. Въ самое время опалы Бестужева, сколько разъ мѣнялись у васъ министры по всѣмъ вѣдомствамъ, сколько разъ они изгонялись! Правда, что это у васъ дѣлалось съ меньшими формальностями, и что у васъ это столь обыкновенно, что даже не считается новостью, между тѣмъ какъ у насъ подобная вещь случилась разъ въ теченіи двадцатилѣтняго царствованія, и вы причисляете ее къ событіямъ достопамятнымъ, въ чемъ вы впрочемъ правы. Затѣмъ, аббатъ говоритъ: „Русскій дворъ по наружности кажется нѣкоторое время болѣе спокойнымъ. Но внутри, обширный дворецъ волнуется завистью, ревностію, подозрительностію.“

Г. аббатъ, вы хорошо-бы сдѣлали, умолчавъ объ этомъ, ибо это приводитъ на мысль интриги, выставляющія васъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Да сохранитъ насъ Богъ напередъ отъ подобныхъ поджигателей! На стр. CXVIII, (188) аббатъ хвалитъ Императрицу Екатерину II, тогда Великую Княгиню. Онъ говоритъ, что „она съумѣла найти покой среди тревогъ двора“ и что „она занималась науками, искусствами и словесностію.“ Никогда не бывало положенія, болѣе затруднительнаго, чѣмъ то, въ которомъ тогда находилась эта принцесса. Она стояла, между Императрицею, своимъ супругомъ, ихъ любимцами и народомъ. Она была уважаема всѣми; иные ее любили, другіе ея боялись; доброта ея сердца, здравость ея сужденія и развитость ея ума позволили ей не только перенести свое положеніе безъ жалобъ, но еще избрать самый вѣрный путь. Она не переставала, при жизни Императрицы, давать Великому Князю самые благоразумные совѣты, пока она не

(*) Въ заключеніи этого разсказа аббатъ Шаппъ сообщаетъ (на стр. 117 и 118 перваго изданія) слѣд. любопытныя строки о самой Екатеринѣ, которыя въ Антидотѣ не вполнѣ приведены: «Принцесса Ангальтъ-Цербстская родившаяся въ странѣ свободной, воспитанная въ средѣ музъ и искусствъ, не удручена тѣмъ, что мужъ отстранился отъ нея. Ея геній и пріобрѣтенныя познанія служатъ ей великимъ пособіемъ. Посреди смутъ этого двора она спокойна. Эта принцесса вышла за мужъ за герцога Голстинскаго, только потому, что ей предоставлено право занять престолъ послѣ него. (Сличи XVIII в., кн. I, изд. 2, стр. 30). Въ уединеніи своемъ она занимается только тѣмъ, что узнаетъ людей и изучаетъ искусство управленія. По любознательности своей, она посвящаетъ свободные часы наукамъ, искусствамъ и словесности. Она признаетъ таланты княгини Дашковой и дѣлитъ съ нею свои веселые досуги. Я читалъ одно сочиненіе этой молодой принцессы: *О дружбѣ*. Наши лучшіе писатели признали бы оное своимъ.»

замѣтила, что они становятся безполезными для него и опасными для нея самой. Тогда, видя, что передъ нею только два пути: или раздѣлить несчастія супруга, который ее ненавидѣлъ, былъ неспособенъ слѣдовать ея добрымъ совѣтамъ и не имѣлъ худшаго врага, чѣмъ самого себя, или спасти государство, Великаго Князя, своего сына, семилѣтняго мальчика, и самое себя. Екатерина не колебалась: она спасла это государство, котораго она была единственною надеждою. Аббатъ говоритъ на страницѣ CXVIII (189): „Петръ III всходитъ, спотыкаясь, на престолъ, котораго, быть можетъ, онъ былъ-бы лишенъ на всегда, еслибы Императрица прожила семью или осьмью днями болѣе“ (*). Этотъ принцъ, послѣ смерти Императрицы Елисаветы, наслѣдникомъ которой онъ былъ объявленъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, взошелъ на престолъ, не спотыкаясь, какъ говоритъ г. Шаппъ, но безъ малѣйшаго сопротивленія.

Авторъ присовокупляетъ, что онъ, быть можетъ, былъ-бы лишенъ на всегда (престола), еслибы Императрица Елисавета прожила семью или осьмью днями болѣе. Такой исходъ понравился бы аббату, потому что онъ, конечно, повлекъ бы за собою большія смуты. Но такъ какъ этого не было, то г. д'Отерошъ, чтобы чѣмъ нибудь удовлетворить своей склонности, присокупляетъ, что „Петръ III вошелъ, спотыкаясь, на престолъ.“ Но дѣло въ томъ, что люди разумные говаривали въ то время: Дай Богъ, чтобы продолженіе этого царствованія было столь-же спокойно, какъ его начало! Затѣмъ, г. академикъ говоритъ: „Въ минуту его (Петра III) восшествія на престолъ, нѣкоторыя непонятыя приказанія возбудили волненія, повидимому возвѣщавшія революцію, которой всѣ ожидали.“ Это совершенная неправда. Есть страстные и фанатическіе умы, которые повсюду видятъ желаемыя имъ смуты, и за неимѣніемъ лучшаго, забавляютъ свое воображеніе празднымъ ожиданіемъ; или же, если ихъ мысли разъ возбуждены, принимаютъ муху за слона, и принимаютъ за признаки смутъ у насъ то что́ весьма обыкновенно во всѣхъ странахъ. Почему? Потому что страсть смутила ихъ умъ, и что предъубѣжденіе, коимъ они пропитаны, отправляясь къ намъ, мѣшаетъ имъ видѣть вещи, какъ онѣ есть, и придавать имъ настоящую цѣну. Этотъ-то способъ смотрѣть на вещи, обыкновенный у иностранцевъ, и въ особенности у Французовъ, пріѣзжающихъ въ Россію, и былъ вѣроятно причиною тому, что́ разсказываетъ аббатъ, „что тогда частныя лица даже отдавали свое

(*) Сличи въ Р. Архивѣ 1863 года записку Екатерины о предсмертныхъ мысляхъ Императрицы Елизаветы, отчасти подтверждающую это предположеніе аббата Шаппа. *П. Б.*

имущество на храненіе министрамъ своей націи.“ Авторъ продолжаетъ: „Но одинъ Русскій, г. Глѣбовъ, имѣлъ смѣлость давать Петру III совѣты во время болѣзни Императрицы.“

Г. аббатъ, невѣроятно, чтобы наслѣдникъ престола, уже двадцать лѣтъ признанный, могъ терпѣть недостатокъ въ совѣтникахъ, въ то время, какъ кончается его предшественникъ. Нужно весьма мало знать родъ человѣческій, чтобы разсуждать иначе. И такъ, неестественно, чтобы въ этотъ моментъ единственнымъ совѣтникомъ Петра III былъ Глѣбовъ. Дѣло въ томъ, что еслибы мы хотѣли назвать всѣхъ тѣхъ, которые въ этотъ день давали совѣты этому государю или напрашивались въ совѣтники, то ихъ именами можно было-бы наполнить цѣлыя страницы. Выбирать между этими совѣтами приходилось наслѣднику, и г. Глѣбовъ игралъ тутъ не болѣе важную роль, чѣмъ многіе другіе. Но предоставимъ слово г. Шаппу; онъ еще не то намъ разскажетъ. „Въ моментъ ея смерти (Императрицы Елисаветы), Петръ III повелѣваетъ и становится Императоромъ.“ Есть чему удивляться! Уже двадцать лѣтъ, въ присягѣ на вѣрность Императрицѣ Елисаветѣ, племянникъ ея, Великій Князь былъ признанъ ея наслѣдникомъ. Слѣдовательно не было сомнѣнія на счетъ того, что по смерти Императрицы, онъ станетъ Императоромъ и будетъ повелѣвать. У васъ, г. д'Отерошъ, когда умираетъ король, развѣ не становится королемъ Дофинъ? Развѣ онъ не повелѣваетъ? Но вотъ что еще лучше: „Императрица, его жена, пришла поклониться ему въ землю и, стуча лбомъ о землю, воздаетъ ему почести, какъ первая изъ его рабынь.“ Ахъ! г. аббатъ, это опять нѣчто въ родѣ измѣренныхъ вами свѣчекъ! Не было ни закона, ни обычая, обязывающаго Государыню къ такимъ любезностямъ. Развѣ, г. Шаппъ, по начертанному вами выше портрету Императрицы Екатерины, можно подумать, чтобы она нашла нужнымъ ввести такую формальность? Къ чему могло это послужить? Не знаю, почему вы ей приписываете это нововведеніе; не довѣряйтесь вашему воображенію: оно на выдумки не счастливо. И дѣйствительно, аббатъ лжетъ самымъ наглымъ образомъ. Но разсмотримъ немного, гдѣ могло происходить это мнимое поклоненіе. Въ моментъ смерти Императрицы Елисаветы, Петръ III и его супруга стояли у одра умирающей; и такъ Императрица не приходила кланяться въ землю своему супругу, ибо стояла близь него. Увидимъ теперь, падала-ли она къ его ногамъ. Какъ только врачи—ихъ было въ комнатѣ четыре,—объявили, что Императрица умерла, открылись двери въ пріемную: члены Сената, высшіе сановники и всѣ придворные вошли. Не было никого, кто бы не выказывалъ

явно своего горя: всѣ рыдали. Императоръ удалился. Императрица условилась съ нимъ, что она останется въ комнатѣ покойницы, пока онъ не пойдетъ въ церковь; во все это время не было земныхъ поклоновъ. Императрица отдала столь точныя приказанія, что по прошествіи менѣе двухъ часовъ весь городъ могъ войти въ аппартаментъ, гдѣ было выставлено тѣло Императрицы Елисаветы. Затѣмъ Императоръ далъ ей знать, чтобы она перешла въ церковь, гдѣ опять-же она не кланялась въ землю, не стукалась лбомъ о землю, не объявляла себя первою рабынею своего супруга, какъ повѣствуетъ аббатъ, и въ этомъ качествѣ не воздавала ему почестей. Она была тутъ только для того, чтобы участвовать въ молитвахъ и присутствовать, въ качествѣ простой зрительницы, при присягѣ на вѣрность, приносимой всѣми собравшимися Императору. Всѣ эти факты извѣстны, а никто не слыхалъ о нелѣпостяхъ, приводимыхъ г. Шаппомъ, до чтенія его книги. Впрочемъ, если-бы фактъ не былъ ложный и выдуманный, было-бы рѣшительно все равно, предписываетъ-ли этикетъ (всегда нелѣпый) преклонить одно колѣно, или оба, или наконецъ нагибать голову до того, чтобы она касалась пола. Развѣ вашихъ королей, въ день ихъ вѣнчанія, не заставляютъ ложиться ничкомъ среди Реймскаго собора? Вы этого не находите страннымъ, и я также: они такимъ образомъ поклоняются Богу. Никакому шутнику не приходитъ въ голову, чтобы они этимъ объявляли себя рабами служителей алтаря. Точно такимъ же образомъ, Императрица могла-бы также поклониться въ ноги своему супругу, еслибы этикетъ (всегда нелѣпый, не забывайте этого) потребовалъ отъ нея этого, все таки не объявляя себя его рабынею. Но дѣло въ томъ, что ничего подобнаго не происходило, и не должно было произойти. Вернемся къ тексту. Аббатъ говоритъ: „Всѣ его подданные точно также приносятъ ему (Императору) присягу, и онъ спокойно наслаждается властью". Это мѣсто противорѣчитъ словамъ, помѣщеннымъ шестью строками выше и которыя уже опровергнуты: „Въ минуту его восшествія на престолъ, нѣкоторыя непонятыя приказанія возбудили волненія, повидимому возвѣщавшія революцію, которой всѣ ожидали." А тутъ аббатъ говоритъ, что онъ спокойно наслаждается властію. Но господинъ д'Отерошъ не разбираетъ дѣла столь близко: только-бы его страница была наполнена, онъ легко переходитъ отъ одного противорѣчія къ другому, отъ нелѣпости ко лжи. Аббатъ разсказываетъ возвращеніе ссыльныхъ со времени царствованія Императрицы Анны; переѣздъ Петра III изъ одного дворца въ другой, о томъ, какъ этотъ Государь предался удовольствіямъ и праздникамъ. На стр. CXIX (190) вы находите слѣдующія слова: „Не

прошло мѣсяца со времени его (Петра III) восшествія на престолъ, какъ онъ идетъ въ Сенатъ и объявляетъ, что даетъ дворянству свободу.“ Да будетъ мнѣ дозволено, для удобства читателя, вставить здѣсь замѣчаніе. Весьма странно, что нѣкоторые льстецы посовѣтовали Петру III объявить свободнымъ дворянство, какъ будто-бы оно не было всегда свободнымъ! Былъ только одинъ законъ Петра Великаго, стѣснявшій дворянство. И то, что подало поводъ къ этому закону, докажетъ, что дворянство не было порабощено. Чтобы быть понятнѣе, мнѣ нужно будетъ начать нѣсколько издалека.

Въ Россіи съ незапамятныхъ временъ были земли двухъ разрядовъ: однѣ изъ нихъ были наслѣдственныя и принадлежали дворянству на правахъ собственности; другія были фіефами, которыя правительство раздавало за военныя повинности. Эти владѣтели фіефовъ, или помѣщики, чрезвычайно дорожили честію своего рода, такъ что правительство находилось вынужденнымъ распредѣлить ихъ на службѣ по древности этого рода; при малѣйшемъ недоумѣніи на этотъ счетъ, они подавали прошенія Государямъ; эти послѣдніе приказывали разсматривать ихъ родословныя. Если дворянинъ оставался недоволенъ этимъ разбирательствомъ, онъ не отправлялся на войну, и какъ только онъ уклонялся отъ службы, и его вассалы оставались дома. Когда представлялась настоятельная потребность собрать возможно бо̀льшее количество войска, Государь устранялъ эти споры о старшинствѣ, издавая повелѣніе выступать въ походъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грамоты въ огражденіе, на будущее время, старшинства. Вотъ формальности, доказывающія многое. *Во первыхъ*, что наше дворянство весьма древнее. *Во вторыхъ*, что оно дорожило документами, доказывающими эту древность столько-же, какъ и дворянство всѣхъ прочихъ Европейскихъ странъ. *Въ третьихъ*, что произволъ не былъ установленъ на столько, на сколько это повсюду предполагаетъ аббатъ въ своей толстой книгѣ, доказательствомъ чему служитъ то, что всякій, въ сильныхъ и простодушныхъ выраженіяхъ, свободно излагалъ свои права передъ Государемъ, и требовалъ отъ него суда. Многія изъ этихъ челобитенъ еще хранятся, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ общественныхъ архивахъ, и многія рукописи того времени свидѣтельствуютъ о нихъ. *Въ четвертыхъ*, подданные были достаточно свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы оставить службу и возвращаться домой, когда они бывали недовольны и считали себя жертвою несправедливости. *Въ пятыхъ*, эти ограждающія старшинство грамоты еще доказываютъ, что правительство старалось о сохраненіи установленной формы и правъ дворянства, ею обезпеченныхъ. Когда, въ

послѣдующія времена, способъ веденія войны измѣнился и были установлены постоянныя войска, дворянство, дорожа своими старинными обычаями, совершенно упраздненными этою правильною службою, удалилось въ свои помѣстья, и никто не хотѣлъ болѣе поступать въ войско. Во времена Петра Великаго это зашло такъ далеко, что послѣ битвы подъ Нарвою, во время общественнаго бѣдствія, былъ изданъ весьма строгій законъ, обязывающій дворянство приняться за старое свое ремесло. Закону этому предшествовалъ другой, воспрещавшій бѣдному дворянству поступать на службу къ дворянству богатому. Законъ, обязывающій къ службѣ, былъ видоизмѣненъ нѣсколькими годами позже, и вскорѣ убѣдились въ его безполезности и во вредѣ, проистекающемъ изъ него для помѣстій и для землевладѣльцевъ. И такъ, приходилось отмѣнить этотъ законъ, но при этомъ произошла странная недомолвка. При Петрѣ III, дворянство было объявлено свободнымъ, но слѣдовало присовокупить — отъ службы, ибо оно никогда не было порабощеннымъ, какъ угодно называть его аббату Шаппу. Одинъ только законъ Петра I стѣснялъ дворянство. Съ другой стороны этотъ законъ находился въ противорѣчіи со многими правами, дарованными дворянству до изданія его и послѣ, и доказывающими то, что́ я утверждаю, какъ напримѣръ, съ правомъ вступать въ подданство, служить, путешествовать въ чужихъ краяхъ. Самый указъ, изданный Петромъ III, доказываетъ то же самое, а именно, что дворянство было свободно, и что его стѣснялъ лишь законъ, обязывающій къ службѣ, и что даже этотъ законъ противорѣчилъ многимъ другимъ существующимъ законамъ. Аббатъ приводитъ въ выноскѣ указъ, въ весьма плохомъ, хотя и оффиціяльномъ, переводѣ; но въ немъ можно найти доказательство сказанному мною. Затѣмъ аббатъ разсказываетъ о томъ, что въ публикѣ шла рѣчь о возведеніи Императору, за этотъ законъ, золотой статуи. Онъ присовокупляетъ: „Нѣкто замѣчаетъ, что Имперія не содержитъ довольно золота для исполненія этого намѣренія. Основательность этого замѣчанія заставляетъ Русскихъ ограничиться статуею вышиною въ футъ. Она должна быть поставлена въ Сенатѣ. Ее вскорѣ замѣняютъ бронзовою статуею, и наконецъ нація, повидимому, рѣшается на мраморную.“ Другъ-читатель, тутъ г. Шаппъ выдаетъ вамъ за желаніе націи толки въ трактирахъ, между офицерами, восхищенными тѣмъ, что послѣ долгой службы они могли, наконецъ, вернуться въ свои помѣстья, разстроившіяся въ ихъ отсутствіи. Можно побиться о закладъ, что аббатъ настрочилъ все это мѣсто лишь для того, чтобы вставить въ свою книгу эту фразу, отъ которой онъ въ восторгѣ: „Нѣкто замѣчаетъ, что Им-

перія не содержитъ довольно золота для исполненія этого намѣренія.“ Г. д'Отерошъ, объяснимся на этотъ счетъ. Такъ какъ удѣльный вѣсъ золота относится къ удѣльному вѣсу бронзы, весьма приблизительно, какъ сто къ сорока шести, то изъ этого слѣдуетъ, что маленькая бронзовая статуя, вѣсящая 48 фунтовъ, если-бы ее въ ту-же величину воспроизвели изъ золота, вѣсила-бы 100 фунтовъ. И такъ если-бы бронзовая статуя вѣсила, напримѣръ, 100 пудовъ, то золотая статуя тѣхъ-же размѣровъ вѣсила-бы 217 пудовъ; основываясь на этомъ и такъ какъ конная бронзовая статуя, о которой упоминается въ Энциклопедіи, опредѣлена по вѣсу въ 60710 фунтовъ, то для такой же статуи потребовалось-бы золота 131741 фунтъ, не считая утока. Но слѣдуетъ замѣтить, что этотъ расчетъ основанъ на вѣсѣ чистаго, червоннаго золота, такъ что если допустить примѣсь серебра или мѣди, вѣсъ той-же массы сталъ-бы немного меньше. 2-е, для того, чтобы вылить бронзовую статую человѣка, предположимъ, что въ этомъ человѣкѣ четыре пуда вѣса, а такъ какъ человѣкъ приблизительно такъ же вѣсокъ, какъ вода, то для того, чтобы вылить такую массивную статую, слѣдовало-бы употребить 39 пудовъ бронзы. И такъ, въ силу предъидущаго расчета, если-бы захотѣли вылить ту-же статую изъ массивнаго золота, потребовалось-бы его 76 пудовъ. Но такъ какъ трудно высчитать объемъ полостей, которыя обыкновенно оставляютъ въ подобныхъ статуяхъ, то невозможно опредѣлить происходящее отъ нихъ уменьшеніе указаннаго здѣсь вѣса; къ тому-же, тутъ не были приняты въ расчетъ одѣяніе и иныя украшенія, которыми снабжаютъ статуи; ясно, что это обстоятельство требуетъ довольно значительнаго увеличенія въ количествѣ бронзы или золота. Но всетаки и каковъ-бы ни былъ вѣсъ такой статуи изъ бронзы, слѣдуетъ только для всякой сотни фунтовъ бронзы считать двѣсти семнадцать фунтовъ золота, чтобы получить вѣсъ подобной золотой статуи. Изъ этого слѣдуетъ, что эта сумма еще не такъ громадна; могли-бы найтись страны, которыя, утративъ столько золота изъ своего обращенія, почувствовали-бы отъ этого неудобство; но въ Россіи было-бы легче найти его, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, безъ ущерба для обращенія, ибо наши золотые пріиски весьма богаты и ихъ не мало: трудъ немногихъ лѣтъ могъ-бы доставить это количество металла, если-бы это было нужно. Аббатъ продолжаетъ: „Свобода, даруемая Императоромъ его націи, требуетъ однако, чтобы онъ издалъ по этому поводу указъ; и по представленію нѣкоторыхъ изъ своихъ министровъ, Петръ III ограничиваетъ свободу, которую онъ даруетъ дворянству, позволеніемъ не служить и путешествовать съ его разрѣшенія.“ Такъ какъ, повто-

ряю еще разъ, дѣло шло только о томъ, чтобы отмѣнить законъ, стѣснявшій дворянство, и такъ какъ поспѣшность, съ которой на это рѣшились, повлекла за собою недоразумѣніе на счетъ самой сущности дѣла, и такъ какъ изданный законъ могъ быть упраздненъ лишь другимъ, такимъже закономъ, то конечно пришлось составить указъ. Какъ только принялись его составлять, то увидѣли тотчасъ, что требуется только освободить дворянство отъ стѣснительной обязанности служить, отъ закона, противнаго благосостоянію семействъ и часто тяготнаго для Государства и самой службы; и такъ, въ указѣ было изложено дѣло, какъ оно было. Аббатъ повѣствуетъ: „Русскій офицеръ вслѣдствіе этого указа хочетъ удалиться отъ службы. Онъ проситъ на то разрѣшеніе Императора. *Какой у тебя чинъ? — Я капитанъ. — Ну, такъ произвожу тебя въ поручики, и ты останешься на службѣ.* И онъ остался на службѣ поручикомъ". Богъ вѣсть, откуда г. Шаппъ взялъ эту нелѣпую сказку, лживую и совершенно противорѣчащую обычаямъ и правиламъ военной службы въ Россіи. Во первыхъ, прося объ отставкѣ, простые офицеры не обращаются къ Государю. Ихъ увольняетъ военная коллегія, производя въ слѣдующій чинъ всякаго офицера, прослужившаго годъ въ чинѣ, который онъ носитъ, и впрочемъ безупречнаго. Оберъ-офецеры точно такъ-же обращаются въ коллегію, которая дѣлаетъ представленіе Государю, обозначая въ точности срокъ его службы и награды, опредѣленныя закономъ, за оказанныя имъ услуги. Если-бы капитана сдѣлали поручикомъ за то, что онъ попросилъ увольненія, то это было бы разжалованіемъ безпричиннымъ и безпримѣрнымъ, которое, конечно, раздражило бы всѣхъ военныхъ. Знаете-ли вы, г. Шаппъ, что въ Россіи нельзя разжаловать никого безъ предварительнаго суда? Какъ-бы ни были странны характеръ и поведеніе этого Государя, но ни мы, современники его, ни кто-либо изъ нашихъ знакомыхъ, ничего не слыхали объ этомъ фактѣ, который не преминулъ-бы надѣлать много шума, если-бы онъ совершился. Затѣмъ авторъ говоритъ: „Обходительность Государя между тѣмъ плѣняетъ часть націи; но его поведеніе, общественное и частное, удаляетъ отъ него самыхъ разумныхъ. Занятый единственно своими удовольствіями, онъ свергается съ престола революціею, которая возводитъ на его мѣсто Императрицу." Если правда, что обходительность Императора привязала къ нему часть націи, то это сильное доказательство въ пользу склонности нашей націи любить своихъ Государей. Истина состоитъ въ томъ, что, къ несчастію, этотъ Государь имѣлъ вокругъ себя людей достаточно безразсудныхъ, чтобы внушать ему противъ своего народа ненависть, которой онъ не скрывалъ;

ненависть не порождаетъ любви. Своею неосторожностію, онъ лишилъ себя общественнаго уваженія и довѣрія: его неспособность довершила дѣло. Всѣ видѣли, что гибель Имперіи была бы слѣдствіемъ царствованія, во время котораго благоразуміе и справедливость не управляли-бы Государемъ, и слово „отечество“ сдѣлалось-бы преступленіемъ. При такихъ обстоятельствахъ, всякое государство близко къ революціи. Она совершилась 28 Іюня ст. ст. 1762 г., и никогда событіе не совершалось болѣе кстати, чтобы спасти государство, близкое къ гибели. Аббатъ на стр. CXX (191) въ третій разъ приводитъ обстоятельство, очень огорчающее и раздражающее его; а именно, что нашимъ Государямъ повинуются, какъ только они вступаютъ на престолъ. Г. Шаппъ не можетъ этого переварить; онъ опять говоритъ тутъ: „Съ того момента, какъ эта Государыня пріобрѣла власть распоряжаться по своей волѣ жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ, передъ нею являются не иначе, какъ падая ницъ и принося ей клятву въ безусловной вѣрности, какъ и Государямъ, ея предшественникамъ.“ Но остановимся немного на этомъ параграфѣ. Кромѣ неудовольствія аббата на повиновеніе Государямъ, онъ наполненъ ложью и нелѣпостями. Вы говорите: „Государыня пріобрѣла власть распоряжаться по своей волѣ жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ.“ Но, г. академикъ, знаете-ли вы, что съ незапамятныхъ временъ наши Государи не осуждали никого, не подвергши его суду, что съ тѣхъ поръ они говорили, писали и повторяли, что предоставляютъ себѣ утвержденіе смертныхъ приговоровъ, дабы никогда ихъ не допускать; что имѣнія болѣе не отбираются въ казну, даже за преступленія; что, хотя одной воли нашихъ Государей, какъ и во многихъ другихъ странахъ Европы, достаточно, чтобы располагать жизнію и имуществомъ ихъ подданныхъ, однако нѣтъ страны, въ которой жизнь и имущество подданныхъ были-бы ограждены бо́льшими формальностями, чѣмъ въ Россіи. У насъ есть законъ, гласящій, что лучше оставить безъ наказанія десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго. Г. д'Отерошъ, вы присовокупляете: „передъ нею (Императрицею) являются не иначе, какъ падая ницъ, и принося ей клятву въ безусловной вѣрности, какъ и Государямъ, ея предшественникамъ.“ Не подумаешь-ли, прочитавши это, что къ нашимъ Государямъ нельзя подойти иначе, какъ ползая на четверенькахъ, или, какъ изображаютъ на гравюрахъ аудіенціи Индостанскихъ монарховъ: лежа ничкомъ вокругъ трона. Но и этимъ не довольствуется аббатъ, и еще присовокупляетъ къ словамъ: „передъ нею являются не иначе, какъ падая ницъ“ еще слѣдующія: „и принося ей

клятву въ безусловной вѣрности". Какова нелѣпость! Какъ? Передъ Императрицею являются не иначе, какъ на четвереньках, и каждый разъ, какъ ее увидятъ, клянутся ей въ безусловной вѣрности? Такъ же поступали съ ея предшественниками? Подите, г. Шаппъ; какой дуракъ вамъ повѣритъ, развѣ подобный вамъ? Развѣ вы одни бывали въ Петербургѣ? Мы въ жизнь свою не видали, чтобы кто-либо при дворѣ ползалъ на четвереньках, или приносилъ присягу въ вѣрности иначе, какъ въ церкви. Аббатъ, пари, что-ли, вы держали? Придавайте-же по крайности правдоподобіе тому, что̀ вы разсказываете. Когда лежатъ ничкомъ, подымаютъ-ли голову, чтобы присягать, или такъ, ничкомъ, и присягаютъ? Такъ какъ мы никогда не видали ничего подобнаго, то и желали-бы отъ васъ разъясненій на счетъ этого пункта. Затѣмъ аббатъ продолжаетъ: „Какъ только Государь вступилъ на престолъ, предполагается, что у него нѣтъ болѣе родственниковъ, и никто не смѣетъ причислять себя къ Императорской фамиліи. Царедворецъ, изъ иностранцевъ, узнавъ, что графиня Воронцова сродни Императрицѣ Елисаветѣ, вообразилъ, что сдѣлалъ важное политическое открытіе и тотчасъ отправился къ ней съ привѣтствіемъ. Она поблѣднѣла, и сказала ему, что онъ ошибается". Г. д'Отерошъ, объяснимся. Вы говорите: „Какъ только Государь вступаетъ на престолъ, предполагается, что у него нѣтъ родственниковъ, и никто не смѣетъ причислять себя къ Императорской фамиліи." Постановлено-ли это закономъ, или обычаемъ, или вашимъ невѣжествомъ? Королевскою фамиліею (famille royale) во Франціи собственно называется царствующее семейство. Боковыя отрасли, по мужескому колѣну именуются принцами крови; никогда не причисляли къ принцамъ крови, еще менѣе въ королевской фамиліи, отцовъ, братьевъ и т. д. Французскихъ королевъ, дофиненъ, и т. д. Королевское семейство даже не видается съ самыми близкими своими родственниками по женскому колѣну иначе, какъ инкогнито, чтобы избѣгнуть всякихъ споровъ о первенствѣ и старшинствѣ. Вернемся теперь къ обычаямъ Россіи. Вы сами сказали на стр. CX (175), что „въ теченіи семисотъ лѣтъ слишкомъ, сыновья по праву постоянно наслѣдовали престолъ, безъ всякаго прекословія со стороны своихъ братьевъ и своихъ подданныхъ." И такъ, вотъ признанное царствующее семейство. И такъ, вы находитесь въ противорѣчіи съ самимъ собою, и еще болѣе, съ тѣмъ, что̀ было обычаемъ въ теченіи почти осьмисотъ лѣтъ, когда вы говорите, что „какъ только Государь вступаетъ на престолъ, предполагается, что у него нѣтъ болѣе родственниковъ," ибо родственники были признаны за таковыхъ. Родственники по прямой линіи составляли царскій домъ; родственники-же по боковой получали значи-

тельные удѣлы и пользовались правами принцевъ крови. Князь Юрій, братъ царя Ивана Васильевича, и сынъ дяди того-же царя, князь Владиміръ Андреевичъ, и младшій сынъ того-же самаго, царевичъ Димитрій получили каждый свой удѣлъ, и были послѣдніе этого рода, получившіе ихъ, ибо онъ угасъ въ лицѣ царя Ѳеодора Іоанновича. Мало того, Россія, какъ и Франція, претерпѣла много смутъ отъ того, что со времени великаго князя Владиміра существовалъ обычай давать принцамъ крови весьма значительные удѣлы. И такъ, принцы крови были признаны и обставлены сообразно своему рожденію. Охотно соглашаюсь съ г. Шаппомъ въ томъ, что „никто не смѣетъ причислять себя къ Императорской фамиліи", прибавивъ къ его фразѣ только слова „кромѣ тѣхъ, которые принадлежатъ къ ней." Сюда относятся всѣ родственники супругъ разныхъ принцовъ Императорскаго дома. Но въ этомъ наши обычаи весьма сходны съ обычаями прочихъ странъ Европы. Поэтому когда, по разсказу аббата, иностранный царедворецъ опрометчиво поднесъ въ видѣ комплимента графинѣ Воронцовой, дочери роднаго брата Императрицы Екатерины I, свое *политическое* открытіе, будто-бы она принадлежитъ къ Императорской фамиліи: то нѣтъ ничего удивительнаго, если эта дама устыдилась за него, и сказала ему, что онъ ошибается. Въ показаніи, будто Русскіе Государи не признаютъ своихъ родственниковъ, такъ мало истины, что можно-бы привести сто примѣровъ противнаго. Не только эти родственныя семейства въ самой странѣ пользовались наиотмѣнными отличіями, выгодами и милостями, но еще наши Государи всегда признавали свое родство съ ними. Существуютъ письма царя Ѳеодора Іоанновича къ королевѣ Елисаветѣ Англійской, въ которыхъ этотъ Государь называетъ боярина Бориса Годунова своимъ шуриномъ, чѣмъ онъ и былъ. Существуютъ письма Императора Петра I къ королевѣ Аннѣ Англійской, въ которыхъ онъ рекомендуетъ ей своихъ двоюродныхъ братьевъ, гг. Нарышкиныхъ, путешествовавшихъ тогда въ Англіи, какъ ближайшихъ своихъ родственниковъ. Вотъ однако-же неопровержимыя доказательства тому, что аббатъ не знаетъ, что̀ говоритъ. Г. Шаппъ говоритъ на стр. CXXI (191): „Было запрещено, подъ страхомъ смертной казни, хранить у себя монету съ изображеніемъ юнаго Ивана." Велѣно было размѣнять деньги съ этимъ изображеніемъ на монетномъ дворѣ; поэтому не удивительно, что смотрѣли за исполненіемъ этого указа. Ибо у насъ, когда издаютъ указъ, смотрятъ за тѣмъ, чтобы онъ былъ исполненъ: это удивляетъ аббата, ибо онъ вѣроятно привыкъ видѣть противное. Онъ продолжаетъ: „Простолюдины не смѣютъ играть на рубли, на которыхъ

отчеканено изображеніе Государя". Подумаешь, что аббатъ не выходилъ изъ своей повозки, что она была совершенно заперта со всѣхъ сторонъ, и что слѣдовательно г. д' Отерошъ говоритъ о всемъ, ничего не видавши. Спрашиваю всѣхъ тѣхъ, которые бывали въ Россіи, играютъ-ли тамъ или нѣтъ, на деньги, или безъ денегъ; не была-ли игра доведена до того, что были вынуждены издавать весьма строгіе указы, чтобы сдерживать страсть къ игрѣ; и не смотря на это, есть-ли какой кабакъ, въ которомъ рубли не катились-бы по столу и подъ столъ, и былъ-ли когда-либо кто наказанъ за то, что онъ игралъ на рубли? Были люди, которыхъ наказывали за участіе въ азартныхъ играхъ, строго запрещенныхъ. Быть можетъ, аббатъ принялъ одно за другое. Спросите, г. Шаппъ, тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которые держатъ кабаки въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ это дѣлается: они вамъ разскажутъ объ этомъ; они на этотъ счетъ имѣютъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ вы, академикъ, на каждомъ шагу дающій ложныя показанія. Потомъ онъ разсказываетъ: „Нельзя проѣхать мимо дворца, съ той стороны, гдѣ находятся Императорскіе аппартаменты, не снявъ шляпы, или не спустивъ стеколъ, если сидишь въ каретѣ; не то подвергаешься насиліямъ со стороны солдатовъ." Пріѣзжайте въ Петербургъ, читатель, и вы увидите, что ничего этого нѣтъ; но если-бы даже это и было, развѣ не во всякой странѣ свои обычаи? Есть-же такія страны, въ которыхъ бѣлые чулки считались знаками почтенія; въ другихъ не смѣли ни кашлять, ни плевать, ни сморкаться, ни чихать въ присутствіи Государя. Но къ чему намъ останавливаться на пустякахъ того не стоющихъ? Вернемся къ аббату; но мы опять найдемъ его занятымъ мелочами, съ которыми онъ разстается неохотно, разъ принявшись за нихъ. Онъ говоритъ: „тотъ, кто въ письмѣ написалъ-бы имя Императрицы мелкимъ шрифтомъ, подвергъ-бы себя строгому наказанію." И тотчасъ за тѣмъ онъ присовокупляетъ: „Мы приводимъ эти мелочныя подробности, лишь для того, чтобы дать понятіе о размѣрахъ деспотической власти Русскихъ государей." Не ради-ли смѣха сшиты вмѣстѣ эти двѣ фразы? Какъ! Вамъ навязали сказку, и вы изъ нея дѣлаете такой серьозный доводъ! Вамъ какъ-нибудь сказали, что писарь выдралъ уши своему помощнику за то, что онъ написалъ мелкимъ шрифтомъ то, что по правиламъ его искусства, должно писаться прописными буквами; что сутяга, разсерженный противъ писаришки, просившаго у него взятки, проходилъ въ эту минуту; что онъ слышалъ крикъ писаришки; что онъ ухватился за этотъ случай, чтобы отомстить попрошайкѣ; что онъ унесъ съ собою бумагу, написанную мелкимъ шрифтомъ и обвинилъ его въ неуваженіи

къ Государю; что судья спросилъ, въ чемъ выразилось это неуваженіе; что сутяга вытащилъ изъ-за пазухи бумагу; что судья разсмѣялся; но что такъ какъ всякій судъ требуетъ формальностей, онъ изслѣдовалъ дѣло. Разказчикъ, видно, забылъ прибавить, что писаришку отослали съ наставленіемъ, чтобы онъ въ точности слѣдовалъ правиламъ своего искусства, а сутягу со строгимъ выговоромъ. Чтобы окончательно разъяснить все дѣло, прибавлю отъ себя: между тѣмъ пріѣзжаетъ въ Россію безмозглый аббатъ, слышитъ объ этомъ фактѣ, заноситъ его въ свою записную книжку, возвращается домой, издаетъ толстую книгу, суетъ въ нее эти черты, столь достойныя служить ей украшеніемъ. Но такъ какъ онъ академикъ и великій охотникъ до общихъ выводовъ, то онъ заключаетъ эту прекрасную исторію слѣдующимъ, исполненнымъ глубокаго смысла, замѣчаніемъ: „Мы приводимъ эти мелочныя подробности лишь для того, чтобы дать понятіе о размѣрахъ деспотической власти Русскихъ Государей.“ Находите-ли вы, читатель, вмѣстѣ съ аббатомъ, чтобы сутяга съ писаришкой составляли доказательство, столь-же убѣдительное, какъ дважды два—четыре? Признаюсь, что для меня оно вовсе не ясно. Аббатъ продолжаетъ: „Дворяне лишь съ трепетомъ приближаются къ престолу. Малѣйшей интриги достаточно, чтобы навлечь на нихъ ссылку въ Сибирь; и обращеніе ихъ имущества въ казну дѣлаетъ цѣлыя семейства жертвами ловкости царедворцовъ.“ Выше онъ сказалъ, что мы ползаемъ на четверенкахъ; тутъ онъ заставляетъ трепетать дворянство; въ другомъ мѣстѣ, онъ надѣлялъ насъ разными болѣзнями. Надѣюсь, что до конца книги, Отерошскій баринъ своею щедрою рукою еще наградитъ насъ судорогами. Это злой волшебникъ, съ наслажденіемъ насылающій на насъ напасти. Ваша книга, г. аббатъ, похожа на волшебную сказку, въ которой вы сами играете эту роль. Маленькія интриги, влекущія за собою ссылку въ Сибирь, едва-ли не бываютъ и въ иныхъ странахъ, изъ которыхъ, правда, ссылаютъ не въ Сибирь; но всякое мѣсто ссылки становится Сибирью. Съ другой стороны, отвергаю конфискаціи вслѣдствіе малѣйшей интриги; конфискація никогда не производилась иначе, какъ по именному указу, и какъ наказаніе за самыя тяжкія преступленія. Со вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II, не знаютъ, что такое конфискація; ея не производили даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ, хотя ее и предписываетъ законъ. Теперь ссылаютъ однихъ преступниковъ, а интриганамъ не даетъ ходу презрѣніе къ интригамъ. На стр. CXXII (192) авторъ говоритъ: „Въ бытность мою въ Петербургѣ, мнѣ случилось быть у служащаго иностранца. Изъ любознательности, я

спросилъ, умеръ-ли принцъ Иванъ, или еще живъ: мнѣ отвѣтили шопотомъ на ухо, что объ этомъ принцѣ въ Россіи не говорятъ. Насъ однако въ комнатѣ было только три Француза, и она имѣла болѣе тридцати футовъ въ квадратѣ.“ Это былъ особый случай: въ 1762 году, когда аббатъ проѣзжалъ черезъ Петербургъ, три Француза, искатели приключеній, понадѣялись заслужить большую награду доносомъ на рѣчи противъ правительства, веденныя въ знатномъ домѣ, въ которомъ они состояли на службѣ. Фактъ этотъ сдѣлался гласнымъ; очень можетъ быть, что хозяинъ дома, въ которомъ находился аббатъ, зналъ эту исторію и не былъ особенно хорошаго мнѣнія о двухъ Французахъ, находившихся въ комнатѣ, по словамъ аббата. И такъ, опасаясь, послѣ приведеннаго случая, происшедшаго весьма недавно, чтобы не было дано вредное толкованіе опрометчивымъ рѣчамъ его собесѣдника и его собственнымъ отвѣтамъ, онъ, чтобы отдѣлаться отъ аббата, сказалъ ему на ухо то, что̀ онъ передастъ. Авторъ продолжаетъ на страницѣ CXXIII (192): „Накапунѣ смерти Императрицы Елисаветы не смѣли освѣдомляться объ ея здоровьи. Она умерла, всѣ это знали и боялись объ этомъ говорить.“ Вотъ странное мѣсто, г. Шаппъ. Накапунѣ своей смерти, Императрица была жива, слѣдоват. нельзя было говорить, чтобы она умерла. Всѣмъ было извѣстно, что она кончается: она при всемъ дворѣ соборовалась масломъ; какъ только она умерла, о ея смерти было объявлено, и всѣ вошли въ ея аппартаментъ. Какимъ-же образомъ могли бояться о ней говорить? Скорѣе можно было-бы предположить, что новое правительство было-бы недовольно, если-бы сомнѣвались въ смерти Императрицы. Авторъ говоритъ: „Недовѣріе, господствующее въ Россіи, и совершенное молчаніе народа о всемъ томъ, что̀ можетъ имѣть какое-либо соотношеніе съ правительствомъ и съ Государемъ, главнымъ образомъ проистекаютъ отъ права, которое имѣетъ каждый Русскій, безъ различія, крикнуть публично: *слово и дѣло*! т. е. я обвиняю васъ въ оскорбленіи Величества словомъ и дѣломъ. Тогда всѣ присутствующіе обязаны задержать обвиненнаго: отецъ помогаетъ задерживать сына, сынъ—отца, и природа молча страдаетъ. Обвиненнаго и обвинителя тотчасъ отводятъ въ тюрьму, а затѣмъ отсылаютъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ судитъ тайная канцелярія.“ Вотъ что имѣю я сказать объ этомъ мѣстѣ. Во первыхъ, это обращеніе къ Государю посредствомъ формулы: „слово и дѣло,“ приводимой аббатомъ, перешло къ намъ съ долею Римскихъ законовъ. При Римскихъ Императорахъ, обычай, а затѣмъ законъ дозволялъ притѣсненнымъ прибѣгать къ Императору, или къ имени Императора, взывать къ его покровительству, и тогда су-

дья долженъ былъ ждать рѣшенія этого дѣла самимъ Императоромъ, къ которому оно отсылалось: примѣръ тому представляетъ Апостолъ Павелъ. Этотъ обычай обратился въ злоупотребленіе; всякій обвиненный захотѣлъ быть судимымъ Императоромъ; затѣмъ къ этому примѣшались доносы; къ нимъ подали поводъ смутныя времена; пищею имъ служили дѣйствія, а за неимѣніемъ ихъ,—слова. Это злоупотребленіе сдѣлалось столь нелѣпымъ, столь ненужнымъ и невыносимымъ для гражданъ, для государства и для Государя, что столь вредное обыкновеніе было совершенно отмѣнено, и было объявлено, что возгласъ: *слово и дѣло* болѣе ничего не значитъ, и что тайная канцелярія, вѣдавшая подобныя дѣла, упраздняется. И такъ весь параграфъ аббата падаетъ самъ собою, ибо самое дѣло уже не существуетъ. *Во вторыхъ*, аббатъ говоритъ, что выраженіе „слово и дѣло" значитъ: обвиняю васъ въ оскорбленіи Величества словомъ и дѣломъ." Вотъ длинная парафраза двухъ Русскихъ словъ, пріобрѣтшихъ такое значеніе вслѣдствіе злоупотребленія, а сами по себѣ не имѣющихъ никакого смысла по-русски. Переведемъ ихъ на Французскій языкъ, и читатель увидитъ, что онѣ лишены всякаго смысла. *Слово и дѣло* значитъ буквально: *parole et affaire*. Въ третьихъ, чтобы ни говорилъ аббатъ, по Русскимъ законамъ, не только ближайшіе родственники, каковы отецъ, мать, дѣти, братъ, сестра и т. д., не могутъ давать показаній ни въ пользу, ни противъ другъ друга, но во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, они не допускаются въ число свидѣтелей. Кромѣ того, свидѣтельство слугъ принимается лишь, когда оно служитъ подтвержденіемъ или опроверженіемъ того, что̀ показали въ пользу подсудимаго или противъ него другіе свидѣтели. Замѣтьте, прошу васъ, что еще въ 1213 году городъ Новгородъ внесъ въ свои условія съ Великими Князьями всея Россіи, чтобы ни въ какихъ дѣлахъ не принимались извѣты слугъ на своихъ господъ. Новгородская-же область простиралась отъ Пскова до Твери, и отъ Кареліи и Ладожскаго озера до Смоленска и Украйны. Эти договоры возобновлялись во всякое царствованіе до царя Ивана Васильевича, и приведенное мною условіе было внесено въ Русскіе законы, когда они были собраны въ одну книгу. Затѣмъ аббатъ даетъ подробное описаніе тайной канцеляріи, чрезвычайно преувеличенное. Какъ послушаешь его, ему досконально извѣстны всѣ формальности этой канцеляріи, хотя ни онъ, ни кто-либо другой не видалъ и не слыхалъ сужденій этой канцеляріи, дѣйствовавшей съ чрезвычайною таинственностію, которая и внушала къ ней такой страхъ. Но такъ какъ однако есть правила на все, кромѣ безумія, то нѣтъ сомнѣнія, что эта канцелярія дѣйствовала по об-

щимъ Русскимъ законамъ; а эти послѣдніе для ложныхъ доносчиковъ неумолимы. Если доносчикъ не могъ привести свидѣтелей, а обвиненный отпирался, то обвинитель подвергался пыткѣ; если онъ не бралъ назадъ своего показанія, обвиненный подвергался тремъ допросамъ, и затѣмъ приводился на очную ставку съ доносчикомъ. Послѣ этого происходилъ судъ. Наказаніе ложныхъ доносчиковъ равняется тому, которому подвергся-бы обвиненный, если бы оказался виновнымъ. Предоставляю читателю судить, на сколько разсказъ аббата Шаппа разнится отъ моего описанія. Этотъ столь поверхностный аббатъ приводитъ самые искаженные факты съ оригинальною самоувѣренностію. Онъ все видитъ, все знаетъ, и однако успѣлъ только проѣхаться по Россіи на почтовыхъ. Аббатъ продолжаетъ на стр. CXXV (194). Онъ все еще говоритъ о тайной канцеляріи (съ которою онъ не можетъ разстаться: онъ любитъ все дурное, и распространяетъ подобные разсказы, елико возможно). „Въ этомъ судилищѣ, тиранія создала себѣ лишь орудіе, чтобы по произволу приносить въ жертву деспоту всѣхъ тѣхъ, которые ему подозрительны. Поэтому было необходимо, чтобы ложные доносчики не подлежали смертной казни, и чтобы наказаніе кнутомъ всегда смягчалось въ ихъ пользу“. Не видимъ ли мы тутъ опять одного изъ тѣхъ праздныхъ замѣчаній автора, которыя не имѣютъ ровно никакого основанія? „Въ этомъ судилищѣ, тиранія создала себѣ лишь орудіе, чтобы по произволу приносить въ жертву деспоту всѣхъ тѣхъ, которые ему подозрительны.“ Основаніе этого судилища не было вызвано такими ужасными побужденіями, которыя могло придумать лишь испорченное сердце аббата, но смутами, ознаменовавшими конецъ прошлаго столѣтія. Когда смуты эти прекратились судилище это сдѣлалось ненужнымъ; но оно продолжало существовать, ибо во всякомъ государствѣ, когда судилище разъ было сочтено нужнымъ, противное доказывается только временемъ. Ссылаюсь, г. аббатъ, на вашу Бастилію. Она еще существуетъ со всѣми своими судебными порядками. Другая половина параграфа, опровергаемаго мною, а именно слова: „поэтому было необходимо, чтобы ложные доносчики не подлежали смертной казни, и чтобы наказаніе кнутомъ всегда смягчалось въ ихъ пользу“, падаетъ сама собою. Мы уже сказали и подтверждаемъ, что никогда ложный доносчикъ не выходилъ изъ тайной канцеляріи безъ примѣрнаго наказанія; зло состоитъ въ томъ, что это не всегда дѣлалось публично. Если бы аббатъ не былъ такъ золъ, еслибы его не увлекала страсть, если-бы, кромѣ того онъ не притворялся, что ему неизвѣстно лишь все хорошее, и если бы онъ не находилъ удовольствія въ томъ,

чтобы хвастаться своимъ знаніемъ дурнаго, преувеличивая его, то, говоря, что наказаніе доносчика часто смягчается, упустилъ ли бы онъ сказать, что всякое строгое наказаніе, предписанное закономъ, обыкновенно смягчается, когда приговоръ представляется на утвержденіе Государю? А приговоры судилища, о которомъ идетъ рѣчь, всѣ представлялись на Высочайшее утвержденіе. Но какъ выпутается г. Шаппъ изъ слѣдующаго? Онъ говоритъ: „Дворянство, такимъ образомъ закабаленное въ ужасное рабство, вымѣщаетъ его на всемъ народѣ: онъ его рабъ, или рабъ Государя и воеводъ, его представляющихъ". Въ странѣ существуютъ законъ и злоупотребленія, стѣсняющія дворянство; черезъ эту страну приходится проѣхать на почтовыхъ какому-то аббату, и вотъ онъ вноситъ въ свою книгу, что дворянство этой страны закабалено въ ужасное рабство. Однакоже, когда академикъ рѣшается утверждать что-либо, то для того, чтобы ему повѣрили, ему слѣдуетъ привести и доказательства. Но стѣснительный законъ, уже отмѣненный, существовавшій, такъ-сказать, лишь на короткое время видоизмѣненный съ самого своего установленія, законъ, который, пока онъ былъ въ силѣ, постоянно обходили, и злоупотребленіе, также уничтоженное, противъ котораго, пока оно было въ дѣйствіи, правительство установило предосторожности, ограниченія и наказанія, внесенныя въ законы изданные и напечатанные,—еще ничего не доказываютъ. Законъ, на основаніи котораго аббатъ говоритъ о страшномъ порабощеніи дворянства, есть тотъ, который принуждалъ служить; злоупотребленіе — обычай кричать: *слово и дѣло*; но это еще ничего не доказываетъ. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій правительства нѣкоторыхъ Европейскихъ странъ только и были заняты тѣмъ, чтобы ослаблять слишкомъ могущественное дворянство. Должно ли мнѣ изъ этого заключить, что въ странахъ, гдѣ удалось ослабить дворянство, намѣревались обратить его въ самое ужасное рабство, и что оно находится въ такомъ состояніи, потому что правительство довершило свое предпріятіе? Г. Шаппъ, вы совершенный невѣжа относительно страны, о которой вы говорите; вы даже и не подозрѣваете, что есть люди, знающіе болѣе васъ, и имѣющіе возможность васъ опровергнуть. Что отвѣтите вы мнѣ, если я докажу вамъ документально, что это дворянство, по вашимъ словамъ, закабаленное въ ужасное рабство, не только никогда не было и не находится въ этомъ состояніи, но что оно даже пользуется драгоцѣнными правами, какими можетъ похвалиться дворянство лишь въ немногихъ другихъ странахъ? Почерпну мои доказательства изъ законовъ и архивныхъ документовъ за пятьсотъ лѣтъ и болѣе. Я ничего, подобно вамъ,

не скажу наобумъ. Хотите вы доказательствъ изъ отдаленнаго времени? Вотъ они. Дворянскія семейства были двухъ родовъ: природныя Русскія, и пріѣхавшія поселиться въ Россію изъ другихъ странъ. Дворянство, владѣющее помѣстьями, отправлялось на войну, по требованію правительства. Оно считало свое старшинство по числу и знатности своихъ предковъ; это было основано на обычаѣ и подтверждалось законами, сообразно ему установленными. Жалобы, возникавшія по этому поводу, представлялись Государю, который назначалъ вельможъ для ихъ обсужденія. Законы, изданные до царя Ивана Васильевича, установили поединки, называемые въ другихъ странахъ Божьимъ судомъ, на случай если иначе нельзя было порѣшить спора. Этотъ Государь допустилъ ихъ существованіе. Дворянинъ могъ сражаться лишь съ дворяниномъ, и недворяне съ своими равными; подробности этихъ поединковъ, опредѣленныя закономъ, безчисленны, и въ немъ повсюду опредѣляются отличія для дворянства. Дворянство въ каждой области составляло сословное цѣлое; въ архивахъ хранятся челобитныя, въ которыхъ говорится, что дворяне такой-то области просятъ о томъ-то или жалуются на то-то. Предисловіе къ „Уложенію" царя Алексѣя Михайловича, до сихъ поръ имѣющему силу въ Россіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что царь вызвалъ выборныхъ отъ дворянства и отъ городовъ, чтобы помочь ему составить этотъ судебникъ. Точно такъ же поступилъ царь Иванъ Васильевичъ. Дворянство Московской области, кромѣ того, могло быть судимо лишь въ столицѣ. Наши законы воспрещаютъ подвергать дворянина пыткѣ; никакой смертный приговоръ, произнесенный противъ дворянина, не можетъ быть исполненъ, не бывъ представленъ на утвержденіе Государю. Никакой смертный не можетъ быть приговоренъ безъ допроса и суда. Со временъ глубокой древности, всякій дворянинъ пользовался свободою завѣщаній. Эти завѣщанія даже весьма уважались: мы видѣли таковыя, которымъ болѣе пятисотъ лѣтъ. Существуютъ столь же древніе договоры между дворянами и Русскими государями объ обмѣнѣ земель. Есть и такіе договоры, которые содержатъ, со стороны дворянина, простое обѣщаніе вѣрности съ обязательствомъ не поступать на службу къ врагамъ Государя и не оставлять государства безъ позволенія, за что̀ ему обѣщаются разныя милости. Эти документы существуютъ въ главномъ Московскомъ архивѣ, и свидѣтельствуютъ о томъ, что никогда дворянство не было порабощено. Многія семейства происходятъ отъ древнихъ княжескихъ родовъ; многія другія отъ иностранныхъ дворянскихъ фамилій. Скажу болѣе, до временъ царя Ѳедора Іоанновича, сына царя Ивана Василь-

евича, въ Россіи не было рабовъ; самые крестьяне не были прикрѣплены къ землѣ. Домашніе слуги служили по условіямъ. Существовало особенное полицейское судилище, вѣдавшее эти условія. Царь Ѳедоръ Ивановичъ счелъ нужнымъ прикрѣпить земледѣльцевъ къ землѣ, ибо такъ какъ Россія тогда была менѣе населена, чѣмъ теперь, то тѣ, которымъ не хотѣлось работать, уходили въ мѣста необитаемыя, гдѣ жили, какъ хотѣли, отъ чего происходили по дорогамъ грабежи и разбои. Чтобы устранить это зло, земледѣльцевъ прикрѣпили къ землѣ и подчинили ея владѣтелю. Аббатъ любитъ слово: рабъ. На страницѣ CXXV (195) вы найдете на протяженіи десяти или двѣнадцати строкъ это милое ему слово, повтореннымъ столько разъ, сколько это возможно. Но не думайте, читатель, потому что народъ прикрѣпленъ къ землѣ, чтобы онъ по этому самому находился въ крайности. Крестьяне государственные, дворцовые и монастырскіе платятъ опредѣленную, умѣренную повинность, и когда она внесена, они вполнѣ властны надъ всѣмъ, что̀ могутъ они пріобрѣсти. Большинство дворянскихъ имѣній находится въ тѣхъ же условіяхъ. Вообще полагаю, что можно сказать, не впадая въ ошибку, что положеніе простонародья въ Россіи не только не хуже, чѣмъ во многихъ иныхъ странахъ, но что въ большинствѣ случаевъ оно даже лучше. Народъ менѣе подвергается мелкимъ поборамъ и знаетъ навѣрное, что̀ долженъ платить: въ повинностяхъ нѣтъ ничего произвольнаго; разъ уплативши ихъ, онъ почти совершенно воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Крестьяне богатыхъ вельможъ и дворянъ, живущихъ расчетливо, находятся въ томъ же положеніи. Бывали случаи, что нѣкоторыя семейства, для уплаты долговъ, хотѣли продать свои земли; узнавши объ этомъ, крестьяне этихъ имѣній дѣлали складчину и уплачивали долги своихъ господъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не продавали своихъ имѣній. Дворяне на своихъ земляхъ не имѣютъ иной юрисдикціи, кромѣ внутренней полиціи Высшій судъ принадлежитъ окружному воеводѣ, точно такъ же какъ право налагать тяжкія наказанія.

Мы оставили аббата на страницѣ CXXV (194), гдѣ онъ говоритъ, что „дворянство, такимъ образомъ закабаленное въ ужасное рабство, вымещаетъ его на всемъ народѣ: онъ его рабъ, или рабъ Государя и воеводъ, его представляющихъ“. Посмотримъ теперь, столь ли тяжко ярмо воеводъ, какъ то, которое, по словамъ г. Шаппа, лежитъ на дворянствѣ, и то, которое это дворянство налагаетъ на народъ; ибо какъ послушаешь г. д'Отероша, то подумаешь, что всѣ въ Россіи стонутъ подъ ярмомъ. Но если мы сравнимъ состояніе каждаго съ тѣмъ же состояніемъ во многихъ дру-

гихъ странахъ Европы, то мы легко докажемъ, что въ Россіи граждане наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ; что всѣ повинности извѣстны, и что впрочемъ они дѣлаютъ приблизительно, что̀ хотятъ; что правительствомъ наказывается лишь нарушеніе законовъ; что эти законы, хотя и многочисленны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже противорѣчатъ другъ другу, но далеко не въ той степени, какъ ворохи законовъ въ другихъ странахъ, по большей части писанные на языкѣ, неизвѣстномъ толпѣ, и сопоставленные, Богъ вѣсть какъ и кѣмъ, изъ двадцати различныхъ системъ права, во времена невѣжества и суевѣрія. Легко было бы доказать, что наши законы, каковы бы они ни были, еще самые простые въ Европѣ и во многомъ самые ясные и разумные. Окружные воеводы, на которыхъ такъ злится аббатъ, далеко не представители Государя; они не имѣютъ иной власти, какъ принимать въ первой инстанціи жалобы и иски, которые имъ представляютъ. Всякая деревня посылаетъ свои подати въ казну областнаго воеводы, и онъ вмѣшивается въ ихъ сборъ лишь въ случаѣ недоимокъ. Взятки строго запрещены, и воевода не имѣетъ права дѣлать никакихъ поборовъ. Онъ даже не можетъ распорядиться ничѣмъ безъ участія своихъ засѣдателей. Аббатъ говоритъ что „господа налагаютъ какія имъ угодно повинности на своихъ рабовъ и даже иногда отымаютъ у нихъ небольшое имущество, которое имъ удалось накопить своими трудами". Мы полагаемъ, что во всѣхъ странахъ владѣльцы вправѣ взимать за пользованіе ихъ землями тѣ повинности, которыя по ихъ расчету слѣдуетъ получать, и что тѣ, которые налагаютъ повинности слишкомъ тяжкія, себя разоряютъ, разоряя свои земли; но такъ какъ аббатъ удивляется существованію этого обычая въ Россіи, то мы склонны думать, что владѣльцы въ этомъ отношеніи стѣснены закономъ, по крайней мѣрѣ во Франціи. Въ Россіи есть весьма богатые помѣщичьи крестьяне, чѣмъ доказывается, что ихъ господа не отымаютъ у нихъ того, что̀ удается имъ пріобрѣсти, даже когда ихъ подати уплачены. Кромѣ того, крестьянину позволено записываться въ города мѣщаниномъ, уплачивая извѣстную сумму; и тогда его помѣщикъ не можетъ требовать отъ него ничего, кромѣ простой уплаты крестьянскаго оброка, о которомъ онъ договаривается съ бывшимъ своимъ господиномъ; или же онъ, съ согласія этого послѣдняго, выкупается на волю за извѣстную сумму.

На страницѣ CXXVI (195) г. Шаппъ говоритъ: „Господа продаютъ своихъ рабовъ, какъ въ другихъ странахъ продаютъ скотъ". Когда помѣщикъ продаетъ имѣніе, онъ конечно вмѣстѣ съ нимъ продаетъ крестьянъ, его обработы-

вающихъ; тоже самое дѣлается во всей Европѣ. Во многихъ другихъ случаяхъ, такая продажа у насъ запрещена закономъ. За тѣмъ авторъ прибавляетъ: „Они выбираютъ между ними нужное имъ количество слугъ и обращаются съ ними весьма жестоко". Во всѣхъ странахъ, обращеніе съ прислугою зависитъ отъ большей или меньшей мягкости нравовъ. Конечно никто не можетъ сказать, чтобы нравы въ Россіи не смягчались. Онъ продолжаетъ: „Они не имѣютъ, по закону, права жизни и смерти надъ своими слугами и прочими своими рабами, но такъ какъ они имѣютъ право наказывать ихъ батогами, то они прилагаютъ это наказаніе такимъ образомъ, что на дѣлѣ пріобрѣтаютъ возможность наказать ихъ смертію". Полагаю, что можно сказать тоже самое о всѣхъ слугахъ въ Европѣ; ибо сто палочныхъ ударовъ, которыми суровые господа угощаютъ своихъ слугъ даже во Французскихъ комедіяхъ, стоятъ столькихъ-же ударовъ батогами. Еще разъ, хорошее или дурное обращеніе съ домашнею прислугою гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности господъ, чѣмъ отъ законовъ страны; къ благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются; и есть много домовъ, въ которыхъ сочли-бы безчеловѣчнымъ обходиться съ людьми сурово, и постыднымъ подвергать слугъ тѣлеснымъ наказаніямъ, каковы батоги, и т. д. Авторъ продолжаетъ: „въ случаяхъ важныхъ, господинъ, по закону, долженъ отсылать своихъ слугъ къ общимъ судамъ. Въ 1761 году Сенатъ издалъ указъ, по которому господа имѣютъ позволеніе ссылать въ рудники всѣхъ рабовъ, которыми они недовольны; но господа предпочитаютъ и всегда предпочтутъ наказывать ихъ и оставлять при себѣ". Однако-же, что бы ни говорилъ аббатъ, всѣ дурные слуги со времени изданія этого указа ссылаются въ рудники или сдаются въ рекруты. Аббатъ заключаетъ эту главу похвалою Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ этомъ похвальномъ словѣ онъ отваживается давать Ея Величеству совѣты на счетъ ея правленія и желательныхъ въ немъ реформъ. Слѣдить за аббатомъ въ этомъ его параграфѣ у меня нѣтъ никакой охоты.

О ГРЕЧЕСКОЙ ВѢРѢ.

РАЗБОРЪ.

Я не буду слѣдить за аббатомъ въ этой части его сочиненія, какъ въ остальныхъ: я лишь тамъ и сямъ остановлюсь на томъ, что покажется мнѣ стоящимъ того; напримѣръ, на страницѣ CXXXI (208) онъ говоритъ: „Синодъ

обязанъ представлять о всѣхъ важныхъ дѣлахъ Государю въ Сенатѣ, куда онъ приходитъ въ полномъ своемъ составѣ и засѣдаетъ ниже сенаторовъ". Авторъ въ выноскѣ ссылается на Штраленберга и говоритъ, что, по г. Вольтеру, Синодъ стоитъ наравнѣ съ Сенатомъ; но аббатъ придерживается показанія Штраленберга, какъ видно изъ приведеннаго мѣста. Однако-же дѣло въ томъ, что Синодъ по закону совершенно равенъ Сенату. Когда эти два мѣста имѣютъ надобность совѣщаться между собою, одно приглашеетъ другое, и то, въ которомъ происходитъ совѣщаніе, уступаетъ первенство.

Аббатъ, говоря о монахахъ, утверждаетъ что они должны воздерживаться отъ яицъ и молочной пищи въ посты и круглый годъ по понедѣльникамъ, середамъ и субботамъ. Онъ перепутываетъ дни. Постъ въ понедѣльникъ соблюдается по доброй волѣ, въ середу и въ пятницу онъ обязателенъ; въ субботу же поститься прямо запрещено во избѣжаніе всякаго сходства съ Жидами и съ Римскою церковью. Я не знаю, какъ аббатъ можетъ говорить будто: „изъ высшаго духовенства, одни архимандриты живутъ въ монастыряхъ: они всѣ подчинены архіепископамъ и епископамъ". Лишь тѣ епископы, которые засѣдаютъ въ Синодѣ, не живутъ въ своихъ епархіяхъ. Всѣ остальные никогда, или лишь весьма рѣдко, оставляютъ свою епархію: точно также какъ архимандриты, то-есть Русскіе аббаты, не оставляютъ своихъ монастырей. Изъ этихъ монастырей многіе зависятъ единственно отъ Синода; и такъ, г. Шаппъ опять ошибается, когда говоритъ: „они, (монастыри) всѣ подчинены архіепископамъ и епископамъ". Монастыри, зависящіе лишь отъ Синода, носятъ греческое названіе Ставропигій, а въ просторѣчіи называются ставропигіяльными монастырями. Аббатъ говоритъ на страницѣ CXXXII (211): „Невѣжество, пьянство и развратъ съ женщинами составляютъ принадлежности духовенства въ Россіи. Епископы и священники въ этомъ отношеніи менѣе распутны: первые по причинѣ своей старости, послѣдніе потому, что ихъ жены рано пріучаютъ ихъ къ скромности; но они вознаграждаютъ себя пьянствомъ. Они дѣлаютъ себѣ вино изъ травъ, пряностей и водки. У нихъ также приготовляется пиво и родъ меду, въ которомъ главная составная часть есть сокъ, высачивающійся изъ березъ въ началѣ лѣта. Ихъ любимый напитокъ есть водка, и другая жидкость, которую они называютъ *crematum*. Эта послѣдняя столь крѣпка, что въ первый разъ, какъ я ея выпилъ, мнѣ показалось, что я проглотилъ острой водки. Она причинила мнѣ въ нёбѣ такое раздраженіе, что я не могъ ни говорить, ни плюнуть. Я на всю жизнь отказался отъ *crematum*". Мы ни-

какъ не ожидали найти описаніе водки и разныхъ напитковъ подъ заглавіемъ: *О греческой вѣрѣ*, которое авторъ придалъ этой части своей книги. Онъ потратилъ на догматы менѣе бумаги, чѣмъ онъ ея посвящаетъ въ этомъ мѣстѣ напиткамъ, и притомъ, все, что́ онъ говоритъ о нихъ, столь-же невѣрно, какъ и многія другія мѣста его книги, нелѣпость которыхъ мы обнаружили. Хотя г. Шаппъ и говоритъ, что невѣжество, пьянство и развратъ съ женщинами составляютъ принадлежность Русскаго духовенства", но я не думаю, чтобы все это составляло принадлежность одного нашего духовенства; я слишкомъ хорошо помню столь многіе соборы, созыванные въ странахъ, подчиненныхъ Папѣ, для исправленія нравовъ духовенства, столь многочисленныя правила, постановленныя по этому предмету; и, смотря на вещи безпристрастно, я нахожу, что наше бѣлое духовенство не хуже Римскаго знаетъ наизустъ свой служебникъ; но такъ, какъ оно менѣе богато и ведетъ жизнь брачную, то оно безъ сравненія менѣе развратно чѣмъ послѣднее; относительно же пьянства, смѣло утверждаю, что у насъ нѣтъ ни одного священника, котораго можно было-бы сравнить съ каноникомъ какого нибудь крупнаго Германскаго аббатства. Аббатъ самъ говоритъ, что относительно разврата „епископы и священники наименѣе распущенны". На комъ-же остается обвиненіе въ распутствѣ? На однихъ монахахъ. Такъ какъ эти послѣдніе постоянно живутъ взаперти, и по своему положенію принуждены къ постоянной осторожности и сдержанности, то все, происходящее у нихъ по необходимости весьма скрыто. Но что́ совершенно уничтожаетъ обвиненіе въ распутствѣ, возводимое господиномъ д'Отерошемъ на нашихъ иноковъ, это законъ, воспрещающій игумнамъ постригать въ монахи кого-бы то ни было, пока онъ не достигъ пятидесятилѣтняго возраста. Съ другой стороны, большинство нашихъ епископовъ (1779) дѣлаетъ честь своему званію своими добродѣтелями, ученостію, жизнію и нравами, а каѳедрѣ своимъ краснорѣчіемъ и чистою нравственностію. Во главѣ ихъ, назову Веніамина, епископа Псковскаго, и Гавріила, епископа Тверскаго, а между игумнами отца Платона, архимандрита Троицкаго монастыря, всѣхъ троихъ членовъ Синода и Русскихъ по рожденію. Можно-бы назвать еще многихъ другихъ, не опасаясь, чтобы кто нибудь противорѣчилъ назвать, какъ живые примѣры, опровергающіе презрѣннаго автора, который, какъ аспидъ, уязвляетъ всѣхъ тѣхъ, къ кому онъ приближается. Сказавъ это, почти стыжусь возвращаться къ опроверженію жалкихъ изобрѣтеній г. Шаппа; однако это нужно, хотя бы для того, чтобы показать свѣту, сколь нелѣпы и лживы всѣ показанія аббата. Онъ продолжаетъ: „Они вознаграждаютъ себя (за

распутство) пьянствомъ; они дѣлаютъ себѣ вино изъ травъ, пряностей и водки. У нихъ также приготовляется пиво и родъ меду, въ которомъ главная составная часть есть сокъ высачивающійся изъ березъ въ началѣ лѣта. Ихъ любимый напитокъ есть водка, и другая жидкость, которую они называютъ *crematum*". Другъ-читатель, если вы когда либо будете въ Россіи, не вздумайте спросить у кого-бы то ни было, духовнаго или свѣтскаго, crematum'а; предупреждаю васъ, что ни я, ни единая живая душа у насъ не знаетъ, что̀ такое crematum. Можетъ быть, ради смѣха, какой нибудь весельчакъ прозвалъ такъ водку, которой отвѣдалъ аббатъ. Или же надъ аббатомъ посмѣялись, что̀, по отзывамъ изъ Тобольска, случалось нерѣдко; или, наконецъ, для того, чтобы быть понятымъ, кто нибудь сказалъ ему *crematum*, предполагая, что онъ знаетъ по-латини. Г. академикъ! знаете-ли вы, что то, что̀ вы говорите о *crematum*, доказываетъ ваше незнаніе латинскаго языка, и что если кто нибудь подносилъ вамъ *vinum crematum*, то онъ по крайней мѣрѣ умѣлъ назвать по латыни водку, а вы, ученый академикъ, да къ тому-же и аббатъ латинской церкви, вы не поняли того, что̀ было вамъ сказано на языкѣ, который—вашъ по преимуществу! Послѣ этого блестящаго доказательства вашей собственной учености, очень пристало вамъ настаивать, какъ вы это дѣлаете, на невѣжествѣ другихъ. За тѣмъ авторъ описываетъ погребъ прелата, который этотъ послѣдній называлъ своею библіотекою. Но аббатъ не знаетъ, что этотъ прелатъ съ библіотекою изъ бочекъ былъ не Русскій, а Полякъ по рожденію. За тѣмъ, г. д'Отерошъ говоритъ: „я встрѣчалъ въ обществѣ священниковъ, и въ особенности монаховъ, до того пьяныхъ, что нужно было уносить ихъ на носилкахъ. Ихъ поступки и слова заставляли краснѣть порядочныхъ людей". Богу единому извѣстно, въ какое общество записался аббатъ (если еще онъ не лжетъ); ибо въ Россіи вообще не обычно встрѣчать духовныхъ въ обществѣ: одни заняты своими требами, другіе остаются въ своихъ монастыряхъ. Общество же, повторяю еще разъ, изъ котораго уносятъ гостей на носилкахъ, и въ которомъ ведутся рѣчи, заставляющія краснѣть порядочныхъ людей, конечно общество самое дурное. Я заключаю изъ этого, г. аббатъ, что вы были въ какомъ нибудь притонѣ разврата съ парою поповъ, раздѣляющихъ ваши вкусы; ибо въ порядочныхъ домахъ вести себя такимъ образомъ невозможно: этого бы не потерпѣли. Скажите правду, аббатъ, не морочите-ли вы насъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ? На страницѣ CXXXIII (212) аббатъ предупреждаетъ насъ, „что не слѣдуетъ однако судить о всемъ Русскомъ духовенствѣ по невыгодному изображенію, начерчен-

ному имъ. Ему встрѣчались во время путешествія духовныя лица просвѣщенныя и самыхъ чистыхъ нравовъ! Затѣмъ г. академикъ восхваляетъ архіепископа Тобольскаго. Онъ говоритъ, что „въ этомъ отношеніи онъ могъ служить образцомъ; что онъ, правда, имѣлъ мало свѣдѣній въ томъ, что́ не касалось его должности, но что въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ оставлялъ пожелать лишь лучше направленнаго рвенія.“ Вотъ прекрасный образецъ, предлагаемый аббатомъ для подражанія: невѣжа и фанатикъ; таковыми-то, г. Шаппъ, вамъ хотѣлось-бы видѣть епископовъ? Этотъ прелатъ, кромѣ того, былъ гордъ и мстителенъ, пороки, за которые онъ недавно былъ вынужденъ оставить свою епархію (*). Ужъ не у него ли подносили вамъ cremalum? На стр. CXXXIV (213) онъ продолжаетъ: „Сорбонна въ 1717 году предложила царю соединеніе Греческой церкви съ Латинскою. Всѣмъ извѣстно то, что́ произошло по этому поводу. Если это общество и не успѣло въ своихъ намѣреніяхъ, то оно по крайней мѣрѣ снискало себѣ въ средѣ Русскаго духовенства такое уваженіе, что сіе послѣднее убѣждено, будто во Франціи нельзя быть ученымъ, не принадлежа къ этому знаменитому сословію.“ Да, г. академикъ, Сорбонна извѣстна намъ по двумъ интереснымъ анекдотамъ. Во первыхъ, она прославила себя, въ 1717 году, предлагая Петру Великому средство для подчиненія Россіи папѣ; во вторыхъ, въ 1766 году, своимъ мудрымъ и остроумнымъ осужденіемъ „Велисарія“ г. Мармонтеля. По этимъ двумъ чертамъ, можете судить о глубокомъ благоговѣніи, которое всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ питать къ столь почтенному сословію, не разъ осуждавшему діаметральныя противуположности, и столь открыто враждовавшему противъ Генриха IV, лучшаго изъ вашихъ королей. Аббатъ говоритъ, что „это общество снискало себѣ въ средѣ Русскаго духовенства такое уваженіе, что оно убѣждено, будто во Франціи нельзя быть ученымъ, не принадлежа къ этому знаменитому сословію!“ Слѣдуетъ думать, что число тѣхъ, которые уважаютъ Сорбонну въ мѣрѣ, показанной аббатомъ, не велико; но самое это мѣсто его книги показываетъ, что и эти немногіе, если не совершенные невѣжи, то люди мало свѣдущіе. Было тутъ, нечего сказать, чѣмъ хвастаться, г. Шаппъ! Честно-ли пользоваться всякимъ оружіемъ безъ разбора?“ На стр. CXXXIV (213) г. д'Отерошъ говоритъ: „Было-бы весьма выгодно, если бы уваженіе, которымъ это общество (Сорбонна) поль-

(*) Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ Тобольскій съ 1758 г. (изъ Новгородскихъ Юрьевскихъ архимандритовъ); въ 1768 г, уволенъ на обѣщаніе въ Кіевопечерскую Лавру (Исторія Росс Іерархіи, I, 112). *П. Б.*

зуется во Франціи, распространилось на тѣхъ, которые посвящаютъ себя воспитанію юношества. Русскіе имѣютъ величайшее уваженіе къ гувернёрамъ и преподавателямъ. Они смотрятъ на нихъ, какъ на отцовъ ихъ воспитанниковъ. Если воспитаніе въ Россіи не имѣетъ всего того успѣха, котораго слѣдовало-бы ожидать отъ такого взгляда на дѣло, то это потому, что любовь къ славѣ и къ добродѣтели можетъ возникнуть лишь на лонѣ свободы.“ Во первыхъ, я не слишкомъ понимаю, что̀ хочетъ аббатъ сказать словами: „было-бы весьма выгодно, если-бы уваженіе, которымъ это общество (Сорбонна) пользуется во Франціи, распространилось на тѣхъ, которые посвящаютъ себя воспитанію юношества.“ По скольку это касается Франціи, я въ это не вмѣшиваюсь; но если аббатъ разумѣетъ, что слѣдуетъ поручить Сорбоннѣ приготовленіе наставниковъ для Русскихъ, какъ повидимому явствуетъ изъ послѣдующаго, то мы избавляемъ Сорбонну отъ этой обузы; и всякій мыслящій Русскій признаетъ за наихудшихъ наставниковъ для своихъ дѣтей тѣхъ, которые будутъ дрессированы на это званіе Сорбонною, или всякою иною религіозною конгрегаціею Римской церкви: ибо, по всей вѣроятности, это были бы совратители по ремеслу, или люди исполненные началъ весьма противныхъ ученію Православной церкви, исповѣдуемому въ Россіи. Предупреждаю моихъ соотечественниковъ, что если они когда-либо поручатъ своихъ дѣтей такимъ людямъ, то они предадутъ ихъ отравленію невидимымъ ядомъ, который, если разольется, не преминетъ нарушить спокойствіе государства и чистоту началъ Православной церкви. Вотъ что̀ еще говоритъ аббатъ: „Русскіе имѣютъ величайшіе уваженіе къ гувернёрамъ и преподавателямъ. Они смотрятъ на нихъ какъ на отцовъ ихъ воспитанниковъ.“ Написавши-же это, аббатъ, по обыкновенію, присовокупляетъ слѣдующій возгласъ: „Если воспитаніе въ Россіи не имѣетъ всего того успѣха, котораго можно было-бы ожидать отъ таковаго взгляда на дѣло, то это потому, что любовь къ славѣ и къ добродѣтели можетъ возникнуть лишь на лонѣ свободы.“ Вотъ еще приговоръ, произнесенный надъ нами. Мы никуда не годимся и никуда годиться не будемъ, какъ-бы надъ нами ни старались, по мнѣнію г. Шаппа. Почему? Потому что такъ угодно нашему рѣшительному академику, аббату, философу и великому политику. Вотъ его доводы: „это потому, что любовь къ славѣ и добродѣтели не можетъ возникнуть иначе, какъ на лонѣ свободы.“ А онъ, аббатъ, лишилъ насъ этой свободы, хотя дворянство никогда не было порабощено; и хотя-бы даже оно было когда-нибудь въ этомъ положеніи, мы имѣемъ за себя законъ, объявляющій насъ болѣе свободными, чѣмъ

когда-либо. „Любовь къ славѣ можетъ возникнуть лишь на лонѣ свободы.“ Мы ежедневно покрываемъ себя славою во всѣхъ отношеніяхъ, но видно у насъ недостаетъ самого корня славы, какъ и свободы, хотя мы столь-же свободны по праву и на дѣлѣ, и даже свободнѣе, чѣмъ многіе другіе. Аббатъ держитъ насъ на цѣпи, и пустить насъ не хочетъ. Почему? Потому что онъ ненавидитъ насъ отъ души, источникомъ чего служитъ мода, или его желаніе получить значительное аббатство, коего онъ не можетъ добиться при помощи одного своего телескопа: какое несчастіе для дворянства и государства! Не могу довольно пожалѣть. Г. Шаппъ говоритъ: „Дворяне въ Россіи никогда не вступаютъ въ духовное званіе.“ Однако-же, во время оно, почти ни одинъ дворянинъ, ни одинъ Государь не умиралъ, не постригшись въ монашество, какъ и въ прочихъ странахъ, имѣвшихъ монашескіе ордены. Прежде, многіе дворяне поступали въ монахи; теперь эти случаи рѣже; покойный архіепископъ Новгородскій, умершій въ 1767 году, былъ изъ дворянъ. Правда, что эти примѣры не часты, и что́ всего болѣе препятствуетъ ихъ повторенію, это запрещеніе постригаться до пятидесятилѣтняго возраста. Кромѣ того, монашеская жизнь у насъ не представляетъ никакихъ прелестей, уставъ чрезвычайно строгъ, исполнять его даетъ силы лишь примѣрная набожность. Содержаніе монаховъ весьма умѣренно, добровольныя приношенія составляютъ самую существенную часть ихъ доходовъ. Правда, что, имѣя руки и возможность работать, отъ ихъ воли всегда зависитъ обогатиться. Вы говорите, г. д'Отерошъ: „Невѣжество и распутство Русскаго духовенства составляютъ нравственную необходимость.“ Вы воздерживаетесь сообщить, что дѣти священниковъ съ малолѣтства помѣщаются въ семинаріи, что ихъ тамъ учатъ, что изъ этихъ училищъ ежегодно выходяхъ весьма дѣльные люди. Почему-же, скажите на милость, невѣжество и распутство составляютъ у насъ нравственную необходимость? Вѣроятно потому, что у васъ разливается желчь. Говорите, что́ хотите; вы въ нашемъ духовенствѣ не встрѣтите такого распутства, какое господствуетъ въ вашемъ. Авторъ повѣствуетъ, что Петръ I упразднилъ патріаршій престолъ. Мы должны тутъ мимоходомъ указать на то, что̀, по нашему мнѣнію, подало поводъ патріархамъ присвоить себѣ такую власть. Отецъ царя Михаила Ѳеодоровича былъ патріархомъ, и при этомъ обладалъ почтенными качествами. Въ немъ уважали и отца Государя, и санъ патріарха. Примѣръ этого уваженія подавалъ его сынъ, которому онъ служилъ совѣтникомъ и руководителемъ. Патріархи, послѣдовавшіе за нимъ, предъявили притязанія на тѣ-же почести, которыя отдавались

отцу Государя: оттуда берутъ начало всѣ тѣ пререканія, которыя окончились упраздненіемъ патріаршества и учрежденіемъ Сѵнода. Авторъ повѣствуетъ на стр. CXXXVI (215), что „народъ привязанъ къ Греческой вѣрѣ до фанатизма. Этотъ фанатизмъ усиливается по мѣрѣ того, какъ удаляются отъ столицы; но народъ этотъ такъ мало просвѣщенъ въ дѣлахъ своей вѣры, что онъ вообще считаетъ всѣ религіозныя обязанности исполненными соблюденіемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, въ особенности же строгимъ воздержаніемъ во время постовъ. Впрочемъ, онъ предается разврату и всѣмъ своимъ порочнымъ наклонностямъ. Добрые нравы болѣе рѣдки между Русскими, чѣмъ между язычниками, ихъ сосѣдями. Воззрѣніе Русскихъ на христіянство столь странно, что, подумаешь, это религія, столь сообразная съ счастіемъ и порядкомъ общества, послужила къ тому, чтобы еще испортить Русскихъ.“ Каждое слово этого прекраснаго изложенія заслуживаетъ пинька. *Во первыхъ*, правда, что народъ привязанъ къ Греческой вѣрѣ, но конечно нигдѣ нѣтъ менѣе фанатиковъ и изувѣровъ, чѣмъ въ Россіи послѣднихъ шестидесяти лѣтъ. Столица задаетъ тонъ во всѣхъ странахъ міра. Фанатики не поощряются и не терпятся; съ ними обходятся, какъ съ одержимыми душевною болѣзнію. Губернаторы подражаютъ этому тону. Поэтому не можетъ быть, чтобы фанатизмъ усиливался по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ столицы. *Во вторыхъ*, всѣ религіи, въ которыхъ есть много внѣшнихъ обрядовъ, могутъ ввести людей простыхъ въ заблужденіе, будто эти обряды и составляютъ сущность религіи. Очень можетъ быть, что у насъ, какъ и повсюду, есть люди, болѣе совѣстливые въ томъ, чтобы соблюдать посты, чѣмъ въ сдерживаніи своихъ страстей и наклонностей. Но гдѣ-же та страна, въ которой между столькими милліонами жителей не нашлись-бы такіе, которые предаются разврату и порочнымъ наклонностямъ? Говоритъ-ли о такихъ народахъ исторія древняя или новая? Не знаю. Между тѣмъ несомнѣнно, что есть много людей изъ простонародья, въ особенности въ деревняхъ, которые считаютъ стыдомъ напиться; есть много и такихъ, которые въ жизнь свою не брали въ ротъ хмѣльнаго. Присовокупите къ этому, что нѣтъ страны, въ которой мужчины женились бы раньше, чѣмъ въ Россіи, и вы увидите, что это страшное обвиненіе въ распутствѣ, взведенное на насъ г. Шаппомъ, значительно ослабляется. Нравы нашихъ земледѣльцевъ далеко не такъ испорчены, какъ увѣряетъ аббатъ. Мы уже сказали выше, что нашъ крестьянинъ гостепріименъ; повторяю это, и прибавляю, что такова вообще вся нація. Упомяну тутъ объ обычаѣ нашей страны, доказывающемъ, что мы далеко не звѣри, объ обычаѣ, о кото-

ромъ до сихъ поръ не упоминали авторы, писавшіе о Россіи, по крайней мѣрѣ на сколько мнѣ извѣстно. Отправляются-ли наши крестьяне на охоту, на рыбную ловлю, на рынокъ, и т. д., они тотчасъ дѣлаютъ складчину; точно такъ же и наши купцы, по большей части и наши военные; затѣмъ расходы и пища дѣлаются общими. Тотъ, кому они наиболѣе довѣряютъ, избирается въ кассиры и провіантмейстеры. Всякую недѣлю онъ долженъ отдавать отчетъ въ томъ, что́ было ему ввѣрено; если онъ распорядился хорошо, его избираютъ вновь; не то, его замѣняютъ другимъ. Тотъ, кто хорошо ведетъ маленькія дѣла общества, пользуется между ними почетомъ. Утромъ, когда всѣ помолятся, (обычай, который никогда не нарушается) то если онъ тутъ, первый поклонъ ему; съ нимъ совѣтуются и ничего не дѣлаютъ безъ его разрѣшенія; онъ пользуется маленькими выгодами, и избавляется отъ разныхъ трудовъ, исполняемыхъ за него его товарищами. Разительный примѣръ тому, какъ хорошъ этотъ обычай представился послѣ Цориндорфской баталіи, въ послѣднюю войну съ королемъ Прусскимъ. Войско въ теченіи десяти дней не имѣло провіанта, и солдаты объявили, что̀ если только по истеченіи этихъ десяти дней имъ возвратятъ то, что̀ имъ должны, они пропитаются сами тѣмъ, что̀ отложило каждое общество. Необходимость заставила принять съ радостію это предложеніе. Съ обѣихъ сторонъ сдержали слово. Нѣтъ страны, въ которой бы уваженіе къ отцамъ, матерямъ и людямъ пожилымъ, простиралось далѣе. Дѣти, давно женатые, не смѣютъ, такъ сказать, выйдти изъ дому безъ позволенія родителей. По нашимъ законамъ, при жизни отца, дѣти находятся въ полной отъ него зависимости. Хотите вы, г. аббатъ, примѣровъ отцовской, материнской и сыновней любви? Приведу ихъ вамъ, сколько хотите. Знаете-ли вы, г. Шаппъ, что есть цѣлыя области, въ которыхъ неизвѣстна уличная покража? Знаете-ли вы еще, что нѣтъ страны, въ которой были-бы рѣже кражи изъ домовъ? Если-бы въ прочихъ странахъ жили такъ, какъ въ Россіи, то ихъ было-бы гораздо болѣе. До 1763 года почти не знали инаго способа строиться, какъ огородить огромное пространство земли кое-какимъ заборомъ; домъ строился послѣ. Почти не было воротъ, запиравшихся на ключъ. Когда выходили изъ дому, и не думали запирать дверей, и затѣмъ удивлялись, если случалась покража. Слѣдующій анекдотъ мы слышали изъ собственныхъ устъ почтеннаго лица, съ которымъ онъ приключился. Это лицо, по извѣстному случаю, не касающемуся моего разсказа, въ теченіи года управляло большимъ городомъ. Всѣ говорили: никогда не бывало менѣе покражъ, чѣмъ въ теченіи этого года, и превозносили до

небесъ градоначальника. Кто-то спросилъ его: какимъ образомъ охраняете вы столь успѣшно общественную безопасность? Онъ отвѣчалъ: я отдалъ лишь одно приказаніе, котораго всѣ послушались: запирайте двери. Запрете двери, и васъ не обокрадутъ. Послѣ этого, г. авторъ, разсказывайте, что добрые нравы болѣе рѣдки между Русскими, чѣмъ между язычниками, ихъ сосѣдями! Авторъ говоритъ на стр. CXXXVII (215): „Воззрѣніе Русскихъ на христіанство столь странно, что, подумаешь, эта религія, столь сообразная съ счастіемъ и порядкомъ общества, послужила къ тому, чтобы еще испортить Русскихъ". Затѣмъ, въ подтвержденіе этого прекраснаго изрѣченія, аббатъ приводитъ побасенку о разбойникѣ, который соблюдалъ посты; но убивалъ людей и находилъ удовольствіе въ томъ, что упивался человѣческою кровію и смотрѣлъ на конвульсіи несчастныхъ, лишаемыхъ имъ жизни. Побасенка эта весьма подозрительна. Она похожа на тѣ чертовщины, о которыхъ всѣ слышали, но которыхъ никто не видалъ; въ особенности невѣроятна неслыханная свирѣпость злодѣя въ описаніи аббата, и его жадность къ человѣческой крови. Г. Шаппъ самъ говоритъ въ выноскѣ: „Этотъ почти неимовѣрный фактъ былъ разсказанъ мнѣ Русскими". Онъ считаетъ его неимовѣрнымъ, и однако-же его приводитъ. Если бы онъ не задался мыслію, что Русскіе угрюмы и меланхоличны, какъ ему не замѣтить, что надъ нимъ смѣялись, что на каждомъ шагу ему навязывали небылицы, ибо подмѣтили его слабую струнку? Предположимъ на минуту, что этотъ разсказъ правдивъ; можетъ-ли одиночный, ужасный случай служить подтвержденіемъ словамъ: „Воззрѣніе Русскихъ на христіанство столь странно, что, подумаешь, эта религія, столь сообразная съ счастіемъ и порядкомъ общества, послужила къ тому, чтобы еще испортить Русскихъ"? Можно бы привести сто примѣровъ добродѣтели, и добродѣтели геройской, которые доказали бы противное тому, что́ осмѣливается утверждать аббатъ, и обратили-бы въ ничто его единственный доводъ, впрочемъ лишенный здраваго смысла. Охотно соглашусь, что мы ни вполнѣ хороши, ни вполнѣ дурны; такое среднее состояніе въ природѣ вещей и существуетъ у всѣхъ народовъ, ибо человѣкъ всегда приблизительно одинаковъ, подъ какимъ-бы небомъ онъ ни родился. На стр. CXXXIX (216) самъ авторъ говоритъ по поводу приведенной мною побасенки о злодѣѣ: „Подобные факты въ Россіи рѣдки; и я привелъ этотъ послѣдній лишь для того, чтобы показать, что въ этой странѣ, менѣе старались о томъ, чтобы посредствомъ религіи придать народу нравственность, чѣмъ о томъ, чтобы заставить его соблюдать извѣстные обряды, не всегда дѣлающіе человѣка

лучшимъ". Онъ могъ-бы сказать, что это фактъ единственный, если только онъ дѣйствительный. Но какимъ образомъ можетъ фактъ рѣдкій, единственный или сомнительный, служить доказательствомъ тому, что въ данной странѣ менѣе старались о томъ, чтобы посредствомъ религіи придать человѣку нравственность, чѣмъ о томъ, чтобы заставить его соблюдать извѣстные обряды, не всегда дѣлающіе человѣка лучшимъ? Г. аббатъ, я отвергаю самый фактъ, вы ничего не доказываете, и если даже фактъ этотъ былъ, то одинъ злодѣй, постившійся, но убивавшій людей, не есть еще доказательство тому, чтобы цѣлый народъ былъ его мнѣнія и считалъ болѣе похвальнымъ поститься, чѣмъ воздерживаться отъ убійства. Еще менѣе, г. Шаппъ, имѣли вы права обвинять нашу вѣру въ томъ, что у насъ менѣе старались придать, посредствомъ ея, нравственность народу, чѣмъ о томъ, чтобы принудить его къ извѣстнымъ обрядамъ; ибо никогда таковымъ не былъ смыслъ нашей святой вѣры, и если нашлись люди, предпочитающіе внѣшніе обряды догмату и нравственности, въ этомъ виновна не наша религія; но виновны люди, дурно понявшіе духъ нашей религіи. Такіе люди встрѣчались не въ одной странѣ. Кромѣ того, дамъ вамъ еще много объясненій, когда вы назовете мнѣ ту страну, въ которой простонародье ясно сознаетъ различіе между обрядовою стороною религіи и стороною догматическою и нравственною. На стр. CXXXIX (216), аббатъ говоритъ: „Греческая вѣра почти не произвела сектъ въ Россіи, быть можетъ, по невѣжеству духовенства. Секта *расхольниковъ* (Rasholniki) единственная, поддержавшаяся въ ней до нашихъ дней". Когда авторъ говоритъ: „Греческая вѣра почти не произвела сектъ въ Россіи", то мнѣ сдается, что это только для того, чтобы присовокупить эти слова: „быть можетъ, по невѣжеству духовенства". Говорить, что „секта расхольниковъ единственная, поддержавшаяся въ ней до нашихъ дней" тоже самое, какъ если-бы мы сказали, что секта еретиковъ единственная, поддержавшаяся до нынѣ въ Римской церкви; ибо слово—не *расхольники*, какъ пишетъ г. д'Отерошъ, но раскольники, значитъ схизматики или еретики, и въ Россіи существуетъ болѣе пятидесяти различныхъ сектъ, слывущихъ подъ именемъ раскольниковъ. Вы видите, читатель, что аббатъ не знаетъ даже значенія словъ. Вы увидите черезъ минуту, что не менѣе онъ невѣжественъ на счетъ вещей, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Онъ говоритъ: „Сектаторы не имѣютъ ни церквей, ни священниковъ; ихъ сборища происходятъ въ частныхъ домахъ". Есть между ними такіе, которые не допускаютъ ни священниковъ, ни церквей; другіе имѣютъ и церкви, и священниковъ, но не хотятъ имѣть діаконовъ. Есть такіе, ко-

торые отличаются отъ Православныхъ только способомъ креститься и нѣкоторыми молитвами; эти не отдѣлены отъ господствующей церкви: тѣ, которые имѣютъ священниковъ, имѣютъ также часовни въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ особенности въ Украйнѣ, гдѣ Императрица Анна назначила имъ въ убѣжище шесть мѣстечекъ, носящихъ названіе раскольничьихъ слободъ. Есть другія секты совершенно расходящіяся въ догматахъ съ Греческою церковью. Есть такія, которыя не допускаютъ никакихъ таинствъ. Есть другія, которыя предаются разнымъ суевѣріямъ, исчисленіе которыхъ было-бы слишкомъ длинно. Есть и такія, которыя не всегда оставались смирными, и часто принимались проповѣдывать и съ шумомъ набирать себѣ сторонниковъ. Ихъ преслѣдовали; теперь ихъ терпятъ и презираютъ. Были между ними такіе, которые считали богоугоднымъ дѣломъ самосожиганіе. Два обстоятельства давали къ нему поводъ: во первыхъ, преслѣдованія; во вторыхъ наущенія обольстителей, уговаривавшихъ сдѣлать это, чтобы достигнуть вѣнца мученическаго, или чтобы придать болѣе знаменитости своей сектѣ; обыкновенно обольститель скрывался съ имуществомъ несчастныхъ, погибавшихъ въ пламени. Въ былыя времена, окружное начальство, какъ только оно узнавало, что сборище этихъ несчастныхъ приготовлялось къ такому подвигу, посылало войска, чтобы имъ препятствовать, что́ обыкновенно ускоряло дѣйствіе, которое хотѣли предотвратить. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ они вольны сжигать себя; никто имъ въ этомъ не препятствуетъ, и никто ихъ не преслѣдуетъ. Мы должны присовокупить, что съ тѣхъ поръ и не слышно о подобныхъ изувѣрствахъ. Аббатъ, всегда не точный, повѣствуетъ, что эти сектаторы крестятся тремя пальцами; наоборотъ, они крестятся, складывая первый палецъ съ четвертымъ, а Православные крестятся, складывая первые три пальца. На CXLIV (218) г. Шаппъ говоритъ, что ни разу не удалось обратить ни одного раскольника, и утверждаетъ это безъ всякаго основанія; ибо въ началѣ нынѣшняго столѣтія половина Россіи открыто или тайно держалась раскола, между тѣмъ какъ теперь число раскольниковъ весьма мало, и между ними нѣтъ ни одного лица принадлежащаго къ высшему обществу. Стрѣльцы по большей части придерживались раскола. Какъ ни желалъ Петръ I избѣгнуть преслѣдованій, но раскольники подверглись имъ въ его царствованіе. На стр. CXLV (219) аббатъ повѣствуетъ, что онъ въ шутку спросилъ лицо, обозначаемое имъ тремя звѣздочками: „пойдутъ-ли эти сектаторы, не хотящіе возглашать „аллилуя“ болѣе двухъ разъ, въ адъ или въ чистилище, ибо о раѣ для нихъ нечего и думать. Тотчасъ лицо его покрылось

яркимъ румянцемъ, его блестящіе глаза напередъ возвѣстили его отвѣтъ: мы не признаемъ, сказалъ онъ, чистилища, какъ ваша Латинская церковь; они всѣ неминуемо пойдутъ въ адъ. Больше онъ не могъ мнѣ сказать ничего. Этотъ служитель алтаря, впрочемъ исполненный нравственности и всегда готовый помогать несчастнымъ, если-бы могъ меня уничтожить въ это мгновеніе, счелъ-бы это самымъ богоугоднымъ дѣломъ". Имѣю поводъ подозрѣвать, что эта сцена произошла между епископомъ (¹) Тобольскимъ и г. Шаппомъ. Этотъ прелатъ былъ извѣстенъ, какъ изувѣрный преслѣдователь; нѣсколькими страницами выше, аббатъ ставилъ его въ образецъ, тутъ онъ умалчиваетъ его имя. Но, фанатизмъ въ сторону, быть можетъ онъ былъ раздраженъ тѣмъ, что аббатъ думаетъ, будто онъ сажаетъ въ тюрьму за двукратное „аллилуя" между тѣмъ какъ архіепископъ имѣлъ дѣло съ людьми, упорно отвергавшими многіе пункты въ вѣроученіи, необходимые, по ученію церкви, для спасенія. Попробуйте-ка, г. д'Отерошъ, допуститъ ли шутки о такихъ важныхъ предметахъ г. Кристофъ де Бомонъ, милостію Божіею и папскою архіепископъ Парижскій? Онъ отвѣтитъ вамъ лишеніемъ причастія и напутствія, когда вы отправитесь на тотъ свѣтъ, и это будетъ поважнѣе, чѣмъ гнѣвъ архіепископа Тобольскаго. Аббатъ говоритъ на стр. CXLV (220): „Между множествомъ святыхъ празднуемыхъ Русскими святый Андрей, послѣ св. Николая, одинъ изъ тѣхъ, которые неиболѣе пользуются ихъ довѣріемъ. Его мощи находятся въ Новгородѣ". Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ св. Андрей прибылъ на жерновѣ моремъ изъ Рима въ Новгородъ. Но аббатъ и въ этомъ мѣстѣ своей книги не разстается съ своею неточностію. Святаго Андрея не болѣе празднуютъ въ Россіи, чѣмъ прочихъ Апостоловъ, и прибылъ на жерновѣ св. Антоній, весьма чествуемый въ Новгородѣ. Аббатъ прибавляетъ на страницѣ CXLVI (221): „Я видѣлъ въ Парижѣ архимандрита, который подтвердилъ мнѣ, съ странною настойчивостію, всѣ эти факты. Онъ скорѣе согласился бы потерять свою бороду, чѣмъ отказаться отъ малѣйшей подробности". Это доказываетъ, какъ мало аббатъ долженъ довѣрять своему разсудку; ибо конечно какъ въ Парижѣ, такъ и въ Тобольскѣ, когда упоминалась эта легенда изъ житія святыхъ, дѣло шло о св. Антоніѣ, а св. Андрей тутъ ни причемъ. Эти слова, въ укоръ образованному, какъ говоритъ аббатъ, архимандриту: „онъ скорѣе согласился-бы потерять свою бороду, чѣмъ от-

---

(¹) Сочинитель Антидота называетъ его то епископомъ, то архіепископомъ; на самомъ дѣлѣ онъ былъ митрополитомъ Тобольскимъ I; см. выше.
П. Б.

казаться отъ малѣйшей подробности; я удивился этому, потому что онъ былъ человѣкъ образованный", до того легкомысленны, и все остальное внушаетъ къ разсказамъ аббата такъ мало довѣрія, что я не возьму на себя труда останавливаться на нихъ. Аббатъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ: „Я спросилъ архіепископа Тобольскаго о житіяхъ Русскихъ святыхъ, онъ назвалъ мнѣ ихъ весьма мало". Просилъ-ли онъ у архіепископа напечатанныхъ житій Русскихъ святыхъ, или имѣлъ ли онъ притязаніе, чтобы архіепископъ разсказалъ ему эти житія? Если онъ желалъ ихъ прочесть, то архіепископъ могъ сообщить ему четырнадцать томовъ in folio, напечатанныхъ на Русскомъ языкѣ; но если-бы архіепископу пришлось забавлять г. академика разсказомъ этихъ житій, то на это потребовалось-бы болѣе тысячи одного дня. Но такъ какъ я подозрѣваю, что г. аббатъ, не смотря на свою дружбу съ архіепископомъ, объяснялся съ нимъ лишь съ трудомъ, что они могли разговаривать лишь при посредствѣ переводчика, то нужно предполагать, что въ ихъ разговорахъ было много недоразумѣній. Архіепископъ зналъ только по-русски, по-латыни, и много по гречески; а аббатъ доказалъ, что онъ не разумѣетъ ни одного изъ этихъ трехъ языковъ; ибо если-бы онъ ихъ сколько нибудь зналъ, онъ не впадалъ-бы во всѣ тѣ недомеки, которые приключаются съ нимъ на каждомъ шагу. На страницѣ CXLVII (222) новый способъ объясняться и новое доказательство тому, какъ они понимали другъ друга: аббатъ наивно признается, что онъ обманулъ любопытство архіепископа Тобольскаго ложью. Онъ говоритъ: „Онъ (архіепископъ) находилъ весьма страннымъ, что Его Святѣйшество во время извѣстныхъ службъ причащается, сидя въ креслахъ. Я сперва отрицалъ самый фактъ; онъ сослался на Русскаго, который былъ свидѣтелемъ того при посвященіи послѣдняго Папы. Не любя споровъ, я увѣрилъ его, что Папа—калѣка". Исключите такія остроты изъ книги аббата, и она уменьшится на половину. Г. Шаппъ, разсказавши, что архіепископъ Тобольскій весьма противится ученію о движеніи земли и ссылается на слова Апостола Павла, (толкованіе которыхъ аббатъ отвергаетъ въ выноскѣ, хотя въ Римѣ мнѣніе о движеніи земли и было осуждено на основаніи тѣхъ-же словъ Священнаго Писанія) говоритъ: „Хотя священники въ Россіи по своему невѣжеству и мало способны совершать обращенія, но они одержимы страстію всѣхъ обращать". Увы! г. Шаппъ, не вамъ бы говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшаннаго; какъ можете вы говорить, что у насъ имѣютъ страсть къ обращеніямъ, лишь по тому что вы слышали отъ нашихъ духовныхъ лицъ совѣтъ обратиться, между тѣмъ какъ у васъ нѣтъ того средства, хо-

рошаго или дурнаго, къ которому духовенство не прибѣгало-бы для обращеній? Вы слышали одни разговоры, и такъ какъ умъ у васъ набитъ вашими собственными практическими пріемами, то вы разсудили, что всѣ у насъ охотники обращать, такъ какъ у васъ это безпрестанно дѣлается. Затѣмъ аббатъ повѣствуетъ, что за столомъ какой-то прелатъ предпринялъ обращать лакея г. Шаппа, что этотъ послѣдній сталъ защищаться, что прелатъ захотѣлъ пустить въ него тарелкою, что онъ, аббатъ, его удержалъ, и что все кончилось нѣсколькими стаканами *crematum*. Намѣреніе аббата въ этомъ разсказѣ очевидно; оно всегда остается одинаковымъ, но онъ уже такъ часто былъ пойманъ на лжи, что по истинѣ почти не стоитъ останавливаться далѣе на его нелѣпостяхъ.

За тѣмъ, аббатъ находитъ дурнымъ, что церкви въ Россіи малы, но на это есть весьма естественная причина: такъ какъ во время богослуженія въ нашихъ церквахъ всѣ стоятъ, то и нѣтъ надобности строить ихъ столь обширными какъ церкви тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя допускаютъ сидѣніе и стояніе на колѣняхъ въ церквахъ. На страницѣ CL (227) вы найдете яко-бы описаніе Пасхи. Но, любезный читатель, прочитавши въ заглавіи этой статьи слова „О Греческой вѣрѣ“, не вообразите, что вы найдете тутъ описаніе церковнаго праздника, какъ то повидимому обѣщаетъ приведенное мною заглавіе: ни чуть не бывало. Вы узнаете, что два Русскихъ, вѣроятно изъ черни, пришли поздравить съ праздникомъ аббата, который пырнулъ одного изъ нихъ такъ сильно, что тотъ упалъ, и толкнулъ другаго, такъ что оба, разумѣется, ушли отъ г. Шаппа весьма недовольные; вслѣдствіе чего г. д'Отерошъ заколотилъ свою дверь двумя гвоздями, однимъ на верху, другимъ внизу. За тѣмъ онъ продолжаетъ на страницѣ CLI (228): „Нѣсколькими часами позже, я узналъ, что этотъ день посвященъ дѣланію визитовъ. Мужчины утромъ ходятъ другъ къ другу и, вступая въ домъ, говорятъ: Христосъ воскресе, и имъ отвѣчаютъ: Воистину воскресе; за тѣмъ цѣлуются, даютъ другъ другу яйца, и пьютъ много водки“. Замѣтьте, прошу васъ, что этотъ аббатъ, столь свѣдущій въ Русскихъ обычаяхъ, столь интересующійся ими, не зналъ, что этотъ день былъ день Пасхи, величайшій праздникъ Греческой церкви. Она одна сохранила обычай первоначальной церкви почитать этотъ праздникъ какъ такой, который наиболѣе свидѣтельствуетъ о божественности христіанской религіи, потому что онъ былъ установленъ въ память воскресенія Іисуса Христа. Обычай же говорить другу въ этотъ день Христосъ воскресе—Воистину воскресе, отъ этого и происходитъ; обычай давать другу яйца суще-

ствуетъ лишь въ простонародьѣ, и не въ одной Россіи: въ Германіи и во многихъ другихъ странахъ всякій слыхалъ о пасхальныхъ яйцахъ. И я полагаю, что онъ былъ извѣстенъ аббату; но тутъ онъ прикидывается незнающимъ его, чтобы представить Русскихъ въ болѣе странномъ свѣтѣ. Авторъ прибавляетъ: „и пьютъ много водки"; и это доказываетъ, что аббатъ вращался лишь между людьми низкаго происхожденія, или что онъ приписываетъ нравы простонародья всей вообще націи. Аббатъ говоритъ: „Я впрочемъ съ величайшимъ вниманіемъ сообразовался съ обычаями, принятыми въ странѣ. Поступая иначе, дѣлаешь себѣ враговъ и возстановляешь всѣхъ противъ себя". Это было-бы очень хорошо, не будь одной маленькой загвоздки: г. Шаппъ все понималъ на выворотъ, его слишкомъ предъубѣжденный умъ заставлялъ его считать даже самыя простыя вещи нелѣпыми и смѣшными, между тѣмъ какъ, сравнивши ихъ съ обычаями другихъ народовъ, онъ нашелъ бы менѣе различій, чѣмъ ихъ представлялъ ему его предъубѣжденный умъ. Нижеслѣдующее опять неопровержимо доказываетъ, что аббатъ выдаетъ обычаи нѣкоторыхъ Тобольскихъ мѣщанъ за обычаи всей націи. Обычаи какихъ нибудь мѣщанъ или рабочихъ въ Пуату или Артуа задаютъ-ли тонъ во Франціи? Онъ говоритъ: „послѣобѣда посвящено на посѣщеніе женщинъ, и онѣ также отправляются другъ къ другу съ визитами. Мужчины обыкновенно присоединяются къ нимъ для этихъ визитовъ; онѣ живо наслаждаются этимъ удовольствіемъ, потому что рѣдко пользуются такою свободою; мужчины-же имѣютъ удовольствіе пить съ утра до вечера. Комната, въ которой принимаютъ гостей, разукрашена всѣмъ, что́ есть лучшаго въ домѣ. Родъ буфета въ видѣ алтаря возвышается въ глубинѣ комнаты; всѣ богатства семейства, тарелки, блюда, приборы, бутылки, стаканы, и т. д. разставлены на немъ на ступенькахъ, въ величайшемъ порядкѣ. Посереди комнаты стоитъ столъ, покрытый ковромъ и уставленный Китайскими вареньями и чѣмъ-то въ родѣ тамошней малины, высушенной на солнцѣ. Входя въ комнату, всѣ располагаются стоя, вдоль лавокъ разставленныхъ вокругъ комнаты; женщины первыя, а мужчины за ними. За тѣмъ хозяйка дома отправляется цѣловать всѣхъ присутствующихъ въ губы, съ величайшею важностію и не говоря ни слова. По окончаніи этой церемоніи, мужчины удаляются въ другую комнату, а женщины остаются однѣ въ первой. Въ комнатѣ мужчинъ точно такъ же приготовленъ столъ съ ковромъ и съ вареньемъ". То, что́ говоритъ аббатъ о женщинахъ въ началѣ этого параграфа, будто онѣ рѣдко пользуются свободою выходить, доказываетъ, что тутъ можетъ идти рѣчь лишь о женахъ мѣщанъ и ра-

бочихъ, постоянно занятыхъ своимъ хозяйствомъ, ибо женщины высшаго круга выходятъ изъ дому часто и когда хотятъ. Авторъ говоритъ: „Мужчины же пользуются свободою пить съ утра до вечера". Ему слѣдовало бы присовокупить: тѣ изъ нихъ, которымъ этого хочется, и тогда количество пьющихъ значительно-бы уменьшилось; ибо несомнѣнно, что количество не пьющихъ несравненно больше, чѣмъ количество пьяницъ и людей, любящихъ пить. Убранство комнаты, описанной г. Шаппомъ, не оставляетъ сомнѣнія на счетъ разряда людей, у которыхъ онъ его видѣлъ; онъ долженъ былъ объясниться на этотъ счетъ, но вмѣсто того, онъ предпочелъ дать понять читателю, что такова обстановка, обычная во всѣхъ классахъ общества, и избралъ для своего описанія убранство комнатъ мелкаго Тобольскаго ремесленника: это остроумно, искусно и добросовѣстно, и послѣ того мы знаемъ, во сколько можно на аббата разсчитывать. Уже это одно доказательство совѣстливости г. Шаппа, по моему, совершенно достаточно. Присовокупите его къ прочимъ, и у васъ будетъ неопровержимый наборъ доказательствъ тому, какъ мало довѣрія заслуживаетъ все то, что́ повѣствуетъ аббатъ о нравахъ и обычаяхъ Россіи. Господинъ академикъ заключаетъ свое изложеніе о Греческой вѣрѣ на стр. CLII (231) разсказомъ о томъ, какъ его Тобольскій ремесленникъ или мѣщанинъ угощалъ своихъ посѣтителей, о томъ, что женщины пили только чай, кофе и пиво и не пили напитковъ болѣе крѣпкихъ, мужчины-же послѣ трехъ-четырехъ визитовъ были всѣ пьяны; какъ у него разболѣлась голова и онъ выплевывалъ въ платокъ все то, чѣмъ его подчивали, какъ нашли дурнымъ, что онъ остался съ женщинами, и онъ вернулся къ столу мужчинъ, и т. д. Другъ, читатель, достаточно-ли вы узнали о Греческой вѣрѣ, прочитавши эту часть книги аббата, и могли-ли вы ожидать всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ вещей, которыя вы въ ней нашли? Не находите-ли вы также, что пышное заглавіе этой статьи вполнѣ оправдывается описаніемъ угощенія, въ день Пасхи, у Тобольскаго мѣщанина, побасенкою *o crematum*, пасквилемъ на духовенство и на народъ, неточнымъ сказаніемъ о раскольникахъ и нѣсколькими словами о догматахъ и обрядахъ Греческой церкви?

Вотъ какъ оправдываютъ пышныя заглавія, скача на почтовыхъ.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОПИСАНІЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА, ЕГО ЖИТЕЛЕЙ, РУССКИХЪ НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ, ОБРЯДОВЪ И ПР.

Разборъ.

Прежде всего считаю нужнымъ представить читателю слѣдующую статью, изъ которой многое объяснится для него; послѣ нея мы снова обратимся къ г. Шаппу. Онъ такъ часто высказываетъ свои мнѣнія объ насъ; не лишнимъ будетъ выслушать, что́ у насъ думаютъ о немъ.

Переводъ письма изъ Тобольска о пребываніи г. д'Отероша въ этой Сибирской столицѣ.

„Вы спрашиваете, милостивый государь, подробностей о пребываніи аббата Шаппа въ Тобольскѣ. Исполняя ваше желаніе, приступаю къ дѣлу. Мы слыхали о Делиляхъ, Клеро, Кассини и, получивъ извѣстіе, что въ Тобольскъ ѣдетъ изъ Парижа астрономъ, мы думали встрѣтить человѣка въ родѣ тѣхъ, которыхъ я назвалъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали у насъ звѣздочета, посвященнаго въ таинства боговъ; но вмѣсто того къ намъ пріѣхалъ въ двухъ дрянныхъ саняхъ вертопрахъ въ голубой шинелѣ, худо скроенной и еще хуже отдѣланной; у него было два спутника: Швейцарецъ и Чухонецъ. Мы очень удивились, встрѣтивъ, сверхъ нашего ожиданія, человѣка, болтавшаго безъ умолку и безъ толку, изрекавшаго въ одно и тоже время приговоры и о звѣздахъ млечнаго пути, и о томъ, какъ слѣдуетъ наряжаться, твердившаго о политикѣ и предлагавшаго всякія преобразованія во всемъ, что попадалось ему на глаза, кромѣ развѣ дѣлъ церковныхъ. Онъ сблизился съ нашимъ архіереемъ, который былъ бы довольно хорошимъ человѣкомъ, если бы не набрался изувѣрства въ Польскихъ католическихъ училищахъ. Аббатъ только прикидывается философомъ; въ сущности онъ монахъ до мозга костей. Благодаря этому обстоятельству, онъ сошелся съ архіереемъ, увѣрилъ его въ своей дружбѣ, и тотъ предался ему. Въ первые дни нашъ гость безпрестанно разсказывалъ намъ о праздникахъ Рампоно, о бульварныхъ фарсахъ, о распрѣ между іезуитами

и аптекарями, объ уставахъ Сорбонны, и все это съ высокомѣріемъ, которое намъ страшно надоѣло. Говоря о произведеніяхъ словесности, онъ невѣрно приводилъ нѣкоторыя мѣста изъ писателей, и разсердился, когда ему замѣтили это. Вѣроятно онъ разсчитывалъ на наше совершенное невѣжество и на пословицу: „Кривой—царь между слѣпцами.“ Когда ему принесли самыя книги и уличили въ ошибкахъ, онъ не могъ надивиться, что въ Тобольскѣ есть книги и былъ внѣ себя, узнавъ, что къ намъ доходятъ даже и сочиненія, которыя запрещены Сорбонною и Папою: и Бэль, и Орлеанская Дѣва, и Духъ Законовъ, Вольтеръ и Корнель. Каково чудо, такія книги въ Сибири, а во Франціи ихъ читаютъ украдкою. Ежели бы г. аббатъ не слишкомъ торопился и постарался узнать въ Россіи людей порядочныхъ, то Сибирь не такъ бы удивляла его. Въ Тобольскѣ мало по малу онъ познакомился со многими дамами, и всегда желалъ бесѣдовать съ женщинами; но тѣ только краснѣли отъ его разговоровъ и, сохраняя собственное достоинство, на первыхъ же порахъ стали избѣгать его, чтобы не слышать наглостей. Тщеславный аббатъ воображалъ, что онѣ это дѣлаютъ по причинѣ ревности мужей своихъ, тогда какъ, обсудивъ свое поведеніе, онъ скорѣе долженъ бы былъ удивляться снисхожденію нашихъ мущинъ; потому что даже въ Парижѣ врядъ ли бы онъ отдѣлался такъ дешево. Не вхожу въ подробности, потому что онѣ отвратительны.

„Онъ началъ читать Плюша, и книга эта внушила ему желаніе обогатить естественную исторію по отдѣламъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеній. Первая часть показалась ему самою легкою; но такъ какъ онъ плохо зналъ даже и свою родину, то все, что̀ ни попадалось ему на глаза, почиталъ рѣдкимъ и достойнымъ собиранія. Можно было подумать, что онъ намѣренъ отправить цѣлый караванъ въ Парижскую академію. У тогдашняго губернскаго прокурора графа Пушкина находился въ услуженіи булочникъ Французъ, Шаберъ, родомъ изъ Гасконіи; онъ тотчасъ же смекнулъ, что̀ за человѣкъ г. Шаппъ, и началъ занимать его разсказами о свойствахъ разныхъ Сибирскихъ животныхъ, насѣкомыхъ и другихъ рѣдкостей. Однажды онъ принесъ ему таракановъ, которыхъ, какъ извѣстно, такъ много водится въ избахъ у нашихъ крестьянъ; онъ его увѣрилъ, будто тараканы лѣтомъ поютъ на деревьяхъ, какъ кузнечики, и что они также опасны какъ скорпіоны. Аббатъ купилъ себѣ двѣ дюжины таракановъ по пятаку за штуку и тщательно сберегалъ ихъ въ подарокъ Академіи. Въ другой разъ Щаберъ продалъ ему за два съ полтиною утку, купленную имъ въ ближней лавочкѣ за двѣ копѣйки. Гасконецъ убѣдилъ аббата, будто у этой утки змѣиная голова.

Но Шаберу удалось еще хуже насмѣяться надъ своимъ соотечественникомъ. Онъ увѣрилъ его, что изъ Китая прибылъ караванъ со множествомъ рѣдкостей, купленныхъ на казенный счетъ и которыхъ будто бы нельзя было иначе достать какъ укравши ихъ, потому что ихъ везутъ для Петербургской академической кунсткамеры. Аббатъ далъ ему денегъ подкупить начальника каравана, и Шаберъ привелъ къ нему мальчика, будто бы изъ каравана, съ пузыречкомъ, содержавшимъ въ себѣ какое-то насѣкомое изъ Пегу, которое будто бы питается только зеленымъ чаемъ; аббатъ заплатилъ за него три рубля. Оказалось, что это большая и скверная муха, которую булочникъ Шаберъ поймалъ у себя въ огородѣ. Послѣ Плюша аббатъ читалъ путешествія въ Америку Делакондамина и Буже и вздумалъ подражать этимъ писателямъ, изслѣдовалъ землю, замѣчалъ холодъ, взрывалъ почву и увѣрялъ, что онъ производитъ нивеллировку посредствомъ барометра, котораго однако у него не было, потому что онъ привезъ въ Тобольскъ какіе-то два-три куска отъ разбитыхъ барометровъ; по образцу ихъ ему дѣйствительно сдѣлали барометры на архіерейскомъ дворѣ, но до такой степени плохіе, что въ нихъ не было двухъ полудюймовъ равнаго діаметра, и съ такими-то барометрами и термометрами онъ дѣлалъ вычисленія, нивеллировалъ и производилъ свои физическіе опыты. Я въ этихъ дѣлахъ не свѣдущъ; но у насъ говорятъ, что эта барометрическая нивеллировка аббата Шаппа просто смѣшна и никуда негодится и что, во всякомъ случаѣ, для такихъ работъ нужно гораздо больше времени, чѣмъ сколько употребилъ онъ на свое путешествіе. Въ Тобольскѣ смѣялись надъ нимъ, и мнѣ часто бывало его жалко. Для забавы ему разсказывали разные невѣроятные случаи, которымъ онъ вѣрилъ. Но всего забавнѣе, что этотъ наблюдатель, котораго такъ ждали и отъ котораго думали насмотрѣться столькихъ чудесъ, занимавшійся вздорами, влюблявшійся и желавшій быть любезнымъ, что этотъ другъ архіерея и потѣха булочника Шабера, воображалъ себя человѣкомъ всеобъемлющимъ, и повсюду дѣлалъ только глупости и наглости, заслужившія ему презрѣніе жителей. Изслѣдуя небо и землю, онъ забылъ о самомъ главномъ, т. е. о своемъ большомъ телескопѣ въ девятнадцать футовъ, вѣсомъ въ двѣсти сорокъ фунтовъ. Наконецъ его убѣдили вынуть изъ ящика эту трубу; ее приладили, но она стала гнуться; академикъ таращитъ глаза и не можетъ надивиться, какъ онъ не сообразилъ впередъ, что красная мѣдь металлъ очень гибкій и что труба изъ него, даже и не такого вѣса, должна была погнуться отъ одной длины своей; при самой малой опытности слѣдовало предпочесть жесть или латунь, и ему присовѣтовали ихъ.

На другой день начались крики и хлопоты, какъ бы достать, во чтобы-то ни стало, латуни или жести и какого нибудь паяльщика. Наконецъ въ Тобольской тюрьмѣ сыскали лудильщицу, сидѣвшую тамъ за преступленіе. Благодаря ей, аббатъ получилъ возможность увѣковѣчить свое имя, какъ наблюдатель прохожденія Венеры мимо Солнца. Обсерваторія его помѣщалась не за четверть мили отъ города, а на одной изъ крѣпостныхъ стѣнъ; онъ пригласилъ туда и городъ и слободы, и дѣйствительно къ нему приходило такъ много народу, что было бы чудомъ, ежели бы наблюденія его оказались точны: потому что во все время аббатъ наблюдалъ, кричалъ писцу, пускался въ разсужденія съ присутствовавшими, хохоталъ съ весельчаками, любезничалъ съ дамами и спорилъ съ г. Павлутскимъ на счетъ Апокалипсиса и скончанія міра. Ему не было человѣческой возможности наблюдать, какъ слѣдуетъ, даже и нѣсколько секундъ. Честь имѣю быть и пр.“

Возвращаемся къ книгѣ. На страницѣ CLIV (247) г. Шаппъ разсказываетъ объ открытіи и завоеваніи Сибири, и говоритъ, что начальникъ казаковъ назывался Термакъ Тимофеивичъ. Аббатъ, какъ видно, предпочитаетъ букву *T*, буквѣ *E*, во всякомъ случаѣ этотъ казакъ назывался Ермакомъ, а не Термакомъ. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе Тобольска съ гравированнымъ видомъ этого города. На CLV (249) страницѣ аббатъ замѣчаетъ, какъ „опасно взбираться въ городъ, потому что гора, на которой онъ стоитъ, вся изъ сыпучаго песку,“ при чемъ разсказывается, какъ однажды, возвращаясь съ прогулки и подымаясь по тропинкѣ на гору, онъ былъ испуганъ тѣмъ, что справа отъ него земля обвалилась; просимъ замѣтить, что между горою и Иртышемъ расположена была довольно значительная слобода, которая означена и на гравюрѣ, слѣдовательно гора не такъ-то близка отъ рѣки. Чего же такъ испугался г. академикъ? Оказывается, что бѣда не такъ была велика, потому что онъ самъ съ важностью прибавляетъ: „Только и случилось съ нами, что мы влѣзли на гору скорѣе, чѣмъ предполагали.“ На стр. CLVI (249) онъ говоритъ: „Въ городѣ губернаторъ, управляющій почти всею Сибирью, и подъ его начальствомъ канцелярія изъ пятнадцати совѣтниковъ, которые вѣдаютъ гражданскія и военныя дѣла; губернаторъ распоряжается почти какъ государь, потому что удаленъ отъ двора миль на восемьсотъ, и правда рѣдко доходитъ до престола; вообще губернаторамъ легко злоупотреблять своею властью, что́ они почти всегда и дѣлаютъ.“ Сибирь нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Тобольскую и Иркутскую. Каждый губернаторъ въ Россіи имѣетъ при себѣ канцелярію или совѣтъ, безъ которой онъ ничего не можетъ сдѣлать;

но ни въ одной канцеляріи нѣтъ пятнадцати совѣтниковъ, ибо у насъ должности не продаются, и намъ не нужно столько дармоѣдовъ. Губернаторъ завѣдуетъ гражданскими дѣлами, военные не по его части; они зависятъ отъ генерала, начальствующаго надъ областными войсками, а генералъ отъ военной коллегіи; губернаторъ безъ сомнѣнія начальствуетъ надъ канцеляріею, и въ случаѣ равенства голосовъ, его голосъ имѣетъ силу рѣшенія. Аббатъ ошибается, говоря, что губернаторъ распоряжается почти какъ государь: губернаторы дѣлаютъ только такія распоряженія, кои постановлены закономъ и не противорѣчатъ ему. Вообще говоря, наши губернаторы имѣютъ много власти для того, чтобы дѣлать добро, а что̀ касается до зла, то на сей предметъ крылья у нихъ коротко обрѣзаны. Слова аббата, будто правда рѣдко доходитъ до престола и пр. суть чистое злорѣчіе. Не всѣ губернаторы удалены на восемьсотъ миль, а только Сибирскіе, слѣд. ихъ онъ опорочилъ, а зналъ онъ только одного Тобольскаго губернатора г. Соймонова. Пристало ли ему воздавать зломъ за добро, платить неблагодарностью за вѣжливость, вниманіе и за существенныя услуги, которыми онъ пользовался? Авторъ сообщаетъ, что „для противодѣйствія этой власти (губернаторской) Петръ I учредилъ новую должность. Облеченный ею называется прокуроромъ и не зависитъ ни отъ губернатора, ни отъ канцеляріи; онъ занимаетъ первое мѣсто послѣ губернатора, и нѣкоторыя рѣшенія канцеляріи и губернатора проводятся не иначе какъ одобренныя прокуроромъ.“ Должность прокурора учреждена Петромъ Великимъ, для того, чтобы облеченный ею во всякомъ мѣстѣ слѣдилъ за производствомъ дѣлъ, и чтобы никакое дѣло не рѣшалось въ противность законамъ и указамъ. Въ законахъ Петра I прокуроры названы окомъ государевымъ. Они всѣ зависятъ отъ генералъ-прокурора, который даетъ отчетъ только Государю. За тѣмъ аббатъ хвалитъ графа Пушкина, тогдашняго губернскаго прокурора въ Тобольскѣ. Сказавъ про него, что онъ жилъ по философски, занимался науками и имѣлъ отборную библіотеку, г. Шаппъ прибавляетъ: „Образованность смягчила его нравы и характеръ и сообщила ему довольно рѣдкую въ тѣхъ мѣстахъ людкость. Онъ чуждался варварскаго народнаго предразсудка, по которому жена считается рабою; его жена была ему лучшимъ другомъ, имѣла право свободно предаваться нѣжнымъ влеченіямъ души своей и могла составлять счастье своего мужа.“ Замѣтьте, читатель, только что аббатъ хоть сколько нибудь похвалитъ Русскаго человѣка, онъ спѣшитъ прибавить какую нибудь клевету. Можно подумать, что ему жаль произнести малѣйшее благопріятное слово о нашей землѣ и,

чтобы вознаградить себя, онъ какъ можно скорѣе приплетаетъ какое нибудь оскорбительное замѣчаніе. Такъ напр. откуда онъ взялъ, будто въ Россіи есть варварскій народный предразсудокъ, по которому жена считается рабою? Аббатъ выдумалъ этотъ предразсудокъ; онъ не могъ слышать объ немъ въ Россіи, гдѣ женщины пользуются весьма достаточною свободою, и гдѣ ни одинъ мущина, подъ опасеніемъ прослыть у честныхъ людей за глупца, не посмѣетъ утверждать, будто жена его ему раба. Во многихъ странахъ мужья увѣряли, что главенство въ домѣ принадлежитъ имъ по праву божественному и человѣческому. По всей вѣроятности и аббатъ, всегда склонный къ необдуманнымъ выводамъ, сталъ бы разсуждать слѣдующимъ образомъ: то, что́ въ другихъ странахъ Государь, то въ Россіи деспотъ; въ домахъ есть только господа, да слуги. Женщина въ домѣ, домъ принадлежитъ мужу, слѣдовательно она раба. Увѣряю васъ, читатель, что только такимъ предположеніемъ или еще дурнымъ нравомъ аббата можно объяснить себѣ, откуда ему пришло въ голову, будто у насъ „существуетъ варварскій народный предразсудокъ, по которому жена считается рабою.“ Ибо въ дѣйствительности этого предразсудка нѣтъ, и женщины пользуются даже бо́льшею свободою, чѣмъ въ другихъ Европейскихъ странахъ; да кромѣ того гражданскіе законы въ Россіи оказываютъ имъ большое покровительство. Замужняя женщина можетъ безъ вѣдома мужа располагать всѣмъ достояніемъ, которое она принесла въ домъ. Она наслѣдуетъ седьмую часть послѣ мужа, если онъ не сдѣлалъ ей какого нибудь подарка. Приданое ея принадлежитъ ей, а не ея мужу; ежели оно прожито при жизни мужа, то, по смерти его, наслѣдники должны возвратить приданое вдовѣ. Когда нѣтъ у нея брата или племянника, то она единственная наслѣдница своихъ родителей. Ужъ не думаете ли вы, г. аббатъ, что женщины, столь покровительствуемыя закономъ, позволятъ изъ себя сдѣлать рабынь? Къ концу CLVII (250) и въ началѣ CLVIII (251) стр. г. д'Отерошъ изображаетъ тогдашняго Сибирскаго губернатора г. Соймонова. Видно, что онъ на него сердитъ; но справедливость требуетъ сказать, что г. Соймоновъ, который теперь вышелъ въ отставку и которому около ста лѣтъ отъ роду, былъ человѣкъ высокихъ достоинствъ; послѣ своего губернаторства онъ былъ сенаторомъ, и во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ дѣйствовалъ съ талантомъ и съ отличіемъ. Затѣмъ, любезный читатель, вы узнаете отъ г. Шаппа, что „въ Тобольскѣ есть архіепископъ, епархію котораго составляетъ большая часть Сибири. Человѣкъ, занимавшій тогда эту каѳедру, былъ родомъ Полякъ; онъ не имѣлъ обширныхъ свѣдѣній, но зналъ хорошо латинскій

языкъ и библію. Его ревность къ религіи доходила до самаго крайняго изувѣрства. Онъ постоянно преслѣдовалъ Магометанъ и язычниковъ вокругъ Тобольска, съ цѣлью обратить ихъ къ Греческой вѣрѣ. Впрочемъ онъ былъ вѣжливъ и очень любезенъ въ обществѣ.“ Это подлинныя слова сочинителя; а передъ тѣмъ недавно аббатъ выставлялъ этого архіерея-гонителя человѣкомъ образцовымъ. Въ другомъ мѣстѣ г. д'Отерошъ проповѣдывалъ терпимость. Если бы мы не видали всего этого напечатаннымъ съ королевскаго одобренія, то трудно было бы себѣ вообразить, какимъ образомъ академикъ могъ наговорить такъ много и столь рѣзкихъ несообразностей. Тѣмъ не менѣе, онъ находитъ этого архіерея-гонителя „любезнымъ въ обществѣ.“ Но о вкусахъ спорить не слѣдуетъ. У аббата безъ сомнѣнія свой вкусъ; дай вамъ Богъ, г. аббатъ, провести остатокъ дней вашихъ съ самыми любезными инквизиторами, какихъ только вамъ удастся встрѣтить. Авторъ продолжаетъ: „кромѣ этихъ главныхъ чиновниковъ въ Тобольскѣ былъ еще великій генералъ, имѣвшій значительный чинъ въ военной службѣ.“ Во всей Россійской имперіи, читатель, вы не встрѣтите человѣка, который бы имѣлъ титулъ великаго генерала. Аббатъ прибавляетъ, что „это былъ человѣкъ безхарактерный, суевѣрный и слабоумный; онъ заодно съ народомъ думалъ, что пріѣздъ мой въ ихъ сторону былъ причиною разлитія Иртыша, и что рѣка эта не вступитъ въ свои берега, пока я не уѣду назадъ.“ Великій генералъ слабоумный! Подумаешь, что кто нибудь поручилъ смотрѣть за нимъ аббату; уже сказано, что великаго генерала не бывало, а въ числѣ Русскихъ генераловъ до сихъ поръ никто не встрѣчалъ слабоумнаго; да чтобы сдѣлаться слабоумному генераломъ, надобно быть ему очень знатнаго рода, а такого человѣка въ то время не было въ Тобольскѣ, какъ я навѣрное знаю. И такъ смѣло опровергаю то, что аббатъ съ такою самоувѣренностію говоритъ о слабоумномъ великомъ генералѣ. Остановимся теперь немного на словахъ: человѣкъ безхарактерный и суевѣрный, думавшій за одно съ народомъ, что г. Шаппъ былъ причиною разлитія Иртыша. Въ то время, когда авторъ этой толстой опровергаемой мною книги находился въ Тобольскѣ, тамъ жилъ нѣкто г. Павлуцкій, съ давнихъ поръ повредившійся въ разсудкѣ отъ чтенія Апокалипсиса, который ему всячески хотѣлось объяснить. Онъ спроста думалъ, что астрономъ долженъ быть астрологомъ, и поэтому обращался къ аббату съ вопросами о скончаніи міра; онъ былъ суевѣренъ и можетъ быть опрометчивъ въ своихъ заключеніяхъ, какъ бываютъ аббаты; онъ вѣрилъ, что человѣкъ, читавшій будущее по звѣздамъ, долженъ былъ принести несчастіе городу. Аббатъ,

обобщитель по ремеслу, обобщаетъ понятія г. Павлуцкаго и приписываетъ ихъ всему народу; онъ говоритъ, что въ разлитіи Иртыша обвиняли его, аббата. Ниже мы скажемъ объ этомъ возвышеніи воды, въ которомъ не было ничего чудеснаго. На самомъ дѣлѣ народъ и не думалъ объ аббатѣ; когда установили его телескопъ въ 19 футовъ длиною, то простолюдины сочли его машиною для выкачиванія воды. Разлитіе Иртыша, случившееся во время пребыванія въ Тобольскѣ г. д'Отероша, вовсе не было такъ сильно и уступало въ размѣрахъ наводненію, бывшему двадцать лѣтъ назадъ. Вода залила лишь немногія улицы; соль вывозили изъ амбаровъ единственно изъ предосторожности, боясь, чтобы вода не поднялась также высоко, какъ и въ первый разъ. Промоины въ горѣ и обвалы были обыкновенные; въ нижнемъ городѣ домовъ вовсе не сносило, и никто не погибъ. Сказавъ на стр. CLIX (253), что „всѣ совѣтники канцеляріи и многіе купцы въ Тобольскѣ живутъ весьма прилично", авторъ прибавляетъ: „въ гарнизонѣ, состоящемъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, много офицеровъ, которые только и думаютъ объ удовольствіяхъ." Въ другомъ мѣстѣ этой книги вы встрѣтите, что аббатъ называетъ народъ печальнымъ и молчаливымъ, не знающимъ ни плясокъ, ни игръ; но я поговорю объ этомъ послѣ и покажу, что аббатъ ошибается всякій разъ, какъ начнетъ утверждать, будто мы не любимъ веселиться. Слѣдуетъ исчисленіе духовенства и городскихъ священниковъ, заключающееся такими словами: „изъ нихъ трое знаютъ по латыни, въ томъ числѣ архіерей." Сочинитель не знаетъ, что латынь почти вовсе не нужна нашимъ священникамъ, и что лишь бы они учились по гречески, въ незнаніи латыни всегда можно извинить ихъ, потому что языкъ этотъ, который можетъ обогатить только ихъ личныя познанія, вовсе не нуженъ для ихъ служенія: вѣра наша Греческая и не имѣетъ ничего общаго съ Латинскою, которая отдѣлилась отъ нашей съ тѣхъ поръ какъ папы начали злоупотреблять неподобающею имъ властію. Г. Шаппъ продолжаетъ: „Во всякомъ другомъ мѣстѣ могло бы составиться пріятное общество изъ этихъ различныхъ сословій, изъ людей военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, духовенства и купцовъ; должностныя лица большею частію присланы изъ Петербурга и изъ Москвы." По словамъ аббата, эти люди вездѣ въ другомъ мѣстѣ составили бы изъ себя пріятное общество, но въ Тобольскѣ авторъ не дозволяетъ имъ этого; для него любезенъ въ обществѣ былъ только архіерей, гонитель и изувѣръ. Легко понять, что въ Тобольскомъ обществѣ ему стало не весело, потому что женщины, которыхъ онъ любитъ, принуждены были бѣгать отъ него; кромѣ того, онъ всему только удивлялся, все его

поражало, все ему казалось странным, обо всемъ онъ судилъ вкривь и вкось и объяснялся черезъ переводчика, стало быть можно простить ему, если онъ находилъ Тобольское общество непріятнымъ; кажется, ему платили тѣмъ же. Слѣдуетъ описаніе города Тобольска, исчисленіе каменныхъ домовъ и общественныхъ зданій; тамъ, по его словамъ, есть грязь на улицахъ, деревянные мосты и повозки, потому что, прибавляетъ аббатъ, дерево, лошади и кормъ ихъ продаются по низкой цѣнѣ.“ Обо всякомъ другомъ мѣстѣ онъ сказалъ бы, что лошади и кормъ ихъ продаются по дешевой цѣнѣ (à bas prix); но такъ какъ рѣчь идетъ о Русскомъ городѣ, то онъ говоритъ „по низкой цѣнѣ“ (à vil prix). Замѣтимъ мимоходомъ и вкратцѣ, что подобныя небольшія отрыжки желчи появляются у сочинителей обыкновенно, смотря по тому состоянію духа, въ которомъ они находятся. Г. д'Отерошъ говоритъ: „Мущины въ Сибири, какъ и почти во всей Россіи, велики ростомъ, крѣпкаго и хорошаго сложенія, любятъ чрезвычайно женщинъ и водку. Будучи рабами государя-деспота, они съ такою же деспотическою властію гнетутъ своихъ рабовъ или подчиненныхъ.“ Эта любовь къ женщинамъ, къ водкѣ, эти рабы и этотъ деспотъ, о которыхъ аббатъ твердитъ на каждой страницѣ и часто ни къ селу ни къ городу, надоѣли мнѣ до чрезвычайности. Кой чортъ, да ктоже не любитъ женщинъ, г. аббатъ? Неужели вы хотите, чтобы родъ человѣческій погибъ; да вы сами находите всѣхъ женщинъ хорошенькими; и въ Тобольскѣ не вы ли заставляли ихъ бѣгать отъ вашихъ предложеній, и позволяли себѣ наглости, ужъ конечно не для одной только забавы? Я положительно отвергаю и называю злою и лживою выдумкою обвиненіе всего народа въ чрезмѣрномъ употребленіи водки; потому что ежели счесть людей употребляющихъ ее и тѣхъ, которые вовсе не пьютъ, то послѣднихъ окажется несравненно больше. Замѣтьте, читатель, что аббатъ съ важностію говоритъ: „будучи рабами государя-деспота, они съ съ тою же деспотическою властію гнетутъ своихъ рабовъ или подчиненныхъ.“ Между тѣмъ въ Сибири нѣтъ ни одного помѣщика, слѣдовательно господа, которые, какъ очевидно, вовсе не суть рабы деспота (гнусное названіе, дерзко и неизвѣстно почему прилагаемое аббатомъ къ нашимъ государямъ) не могутъ угнетать рабовъ, такъ какъ, за неимѣніемъ въ Сибири помѣщиковъ, нѣтъ въ ней и рабовъ. Начальники еще менѣе могутъ угнетать подчиненныхъ; потому что, власти ихъ положены предѣлы, о которыхъ подчиненный знаетъ; и какъ скоро предѣлы нарушены, подчиненный не потерпитъ угнетенія отъ начальниковъ, и сіи послѣдніе подвергаются опасности быть наказанными.

На CLX (255) стр. вы найдете похвалу красотѣ Тобольскихъ женщинъ; аббатъ находитъ въ нихъ одинъ только недостатокъ: ноги и ступни слишкомъ толсты. Надобно быть весьма любопытнымъ, чтобы подглядѣть ноги у всѣхъ женщинъ, а наши женщины носятъ очень длинныя юбки. Онъ прибавляетъ: „по видимому природа поступила въ этомъ случаѣ предусмотрительно: женщины полнѣютъ и для тяжести ихъ тѣла необходимо опираться на крѣпкія ноги". Касательно полноты, которою отличается нашъ женскій полъ, я замѣчу вообще, что она происходитъ, какъ кажется, отъ трехъ причинъ: во первыхъ, женщины у насъ родятъ много дѣтей, обыкновенно по десяти и часто больше; во вторыхъ, частая беременность не позволяетъ имъ стягиваться, да они и мало заботятся объ таліи; третья причина, еще важнѣе двухъ первыхъ, состоитъ въ томъ, что наши женщины держатся дурной привычки почти постоянно что нибудь ѣсть и при этомъ слишкомъ много лежатъ или сидятъ. Есть еще и четвертое обстоятельство, именно то, что наши мущины вовсе не любятъ скелетовъ. Мѣщанинъ очень доволенъ, когда у него жена полна; онъ ее любитъ, и она благоденствуетъ. Аббатъ говоритъ, что „бани по два раза въ недѣлю особенно способствуютъ къ безобразію таліи, что отъ нихъ всѣ части тѣла опускаются. И отъ того женщины, даже раньше тридцати лѣтъ, кажутся увядшими". Это несправедливо, какъ мы показали выше. Никто не ходитъ въ баню по два раза въ недѣлю, немногіе ходятъ по разу, а многіе и не ходятъ вовсе, либо очень рѣдко. Большая часть нашихъ женщинъ въ тридцать лѣтъ вовсе не кажутся увядшими, а нѣкоторыя очень долго сохраняютъ красоту свою. Затѣмъ авторъ сообщаетъ, что мужская и женская одежда въ Тобольскѣ похожа на Европейскую, что лишь немногіе сохранили старинную одежду, что оба пола обыкновенно одѣваются богато, и что ткани получаются изъ Москвы и изъ Китая. Но въ Тобольскѣ, также какъ и во всей Россіи, мущины и женщины, хотя и ходятъ въ бани по два раза въ недѣлю, очень нечистоплотны. Женщины рѣдко перемѣняютъ бѣлье; у нихъ нѣтъ всѣхъ этихъ мелкихъ подробностей костюма, которыя такъ плѣнительны въ Европейскихъ женщинахъ, когда они бываютъ въ такъ называемомъ *неглиже*, которое иногда лучше всякаго наряда; отъ этого рѣдко случается присутствовать при туалетѣ Русскихъ женщинъ". Г. Шаппъ сказалъ: „но въ Тобольскѣ также какъ и во всей Россіи, мущины и женщины, хотя и ходятъ въ баню по два раза въ недѣлю, очень нечистоплотны". Если они дѣйствительно ходятъ въ баню по два раза въ недѣлю, то трудно имъ быть нечистоплотными.

Аббату хотѣлось бы увѣрить, что у насъ ходятъ по два раза въ недѣлю въ баню, онъ безпрестанно твердитъ объ этомъ; но я не понимаю, какая ему отъ этого выгода. По всей вѣроятности, это неправда. Поговоримъ теперь о нечистоплотности, въ которой онъ насъ обвиняетъ. Онъ говоритъ: „женщины рѣдко мѣняютъ бѣлье". Откуда онъ это знаетъ, развѣ онъ разсматривалъ женскія рубашки? Не глядѣлъ ли онъ на нихъ въ свою трубу, чтобы убѣдиться въ ихъ нечистотѣ? Какимъ образомъ аббатъ позабылъ о своемъ званіи и занялся подобнымъ разбирательствомъ женскаго наряда? Видно, что онъ рѣдко бывалъ въ порядочномъ обществѣ, потому что онъ говоритъ: „у нихъ нѣтъ этихъ мелкихъ подробностей костюма, которыя такъ плѣнительны въ Европейскихъ женщинахъ, когда они бываютъ въ такъ называемомъ *неглиже*, которое иногда лучше всякаго наряда; отъ этого рѣдко случается присутствовать при туалетѣ Русскихъ женщинъ". Вамъ бы слѣдовало г. аббатъ, просто пожалѣть, что вы не бывали при ихъ туалетѣ, а не обвинять женщинъ (которыя часто одѣваются по долгу и бываютъ разряжены съ головы до ногъ) въ томъ что онѣ не знаютъ всѣхъ этихъ мелкихъ подробностей костюма и бездѣлушекъ, которыя столь плѣнительны на ваши глаза, и которыя кружатъ имъ голову въ Россіи точно также какъ и во Франціи.

Онъ продолжаетъ на страницѣ CLXI (258): „въ Тобольскѣ и почти во всей Россіи въ домахъ самыхъ знатныхъ лицъ бываетъ одна только кровать для мужа и жены и еще нѣсколько для дѣтей, а всѣ остальныя лица въ домѣ спятъ обыкновенно на лавкахъ или на войлокахъ, которые они разстилаютъ по полу въ разныхъ комнатахъ. Кровати безъ занавѣсокъ, а изголовьемъ служатъ для мужа и жены по семи или по восьми подушекъ, одна другой меньше, образующихъ двѣ пирамиды. Эта кровать составляетъ обыкновенно ихъ главную мебель. Въ Тобольскѣ въ такой комнатѣ бываетъ нѣсколько деревянныхъ стульевъ, огромная печь и маленькій столъ". Вотъ ужъ есть надъ чѣмъ помереть со смѣху. Какъ, „въ Тобольскѣ и почти во всей Россіи въ домахъ знатныхъ лицъ только одна кровать для мужа и для жены? Кровать эта обыкновенно безъ занавѣсокъ и составляетъ главную мебель, да еще нѣсколько деревянныхъ стульевъ, огромная печь и маленькій столикъ?" Да вы въ самомъ дѣлѣ вовсе не боитесь никакой улики, потому что утверждаете безстыдно такія глупости. Развѣ вы одни только и путешествовали по Россіи? Знаете ли, по вашимъ словамъ можно подумать, что вы никогда не бывали въ порядочныхъ домахъ дальше калитки. Вы, вѣроятно бывали въ Тобольскѣ только у незначительныхъ ремесленни-

ковъ, да и у тѣхъ, кажется, комнаты бываютъ лучше убраны, чѣмъ вы разсказываете про знатныхъ лицъ. Жаль мнѣ, что у меня на кровати нѣтъ двухъ пирамидъ въ семь или въ восемь подушекъ, о которыхъ вы толкуете; я бы изъ нихъ сдѣлалъ теперь прекрасное употребленіе. Знаете, что я побросалъ бы ихъ одну за другою вамъ въ голову, съ тѣмъ чтобы научить васъ, что лгуны заслуживаютъ тѣлеснаго наказанія.

Въ примѣчаніи онъ изволитъ говорить: „Въ 1663 г. бояре (знатныя лица) спали на доскахъ или на скамейкахъ, на которыхъ разстилалась кожа или одѣяло; въ домахъ не было мебели, и ѣли почти вездѣ безъ столоваго бѣлья“; и онъ ссылается на почтенное имя г. Вольтера (Исторія Россіи, томъ I. стр. 20) Олеарій утверждаетъ тоже; онъ говорилъ какъ путешественникъ, увѣрявшій будто все видѣлъ; тѣмъ не менѣе Олеарій ошибался. Старинный обрядъ нашихъ свадебъ это показываетъ: тамъ съ великими подробностями говорится о накрываніи столовъ, о столовомъ бѣльѣ, о кроватяхъ, пуховыхъ постеляхъ, тюфякахъ, одѣялахъ, подушкахъ и пр. Этотъ свадебный обрядъ соблюдался не у однихъ царей; почти такой же бывалъ и у другихъ зажиточныхъ людей; слѣды этихъ обычаевъ сохранились до сихъ поръ въ нашихъ городахъ и даже въ деревняхъ, у всѣхъ сколько нибудь достаточныхъ людей. Кромѣ того, слѣдуетъ припомнить, что Скиѳы всегда презирали нѣгу, что Аттила не умѣлъ понять, какъ люди, имѣющіе обычай ѣсть мясо на постеляхъ, могутъ сражаться. Съ другой стороны вспомните, читатель, что во времена Варѳоломѣевской ночи во Франціи цѣлыя семьи обыкновенно сыпали на одной постелѣ; ряды пустыхъ комнатъ тогда не существовали; ихъ было столько, сколько было нужно для помѣщенія. Вообще во всѣхъ странахъ, въ прошлые вѣка, не было той роскоши, какую мы видимъ теперь. Аббатъ говоритъ, что въ его время въ Тобольскѣ ни въ одномъ домѣ не знали никакихъ ковровъ и обоевъ. Но убрать комнату обоями очень легко; самую маленькую лавочку оклеиваютъ бумажными обоями; эти обои продаются по восьми копѣекъ штука. Онъ прибавляетъ: „мущины въ Тобольскѣ и почти во всей Россіи чрезвычайно ревнивы къ женамъ; но за Москвою они рѣдко бываютъ съ ними, а проводятъ большую часть дня въ пьянствѣ и обыкновенно хмѣльные возвращаются домой. Женщины рѣдко выходятъ изъ дому; онѣ живутъ однѣ, предаваясь скукѣ и праздности, отъ которыхъ портятся ихъ нравы“. Вышеприведенное письмо изъ Тобольска показываетъ, что это обвиненіе тамошнихъ жителей въ ревности произошло единственно отъ того, что женщины бѣгали отъ неприличныхъ выходокъ аббата. Г. академикъ

слишкомъ лестно думаетъ о своей особѣ, и потому такое обхожденіе съ нимъ Тобольскихъ женщинъ рѣшается скорѣе приписать ревности мущинъ, нежели собственной невѣжливости. Сказавъ: „мущины чрезвычайно ревнивы къ женамъ въ Тобольскѣ“, онъ прибавляетъ: „и почти во всей Россіи; но за Москвою они рѣдко бываютъ съ ними“. Сіи послѣднія слова: они рѣдко бываютъ съ ними, находятся въ противорѣчіи съ чрезмѣрною ревностію; а если правда, что они проводятъ большую часть дня въ пьянствѣ и возвращаются домой обыкновенно хмѣльные, то такое ежедневное препровожденіе времени несомнѣнно доказываетъ, что ревности тутъ нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ ни ревности, ни пьянства вовсе нѣтъ въ такой степени, какъ увѣряетъ г. Шаппъ. Наши мѣщанки дѣйствительно рѣдко выходятъ изъ дому, но вовсе не отъ ревности мужей своихъ, а потому, что у насъ, какъ въ Германіи и другихъ странахъ, эти люди имѣютъ обычай ходить въ гости только по воскресеньямъ и по праздникамъ; они думаютъ, что, посѣщая сосѣда въ рабочіе дни, можно помѣшать ему. Надо къ этому прибавить, что у насъ праздниковъ больше, нежели въ протестантскихъ земляхъ. Г. Шаппъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ: „женщины выходятъ рѣдко изъ дому“; это повторяетъ онъ нѣсколько разъ, но тутъ прибавляетъ: „они живутъ однѣ, предаваясь скукѣ и праздности, отъ чего портятся ихъ нравы“. Тутъ опять противорѣчіе. Какъ же могутъ портиться ихъ нравы, ежели они остаются однѣ? И почему аббатъ знаетъ, что нравы ихъ испорчены отъ этой причины? Женщина, проводящая время дома и занимающаяся хозяйствомъ, какъ обыкновенно и дѣлаютъ женщины этого сословія, не знаетъ когда ей скучать и быть праздною: у нея на каждый день есть свои занятія. Изъ этого видно, какъ мало можно вѣрить г. д'Отерошу: говоря объ образѣ жизни нашей, онъ смѣшиваетъ различныя сословія, и обычаи ремесленниковъ выдаетъ часто за обычаи всего народа.

На стр. CLXII (259) онъ продолжаетъ: „тамъ не знаютъ вовсе нѣжной любви, этой принадлежности чувствительныхъ душъ, которой иногда не чужда бываетъ самая строгая добродѣтель. Тамъ нѣтъ любовниковъ, которые бы умѣли вдохнуть страсть въ женщину и своею горячностью, своими настояніями, наслаждаться ея замѣшательствомъ и сопротивленіемъ. Въ Сибири и почти во всей Россіи этихъ плѣнительныхъ отношеній не существуетъ; образованные нравы остальной Европы туда еще не проникли. Въ этихъ варварскихъ странахъ мужья тиранятъ женъ своихъ, обращаются съ ними какъ съ главными рабынями и требуютъ отъ нихъ самыхъ унизительныхъ услугъ: на свадьбѣ, жены съ великимъ торжествомъ подносятъ имъ пукъ розогъ и

снимаютъ съ нихъ сапоги,—это суть знаки превосходства мужа и рабства жены. Злоупотребляя болѣе чѣмъ гдѣ либо правомъ сильнаго, они установили самые несправедливые законы, противъ которыхъ до сихъ поръ ничего не могутъ сдѣлать женская красота и женская нѣжность. Послѣ этого не удивительно, что тамъ вовсе нѣтъ той деликатности чувствъ, которая бываетъ въ странахъ образованныхъ. Иногда, чтобы добиться счастья, нужно быть только дерзкимъ, если счастье при этомъ возможно; но случай къ тому представляется рѣдко. Женщинъ обыкновенно нельзя иначе видѣть, какъ въ присутствіи ихъ мужей; и если съ ними внимателенъ и любезенъ, то подвергаешься опасности больше уже не видать ихъ". Въ этомъ мѣстѣ аббатъ, дерзновенно проникая въ сокровенные тайники нашихъ душъ, раскрываетъ всю красоту собственной души, и въ тоже время чистоту своихъ нравовъ, въ противоположность нашей испорченности. Разберемъ приведенное мѣсто. Онъ говоритъ: „тамъ не знаютъ вовсе нѣжной любви, этой принадлежности чувствительныхъ душъ, которой иногда не чужда бываетъ самая строгая добродѣтель. Тамъ нѣтъ любовниковъ, которые бы умѣли вдохнуть страсть въ женщину своею горячностію, своими настояніями, наслаждаться ея замѣшательствомъ и сопротивленіемъ". Доказательствъ онъ не представляетъ, тѣмъ не менѣе говоритъ утвердительно, думая вѣроятно опереться на рабство женщинъ и на свадебные обряды. Я отрицаю какъ то, такъ и другое (вы увидите ниже, что авторъ противорѣчитъ себѣ); онъ прибавляетъ: „Въ Сибири и почти во всей Россіи этихъ плѣнительныхъ отношеній не существуетъ; образованные нравы остальной Европы туда еще не проникли". Замѣтьте пожалуйста, что аббатъ говоритъ здѣсь о замужнихъ женщинахъ; это несомнѣнно, потому что вслѣдъ затѣмъ у него идетъ особая рѣчь о нравахъ Тобольскихъ дѣвушекъ. Образованные нравы остальной Европы, которые къ намъ еще не проникли, заключаются, по мнѣнію аббата, въ возможности обольщать замужнихъ женщинъ. Онъ даже и не подозрѣваетъ въ этомъ ничего порочнаго; все приведенное мѣсто и упреки его имѣютъ въ виду эту, по его словамъ, „нѣжную любовь, принадлежность душъ чувствительныхъ"; и чтобы не оставить въ васъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ, онъ продолжаетъ: „въ этихъ варварскихъ странахъ мужья тиранятъ женъ своихъ, обращаются съ ними какъ съ своими главными рабынями и требуютъ отъ нихъ самыхъ унизительныхъ услугъ". Зачѣмъ вы, г. Шаппъ, почитаете Россію страною варварскою? У насъ въ XVIII вѣкѣ не судили ни Каласа, ни Де ла Барра. Выше мы показали, какъ неосновательно обвиненіе въ рабствѣ женщинъ. Онъ говоритъ,

что мужчины требуютъ отъ женщинъ самыхъ унизительныхъ услугъ. Онъ безпрестанно смѣшиваетъ разныя сословія народа. Крестьянки работаютъ какъ и вездѣ, жены ремесленниковъ и пр. занимаются своимъ хозяйствомъ, а женщины болѣе высокихъ сословій, женщины богатыя, занимаются домашними дѣлами даже менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Аббатъ сообщаетъ, что на свадьбѣ женщина подаетъ своему мужу пукъ розогъ и разуваетъ его, въ доказательство превосходства мужа и рабства жены. Г. Шаппъ въ этомъ случаѣ приписываетъ всѣмъ сословіямъ Русскаго народа старинный обычай Финскихъ крестьянъ, въ Россіи вовсе несоблюдаемый. Даже и у Финновъ этотъ обычай болѣе походитъ на шутку, чѣмъ на существенную принадлежность свадьбы; простонародіе выдумало для такихъ случаевъ разныя забавныя игры, и такъ какъ оно само грубо, то и забавы его отзываются грубостію. И такъ этотъ обычай не можетъ служить доказательствомъ верховенства мужа и рабства жены. Далѣе я нахожу слѣдующія слова: „Злоупотребляя болѣе чѣмъ гдѣ либо правомъ сильнаго, мущины постановили самые несправедливые законы, противъ которыхъ доселѣ ничего не могли сдѣлать женская красота и нѣжная нѣжность“. Какіе же это такіе столь несправедливые законы? Во всѣхъ извѣстныхъ странахъ мужъ почитается главою дома; выше показано, что законы даже покровительствуютъ женщинамъ; гдѣ же эти несправедливые законы, о которыхъ такъ разглагольствуетъ аббатъ? „Законы, говоритъ онъ, противъ которыхъ доселѣ ничего не могли сдѣлать женская красота и женская нѣжность“. У насъ нѣтъ ни одного такого закона, который бы низводилъ женщину на степень рабы или прислужницы мужа; Финскій обычай, упоминаемый г. Шаппомъ, ничего не доказываетъ. И такъ первая часть разсужденій г. д'Отероша, если я не ошибаюсь, оказывается ничѣмъ; но пойдемъ далѣе; онъ заключаетъ: „послѣ этого не удивительно, что тамъ нѣтъ той деликатности чувствъ, какая бываетъ въ странахъ образованныхъ“. Такъ какъ первая часть разсужденія опровергнута, то легко замѣтить, что это заключеніе основывается на одномъ только предположеніи; да и кромѣ того мы въ самомъ началѣ показали, въ чемъ, по мнѣнію аббата, заключаются деликатныя чувства странъ образованныхъ. Я не думаю, чтобы въ этихъ странахъ похвалили аббата за то, что лучшимъ цвѣтомъ образованности онъ почитаетъ удобство обольщать замужнихъ женщинъ. Онъ обвиняетъ насъ за то, что у насъ любовники не умѣютъ побѣждать женскую добродѣтель. Славные нравы у г. д'Отероша; ужъ не такъ ли онъ поступаетъ съ своими исповѣдницами? Вотъ руководитель совѣсти, очень напоминающій Де ла Кадіера.

Возвратимся къ разбираемому мѣсту. Г. Шаппъ даетъ публикѣ наставленіе, какъ нужно поступать съ женщинами: „иногда, чтобы добиться счастья, нужно быть только дерзкимъ, если счастіе при этомъ возможно; но случай къ тому представляется не часто". Онъ въ Тобольскѣ держался этого правила, былъ дерзокъ и наглъ въ своемъ обращеніи и въ своихъ рѣчахъ, и тѣмъ напугалъ женщинъ, которыя при всякой возможности бѣгали отъ него; и отъ того-то онъ простодушно признается, что случай представляется не часто. Онъ заключаетъ это мѣсто словами: „Женщинъ обыкновенно нельзя иначе видѣть какъ въ присутствіи ихъ мужей и ежели съ ними бываешь внимателенъ и любезенъ, то подвергаешься опасности больше уже не видать ихъ". Такъ какъ аббатъ безпрестанно смѣшиваетъ обычаи разныхъ сословій, то нельзя ему вполнѣ вѣрить ни въ одной строчкѣ, особливо когда онъ дѣлаетъ общіе выводы; очень могло случиться, что ему не позволили увидаться съ какою-нибудь женщиною иначе какъ въ присутствіи ея мужа; обращаясь дерзко, неприлично, онъ, само собою разумѣется больше не увидалъ ея.

Въ концѣ CLXII (260) и въ началѣ CLXIII стр. вы встрѣчаете слѣдующія слова: „Въ Тобольскѣ я видѣлъ иностранцевъ, которые живутъ тамъ съ начатія послѣдней войны. Не зная обычаевъ страны и воображая, что тамъ, какъ и въ остальной Европѣ, можно быть вѣжливымъ и внимательнымъ съ женскимъ поломъ, они жестоко поплатились за это. Опытъ научилъ ихъ, что не слѣдовало обращать вниманія на женщинъ въ присутствіи ихъ мужей; пируя съ мужьями, они вскорѣ нашли себѣ доступъ и къ женамъ. Такъ испорченность этого пола есть слѣдствіе тиранства мужей." Аббатъ говоритъ: „я видѣлъ въ Тобольскѣ иностранцевъ, которые жили тамъ съ начатія послѣдней войны. Не зная обычаевъ страны" и пр. Я охотно допускаю, что многіе иностранцы живутъ въ Россіи съ давнихъ поръ и тѣмъ не менѣе вовсе не знаютъ обычаевъ страны. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ сюда предубѣжденные противъ насъ. У другихъ воображеніе раздражено страстью или завистью; они были сбиты съ толку прежде чѣмъ они пріѣхали; отъ этого имъ все кажется навыворотъ, и они судятъ о вещахъ не по настоящему ихъ состоянію, но руководствуются предубѣжденіемъ, страстью и завистью. Сами рѣшите, безпристрастный читатель, могутъ ли они судить справедливо? Я приведу одинъ разительный примѣръ.

Во время пребыванія моего за границею, однажды утромъ прибѣгаетъ ко мнѣ запыхавшись одинъ мой знакомый, братъ котораго жилъ въ Россіи. Знаете, говоритъ онъ мнѣ, у васъ готовится переворотъ: на всѣхъ улицахъ вашей сто-

лицы удвоили пикеты; смотрите, вотъ письмо, братъ пишетъ мнѣ объ этомъ. Письмо дѣйствительно сообщало эту новость; но оказалось, что оно писано было на масляной, когда по заведенному изстари обычаю удвоиваются пикеты для предупрежденія буйствъ и на случай пожара, такъ какъ въ нашихъ городахъ очень много домовъ деревянныхъ. Братъ моего знакомаго, не зная нашихъ порядковъ, принялъ этотъ старинный обычай, который есть ни что иное какъ простая полицейская мѣра, за предосторожность, принятую правительствомъ противъ возмущенія. Знакомый мой замолчалъ, но черезъ нѣсколько времени онъ приноситъ мнѣ другое письмо своего брата, въ которомъ повторялась таже сказка; вышло, что письмо писано на святой недѣли. Въ началѣ лѣта онъ является ко мнѣ въ третій разъ и разсказываетъ, что братъ его слышалъ о предстоящемъ переворотѣ отъ одного иностраннаго министра, и что это уже навѣрное. Пришлось увѣрять его, что его братъ и иностранный министръ равно заблуждаются, потому что въ началѣ лѣта, когда всѣ разъѣзжаются по деревнямъ, у насъ обыкновенно принимаютъ ту же мѣру и для тѣхъ же причинъ. Наконецъ мой знакомый не приходилъ больше. Этотъ случай привелъ мнѣ на мысль, что когда люди судятъ о странѣ не зная ея обычаевъ, по предубѣжденію или по страсти, не вникая въ дѣло, то большею частію заблуждаются, а когда кладутъ на бумагу подобныя идеи, плоды воспаленнаго воображенія, то вводятъ въ заблужденіе и другихъ.

Возвращаюсь къ тексту. Аббатъ говоритъ, что „иностранцы, не зная обычаевъ страны и воображая, что, какъ и въ остальной Европѣ, можно быть вѣжливымъ и внимательнымъ съ женскимъ поломъ, жестоко поплатились за это“. Быть вѣжливымъ и внимательнымъ, на мой взглядъ, совсѣмъ не то, что волочиться за женщинами въ присутствіи мужа; въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ предъидущемъ, дѣло идетъ объ обольщеніи замужнихъ женщинъ. Да и кромѣ того я не знаю, г. Шаппъ, найдется ли и въ Парижѣ много такихъ мужей, которые бы позволили, чтобы въ ихъ присутствіи вы расточали всю нѣжность вашихъ чувствъ передъ ихъ добродѣтельными супругами, и сочли бы такое поведеніе внимательностью и вѣжливостью; но говорятъ, что нигдѣ такъ строго не соблюдаются внѣшнія приличія, какъ во Франціи, а по обыкновенному ходу дѣлъ ни передъ кѣмъ приличія эти не должны быть соблюдены такъ строго, какъ передъ мужемъ, въ качествѣ заинтересованнаго лица. Я не знаю, много ли на свѣтѣ мужей довѣрчивыхъ. На стр. CLXIII (260 и 261) аббатъ продолжаетъ: „опытъ научилъ ихъ (иностранцевъ), что не слѣдуетъ обращать вниманіе

на женщинъ въ присутствіи ихъ мужей. Пируя съ мужьями, они вскорѣ нашли себѣ доступъ и къ женамъ. Такъ испорченность этого пола есть слѣдствіе тиранства мужей". Г. Шаппъ думаетъ сообщить весьма необыкновенныя вещи, а говоритъ самыя пустыя. У насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не рѣдко бываетъ, что другъ мужа становится другомъ жены. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, и это въ тоже время ничего не доказываетъ; общіе приговоры, произносимые ни къ селу ни къ городу, становятся смѣшны; напр. г. д'Отерошъ говоритъ: „такъ испорченность этого пола есть слѣдствіе тиранства мужей." Сказано и повторено съ давнихъ поръ, что принужденіе, въ которомъ держатъ женщинъ, дѣлаетъ ихъ притворными, лживыми и пр. Аббатъ, только въ другихъ словахъ, приводитъ это изреченіе и прилагаетъ его къ Россіи; но онъ противорѣчитъ себѣ: онъ хотѣлъ доказать, что доступъ къ женщинамъ труденъ, а тутъ называетъ ихъ испорченными. Онъ говоритъ: „такъ испорченность этого пола есть слѣдствіе тиранства мужей". А ежели этого тиранства не существуетъ, то къ чему торжественный приговоръ автора? Онъ продолжаетъ: „женщины не знаютъ другихъ удовольствій кромѣ чувственныхъ; онѣ часто предаются своимъ рабамъ, которые разумѣется не евнухи; крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье руководитъ ихъ выборомъ". Не будучи самъ женщиною, аббатъ не долженъ былъ бы такъ говорить. „Женщины не знаютъ другихъ удовольствій, кромѣ чувственныхъ". Мущины и женщины у насъ созданы точно также какъ и весь остальной человѣческій родъ; слѣдовательно ихъ чувства также разнообразны, какъ вообще они бываютъ во всѣхъ живыхъ существахъ; въ большей или меньшей степени разсудка, въ томъ или другомъ темпераментѣ заключаются остальные оттѣнки характера, коими отдѣльные люди отличаются одинъ отъ другаго. И такъ, аббатъ чрезвычайно заблуждается, говоря такъ дурно вообще о всѣхъ Русскихъ женщинахъ. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ онъ разыгрываетъ изъ себя вѣжливаго кавалера; но тутъ, одержимый страстью говорить дурное, онъ не въ силахъ выдержать роли.

Новыя разглагольствія г. Шаппа. Онъ говоритъ: „Страна эта не будетъ образованною до тѣхъ поръ, пока женщины не выйдутъ изъ рабства и не станутъ украшать собою общества". Онъ заковываетъ нашихъ женщинъ въ цѣпи и потомъ говоритъ, что наша страна не будетъ образованною до тѣхъ поръ, пока женщины не сбросятъ цѣпей и не станутъ украшать собою общества. Но такъ какъ въ цѣпяхъ онѣ только у аббата, то по всей вѣроятности не далеко то счастливое время, которое онъ намъ обѣщаетъ и которое наступитъ, какъ скоро снимутъ съ нихъ цѣпи. Стыдно

аббату не знать, что у насъ женщины составляютъ лучшее украшеніе хорошаго общества, что безъ нихъ не бываетъ порядочныхъ собраній и что, говоря вообще, мало странъ, которыя бы могли похвалиться передъ нами бо́льшимъ числомъ прекрасныхъ женщинъ. Подите, г. аббатъ, посмотрите, какъ воспитываются наши молодыя дѣвушки въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ. Вы тамъ убѣдитесь, что ваши наглыя предположенія опровергаются дѣйствительностію. Сходите въ кадетскій корпусъ, въ академію художествъ, въ воспитательный домъ, и послѣ того краснѣйте сами за свои рѣчи, или спѣшите спрятаться въ какомъ-нибудь аббатствѣ. Въ текстѣ сказано (мнѣ стыдно возвращаться къ нему): „мущины, обращаясь чрезвычайно строго съ своими женами, гораздо снисходительнѣе съ дочерьми. Они утверждаютъ, что жена, имѣя мужа, должна заниматься только имъ, а что дѣвушки, чтобы сыскать себѣ мужа, должны пользоваться большею свободою". И такъ эта особая статья о дѣвушкахъ; выше, какъ вы помните, читатель, говорилось о замужнихъ женщинахъ. Онъ говоритъ: „они гораздо снисходительнѣе къ своимъ дочерямъ". Тутъ г. Шаппъ опять ошибается, потому что во многихъ небольшихъ городахъ нашихъ дѣвушки никогда не выходятъ изъ дому, ни съ кѣмъ не видаются и даже въ церковь ихъ водятъ, когда тамъ поменьше народу, тогда какъ замужнія женщины ходятъ повсюду. Аббатъ говоритъ: „они утверждаютъ, что женщина, имѣя мужа, должна заниматься только имъ". Но г. аббатъ, вѣдь жену берутъ для себя, а не для другихъ. Что же тутъ дурнаго, когда мужъ любитъ жену и желаетъ взаимности, и развѣ онъ не въ правѣ думать, что женился для себя, а не для другаго? Вамъ бы слѣдовало, г. академикъ, отозваться съ похвалою о простотѣ нравовъ у нашихъ соотечественниковъ, которые довольствуются, мужъ своею женою, жена своимъ мужемъ. А вы что́ дѣлаете? Вы негодуете на то, что нравы наши не испорчены, вамъ кажется необыкновеннымъ, что женщина принадлежитъ своему мужу, а не всему свѣту. Этимъ вы показываете, что собственные ваши нравы никуда не годятся, о чемъ свидѣтельствуетъ вся ваша книга: вы вездѣ или негодяй или лгунъ.

Насказавъ ужасныхъ вещей о дѣвушкахъ и о томъ, какъ они злоупотребляютъ своею свободою, аббатъ прибавляетъ: „мущины чрезвычайно не послѣдовательны: дозволяя дѣвушкамъ такую свободу, которая не сдерживается хорошимъ воспитаніемъ, они требуютъ отъ нихъ цѣломудрія". Далѣе онъ говоритъ, что въ цѣломудріи удостовѣряются такимъ способомъ, къ которому бы не рѣшились прибѣгнуть ни въ какой другой странѣ и на цѣлыхъ трехъ страницахъ тол-

куетъ объ этомъ предметѣ, пускаясь въ такія подробности, отъ которыхъ краснѣешь, да еще прилагаетъ гравюру, столь неприличную, что полиція не допустила-бы ея продажу на улицѣ. Я пропускаю всѣ эти мерзости, до которыхъ аббатъ такой охотникъ; мнѣ никогда не случалось быть на свадьбѣ, на которой бы совершались всѣ эти обряды, ни видѣть тамъ колдуна, о которомъ упоминаетъ аббатъ. Правительство наше не терпитъ колдуновъ: всякій колдунъ, ежели онъ только не сумасшедшій и не идіотъ, наказывается у насъ какъ бездѣльникъ.

Разсказы автора о такъ называемыхъ знатокахъ свадебнаго дѣла, такого же свойства какъ и то что онъ говоритъ о колдунахъ. Свадебные обряды занимаютъ у него шесть страницъ; они по его словамъ, даютъ понятіе о нравахъ страны: и для этого онъ описываетъ деревенскую свадьбу и чрезвычайно преувеличиваетъ свои разсказы. Я пропускаю все это и обращусь прямо къ страницѣ CLXIX (271), гдѣ онъ передаетъ нескромныя рѣчи одной молодой дѣвушки, разсказывающей о тѣхъ предосторожностяхъ, которыя употребляются въ столицахъ противъ упомянутаго аббатомъ зла. Онъ говоритъ: „меня одного удивлялъ развитой умъ этой молодой дѣвицы; рѣдко можно встрѣтить такое знаніе“. Видно, аббату хотѣлось наговорить какъ можно больше худаго, иначе за чѣмъ ему было разсказывать о неблагоразуміи этой молодой дѣвушки; и къ чему все это въ описаніи путешествія? Вамъ хотѣлось увѣрить читателей, что всѣ наши дѣвицы таковы. За тѣмъ три съ половиною страницы наполнены анатомическими выписками изъ Бюффона, которыми онъ хочетъ доказать, что на свадьбахъ нужно больше скромности. Но въ сущности всѣ эти обычаи все таки не такъ нелѣпы, какъ право господъ, издревле существующее во многихъ мѣстахъ Франціи, Германіи и даже Ливоніи. Ежели сравнивать наши старинные нравы и обычаи съ нравами и обычаями тѣхъ странъ, гдѣ существовало это право, то преимущество останется на нашей сторонѣ. По многимъ причинамъ мы удерживаемся отъ разбора анатомическихъ подробностей приводимыхъ г. Шапомъ. Вслѣдъ за ними онъ говоритъ: „свадебные обряды Русскихъ царей до Петра I не менѣе странны. Можетъ быть будетъ не лишнимъ разсказать ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что по нимъ можно заключить, какіе успѣхи образованность сдѣлала въ Россіи. Разсказъ нашъ самый достовѣрный. У меня есть любопытная рукопись объ этомъ предметѣ, съ рисунками; она тѣмъ болѣе интересна, что списковъ съ нея очень мало въ Россіи“. Что же доказываютъ эти свадебные обряды Русскихъ царей? Изъ нихъ можно заключить только то, что въ теченіи многихъ вѣковъ су-

ществовалъ одинъ и тотъ же строго опредѣленный этикетъ. Мы нѣсколько разъ говорили и теперь повторяемъ, что всякій этикетъ не разуменъ; тѣмъ не менѣе есть много странъ, которыя хвалятся тѣмъ, что не отступаютъ отъ старинныхъ обрядовъ, которыя ихъ удерживаютъ и всякій разъ исполняютъ съ великою точностію и тщаніемъ, хотя обряды эти смѣшны и неразумны. Ссылаемся на коронованіе Римскихъ Императоровъ, Англійскихъ и Французскихъ Королей, и особенно на старинный этикетъ Бургонскаго дома, который надѣлалъ столько хлопотъ Вѣнскому, Мадритскому и другимъ дворамъ, имѣвшимъ неблагоразуміе подражать ему. Возвращаемся къ тексту. Аббатъ или его рукопись не точны, какъ мы сейчасъ увидимъ; у него сказано: „Передъ женидьбою царя, вызывались изъ областей ко двору самыя красивыя дѣвушки; главная боярыня двора принимала ихъ у себя и размѣщала по одиночкѣ. Они ѣли всѣ вмѣстѣ, и царь смотрѣлъ ихъ, приходя либо подъ вымышленнымъ именемъ, либо просто". Этотъ обычай не всегда соблюдался: многіе цари женились на первой понравившейся имъ дѣвушкѣ; но ежели они не находили себѣ невѣсты по нраву, то дѣвушки вызывались изъ областей. Обычай вызывать самыхъ красивыхъ дѣвушекъ изъ областей и выбирать изъ нихъ достойнѣйшую или такую, которая больше всѣхъ понравится, можетъ быть менѣе страненъ, чѣмъ обычай жениться черезъ посланниковъ, по договору, на лицѣ неизвѣстномъ; по этому обычаю, нѣкогда существовавшему почти у всѣхъ Европейскихъ дворовъ, когда молодую клали спать, посланникъ заносилъ ногу на постель. Нашъ обычай въ этомъ случаѣ былъ по крайней мѣрѣ простъ и естественъ. Далѣе говорится: „день свадьбы назначался впередъ, прежде еще выбора невѣсты". Выборъ становился извѣстнымъ до свадьбы, потому что за три дня до обрученія, дѣвушка, на которую падалъ выборъ царя, получала титулъ Великой Княжны, и съ того времени имя ея поминалось въ общественныхъ богослуженіяхъ; этотъ старинный обычай соблюдается и въ наши дни. Императрица Екатерина II носила титулъ Великой Княжны, и въ теченіи года и двухъ мѣсяцовъ до ея свадьбы, во всей Имперіи за нее молились Богу. Петръ II-й былъ два раза обрученъ, сперва съ Княжною Меншиковой, а потомъ съ Княжною Долгорукою, которыя обѣ получали титулъ Великихъ Княженъ и Императорскаго Высочества. Аббатъ говоритъ: „въ назначенный день приносили свадебное платье той дѣвушкѣ, на которую падалъ тайный выборъ; остальныхъ одаряли одеждами и распускали домой". Свадебный нарядъ обыкновенно сопровождался многими формальностями и потому требовалъ довольно времени. Дѣвушки, пріѣзжавшія ко двору для вы-

бора, получали щедрые подарки и за тѣмъ, славясь красотою и умомъ, обыкновенно они выходили за мужъ за людей самыхъ знатныхъ и богатыхъ.

На страницѣ CLXXIV (279), аббатъ разсказываетъ свадьбу царя Михаила Ѳедоровича. Это извлеченіе изъ его рѣдкой рукописи. Онъ говоритъ, что „царь Романо, выбралъ себѣ супругою Евдокію, дочь боярина Стрешне (Streschneu), объявилъ о своей свадьбѣ, и что съ этой минуты начались приготовленія къ ней, и царь назначалъ, кому исполнять какую должность въ обрядѣ". Во первыхъ, что такое царь Романо? Въ рукописи навѣрное не сказано такъ. Если сказать король Бурбо или Бурбу, Императоръ Авструйскій и пр., то читатель не будетъ знать, о комъ и о какомъ Королѣ или Императорѣ идетъ рѣчь. Семья, изъ которой произошелъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ, называлась не Романо, а Романовыми; это w по русски произносится почти также какъ и f. Во вторыхъ, выше г. Шаппъ сказалъ, что Евдокія была дочь бѣднаго дворянина по имени Стрешне, а теперь онъ ее называетъ дочерью боярина это противорѣчитъ нашимъ стариннымъ обычаямъ; бѣдный дворянинъ, который самъ съ своими слугами воздѣлывалъ поле, не могъ имѣть титула боярина, прежде чѣмъ его дочь не вышла за царя. Въ третьихъ этого бѣднаго дворянина звали не Стрешне, а Стрешневымъ. Въ четвертыхъ, какъ скоро выборъ царя былъ объявленъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что съ той минуты начались приготовленія къ свадьбѣ, и что царь распредѣлялъ должности для обряда. Въ рукописи г. Шаппа сказано, что на слѣдующій день царь ходилъ къ отцу своему патріарху торжественно просить его согласія на бракъ, что потомъ онъ пошелъ въ церковь и просилъ у него, какъ у патріарха, благословенія, которое тотъ ему и далъ. Находите вы въ этомъ что нибудь странное, любезный читатель? Что́ до меня, то я вижу тутъ только великое уваженіе сына къ отцу, который занималъ тогда первое мѣсто въ церкви; къ этому великому уваженію присоединялось можетъ быть также и нѣкоторое политическое побужденіе. Подданные его, послѣ великихъ смутъ, причиненныхъ междоусобною войною, вѣроятно нуждались въ томъ, чтобы правительство внушало имъ уваженіе къ ихъ обязанностямъ; царь, въ этомъ случаѣ, подавалъ собою самый поучительный примѣръ, всенародно исполняя свою обязанность передъ отцемъ и потомъ испрашивая благословенія у главы церкви. Аббатъ говоритъ: „патріархъ держалъ рѣчь къ царю объ его примѣрной покорности и объ его бракѣ и благословилъ его иконою Богородицы". Эта рѣчь вѣроятно могла бы засвидѣтельствовать справедливость сказаннаго выше. Такія рѣчи имѣли вліяніе на нравы: у насъ, какъ и

у многихъ другихъ народовъ, въ обычаѣ испрашивать въ разныхъ случаяхъ благословенія родителей; въ Англіи, напримѣръ, дѣти по два раза въ день ходятъ къ отцу и къ матери и на колѣняхъ просятъ благословенія. Вы сказали г. Шаппъ, что свадебные обряды Русскихъ царей были странны, и прибавили, что по нимъ можно судить объ успѣхахъ образованности въ Россіи. Вамъ хочется поднять на смѣхъ то, въ чемъ рѣшительно нѣтъ ничего смѣшнаго. Знаете ли, я утверждаю, что царь Михаилъ Ѳедоровичь поступилъ умно и благоразумно и всенародно подалъ превосходный примѣръ. Какъ бы вы разсыпались въ похвалахъ, ежели бы такъ поступилъ какой нибудь Французскій король? Къ чему же ваши образованные нравы, когда у васъ почитается страннымъ уваженіе, всенародно воздаваемое сыномъ отцу? И еще какому отцу! Человѣку въ то время самому разсудительному, самому умному и, можетъ быть, самому добродѣтельному. Довѣряйтесь послѣ этого переводамъ, сообщаемымъ людьми, не имѣющими ни малѣйшаго понятія объ обычаяхъ, о которыхъ говорится въ подлинникѣ.

Аббатъ говоритъ: „Для свадебнаго обряда требовалось нѣсколько комнатъ, убранныхъ слѣдующимъ образомъ. Въ первой комнатѣ становился царскій тронъ, а по серединѣ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ золотыми узорами. Вокругъ стола разставлялись стулья для главныхъ придворныхъ сановниковъ и скамейки для остальнаго собранія. Въ комнатѣ было четыре иконы на четырехъ главныхъ мѣстахъ“. Я думаю, не бываетъ никакой царской, княжеской и вообще богатой свадьбы, для которой бы не потребовалось нѣсколько, прилично убранныхъ, комнатъ; слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего страннаго. Но говоря, что въ первой комнатѣ ставили тронъ царя, г. Шаппъ ошибается и смѣшиваетъ первую свадебную комнату съ пріемною палатою, въ которой царь обыкновенно дожидался, пока начнется обрядъ. На столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ золотыми узорами, по словамъ аббата складывались вещи, необходимыя для совершенія обряда и всѣ тѣ, которыя надо было нести въ церковь для освященія и которыхъ было не мало; но я поговорю объ этомъ ниже.

На страницѣ CLXXV (280) г. д'Отерошъ продолжаетъ: „Вторая комната была великолѣпно убрана и называлась свадебною палатою; по срединѣ царскій тронъ съ двумя креслами для ихъ величествъ; подушки на креслахъ изъ богатѣйшей ткани. На каждой подушкѣ положено было по сорока соболиныхъ шкуръ. Придворный чиновникъ стоялъ съ боку и держалъ въ рукахъ столько же шкуръ“. Въ этой палатѣ, великолѣпно убранной съ трономъ и двумя креслами, на которыхъ подушки были изъ богатѣйшей ткани и

съ чиновникомъ возлѣ трона, опять таки нѣтъ ничего необыкновеннаго. Сорокъ соболей на каждой подушкѣ служили вмѣсто покрышекъ; въ то время думали, что въ этомъ мѣху не можетъ завестись никакой нечистоты; наши отцы были также суевѣрны, какъ и всѣ тогда въ Европѣ. Далѣе въ текстѣ говорится: „Насупротивъ трона ставился большой тронъ, также какъ и въ первой комнатѣ, съ тою разницею, что тутъ онъ былъ покрытъ тремя скатертями. Вся посуда состояла изъ трехъ блюдъ и солонки съ солью: на первомъ блюдѣ находился пирогъ, на второмъ сладкое печенье, въ видѣ пирамиды, на третьемъ сыръ. На томъ же столѣ лежало нѣсколько дюжинъ бѣлыхъ кисейныхъ платковъ, на которыхъ должны были подаваться эти кушанья царю, царицѣ и придворнымъ. На случай, ежели бы кушанья находившагося на столѣ не достало, въ ящикахъ, въ столѣ, находились запасныя кушанья. Въ этой комнатѣ, такъ какъ и въ первой, и на тѣхъ же мѣстахъ, было четыре иконы". Чтобы понять это мѣсто, нужно знать, что въ Греческой церкви также какъ и въ Римской, бракъ есть таинство, а ко всякому таинству въ Греческой церкви издревле приготовлялись, въ теченіи нѣсколькихъ дней, постомъ и молитвою; постъ, въ этомъ случаѣ, продолжался до самаго брака, по совершеніи котораго обыкновенно ѣли освященныя кушанья: хлѣбъ, соль, пирогъ и сыръ; каждый ѣлъ сколько ему хотѣлось. Можно предполагать, что этотъ обычай служилъ, въ нѣкоторомъ родѣ, воспоминаніемъ древней Пасхи; еще и теперь, на Свѣтлое Воскресенье освящаютъ кушанья и потомъ раздаютъ ихъ. Касательно кисейныхъ платковъ, о которыхъ упоминаетъ аббатъ, замѣчу, что, по всему вѣроятію, простое столовое бѣлье, какъ слишкомъ обыкновенное, замѣнялось ими. На царской свадьбѣ употреблялось все, что было лучшаго, и вѣроятно кисея, въ то время, была весьма цѣнна. Можетъ быть также, что въ ящикахъ находились запасныя кушанья для всѣхъ присутствующихъ, которые не говѣли, а говѣли только оба супруга. Въ Россіи любятъ всего готовить въ избыткѣ и про запасъ. Аббатъ говоритъ: „въ этой палатѣ, какъ и въ первой и на тѣхъ же мѣстахъ, было четыре иконы". Замѣчу при этомъ разъ на всегда, что наши предки были чрезвычайно благочестивы и любили имѣть какъ можно больше иконъ. Я не буду останавливаться въ третьей свадебной комнатѣ, гдѣ, по словамъ автора, находилось два хлѣба, позолоченные, посеребренные и покрытые золотою тканью; ни въ четвертой, гдѣ были благословенныя свѣчи, ни въ пятой, въ которой находились фонари для этихъ свѣчъ. Я подозрѣваю, что рѣдкая рукопись г. Шаппа есть ни что иное какъ дворцовая записка того времени; эти записки вовсе не рѣдки; многія изъ

нихъ напечатаны. Онѣ бываютъ очень полезны для повѣрки главныхъ историческихъ событій. Подозрѣніе мое я основываю на убранствѣ пяти комнатъ, особливо трехъ послѣднихъ. Очень можетъ быть, что на этой свадьбѣ всѣ эти предметы были размѣщены именно такъ: нужно-же было ихъ гдѣ нибудь размѣстить. Обыкновенно въ этихъ запискахъ исчисляются всевозможныя мелочи; потому что люди, составлявшіе ихъ, обязаны были описывать все что́ видѣли. Понятно, что подобное произведеніе нравится аббату: онъ страстный охотникъ до мелочей.

Авторъ продолжаетъ: „Въ первый день свадебнаго обряда царь вышелъ изъ своихъ обыкновенныхъ комнатъ, въ царскихъ одеждахъ. На немъ было богатое полукафтанье и бархатная верхняя одежда, шитая золотомъ и подбитая соболями. Впереди шелъ хоръ пѣвчихъ и пѣлъ веселыя пѣсни; за ними камергеры и дворяне; далѣе кабинетъ-министры; вслѣдъ за ними совѣтники тайной канцеляріи и чиновники брачнаго торжества, такъ называемые *Брюши*. Впереди царя шло нѣсколько князей, а самъ онъ опирался на руку главнаго чиновника. Шествіе заключали дворяне, низшіе чиновники, весь придворный штатъ и прислуга". Мы привели все это мѣсто для того, чтобы читателю понятнѣе было то, что́ мы скажемъ далѣе. Авторъ говоритъ, что „впереди шелъ хоръ пѣвчихъ и пѣлъ веселыя пѣсни". Въ торжествѣ, часть котораго должна была совершиться въ церкви, и въ которомъ участвовалъ весь дворъ, царскіе пѣвчіе шли впереди и пѣли приличныя торжеству пѣсни. Въ нашихъ церквахъ не бываетъ инструментальной музыки, и вся служба поется. Хорошіе пѣвчіе весьма цѣнятся, и нѣтъ ни одной домовой церкви у знатныхъ господъ, при которой бы не было своихъ пѣвчихъ. Черезъ нѣсколько строкъ аббатъ говоритъ, что чиновники брачнаго торжества называются Брюши. Вотъ какъ онъ переписываетъ! Въ его рукописи навѣрно не сказано Брюши, а по всей вѣроятности *Дружки*. Дружки, отъ слова другъ, значитъ товарищи, прислужники, а Брюши ровно ничего не значитъ, и я думаю, никто никогда не употреблялъ этого слова, кромѣ неакуратнаго академика. Затѣмъ онъ разсказываетъ о приходѣ царя и царицы въ палату и обо всѣхъ принадлежностяхъ торжества, восковыхъ свѣчахъ, хлѣбахъ и блюдѣ съ медомъ и разными зернами. Эти хлѣбы, зерна и пр. служили символомъ изобилія и были освящаемы въ церкви какъ и все то, что́ назначалось для молодыхъ супруговъ въ этотъ день. Серебряныя и золотыя монеты, о которыхъ упоминаетъ авторъ, были бросаемы народу; этотъ обычай соблюдается и доселѣ въ большихъ торжествахъ, и не у насъ однихъ. Тутъ приложена картинка, изображающая,

Богъ вѣсть какъ, свадебную палату. Неизвѣстно почему, лица представлены въ самомъ безобразномъ видѣ, тогда какъ нѣтъ ничего величавѣе старинныхъ Русскихъ одеждъ, которыя такъ и просятся въ картину.

На CLXXVIII (285) стр. авторъ говоритъ: „За этимъ шествіемъ слѣдовали другіе чиновники торжества и духовенство, впереди котораго шелъ протоіерей, кропившій святою водою всѣ тѣ мѣста, гдѣ должна была проходить царица. Наконецъ появлялась царица, окруженная придворными женщинами и опираясь на руку главной свахи". Эти свахи отправляли такую же должность при царицѣ, какую дружки при царѣ. Святою водою кропилъ обыкновенно царскій духовникъ, который всегда бывалъ протоіереемъ третьяго Московскаго каѳедральнаго собора, такъ называемаго Благовѣщенскаго, ежели впрочемъ онъ не занималъ какого-нибудь другаго мѣста въ іерархіи. На CLXXVIII (285 и 286) стр. разсказано, какъ царицу въ первый разъ сажали на тронъ въ свадебной палатѣ, какъ родители царя не присутствовали на свадьбѣ, потому что они были въ монашествѣ, и какъ потомъ, когда всѣ размѣстились въ палатѣ, „главный распорядитель свадьбы посылалъ двоихъ чиновниковъ увѣдомить его о прибытіи княжны Евдокіи, на что царь отвѣчалъ, что онъ самъ скоро будетъ, и посылалъ со многими людьми князя Ивана Никитича Роману занять мѣсто его отца". Этотъ князь Иванъ Никитичъ, не Романа и не Роману, а Романовъ, былъ дядя царя, родной братъ патріарха, царскаго отца. А какже вы, г. Шаппъ, говорили, что у нашихъ государей не было родни? Вотъ однако дядя царскій, который вмѣстѣ съ женою своею, по вашимъ собственнымъ словамъ, заступалъ мѣсто царскихъ родителей, мѣсто первое въ этомъ торжествѣ, и онъ получилъ его по праву родства. На CLXXIX (287) стр. аббатъ говоритъ: „помолчавъ немного, онъ (князь И. Н. Романовъ) объявилъ князю Ивановичу Szuiski, что онъ выбралъ его вмѣстѣ съ княземъ Даніиломъ въ посланники къ царю объявить ему добрую вѣсть, что отецъ, мать и дочь ихъ княжна Евдокія съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его въ столовой палатѣ". Мы готовы прозакладывать что угодно, что въ рукописи аббата не сказано князь Ивановичъ Szuiski: по-русски такъ не говорится; этотъ князь не Сзуйской, а Шуйской, имѣлъ свое имя, данное ему при крещеніи, а просто Ивановичемъ въ рукописи онъ не могъ быть названъ. Изъ сего слѣдуетъ, что академикъ Шаппъ опять ошибается и въ этомъ мѣстѣ и что онъ не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ Русскихъ обычаевъ, хотя уже исписалъ объ нихъ 179 страницъ. Но кто это еще князь Даніилъ безъ прозвища? Мы убѣждены, что въ вашей рѣдкой рукописи имя его названо полнѣе. Слова „добрая вѣсть"

аббатъ означилъ курсивомъ; онъ, вѣроятно, воображаетъ, что эти слова составляли непремѣнную принадлежность брачнаго обряда; но мы имѣемъ честь увѣдомить его, что его открытіе неудачно: это просто такъ захотѣлось сказать тому писцу, которому велѣли описать свадьбу, а въ эту должность часто брался первый попавшійся. Затѣмъ аббатъ разсказываетъ, что оба эти князя встали и пошли звать царя въ палату, куда его ожидали; онъ сообщаетъ подлинныя выраженія князя Даніила, который, между прочимъ, сказалъ царю: „время продолжать ваше свадебное дѣло и пр.“ Изъ этого мѣста можно видѣть, какъ трудно переводить съ одного языка на другой: обороты Русскаго и Французскаго языковъ не одинаковы; кромѣ того, первый языкъ очень богатъ, второй очень бѣденъ, и отъ того самаго бываетъ пошлъ, тогда какъ Русскій языкъ, по своей обширности, можетъ страдать этимъ недостаткомъ только тогда, когда его дурно употребляютъ. Сказавъ, что царь пошелъ, и что протоіерей благословилъ его идти въ церковь, аббатъ продолжаетъ: „князь Черкавизеи взялъ за руку чиновника, приставленнаго къ царицыному мѣсту, и посадилъ царя на тронъ по правую руку великой княжны. Всѣ чиновники и придворные размѣстились направо отъ царя“.

Въ рукописи навѣрно нѣтъ князя Черкавизеи, потому что такого имени не существуетъ въ Россійской Имперіи; надо думать, что тамъ сказано князь Черкасской, и тогда дѣло становится понятнымъ; но если аббатъ такъ неправильно списываетъ, то можно ли вѣрить ему, когда онъ передаетъ что-нибудь по памяти? Онъ продолжаетъ: „Царь въ тоже время приказалъ всему собранію сѣсть. Послѣ нѣкотораго молчанія протоіерей началъ читать молитвы“. Тутъ, любезный читатель, я уже ничего не понимаю; либо аббатъ самъ не знаетъ что говоритъ, либо рукопись у него невѣрная, только во всякомъ случаѣ не возможно, чтобы все собраніе сидѣло при чтеніи молитвы, потому что, по уставамъ нашей церкви, на молитвѣ всегда стоятъ; сидѣть могутъ только больные и увѣчные, а кажется невѣроятнымъ, чтобы на свадьбу приглашены были такого рода люди: вѣдь тутъ не такой пиръ, о которомъ мы читаемъ въ евангельской притчѣ. За симъ аббатъ говоритъ: „Княгиня Саншо (Sancho) и совѣтникъ Димитрій Обрарку приблизились къ трону“. Во всѣхъ Русскихъ лѣтописяхъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, конечно не найдется такихъ именъ; и надо признаться, мы съ перваго разу не въ состояніи были отгадать, что это такое; очевидно, что аббатъ укоротилъ и исказилъ ихъ; но въ то время, какъ мы ломали себѣ голову надъ ними, намъ случайно попалась рукопись, подобная той, какая у аббата, и изъ нея мы, во первыхъ,

убѣдились въ справедливости нашихъ прежнихъ догадокъ, во вторыхъ нашли, что князь Даніилъ, котораго аббатъ оставилъ безъ фамиліи, назывался Даніилъ Ивановичъ Мезецкой, что никакой княгини Саншо на свадьбѣ не было, что совѣтникъ Димитрій Обрарку есть ни что иное какъ Димитрій Образцовъ, и что всѣ дѣйствія, приписываемыя г. д'Отерошомъ его княгинѣ Саншо, исполняла супруга боярина Михаила Борисовича Шеина, Марья Михаиловна. Аббатъ говоритъ, что княгиня *Саншо* чесала волосы ихъ величествамъ, обмакивая въ медъ гребешокъ. Мы согласны, что этотъ обычай очень страненъ, и въ лѣтнее время даже оченъ неудобенъ, потому что мухи охотно льнутъ къ меду; но отчасти вѣдь это тоже самое, что́ и деревянное масло, которое въ древности лили на голову, что́ помада, пудра и другія снадобья новѣйшихъ временъ. Намъ кажется страннымъ то, къ чему не привыкли наши глаза и уши, но сколько каждый день совершается чудачествъ, на которыя мы не обращаемъ вниманія, потому что съ дѣтства привыкли видѣть ихъ? Аббатъ говоритъ: „Ѳеодоръ Лихачевъ держалъ большое блюдо, на которомъ находились пшеница, рожъ, овесъ и зерна разныхъ другихъ Русскихъ растеній, насыпанныя вмѣстѣ; онъ цѣлою пригоршнею сыпалъ эти зерна на волоса и на лица царя и царицы, и при этомъ пѣлъ веселыя пѣсни, равно какъ и княгиня Саншо, которая чесала волосы ихъ величествамъ. Тогда же зажжены были упомянутые мною фонари и свѣчи. Богоявленская свѣча горѣла все время.“ Г. д'Отерошъ, скажите правду, такъ ли написано въ вашей рукописи? Въ моей вотъ что сказано: „Ѳедоръ Лихачевъ держалъ блюдо съ зернами“; эти зерна сыпались вовсе не пригоршнями на волосы и на лица царю и царицѣ, а просто бросалось нѣсколько зеренъ на молодыхъ супруговъ, во исполненіе обряда, точно также какъ, только для виду, чесали имъ волосы съ медомъ, и тутъ ничего не могло быть такого, чѣмъ бы нарушалось уваженіе къ царю. Веселыя пѣсни остаются на отвѣтственности аббата: въ моей рукописи объ нихъ не упоминается. Авторъ говоритъ, что въ тоже время зажигались свѣчи и фонари и что Богоявленская свѣча горѣла постоянно; у меня сказано, что отъ Богоявленской свѣчи засвѣчались остальныя вѣнчальныя свѣчи, а фонарями накрывались они отъ вѣтру. Аббатъ продолжаетъ: „Княгиня Саншо, причесавъ царя и царицу, клала, съ помощію остальныхъ женщинъ, на голову княжнѣ Евдокіи вѣнецъ; съ царемъ дѣлалось тоже самое. Одна изъ женщинъ, называемая по-русски *сибаха*, брала еще большое золотое блюдо съ зернами, и снова осыпала ими голову и лице ихъ величествъ, пока не опоражнивалось все блюдо. Тогда она брала еще зеренъ и стави-

ла на маленькій столъ, нарочно для того приготовленный, въ комнатѣ передъ большою палатою."

Слова эти внушены вамъ, г. Шаппъ, злорадствомъ, а не заимствованы вами изъ рукописи. Изъ моей ясно видно, что чесали съ медомъ и бросали зерна только во исполненіе обряда. Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи просто сказано, что главная сваха чесала, и что она же осыпала зернами, послѣ чего одно блюдо съ зернами относилось въ спальную комнату; но ни слова не говорится о томъ, чтобы блюда опоражнивались, и вовсе не упоминается объ сибахахъ, а только объ свахахъ. За тѣмъ аббатъ разсказываетъ, какъ разрѣзался свадебный пирогъ и сыръ, которые, послѣ царя и царицы, относились къ патріарху и пр.

На страницѣ CLXXXI (290) онъ продолжаетъ: „По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, распорядитель свадьбы отдавалъ приказъ идти въ церковь. Какъ только ихъ величества сошли съ трона, чиновники снимали первую скатерть, на которой разрѣзывались свадебный пирогъ и сыръ. Царь въ тоже время приказывалъ главному начальнику своего гардероба бережно хранить эту скатерть, и тотъ ящикъ, куда она будетъ положена, запереть на крѣпко и запечатать государственною печатью". Ничего этого нѣтъ въ моей рукописи; въ ней просто сказано, что когда царь и царица ушли въ церковь, скатерть снималась и отдавался приказъ хранить ее за печатью. Замѣтимъ мимоходомъ, что должности главнаго хранителя царскаго гардероба никогда не существовало. О г. аббатъ, г. аббатъ! Такъ какъ по газетнымъ извѣстіямъ васъ уже нѣтъ въ живыхъ, то пусть Небо сжалится надъ вашею душою; но то достовѣрно, что въ здѣшней жизни вы были никуда не годны. Русская пословица говоритъ: „щука издохла да зубы остались". Аббатъ умеръ, но тѣмъ не менѣе книгу его нужно опровергнуть. Благо ему, что онъ умеръ. Мы вовсе не Шотландцы; мы не бьемъ тѣхъ, которые уже побиты и любимъ, чтобы поражаемый защищался. Но станемъ продолжать. Покойникъ говоритъ: „главный чиновникъ свадебнаго обряда входилъ на тронъ и клалъ цареву подушку на царицыну вмѣстѣ съ сорока соболиными шкурами, а князь Даніилъ оставался возлѣ трона, покуда ихъ величества были въ церкви, куда переносили сорокъ другихъ шкуръ". На мѣсто этого у меня просто сказано, что подушки складывали одну на другую, что князь Андрей Даниловичъ Сицкій оставался у трона, и ни слова о сорока соболиныхъ шкурахъ, отсылаемыхъ аббатомъ въ церковь. За тѣмъ онъ разсказываетъ, что царь сѣлъ на лошадь, а царица въ сани, и что „царь объѣхалъ вокругъ двора, гдѣ всѣ вельможи и дамы составляли кругъ". Если это было, то тутъ меньше страннаго, нежели въ об-

рядѣ коронованія Венгерскихъ королей: король на конѣ долженъ во всю рысь взъѣхать на холмъ и сдѣлать саблею четыре крестныхъ знака во всѣ четыре стороны свѣта. Моя рукопись просто разсказываетъ, что царь у лѣстницы, называемой Краснымъ крыльцомъ, сѣлъ на коня и отправился прямо въ церковь; и такъ, вычеркните ѣзду вокругъ двора и кругъ, составленный изъ вельможъ и дамъ. По прибытіи царя и царицы въ церковь, у аббата говорится: „Ихъ величества помѣстились противъ алтаря на двухъ prie Dieu, внѣ хора". Въ нашихъ церквахъ вовсе нѣтъ prie Dieu; въ нихъ не сидятъ и рѣдко становятся на колѣна, а просто стоятъ; а въ подобныхъ случаяхъ постилаютъ коверъ на небольшомъ и невысокомъ помостѣ, и нѣсколько поодаль ставятъ складной стулъ съ большою подушкою, чтобы было на чемъ минуту отдохнуть послѣ совершенія обряда. Забавно, что аббатъ принялъ эти подушки за постельныя изголовья" ихъ величествъ; но если г. Шаппъ когда нибудь присутствовалъ при служеніи своего друга Тобольскаго архіерея, то онъ могъ видѣть эти складные стулья съ подушками: наши архіереи обыкновенно садятся на нихъ передъ службою и послѣ нея. На страницѣ CLXXXII (292) онъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о бракосочетаніи: „хоръ пѣвчихъ началъ обрядъ многими пѣснями. Отворились двери алтаря, и появился протоіерей во главѣ духовенства. Ихъ величества стояли тогда на сорока соболиныхъ шкурахъ, которыя были разосланы по бѣлой тафтѣ". Я не стану показывать, до какой степени это описаніе противорѣчитъ уставу Греческой церкви; мнѣ пришлось бы приводить цѣлыя мѣста изъ Служебника. Ни одна служба такъ не начинается, тѣмъ менѣе совершеніе таинства. Стало быть невѣроятно, чтобы все это было такъ разсказано въ рукописи аббата. Въ моей просто говорится, что царь сочетался бракомъ и что въ это время онъ стоялъ на парчевомъ коврѣ съ соболиною опушкою. Г. Шаппъ прибавляетъ: „послѣ нѣкоторыхъ молитвъ протоіерей благословилъ фонари, хлѣбы, свѣчи, подушки и вино въ большомъ золотомъ сосудѣ, который несъ г. Петровичъ Мазюра, главный царскій кравчій, сопровождаемый всѣми остальными подчиненными ему кравчими". Тутъ я замѣчу только двѣ вещи: во первыхъ, освящать фонари нелѣпо, и это никогда не дѣлается; во вторыхъ Петровичъ Мазюра назывался бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, какъ стоитъ въ моей рукописи, которая между прочимъ вовсе не упоминаетъ о фонаряхъ, хлѣбахъ, свѣчахъ и подушкахъ. Г. д'Отерошъ говоритъ далѣе: „послѣ разныхъ этихъ церемоній протоіерей обвѣнчалъ царя съ царицей и далъ имъ по три раза выпить освященнаго вина изъ золотой чарки. Въ это время

пѣлись веселыя пѣсни; вино относилось на престолъ и шло на совершеніе таинства. Царя поздравляли отъ имени народа и церкви". Г. Шапнъ, воображавшій, что онъ знаетъ Русскіе обычаи и обряды и даже рѣшившійся печатать объ нихъ цѣлыя толстыя книги, не зналъ однако, что освященное вино даютъ пить супругамъ не послѣ вѣнчанія, а во время его, а еще онъ говоритъ, что самъ былъ шаферомъ на свадьбѣ! Въ Русской церкви никто иначе не вѣнчается, потому что такъ предписано въ Служебникѣ. Что́ касается до „веселыхъ пѣсенъ", то и по французски не говорится chanson, когда рѣчь идетъ о церковныхъ пѣсняхъ (cantiques); и въ Россіи никогда не поютъ водевилей въ церкви и никакихъ другихъ пѣсенъ, кромѣ предписанныхъ уставомъ. И такъ, любезный читатель, эти веселыя пѣсни, пѣтыя въ церкви на царской свадьбѣ, вы отнесите къ невѣжеству автора, не знакомаго съ языкомъ и не знавшаго обычаевъ, о которыхъ онъ говоритъ. Далѣе въ моей рукописи просто замѣчено, что духовенство и міряне приносили поздравленіе ихъ величествамъ. Авторъ продолжаетъ: „по окончаніи брачнаго обряда царь взялъ за руку царицу и повелъ ее къ ея санямъ. Передъ этими санями, какъ и передъ царскимъ конемъ, разстилали по землѣ бѣлую тафту"; я думаю, что это былъ Китайскій красный штофъ. Упоминаю объ этихъ мелочахъ для того, чтобы показать, что аббатъ и его переводчики не понимали по русски: камка червчатая значитъ красный штофъ. Авторъ продолжаетъ: „какъ скоро царь сошелъ съ коня у дворцовыхъ дверей, на того-же коня сѣлъ съ обнаженною саблею великій конюшій, а г. Бощданъ сѣлъ въ царицыны сани; тотъ и другой по нѣскольку разъ объѣхали вокругъ дворца и города".

Въ моей рукописи сказано, что великій конюшій, съ обнаженнымъ мечемъ, сѣлъ на лошадь царя и объѣхалъ дворецъ, и что конюшій Богданъ Глѣбовъ сѣлъ въ сани царицы и отправился прямо въ конюшню; и такъ, они не объѣзжали города; объѣхать его, въ особенности-же нѣсколько разъ, было трудно, ибо городъ Москва въ окружности имѣетъ цѣлыхъ сорокъ верстъ (Семь верстъ составляютъ обыкновенную нѣмецкую милю). Аббатъ говоритъ, что и ихъ величества вернулись во дворецъ и сѣли на тронъ, и что столы были пышно покрыты". Приведу по этому поводу анекдотъ того времени. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ выписалъ себѣ иностраннаго повара, и ему велѣли изготовить обѣдъ; онъ спросилъ, на сколько кувертовъ? Ему отвѣчали, что обѣдъ будетъ на сто золотыхъ кувертовъ и на двѣсти серебряныхъ. По этому можно себѣ составить понятіе о великолѣпіи, господствовавшемъ въ то время. Вернемся къ аббату; онъ говоритъ: „Но ихъ величества все время оста-

вались на тронѣ, не ѣвши ничего. Къ концу обѣда, поставили передъ царемъ и царицею жаренаго каплуна, сладкій пирогъ, конфекты, торту и солонку съ солью. Старшая боярыня весьма почтительно подошла къ трону, завернула всѣ эти кушанья въ скатерть, и передала ихъ четыремъ старшимъ стольникамъ царя, чтобы перенести ихъ въ комнату, гдѣ должны были ночевать царь и царица. Эти кушанья тамъ тщательно были сбережены.“ Я нахожу въ моей рукописи, что ихъ величества обѣдали на тронѣ, и что когда подали третью смѣну кушаній, состоявшую изъ жаркаго и пирога сладкаго, унесли нѣсколько блюдъ, чтобы ихъ сохранить. Аббатъ приписываетъ эту должность старшей боярынѣ; моя рукопись, напротивъ того говоритъ, что это сдѣлалъ старшій дружко. Г. Шаппъ продолжаетъ на стр. CLXXXIII (294): „Послѣ обѣда, ихъ величества встали, чтобы пойти въ эту комнату; всѣ бояре стали въ рядъ со стороны царя, и всѣ боярыни со стороны царицы. Князь Никитичъ исполнялъ должность посаженаго отца царя, и велъ подъ руку царицу; весь дворъ проводилъ ихъ величества въ большую горницу, предшествовавшую спальнѣ. Царь остановился среди этой комнаты со всѣмъ дворомъ, выстроеннымъ въ два ряда. Затѣмъ князь Никитичъ подвелъ царицу къ царю; и, произнесши рѣчь, сообразную обстоятельствамъ, онъ открылъ дверь комнаты, въ которой должны были ночевать ихъ величества“.

Рукопись моя гласитъ, что послѣ третьей смѣны кушаньевъ, состоявшей изъ жаркаго, царь всталъ изъ-за стола, что онъ подалъ руку царицѣ, что князь Иванъ Никитичъ Романовъ шелъ впереди ихъ величествъ, и что всѣ приглашенные на свадьбу слѣдовали за ними, что они прошли въ комнату, предшествовавшую спальной, и что тамъ князь Романовъ держалъ царю рѣчь, послѣ которой царь вошелъ въ спальню, убранную нарочно для этого случая, подъ руководствомъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и окольничихъ (званіе окольничаго было ниже боярскаго) Льва Ивановича Долматова-Карпова и Луки Степановича Стрешнева. За тѣмъ авторъ говоритъ: „Княгиня Никитичъ, остававшаяся у двери съ большимъ золотымъ блюдомъ, наполненнымъ пшеницею, рожью и другимъ зерномъ, подошла къ ихъ величествамъ. На ней было длинное платье изъ соболей шерстью вверхъ. Эта княгиня, ставъ насупротивъ царя и царицы, бросила въ лицо и на тѣло ихъ величествъ всѣ зерна, лежавшія на блюдѣ, при чемъ пѣлись веселыя пѣсни.“ Эта княгиня, которую аббатъ называетъ Никитичемъ, была княгиня Уліана Романова, исполнявшая въ этой церемоніи должность посаженной матери, состоявшую въ томъ, чтобы встрѣтить въ спальнѣ царя и царицу; рукопись моя

говоритъ, что она надѣла шубу мѣхомъ вверхъ, и что она посыпала нѣсколько зеренъ на ихъ величества, но я нигдѣ не нахожу, чтобы какая-либо княгиня Никитичъ бросала ихъ имъ въ лицо и на тѣло, и чтобы эта княгиня была въ длинномъ платьѣ изъ соболей, какъ заблагоразсудилось разсказать г-ну д'Отерошу. Не нахожу также тѣхъ веселыхъ пѣсенъ, которыя, по увѣренію г. Шаппа, пѣлись безпрестанно. Онъ продолжаетъ на стр. CLXXXIV (295): „Какъ только ихъ величества сѣли, дамы, участвовавшія въ церемоніи, принялись пѣть пѣсни, при которыхъ устраивается брачная постель. Чиновники тотчасъ принесли всѣ различные снаряды, изъ которыхъ она должна была состоять. Прежде всего установили деревянную кровать, на которую положили бархатный коверъ, а сверхъ его два снопа пшеницы. На эти снопы положили матрацы, простыни, весьма богатое одѣяло и подушки, которыя были освящены въ церкви". Я же опять нахожу, что кровать уже была совсѣмъ готова, прежде чѣмъ новобрачные вошли въ спальню, и что при ея установленіи не пѣлось пѣсенъ; для чего же аббатъ повѣствуетъ, будто эта постель убиралась въ присутствіи царя и царицы? Очень хорошо понимаю, для чего! По той-же причинѣ, которая заставила его сказать, будто бросали имъ въ лицо зерна: по безмѣрному желанію автора придать смѣшной характеръ обычаямъ стариннымъ, и уже потому самому страннымъ въ нашихъ глазахъ. У этого человѣка истина всегда остается на днѣ колодца. Аббатъ затѣмъ повѣствуетъ, что „князь Никитичъ, исполнявшій должность отца, и супруга его, исполнявшая должность матери, подошли къ ихъ величествамъ, и они подвели ихъ къ брачному ложу. Всѣ удалились въ брачную комнату или залу, и все общество снова принялось ѣсть". Я же нахожу въ моей рукописи, что тѣ, которые еще не ѣли, пошли ѣсть, и больше ничего. Аббатъ говоритъ: „остались за столомъ до девяти часовъ слѣдующаго утра, когда царь послалъ за княземъ Никитичемъ и за его супругою". Рукопись моя говоритъ, что на слѣдующій день, въ девять часовъ, князь Иванъ Никитичъ Романовъ и его супруга вернулись ко дворцу, и что царь пригласилъ ихъ къ себѣ и оставилъ обѣдать. Г. Шаппъ повѣствуетъ, что въ понедѣльникъ, который былъ третьимъ днемъ послѣ свадьбы, царь отправился въ баню съ главными сановниками двора, а царица съ главными боярынями". Онъ прибавляетъ: „Ихъ величества мылись способомъ, обычнымъ въ странѣ; и тутъ-же обѣдали одни". Аббатъ въ этомъ мѣстѣ чудовищно погрѣшаетъ противъ мѣстнаго колорита, при всемъ своемъ притязаніи на глубокое знаніе мѣстныхъ обычаевъ. Понедѣльникъ не можетъ быть у насъ третьимъ днемъ отъ

свадьбы, ибо въ Греческой церкви нельзя жениться ни въ субботу, ни во вторникъ, ни въ четвергъ; суббота есть канунъ воскресенья; всякое воскресенье есть праздникъ, а наканунѣ праздниковъ и постныхъ дней не женятся, а середы и пятницы суть дни постные. И такъ, аббатъ конечно не нашелъ въ своей рукописи, чтобы третьимъ днемъ свадьбы былъ понедѣльникъ; этотъ понедѣльникъ, третій день свадьбы, остается за нимъ и служитъ новымъ, несомнѣннымъ доказательствомъ его невѣжества относительно нравовъ страны, о которой онъ говоритъ, и неточности его въ списываніи. Его ненависть къ банямъ и здѣсь его не оставляетъ. Онъ говоритъ: „Ихъ величества мылись способомъ, обычнымъ въ странѣ". Этихъ словъ не было въ его рѣдкой рукописи, ибо это разумѣется само собою. Но такъ какъ аббата въ банѣ высѣкли, то онъ желаетъ, чтобы всѣ подверглись той-же участи, и онъ называетъ это „обычаемъ страны". Онъ разсказываетъ затѣмъ на стр. CLXXXV (297): „Послѣ бани, царя и царицу проводили въ ихъ спальню, и въ нее послѣдовали за ними всѣ вельможи и дамы двора. Царь вошелъ первый; за нимъ царица, съ покрываломъ на головѣ; она стала около царя посереди комнаты. Князь Никитичъ стрѣлою снялъ съ царицы покрывало, для того, чтобы все собраніе могло ее видѣть. Великій канцлеръ тотчасъ велѣлъ разгласить во дворцѣ, при звукѣ трубъ, что царь позволяетъ видѣть царицу. Всѣхъ допустили отдать почести Ихъ Величествамъ, по Русскому обычаю, т. е. кланяясь въ землю".

Для того, чтобы понять это мѣсто, нужно знать, что встарину всѣ наши дамы носили покрывала. Этотъ обычай былъ у насъ общимъ со многими другими странами, и еще весьма недавно, въ нѣкоторыхъ странахъ Европы нашли бы неприличнымъ, если-бы дама вышла иначе, чѣмъ съ покрываломъ или маскою на лицѣ. На другой день свадьбы царя, царица, по обычаю, показывалась съ открытымъ лицомъ всѣмъ присутствующимъ, и для того, чтобы никто ея не коснулся, отецъ подымалъ съ нея покрывало стрѣлою, какъ орудіемъ, въ старину наиболѣе цѣнимымъ. Аббатъ говоритъ нелѣпость, когда онъ повѣствуетъ, что „великій канцлеръ тотчасъ велѣлъ разгласить во дворцѣ, при звукѣ трубъ, что царь позволяетъ видѣть царицу". Во первыхъ должность великаго канцлера не существовала. Во вторыхъ, царицу видѣли только тѣ, которые присутствовали на свадьбѣ. Можетъ быть, при поднятіи покрывала, заиграли въ трубы, но это не было оглашеніемъ, а лишь знакомъ веселія, точно такъ же, какъ провозглашаютъ здоровья при звукѣ трубъ, при чемъ никто не воображаетъ, чтобы это служило для оглашенія этихъ тостовъ. Онъ продолжаетъ: „Всѣхъ

допустили отдать почести ихъ величествамъ по Русскому обычаю, т. е. кланяясь въ ноги". Сказано ли это въ вашей рукописи, г. покойникъ? Въ моей этого не сказано, а значится просто, что всѣ были допущены, и поклонились царицѣ. Я понимаю по-русски; вы же не понимали на этомъ языкѣ ни единаго слова; нашъ языкъ очень богатъ, въ немъ бываетъ по три, по четыре и болѣе словъ для того, чтобы выражать одно и то-же; такъ и кланяться, и поклониться, значитъ одно и то-же, что по французски saluer; нигдѣ не сказано se prosterner par terre, ибо тогда въ рукописи значилось-бы: кланяться въ землю, и двадцать иныхъ выраженій для того же могли бы встрѣтиться въ нашихъ рукописяхъ, въ моей и въ вашей, но ничего подобнаго въ нихъ нѣтъ. И такъ, останутся еще на вашей отвѣтственности слова: „по Русскому обычаю, т. е. кланяясь въ землю". Утверждаю, что эта фраза изобрѣтена вами и есть ваша чистая выдумка: царицѣ поклонились, но никто не кланялся ей въ землю. Г. академикъ продолжаетъ (я все еще остаюсь при страницѣ CLXXXV (297): „Царь изъявилъ патріарху, черезъ великаго канцлера, свое желаніе его видѣть, и этотъ прелатъ отправился ко дворцу во главѣ своего духовенства. Царь отправился встрѣчать патріарха къ дверямъ комнаты, приготовленной для его пріема, и прелатъ, благословивши его величество золотымъ крестомъ, сѣлъ около царя, который одинъ былъ на тронѣ". Относительно великаго канцлера, о которомъ такъ часто упоминаетъ аббатъ и существованіе котораго я отвергаю, скажу слѣдующее. Г. Шаппъ находитъ въ своей рукописи, что думный дьякъ былъ посланъ царемъ туда-то, что другому была дана такая-то должность: и такъ, онъ долженъ былъ бы заключить, еслибы былъ послѣдователенъ, что было нѣсколько великихъ канцлеровъ, ибо онъ даетъ имъ этотъ титулъ; но онъ предпочелъ возложить всѣ эти порученія на одно лицо и сдѣлалъ изъ него великаго канцлера, которого онъ и подаетъ подъ всѣми соусами. Эти думные дьяки, которыхъ было нѣсколько, были ничто иное, какъ совѣтники или статсъ-секретари по разнымъ департаментамъ. Дума встарину значила совѣтъ; даже во многихъ мѣстахъ Германіи вы найдете, что каѳедральные соборы, при которыхъ былъ, или еще есть, капитулъ, именовались думами (Dom). Это слово Славянское: отъ него глаголъ думать. Многія мѣста въ Германіи, въ Богеміи, въ Силезіи, въ Венгріи были основаны древними Славянами и сохранили свое прадѣдовское наименованіе: примѣромъ могутъ служить имена городовъ: Старградъ, Столпъ, Слава, Бѣлградъ, и т. д., все это слова Славянскія. Въ Лужицахъ, въ Богеміи, въ Далмаціи, въ Сербіи разговорный языкъ есть языкъ Славянскій, хотя

произношеніе и различно. Но для того, чтобы вернуться къ нашему предмету, отъ котораго мы далеко уклонились, нужно будетъ оставить древнихъ Славянъ и ихъ потомковъ, сдѣлавшихъ изъ слова дума нарицательное названіе своихъ соборовъ. Мы оставили царя на тронѣ, а патріарха, сидящаго недалеко отъ него. Аббатъ продолжаетъ: „Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, хранитель архивовъ принесъ книгу, въ которую былъ занесенъ свадебный контрактъ царя, для того, чтобы его подписалъ патріархъ". Моя рукопись не говоритъ ни слова объ этой церемоніи, и я полагаю, что она права. Весьма можетъ быть, что патріархъ занесъ самъ, или велѣлъ занести въ лѣтописи Успенскаго собора, что царь женился въ такой-то день; но конечно дѣло не шло о томъ, чтобы занести въ какую-либо книгу его брачный контрактъ, и такой книги съ контрактомъ патріарху для подписанія не подносили по весьма простой причинѣ, а именно по той, что брачнаго контракта не было. Наши цари, выбирая себѣ невѣсту, не получали и не брали приданаго; какъ только выборъ совершался, будущая царица получала содержаніе отъ царя. О томъ, что̀ должна была получить царица въ случаѣ, еслибы она овдовѣла, также не заключалось условій; послѣ свадьбы царь жаловалъ въ даръ царицѣ извѣстныя помѣстья и содержалъ ея дворъ. Эти помѣстья за тѣмъ, если она переживала царя, оставались за нею; если у нея были дѣти, то имъ давались удѣлы, которыми управляла мать во время малолѣтства этихъ дѣтей; сверхъ того, царицы покупали столько помѣстій, сколько имъ было угодно. Однакоже большинство овдовѣвшихъ царицъ постригалось по смерти мужа: это въ тѣ времена нѣкоторымъ образомъ требовалось приличіемъ; онѣ, несмотря на свой монашескій чинъ, продолжали владѣть своимъ имуществомъ, и обыкновенно при смерти завѣщевали добрую его долю тому монастырю, въ которомъ постриглись.

Г. Шаппъ продолжаетъ: „за тѣмъ духовенство отдало царю почести и поднесло ему обычные подарки". Моя рукопись говоритъ, что царь и царица отказались отъ поднесенныхъ имъ подарковъ и приняли только дары патріарха. Авторъ затѣмъ повѣствуетъ, что царь повелъ патріарха въ аппартаменты царицы, гдѣ все происходило, какъ у царя; что за тѣмъ этотъ послѣдній обѣдалъ съ духовенствомъ. На стр. CLXXXVI (299) аббатъ говоритъ: „эти различныя церемоніи, державшіяся до Петра I, доказываютъ намъ въ то же время великую власть, которой добились въ Россіи патріархи. Въ послѣдствіи они ее все болѣе и болѣе распространяли. Государь, по свидѣтельству г. Вольтера, разъ въ годъ шелъ пѣшкомъ съ обнаженною головою,

передъ патріархомъ, ведя его лошадь подъ уздцы. Никонъ, котораго монахи считаютъ святымъ, и который занималъ патріаршій престолъ во времена Алексѣя, отца Петра Великаго, захотѣлъ поставить этотъ престолъ выше царскаго; не только присвоивалъ онъ себѣ право засѣдать въ Сенатѣ рядомъ съ царемъ, но утверждалъ, что нельзя ни объявлять войны, ни заключать мира безъ его согласія". Не вижу, почему всѣ эти различныя церемоніи указываютъ на великую власть, пріобрѣтенную патріархами въ Россіи; патріархъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ отцомъ царя, и этотъ послѣдній оказывалъ ему всевозможное уваженіе. До царствованія царя Ѳедора Ивановича мы на Московской каѳедрѣ видимъ лишь митрополитовъ. Во всемъ описаніи свадебнаго обряда мы не видимъ ни одного дѣйствія, въ которомъ бы выразилась власть патріарха. Его сынъ попросилъ у него благословенія, по случаю своего брака, и нѣсколько дней послѣ церемоніи, патріархъ пришелъ, во главѣ духовенства, поздравить царя, и его сынъ оставилъ его у себя обѣдать. Это мѣсто, что̀ бы ни говорилъ г. Шаппъ, не можетъ служить доказательствомъ большой власти патріарховъ; мы тутъ единственно видимъ отца и главу церкви, которому оказывается уваженіе и вниманіе, и больше ничего. Въ началѣ этого мѣста г. д'Оторошъ сказалъ, что „эти различныя церемоніи продержались до Петра I". Это не совсѣмъ точно; ибо реформа, предпринятая Петромъ Великимъ, была начата царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его старшимъ сыномъ, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Этотъ послѣдній уже приступилъ къ измѣненію одежды и многихъ другихъ обычаевъ. Аббатъ продолжаетъ: „Они (патріархи) впослѣдствіи все болѣе и болѣе распространяли свою власть." Съ властію патріарховъ случилось точь въ точь то же, что̀ мы видѣли относительно разныхъ подобныхъ властей во многихъ другихъ странахъ Европы. Набожные и притомъ невѣжественные или слабые монархи полагали, что они не могутъ довольно выразить уваженіе свое религіи и ея служителямъ, и часто смѣшивали послѣднихъ съ первою. Такъ какъ все это шло усиливаясь, и всякій монархъ хотѣлъ затмить благочестіе своего предшественника, то они замѣтили, сколько они уступили, лишь когда зло стало чувствительнымъ для нихъ самихъ; тогда они захотѣли взять назадъ то, что̀ они дали или уступили, и тогда поднялись толки о захватѣ власти духовенствомъ. Однако же эти толки несправедливы: никогда духовенство не захватывало власти, развѣ по доброй воли монарха или правительства. Одинъ министръ говорилъ однажды лѣнивому принцу: „Государь, когда монархъ не занимается дѣлами, его государство управляется само собою, но управ-

ляется плохо". Полагаю, что это слово весьма приложимо и къ настоящему случаю: все сказанное выше есть приблизительно исторія того, что̀ происходило повсюду въ этого рода дѣлахъ.

Аббатъ продолжаетъ: „Государь, по свидѣтельству г. Вольтера, разъ въ годъ шелъ пѣшкомъ и съ открытою головою передъ патріархомъ, ведя его лошадь подъ уздцы". Изъ нашихъ рукописей видно, что въ день вступленія на каѳедру каждаго епископа, въ старину, онъ послѣ обѣда садился на лошадь, и его обыкновенно обводили вокругъ ограды собора, въ воспоминаніе въѣзда Спасителя въ Іерусалимъ; извѣстное лицо, для того назначенное, сопровождало его. Было лишь весьма мало примѣровъ тому, чтобы самъ царь при этомъ случаѣ сопровождалъ патріарха, но онъ назначалъ для этого вельможъ. Патріархъ Никонъ былъ смѣщенъ за его безмѣрныя притязанія. Тогда въ Россіи еще не было Сената, но Никонъ имѣлъ притязаніе участвовать во всѣхъ совѣтахъ и мѣшался въ вопросы о войнѣ и мирѣ.

Аббатъ повѣствуетъ, что „въ началѣ царствованія Петра I Русскіе женились безъ всякаго предварительнаго свиданія жениха съ невѣстою. Родные парня посылали важную женщину къ роднымъ дѣвки. У васъ товаръ, говорила она имъ,—у насъ купецъ. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій и нѣсколькихъ дней переговоровъ, родные видѣлись между собою. Когда парень приходился по вкусу роднымъ дѣвки, они назначали день брака. За два дня до вѣнчанія, жениха приводили къ невѣстѣ: она принимала его, но съ нимъ не говорила. Одному изъ ея родственниковъ было поручено занимать парня. На слѣдующій день женихъ посылалъ подарокъ невѣстѣ. Онъ состоялъ изъ сластей, мыла и другихъ подобныхъ предметовъ. Раскрывала она заключающій ихъ ящикъ лишь въ присутствіи своихъ подругъ, за которыми она посылала; она запиралась съ ними, и не переставала плакать, пока ея подруги пѣли пѣсни, относящіяся до ея брака". Во первыхъ, аббату слѣдовало бы менѣе, чѣмъ кому-либо другому, удивляться тому, что въ старину у насъ устраивались браки безъ всякаго предварительнаго свиданія молодыхъ; ибо въ настоящее время, во Франціи, большинство браковъ, въ особенности между людьми знатными, совершаются такимъ образомъ: родные уговариваются, безъ участія молодыхъ людей, о ихъ бракосочетаніи, молодую дѣвушку берутъ изъ монастыря и прямо ведутъ въ церковь. Во вторыхъ, если комедія есть зеркало нравовъ, то мы должны предположить, что во Франціи, точно такъ же, какъ въ старину въ Россіи, извѣстнаго рода матроны занимались устройствомъ браковъ; о чемъ свидѣ-

тельствуетъ Нерина въ „Скупомъ“ Мольера, считающая себя столь искусною по этой части, что хвалится тѣмъ, что если бы захотѣла, женила бы султана на Венеціянской Республикѣ. Въ третьихъ, аббатъ передаетъ формулу этихъ матронъ слѣдующими словами: „у васъ товаръ, у насъ купецъ“. Очень можетъ быть, что подобная личность употребила такія выраженія; но смѣшно думать, чтобы ни одинъ бракъ не устраивался безъ этой плоской формулы; во всякомъ бракѣ бываютъ посредники, и они повсюду, полагаю я, говорятъ какъ умѣютъ и сообразно обстоятельствамъ. Г. Шаппъ здѣсь опять, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своей книги, смѣшиваетъ подъ одною рубрикою всѣ сословія страны. Однако же, видя, что онъ называетъ жениха парнемъ, а невѣсту дѣвкою, и судя по подарку изъ мыла и сластей, упомянутому имъ, можно сказать несомнѣнно, что онъ говоритъ лишь о самомъ низшемъ классѣ народа. Но тотчасъ затѣмъ, на стр. CLXXXVII (300) онъ самъ беретъ на себя трудъ вывести васъ изъ заблужденія, предупреждая васъ, „что лишь въ народѣ встрѣчаются слѣды этихъ послѣднихъ обычаевъ“. И такъ онъ говорилъ о всѣхъ сословіяхъ, онъ называлъ парнями и дѣвками всѣхъ жениховъ и всѣхъ невѣстъ, и заставлялъ всю Россіи дарить мыло. Благодарю васъ, г. аббатъ, мнѣ нечего опровергать васъ: вашъ подарокъ дѣйствуетъ самъ собою. Онъ продолжаетъ: „Европейскіе нравы, которые Петръ I постарался ввести въ свое государство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрушили часть старинныхъ предразсудковъ. Съ этого времени молодые люди сами сватаются. Между вельможами, состояніе и связи опредѣляютъ выборъ родителей, а дѣтей, какъ и повсюду, рѣдко спрашиваютъ“. Онъ могъ бы прибавить, что нѣтъ угла въ Имперіи, на который реформа Петра I-го не подѣйствовала бы, въ этомъ отношеніи и во многихъ другихъ, болѣе или менѣе сильно. Не только молодые люди сватаются сами, но нѣтъ, быть можетъ, страны, въ которой бы браки по склонности были чаще, чѣмъ въ нашей; остается только пожелать, чтобы эти склонности были прочны и чтобы дѣти, вступающія въ бракъ, соединяли добрые нравы съ разсудительностію. Авторъ говоритъ: „Европейскіе нравы однакоже мало распространились въ Россіи, потому что они не имѣютъ ничего подходящаго къ ея деспотическому правительству; они ввели роскошь и сообщенія Русскихъ съ чужими краями; эти путешествія въ особенности сдѣлали ихъ болѣе несчастными, ибо они дали имъ возможность сравнивать свое состояніе съ состояніемъ людей свободныхъ“.

Для того, что-бы опредѣлить, на сколько Европейскіе нравы распространились въ Россіи, слѣдовало-бы войти въ

большія подробности; лишь тогда можно было-бы сказать, что то-то было занесено къ намъ, а это осталось; то-то выработано нами, а это произошло отъ смѣси старинныхъ нравовъ съ новыми. Изъ только что сказаннаго мною слѣдуетъ, что наши нравы не однообразны, да и какъ имъ быть таковыми? Не шестнадцать-ли тысячъ верстъ разстоянія отъ Риги до Камчатки, и сколько такое протяженіе заключаетъ разныхъ народовъ и климатовъ? Г. Шаппъ сказалъ, что „Европейскіе нравы однако-же мало распространились въ Россіи, потому что они не имѣютъ ничего подходящаго къ ея деспотическому правительству.“ Но г. д'Отерошъ не рѣшился-бы отпустить эту фразу, если-бы онъ взглянулъ на Данію, гдѣ власть государя неограничена, а нравы однако-же Европейскіе. Аббатъ продолжаетъ: „Они (Европейскіе нравы) ввели въ нее (въ Россію) роскошь и сообщеніе Русскихъ съ чужими краями.“ Роскошь у насъ приняла иной, противъ прежняго, характеръ; предметы роскоши измѣнились, но у насъ всегда была роскошь: то она заключалась во множествѣ слугъ, то во множествѣ лошадей, то обращалась на собакъ, на оружія, на драгоцѣнныя украшенія; было время, когда всякій, въ малѣйшемъ имѣніи, хотѣлъ имѣть великолѣпную церковь.

Что касается для сообщеній Русскихъ съ чужими краями, они существовали всегда, и вотъ какимъ образомъ. Русскіе съ древнѣйшихъ временъ дѣлали частыя завоеванія. Оставляю въ сторонѣ времена самыя древнія, когда съ береговъ Борисѳена они доходили до Константинополя, и когда великій князь Святославъ перенесъ свою резиденцію на берега Дуная (въ числѣ молитвъ нашей церкви сохранилась молитва къ Богородицѣ, сочиненная противъ насъ, когда нашъ флотъ спустился до столицы Восточной Имперіи, и это самый достовѣрный памятникъ этого событія); начинаю лишь со времени построенія города Москвы. И что же? Сколько завоеваній, оружіемъ и политикою, сдѣлалъ народъ, населившій губернію этого имени? I. Новгородъ со всею его областью, заключающею Ладожское озеро, Псковъ, Зубцовъ, Тверь и часть Архангельской губерніи. II. Царство Казанское. III. Царство Астраханское. IV. Всю Сибирь. V. Смоленскъ. VI. Украйну. VI. Ингерманландію. VIII. Финляндію. IX. Ливонію. X. Эстляндію. Сдѣлайте милость, читатель, возьмите карту, и вы увидите, что́ такое Московская губернія, въ сравненіи съ этими завоеваніями. И такъ, вотъ уже сношенія съ чужбиною, длящіяся въ теченіи многихъ вѣковъ. Если, для того, чтобы сохранить чистою вѣру этихъ завоевателей, политическій законъ воспрещалъ имъ оставлять предѣлы, въ которыхъ исповѣдывалась эта вѣра, это не мѣшало имъ имѣть сообщенія съ чужбиною;

ибо внутри Имперіи были цѣлые города, выстроенные и населенные иностранцами. Англичане, Нѣмцы, Поляки, Шведы, жили среди насъ. Въ Архангельской области были поселенія, построенныя иностранцами, городъ Вологда былъ построенъ Нѣмцами, цѣлая слобода въ Москвѣ также. Мѣстяко Валдай было построено и населено Поляками. Кромѣ того, торговля способствовала этимъ сообщеніямъ. Аббатъ говоритъ: „путешествія въ особенности сдѣлали ихъ (Русскихъ), болѣе несчастными, ибо они дали возможность сравнивать свое состояніе съ состояніемъ свободныхъ людей.“ Слѣдуетъ, однако-же, полагать, что сравненіе несчастнаго, по мнѣнію г. Шаппа, состоянія моихъ соотечественниковъ съ состояніемъ свободныхъ людей въ иныхъ странахъ не столь для насъ не выгодно. Ибо, хотя наши Русскіе и могли бы покидать свою родину, не только законнымъ путемъ, но и обманомъ (какъ дѣлаютъ Французы для того, чтобы покидать свою родину, такъ какъ нито изъ нихъ не имѣетъ права выѣхать изъ королевства безъ позволенія правительства и паспорта отъ короля, или министра); однако же, на одного Русскаго, поселяющагося на чужбинѣ, вы найдете сто иностранцевъ, поселяющихся въ Россіи; скажу болѣе: иностранцы, пожившіе въ Россіи, если и поѣдутъ на родину, спѣшатъ возвращаться къ намъ, и сознаются, что нигдѣ они не наслаждались гражданскою жизнію, болѣе свободною, менѣе подверженною тысячи неудобствъ и притѣсненіямъ. И такъ, вотъ примѣръ, по которому читатель можетъ сравнить жизнь людей, по мнѣнію г. Шаппа, свободныхъ, съ жизнію тѣхъ, которыхъ ему угодно сажать на цѣпь. Разсудите теперь, прошу васъ, кто изъ насъ двоихъ правъ, аббатъ или я? Авторъ тотчасъ за тѣмъ говоритъ: „Я видѣлъ этотъ народъ въ осьми стахъ миляхъ отъ двора и, по этому самому, могъ его узнать.“ Мы показали, какъ онъ видѣлъ, какъ онъ понялъ, и какъ онъ знаетъ вещи, о которыхъ, онъ говоритъ. Г. Шаппъ, мы родились и воспитаны въ столицѣ, мы много читали тѣ вещи, которыя пишутъ о насъ иностранцы; мы читали о провинціяхъ всѣ тѣ предразсудки, коими обыкновенно заражаются люди поверхностные, воспитанные въ столицахъ. Дѣла заставили насъ оставить столицу, и каково было наше удивленіе! Мы думали найти пустыню, и мы нашли страну населенную и обработанную, обширные и богатые города, оставляющіе желать лишь лучшей постройки: предметъ, которому правительство въ настоящее время посвящаетъ особое вниманіе. Мы думали, по словамъ людей подобныхъ, встрѣтить медвѣдей и вмѣсто того, мы встрѣтили людей разумныхъ, исполненныхъ радушія и внимательности, быть можетъ менѣе ловкихъ и напудренныхъ, но болѣе искреннихъ,

чѣмъ тѣ, которыхъ мы оставили за собою. Мы думали, что въ провинціи едва знаютъ азбуку, и вмѣсто того, мы находили книги, а въ Казани, могли бы, если-бы хотѣли, танцовать, въ теченіи мѣсяца на девятнадцати балахъ. Когда мы увидѣли это, то потеряли желаніе возвратиться въ столицу, и не будь къ тому необходимости, не знаемъ, чѣмъ-бы кончилось дѣло. Послѣ этого прочтите, если можете, безъ отвращенія, слѣдующія слова аббата: „Вообще въ Россіи мало извѣстно общество, въ особенности за Москвою.“ Онъ продолжаетъ: „И какъ могло-бы оно развиться при правительствѣ, при которомъ не пользуются политическою свободою, во всѣхъ прочихъ странахъ обезпечивающею безопасность каждаго гражданина? Всѣ боятся другъ друга, отсюда недовѣріе, двоедушіе, обманъ; дружба, это чувство, составляющее прелесть жизни, никогда не было извѣстно въ Россіи: она предполагаетъ душевную чувствительность, отождествляющую двухъ друзей, и сердечныя изліянія, дѣлающія между ними общими и радость, и горе. Такъ какъ мужчины, за Москвою, мало уважаютъ женщинъ, то онѣ не играютъ въ обществѣ никакой роли, а какое общество можетъ образоваться безъ нихъ? Онѣ почти постоянно живутъ взаперти, внутри своихъ домовъ: онѣ тамъ проводятъ дни свои въ скукѣ, окруженныя своими рабынями, безъ власти и безъ занятія; онѣ даже не наслаждаются удовольствіемъ чтенія, ибо большинство изъ нихъ не умѣетъ читать. Мужчины,—такіе-же невѣжи, какъ и женщины. Отъ времени до времени собираются весьма церемонно. Губернаторы и главные чиновники даютъ по нѣскольку разъ въ годъ большіе обѣды. Родственники точно такъ же собираются отъ времени до времени для того, чтобы праздновать семейнаго святаго, но они рѣдко допускаютъ на эти празднества людей постороннихъ. На большіе обѣды приглашаютъ и мужчинъ, и женщинъ; но ихъ не сажаютъ за одинъ столъ, даже въ одной комнатѣ. Хозяйка дома является въ комнату мужчинъ лишь въ ту минуту, когда они собираются садиться за столъ: она несетъ большой подносъ, покрытый рюмками водки; она подаетъ съ крайнимъ смиреніемъ всѣмъ гостямъ, которые даже и не смотрятъ на нее: ей отдаютъ рюмки, и она тотчасъ удаляется.“

Въ началѣ этого мѣста аббатъ сказалъ: „Да и какъ могло бы оно (общество) развиться при правительствѣ, при которомъ никто не пользуется политическою свободою, во всѣхъ прочихъ странахъ обезпечивающею безопасность каждаго гражданина?“ Тотчасъ передъ тѣмъ онъ сказалъ: „вообще, въ Россіи мало извѣстно общество, въ особенности за Москвою“. Эти двѣ фразы, слѣдующія одна за другою, составляютъ противорѣчіе, въ особенности по тому

смыслу, въ которомъ написано все это мѣсто, и заключающемуся въ томъ, будто развитію общества препятствуетъ правительство. Еслибы было такъ, то гражданская жизнь была бы свободнѣе вдали отъ столицы, чѣмъ вблизи отъ трона. Старинная Русская пословица еще сильнѣе выражаетъ сказанное мною: близь царя, близь смерть, гласитъ она. Если „политическая свобода, во всѣхъ иныхъ странахъ обезпечивающая безопасность каждаго гражданина", не существуетъ въ Россіи, почему же поселяется въ ней столь много иностранцевъ, почему покидаетъ свою родину столь мало Русскихъ? Увы! Зачѣмъ мнѣ распинаться, доказывая дѣйствительное положеніе вещей? Прочтите, читатель, *Наказъ* Императрицы Екатерины II. Вы увидите, на сколько мы стѣснены. Мы разсказывали выше, что̀ видѣли въ провинціи; прибавимъ тутъ, что наши соотечественники столь мало враги общественныхъ удовольствій, и въ то же время столь мало стѣснены, что мнѣ извѣстны многіе провинціальные города, въ которыхъ, зимою, дни недѣли распредѣлены между главными домами города, дабы въ нихъ собираться, ибо на лѣто всѣ разъѣзжаются по деревнямъ. Въ Ярославлѣ, напримѣръ, гдѣ есть весьма богатые купцы и фабриканты, жители не отказываютъ себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ, и кромѣ того на масляницѣ происходятъ собранія и маскарады. Эти увеселенія замѣнили тѣ, коими пользовались наши предки, также любившіе веселье. У нихъ были игры, пляски и пѣсни на всѣ времена года; напримѣръ отъ Рождества до Крещенія предавались увеселеніямъ, которые не повторялись на масляницѣ. Это послѣднее время искони было посвящено катаніямъ въ саняхъ и другимъ играмъ; послѣ Пасхи опять начинались другія, которыми можно было пользоваться на открытомъ воздухѣ, и эти послѣднія длились, пока не кончалось лѣто. Осень была временемъ охоты, и такимъ, когда всего болѣе посѣщали другъ друга. Никогда правительство не было обвинено болѣе несправедливо въ томъ, что оно стѣсняетъ общественность или препятствуетъ ея развитію. Напротивъ того: вотъ уже скоро сто лѣтъ, какъ правительство по истинѣ старается о ея поощреніи. Аббатъ продолжаетъ: „всѣ боятся другъ друга; отсюда недовѣріе, двоедушіе, обманъ; дружба, это чувство, составляющее прелесть жизни, никогда не было извѣстно въ Россіи; она предполагаетъ душевную чувствительностъ, отождествляющую двухъ друзей, и сердечныя изліянія, дѣлающія между ними общими и радость, и горе". Вотъ, г. академикъ, вы заставляете меня говорить о самомъ себѣ; я имѣю честь быть Русскимъ, но я никого не боюсь; я знаю, что пока я исполняю мои обязанности, мнѣ бояться некого, и я убѣж-

денъ, что не я одинъ такъ думаю. Я также не подозрителенъ и полагаю, что подозрительность можетъ происходить лишь отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, отъ дурнаго сердца, во-вторыхъ отъ слабости, ибо излишняя опасливость есть слабость; двоедушіе-же и обманъ, полагаю я, составляютъ принадлежность негодяевъ. Можно ли, г. д'Отерошъ, не оказывая слишкомъ большой несправедливости природѣ человѣческой, допустить подобное сужденіе о цѣломъ народѣ? Скажу болѣе: государство, состоящее изъ однихъ обманщиковъ и негодяевъ, не могло бы существовать. Однакоже, слава Богу, Россія существовала въ видѣ благоустроеннаго государства въ теченіи многихъ вѣковъ, и она еще не склоняется къ паденію. И такъ, мы далеко разлошлись въ нашихъ выводахъ, г. академикъ. Возвращаюсь къ тексту. Авторъ говоритъ: „Дружба, это чувство, составляющее прелесть жизни, никогда не была извѣстна въ Россіи; она предполагаетъ душевную чувствительность, отождествляющую двухъ друзей, и сердечныя изліянія, дѣлающія между ними общими и радость, и горе". Почему, спрошу васъ, дружба никогда не была извѣстна въРоссіи? Потому, полагаю я, что такъ угодно утверждать аббату. Какъ лишать слишкомъ двадцать милліоновъ людей дружбы и той чувствительности, которая необходима, чтобы испытывать ее? О, это слишкомъ сильно, если вы хотите, чтобы вамъ повѣрили; это невозможно. Развѣ вы считаете это чувство сверхъчеловѣческимъ; ибо, если оно въ человѣческой природѣ, то столько милліоновъ людей не могутъ не быть ему причастны. Я же вамъ скажу, что не только можно бы привести вамъ примѣры обыкновенной дружбы, но даже дружбы геройской, и это въ такомъ классѣ людей, гдѣ это чувство конечно не было надуманное, но чисто естественное. Аббатъ уже далъ понять въ другомъ мѣстѣ своей книги, что самыя естественныя чувства у насъ заглушаются, неслишкомъ разъяснивъ, по своему обыкновенію, почему онъ такъ полагаетъ, и тѣмъ менѣе доказавъ справедливость своего показанія. Не могу умолчать, по этому поводу, о фактѣ, случившемся на нашей памяти, ибо привести его здѣсь будетъ слишкомъ кстати. Два брата, оба земледѣльцы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были приведены въ канцелярію Новгородскаго губернатора (*); ихъ обвиняли въ томъ, что они убили человѣка во время ссоры съ сосѣдями изъ-за спорной земли, окончившейся дракою. Они сознавались въ фактѣ, обливались слезами, обнимали другъ друга; но каждый изъ братьевъ обвинялъ себя, чтобы спасти своего брата;

(*) Графа Якова Ефимовича Сиверса, въ жизни котораго, изданной Блумомъ, упоминается объ этомъ случаѣ. *П. Б.*

между тѣмъ рана убитаго была такова, что могла быть нанесена лишь однимъ изъ двухъ. Губернаторъ, видя передъ собою такую борьбу нѣжной и великодушной дружбы, и принимая въ соображеніе, что это убійство можно скорѣе считать несчастіемъ, чѣмъ преступленіемъ, донесъ объ этомъ дѣлѣ Императрицѣ, которая помиловала обоихъ. Дружба этихъ двухъ братьевъ напоминаетъ мнѣ черту отцовской любви, въ случаѣ, происшедшемъ нѣсколько раньше приведеннаго анекдота. Барка, на которой было нѣсколько человѣкъ, спускалась по Волгѣ; сильная буря, долго гонявшая ее, наконецъ ее опрокинула, и большинство людей, бывшихъ на баркѣ, потонуло. Отецъ съ сыномъ и третьимъ человѣкомъ ухватились за бревно, попавшееся имъ подъ руки; но такъ какъ бревно не было достаточно сильно, чтобы поддержать всѣхъ трехъ, а вѣтеръ и волны продолжали бушевать, то отецъ сказалъ молодому человѣку: „мой сынъ, ты молодъ; да благословитъ тебя Богъ; я старъ и жилъ довольно; мнѣ слѣдуетъ спасти твою жизнь". За тѣмъ онъ перекрестился и бросился въ воду; сынъ его напрягалъ послѣднія свои силы, чтобы его удержать. Вотъ однако же, вопреки г. Шаппу, черты недюжинной дружбы и самаго благороднаго и геройскаго образа мыслей. Геройскія поступки уравниваютъ состоянія. Вотъ почему я не обинуясь приведу тутъ же поступокъ героя относительно заклятаго его врага: а именно фельдмаршала князя Михаила Голицына, отца фельдмаршала князя Александра Голицына, командовавшаго въ первую кампанію противъ Турокъ въ настоящую войну, и давшаго отъ Апрѣля до Сентября 1769 года три сраженія и пять битвъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ окончательное бѣгство Турковъ, оставленіе ими важной Хотинской крѣпости и очищеніе Молдавіи и Валахіи. Отецъ этого счастливаго и храбраго полководца выигралъ, въ присутствіи Петра Великаго, битву противъ Шведскаго короля. Петръ спросилъ его, какой онъ желаетъ награды. Онъ отвѣчалъ, что величайшею милостію, которую могъ бы ему оказать Императоръ, было бы прощеніе генерала князя Репнина, находящагося подъ опалой Петра I. Императоръ сказалъ ему: онъ твой заклятый врагъ. „Именно по этому, отвѣчалъ фельдмаршалъ, прошу я объ этомъ ваше величество". Императоръ велѣлъ сказать князю Никитѣ Ивановичу Репнину, что онъ возвращаетъ ему свою милость по просьбѣ фельдмаршала князя Голицына. Но вернемся къ тексту; аббатъ говоритъ: „такъ какъ мущины, за Москвою, мало уважаютъ женщинъ, то онѣ не играютъ въ обществѣ никакой роли, а какое общество можетъ образоваться безъ нихъ? Онѣ почти постоянно живутъ взаперти, внутри своихъ домовъ; онѣ тамъ проводятъ дни свои въ

скукѣ, окруженныя своими рабынями, безъ власти и безъ занятія; онѣ даже не наслаждаются удовольствіемъ чтенія, ибо большинство изъ нихъ не умѣютъ читать". Поправлявши уже столько разъ г. Шаппа на счетъ женщинъ и всего, что̀ до нихъ относится, я на этотъ разъ избавлю себя отъ труда повторять мои поправки; остановлюсь только на обвиненіи въ неумѣніи читать, и скажу то что̀ всѣмъ извѣстно, а именно, что у насъ почлось бы стыдомъ не учить грамотѣ своихъ дѣтей. Правда, что въ извѣстныхъ странахъ, имѣющихъ притязаніе на образованность и на то, чтобы задавать тонъ другимъ, грамотность не есть дѣло столь распространенное, какъ обыкновенно полагаютъ: мы знали посланниковъ, почти не умѣвшихъ ни читать, ни писать. Аббатъ продолжаетъ: „мужчины—такіе же невѣжи, какъ и женщины". Увы, г. академикъ, вы видите спицу въ глазѣ брата своего, а не видите бревна въ своемъ собственномъ. Какихъ вопросовъ, обнаруживающихъ самое грубое невѣжество, не задаютъ путешественникамъ ваши дамочки и ваши напудренные, завитые, раздушенные франтики? И не они одни: люди, которые, казалось бы, по самому своему званію должны были бы имѣть болѣе свѣдѣній; духовныя лица напримѣръ, занимающія первыя мѣста въ церкви, нерѣдко точно такъ же попадаютъ въ просакъ. Мнѣ разсказывали, что одинъ епископъ спрашивалъ у одного изъ моихъ соотечественниковъ, имѣетъ ли Императрица Елисавета какія-либо войска, кромѣ лейбъ-компаніи, состоящей изъ трехъ сотъ пятидесяти человѣкъ, и путешествуетъ ли она на оленяхъ? Другой хотѣлъ знать, бываетъ ли въ Россіи день, и извѣстны ли въ ней обои. Третій полагалъ, что Страсбургъ находится по близости отъ Риги (*). Мы бы не кончили, еслибы вздумали перечислять всѣ нелѣпые вопросы, къ которымъ ежедневно подаетъ поводъ невѣжество вашихъ Французовъ. У насъ тѣ, которые не имѣютъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ имѣютъ благоразумную осторожность ни говорить, ни писать о вещахъ, которыхъ они не знаютъ: они не имѣютъ самонадѣянности думать, что имъ врождено всевѣденіе и писать толстыя книги о странахъ, о которыхъ они не имѣютъ понятія; по этому самому они менѣе несносны, ибо безпритязательны. Во всякомъ слу-

(*) Архіепископъ ***, ужиная однажды въ Ахенѣ съ Г. *** министромъ генеральныхъ штатовъ при *** дворѣ, и разсуждая о Голландіи, спросилъ его совершенно серьезно: имѣетъ-ли республика флотъ? При этомъ неожиданномъ вопросѣ всѣ расхохотались. Архіепископъ почувствовалъ, что этотъ хохотъ не есть знакъ одобренія, и чтобы поправиться, прибавилъ, что онъ очень хорошо знаетъ, что у Голландіи есть флотъ, но что онъ желалъ бы знать, есть ли у нея морскіе офицеры. *Это примѣчаніе находится въ старомъ (Амстердамскомъ) изданіи Антидота. П. Б.*

чаѣ, г. Шаппъ, вы не можете отвергать въ нашемъ народѣ большаго желанія просвѣщаться и еще большаго—просвѣщать своихъ дѣтей.

Въ однихъ воспитательныхъ заведеніяхъ Императрицы Екатерины II, т. е., въ Смольномъ монастырѣ, есть пять сотъ дѣвицъ, а въ кадетскомъ корпусѣ столько-же молодыхъ дворянъ. Но всякіе три года, когда въ этихъ заведеніяхъ происходятъ пріемы, привозятъ по крайней мѣрѣ втрое болѣе дѣтей, чѣмъ сколько можетъ принять ихъ заведеніе. Не вздумайте заключать изъ этого, что дѣти въ этихъ заведеніяхъ остаются лишь по три года: въ Смольномъ четыре класса, дѣвицы остаются по три года въ каждомъ, что̀ составляетъ двѣнадцать лѣтъ, въ теченіи коихъ не упускается ничего, что̀ можетъ содѣйствовать развитію ума и сердца ихъ; и сверхъ того, стараются о томъ, чтобы при выпускѣ онѣ не были столь неловки, какъ обыкновенно бываютъ во Франціи и въ иныхъ странахъ женщины, выпущенныя изъ монастыря. Въ кадетскомъ корпусѣ, молодые люди также черезъ три года переходятъ изъ класса въ классъ; классовъ пять: и такъ имъ приходится оставаться въ корпусѣ пятнадцать лѣтъ. Въ оба заведенія принимаютъ дѣтей отъ пяти до семи-лѣтняго возраста, и мальчики, нуждающіеся болѣе въ свѣдѣніяхъ, чѣмъ дѣвочки, учатся тремя годами долѣе. Мы опять отвлеклись весьма далеко отъ текста, къ которому однако нужно вернуться. Я нахожу тутъ слова: „Отъ времени до времени собираются весьма церемонно; губернаторы и главные чиновники даютъ по нѣскольку разъ въ годъ большіе обѣды. Родственники точно такъ-же собираются отъ времени до времени для того, чтобы праздновать семейнаго святаго, но они рѣдко допускаютъ на эти празднества людей постороннихъ.“ На это изложеніе г. аббата имѣю возразить, что собираются не отъ времени до времени и весьма церемонно, но когда хотятъ и безъ всякихъ церемоній, по мѣрѣ взаимной дружбы и знакомства. Едва-ли есть страна, въ которой нравы были-бы менѣе церемонны, чѣмъ въ нашей. Аббатъ говоритъ, что „губернаторы и главные чиновники по нѣскольку разъ въ годъ даютъ большіе обѣды.“ Я полагаю, что нѣтъ въ мірѣ губернатора, проживающаго въ своей губерніи, у котораго не собиралось-бы много народа. Всякій губернаторъ, любимый въ своей области, неминуемо много принимаетъ и задаетъ въ ней тонъ. Нѣтъ также ничего страннаго въ томъ, что онъ даетъ обѣды, большіе или малые, когда ему вздумается, или по случаю какихъ-либо праздничныхъ дней; болѣе того: во многихъ странахъ правительство даетъ имъ, когда они живутъ въ своей губерніи, особыя столовыя суммы, и если мы не оши-

баемся, то читали въ газетахъ, что ббатъ Терре, генералъ-контролеръ финансовъ во Франціи (1770) отнялъ у всѣхъ губернаторовъ, не живущихъ въ своихъ губерніяхъ, эти столовыя деньги. У насъ, эти столовыя деньги составляютъ особую милость Государя, которою нѣкоторые губернаторы пользуются, другіе-же нѣтъ. Чиновники даютъ обѣды, когда имъ угодно. Тоже самое дѣлаютъ между собою родственники. Аббатъ говоритъ, что они „собираются отъ времени до времени для того, чтобы праздновать семейнаго святаго, но они рѣдко допускаютъ на эти празднества людей постороннихъ.“ У насъ не знаютъ, что̂ такое семейные святые, ни одно семейство не имѣетъ своего святаго. Вотъ что, быть можетъ, подало поводъ къ qui pro quo аббата. Есть лица, даже если хотите, и цѣлыя семейства, имѣющія обыкновенія праздновать день рожденія или имянины какого либо члена семейства. Обычай этотъ далеко не общій, и если-бы онъ даже и былъ таковымъ, онъ былъ бы у насъ одинаковъ съ многими другими странами; никогда мы не слыхали, чтобы на эти празднества не допускались вовсе или допускались рѣдко лица, не принадлежащія къ роднѣ. Напротивъ того, мы постоянно видали, что на нихъ приглашались друзья, знакомые и даже люди, вовсе посторонніе. Авторъ продолжаетъ: „На большіе обѣды приглашаютъ и мужчинъ, и женщинъ, но ихъ не сажаютъ за одинъ столъ, ни даже въ одной комнатѣ.“ Да, г. Шаппъ, таковъ обычай на поповскихъ свадьбахъ, но отнюдь не на всѣхъ пирахъ въ Россіи. Онъ продолжаетъ: „Хозяйка дома является въ комнату мужчинъ лишь въ ту минуту, когда они собираются садиться за столъ. Она несетъ большой подносъ, покрытый рюмками съ водкою; она подаетъ его съ крайнимъ смиреніемъ всѣмъ гостямъ, которые даже и не смотрятъ на нее: ей отдаютъ рюмки, и она тотчасъ удаляется.“ Это опять выводятся на сцену обычаи Тобольскаго сапожника, и подробное описаніе ихъ выдается намъ за образецъ, по которому слѣдуетъ судить о всей націи. Слѣдующія слова въ особенности показываютъ, къ какому высокому классу общества принадлежитъ эта хозяйка: „она подаетъ его съ крайнимъ смиреніемъ всѣмъ гостямъ, которые и не смотрятъ на нее: ей возвращаютъ рюмки, и она тотчасъ удаляется.“ Читатель, если вы были въ Россіи, будете-ли вы въ силахъ удержаться отъ хохота, читая это нелѣпое и смѣшное описаніе, и сравнивая пріемы этой хозяйки, съ тѣми пріемами, которыхъ держатся наши дамы? Замѣтили-ли вы, чтобы онѣ имѣли видъ уничиженный, видѣли-ли вы ихъ съ подносомъ въ рукахъ, и встрѣчали-ли вы, за изъятіемъ аббата, гостей столь неучтивыхъ, чтобы не обратить вниманія на красоту большинства нашихъ женщинъ.

Г. Шаппъ говоритъ на стр. CLXXXVIII (302): „Пиры ихъ всегда очень многолюдны; на нихъ приглашаются люди всѣхъ состояній: военные, духовенство, чиновники и купцы сидятъ вмѣстѣ за однимъ столомъ, но при этомъ этикетъ старшинства соблюдается точнѣе, чѣмъ при какомъ-либо Германскомъ дворѣ; военные сидятъ по чинамъ; точно такъ-же и прочія сословія. На рожденіе вниманія не обращается.“

Онъ долженъ былъ-бы сказать, что оффиціальные обѣды всегда очень многолюдны, и что всѣ приглашенные садятся по чинамъ; тогда онъ сказалъ-бы правду, и эта правда была-бы сообразна съ тѣмъ, что̀ дѣлается во всѣхъ прочихъ странахъ. Въ церемоніяхъ нужно-же, чтобы всякій имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, и тамъ, гдѣ это не соблюдалось, случались на улицахъ драки между цѣлыми сословіями; помнится мнѣ, что подобное приключеніе случилось съ Парижскимъ парламентомъ, на какомъ-то погребеніи. Университетъ тогоже города также дрался нѣсколько разъ, и еще недавно въ Версали, въ присутствіи короля. Слѣдствіе по процессу герцога Эгильонскаго чуть не было прервано, по той важной причинѣ, что одинъ или два maîtres de requetes явились въ атласныхъ мантіяхъ. Отсюда видно, что аббатъ менѣе, кого-либо другаго имѣетъ право жаловаться на то, что каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто; еще менѣе права имѣетъ онъ говорить, что „ихъ обѣды всегда очень многолюдны,“ ибо многолюдные обѣды рѣдки, а ежедневные обѣды не многолюдны. Авторъ продолжаетъ: „Всѣ кушанья подаются заразъ. Говядина въ бульонѣ, нарѣзанная мелкими кусочками, составляетъ ихъ супъ. Они дѣлаютъ иногда рагу̀; но ѣсть ихъ могутъ только люди, къ нимъ привыкшіе. Столъ обыкновенно покрытъ нѣсколькими пирамидами жаренаго: большинство этихъ пирамидъ составлено изъ разнаго рода дичи, остальныя изъ говядины. Въ то-же время подаютъ варенья—китайское и приготовленное изъ туземныхъ плодовъ.“ Это мѣсто опять доказываетъ, что образцомъ для пошлыхъ описаній, прилагаемыхъ аббатомъ ко всей націи, послужилъ Тобольскій мастеровой, или какая-либо подобная личность.

На стр. CLXXXIX (303) аббатъ говоритъ: „способъ ихъ держаться за столомъ, и ихъ обычаи, весьма, повидимому, схожи съ обычаями нѣкоторыхъ округовъ Германіи; но они оттуда заимствовали лишь смѣшныя стороны, и еще преувеличили ихъ. Во время обѣда царствуетъ глубокое молчаніе; прерывается оно лишь отъ времени до времени провозглашеніемъ здоровій.“ Авторъ находитъ, что обычаи его мелкаго мѣщанина схожи съ обычаями нѣкоторыхъ округовъ Германіи, что мѣщанинъ заимствовалъ изъ нихъ лишь смѣшныя стороны, и еще преувеличилъ ихъ. Наст-

роеніе духа аббата было таково, что очевидно никто не могъ найти его любезнымъ; женщины, какъ мы видѣли выше, отъ него бѣгали, ибо онъ поставилъ себѣ за правило быть наглымъ, и дѣйствительно прилагалъ это правило къ практикѣ. Онъ такъ же не нравился мужчинамъ по той-же причинѣ, да еще потому, что складъ его ума, какъ можно это замѣтить въ его толстой книгѣ, заставлялъ его понимать все то, что́ онъ видѣлъ, навыворотъ; онъ критиковалъ то, чего онъ не зналъ, спорилъ о томъ, о чемъ не имѣлъ никакого понятія; имѣлъ притязаніе все передѣлывать, все исправлять; не понималъ языка, важничалъ, и при всякомъ случаѣ, безъ разбора, выказывалъ уживчивость своего характера, которой вы видѣли столько обращиковъ, вслѣдствіе чего его избѣгали. Это одиночество философа Шаппа заставило его затесыватся въ послѣдніе дома, попадавшіеся ему по пути, для того, чтобы по крайней мѣрѣ удовлетворить своему ненасытному любопытству и, оставляя ихъ, онъ излагалъ письменно и выдавалъ за всеобщій обычай всего народа то, что́ онъ видѣлъ у темнаго частнаго лица, допустивъ еще, что факты были таковы, какъ онъ ихъ разсказываетъ; ибо уличивъ такъ часто его въ неточности, не только въ разсказѣ, но даже и въ списываніи, не могу вѣрить даже тому, что́ онъ выдаетъ за видѣнное имъ, иначе, какъ съ большою осторожностію. Онъ продолжаетъ: „Какъ только сѣли за столъ, всякій наливаетъ въ свой стаканъ искусственнаго вина, описаннаго выше; затѣмъ всѣ встаютъ, чтобы пить за здоровье другъ друга. Всякаго изъ присутствующихъ называютъ по имени и по фамиліи, и при всякомъ здоровьи глотаютъ каплю.“ Это искусственное вино ясно указываетъ на компанію, служащую образцомъ г. д' Отерошу для того, чтобы описывать нравы цѣлой націи. Это искусственное вино именно распространено на столько-же, какъ и обычай пить здоровья способомъ, описаннымъ аббатомъ, и называть, вставая съ мѣста, по имени и по фамиліи, того, чье здоро́вье провозглашается. Объявляю вамъ, г. Шаппъ, что мы въ жизнь свою не пили вашего искусственнаго вина, ниже пили здоровій способомъ, описаннымъ вами. — Г. академикъ продолжаетъ:

„Я присутствовалъ при нѣкоторыхъ изъ этихъ обѣдовъ, состоявшихъ изъ болѣе шестидесяти особъ. Они кланялись всѣ въ одно время. Ихъ положеніе и смѣсь различныхъ звуковъ представляли довольно странное зрѣлище. Петръ не могъ добиться, чтобы его слушалъ Яковъ, нагибался на столъ и кричалъ, что́ есть мочи; въ эту минуту его прерывалъ Францъ, кланяясь ему, или Филиппъ, толкая его головою при поворотѣ съ право на лѣво. Вскорѣ приходила очередь Филиппа: въ ту минуту, какъ онъ подносилъ ко рту

стаканъ, его сосѣдъ толкалъ его подъ локоть и, разливая часть его вина, прерывалъ его въ самую интересную минуту. Эти различныя сцены, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторялись на каждой точкѣ вокругъ стола. Картина эта была тѣмъ забавнѣе, что не всѣ лица были равно терпѣливы. Что̀ касается до меня, то я ни разу не улучилъ минуты, чтобы выпить за здоровье кого бы то ни было. Я не переставалъ однако все время двигать головою вправо, влѣво и впередъ. Почитаютъ за большой талантъ умѣнье ловить удобныя минуты, пить за здоровье всѣхъ, сохраняя свое достоинство, и не подвергаясь ни одному изъ этихъ мелкихъ несчастій.“ Подобная компанія дѣйствительно должна была быть весьма забавна, и такъ какъ я очень люблю смѣяться, то я весьма жалѣю, что мнѣ не довелось присутствовать на подобныхъ праздникахъ. Эти толчки локтемъ, эти опрокинутые стаканы, всё это собраніе, голосящее, какъ Жиды въ синагогѣ; и посреди нихъ аббатъ, кивающій головою, какъ арлекинъ, вправо, влѣво, и впередъ: все это дѣйствительно должно было составлять картину, достойную карандаша Каллота или Бамбоччіо. На пари, что-ли, вы это написали, г. авторъ? И чтобы увѣнчать эту сцену, онъ говоритъ: „почитаютъ за большой талантъ умѣнье ловить удобныя минуты, и пить за здоровье всѣхъ, сохраняя свое достоинство и не подвергаясь ни одному изъ этихъ мелкихъ несчастій.“ Признаюсь, что на это нужно было большое умѣнье. Въ кабакѣ, что-ли, г. д'Отерошъ, происходила эта вакханалія? Аббатъ затѣмъ повѣствуетъ, что послѣ этого перваго здоровья „садились и нѣсколько минутъ пользовались свободою ѣсть; что на столѣ были стеклянные сосуды цилиндрической формы“. Онъ ихъ смѣрилъ; вѣроятно столь-же точно, какъ свѣчные огарки: они имѣли шесть дюймовъ вышины и четыре дюйма ширины. „Всякій изъ гостей, говоритъ онъ на стр. CLXXXX (305), могущій достать одинъ изъ этихъ сосудовъ, беретъ его и пьетъ. Гость совершилъ-бы большую неучтивость, если бы онъ взялъ стаканъ, для того, чтобы не пить изъ одного сосуда съ своимъ сосѣдомъ. Этотъ обычай не только гадокъ, но и опасенъ, по причинѣ цынги, весьма распространенной въ Россіи“. На этотъ разъ я согласенъ съ аббатомъ: я нахожу этотъ обычай весьма гадкимъ, и поздравляю себя съ тѣмъ, что никогда не бывалъ на пирахъ Тобольскихъ сапожниковъ, не потому, чтобы я боялся цынги (ибо я очень хорошо знаю, что она не столь распространена, какъ того желалъ-бы аббатъ) но потому, что нечистоплотно пить всѣмъ подъ рядъ изъ одного стакана. Вслѣдъ за этимъ изложеніемъ авторъ повѣствуетъ, какимъ образомъ пили за здоровье Императора. Замѣтьте мимоходомъ, что когда аббатъ былъ въ Тобольскѣ,

въ Россіи царствовала Императрица, а не Императоръ; но оставимъ это, чтобы послѣдовать за нашимъ сказочникомъ. Онъ говоритъ, что „это здоровье пьется разными способами“, но довольствуется описаніемъ одного только способа; затѣмъ, г. д'Отерошъ пьетъ за здоровье „царствующаго семейства“ за здоровье присутствующихъ, и ѣстъ въ промежуткахъ. Вотъ еще разсказъ, заслуживающій вниманія. Онъ говоритъ: „затѣмъ принимаются пить здоровье всѣхъ присутствующихъ, изъ стекляннаго бокала; но онъ не такъ красивъ, какъ первый; крышкою ему служитъ хлѣбная корка“. Ахъ, г. аббатъ! Что бы вамъ прибавить, на основаніи одной разбитой крышки отъ бокала, что всѣ бокальныя крышки въ Россіи были разбиты, когда вы въ ней были! Это заключеніе было бы столь же счастливо и вѣрно, какъ заключеніе о хлѣбной коркѣ. Хотя г. Шаппъ уже на протяженіи трехъ страницъ въ 4-ку предавался столь мудрымъ разсужденіямъ, но онъ еще не кончилъ; вотъ весьма длинный параграфъ, занимающій весь конецъ страницы CLXXXX (306) и болѣе половины страницы CLXXXXI (307) и отъ котораго я не могу избавить читателя, до того онъ хорошъ. „Эта церемонія (съ хлѣбною коркою) производится точно такъ же“, говоритъ онъ, „съ тою разницею, что, передавая крышу сосѣду, говорятъ ему имя и фамилію того, за чье здоровье хотятъ пить, и это имя слѣдуетъ повторить, кланяясь ему, что становится довольно затруднительнымъ для иностранца, ибо Русскіе имѣютъ по три и по четыре личныхъ имени. Эта церемонія совершается весьма серьозно, и требуется большая точность въ исполненіи всѣхъ ея подробностей, повторяющихся для каждаго гостя подъ рядъ. Не смотря на всю мою добрую волю, церемонія всегда на мнѣ обрывалась. Я забывалъ множество именъ святыхъ, которыя мнѣ перечисляли, и большинство которыхъ никогда не было занесено въ наши святцы. Я, однако, этимъ былъ очень огорченъ. Впрочемъ, моимъ сосѣдомъ обыкновенно былъ Русскій, весьма усердный исполнитель этихъ правилъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ право быть блюстителемъ застольныхъ порядковъ, и былъ весьма не въ духѣ, когда ихъ не исполняли. Этотъ Русскій былъ такъ добръ, что восполнялъ мое неумѣніе; но онъ пришелъ въ такое-же недоумѣніе, какъ и я, въ минуту, когда съ обѣихъ сторонъ дошли до меня двѣ хлѣбныя корки, изъ которыхъ одна, противно всѣмъ правиламъ, претерпѣла нѣсколько крушеній въ тарелкахъ и въ бокалѣ. Не зная, кому отвѣчать, ни какъ поступить съ двумя корками, я сдалъ ему на руки все дѣло, и сѣлъ. Ему объяснили, что такъ какъ компанія состоитъ изъ шестидесяти человѣкъ, то для того, чтобы ускорить церемонію, добыли второй бокалъ; но онъ

рѣшилъ, что лучше просидѣть два лишнихъ часа за столомъ, и не нарушать принятыхъ обычаевъ". Оставлю въ сторонѣ хлѣбныя корки, введенныя въ общее употребленіе послѣ общаго несчастія, поразившаго всѣ крышки (несчастія, точное время котораго, къ сожалѣнію, останется неизвѣстнымъ потомству) скажу только, что хотя аббатъ прямо и опредѣлительно жалуется на множество личныхъ именъ каждаго Русскаго, словами: „Русскіе имѣютъ по три и по четыре личныхъ имени",—я охотно соглашаюсь, любезный читатель, на то, чтобы вы не повѣрили ни единому слову, сказанному мною, если вы когда-либо встрѣтите хотя одно лицо Греческой вѣры, имѣющее болѣе одного личнаго имени. И такъ, вотъ прямая ложь, происшедшая отъ невѣжества аббата, ясно имъ обнаруженнаго. Судите по этому объ остальномъ, даже о томъ, что̀ онъ будто-бы видѣлъ. Ибо онъ увѣряетъ объ этихъ именахъ, что онъ ихъ слышалъ и произносилъ, а между тѣмъ ничего подобнаго не бывало: прибавьте къ этому хлѣбныя корки, свѣчные огарки, и т. д.; и затѣмъ продолжайте, если можете, чтеніе книги г. Шаппа безъ недовѣрія къ то̀му, что̀ онъ повѣствуетъ.

Послѣ этого мѣста, онъ, на стран. CLXXXXI, разсказываетъ, какъ встали изъ-за стола, какъ онъ подумалъ, что теперь остается только пить кофе, но что, къ удивленію своему, онъ въ другой комнатѣ нашелъ столъ съ дессертомъ изъ Китайскаго варенья; это Китайское варенье еще разъ доказываетъ, что компанія, въ которой находился аббатъ, была самаго низкаго разбора. Онъ говоритъ, что въ этой комнатѣ снова принялись пить медъ, пиво и водку: другой доводъ, подтверждающій мое предположеніе, что г. Шаппъ попалъ на обѣдъ старшинъ Тобольскаго мѣщанства. Онъ прибавляетъ, что „Русскіе, хотя и привыкшіе къ этому образу жизни, рѣдко могутъ устоять противъ такого избытка напитковъ, которые они поглощаютъ послѣ обѣда; они впрочемъ весьма крѣпки, и до вечера не перестаютъ пить. Если отправляются гулять за городъ, за компаніею повсюду слѣдуютъ бутылки и стаканы: это называется угощать на славу". Вотъ уже опять г. аббатъ обобщаетъ: всѣ пьютъ послѣ обѣда, до вечера не перестаютъ пить; мы всѣ каждый вечеръ ложимся спать пьяные; если мы гуляемъ, то за нами слѣдуютъ бутылки: это называется угощать на славу; если одна крышка разбита, то разбиты всѣ крышки; если одна крышка замѣнена хлѣбною коркою, то тотчасъ приходятъ въ движеніе всѣ хлѣбныя корки для того, чтобы замѣнить всѣ крышки; Тобольскій мастеровой поступилъ такъ—ergo всѣ Русскіе такъ поступаютъ; если-бы аббатъ увидѣлъ въ Россіи лунатика, онъ-бы написалъ, что весь народъ состоитъ изъ лунатиковъ. Онъ говоритъ

въ концѣ стр. CLXXXXI (307) и въ началѣ стр. CLXXXXII (308): „Нѣкоторые путешественники увѣряютъ, будто женщины, подобно мужчинамъ, предаются излишествамъ въ питьѣ. Я повсюду видѣлъ противное. Женщины послѣ обѣда остаются въ той же комнатѣ, гдѣ они продолжаютъ скучать; ибо тридцать женщинъ безъ мужчинъ только и могутъ, что скучать". Опять обобщеніе; однако же, вотъ уже аббатъ избавляетъ отъ нареканія въ пьянствѣ цѣлую половину народа, и укладываетъ спать въ пьяномъ видѣ лишь другую. Если бы онъ вычелъ еще изъ одной половины девятнадцать двадцатыхъ, онъ нѣсколько приблизился бы къ истинѣ, да еще не опредѣлилъ бы ея въ точности: съ года на годъ, знаю, пьяницъ уменьшается. На стр. CLXXXXII (308) аббатъ говоритъ: „Обывателямъ доставляешь большое удовольствіе, посѣщая ихъ; это называютъ „*aller en gast*". Это мѣсто противорѣчитъ многимъ другимъ мѣстамъ въ книгѣ аббата, тѣмъ, напримѣръ, гдѣ онъ говоритъ, что женщины живутъ въ постоянномъ одиночествѣ, что мужья ревнивы, что и тѣ и другіе угрюмы и скучны, что они не любятъ общества, что общества нѣтъ; а вотъ онъ вдругъ объявляетъ, что обывателямъ доставляешъ удовольствіе, посѣщая ихъ; а затѣмъ, потому что кто-либо въ Россіи, плохо говоря по французски, спросилъ его, хочетъ ли онъ „aller en gast" онъ говоритъ: „это называютъ: aller en gast". Между тѣмъ это слово нѣмецкое, а не Русское, и если кто-либо въ Россіи его употребилъ, то это былъ германизмъ. Но оставимъ слово г. аббату, продолжающему обобщать все то, что́ онъ видитъ; вы не ожидаете того, что́ вы тотчасъ прочтете: онъ видѣлъ это повсюду, таковъ тонъ. Онъ говоритъ: „Какъ только войдешь, является жена съ мужемъ; она всю компанію цѣлуетъ въ губы. Часто это семидесятилѣтняя старуха, которая входитъ хромая съ трясущеюся головою и съ немногими остатками гнилыхъ зубовъ". Ясно, что ему хотѣлось бы сказать, что всѣ женщины—хромыя старухи. Такъ какъ это однако же могло бы показаться слишкомъ преувеличеннымъ, онъ удовольствовался тѣмъ, что замѣнилъ обобщающее выраженіе словами: „часто это старуха" и т. д. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „но будь она стара или молода, безобразна или красива, церемонія остается одною и тою же; во всякомъ случаѣ было бы преступленіемъ совершить ее съ веселымъ видомъ". Г. аббатъ, какое наказаніе полагается за это преступленіе? Но дадимъ ему договорить. Онъ продолжаетъ: „Я зналъ въ Сибири одно лицо, которое въ этихъ случаяхъ иногда предупреждало дамъ; и хотя этикетъ требовалъ, чтобы онъ имѣлъ видъ суровый, хорошенькое личико всегда разгоняло эту суровость". Что́ это за этикетъ поцѣлуя, что́ за правила пер-

венства, да и гдѣ сказано или написано, что слѣдуетъ имѣть видъ суровый? Все это нигдѣ не бывало, какъ только въ сумасбродной головѣ аббата. Онъ оканчиваетъ такъ: „одинъ изъ его друзей предъупредилъ его, что онъ существенно манкируетъ женщинамъ, которыя на то не жаловались, и мужчинамъ, которые этимъ очень не довольны". Онъ продолжаетъ: „Послѣ этой церемоніи, хозяйка дома удаляется. Она тотчасъ появляется вновь съ подносомъ и рюмками, наполненными водкою: всѣ встаютъ, она подноситъ; кланяются другъ другу, пьютъ, ѣдятъ нѣкоторое время, а затѣмъ расходятся". Никогда ни чьи нравы не были описаны съ такою подробностію, какъ нравы этого Тобольскаго мастероваго; правда, такъ и слѣдовало ихъ описывать, ибо они служатъ образцомъ, по которому произносится сужденіе о нравахъ цѣлаго народа. Авторъ говоритъ: „Въ промежуткахъ, мужчины иногда разговариваютъ, но женщины никогда не вмѣшиваются въ разговоръ". Кто-бы это подумалъ, аббатъ выдаетъ нашихъ женщинъ за нѣмыхъ; онѣ никогда не разговариваютъ: вотъ явленіе поистинѣ новое — неговорящія женщины! Г. физикъ, это противно законамъ природы, и опытъ говоритъ противъ васъ; наши женщины такія же говоруньи и болтушки, какъ и всякія другія. Академикъ продолжаетъ: „Когда пріѣзжаетъ чужой, онъ приглашаетъ къ себѣ всю компанію, и никогда не встрѣчаетъ отказа. Отъ него уходятъ лишь хорошенько выпивши, и для того, чтобы отправиться пить къ другому сосѣду. Такимъ образомъ все послѣобѣда проводятъ въ визитахъ, и обыкновенно расходятся въ пьяномъ видѣ".

Сколько въ этихъ послѣднихъ строкахъ противорѣчій всему тому, что́ вы говорили доселѣ! Вы говорите, г. авторъ: „Когда пріѣзжаетъ чужой, онъ приглашаетъ къ себѣ всю компанію, и никогда не встрѣчаетъ отказа". Чужой, по моему есть человѣкъ, котораго не знаешь, либо иностранецъ; но если чужой приглашаетъ къ себѣ людей, которыхъ онъ не знаетъ, и никогда не встрѣчаетъ отказа, вы не можете сказать, чтобы Русскіе не принимали радушно чужихъ, или чтобы они избѣгали общества и ненавидѣли его. Если-же тотъ, котораго вы называете чужимъ, былъ мѣстный житель, приглашавшій къ себѣ своихъ друзей, то вы тутъ молча сознаетесь въ томъ, что Русскимъ извѣстна дружба; вы забываете то, что́ вы сказали выше, а именно, что Русскимъ недостаетъ чувствительности и естественнаго расположенія къ дружбѣ; еслибы вы не умерли, г. аббатъ, вы были-бы принуждены сознаться, что вы впали въ странное противорѣчіе. На концѣ стр. CLXXXXII (309), я нахожу слѣдующія слова: „Вся нація, отъ Москвы до Тобольска, не знаетъ иныхъ общественныхъ удовольствій;

иногда танцуютъ, но весьма рѣдко, за исключеніемъ свадебъ", а въ выноскѣ онъ прибавляетъ: „О ихъ балахъ я поговорю ниже". Изъ этого мѣста, я берусь доказать (съ гораздо бо́льшимъ правдоподобіемъ, чѣмъ сколько вы его найдете въ половинѣ книги аббата) что аббатъ былъ глухъ, слѣпъ и безчувственъ; вотъ мои доказательства: глухъ, ибо онъ не слышалъ, что каждый вечеръ, окончивши свои работы, простой народъ поетъ во все горло на улицахъ, въ поляхъ и въ домахъ. Замѣтьте, прошу васъ, что наши матросы сочиняли пѣсни, огибая Финистерскій мысъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцѣ 1769 года, когда они плыли въ Средиземное море. Свидѣтельствомъ тому служитъ пѣснь, начинающаяся словами: *Не шумите, вѣтры буйные*, и въ которой они предсказываютъ себѣ не менѣе, какъ завоеваніе Константинополя. Аббатъ былъ слѣпъ, ибо, хотя онъ и увѣряетъ, что все видѣлъ, онъ не видалъ, что эти пѣсни часто сопровождаются плясками; безчувственъ, ибо онъ не замѣтилъ общаго расположенія народа къ веселію, доходящаго до того, что наши солдаты въ лагерѣ никогда не ложатся, даже послѣ самыхъ утомительныхъ переходовъ, безъ того, чтобы одинъ изъ нихъ не разсказывалъ имъ сказокъ. Мнѣ не разъ случалось стоять на высотѣ, въ верстѣ и болѣе отъ лагеря, и явственно слышать взрывы ихъ хохота. Вотъ такіе факты, которые можетъ провѣрить всякій, которые можно игнорировать лишь изъ предъубѣжденія, и которые однако неопровержимо противорѣчатъ аббату, каждый разъ какъ онъ говоритъ, что Русскіе угрюмы и печальны; напротивъ того, они любятъ смѣхъ, разговоры, пѣсни, пляски, и вообще всякія удовольствія. На стр. CLXXXXIII (309), г. Шапиъ говоритъ: „Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, женщины въ Москвѣ и въ Петербургѣ сбросили съ себя иго своихъ мужей. До этого времени, онѣ жили, и съ ними обращались, точно такъ же, какъ и въ остальной Россіи". Опять противорѣчіе съ тѣмъ, что́ онъ сказалъ на стр. CLVII (251) и часто повторялъ, а именно будто весь народъ погруженъ въ варварскій предразсудокъ, приравнивающій жену рабынѣ. Тутъ авторъ уже ограничиваетъ свое обобщеніе; онъ говоритъ, что „женщины въ Москвѣ и въ Петербургѣ сбросили съ себя иго". Можно надѣяться, что къ концу книги онъ самъ доведетъ это рабство до ничего. Дурное расположеніе духа г-на д'Отероша присовокупляетъ: „если нравы отъ того немного выиграли, то это потому, что они были слишкомъ испорчены до этой перемѣны". Полагаю, г. Шапиъ, что для того, чтобы вамъ нравиться, слѣдуетъ быть не Русскимъ; вы сказали недавно: „такимъ образомъ испорченность этого пола въ Россіи есть слѣдствіе тиранства мужчинъ"; тутъ вы разсказываете, что женщины сбросили

въ Москвѣ и въ Петербургѣ иго своихъ мужей, и вы присовокупляете, что „если нравы отъ этого не слишкомъ выиграли, то это потому, что они были слишкомъ испорчены до этой перемѣны“. Однимъ словомъ, для аббата это дѣло совершенно рѣшеное: мы никуда не годимся, и никуда годиться не будемъ, что̀ бы мы ни дѣлали; онъ забылъ, что мы—люди. Вотъ до чего можетъ довести пристрастіе. Онъ заключаетъ этотъ параграфъ слѣдующими словами: „Вообще человѣкъ, который только любезенъ, вовсе не цѣнится въ Россіи“. Если любезный человѣкъ, о которомъ здѣсь говоритъ аббатъ, есть лишь пошлый любезникъ, то онъ у насъ, какъ и повсюду, будетъ сочтенъ за пошляка. Но истинно любезный человѣкъ у насъ всегда хорошо принятъ. Нѣтъ быть можетъ, страны, въ которой-бы раскусили хорошія и дурныя качества человѣка такъ скоро, какъ въ Россіи; поэтому тотъ, кто у насъ удостоился всеобщаго одобренія, можетъ явиться повсюду безъ боязни: его достоинства, конечно, прошли черезъ пробный камень. Но за то горе пороку и смѣшнымъ сторонамъ! Никто искуснѣе Русскихъ ихъ не подмѣтитъ.

Авторъ продолжаетъ: „Жизнь въ Москвѣ во многихъ отношеніяхъ показалась мнѣ болѣе пріятною, чѣмъ жизнь въ Петербургѣ. Такъ какъ Москва удалена отъ Петербурга менѣе, чѣмъ на двѣсти миль, то губернаторы слишкомъ на виду у Государя, чтобы сдѣлаться тиранами; жители-же достаточно отъ него удалены, чтобы не бояться плахи за малѣйшія нескромности въ разговорѣ“. А въ выноскѣ аббатъ помѣстилъ слѣдующія слова: „Г. Монтескье говоритъ въ кн. XII, гл. 12 (о нескромныхъ словахъ) что въ манифестѣ покойной царицы, изданномъ противъ семейства Долгорукихъ, въ 1740 г., одинъ изъ этихъ князей приговоренъ къ смерти за то, что онъ произнесъ неприличныя слова, относящіяся къ царицѣ; другой за то, что онъ истолковалъ во зло ея мудрыя распоряженія для блага Имперіи, и оскорбилъ ея священную особу непочтительными словами“. Вслѣдъ за этимъ г. Шаппъ прибавляетъ: „Въ Москвѣ ищутъ удовольствій, въ Петербургѣ едва смѣютъ о нихъ говорить“. Москва есть центръ Россіи. Нѣтъ почти дворянскаго семейства, которое не имѣло-бы въ ней дома, большинство дворянъ проводитъ зиму въ этомъ огромномъ городѣ. Петербургъ, напротивъ того, портъ на краю Имперіи, и въ немъ живутъ, кромѣ людей обязанныхъ къ тому службою, лишь нѣкоторые дворяне изъ Новгородской губерніи и купцы разныхъ націй. И такъ Петербургъ не можетъ быть столь пріятенъ для частныхъ лицъ, какъ Москва. Но нелѣпыя причины, приводимыя аббатомъ, что „губернаторы (Московскіе) слишкомъ на виду у Государя, чтобы дѣлать-

ся тиранами; жители-же достаточно удалены отъ него, чтобы не бояться плахи за малѣйшую нескромность въ разговорѣ"—тутъ не причемъ: потому что наши губернаторы не суть тираны, и потому что у насъ не посылаютъ на плаху за малѣйшую бездѣлицу какъ у васъ, г. аббатъ. Сверхъ того, нашъ Сенатъ никогда, на сколько мнѣ извѣстно, не обличалъ нашихъ губернаторовъ въ подкупѣ фальшивыхъ свидѣтелей, въ отравленіи и въ клеветѣ, какъ это случалось у васъ, г. академикъ. Приведенныя слова г. Монтескье весьма умѣстны тамъ, гдѣ они помѣщены этимъ великимъ человѣкомъ, ибо они служатъ ему доводомъ въ пользу того, что не слѣдуетъ наказывать смертію нескромныя слова; но это мѣсто не можетъ служить доказательствомъ тому, что эти князья Долгорукіе были приговорены къ смерти за простыя слова, какъ даетъ понять это аббатъ. Они были уличены и въ другомъ, кромѣ словъ. Вы подпускаете яду, г. Шаппъ, во все, что́ проходитъ черезъ ваши руки; вотъ почему вы также говорите: „въ Москвѣ ищутъ удовольствій; въ Петербургѣ едва смѣютъ о нихъ говорить". Вы ошибаетесь, г. Шаппъ: въ томъ и въ другомъ городѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, тѣ, которые ихъ любятъ, умѣютъ ихъ находить. Авторъ продолжаетъ на стр. CLXXXIII (310): „Русскій народъ, не имѣя никакого понятія о свободѣ, гораздо менѣе несчастливъ, чѣмъ дворянство". Что́ за страсть у него держать это дворянство на цѣпи и дѣлать его несчастнымъ, между тѣмъ какъ онъ самъ разсказалъ, что единственная помѣха, его связывавшая, упразднена? Онъ продолжаетъ: „онъ (народъ) впрочемъ имѣетъ мало желаній, слѣдовательно и мало нуждъ. Онъ не знаетъ, въ особенности за Москвою, ни промышленности, ни торговли". Если это такъ, то откуда бы брались съѣстные припасы, холсты, сукна и всѣ товары, которые мы употребляемъ сами, и которыми запасаются у насъ иностранцы? Не городъ-же Москва производитъ ихъ? Впрочемъ, мы не можемъ посвящать большаго количества рукъ на множество промышленностей служащихъ роскоши, потому что наша страна, при большомъ протяженіи, еще не населена настолько, насколько-бы могла населиться, и мы имѣемъ нужду въ рабочихъ рукахъ для вещей необходимыхъ, а поэтому не было-бы благоразумно употреблять ихъ на вещи менѣе полезныя. Аббатъ говоритъ: „Русскій, не владѣя ничѣмъ на правахъ собственности, обыкновенно равнодушенъ ко всему, что́ можетъ умножить его богатство". Вотъ опять весьма нелѣпое обобщеніе. Мы имѣемъ цѣлыя области, въ которыхъ народъ свободенъ, а какъ можно сказать о нашемъ дворянствѣ, о нашихъ купцахъ, о нашихъ мѣщанахъ, о нашихъ государственныхъ и монастыр-

скихъ крестьянахъ, что они не владѣютъ ничѣмъ на правахъ собственности? Еще менѣе позволительно утверждать, чтобы народъ былъ „равнодушенъ ко всему, что̀ можетъ умножить его богатство“; напротивъ того, слишкомъ сильная жажда обогащенія часто разоряетъ нашихъ купцовъ. Затѣмъ академикъ говоритъ: „Самое дворянство, постоянно боясь ссылки и конфискаціи своихъ имѣній, менѣе старается объ ихъ улучшеніи, чѣмъ о способахъ добывать средства для удовлетворенія своихъ минутныхъ наклонностей“. Увы! г. Шаппъ; дѣло въ томъ, что опасность ссылки у васъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ; мы привели тому доказательства выше, и повторять ихъ нѣтъ нужды. Прибавлю только, что конфискація имѣній у насъ считается великимъ зломъ, что правительство болѣе не конфискуетъ, и что если оно конфисковало прежде, тоже самое можно сказать о всѣхъ прочихъ правительствахъ въ Европѣ. Римская республика, во всемъ своемъ блескѣ, конфисковала, во многихъ случаяхъ, имущества тѣхъ, которые были приговорены къ смерти, или къ изгнанію. „Наказъ“ царствующей Императрицы можетъ удовлетворить всякаго честнаго человѣка относительно этого пункта, какъ и всѣхъ прочихъ. И такъ, г. аббатъ, на зло вамъ и вашей компаніи, мои соотечественники могутъ съ полною увѣренностію и спокойствіемъ улучшать свои имѣнія. Если есть между ними такіе, которые предпочитаютъ быстро доставать деньги, для того, чтобы удовлетворять своимъ минутнымъ наклонностямъ, то они не одни, и мало ли во всѣхъ странахъ людей поступающихъ точно такъ же? Авторъ говоритъ въ концѣ стр. CLXXXXIII (311): „Русскіе крестьяне питаются весьма плохо, вслѣдствіе чего легко предаются лѣни на своихъ печахъ, и живутъ на нихъ въ развратѣ и въ пьянствѣ, но не всегда могутъ добыть себѣ водки. Если судить лишь по лѣнивой жизни, которую они ведутъ, можно было-бы подумать, что они тупоумны; однако они тонки, хитры и болѣе плутоваты, чѣмъ какой-либо другой народъ. Кромѣ того, они воруютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Они не имѣютъ мужества, которое нѣкоторые философы приписываютъ сѣвернымъ народамъ; Русскіе крестьяне, напротивъ того, непостижимо подлы и трусливы“.

Мы указали выше, чѣмъ питаются Русскіе крестьяне, и по этому можно судить, промѣняли-ли бы они свой обѣдъ на супъ изъ лука и на каштаны. Авторъ сказалъ: „Русскіе крестьяне питаются весьма плохо, вслѣдствіе чего легко предаются лѣни на своихъ печахъ, и живутъ на нихъ въ развратѣ и въ пьянствѣ. „Кто-бы подумалъ, прежде этой фразы г. аббата, что лѣнь, распутство и пьянство могутъ происходить отъ дурнаго обѣда. Вотъ удивительно искусное

заключеніе; но оно тотчасъ утратитъ часть своей силы, ибо г. Шаппъ тутъ-же присовокупляетъ: „но они (крестьяне) не всегда могутъ достать водки". Вы увидите также, что они не всегда развратны и что лѣнь ихъ не есть повальное качество, и всѣ выводы изъ обѣда падутъ сами собою. Нѣтъ простаго народа, который питался-бы лучше, чѣмъ Русскій, что́ ни говори г. Шаппъ; но онъ этимъ не ограничивается, онъ осыпаетъ насъ бранью. Вотъ она: „если судить по лѣнивой жизни, которую они ведутъ, можно было-бы подумать, что они тупоумны". Дѣйствительно, мы виноваты, мы непослѣдовательны: для того, чтобы исполнить желаніе г. д'Отероша, намъ слѣдовало-бы быть тупоумными. Самъ онъ въ этомъ мѣстѣ своей книги гораздо послѣдовательнѣе. Мы очень неправы въ томъ, что мы не таковы, какъ онъ желаетъ; это его смущаетъ, онъ видитъ, что его умозаключенія не вяжутся по его желаніямъ; пристрастіе не позволяетъ ему замѣтить, что его предположеніе ошибочно, надобно ему однакоже выпутаться; на это ему послужитъ брань: мы вдвойнѣ неправы; онъ ошибся, лѣнивая жизнь, которую онъ намъ приписываетъ, должна была сдѣлать насъ тупоумными; однакоже мы не таковы, а онъ насъ ненавидитъ. Что́-же? Мы „тонки, хитры, болѣе плутоваты, чѣмъ какой-либо иной народъ, мы воруемъ съ необыкновенною ловкостію, и т. д."; болѣе того, хотя опытъ противнаго ежедневно на глазахъ у всѣхъ, онъ говоритъ на стр. CLXXXXIV (311): „они не имѣютъ той храбрости, которую нѣкоторые философы приписываютъ сѣвернымъ народамъ; Русскіе крестьяне напротивъ того неимовѣрно подлы и трусливы". Да, г. покойникъ, этимъ предположеніемъ старались убаюкать многихъ; его всегда слѣдуетъ ставить рядомъ съ тѣмъ предположеніемъ, которое изображаетъ Россію въ состояніи разслабленія, безъ средствъ, безъ хлѣба, безъ войскъ, безъ кораблей, безъ ума, и въ постоянныхъ внутреннихъ судорогахъ; всѣ эти мысли всегда слѣдуетъ ставить вмѣстѣ; но эти хитрости сшиты бѣлыми нитками, и до сихъ поръ онѣ не вредили никому, кромѣ тѣхъ, которые давались въ обманъ, да тѣхъ, которые ихъ придумываютъ, питаютъ свое воображеніе подобнымъ вздоромъ и, безпрестанно повторяя его другимъ, кончаютъ тѣмъ, что ему вѣрятъ. Кто когда-либо повѣритъ робости, трусливости, которую въ насъ предполагаете, если только онъ возметъ на себя трудъ сообразить все то, что́ Русскіе завоевали въ теченіи послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ, и еще недавно менѣе чѣмъ въ полтора года: не составляютъ-ли часть нашихъ завоеваній Молдавія, Валахія и Морея? Завистники наши, быть можетъ скажутъ, что Молдавія и Валахія были оставлены Турками; это правда, но оставленіе

это было слѣдствіемъ страха, внушеннаго имъ нашими войсками послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ пораженій. Бѣгство и паническій страхъ непріятеля не могутъ быть безъ причинъ. Сколько войнъ, конченныхъ къ нашей пользѣ, имѣли мы въ одно это столѣтіе, въ началѣ коего мы воевали въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Ссылаюсь на разумнаго и безпристрастнаго читателя; на чьей сторонѣ самыя сильныя доказательства, на моей-ли, или на сторонѣ аббата и компаніи?!

Текстъ гласитъ: „они не имѣютъ никакихъ начатковъ нравственности: они болѣе боятся нарушить постъ, чѣмъ убить своего ближняго, въ особенности иностранца. Они утверждаютъ и вѣрятъ, что онъ не принадлежитъ къ числу ихъ братьевъ". Честно-ли, справедливо-ли приписывать подобныя убѣжденія цѣлому народу? Какъ! Никто не имѣетъ ни малѣйшихъ начатковъ нравственности? Всѣ болѣе боятся нарушить постъ, чѣмъ убить своего ближняго, въ особенности иностранца? Г. академикъ, астрономъ, землемѣръ, и т. д., гдѣ-же истина! Гдѣ-же точность? Не смотря на одобреніе вашихъ собратій, кто-же вамъ повѣритъ? Достаточно знать, что Русскіе—люди, для того, чтобы видѣть, что вы лжете; невозможно, чтобы всѣ члены великаго народа были вполнѣ хороши или вполнѣ злы; возможно-ли въ особенности, чтобы цѣлый народъ состоялъ изъ убійцъ и изъ людей безъ всякихъ начатковъ нравственности, да еще народъ христіанскій, сплотившійся столько столѣтій тому назадъ, и имѣвшій постоянно установленное правительство, наказывавшее злыхъ и награждавшее добрыхъ? Аббатъ можетъ говорить, что́ онъ хочетъ: несомнѣнно дознано, что у насъ не совершается болѣе излишествъ, чѣмъ у прочихъ народовъ.—Слѣдуетъ оригинальное, опровергаемое фактами сравненіе между Русскими и Поляками. Академикъ говоритъ: „Рабъ Русскій и рабъ Польскій представляются противуположными во всемъ: первый пренебрегаетъ земледѣліемъ; вообще онъ безнравственъ, тонокъ и хитеръ. Польскій рабъ, напротивъ того, съ удовольствіемъ обработываетъ землю; онъ добронравенъ и тупоуменъ. Разность въ правительствѣ двухъ странъ кажется мнѣ достаточною, чтобы объяснить эту противуположность, независимо отъ иныхъ причинъ, которыя могли тому содѣйствовать". Замѣчу мимоходомъ, что аббатъ сказалъ въ началѣ своей книги, будто Литовскіе крестьяне зимою терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ; здѣсь онъ говоритъ, что Польскій рабъ „съ удовольствіемъ обработываетъ земли"; и такъ вѣроятно на нихъ родится-же хлѣбъ; въ другомъ мѣстѣ вы найдете, что въ Россіи хлѣбъ рѣдко достигаетъ зрѣлости. Г. астрономъ забылъ, что многія изъ нашихъ областей

расположены подъ однимъ небомъ съ Польшею; но всѣ эти непослѣдовательности и противорѣчія не останавливаютъ аббата; онъ все пишетъ, все злится противъ насъ. Замѣтьте, прошу васъ, что положеніе простонародья въ Польшѣ несравненно бѣдственнѣе, чѣмъ въ Россіи; дворянство въ Польшѣ не знаетъ иныхъ правилъ, кромѣ своей воли; оно имѣетъ надъ крестьянами право жизни и смерти, и не обязано отдавать отчета въ своихъ поступкахъ кому-бы то ни было. Что́ касается до нравовъ народа въ обѣхъ странахъ, то минута выбрана неблагопріятная для того, чтобы восхвалять нравы Поляковъ. Есть-ли въ Европѣ кто нибудь, кто могъ-бы подумать безъ ужаса о всѣхъ жестокостяхъ, которымъ предавались такъ называемые конфедераты, которые такъ давно играютъ роль разбойниковъ въ этомъ несчастномъ королевствѣ; а предлогъ, подъ которымъ совершаются всѣ эти неистовства, не есть-ли нетерпимость, самый ненавистный изъ всѣхъ пороковъ? Ибо развѣ не порокъ — ненавидѣть и преслѣдовать ближняго, потому что онъ думаетъ иначе, чѣмъ мы? Эта ненависть и это преслѣдованіе, развѣ они предписаны Богомъ? Развѣ Евангеліе не провозгласило этого божественнаго начала: люби ближняго, какъ самого себя? Г. Шаппъ продолжаетъ: „Польскій рабъ владѣетъ собственными землями“, это еще вопросъ, г. аббатъ, не вполнѣ разрѣшенный. Вы говорите: „весьма естественно, что онъ съ охотою ихъ обработываетъ: онъ вслѣдствіе этого можетъ удовлетворять своимъ нуждамъ, и пользоваться удовольствіями жизни, не прибѣгая къ преступленію. Имъ впрочемъ повелѣваетъ свободное дворянство, которое можетъ во всякомъ случаѣ безнаказанно слѣдовать внушеніямъ добродѣтели“. Вамъ-бы слѣдовало присовокупить—и также порока; анархія этого королевства простирается до того, что преступленія дворянства въ немъ почти никогда не наказываются. Авторъ продолжаетъ: „если онъ тупоуменъ, это потому, что онъ порабощенъ. Русскій рабъ, не имѣя дюйма земли, которымъ онъ могъ-бы распоряжаться, равнодушенъ къ земледѣлію“. Русскіе крестьяне столь мало равнодушны къ земледѣлію, что во многихъ деревняхъ вы найдете у каждаго крестьянина двухъ и трехъ-годовой запасъ хлѣба, который они продаютъ, лишь когда они довольны рыночною цѣною. Аббатъ говоритъ, что Русскій крестьянинъ не имѣетъ ни дюйма земли; однакоже тотъ-же Русскій крестьянинъ столь привязанъ къ землѣ, которую онъ воздѣлываетъ, что онъ считаетъ за величайшее наказаніе переселеніе въ другую деревню. Г. Шаппъ продолжаетъ: „онъ хочетъ наслаждаться, онъ любитъ водку, но онъ обыкновенно не можетъ ея добыть иначе, какъ посредствомъ кражи и

преступленій". Откуда взяли вы, г. академикъ, подобныя небылицы, будто у насъ простой народъ обыкновенно не можетъ доставать водки иначе, какъ черезъ кражу и преступленія? Что хотите вы этимъ сказать? Лишенъ ли народъ денегъ, для того, чтобы ее покупать? Крадетъ-ли онъ ихъ каждый разъ, какъ ему вздумается выпить? Это-ли вы хотѣли сказать? Или народъ, не имѣя возможности покупать водку, принужденъ красть этотъ напитокъ? И то и другое предположеніе, на которое можетъ навести фраза аббата, противорѣчитъ дѣйствительности. Водку продаютъ повсюду, и что̀ бы ни говорилъ г. д'Отерошъ, наши крестьяне не погружены въ такую крайнюю бѣдность, чтобы у нихъ не нашлось нѣсколькихъ копѣекъ, чтобы выпить, когда имъ вздумается; до свѣдѣнія аббата вѣроятно дошло, что какой нибудь негодяй укралъ нѣсколько денежекъ и напился, и отсюда искусный академикъ заключилъ, что такъ же поступаетъ вся нація. Мы уже сто разъ видѣли, какъ онъ употреблялъ этотъ свойственный ему пріемъ. Онъ оканчиваетъ этотъ параграфъ слѣдующими словами: „Страхъ наказанія дѣлаетъ его (Русскій народъ) тонкимъ и хитрымъ". То-же самое можно было-бы сказать о всѣхъ странахъ, въ которыхъ есть установленныя наказанія, и въ которыхъ боятся закона. Но все это ничто въ сравненіи съ выходкою противъ насъ аббата, которую вы тотчасъ прочтете: вотъ она, разбирать ее будемъ послѣ. „Рабство разрушило въ Россіи всѣ естественныя права; человѣкъ въ Россіи есть товаръ, иногда продаваемый по ничтожной цѣнѣ; часто изъ объятій матерей вырываютъ дѣтей, для того, чтобы продавать ихъ лицамъ, преданнымъ разврату. Радость, испытываемая жителями другихъ странъ при рожденіи залоговъ законной любви, не существуетъ для Русскихъ". Авторъ началъ это разглагольствованіе словами: „Рабство разрушило въ Россіи всѣ естественныя права". Возможно-ли это? Могутъ-ли быть разрушены всѣ естественныя права? Я уже объявилъ, что я отнюдь не защитникъ рабства, но истина заставляетъ меня сказать, что положеніе вещей не таково, какимъ аббату угодно его представлять. Онъ говоритъ: „человѣкъ въ Россіи есть товаръ, часто продаваемый по ничтожной цѣнѣ; часто изъ объятій матерей вырываютъ дѣтей, для того, чтобы продавать ихъ лицамъ, преданнымъ разврату". Какъ можетъ г. Шапинъ говоритъ, что „человѣкъ въ Россіи есть товаръ"? Не подумаешь-ли, что люди продаются у насъ на рынкѣ, какъ въ Константинополѣ, и какъ Французы и Англичане покупаютъ Негровъ на берегахъ Африки? Ничего подобнаго нѣтъ. Земледѣльцевъ продаютъ вмѣстѣ съ землею; случается также, что люди небогатые, когда хотятъ отдѣлаться отъ лакея,

которымъ они недовольны, уступаютъ его за деньги другому господину. Но когда авторъ говоритъ: „часто изъ объятій матерей вырываютъ дѣтей для того, чтобы продавать ихъ лицамъ преданнымъ разврату“, то онъ, по своему обыкновенію, обобщаетъ совершенно напрасно. Знаю, что происходили злоупотребленія; но знаю также, что эти злоупотребленія были остановлены правительствомъ и что есть законы, воспрещающіе безчеловѣчныя продажи. За тѣмъ онъ говоритъ: „радость, испытываемая жителями другихъ странъ при рожденіи залоговъ законной любви, не существуетъ для Русскихъ“. Не подумаешь ли, читая эти слова и слѣдующія, что всѣ семейства въ Россіи предаются горю при рожденіи ребенка? Однако-же и знатные, и темные люди празднуютъ рожденіе своихъ дѣтей разными увеселеніями, и хотя аббатъ и утверждаетъ, что у насъ разрушены всѣ естественныя права, что родители видятъ въ своихъ дѣтяхъ лишь поводы къ сокрушенію, но, вопреки всѣмъ восклицаніямъ аббата, Русскіе крестьяне считаютъ за величайшее счастіе многочисленное потомство; кромѣ того, они страстно любятъ своихъ дѣтей. Вотъ конецъ мѣста, выписываемаго мною. Это ничто иное, какъ разглагольствованіе, полагающее большое разстояніе между г. д'Отерошемъ и истиною; онъ говоритъ: „сей плодъ, на противъ того, есть источникъ огорченія для молодой женщины; она знаетъ, что этотъ ребенокъ можетъ быть у нея похищенъ въ ту минуту, какъ онъ играетъ у ней на колѣняхъ; она кормитъ его своею грудью, она прилагаетъ утомительныя старанія къ его воспитанію; онъ развивается, и срокъ, въ который онъ можетъ быть у нея отнятъ, приближается съ каждымъ днемъ. Она никогда не можетъ льстить себя надеждою, что этотъ любимый ребенокъ будетъ ей поддержкою, другомъ въ старости. Когда, достигши болѣе взрослыхъ лѣтъ, онъ видитъ слезы, исторгаемыя изъ очей его матери этими ужасными мыслями, онъ спрашиваетъ ее о причинѣ ихъ, онъ обѣими руками беретъ ее за щеки, онъ покрываетъ ихъ поцѣлуями, и кончаетъ тѣмъ, что плачетъ вмѣстѣ съ нею“. Аббатъ забылъ, что онъ сказалъ нѣсколькими строками выше, что у Русскихъ всякая чувствительность убита, а тутъ онъ представляетъ намъ женщину, оплакивающую будущія несчастія. Если-бы всѣ женщины, держа на колѣняхъ своихъ дѣтей, мысленно перечисляли всѣ бѣдствія, которымъ подвергнутъ родъ человѣческій, то многія изъ нихъ облились-бы слезами, и эти слезы были-бы пролиты совершенно напрасно, ибо не всякій смертный испытываетъ всѣ возможныя бѣдствія. Наши крестьянки не болѣе ясновидящія, чѣмъ остальной родъ человѣческій, и хотя онѣ очень любятъ своихъ дѣтей, ихъ нравъ не та-

кой ипохондрическій, какъ нравъ аббата Шаппа. Это разглагольствованіе аббата напоминаетъ мнѣ слѣдующую сказку моей кормилицы. Жилъ былъ мужичокъ съ бабой, и жили они между собою очень хорошо. Въ одинъ прекрасный день, баба расплакалась, и ея мужъ спросилъ ее, что такое съ нею? Долго она упорно молчала, но наконецъ воскликнула: — Увы, Ѳома! ты вотъ повѣсилъ топоръ на этотъ гвоздь, онъ можетъ упасть на голову ребенка, который у меня будетъ, и убить его, когда онъ будетъ спать въ колыбелькѣ подъ твоимъ топоромъ. Моя кормилица извлекала изъ этой сказки прекрасную мораль: она говорила мнѣ, что не слѣдуетъ плакать безъ причины. На страницѣ CLXXXXV (313) аббатъ говоритъ: „Послѣднія животныя наслаждаются удовольствіями, сопряженными съ рожденіемъ ихъ дѣтенышей: человѣкъ въ Россіи есть единственное существо, лишенное подобныхъ удовольствій. Это униженіе уничтожаетъ въ ней всѣ человѣческія начала и всякое чувство". Дурное расположеніе духа г. д'Отероша заставило его помѣстить тутъ это повтореніе; но слѣдуетъ думать, что онъ имъ никого не обманетъ. Онъ продолжаетъ: „Зашедши, по возвращеніи моемъ изъ Тобольска, въ домъ въ Петербургѣ для того, чтобы найти тамъ квартиру, я увидѣлъ тамъ отца, прикованнаго къ столбу среди своего семейства. По крикамъ, которые онъ испускалъ, и по малому вниманію, какое оказывали ему дѣти, я заключилъ, что онъ сумасшедшій, но ни чуть не бывало. Въ Россіи люди, которымъ поручается наборъ рекрутовъ, ѣздятъ по деревнямъ; они выбираютъ людей, годныхъ для службы, точно такъ же, какъ въ прочихъ странахъ мясники отправляются на скотные дворы, чтобы отмѣчать барановъ; его сынъ былъ назначенъ на службу, и безъ его вѣдома бѣжалъ; отецъ былъ узникомъ у себя дома, дѣти его были его стражею, и съ каждымъ днемъ ожидали суда. Отъ этого разсказа и отъ картины, рисовавшейся передъ моими глазами, я испыталъ содроганіе ужаса, заставившее меня тотчасъ искать квартиру въ другомъ домѣ". Г. покойникъ, что заставляло кричать этого человѣка, привязаннаго къ столбу? Былъ-ли онъ тутъ давно, или его только что привязали? Эти крики мнѣ подозрительны, ибо авторъ разсказываетъ прямо противное тому, что́ производится, когда набираютъ рекрутовъ. Вотъ факты. Когда опредѣлено количество нужныхъ рекрутовъ, Сенатъ повелѣваетъ ихъ набирать по одному съ 500 или съ 300, или же 150 человѣкъ. Тогда всякій губернаторъ предписываетъ общинамъ высылать въ городъ, къ окружному воеводѣ, то количество здоровыхъ людей требуемаго роста, которое онѣ должны выставить по распредѣленію. Эти рекруты въ присутствіи воеводы сдаются отрядамъ раз-

ныхъ армейскихъ корпусовъ, прибывающимъ для ихъ пріема. И такъ, нѣтъ людей, уполномоченныхъ набирать рекрутовъ, которые разъѣзжали-бы по деревнямъ, выбирали-бы людей, какъ мясники отбираютъ барановъ въ овчарнѣ, привязывали-бы къ столбамъ отцовъ семейства за бѣгство ихъ сыновей. Но если вы дѣйствительно видѣли отца семейства, прикованнаго въ его домѣ подъ карауломъ у своихъ дѣтей, то знайте, что это могло случиться лишь по суду его равныхъ, его общества, и что въ такомъ случаѣ еще лучше имѣть тюрьмою свой домъ, чѣмъ быть брошеннымъ въ темницу съ закованными руками и ногами, какъ быть можетъ сдѣлали бы въ иныхъ странахъ по тѣмъ же, или еще менѣе важнымъ, поводамъ. Авторъ говоритъ: „его сынъ былъ назначенъ на службу, и безъ его вѣдома бѣжалъ; отецъ былъ узникомъ у себя дома, дѣти его были его стражею, и съ каждымъ днемъ ожидали суда". Аббатъ старается оправдать этого отца; онъ говоритъ, что сынъ его бѣжалъ безъ его вѣдома, онъ отвергаетъ судъ общества, для того, чтобы дать понять, что этотъ человѣкъ былъ невиненъ. Когда аббатъ говоритъ, что дѣти были караульными отца, онъ желаетъ сдѣлать эффектную фразу, которая внушила-бы отвращеніе къ Русскимъ нравамъ и подтвердила-бы то, что̀ онъ столько разъ говорилъ о неизвѣстности началъ человѣколюбія въ Россіи; а въ концѣ концовъ, что такое этотъ ужасный примѣръ, долженствующій доказать, что „послѣднія животныя наслаждаются удовольствіями, сопряженными съ рожденіемъ ихъ дѣтенышей, а человѣкъ въ Россіи есть единственное существо, лишенное подобныхъ удовольствій; это униженіе уничтожаетъ въ ней всѣ человѣческія начала и всякое чувство"? Что же такое этотъ столь ужасный примѣръ? Это крестьянинъ, осужденный своимъ обществомъ, которому въ тюрьму дали его домъ, и конечно его дѣти не караулили его; но быть можетъ они должны были-бы отвѣчать въ случаѣ его бѣгства. Г. аббатъ, крики этого крестьянина для меня дѣло очень важное, но, какъ мнѣ кажется, они недостаточно засвидѣтельствованы; цѣпь, полагаю я, могла быть главнымъ къ нимъ поводомъ, да отъ нея, видитъ Богъ, еще нечего кричать. На стр. CLXXXXVI (314) вы найдете слѣдующія замѣчательныя слова: „Это обращеніе сдѣлало Русскихъ безчеловѣчными и жестокими: это животныя, которыхъ ихъ господа считаютъ нужнымъ придавить желѣзнымъ скипетромъ, пока они находятся подъ игомъ". Такъ какъ, г. покойникъ, вы прямо называете насъ животными, то считаю себя въ правѣ сказать вамъ, что во время всей жизни, вы сами поистинѣ были осломъ, и не считая тысячи другихъ тому доказательствъ, вотъ вамъ одно, весьма убѣдительное. Аббатъ говоритъ въ выноскѣ: „испорчен-

ность Русскаго народа въ настоящемъ его положеніи требуетъ, чтобы его держали въ жестокомъ угнетеніи, пока онъ порабощенъ; но человѣкъ мыслящій легко пойметъ, что можно было-бы, принимая предосторожности, довести его до свободы, не опасаясь неудобствъ, представляющихся въ началѣ. Порабощенный, онъ всегда будетъ испорченнымъ". Сколько брани, сколько эпитетовъ! Онъ набралъ, сколько могъ, дерзостей, чтобы бросить ихъ намъ въ лицо; его политическія замѣчанія, которыя онъ считаетъ необычайно тонкими, ясно какъ день обнаруживаютъ, что́ онъ былъ за человѣкъ. Человѣкъ умный, какъ бы онъ ни былъ ослѣпленъ страстію, не можетъ забыться до того, чтобы оскорблять такимъ образомъ цѣлый народъ, да еще народъ, отъ котораго онъ испыталъ столько благодѣяній и вниманій, какъ г. Шаппъ отъ Россіи. Но что́ въ томъ, если негодяй неблагодаренъ, и кидаетъ грязью въ своихъ благодѣтелей? Что́ бы онъ ни говорилъ, мы никогда не были и не будемъ ни жестокими, ни безчеловѣчными. Наши ежедневныя дѣйствія всего лучше обличаютъ и будутъ обличать его во лжи. Будемъ по прежнему покрывать себя славою, и посмѣемся надъ тѣми, которыхъ это бѣситъ. Лучше возбуждать зависть, чѣмъ сожалѣніе. Мы далеко не раздавлены желѣзнымъ скипетромъ; какой современный народъ можетъ похвастаться тѣмъ, что былъ призванъ въ цѣломъ своемъ составѣ къ составленію своихъ законовъ? Наши нравы не ухудшаются: воспитаніе, общественное и частное, улучшается съ каждымъ днемъ. Вотъ что имѣю я противопоставить неловкимъ ударамъ злобы. Г. Шаппъ, представляю вамъ факты, а отъ васъ мы слышимъ только слова, часто лишенныя смысла. Но вернемся къ тексту. На стр. CLXXXXVI (315) аббатъ уже не щадитъ никого; онъ закусилъ удила, бѣшенство увлекаетъ его, и онъ только бранится. Брань эта еще продолжается цѣлую страницу. Онъ началъ съ народа, теперь онъ говоритъ: „Русское дворянство, имѣя постоянно подъ глазами злыхъ и жестокихъ рабовъ, пріобрѣло жесткость, не лежащую въ его характерѣ: пресмыкаясь передъ деспотомъ, своими начальниками и всѣми тѣми, которыхъ оно считаетъ себѣ нужными, оно обращается крайне жестоко съ тѣми, надъ которыми оно можетъ имѣть права, или которые не въ силахъ ему противиться". Народъ, по словамъ г. Шаппа, жестокъ и золъ, дворянство жестоко, подло и дерзко. Вспомните, читатель, что аббатъ въ Россіи встрѣчалъ лишь вниманіе; однако-же никто въ немъ не нуждался; онъ же раздавалъ кулачные удары, разъѣзжая по странѣ, и еще лягался, вернувшись домой. Онъ былъ кротокъ, добръ, учтивъ, въ особенности же очень безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ, не впадалъ ни въ опро-

метчивость, ни въ пошлость, ни въ мелочность; но что лучше всего, онъ былъ весь натертъ ученостію, какъ блюдо лукомъ. Моловши вздоръ на протяженіи 196 страницъ, онъ тутъ предается всей своей страстности; ему уже нечего разсказывать, и онъ накопляетъ неопредѣленныя слова, которыя, какъ таковыя, заслуживаютъ глубочайшаго презрѣнія, а не опроверженія. Все это такъ гадко, что читателя почти тошнитъ. Но покончимъ. Аббатъ говоритъ: „такъ какъ народу въ Россіи дѣла нѣтъ до Государя, то казалось бы, что по крайней мѣрѣ въ этомъ классѣ націи слѣдовало бы найти удовольствія". Это смѣшно; г. Шаппъ одинъ, вѣроятно, не знаетъ, что напротивъ того, вотъ уже сто лѣтъ, какъ правительство по возможности поощряетъ общительность. Онъ продолжаетъ: „во всѣхъ прочихъ странахъ, крестьяне сходятся въ праздники; отцы, собравшись въ кабакѣ, часто подъ тѣнью липы, отдыхаютъ отъ трудовъ своихъ, выпивая нѣсколько бутылокъ вина; они бесѣдуютъ о средствахъ къ увеличенію своего дохода, иногда о политикѣ, между тѣмъ какъ плохой скрипачъ, сидя на бочкѣ, доставляетъ ихъ дѣтямъ самое живое наслажденіе. Всѣ эти удовольствія неизвѣстны въ Россіи". Вотъ тутъ опять г. аббатъ совершенно не знаетъ того, о чемъ онъ говоритъ; ибо нѣтъ страны, въ которой простонародье имѣло такое разнообразіе игръ, пѣсенъ и плясокъ, какъ Россія: есть игры для всѣхъ временъ года; нѣтъ кромѣ того той плохой деревушки, въ которой не игрались бы около Рождества своего рода комедіи; ни одинъ праздникъ не проходитъ безъ игръ, пѣсенъ и плясокъ; кромѣ того, во всякой деревнѣ есть люди играющіе на гудкѣ и на балалайкѣ. Онъ самъ отчасти допускаетъ сказанное мною, когда говоритъ: „народъ иногда пляшетъ, въ особенности въ нѣкоторые дни масляницы, но онъ въ это время преданъ разврату и пьянству. Не смѣешь даже пускаться въ путь въ это время, боясь оскорбленій этой черни". Вспомните, читатель, что аббатъ выѣхалъ изъ Петербурга въ масляницу, что ничего дурнаго съ нимъ не случилось, и что онъ самъ оскорбилъ унтеръ-офицера, приставленнаго къ нему отъ Двора, пощечиною, которою онъ хвастается въ началѣ этой книги, возводя эту пощечину въ принципъ относительно способа, которымъ слѣдуетъ обращаться съ людьми. Онъ продолжаетъ: „Русскіе крестьяне въ праздники обыкновенно остаются въ своихъ избахъ, гдѣ они стоятъ передъ дверьми, не дѣлая никакого движенія". Опять обобщеніе: онъ въ праздникъ видѣлъ крестьянина, стоявшаго передъ своею дверью, ergo они въ праздники всѣ стоятъ передъ дверьми. Но дадимъ ему договорить. „Праздность для нихъ величайшее удовольствіе, послѣ пьянства и женщинъ". Второе заключеніе, столь-же правильное, какъ

и предъидущее. Онъ говоритъ: „если Русскій крестьянинъ имѣетъ сколько нибудь денегъ, онъ отправляется одинъ въ кабакъ, онъ издерживаетъ ихъ и въ нѣсколько минутъ напивается; за тѣмъ онъ уже болѣе не боится, чтобы у него отняли его имущество". Аббатъ сказалъ выше: „Во всѣхъ прочихъ странахъ, крестьяне сходятся въ праздники; отцы, собравшись въ кабакѣ, часто подъ тѣнью липы, и т. д.". Онъ повидимому одобряетъ это поведеніе, но когда Русскій крестьянинъ отправляется въ кабакъ, онъ находитъ это предосудительнымъ. Шаппъ говоритъ, что наши крестьяне отправляются туда одни: онъ лжетъ, отправляются они туда и сидятъ тамъ цѣлыми толпами, и остаются тамъ не нѣсколько минутъ, но сколько имъ заблагоразсудится: нѣтъ въ мірѣ большихъ говоруновъ, чѣмъ Русскіе простолюдины. Важное открытіе! Г. аббатъ говоритъ: „Молодыя крестьянки въ хорошую погоду иногда забавляются тѣмъ, что качаются на доскѣ, положенной въ равновѣсіи на бревно, лежащее на землѣ: онѣ становятся на концы этой доски, и попеременно подымаются до высоты пяти, шести футовъ съ величайшею ловкостію. Въ самомъ дѣлѣ, вы это видѣли! И изъ этого вы остроумно заключаете, что, кромѣ этого, другихъ увеселеній нѣтъ. Вы и не подозрѣвали огромнаго количества разнообразныхъ качелей, горъ для катанья, и т.д., служащихъ забавою простаго народа. Если вы не видѣли, г. Шаппъ, того, что́ было у васъ передъ носомъ, то вините въ этомъ вашу слѣпоту, но тѣмъ не менѣе правда, что мало народовъ, столь веселыхъ, какъ нашъ. Эту рубрику онъ заключаетъ слѣдующими словами: „при этихъ упражненіяхъ никогда не видишь мужчинъ, и вообще они рѣдко сходятся съ своими женами внѣ своихъ хижинъ". Но если они рѣдко вмѣстѣ, то гдѣ же распутство, такъ часто приписываемое аббатомъ простонародью и всей нашей націи.

О ДОМАШНИХЪ И ДИКИХЪ ЗВѢРЯХЪ, О ПТИЦАХЪ, О РЫБАХЪ И НАСѢКОМЫХЪ.

Разборъ.

На стр. CLXXXXVIII (317) аббатъ говоритъ: „Весь народъ въ Россіи питается очень плохо, въ особенности отъ Москвы до Тобольска. По этой дорогѣ однако-же находятся въ изобиліи всѣ жизненные припасы, кромѣ хлѣба и вина." Угодайте за тѣмъ; если можете, почему народъ питается плохо, тогда какъ всѣ жизненные припасы находятся въ изобиліи; ниже онъ скажетъ, что эти припасы продаются

по ничтожной цѣнѣ. А, догадался! Повара по дорогѣ не хороши; когда всѣ будутъ такого-же мнѣнія, какъ и онъ перемѣнить ихъ будетъ не трудно. Правда, что вина нѣтъ, но трудно понять, что̀ заставило г. Шаппа сказать, что нѣтъ хлѣба; это ложь, хлѣбъ черный и бѣлый (по русски—калачъ) продаются повсюду, кромѣ развѣ какой нибудь оконечности Камчатки, гдѣ однако-же обработка земли весьма усилилась послѣ того, какъ было издано описаніе этой области. Аббатъ продолжаетъ: „рѣки изобилуютъ рыбою, равнины всякаго рода дичью. Крестьянинъ рѣдко ѣстъ говядину, еще менѣе дичь; онъ повидимому довольно равнодушенъ къ этому кушанію. Главною пищею служитъ ему рыба, потому что онъ можетъ съ величайшею легкостію добывать ее въ большомъ количествѣ. Рыба такъ обыкновенна, въ особенности въ Сибири, что, вмѣсто того, чтобы покупать ее у рыболововъ, у нихъ часто покупаютъ на удачу одну или нѣсколько тонь. Можно всегда быть увѣреннымъ, что за девять-десять копѣекъ получишь достаточно рыбы, чтобы пропитать свое семейство въ теченіи нѣсколькихъ дней.“ Соглашаясь съ аббатомъ въ томъ, что рыба дѣйствительно столь обильна, какъ онъ говоритъ, не могу согласиться съ нимъ относительно пищи крестьянъ. Вовлекло въ ошибку г. Шаппа вѣроятно то обстоятельство, что онъ ѣхалъ въ Сибирь великимъ постомъ, что, кромѣ этого поста, Греческая церковь соблюдаетъ ихъ три: одинъ начинается восемь дней послѣ Троицына дня и длится до праздника Петра и Павла. Второй начинается 1-го Августа и кончается пятнадцатаго того-же мѣсяца. Третій начинается за шесть недѣль до Рождества и кончается въ этотъ праздникъ; кромѣ того простой народъ ѣстъ постное въ среду и пятницу каждой недѣли. Въ остальное время, крестьянинъ питается мясомъ, рыбою, молокомъ, кашею, овощами и грибами, и все это имѣется у него въ изобиліи. Аббатъ говоритъ: „легко достать дичь по ничтожной цѣнѣ, но Русскіе приготовляютъ ее плохо и крайне нечисто.“ Авторъ принужденъ былъ сознаться, что во всемъ господствуетъ изобиліе, что̀ конечно маленько противорѣчитъ нищетѣ, которою аббатъ столько разъ въ своей книгѣ надѣлялъ Русскій народъ; надобно же ему чѣмъ нибудь себя вознаградить: вотъ почему онъ находитъ дичь приготовленною дурно, и крайне нечисто. Онъ заключаетъ этотъ параграфъ словами: „Въ иныхъ странахъ, многіе люди живутъ лишь для удовольствій стола. Иностранецъ въ Россіи принимаетъ пищу лишь для того, чтобы поддержать свое существованіе.“ Что-же, г. Шаппъ, если это такъ, то тѣмъ лучше для желудка этого иностранца; однако-же мы видимъ у насъ много иностранцевъ, здѣсь растолстѣвшихъ. Пріѣхали-же они худые, какъ спички. Ска-

завши, что куропатка, тетеревъ, рябчикъ и перепелъ весьма обыкновенны въ Россіи, авторъ присовокупляетъ: „но всѣ эти птицы имѣютъ весьма непріятный болотный вкусъ.“ Могло-бы статься, что со вкусомъ покойника не сошлись-бы всѣ живые; но о вкусахъ спорить не годится. Слѣдуетъ на стр. CLXXXXIX (318, 319) исчисленіе птицъ, привезенныхъ аббатомъ изъ окрестностей Тобольска. Онъ сообщаетъ рисунки лишь послѣднихъ двухъ изъ своего списка. Въ томъ числѣ красногрудый нырокъ, котораго заставилъ его отыскать Шаберъ, увѣривъ его, что у него змѣиная голова. Предоставляю ему измѣрять носы, хвосты, ноги и когти этихъ птицъ съ точностію, которой онъ не измѣняетъ ни на волосъ. Я не коснусь также его исчисленія тѣхъ рыбъ, которыя есть и которыхъ нѣтъ въ Сибири и въ Россіи. Скажу только, что отчетъ Шаппа о приготовленіи икры не точенъ. Онъ говоритъ: „Собираютъ тщательно и ея (стерляди) икру, также какъ икру осетра, варятъ ихъ въ маслѣ съ солью и нѣкоторыми мѣстными пряностями. Эта икра, приготовленная такимъ образомъ, извѣстна подъ названіемъ „caviar“. Ее держатъ въ банкахъ, какъ горчицу. Кушанье это цѣнится столько-же, какъ и стерлядь.“ Икру не варятъ, и при ея приготовленіи не употребляется ни масла, ни какого либо иного снадобья, кромѣ соли и холодной воды. Слѣдуетъ, на стр. CCI (327) исчисленіе „домашнихъ животныхъ, разводимыхъ въ Тобольскѣ и по дорогѣ до Петербурга“. Вы изумитесь — животныя все рѣдкія. Это „быки, лошади, нѣсколько овецъ, собаки, куры, гуси и множество утокъ“. Коты, въ особенности-же Казанскіе, отличающіеся своимъ ростомъ и дородствомъ, голуби и индѣйки имѣютъ полное право обжаловать г. д'Отероша за то, что сей великій мужъ о нихъ не упомянулъ; онъ могъ-бы сказать просто, что онъ нашелъ въ Россіи тѣ-же домашнія животныя, какъ и въ остальной Европѣ: но исчисленіе показалось ему пріемомъ, болѣе научнымъ. Еще не могу я переварить этихъ словъ: „нѣсколько овецъ“; онъ повидимому хочетъ дать понять, что ихъ мало: между тѣмъ ихъ такъ много, что, не говоря о потребленіи ихъ въ пищу, ихъ хватаетъ на то, чтобы одѣвать сукномъ, сдѣланнымъ изъ Русской шерсти, нашу армію, нашъ флотъ и весь нашъ простой народъ, да кромѣ того ихъ продаютъ пограничнымъ инородцамъ отъ Астрахани до Китая. Аббатъ говоритъ, что „порода быковъ очень мелка,“ а въ выноскѣ, „что Украинскіе быки, напротивъ того, очень крупны.“ Онъ могъ присовокупить: и Архангельскіе также; но онъ по видимому не зналъ этого, какъ и многихъ вещей, о которыхъ онъ говоритъ съ самою смѣшною самоувѣренностію. Текстъ гласитъ, что порода лошадей мелка, но что эти животныя

„бѣгутъ съ удивительною быстротою, и что они почти неутомимы". „Они", присовокупляетъ онъ, „дѣлаютъ переѣзды въ двадцать пять миль съ величайшею легкостію". Такъ какъ я не знаю, о какихъ миляхъ говоритъ аббатъ, то замѣчу съ своей стороны, что лошади наши пробѣгаютъ не болѣе сорока верстъ, а верста содержитъ пять сотъ саженъ, сажень же семь Англійскихъ футовъ. Шаппъ въ своей книгѣ отдаетъ справедливость однимъ лошадямъ. Г. д'Отерошъ говоритъ на стр. CCII (327): „за Тобольскомъ почти не встрѣчаются ни быки, ни лошади; ѣздятъ на собакахъ, которыхъ впрягаютъ въ сани". Это неправда. По сю сторону Иркутска, города, лежащаго близъ Байкальскаго озера, и за этимъ озеромъ, до Китайской границы, отъ Нерчинскихъ рудниковъ до Иртыша, ѣзда на собакахъ неизвѣстна. Если я не ошибаюсь, ѣзда эта начинается лишь съ Якутска, города, лежащаго на рѣкѣ Ленѣ; между Иркутскомъ и Якутскомъ, часть пути проѣзжаютъ на лошадяхъ, часть на оленяхъ. Собакъ употребляютъ лишь въ странахъ, лежащихъ за Якутскомъ, странахъ по большей части открытыхъ, въ которыхъ зимою снѣгъ до того глубокъ, что лошади и олени увязли-бы въ немъ, между тѣмъ какъ собаки, болѣе легкія, въ немъ не увязаютъ. Но пока авторъ занятъ домашними животными, не лишнимъ для тѣхъ, кто ими интересуется, будетъ указать на тѣ породы ихъ, которыя наиболѣе цѣнятся въ Россіи. Украинскіе быки доходятъ до Парижа, ихъ ежегодно тысячами приводятъ въ Бреславль, и оттуда они изъ рукъ въ руки распространяются далѣе. Украйна продаетъ въ годъ болѣе десяти тысячъ быковъ. Архангельскіе и Холмогорскіе быки и коровы принадлежатъ къ Голландской породѣ и гораздо крупнѣе обыкновенной породы. Архангельскія телята весьма цѣнятся за ростъ и за необыкновенную нѣжность мяса; одинъ теленокъ вѣситъ иногда отъ двѣнадцати до шестнадцати пудовъ. Лошади въ Мезени, области Архангельской губерніи, мелки, но очень красивы, ловки и рьяны; онѣ одарены страннымъ инстинктомъ: имъ постоянно хочется возвратиться на родину; ихъ сотнями приводятъ на городскіе рынки, на разстояніе четырехъ и пяти сотъ верстъ, и покупатель часто обманывается въ своей покупкѣ: лошадка бьется, пока не вырвется и, какъ только она свободна, она возвращается прямо на свою родину, и искусенъ тотъ, кто ее изловитъ. Нижегородскія лошади очень сильны и достаточно крупны, чтобы служить драгунамъ; это лошади созданныя для военной службы. Лошади Донскихъ казаковъ—лошади быть можетъ единственныя въ своемъ родѣ; онѣ очень красивы, отличные бѣгуны, весьма быстры и по складу очень близки къ Англійскимъ лошадямъ. Ливонскихъ лошадей

также можно причислить къ лучшимъ породамъ, но онѣ не столь быстры, какъ Русскія лошади. Лошади съ острова Эзеля—карлики; есть между ними очень красивыя; они почти никуда негодны по причинѣ своего малаго роста, однакоже ихъ употребляютъ для упряжи. Бараны, наиболѣе цѣнимые за мясо, также водятся въ Архангельскѣ, но они не столь многочисленны, какъ тѣ, которыхъ приводятъ изъ Оренбургской губерніи, отъ Калмыковъ и отъ Киргизовъ, народовъ, платящихъ дань Россіи. Шерсть Эзельскихъ овецъ есть лучшая для тонкихъ суконъ. Свиньи въ окрестностяхъ Казани крупнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ областяхъ. Гуси Арзамасской области, входящей въ составъ Нижегородской губерніи, гораздо крупнѣе, чѣмъ въ прочихъ областяхъ; ихъ учатъ также драться, какъ въ Англіи пѣтуховъ; любители очень ихъ цѣнятъ и находятъ ихъ особенно способными къ этому дѣлу. Присовокуплю тутъ то, что̀ мнѣ слѣдовало-бы сказать выше, когда аббатъ говорилъ о дичи. Лучшія куропатки находятся въ окрестностяхъ Симбирска, областнаго города Казанскаго царства; онѣ питаются исключительно дикими вишнями, коими изобилуетъ этотъ округъ. Архангельскіе рябчики самые крупные и самые нѣжные. Весьма цѣнятся перепела Воронежской губерніи, они очень жирны. Ярославскіе и Костромскіе голуби доставляютъ любителямъ особое удовольствіе способомъ, которымъ они кружатся на воздухѣ — удовольствіе, не всѣмъ понятное; у насъ есть люди, издерживающіе большія деньги на эту забаву и дорожащіе своими голубями столько-же, какъ охотники своими собаками, соколами, и т. д. Все это приводится къ одному. На страницахъ CCII, CCIII, и т. д. (327, 328) аббатъ говоритъ о дикихъ звѣряхъ, о ихъ цвѣтѣ, о цѣнѣ самыхъ высокихъ мѣховъ, и т. д. На стр. CCIV (329) онъ повѣствуетъ, какъ производится охота на этихъ животныхъ. Слѣдуетъ маленькое разсужденіе о причинахъ, по которымъ у большинства животныхъ зимою измѣняется цвѣтъ шерсти, и особый параграфъ о бѣлкѣ дѣвицы Каменской-младшей, которую аббатъ знавалъ въ Москвѣ. Выводъ изъ этого разсужденія тотъ-же, какъ и выводъ Академіи о шкурѣ красной овцы въ Кандидѣ; было рѣшено, что она красная. Точно также аббатъ, послѣ большой страницы разсужденій, приходитъ къ тому, что дикія животныя въ Россіи одного цвѣта лѣтомъ, а другаго зимою. Въ концѣ стр. CCV (331) вы найдете слова: „Насѣкомыя Сибири и Россіи весьма мало извѣстны. Несмотря на мои старанія собрать свѣдѣнія по этому предмету, я не въ состояніи въ этомъ отношеніи сообщить что либо новаго естествоиспытателямъ.“ Неблагодарный! Онъ и не заикнулся тутъ о своемъ другѣ Шаберѣ, доставившемъ ему столько рѣдко-

стей. Г. покойникъ, куда-же дѣвался ящикъ съ тараканами, животное изъ Пегу, и т. д.? Но вы тотчасъ-же увидите, что̀ за человѣкъ аббатъ, если вы его еще недостаточно узнали по двумъ стамъ страницъ его книги, опроверженіе коихъ вы имѣли терпѣніе прочесть, съ чѣмъ, не отвлекая васъ, не могу васъ не поздравить, любезный читатель. И такъ, г. Шаппъ и тутъ не ударилъ лицомъ въ грязь; онъ говоритъ: „Множество предметовъ, обнятыхъ мною во время моего путешествія, не позволяло мнѣ, такъ какъ я былъ одинъ, самому набирать насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе, что я не могъ оставаться долго въ этой странѣ".

Affairé comme une souris en couche
Il n'alla point à la chasse des mouches (*).

Онъ продолжаетъ, все не упоминая о своемъ другѣ Шаберѣ: „Я льстилъ себя надеждою, что въ мѣстахъ, гдѣ я останавливался, мнѣ помогутъ въ этомъ за награжденіе, обѣщанное мною всякому, кто принесетъ мнѣ насѣкомыхъ. Мнѣ ни разу не приносили ни одного". А тараканы и животное изъ Пегу, почему они забыты? Онъ продолжаетъ: „Могу однако-же утверждать вообще, что большинство насѣкомыхъ въ Россіи принадлежитъ къ разряду зарождающихся въ болотахъ и въ прудахъ; они обыкновенно появляются въ Сибири въ Іюлѣ мѣсяцѣ".

Вслѣдъ за этимъ, аббатъ горько жалуется на Тобольскихъ комаровъ, которые, говоритъ онъ на стр. CCVI (332) „терзаютъ жителей даже въ ихъ комнатахъ". Они имѣли дерзость кусать аббата въ ноги, въ лицо и въруки, и зудъ, причиняемый ему ихъ кусаньемъ, не давалъ ему покоя. Онъ говоритъ, что былъ принужденъ нѣсколько дней пролежать въ постелѣ, что затѣмъ онъ выходилъ не иначе, какъ въ сапогахъ, въ перчаткахъ и съ вуалью на лицѣ, что̀ весьма нужно знать. Удивительно, что онъ упустилъ сообщить намъ, какимъ образомъ онъ чесался. Онъ говоритъ, что жители и даже часовые принимаютъ тѣ-же предосторожности; разсказъ нѣсколько сомнительной достовѣрности: мы по крайней мѣрѣ никогда не видали часоваго подъ вуалью. Затѣмъ вы узнаете, что аббатъ разводилъ огонь вокругъ своей обсерваторіи „для того, чтобы производить большой дымъ", удаляющій насѣкомыхъ, и что онъ гасилъ его, когда приходилось ему наблюдать. Придирчивый критикъ могъ-бы найти немного страннымъ, что въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда Венера проходила передъ Солнцемъ, разводили огонь, чтобы прогонять насѣкомыхъ, которыя, по словамъ аббата, появляются лишь въ Іюлѣ; но аббатъ спѣшитъ предъупредить

(*) Озабоченный какъ мышь въ родахъ, онъ не ходилъ на охоту за мухами.

насъ, что онъ наблюдалъ еще тогда, когда наблюдать было нечего. Аббатъ затѣмъ разсказываетъ, что, „кромѣ комаровъ, онъ нашелъ еще воздухъ наполненнымъ въ Тобольскѣ мошками, болѣе докучливыми, чѣмъ опасными". Я право очень этому радуюсь за своихъ соотечественниковъ; открытіе г. аббата изъ самыхъ счастливыхъ; онъ говоритъ также, что бываютъ цѣлыя тучи стрекозъ и саранчи, что „въ 1749, 1750 и 1751 годахъ, саранчи было такъ много въ Украйнѣ, что она съѣла весь хлѣбъ въ окрестностяхъ Бѣлгорода"— лежащаго, съ вашего позволенія, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Украйны; слѣдовательно Украинская саранча не могла съѣсть хлѣба въ Бѣлгородѣ, ибо ея тамъ не было, а если она была тамъ, то она не могла быть въ Украйнѣ: маленькій промахъ автора, о которомъ не стоитъ говорить. 2 Іюля 1761 года, аббатъ былъ принужденъ выйти изъ своей комнаты, для того, чтобы изслѣдовать жужжаніе стрекозъ, которыхъ онъ измѣрилъ, какъ вы тотчасъ увидите. Онъ былъ нанятъ для того, чтобы все наблюдать; малѣйшая бездѣлица ставила его на ноги. Но оставимъ слово ему; онъ пресерьозно говоритъ: „Изъ сдѣланныхъ мною наблюденій (надъ жужжаніемъ стрекозъ) оказывается, что эти насѣкомыя образовали столбъ, ширина котораго простиралась отъ рѣки Иртыша до моей обсерваторіи, слѣдовательно приблизительно на пять сотъ саженъ. Вышина этого столба была лишь пять саженъ". Но предоставимъ аббату одному гнаться за мухами, что̀ онъ дѣйствительно и сдѣлалъ, съ часами въ рукахъ. Летѣли онѣ отъ сѣвера къ югу и обогнали его; онъ же, чтобы отомстить, измѣрилъ пространство, которое онъ пробѣжалъ; оказалось оно въ двадцать саженъ; отсюда онъ заключилъ, что эти мухи летаютъ быстрѣе, чѣмъ онъ бѣгаетъ; заключаетъ онъ словами: „онѣ вполнѣ схожи съ тѣми, которыя водятся во Франціи". Далеко-же мы ушли въ открытіяхъ! На стр. CCVII (333) г. Шаппъ повторяетъ, что въ Сибири есть дичь, рыба, „и что говядина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣется въ изобиліи, но что хлѣбъ въ этой области ростетъ съ трудомъ". Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы говядина находилась въ изобиліи лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири; вотъ странное упорство; это столь-же несправедливо, какъ то, что̀ онъ говоритъ о хлѣбѣ, растущемъ тамъ въ большомъ количествѣ. Доказательство тому приведено мною выше. Онъ присовокупляетъ: „необходимо выписывать его изъ тѣхъ частей Россіи, которыя расположены въ Европѣ; монополія дѣлаетъ его дорогимъ въ Сибири по причинѣ мошенничествъ, производимыхъ тамъ вопреки бдительности губернаторовъ: поэтому народу рѣдко приходится ѣсть хлѣбъ". Мы сказали выше, что Сибирь сама себя пропитываетъ и повторяемъ здѣсь. Во

всей обширной Россійской Имперіи не существуетъ никакихъ монополій. Хлѣбъ не дорогъ, напротивъ того, онъ чрезвычайно дешевъ, ибо еще до сихъ поръ четверть въ Тобольскѣ не доходила до рубля, между тѣмъ какъ она стоитъ въ Россіи отъ двухъ до трехъ рублей. Хотя аббатъ и увѣряетъ, что народъ у насъ рѣдко ѣстъ хлѣбъ, но едва-ли найдется народъ, который бы ѣлъ его больше. Но вотъ что́ еще лучше. Г. д'Отерошъ говоритъ въ концѣ стр. CCVII (334): „Русскіе даже не умѣютъ дѣлать хлѣба". Вы увидите, что этому искусству надобно научиться у него, ибо онъ распространяется о способѣ, которымъ хлѣбъ печется и говоритъ, что если бросить кускомъ въ стѣну, онъ прилипаетъ къ ней, какъ известка". Всякій теплый хлѣбъ прилипъ-бы такимъ образомъ; изъ этого мѣста ясно видно, что аббатъ говоритъ вкривь и вкось о томъ, чего онъ не понимаетъ и чего не смыслитъ; тутъ онъ даже становится булочникомъ, чтобы учить насъ, какъ печь хлѣбъ. Очень благодарны за трудъ, г. Шаппъ, но онъ напрасенъ. Онъ находитъ хлѣбъ въ Сибири кислымъ и чернымъ. Бьюсь объ закладъ, что онъ не хуже, чѣмъ Эльзасскій пумперникель. Г. д'Отерошъ вѣроятно не зналъ, что черный хлѣхъ питательнѣе бѣлаго, и что для того, чтобы это испробовать, стоитъ только заставить помѣрить свои силы тѣхъ, которые ѣдятъ бѣлый хлѣбъ съ тѣми, которые ѣдятъ черный; тотчасъ оказалось-бы, съ которой стороны преимущество, если только справедливо, что право сильнаго — лучшее право. Затѣмъ аббатъ повѣствуетъ, что его спутники „рѣшились ѣсть его (хлѣбъ), лишь потребивши всѣ сухари, привезенные ими изъ Петербурга", и какъ архіепископъ присылалъ ему булочки. Изъ всего этого разсказа явствуетъ, что аббатъ не оказываетъ черному хлѣбу чести называть его хлѣбомъ и что, когда онъ говоритъ хлѣбъ, нужно подразумѣвать бѣлый. Слѣдуетъ описаніе способа, которымъ архіепископъ приготовлялъ этотъ столь уважаемый аббатомъ бѣлый хлѣбъ, о которомъ онъ увѣряетъ, что архіепископъ посылалъ его также губернатору въ высокоторжественные дни: „его разрѣзывали на маленькіе ломтики, и раздавали ихъ по одному всѣмъ гостямъ". Онъ видѣлъ это, быть можетъ, разъ, и тотчасъ, по похвальной своей привычкѣ, заключилъ, что это установленный обычай; и это должно доказывать рѣдкость бѣлаго хлѣба. Шаппъ на стр. CCVIII (336) повторяетъ въ пятидесятый разъ, что вино въ Тобольскѣ „извѣстно лишь по преданію". И тѣмъ лучше, чортъ побери: если-бы у насъ и не знали его имени, вы бы не увозили отъ насъ столько денегъ, господа Французы; но его не пьетъ одно простонародье. Онъ продолжаетъ: „тѣ, которые ѣдутъ въ Сибирь изъ Петербурга или изъ Москвы, иногда привозятъ

его съ собою нѣсколько бутылокъ, но вообще при этихъ путешествіяхъ мало заботятся о возможности достать вино по необходимости, которую ощущаютъ, запастись всѣмъ прочимъ, еще болѣе нужнымъ, для поддержанія жизни". Должно замѣтить тутъ, что всѣ жизненныя потребности можно имѣть за деньги на всѣхъ большихъ дорогахъ. И такъ трудно догадаться, на что̀ жалуется аббатъ. Затѣмъ аббатъ исчисляетъ все то, что̀ пьютъ въ Тобольскѣ, какъ онъ полагаетъ, за неимѣніемъ вина. Потомъ онъ заключаетъ эту рубрику, посвященную животнымъ домашнимъ и дикимъ птицамъ, рыбамъ и насѣко̀мымъ, слѣдующею фразою, приходящеюся сюда, какъ вы увидите, весьма кстати. „Водка доставляетъ Государю значительный доходъ; ее во всей Россіи приготовляютъ лишь изъ хлѣба. Частныя лица, имѣющія заводы, продаютъ казнѣ бочку водки за тридцать рублей, казна-же перепродаетъ ее потребителямъ за девяносто рублей. Всѣмъ Русскимъ, подъ опасеніемъ самыхъ строгихъ наказаній, запрещено курить водку. Одно дворянство имѣетъ позволеніе добывать ее для собственнаго употребленія". Когда, читая книгу аббата Шаппа, вы ожидали найти свѣдѣнія о Греческой церкви, онъ угостилъ васъ приготовленіемъ водки и иныхъ напитковъ, и разсказалъ вамъ „не любо не слушай" про „crematum". Тутъ, подъ рубрикою животныхъ, онъ повѣствуетъ вамъ о продажѣ водки, и это столь-же неточно, какъ и неумѣстно. Вотъ факты. Всякому земледѣльцу разрѣшено курить вино, но онъ можетъ дѣлать изъ него лишь двоякое потребленіе: либо употреблять его у себя въ домѣ, либо продавать его казнѣ, перепродающей его публикѣ; цѣна въ этомъ случаѣ опредѣляется по цѣнамъ на хлѣбъ. Цѣна-же, по которой казна отпускаетъ вино публикѣ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ той, по которой она его купила; поэтому нынѣшняя цѣна не есть та, которую приводитъ аббатъ Шаппъ, тѣмъ менѣе можетъ настоящая цѣна служить мѣркою для цѣнъ будущихъ. Лифляндія, Эстляндія, Курляндія, Малороссія, извѣстная подъ именемъ Украйны, Слободская Украйна и всѣ козаки пользуются привиллегіею курить водку и продавать ее, кому заблагоразсудится, въ предѣлахъ своей области, но не въ Россіи, гдѣ вещи находятся въ состояніи описанномъ выше. Прощайте, г. аббатъ, мы не замедлимъ опять помѣриться съ вами.

ОБЪ УСПѢХАХЪ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ ВЪ РОССІИ; О НАРОДНОМЪ ХАРАКТЕРѢ И О ВОСПИТАНІИ.

РАЗБОРЪ.

Прежде чѣмъ приступить въ дѣлу, мы принуждены, читатель, предъупредить васъ, что аббатъ подъ этою рубрикою объявитъ насъ дураками такъ же, какъ и вообще всѣхъ нашихъ соотечественниковъ. И такъ вы соблаговолите принять въ расчетъ уровень нашихъ умственныхъ способностей, если, несмотря на все богатство матерьяла, мы будемъ опровергать г. Шаппа безъ всякой остроты, ибо таково свойство нашего ума, какъ доказано этимъ искуснымъ изслѣдователемъ тайнъ Всевышняго, по самымъ выспреннимъ правиламъ Физики и Политики; и если этого недостаточно, чтобы убѣдить васъ, знайте, что онъ произвелъ нивеллировку нашего ума, и нашелъ, что мы глупы, потому что въ Россіи мало горъ. Это разсужденіе г. д'Отероша внушаетъ намъ безграничное уваженіе въ Швейцарамъ и къ Савоярамъ. Мы уже вполнѣ убѣждены въ томъ, что это величайшіе геніи въ Европѣ, потому что они имѣли счастіе впервыя увидѣть свѣтъ на высокихъ горахъ. Одна лишь мысль печалитъ и уничтожаетъ насъ; это мысль о томъ, что эти великіе геніи употребляются во многихъ странахъ, одни для охраненія дверей, другіе для чистки сапоговъ. Или это непризнанные геніи? Или доблесть столь обыкновенна въ этихъ странахъ, что огромное количество людей, одаренныхъ ею, уже не находитъ иныхъ средствъ пропитанія? Если послѣднее предположеніе справедливо, вотъ геніальные люди весьма несчастные, весьма униженные. Мы же—дураки, которые, по свидѣтельству г. Шаппа, едва владѣемъ пятью чувствами, постигаемъ лишь сквозь густой туманъ, состоящій изъ вещественныхъ частицъ, разсужденія, основанныя на научномъ анализѣ; но, тѣмъ не менѣе, мы будемъ продолжать. Могло бы статься, что у насъ достаточно здраваго смысла, чтобы помѣриться съ аббатами, натертыми науками, и рожденными, клянусь вамъ, въ странахъ плоскихъ. Хотите вы узнать, откуда это намъ извѣстно? Изъ его книги и отъ правилъ, которыя онъ самъ изложитъ вамъ нѣсколькими страницами ниже. Д'Отерошъ, на страницѣ CCIX (338), говоритъ: „Въ 1689 году воцаряется въ Россіи Петръ; онъ возъимѣлъ намѣреніе просвѣтить свой народъ, погруженный въ невѣжество въ теченіи семисотъ лѣтъ". Мы сказали и повторяемъ: до царствованія царя Ѳедора Ивановича, мы шли ровнымъ шагомъ со всѣми прочими націями Европы, за исключеніемъ, быть можетъ, Италіи, и лишь смуты, по-

слѣдовавшія за смертію этого государя, замедлили наше развитіе. Авторъ повѣствуетъ о путешествіяхъ Петра Великаго, о видахъ, которые онъ имѣлъ, совершая ихъ. А за тѣмъ, вы встрѣчаете слѣдующія слова: „Петръ I, вернувшись въ свои владѣнія, устроиваетъ убѣжища, посвященныя наукамъ и искусствамъ. Всѣ учрежденія, сложившіяся въ Европѣ въ долгій періодъ времени, вдругъ возникаютъ въ Россіи: дворянство разстается съ своими отвратительными бородами и съ старинною своею одеждою". Я имѣю сказать словечко объ этихъ отвратительныхъ бородахъ и объ этой старинной одеждѣ. Нѣтъ, сознаюсь въ томъ, бородъ въ мірѣ, которыя надѣлали бы столько шума, какъ наши; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что, почти во всѣхъ странахъ, весьма долго носили бороду, о чемъ свидѣтельствуютъ старинныя медали и портреты. Эта борода лишь постепенно выводилась въ Европѣ. Во время Карла I-го въ Англіи, Генриха IV и Людовика XIII во Франціи, ее еще носили; она уступила мѣсто усамъ, и сіи послѣдніе не весьма удалены отъ времени, въ которое мы живемъ. Спрашиваю васъ теперь, читатель, насколько борода моего дѣда разнилась отъ бороды вашего, носившаго по крайней мѣрѣ усы, и который изъ двухъ первый разстался съ этими двумя модами? Насъ очень много попрекали этою бородою. Аббатъ Шаппъ находитъ ее отвратительною; пожалуй, но скажите же тоже самое и о бородѣ вашихъ предковъ, которая, хотя и менѣе знаменитая, тѣмъ не менѣе существовала. Въ томъ, что мы ее носили, мы не были болѣе виновны, чѣмъ прочіе народы; мы, быть можетъ, были неправы въ томъ, что хотѣли ее сохранить; но мнѣ кажется, что мы нѣсколькими годами позже разстались бы съ нею изъ моды, если-бы насъ къ тому не принудили. Что́же касается до старинной одежды, то вообще платье не дѣлаетъ человѣка, и какъ только платье не вліяетъ на человѣка, дѣла нѣтъ, какъ онъ одѣтъ; здравый смыслъ—конечно не салонный умъ—быть можетъ признаетъ, что одежда, наиболѣе сообразная климату, весьма можетъ оказаться и самою разумною. Аббатъ продолжаетъ: „женщины, до тѣхъ поръ запертыя въ своихъ домахъ, являются на собраніяхъ, до того времени неизвѣстныхъ въ Россіи; Дворъ ея дѣлается блистательнымъ". Подъ страхомъ быть обвиненными въ пародоксальности, скажемъ въ этомъ мѣстѣ вещь, которая, быть можетъ, не прійдется по вкусу многимъ читателямъ, а другихъ удивитъ; я однако-же докажу сказанное мною тысячью старыхъ книжицъ, еще сохраняемыхъ многими дворянскими семьями въ Россіи. Вотъ факты. Женщины въ старину не были гораздо болѣе заперты въ домахъ, чѣмъ теперь. Не было ни одного публичнаго праздника, на которомъ онѣ бы не присутствовали,

праздника частнаго, въ которомъ онѣ-бы не участвовали; вы не найдете ни одной старой разрядной книги, въ которой не было-бы отмѣчено, по крайней мѣрѣ каждую недѣлю, что такія и такія-то дамы оставались къ обѣду при Дворѣ. Тоже самое было и во всѣхъ прочихъ домахъ. Родственники, друзья, знакомые, праздновали праздники вмѣстѣ, посѣщали другъ друга, видѣлись и дѣлали, что̀ хотѣли круглый годъ; изъ этого явствуетъ, что наши дамы встарину были менѣе заперты, чѣмъ Французскія дамы при восшествіи на престолъ Франциска I-го. Извѣстно, что онъ первый привлекъ ихъ ко Двору, и что по тогдашнимъ понятіямъ, дамы грѣшили противъ приличій, выходя изъ лона своего семейства. Самыя стѣсненныя изъ всѣхъ дамъ у насъ были дамы царскаго семейства, ибо отъ нихъ приличіе встарину требовало, чтобы онѣ вели жизнь самую тихую; обычай этотъ не составлялъ нашу исключительную принадлежность, ибо еще есть Дворы, гдѣ особы этого сана ведутъ жизнь почти затворническую. Аббатъ продолжаетъ: „Петръ I словно создаетъ новую націю, но онъ не произвелъ никакихъ измѣненій въ устройствѣ правительства. Природа по прежнему осталась въ порабощеніи, и онъ лишь затянулъ эти узы. Онъ принуждаетъ все дворянство служить. Никто отъ этого не избавленъ“. Петръ Великій конечно измѣнилъ одежду и многіе обычаи. Онъ въ образѣ жизни упразднилъ много церемоній и стѣсненій, онъ придалъ ему болѣе свободы, но онъ также измѣнилъ всю систему управленія и даже многое въ самомъ устройствѣ правительства; онъ даже не сохранилъ названія всѣхъ старинныхъ управленій; онъ придалъ имъ иную форму, и установилъ новыя. Не могу согласиться съ аббатомъ въ томъ, что „природа по прежнему осталась въ порабощеніи, и что Петръ лишь затянулъ эти узы“, ибо я вижу, что аббатъ ошибается. Существуютъ напечатанные законы этого Императора, доказывающіе противное: когда онъ захотѣлъ измѣнить старинные законы, онъ велѣлъ, чтобы тѣ, которые трудились надъ новыми, брали примѣръ съ законовъ Швеціи и Даніи. И такъ, онъ и не думалъ затягивать узы порабощенія. Если, въ бѣдственную минуту, послѣ Нарвской битвы, онъ принудилъ дворянство, уклонявшееся отъ службы отечеству, принять участіе въ его защитѣ, то это не есть доказательство тому, что̀ утверждаетъ аббатъ; ибо самъ Императоръ видоизмѣнилъ этотъ указъ, изданный, такъ сказать, въ рѣшительную минуту, живымъ, дѣятельнымъ, геніальнымъ монархомъ. Авторъ продолжаетъ: „Изъ народа выбираютъ толпу юныхъ рабовъ; ихъ распредѣляютъ по академіямъ и по школамъ; однихъ посвящаютъ литературѣ, другихъ наукамъ и искусствамъ, не справляясь ни съ ихъ талантами,

ни съ ихъ наклонностями. Петръ посѣщаетъ академіи и мастерскія; онъ часто самъ беретъ въ руки рѣзецъ, но вынимаетъ кисть изъ рукъ молодаго художника, пишущаго Армиду въ объятіяхъ Ринальдо, и наказываетъ его батогами". Отчего у Шаппа постоянно на устахъ слово рабъ? Это ясно: его злоба предпочитаетъ слова и выраженія наиболѣе годныя для того, чтобы представлять вещи въ низкомъ видѣ. Это-то и заставляетъ его находить столь пріятнымъ слово рабъ и повторять его безъ устали. Таже злоба заставляетъ его предполагать, будто распредѣляютъ учениковъ по академіямъ и школамъ, не принимая въ соображеніе ни ихъ талантовъ, ни ихъ наклонностей. Клевета, изобрѣтенная имъ на Петра Великаго, отвратительнѣе всего остальнаго. Онъ говоритъ: „но онъ вынимаетъ кисть изъ рукъ молодаго художника, пишущаго Армиду въ объятіяхъ Ринальдо, и наказываетъ его батогами". Это черная ложь, изобрѣтенная аббатомъ или его подстрекателемъ, ядовитое дыханіе котораго силится распространить отраву на все, что́ проходитъ черезъ его руки; ни одна живая душа никогда не слыхала объ этомъ фактѣ; прилично ли изобрѣтать такія сказки, да еще на счетъ великаго человѣка? Тотчасъ послѣ лжи о батогахъ, аббатъ говоритъ, на страницѣ CCX (339): „Преемники Петра I слѣдуютъ тому же плану". Если наконецъ передъ вашими глазами не обнаружилась вся жолчь и вся злоба аббата, въ этомъ виноватъ не онъ; онъ выказываетъ ее въ этомъ мѣстѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ; онъ предполагаетъ, что Петръ I „вынималъ кисть изъ рукъ молодаго художника, пишущаго Армиду въ объятіяхъ Ринальдо, для того чтобы наказать его батогами". И тотчасъ за тѣмъ онъ говоритъ: „преемники Петра I слѣдуютъ тому-же плану". Д'Отерошъ и компанія не сознавали, что, увлеченные злобою, они говорили первостатейныя нелѣпости. Хорошъ планъ дѣйствій, хорошо средство для того, чтобы заставить процвѣтать искусства и науки! Жалкая клевета! Нѣтъ надобности быть рожденнымъ на горахъ для того, чтобы видѣть ее насквозь. Даже жители равнинъ оцѣнятъ ее по достоинству. Аббатъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о славѣ Петербургской Академіи Наукъ. Онъ называетъ по имени нѣкоторыхъ академиковъ. Потомъ онъ говоритъ: „Государи не перестаютъ доставлять своимъ подданнымъ искусныхъ учителей, возбуждать и поощрять таланты; тѣмъ не менѣе, по прошествіи шестидесяти лѣтъ, можно-ли назвать хотя одного Русскаго, который составилъ бы себѣ имя въ исторіи наукъ или искусствъ"? Не останавливаясь на противорѣчіи между этимъ мѣстомъ и предшествовавшими, противорѣчіи, достаточно бросающемся въ бою, обращу только вниманіе читателей, во

первыхъ, на то, что авторъ принужденъ сознаться, не смотря на свою клевету, что наши Государи не переставали поощрять таланты и науки. Во вторыхъ онъ доказываетъ, что не знаетъ того, о чемъ онъ говоритъ, когда онъ пишетъ: „тѣмъ не менѣе, по прошествіи шестидесяти лѣтъ, можно ли назвать хоть одного Русскаго, который составилъ бы себѣ имя въ исторіи наукъ, или искусствъ"? Русскіе не виноваты въ томъ, что Шаппъ не зналъ ихъ языка, не слыхалъ о писателяхъ, отличившихся до того времени, когда г. покойникъ напечаталъ, съ высочайшаго одобренія, свою книгу; ибо если-бы г. д'Отерошъ имѣлъ свѣдѣнія, какимъ образомъ сказалъ-бы онъ: „тѣмъ не менѣе, по прошествіи болѣе шестидесяти лѣтъ, можно ли назвать хоть одного Русскаго, составившаго себѣ имя въ исторіи наукъ и искусствъ?" Принимаю вызовъ г. аббата, и назову прежде всего Прокоповича, архіепископа Новгородскаго и Кіевскаго, оставившаго много весьма глубокомысленныхъ и учевыхъ сочиненій. Сатиры князя Кантемира были переведены на нѣсколько языковъ. Г. Татищевъ оставилъ намъ исторію Россіи, исполненную эрудиціи, и во всѣхъ отношеніяхъ любопытную. Г. Тредьяковскій извѣстенъ нѣкоторыми хорошими переводами, г. Ломоносовъ разными сочиненіями, исполненными генія и краснорѣчія. Кромѣ трагедій и комедій, г. Сумароковъ подарилъ насъ разными сочиненіями, исполненными остроумія и живости, доставившими ему громкую славу; его басни, между прочимъ, превосходны; но, что̀ всего забавнѣе, это то, что аббатъ, вслѣдъ за своимъ путешествіемъ въ Сибирь, самъ напечаталъ плохой переводъ описанія Камчатки, изданнаго по русски профессоромъ Крашенинниковымъ: и однако же онъ говоритъ, что нѣтъ ни одного Русскаго, составившаго себѣ имя въ исторіи наукъ и искусствъ. Послѣ отъѣзда аббата, и особенно за эти послѣдніе года, когда литература, искусства и науки пользуются такимъ особымъ поощреніемъ, почти не проходитъ недѣли, чтобы изъ печати не вышло какой либо книги, переводной или оригинальной. Изъ нашихъ молодыхъ авторовъ, невозможно прейти молчаніемъ г. Петрова, хранителя частной библіотеки Императрицы. Сила поэзіи этого юнаго автора уже приближается къ силѣ Ломоносова, и у него болѣе гармоніи; слогъ его въ прозѣ исполненъ краснорѣчія и пріятности; не говоря о прочихъ его трудахъ и судя лишь по вышедшей первой пѣснѣ, его стихотворный переводъ Энеиды обезсмертитъ его; это трудъ въ своемъ родѣ, быть можетъ, единственный, подобнаго которому не существуетъ ни на одномъ языкѣ: переводъ точенъ, и Виргилій не ослабленъ.

Аббатъ говоритъ на половинѣ страницы ССХ (340): „способные люди, привлеченные въ Россію изъ чужихъ краевъ, по большей части лишены поощренія и не работаютъ болѣе съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ въ своей родинѣ“. Мнѣ очень нравится этотъ утвердительный тонъ! Г. Шаппъ воображаетъ, что такими фразами ему удастся отвести глаза людей, гораздо болѣе свѣдущихъ, чѣмъ онъ. Его клика, печатая, что „способные люди, привлеченные въ Россію изъ чужихъ краевъ, по большей части лишены поощренія, и не работаютъ болѣе съ такимъ рвеніемъ, какъ въ своей родинѣ“, надѣялась, быть можетъ, удержать этою картиною ученыхъ, которымъ хотѣлось-бы переселиться; никогда, однакоже, писатели въ Россіи не были настолько лишены поощренія, не подвергались столькимъ преслѣдованіямъ, сколькимъ подверглись во Франціи одни Энциклопедисты. Напротивъ того, отъ этихъ послѣднихъ зависѣло-бы окончить свой трудъ, среди полнаго спокойствія, въ Россіи. Аббатъ говоритъ за тѣмъ, что въ 1761 году „въ Петербургской академіи было много первостепенныхъ иностранныхъ ученыхъ, между которыми можно назвать гг. Эпинуса, Лемана, Брауна, Миллера, прежде секретаря академіи, теперь директора школы въ Москвѣ“, а въ выноскѣ онъ говоритъ: „я узналъ объ этомъ перемѣщеніи (Миллера) по возвращеніи моемъ во Францію“. Не имѣю возразить ничего противъ начала этого мѣста; но свѣдѣніе о г. Миллерѣ столь-же неточно какъ все то, что́ печатаетъ, съ королевскаго одобренія, г. Шаппъ. Г. Миллеръ никогда не былъ директоръ школы въ Москвѣ; но онъ, по собственному своему желанію, взялъ на себя должность старшаго опекуна воспитательнаго дома въ Москвѣ; онъ за тѣмъ оставилъ это мѣсто для другаго, болѣе приходящагося ему по вкусу и болѣе сообразнаго съ главными его занятіями, въ качествѣ исторіографа Имперіи. Главные государственные архивы поручены его попеченіямъ, и они не могли попасть въ лучшія и болѣе искусныя руки. Аббатъ продолжаетъ: „Въ покойномъ г. Ломоносовѣ, Русскомъ, были задатки генія; во всякой другой сторонѣ, изъ него вышелъ бы отличный академикъ“. И такъ, по мнѣнію аббата Шаппа, единственный недостатокъ г. Ломоносова состоялъ въ томъ, что онъ былъ Русскій, впрочемъ онъ былъ бы не лишенъ достоинствъ; г. д'Отерошъ, какъ вы видите, не космополитъ. Онъ говоритъ: „г. Рюмускій (аббатъ коверкаетъ имя этого профессора, его зовутъ Румовскимъ) еще слишкомъ молодой, чтобы составить себѣ имя, имѣетъ прирожденные таланты и усердіе, какое не часто встрѣчается у Русскихъ.“ Ахъ, аббатъ! Вы дурно выбрали время, чтобы разсказывать намъ, что усердіе рѣдко встрѣчается у Русскихъ.

Взгляните на ихъ предпріятія всякаго рода, на сушѣ и на морѣ: могли-ли бы мы все это исполнить, если-бы мы были лишены усердія? Знаете-ли вы, г. покойникъ, или вы, его подстрекатели, еще живые, что это усердіе не новость, а напротивъ, оно пламенѣетъ давно, и что, если бы захотѣть ограничиться одною историческою частію, можно бы представить вамъ нѣсколько сотенъ томовъ рукописей, гдѣ это усердіе засвидѣтельствовано людьми, въ свою очередь усердствующими передать потомству то, чего они были очевидцами, или что доходило до ихъ свѣдѣнія. Нѣтъ, быть можетъ, страны, которая могла бы похвалиться бо́льшимъ количествомъ писаній этого рода, чѣмъ наша: теперь заняты печатаніемъ многихъ изъ нихъ, и когда они явятся въ свѣтъ, то люди разсудительные увидятъ, что я ихъ не обманываю; Шаппъ же ничего не зналъ, кромѣ того насъ ненавидѣлъ, и сообразно этому и говорилъ; другіе прежде его дѣйствовали точно такъ же. Смертельно боюсь, чтобы въ концѣ концовъ не оказалось, что изъ всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ о насъ писали, лишь весьма немногіе знали насъ отчасти, слѣд. и были далеки отъ основательнаго знанія страны и ея жителей, знанія весьма труднаго для иностранца, тѣмъ паче для иностранца, исполненнаго предразсудковъ, и даже не знающаго языка страны. Шаппъ говоритъ въ концѣ стр. CCX (341): „Несмотря на эту колонію ученыхъ, кажется, будто геній большинства изъ нихъ словно угасъ съ переселеніемъ въ Россію; и именамъ заслуженныхъ людей, которыми обладаетъ Россія, повидимому суждено быть главнымъ украшеніемъ ея академій и школъ. Тѣ, которые не читаютъ лѣтописей наукъ, неопровержимыхъ свидѣтелей сказаннаго мною, пусть освѣдомятся у тысячей путешественниковъ, жившихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ“. Какъ! геній г. Эйлера погасъ въ Россіи, г. Эйлера, не перестающаго издавать свои безпрерывные труды. Напротивъ того, слава этого великаго геометра все болѣе и болѣе распространялась, когда онъ въ первый разъ былъ въ Россіи, и конечно она не уменьшилась во время втораго его путешествія, о чемъ свидѣтельствуютъ его безпрестанныя изданія. Невозможно утверждать, чтобы гг. Эпинусъ, Леманъ, Миллеръ, Гмелинъ, Палласъ, Фалькъ и столько другихъ, утратили долю своей славы и покинули свои занятія съ тѣхъ поръ, какъ они въ Россіи. Они не перестаютъ обогащать и расширять запасъ человѣческихъ свѣдѣній своими открытіями и своими сочиненіями, списокъ которыхъ легко достать; многіе изъ этихъ ученыхъ въ настоящее время путешествуютъ по разнымъ областямъ Россіи, и слѣдуетъ предполагать, что не изъ-за пустяковъ, а для того, чтобы изучить страну, и т. п.; нѣтъ сомнѣнія,

что плоды ихъ трудовъ будутъ представлены публикѣ. Одинъ г. Миллеръ напечаталъ значительное количество томовъ, наполненныхъ матеріалами для исторіи Россіи; Сибирская флора, описаніе Сибири, описаніе Камчатки, журналъ Гмелина, были плодами труда профессоровъ, участвовавшихъ во второй Камчатской экспедиціи. Аббатъ говоритъ: „тѣ, которые не читаютъ лѣтописей наукъ, неопровержимыхъ свидѣтелей сказаннаго мною, пусть освѣдомятся у тысячей путешественниковъ, жившихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ". Академики не виноваты въ томъ, что г. Шаппъ выучился лишь языку своей кормилицы, и что все то что̀ пишется по латыни, по русски и по нѣмецки не существуетъ для этого искуснаго академика. Разсужденія его всегда очень послѣдовательны; все то, что̀ было ему неизвѣстно, по этому самому не существовало. Онъ беретъ въ свидѣтели, говоритъ онъ, тысячи путешественниковъ, жившихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Сколько, г. д'Отерошъ, между этими тысячами путешественниковъ, найдется людей свѣдущихъ и сколько людей разумныхъ? Путешественники, столь же свѣдущіе, какъ аббатъ Шаппъ, станутъ быть можетъ говорить точно такъ же, какъ онъ. Видали мы такихъ, которые не говорили ни съ кѣмъ, не выходили изъ своихъ гостинницъ, или водились только съ нѣкоторыми предубѣжденными иностранцами, не понимали языка, не были знакомы ни съ однимъ Русскимъ, и однакоже критиковали и страну и правительство, и сушу и воды, а затѣмъ возвращались домой; если они когда-нибудь примутся писать, то конечно по Шапповски; но подобныя свидѣтельства не могутъ быть приняты ни въ какомъ судилищѣ по частному дѣлу; какъ-же принять ихъ, когда дѣло идетъ о цѣлой націи, которую конечно нельзя узнать ни въ общихъ чертахъ, ни въ частностяхъ, носясь на почтовыхъ или глядя лишь на стѣну дома, стоящаго передъ гостинницею, въ которой живешь? Не могу не сказать еще одного слова по этому поводу. Большинство путешественниковъ, пріѣзжающихъ въ Россію, дальше Петербурга не ѣдутъ, за тѣмъ возвращаются и говорятъ, судя о Россіи по Ингерманландіи: Россія есть обширная пустыня, наполненная болотами, земли въ ней необработаны, промышленности нѣтъ, простой народъ кажется хитрымъ. И что̀ же, читатель? По чему, въ сущности, судятъ эти путешественники о Россіи? Должны мы въ томъ сознаться къ крайнему нашему сожалѣнію, такъ какъ уже договорились до того: по самой быть можетъ плохой области, которою владѣетъ Россія, по Ингерманландіи, въ которой, семдесятъ лѣтъ тому назадъ, было лишь нѣсколько рыбачьихъ хижинъ. Прочія наши Русскія области заставили-бы безпристрастныхъ путешественниковъ измѣнить мнѣніе и

тонъ, еслибы они ихъ увидѣли. Авторъ говоритъ: „это состояніе наукъ и искусствъ въ Россіи предполагаетъ порокъ, источникъ котораго слѣдуетъ искать въ умственныхъ недостаткахъ народа.“ Слышите-ли, читатель, аббатъ говоритъ, что мы дураки, и за тѣмъ онъ прибавляетъ (второй доводъ, не менѣе искусно подобранный, чѣмъ первый) „или въ правительствѣ и въ климатѣ.“ Выше аббатъ сказалъ: „Государи не перестаютъ доставлять своимъ подданнымъ искусныхъ учителей, возбуждать и поощрять таланты.“ Какъ-же можетъ быть, чтобы при неограниченныхъ государяхъ, поощряющихъ науки, правительство стѣсняло ихъ, или препятствовало развитію ученыхъ? Противорѣчіе достаточно явное. Кромѣ того, г. Юмъ не раздѣляетъ мнѣнія автора на счетъ самодержавнаго правительства; онъ полагаетъ, что науки и искусства могутъ процвѣтать подъ его сѣнью. Шаппъ продолжаетъ: „Одинъ философъ (въ выноскѣ онъ предупреждаетъ васъ, что рѣчь идетъ о президентѣ Монтескьё) имя котораго будетъ почитаться у самаго отдаленнаго потомства, разсуждая о различіи между людьми, смотря по климатамъ, рисуетъ намъ сѣверные народы съ органами грубыми, съ жизненными соками, болѣе способными производить рослыя, сильныя тѣла, чѣмъ людей геніальныхъ; но тотъ-же философъ изображаетъ намъ эти самые народы весьма храбрыми, простыми, довѣрчивыми, неподозрительными, лишенными коварства и хитрости, имѣющими мало пороковъ и немало добродѣтелей, много искренности, откровенности, и мало склонности къ физической любви. Путешествуя по Россіи, я повсюду знакомился съ народомъ, весьма несхожимъ съ тѣмъ, который я думалъ найти, по словамъ знаменитаго философа“ (въ выноскѣ, аббатъ отсылаетъ къ главамъ, написаннымъ имъ о религіи, о правительствѣ, о нравахъ, и т. д.) „правда, что, въ этихъ положеніяхъ, онъ разсматривалъ сѣверные народы независимо отъ правительства, Русское-же правительство до того исказило человѣческую природу, подчиня себѣ даже способности наиболѣе независимыя отъ Государя, что даже весьма трудно опредѣлить отличительный характеръ народа; по этой-то причинѣ я и ограничивался до сихъ поръ приведеніемъ фактовъ.“ Это мѣсто одно изъ самыхъ забавныхъ во всей книгѣ: въ немъ вы видите полную характеристику духа, въ которомъ аббатъ предпринялъ свое путешествіе, и того недоумѣнія, въ которое онъ впалъ, увидѣвъ, что состояніе вещей не соотвѣтствуетъ понятію, которое онъ себѣ о нихъ составилъ и предубѣжденію, коимъ онъ былъ одержимъ. Шаппъ до своего пріѣзда думалъ, что вся Россія еще находится въ состояніи природномъ; вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, онъ полагалъ, что

застанетъ насъ ползающими на четверенькахъ; видали мы и такихъ, которые въ простотѣ сердца пріѣзжали съ честнымъ намѣреніемъ поднять насъ на заднія лапки, и которые возвращались потихоньку, весьма смущенные тѣмъ, что такъ крѣпко обочлись. Шаппъ этого притязанія не имѣлъ, но когда онъ увидѣлъ, что мы не находимся въ томъ природномъ состояніи, которое онъ откопалъ въ „Духѣ Законовъ", онъ сбился съ толку, какъ самъ сознается, говоря: „путешествуя по Россіи, я повсюду знакомился съ народомъ, весьма несхожимъ съ тѣмъ, который я думалъ найти, по словамъ знаменитаго философа". Поэтому онъ сталъ доискиваться, отчего тѣ, которые, по его мнѣнію, должны были ходить на четверенькахъ, этого не дѣлаютъ, и въ силу своихъ предубѣжденій весьма остроумно догадался, что это съ одной стороны отъ недостатка природнаго ума, съ другой стороны по винѣ правительства. Бѣдный покойникъ не видѣлъ, что одно слово „правительство" уже заключаетъ въ себѣ противорѣчіе съ его мечтательнымъ „природнымъ состояніемъ" и что лишь его нелѣпость и неспособность наблюдать заставляли его сравнить это природное состояніе, которымъ были исполнены его мысли, съ состояніемъ, въ которомъ Шаппъ засталъ Россію! Не будучи въ силахъ приладить свое правненіе, какъ онъ его ни поворачивалъ, онъ, преисполнившись злобы, рѣшился скорѣе наговорить всего, чего могъ придумать худшаго о народѣ и о правительствѣ, чѣмъ отказаться отъ предразсудка, овладѣвшаго его умомъ —если только онъ самъ разлилъ столько жолчи по своей книгѣ. Г. д'Отерошъ говоритъ въ концѣ приведеннаго мною мѣста: „даже очень трудно распознать отличительный характеръ народа: вотъ почему я ограничился приведеніемъ однихъ фактовъ". Признаніе это не мѣшаетъ автору въ другихъ мѣстахъ весьма положительно охуждать характеръ націи; что́ же касается до фактовъ, будто-бы имъ приведенныхъ, то мы до сихъ поръ еще не дождались таковыхъ, которые были бы засвидѣтельствованы настолько, чтобы ихъ можно было принять за доводы. Аббатъ на стр. CCXI (341) оканчиваетъ слѣдующими строками: „Другіе философы думали найти въ воспитаніи и въ устройствѣ различныхъ правительствъ единственные источники тѣхъ разностей, которыя замѣчаются между отдѣльными народами относительно духа, способностей и страстей, и въ такомъ случаѣ все въ Россіи было-бы дѣломъ деспотическаго правительства. Я произвелъ въ этой странѣ нѣкоторыя наблюденія, которыя кажутся мнѣ способными пролить свѣтъ на этотъ предметъ. Для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ приложеніе, слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя истины и нѣкоторыя мнѣнія, уже извѣстныя." Тутъ есть выноска, въ ко-

торой аббатъ говоритъ: „эти истины и мнѣнія я почерпнулъ почти цѣликомъ изъ „физіологическихъ сочиненій“ г. Лекà, томъ I. Ссылаюсь теперь разъ навсегда на этого ученаго физика.“ И такъ, для того, чтобы доказать, что мы лишены ума и талантовъ, и сказать, что тому причиною деспотическое правительство, аббатъ, боясь, чтобы правительство не одумалось и чтобы публика не польстила себя надеждою, что когда либо въ насъ блеснетъ лучъ разума, способностей и талантовъ, на протяженіи страницъ CCXII, CCXIII, CCXIV и CCXV (341, 342, 343 и 344) принимаетъ предосторожности.

Онъ начинаетъ съ того, что засыпаетъ насъ ссылками на физику, болѣе остроумными, чѣмъ основательными; онъ говоритъ о сочетаніяхъ веществъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, о сотканіяхъ волоконъ, сосудовъ и желѣзъ; объ элементарномъ огнѣ; о веществахъ всемірномъ, кисломъ, витріолическомъ, флогистическомъ электрическомъ и т. д.; о пищевареніи, о желудочномъ сокѣ, о круговращеніи крови, о способѣ, которымъ эта послѣдняя дѣйствуетъ въ легкихъ, и о томъ какъ сердце черезъ аорту посылаетъ кровь въ мозгъ; о нервномъ сокѣ, о строеніи мозга, о кожѣ и о нервныхъ кисточкахъ, заключающихся въ ней; о нервной системѣ и о нервномъ сокѣ, который, говоритъ онъ, „опредѣляетъ систему нашихъ ощущеній, нашихъ идей, умъ, геній и всѣ наши мыслящія способности“; о соотношеніи пищи съ почвою и о разныхъ вторичныхъ причинахъ; и изъ всего этого онъ выводитъ, что Русскіе только и могутъ быть дураками; и для того, чтобы на этотъ счетъ не могло оставаться никакого сомнѣнія, онъ присовокупляетъ: „но такъ какъ атмосфера имѣетъ столь сильное вліяніе на сложеніе человѣка, слѣдовательно и на его способности, то дѣйствіе атмосферы должно быть сообразно различнымъ высотамъ почвы, на которыхъ живетъ человѣкъ, если отвлечься отъ прочихъ мѣстныхъ причинъ, которыя должны обусловить изъятія изъ этого общаго закона. Мнѣніе это есть признанная теорія относительно растеній. Во многихъ случаяхъ можно опредѣлить высоту мѣстности по растеніямъ, на ней растущимъ и, зная высоту мѣстности, знаешь и растенія, которыя должны въ ней находиться. Эти факты относятся къ разряду признанныхъ истинъ, ибо растенія еще лучше изучены, чѣмъ человѣкъ“. Замѣчу мимоходомъ, что по растеніямъ легче опредѣлить свойства почвы, на которой они выросли, чѣмъ высоту этой почвы. Но пойдемъ далѣе; аббатъ въ самомъ разгарѣ своихъ доказательствъ, его не слѣдуетъ прерывать: онъ ищетъ въ воздухѣ доказательствъ нашей глупости. Онъ говоритъ на стр. CCXV (347): „Атмосфера составлена изъ разныхъ газовъ, изъ паровъ и испареній,

подымающихся съ поверхности земли. Если представить себѣ, что атмосфера раздѣлена на слои, то низшіе изъ нихъ будутъ содержать частицы самыя грубыя, и по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подыматься, воздухъ будетъ становиться чище, упруже, и въ той-же мѣрѣ будетъ становиться дѣйствительнѣе всемірное вещество". Вы тотчасъ увидите, что аббатъ приговоритъ насъ дышать лишь грубымъ воздухомъ, ибо онъ имѣетъ притязаніе доказать своею нивеллировкою на почтовыхъ, что вся Россія есть лишь обширная равнина; но оставимъ ему слово; онъ продолжаетъ: „по этимъ даннымъ, хотя и общимъ, нельзя не признать съ г. Монтескье вліянія климатовъ на народы; быть можетъ, этотъ великій человѣкъ слишкомъ преувеличилъ это вліяніе". Мы не встрѣчали основательной критики на г. Монтескье; многіе изъ критиковавшихъ его не понимали его; быть можетъ, аббатъ принадлежитъ къ ихъ числу. Шаппъ продолжаетъ доказывать нашу умственную несостоятельность; онъ говоритъ: „изъ предъидущаго также слѣдуетъ, что нужно принять въ соображеніе высоту, на которой живутъ люди, для того, чтобы сравнивать ихъ характеръ съ климатомъ". Увы, Шаппъ! Это было свыше вашихъ силъ. Можете говорить, сколько хотите (стр. CCXV—349) что „Россія, такъ сказать, отъ Петербурга до Тобольска, есть лишь обширная равнина; черезъ нее пробѣгаетъ, отъ сѣвера къ югу, подъ семьдесятъ пятымъ градусомъ долготы, цѣпь горъ. Во многихъ мѣстахъ этой равнины встрѣчаются возвышенныя мѣстности или плоскогорія, какъ въ *Moscou Cacy* (трудно угадать, что̀ значитъ это *Cacy*—въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ни одного мѣста этого имени) и пригорки или бугры въ иныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою; но вышина ихъ незначительна. Я нивеллировалъ эту равнину отъ Петербурга до Тобольска, на протяженіи около семи сотъ миль, и я проѣзжалъ и также нивеллировалъ эту горную цѣпь въ двухъ разныхъ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другаго приблизительно на шестьдесятъ миль. Съемки эти позволили мнѣ опредѣлить въ точности высоты всѣхъ положеній, въ которыхъ я дорогою дѣлалъ наблюденія. Результаты эти, въ сочетаніи съ географическими данными и прочими свѣдѣніями, собранными мною о странѣ, позволяютъ мнѣ сообщить высоту почвы въ Россіи, отъ Петербурга до Тобольска, съ точностію, болѣе чѣмъ достаточной для той цѣли, которую я себѣ предположилъ". Эта цѣль, какъ вамъ извѣстно, читатель, тутъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что въ Русскихъ нѣтъ ни малѣйшей искры генія. Въ выноскѣ аббатъ говоритъ на стр. CCXVI (349): „я намѣревался сообщить тутъ извлеченіе изъ этой нивеллировки, но такъ какъ эта выно-

ска уже слишкомъ длинна, то найдутъ это извлеченіе вслѣдъ за нивеллировкою.“ Милый аббатъ воображаетъ, что онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что всѣ Русскіе лишены генія. И что же, читатель, положительное увѣреніе аббата, подтвержденное самыми великолѣпными доводами, за которыми онъ обращался ко всѣмъ четыремъ стихіямъ, убѣдило-ли васъ въ томъ, что мы болѣе ничего, какъ дураки? Я однако-же имѣю смѣлость снова поднять голову и бороться съ г. академикомъ; я нисколько не теряю бодрости, и надѣюсь съ успѣхомъ разсѣять марево, столь тщательно устроенное трудами Шаппа и компаніи. Оставляю въ сторонѣ ихъ пышную галиматью, ихъ физіологическіе доводы и разсужденія; коснусь лишь тѣхъ, которые относятся до географіи и до нивеллировки.

Вы видѣли, читатель, что они говорятъ, будто „Россія, такъ сказать, отъ Петербурга до Тобольска, есть лишь обширная равнина, черезъ которую отъ сѣвера къ югу, подъ семдесятъ пятымъ градусомъ долготы, пробѣгаетъ цѣпь горъ“. Выше, на стр. LX (98), аббатъ говорилъ, что эти горы отдѣляютъ Европу отъ Азіи; онъ это сказалъ по наслышкѣ, не справившись, такъ-ли это, или нѣтъ. Эта цѣпь горъ отъ устьевъ Оби, по-русски Обьской губы, которую можно разсматривать, какъ ея центръ, раздѣляется на двѣ вѣтви: одна изъ нихъ слѣдуетъ теченію Оби и соединяется съ Алтайскими горами и, слѣдуя теченію Иртыша, она во второй разъ дѣлится на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна служитъ основаніемъ Китайской стѣнѣ, а другая заключаетъ въ себѣ Колыванскіе рудники, отъ которыхъ она подходитъ къ Байкальскому озеру и, обогнувъ его, простирается до Нерчинска и Охотска, и оканчивается у Охотскаго моря. Она снова появляется въ Камчаткѣ, которую она прорѣзаетъ до Тихаго Океана. Другая вѣтвь простирается съ одной стороны по теченію Канды и по берегамъ Ледовитаго моря до Чердыня, гдѣ она принимаетъ названіе Земнаго Пояса, доходитъ до Архангельска, Лапландіи, Финляндіи, Швеціи и Норвегіи,—съ другой направляется къ Соликамску, Верхотурью, Екатеринбургу, потомъ простирается до истоковъ Яика, образуя родъ круга, которымъ она и оканчивается. А теперь, поговоримъ немного о нивеллировкѣ г. аббата, которой мы не хотѣли коснуться въ началѣ. Авторъ отсылаетъ насъ ко второй части своей книги, но у меня есть свои причины на то, чтобы помѣстить тутъ то, что вы тотчасъ прочтете о методѣ, употребленномъ аббатомъ для нивеллировки мѣстностей, проѣханныхъ имъ во время его путешествія въ Сибирь; ибо кто отвѣчаетъ мнѣ за то, что у меня хватитъ терпѣнія опровергать и второй томъ! Приступимъ къ дѣлу слѣдующими замѣчаніями:

1) Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ртуть въ барометрическихъ трубкахъ понижается по мѣрѣ того, какъ подымаешься въ атмосферѣ. И такъ, не только простыхъ наблюденій, произведенныхъ съ этимъ инструментомъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ, будетъ достаточно для того, чтобы показать, которое изъ этихъ мѣстъ лежитъ выше другаго, но также, при сочетаніи исчисленій съ наблюденіями, есть возможность опредѣлить съ нѣкоторою точностію, на сколько одно мѣсто выше другаго.

2) Какъ бы остроуменъ ни былъ этотъ методъ, какъ бы ни казалось важнымъ его открытіе, приложеніе его къ нивеллировкѣ земной поверхности сопряжено съ большими неудобствами, которыя часто дѣлаютъ его совершенно негоднымъ. Это не лишнее разъяснить прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе.

3) Неудобства эти проистекаютъ отчасти отъ различнаго устройства употребляемыхъ барометровъ, и отчасти отъ безпрестанныхъ колебаній, которымъ подвергается наша атмосфера.

4) Неудобства перваго рода можно было-бы устранить, употребляя при наблюденіяхъ лишь барометры, тщательно свѣренные между собою, и не разнящіеся въ устройствѣ, т. е. устроенные съ одинаковымъ тщаніемъ, имѣющіе трубки равнаго діаметра, и наполненные одинаковою ртутью: предосторожности, не столь легко исполнимыя на практикѣ, какъ думаютъ.

5) Неудобствъ втораго рода избѣжать еще труднѣе, и вслѣдствіе безпрестанныхъ измѣненій атмосферы, барометрическія наблюденія опредѣлятъ относительныя высоты мѣстностей лишь при слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ:

Первое обстоятельство.

Когда мѣста, которыхъ относительныя высоты собираешься опредѣлить, не слишкомъ удалены одно отъ другаго, и состояніе барометра наблюдается въ нихъ одновременно: напримѣръ, основаніе и вершина горы.

Второе обстоятельство.

Когда эти мѣста удалены одно отъ другаго, то стараешься опредѣлить въ нихъ среднее стояніе барометра посредствомъ длиннаго ряда наблюденій, произведенныхъ по крайней мѣрѣ въ теченіи цѣлаго года. Но для того, чтобы опредѣлить это среднее стояніе, не слѣдовало бы, какъ то дѣлалъ г. аббатъ Шаппъ, брать среднюю между нижайшимъ и высшимъ стояніемъ, которая обыкновенно значительно измѣняется съ года на годъ, но скорѣе сумму

всѣхъ высотъ, помноженныхъ на ихъ продолжительность, раздѣленную затѣмъ на число наблюденій.

6) Нѣтъ надобности приводить доказательства въ пользу сказаннаго, ибо съ этимъ согласенъ самъ г. д'Отерошъ, и здраво говоритъ объ этомъ предметѣ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія. Достаточно замѣтить, что всякій разъ, какъ не соображаешься съ вышеизложенными правилами, рискуешь не только значительно удалиться отъ истины, но еще прійдти къ результатамъ, прямо противуположнымъ ей: найдешь, напримѣръ, что источникъ рѣки лежитъ ниже, чѣмъ ея устье.

7) Изъ этого мы можемъ заключить, что для того, чтобы нивеллировать мѣстность посредствомъ барометра, не слѣдуетъ скакать на почтовыхъ, какъ то дѣлалъ г. аббатъ; что, напротивъ того, слѣдуетъ останавливаться на долгое время на главныхъ пунктахъ пути, или же оставлять за собою на каждой станціи искуснаго и свѣдущаго наблюдателя, съ хорошимъ барометромъ, который отмѣчалъ бы стояніе этого инструмента въ тѣ-же моменты, въ которые оно отмѣчается на слѣдующей станціи.

8) Удивительно, что̀ г. аббатъ Шаппъ, вполнѣ сознавая важность всѣхъ этихъ предосторожностей, столь мало соблюдалъ ихъ самъ; еще удивительнѣе, что, несмотря на эту неточность, онъ имѣетъ притязаніе увѣрить ученый міръ, что на однихъ его барометрическихъ наблюденіяхъ можно основать тѣ свѣдѣнія о свойствахъ земной поверхности, которыя онъ сообщаетъ въ своемъ сочиненіи, между тѣмъ какъ эти наблюденія столь мало согласуются между собою, что часто между ними оказывается прямое противорѣчіе.

9) Но ничто не затрудняетъ г. академика Шаппа, ничто не останавливаетъ его въ его глубокихъ соображеніяхъ. Онъ изъ своихъ барометрическихъ наблюденій дѣлаетъ все, что̀ ему угодно; онъ отбрасываетъ, онъ исключаетъ, онъ выбираетъ, и столь хорошо умѣетъ оцѣнять ихъ, что въ концѣ концовъ, все должно отлично согласоваться со свѣдѣніями о формахъ земной поверхности, почерпаемыми имъ изъ теченія рѣкъ, хотя и эти свѣдѣнія по большой части основаны на паденіяхъ, которыя онъ оцѣняетъ, увеличиваетъ и уменьшаетъ по произволу. Одного примѣра будетъ достаточно, чтобы убѣдить въ этомъ читателя.

10) Г. аббатъ Шаппъ, опредѣливши, изъ паденія рѣки Иртыша, (стр. DXXI (594), § 267. Томъ II) высоту Тобольска надъ уровнемъ Океана въ Брестѣ, въ 68 туазовъ, 4 фута и 12 дюймовъ (ибо нашъ авторъ щеголяетъ несравненною точностію — онъ не упустилъ-бы и десятой доли дюйма, хотя бы онъ и не могъ поручиться за десять туазовъ) опредѣливши такимъ образомъ высоту Тобольска, онъ при-

нимается провѣрять этотъ результатъ посредствомъ барометрическихъ наблюденій, произведенныхъ имъ въ этомъ городѣ. Для этого онъ сравниваетъ 88 изъ своихъ наблюденій съ тѣми, которыя были произведены въ Петербургѣ покойнымъ г. Брауномъ, въ тѣ-же дни и почти въ тѣ-же часы. Шестьдесятъ шесть изъ этихъ наблюденій показываютъ, что Иртышъ въ Тобольскѣ выше, чѣмъ Нева въ Петербургѣ, остальныя же двадцать два показываютъ противное. Изъ этого очевидно, что атмосферическія колебанія въ Тобольскѣ, въ этотъ періодъ времени, были совсѣмъ иного свойства, чѣмъ въ Петербургѣ, и что слѣдовательно эти наблюденія вообще не могутъ привести ни къ какому заключенію. Но г. аббатъ такъ не думалъ; зная, что, судя по теченію рѣкъ, Тобольскъ по необходимости долженъ лежать выше Петербурга, онъ безъ пощады отбрасываетъ, „какъ неточныя", всѣ наблюденія, по которымъ онъ лежитъ ниже его. Онъ затѣмъ по своему беретъ среднюю изъ шестидесяти шести наблюденій, дающихъ Иртышу уровень болѣе высокій, чѣмъ Невѣ, и хотя, по одному изъ этихъ наблюденій, разность въ высотахъ доходитъ до 140 туазовъ, по другому же составляетъ лишь одну, онъ съ увѣренностію заключаетъ, что Иртышъ въ Тобольскѣ выше Невы въ Петербургѣ на 38 туазовъ, 4 фута, 10 дюймовъ, и слѣдовательно выше Океана въ Брестѣ на 56 туазовъ, 3 фута, 1 дюймъ.

11) Это неожиданное совпаденіе до того прельщаетъ нашего автора, что онъ заключаетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „Это новое опредѣленіе, вполнѣ независимое отъ всѣхъ наблюденій, которыми я пользовался для нивеллировки Россіи, разнится лишь на 12 туазовъ, 1 футъ и 8 дюймовъ отъ результата общей нивеллировки, чего было-бы достаточно, чтобы доказать его точность, даже если-бы разность была больше, и я никакъ не смѣлъ надѣяться, чтобы, отправляясь изъ Петербурга, я успѣлъ, отъ позиціи до позиціи, на протяженіи 800 миль, опредѣлить положеніе Тобольска съ такою точностію, и т. д.".

12) Этого обращика достаточно, чтобы вполнѣ разъяснить читателю тотъ способъ, которымъ пользовался аббатъ, чтобы опредѣлить положеніе разныхъ мѣстностей Россіи, имъ посѣщенныхъ, и нетрудно заключить изъ него, что рискуешь впасть въ самыя грубыя ошибки, полагаясь на измѣренія, сообщенныя имъ въ его нивеллировкѣ Россіи, хотя онъ въ нихъ не опускаетъ даже и дюймовъ.

По страницамъ CCXVI, CCXVII, CCXVIII и CCIX (349—354) вы увидите, что такое изобрѣтатель системъ. Всѣ противорѣчія подъ его руками сглаживаются и улаживаются. Онъ въ двадцатый разъ говоритъ на стр. CCXVI

(349): „Я разсматриваю страну между Петербургомъ и Тобольскомъ, какъ обширную равнину". Вотъ его система. Но неровности, найденныя аббатомъ въ этой обширной равнинѣ, смущаютъ его, и такъ какъ все это надобно согласовать, то онъ говоритъ: „эта громадная равнина составлена изъ разныхъ другихъ равнинъ, имѣющихъ каждая свой уровень". Онъ все это измѣрилъ и нашелъ, что эта равнина заключаетъ въ себѣ пригорки, горы, и т. д.; но такъ какъ она аббатомъ обречена на то, чтобы быть равнинною, то онъ всѣ эти горы и пригорки распластываетъ по своей равнинѣ, и остроумно называетъ ихъ плоскогоріями. Увлеченный водоворотомъ своей системы, г. Шаппъ говоритъ на стр. CCXVI (351): „Изъ этого изложенія видно, что эта часть Россіи вообще представляетъ лишь огромныя равнины, почти одинаковаго уровня. Въ ней не находятъ, какъ во Франціи, тѣхъ неровностей, которыя имѣютъ столь значительное вліяніе на разнообразіе почвы въ ея областяхъ, и атмосферы, вдыхаемой ея жителями. Неровности эти, въ южной части королевства, принимаютъ размѣры горъ, а въ прочихъ его частяхъ образуютъ пригорки и склоны, болѣе или менѣе высокіе. По этому самому, хотя Франція отъ востока къ западу имѣетъ лишь около двухъ сотъ сорока миль, отъ сѣвера-же къ югу около двухъ сотъ двадцати пяти, но области ея, въ числѣ тридцати осьми, представляютъ почти всѣ разныя произведенія; и въ жителяхъ каждой изъ нихъ, несмотря на общія черты національнаго характера, замѣчаются весьма рѣзкія особенности. Всѣмъ извѣстны эти различія между Гасконцами, Норманцами, Пикардійцами, Бретонцами, Шампаньцами и жителями Берри: они подали поводъ къ шутливымъ прозвищамъ, которыя имъ дали". Если-бы аббатъ зналъ Русскій языкъ, и если-бы онъ обладалъ свѣдѣніями, необходимыми для того, чтобы говорить съ точностію о Россіи, ему легко было-бы узнать, что если большинство областныхъ жителей, перечисленныхъ аббатомъ, имѣютъ свои прозвища, такія-же клички встрѣчаются и въ Россіи. Могу, не ошибаясь, приложить къ Россіи тѣ-же самыя слова, которыми аббатъ говоритъ о Франціи. Вотъ они, эти слова, равно приложимыя къ обѣимъ странамъ: „области ея представляютъ почти всѣ разныя произведенія, а въ жителяхъ каждой изъ нихъ, несмотря на общія черты національнаго характера, замѣчаются весьма рѣзкія особенности". Въ Россіи особенности эти весьма извѣстны; отъ одного города до другаго измѣняется даже нарѣчіе и образъ жизни. Жители Новгорода, напримѣръ, слывутъ сутягами. Украинцы незлобивы, жители Ярославля, Архангельска и Вологды трудолюбивы и веселы. Казанскіе Татары отличаются своими

торговыми способностями. Сибиряки умны, любознательны и предпріимчивы. Москвичи любятъ удовольствія и наряды; много погулявши по улицамъ, они возвращаются домой довольные своимъ днемъ. Честность и вѣрность Архангельцовъ всѣми признана; кромѣ того, они весьма трудолюбивы. Галичане слывутъ простыми и прямодушными. Финны не такіе простяки, какими они притворяются; на чужбинѣ, они оказываются добросовѣстными и трудолюбивыми, и т. д. Аббатъ продолжаетъ: „Россія напротивъ того, почти вся имѣетъ одинаковый уровень, растительныя произведенія также одинаковы отъ Петербурга до Тобольска, на протяженіи около семи сотъ миль: нѣсколько ржи и конопли; и отъ воротъ Петербурга до воротъ Тобольска, проѣзжая черезъ Соликамскъ, встрѣчаешь только сосны, ели, и нѣсколько сортовъ бѣлаго дерева. Это разительное однообразіе распространяется на животныхъ и на людей; рѣки содержатъ однѣ и тѣ-же рыбы, за исключеніемъ стерляди, которая становится рѣже, по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ Петербургу. Въ лѣсахъ встрѣчаются одни и тѣже звѣри. Такъ какъ почва въ окрестностяхъ Тобольска болѣе болотиста, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, то водныя птицы тутъ многочисленнѣе: нѣкоторыя изъ нихъ, правда, отличаются отъ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ остальной Россіи. Въ окрестностяхъ Москвы ростутъ плодовыя деревья; но эти маленькія исключенія не нарушаютъ общаго правила: оно сохраняетъ всю свою силу“. Авторъ все это утверждаетъ весьма необдуманно: растительность, произведенія и животныя не тождественны отъ Петербурга до Тобольска; правда, что на всемъ этомъ протяженіи разводятся рожь и конопля, но естественныя произведенія на немъ представляютъ изумительное разнообразіе; тотъ округъ наполненъ рудами всякого рода, тотъ производитъ мраморы. Есть мѣстности, наполненныя дикими цвѣтами, кустарниками и плодовыми деревьями, между тѣмъ какъ сосѣдній округъ едва производитъ самыя обыкновенныя травы. Астраханскіе и Донскіе виноградники не похожи на Архангельскіе луга. Сѣверный олень не живетъ въ странахъ, гдѣ по лугамъ бѣгаютъ дикія козы; ни тѣ ни другіе не живутъ, вмѣстѣ съ вѣпрями, въ болотистыхъ тростникахъ. Во всей Сибири нѣтъ ни раковъ, ни пчелъ. Сибирскія рѣки наполнены рыбами, самое имя которыхъ неизвѣстно въ Россіи, и разные виды ихъ, которыми изобилуетъ Волга, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыхъ ловятъ въ Балтійскомъ морѣ. Птицы также весьма разнообразны по мѣстностямъ; даже люди не схожи ростомъ и лицомъ; Сибиряки смуглы, самые восточные похожи на Китайцевъ, рослые Нижегородцы не имѣютъ ничего общаго съ ними, и еще

менѣе съ Лапландцами, Финнами, и т. д. На берегахъ Волги, жители рослы и стройны; бѣлокурыя Ярославскія красавицы не имѣютъ никакого сходства ни съ Калмычками, ни съ Камчатскими женщинами, еще менѣе съ Финками, или женщинами Украйны. Оба берега рѣки Енисея въ Сибири столь мало схожи, что ни деревья, ни травы на нихъ не тождественны, словно эта рѣка раздѣляетъ два разныхъ полушарія. Авторъ говоритъ: „Что́ касается до людей, то человѣкъ, проѣхавши одну область этой страны, знаетъ всѣхъ Русскихъ: они имѣютъ одинаковый ростъ, однѣ и тѣ-же страсти, одинъ и тотъ-же складъ ума, одинаковые нравы. Не замѣчаешь ни малѣйшаго различія въ ихъ удовольствіяхъ, въ ихъ упражненіяхъ, въ ихъ пріемахъ для обработки земли, въ ихъ одеждѣ. Это однообразіе простирается даже на дома, въ которыхъ они живутъ“. „Дѣлаю, однако-же, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изъятіе изъ этого общаго замѣчанія относительно Вотяковъ, Черемисовъ, Чувашей и Татаръ: эти народы, поселившіеся въ нѣкоторыхъ маленькихъ округахъ Россіи, близъ западныхъ границъ Сибири, сохранили свое одѣяніе, нѣкоторые изъ нихъ свою вѣру и отчасти свои нравы, но во всемъ, что́ относится къ климату, физическія причины столь сильны, что онѣ всѣ эти народы приравняли къ Русскимъ“. Въ выноскѣ, аббатъ говоритъ: „Вотяки впрочемъ малы ростомъ; о нихъ будетъ рѣчь въ иномъ мѣстѣ“. Образъ жизни въ различныхъ областяхъ Имперіи не одинаковъ, но очень разнообразенъ; удовольствія, упражненія, земледѣліе, дома и одежда значительно въ нихъ разнятся. Дѣйствительно, какое сходство между Камчатскою юртою и каменнымъ домомъ, между Калмыцкою кибиткою и домомъ, вымазаннымъ глиною, между деревяннымъ домомъ и землянкою? Походитъ-ли складъ ума пастушескаго народа на складъ ума земледѣльческаго; а этотъ послѣдній имѣетъ-ли что-либо общаго съ характеромъ страны торговой, или морскаго порта? Россія, общая мать столькихъ различныхъ народовъ, всѣхъ ихъ питаетъ въ своемъ лонѣ. Украинцы пашутъ не такъ, какъ пашутъ въ остальной Россіи; пляска жителей Камчатки на столько-же разнится отъ пляски казаковъ, какъ и эта послѣдняя отъ обыкновенной Русской пляски. Лапландцы не имѣютъ прекрасныхъ голосовъ, свойственныхъ Украинцамъ вообще, и расположеніе этихъ послѣднихъ къ музыкѣ вовсе не раздѣляется Самоѣдами. Одѣяніе этихъ послѣднихъ менѣе похоже на одѣяніе Татаръ Братскихъ чѣмъ это послѣднее на Французское платье, а такъ и въ остальномъ. Сдѣлаю это различіе между народами, населяющими Россійскую Имперію, еще болѣе ощутительнымъ, приведя слѣдующую черту. Депутаты-Самоѣды, когда коммиссія для составленія уложенія

пожелала ознакомиться съ ихъ инструкціями, отвѣтили: „давайте законы нашимъ сосѣдямъ: что́ касается до насъ, то мы безъ нихъ обойдемся". Всѣ инструкціи отъ областей не походили на эту. Аббатъ сказалъ о Сибирскихъ народахъ: „Физическія причины столь могущественны, что онѣ приравнили всѣ эти народы къ Русскимъ". Онъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ, что Русскіе очень ревнивы къ своимъ женамъ. Онъ не думалъ въ ту минуту о томъ, или не зналъ, что Чукчи, народъ, живущій близъ Ледовитаго моря, предлагаютъ гостямъ своихъ женъ. Какъ согласовать эти три мѣста между собою? И какъ найти послѣ этого, что правда на сторонѣ аббата? Что-же сказать объ однообразіи нравовъ, образа жизни, и т. д., произведенномъ климатомъ, и которое аббатъ непремѣнно хочетъ установить на шестнадцати тысячъ верстномъ протяженіи Русскихъ владѣній? И кто мнѣ докажетъ, что образъ жизни Астраханцевъ тотъже, какъ образъ жизни Архангельцевъ и Вологжанъ? Онъ нивеллировалъ, это правда, носясь на почтовыхъ; эта нивеллировка должна доказать, что Россія есть равнина. Почему? Потому что онъ вычиталъ у Монтескьё, что климатъ вліяетъ на народный характеръ. Другіе авторы сказали, что въ странахъ плоскихъ воздухъ грубѣе, жители глупѣе. Аббатъ и его компанія терпѣть не могли Россію; ergo они рѣшили, что предметъ ихъ ненависти есть равнина: это давало имъ удобный предлогъ, чтобы наговорить болѣе дурнаго о жителяхъ. Кромѣ того, имъ нужно было всеобщее однообразіе на всемъ этомъ громадномъ протяженіи земли, для того, чтобы въ коврѣ тупоумія, которымъ имъ заблагоразсудилось насъ прикрыть, тамъ и сямъ не приподнялся уголокъ. О, аббатъ, или его сотрудники, чертовски умны! Но вотъ ихъ запасъ уже истощенъ, или безъ малаго.

На страницѣ CCXIX (334) аббатъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о жителяхъ равнинъ, говоритъ, что онъ замѣтилъ болѣе оживленія и веселости въ деревнѣ по дорогѣ, расположенной по возвышенной мѣстности (вѣроятно на плоскогоріи) и въ Екатеринбургѣ, что „впрочемъ эти различія между жителями возвышенныхъ странъ и жителями равнинъ, не столь рѣзки, какъ въ прочихъ частяхъ Европы". Потомъ, объяснивши причины образованія болотъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Зима по видимому единственное время года, въ которое жители могли-бы пользоваться чистою атмосферою". Это мѣсто противорѣчитъ тому грубому воздуху, которымъ аббатъ силился насъ задушить нѣсколькими страницами выше, ибо наша зима, съ ея чистымъ воздухомъ, во многихъ частяхъ Имперіи длится болѣе половины года. Онъ продолжаетъ: „и тогда холодъ становится столь жестокимъ, что вся природа

повидимому погружается въ непрерывное оцѣпенѣніе. Всѣ жители, запертые и закупоренные въ своихъ избахъ, дышатъ въ нихъ воздухомъ, зараженнымъ міазмами и влагою, произведенными испариною. Они живутъ въ этихъ избахъ въ совершенной праздности, спятъ почти цѣлый день въ удушливой жарѣ, и почти не дѣлаютъ никакого движенія. Этотъ образъ жизни и климатъ поддерживаютъ у этихъ народовъ такое разжиженіе крови, что они круглый годъ принуждены прибѣгать по два раза въ день къ своимъ банямъ, для того, чтобы насильственною испариною избавиться отъ сырости, преобладающей въ ихъ темпераментѣ". Мы уже показывали во многихъ мѣстахъ, сколь мало эти предположенія согласны съ истиною, поэтому мы на этотъ разъ воздержимся отъ того, чтобы вмѣстѣ съ аббатомъ впасть въ повтореніе, но должны будемъ еще коснуться этого предмета нѣсколькими строками ниже. Въ началѣ страницы CCXX (356) авторъ выражается такъ: „Легко заключить изъ сказаннаго мною, что Русскіе должны имѣть нервный сокъ грубый, безъ игры и дѣятельности, болѣе способный къ образованію сильныхъ темпераментовъ, чѣмъ людей геніальныхъ: внутренніе ихъ органы не могутъ имѣть ни упругости, ни подвижности; сѣченіе, которому они подвергаютъ себя въ баняхъ, и жаръ, ими тамъ испытываемый, разрушаютъ всю чувствительность наружныхъ органовъ. Такъ какъ нервныя кисточки болѣе не способны къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній, то онѣ не могутъ болѣе передавать ихъ внутреннимъ органамъ; поэтому, г. Монтескьё и замѣчаетъ, что съ Русскаго нужно содрать кожу для того, чтобы придать ему чувствительность. И такъ, недостатокъ геніальности у Русскихъ повидимому есть дѣйствіе почвы и климата. Можно было-бы подтвердить это заключеніе и другими разсужденіями, не менѣе основательными, но такъ какъ назначеніе этого сочиненія сообщать факты, то оно не позволяетъ мнѣ распространять это отступленіе и безъ того, быть можетъ, слишкомъ длинное." Аббатъ говоритъ, что назначеніе его сочиненія „сообщать факты". Посмотримъ-же, какіе факты сообщаются въ этомъ его мѣстѣ. Онъ говоритъ (фактъ первый): „Русскіе должны имѣть нервный сокъ грубый, безъ игры и дѣятельности, болѣе способный къ образованію сильныхъ темпераментовъ, чѣмъ людей геніальныхъ: внутренніе ихъ органы не могутъ имѣть ни упругости, ни подвижности". Аббатъ изъ всѣхъ Русскихъ сдѣлалъ, по наружности, кротовъ; онъ сказалъ, что они постоянно спятъ въ удушливой жарѣ и, основываясь на этихъ данныхъ, онъ описываетъ наши внутренности. Онъ насъ мысленно вскрываетъ, но такъ какъ не всѣ Русскіе спятъ одинаковымъ образомъ, и какъ онъ ни одного Русскаго не вскры-

валъ съ скальпелемъ въ рукахъ, то очень могло-бы быть, чтобы дѣйствительность не соотвѣтствовала его предположеніямъ. И такъ, этотъ фактъ не доказанъ достаточнымъ образомъ, но сомнителенъ. Второй фактъ, онъ присовокупляетъ: „Сѣченіе, которому они безпрестанно подвергаютъ себя въ баняхъ, и жаръ, ими тамъ испытываемый, уничтожаютъ всякую чувствительность внѣшнихъ органовъ. Такъ какъ нервныя кисточки болѣе неспособны къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній, то онѣ и не могутъ передавать ихъ внутреннимъ органамъ". Пятью или шестью строками выше, авторъ опять сказалъ: „они принуждены круглый годъ прибѣгать по два раза въ недѣлю къ банямъ, и т. д." Мы уже не разъ говорили, что все то, что Шаппъ пишетъ о баняхъ, объ обязательности, обычаѣ и способѣ мытья въ нихъ по два раза въ недѣлю, что все это совершенная неправда; и такъ, нашимъ нервнымъ кисточкамъ позволительно, вопреки г. д'Отерошу и компаніи, воспринимать впечатлѣнія. Третій фактъ: „по этому г. Монтескьё и замѣчаетъ, что нужно содрать кожу съ Русскаго, для того, чтобы придать ему чувствительность." Г. Монтескье не бывалъ въ Россіи; онъ судилъ объ этой странѣ по писаніямъ лицъ, не знавшихъ ни страны, ни ея жителей; у него былъ проницательный умъ, но онъ былъ человѣкъ, онъ могъ ошибаться, и въ этомъ случаѣ ошибся; факты говорятъ противъ него: Русскіе, и безъ операціи имъ упомянутой, не лишены чувствительности. На трехъ яко-бы фактахъ, которые мы только что опровергли, г. Шаппъ между прочимъ основываетъ слѣдующее заключеніе. „И такъ, недостатокъ геніальности у Русскихъ повидимому есть слѣдствіе почвы и климата". Другъ-читатель, удовлетворены ли вы этимъ заключеніемъ, и находите ли вы его основательнымъ, когда факты, на которыхъ оно построено, несообразны съ истиною? На половинѣ страницы CCXX (357) г. академикъ говоритъ слѣдующее: „Въ Русскихъ столь же рѣдко встрѣтить воображеніе, какъ и геній, но у нихъ особенный талантъ на подражаніе. Въ Россіи отдаютъ въ слесари, въ плотники, въ столяры, какъ въ иныхъ мѣстахъ отдаютъ въ солдаты. Всѣ полки такимъ образомъ имѣютъ въ своихъ рядахъ мастеровыхъ, которые имъ нужны; они не принуждены, какъ во всѣхъ прочихъ странахъ, заимствовать ихъ изъ мастерскихъ. По росту рѣшаютъ, кто наиболѣе способенъ къ данному искусству. Солдату даютъ въ образецъ замокъ; ему велятъ изготовить точно такіе, и онъ мастеритъ ихъ съ большою ловкостію; но нужно, чтобы образецъ былъ безукоризненъ; онъ воспроизведетъ его со всѣми недостатками, хотя было-бы легко ихъ исправить. То же самое можно сказать о художникахъ и мастеровыхъ всякаго рода". Текстъ

гласитъ: „въ Русскихъ столь же рѣдко встрѣчается воображеніе, какъ и геній; но у нихъ особенный талантъ на подражаніе“. Замѣтьте, прошу васъ, что г. Шаппъ не разъ надѣлялъ насъ свойствами кротовъ, и что въ этомъ случаѣ онъ приписываетъ намъ свойства обезьяны, кротъ-же съ обезьяною не имѣютъ ни малѣйшаго сходства. Еще въ другихъ мѣстахъ онъ говорилъ, что мы тонки и хитры; тутъ мы лишены воображенія и генія, но мы умѣемъ всему подражать. Все это клеится-ли вмѣстѣ? До этого аббату дѣла нѣтъ, только-бы писать. Онъ еще продолжаетъ: „Въ Россіи отдаютъ въ слесари, въ плотники, въ столяры, какъ въ иныхъ мѣстахъ отдаютъ въ солдаты. Всѣ полки имѣютъ въ своихъ рядахъ мастеровыхъ, которые имъ нужны; они не принуждены, какъ въ прочихъ странахъ, заимствовать ихъ изъ мастерскихъ“. Есть нѣмецкая пословица, гласящая: *онъ слышалъ звонъ, но не знаетъ въ какомъ приходѣ*; это-то именно и можно сказать въ этомъ случаѣ объ аббатѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши полки имѣютъ въ своихъ рядахъ всѣхъ мастеровыхъ, въ которыхъ они нуждаются: это совершенно естественно, нужно только немного знать образъ жизни нашего народа, для того, чтобы разрѣшить себѣ эту загадку. Нашихъ рекрутовъ набираютъ въ деревняхъ и въ городахъ. Въ деревняхъ, наши крестьяне, съ однимъ топоромъ въ рукахъ, сами строятъ себѣ свои деревянныя жилища. Крестьянинъ складываетъ свою печку (въ которой онъ самъ печетъ себѣ хлѣбъ, и т. д.) изъ глины или кирпича; то и другое приготовляетъ онъ самъ; онъ исправляетъ свой топоръ, свою соху или плугъ; и такъ онъ уже непремѣнно и плотникъ, и каменьщикъ, и кузнецъ; жена его прядетъ ленъ, дѣлаетъ изъ него холстъ, шьетъ на свою семью рубахи; дѣти ея помогаютъ ей; то-же семейство также приготовляетъ шерсть и толстое сукно, въ которое отцы и сыновья одѣваются зимою. Шерсть на это сукно непокупная, она произведеніе домашняго стада, и шкура овецъ кромѣ того идетъ еще на шубы. Для этого они сами ее приготовляютъ. Нужно-ли окрасить холстъ или сукно, за это дѣло принимается все то-же семейство; они умѣютъ извлекать изъ разныхъ травъ оттѣнки, которые имъ нравятся или имъ нужны; вы согласитесь, что тутъ въ одномъ крестьянскомъ домѣ собраны зародыши многихъ искусствъ и ремеслъ, и вы не станете болѣе удивляться тому, что въ нашихъ полкахъ „всѣ мастеровые, имъ нужные, находятся въ самыхъ ихъ рядахъ“. Рекруты изъ городовъ быть можетъ не столь искусны, но за то есть цѣлыя мѣстности, занимающіяся однимъ и тѣмъ-же ремесломъ. Почти всѣ жители городовъ Тулы и Желѣзнопольска,—кузнецы. Жители Олонца, Галича, Углича и Кинешмы—плотники. Жители Ар-

хангельска, а также прибрежья озеръ Ладожскаго, Онежскаго и Ильменьскаго, и обоихъ береговъ Волги—все рыбаки и очень привычны къ водѣ; отсюда берутся отличные матросы. Цѣлыя мѣстечки занимаются сапожнымъ мастерствомъ, другія мелкими желѣзными и мѣдными издѣліями, еще другія дубленіемъ кожъ. Всѣ Сибиряки охотники, и тѣже охотники также умѣютъ выдѣлывать мѣха. Аббатъ говоритъ: „По росту рѣшаютъ (въ полкахъ) кто наиболѣе способенъ къ данному искусству". Сказанное мною отъиметъ у этого извѣстія его нелѣпость и странность, а также всю соль, которую хотѣлъ ему придать аббатъ. Такъ какъ полки получаютъ рекрутовъ, выросшихъ и воспитанныхъ въ описанныхъ мною ежедневныхъ работахъ, то весьма естественно, что они отбираютъ для фрунта людей наивыгоднѣйшаго роста, а работы нужныя для полка производятся менѣе рослыми людьми, способными на этотъ трудъ. Аббатъ продолжаетъ: „Солдату даютъ въ образецъ замо̀къ; ему велятъ изготовить точно такіе, и онъ мастеритъ ихъ съ большою ловкостію; но нужно, чтобы образецъ былъ безукоризненъ: онъ воспроизведетъ его со всѣми недостатками, хотя было-бы легко ихъ исправить". Послѣ сказаннаго мною выше, нечего удивляться тому, что человѣкъ, имѣющій нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, изъ котораго ему даютъ для подражанія образецъ, при нѣкоторой ловкости,—а ею одарены всѣ Русскіе—успѣшно его воспроизводитъ; успѣхъ этотъ кромѣ того доказываетъ въ работникѣ смѣтливость; ибо безъ нея самое подражаніе было-бы несовершенно: если вы съ этимъ согласитесь, то аббатъ опять окажется неправымъ, отказывая намъ во всякой умственной дѣятельности. Исправлять недостатки образца, это дѣло человѣка, достигшаго совершенства въ своемъ ремеслѣ, да и то не всякій такой человѣкъ къ этому способенъ. Родъ человѣческій по природѣ своей подражателенъ; сколько нужно было столѣтій, чтобы довести вещи до той степени совершенства, въ которой мы видимъ ихъ теперь. Авторъ присовокупляетъ: „То-же самое можно сказать о художникахъ и мастеровыхъ всякаго рода". Онъ непремѣнно хочетъ сдѣлать изъ насъ подражателей, и не онъ одинъ: еще до него многіе старались о томъ, чтобы народъ, болѣе самобытный, чѣмъ многіе другіе, имѣющіе притязаніе поучать всѣ прочіе, сами ничего не выдумавши, выставить народомъ подражательнымъ. Или они ошибались, или ошибаюсь я. Всѣ нравственныя добродѣтели имѣютъ корень въ сердцѣ человѣческомъ. Вотъ то, что̀ намъ слѣдуетъ изучать; но однажды проникнутые и сильные началами и практикою всѣхъ добродѣтелей, украшающихъ человѣчество и такъ сказать возвышающихъ его надъ собственною его при-

родою, намъ можно будетъ съ полною свободою принять тотъ тонъ, который намъ подобаетъ, и отбросить тотъ, который мы отчасти заимствовали, и который иногда, быть можетъ, придаетъ намъ видъ неловкости, часто насъ стѣсняющій. Въ концѣ страницы ССХХ (357) аббатъ говоритъ: „этотъ особенный талантъ Русскихъ до того разителенъ, что, пріѣзжая въ Россію, его замѣчаешь во всемъ народѣ; легко убѣдиться, что онъ обладаетъ имъ въ такой превосходной степени, что изъ него можно было-бы сдѣлать народъ, весьма отличный отъ существующаго". Я-же нахожу, что сказанное сейчасъ г. Шапиомъ сильно противорѣчитъ тому недостатку геніяльности, въ которомъ онъ обвинилъ насъ нѣсколькими строками выше. Вы увидите, что намъ недостало только аббатовъ въ родѣ г. д'Отероша, для того, чтобы сдѣлаться чѣмъ-то совершенно инымъ, чѣмъ то, что мы теперь; но этотъ смѣшной аббатъ на каждомъ шагу впадаетъ въ противорѣчія; вотъ еще доказательство его неслыханной непослѣдовательности: прочтите, прошу васъ, на стр. ССХХІ (358) слѣдующія строки: „Я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, что Русскіе отъ природы веселы, что они любятъ общество и одарены умомъ, нужнымъ для его оживленія, и не видно-ли это на Русскихъ, путешествующихъ за границею? Почему-же Русскіе столь отличны отъ того, чѣмъ могли бы они быть, по крайней мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ? Разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ искать въ воспитаніи и въ правительствѣ". На протяженіи ССХХ страницъ, авторъ почти на каждой говорилъ прямо противуположное тому, что сказано въ этихъ строкахъ. Русскіе, по словамъ его, были мрачны, не знали веселья, запирались у себя, и Богъ вѣсть что еще; тутъ онъ отрекается отъ своихъ словъ, и во всемъ оказываются виновными воспитаніе и правительство. А недостатокъ способностей, г. аббатъ, куда онъ дѣвался? Но онъ тотчасъ примется за проповѣдь; послушайте его: „При хорошемъ правительствѣ, воспитаніе дѣтей должно быть направлено къ добродѣтели, къ любви отечества и къ счастію общества. Такое воспитаніе тѣсно связано съ политическою системою хорошаго правительства; но оно предполагаетъ, чтобы интересъ Государя совпадалъ съ интересомъ народа. Въ соотношеніяхъ и точномъ соглашеніи этихъ двухъ интересовъ и заключаются порядокъ и гармонія хорошаго управленія: оно составляетъ силу Государя и счастіе народовъ. При немъ развивается та любовь къ родинѣ, въ силу которой всякій гражданинъ находитъ свое счастіе лишь въ счастіи народа: общественная благодарность возбуждаетъ и поддерживаетъ любовь къ славѣ, производитъ великихъ людей, и упрочиваетъ за ними уваженіе потомства". Все это прекрасно, и счастлива

та страна, гдѣ вещи стоятъ на такой ногѣ! Но въ Европѣ до сихъ поръ воспитаніе во многихъ странахъ требуетъ улучшеній, и нѣтъ въ настоящее время страны, въ которой болѣе обращалось-бы вниманія на общественное воспитаніе, чѣмъ въ Россіи. Очевидно, съ тѣхъ поръ, какъ аббатъ оставилъ Имперію, въ ней происходитъ одно изъ двухъ: или наша просвѣщенная Государыня дурно понимаетъ свои интересы, или же ея интересы не отдѣляются отъ интересовъ народа, какъ то предполагали Шаппъ и компанія, когда они печатали: „такое воспитаніе тѣсно связано съ политическою системою правительства; но оно предполагаетъ, чтобы интересъ Государя совпадалъ съ интересомъ народа". За приведенною выше проповѣдью, мы встрѣчаемъ слѣдующую выходку: „Любовь къ славѣ и отечеству неизвѣстны въ Россіи; деспотизмъ въ ней заглушаетъ умъ, талантъ и всякаго рода чувства. Никто въ Россіи не смѣетъ мыслить; самая къ тому способность утрачивается униженною и загрубѣлою душою. Страхъ есть, такъ сказать, единственная пружина, движущая народомъ". Любезный читатель, мы обязаны честію говорить вамъ правду, и по этой причинѣ мы принуждены объявить вамъ, что аббатъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ столь многихъ другихъ, сказалъ ложь. Знаю, что говорить это—невѣжливо, но что-же мнѣ дѣлать? Виновны ли мы въ томъ, что аббатъ не говоритъ правду, и нужно ли намъ осложнять свой трудъ отыскиваніемъ выраженій, равнозначущихъ просящимся подъ перо, и выражающимъ наше мнѣніе о вещахъ? Отечество дорого Русскимъ, и чего не дѣлаютъ они ежедневно изъ любви къ славѣ? Наше правительство, далекое отъ того, чтобы подавлять умъ, таланты и чувства всякаго рода, занято лишь тѣмъ, что поощряетъ и награждаетъ умъ, таланты и всѣ чувства честныя и полезныя обществу. Могутъ ли Русскіе не мыслить, какъ скоро у нихъ передъ глазами книга, продиктованная всѣми чувствами, дѣлающими честь человѣчеству, и подписанная собственною рукою ихъ Императрицы—хочу сказать Наказъ для составленія новаго уложенія? Не всѣ ли Русскіе допущены къ чести участвовать въ составленіи этого уложенія, и могли-ли они принять въ немъ участіе, не мысля? Прочтите этотъ Наказъ, читатель, и вы увидите, взяло-ли себѣ наше правительство за правило унизить, огрубить и погубить всѣ душевныя способности? Совсѣмъ напротивъ.

Но правда и то, что аббата Шаппа нужно извинить въ томъ, что онъ не зналъ этого сочиненія: онъ не смѣлъ его читать, потому что оно запрещено во Франціи. За то и промахнулся же онъ сильно, хотя и пользуется одобреніемъ Академіи наукъ. Онъ говоритъ въ концѣ стр. CCXXI". Я

видѣлъ въ ихъ школахъ юнаго геометра, изучающаго Евклида съ колодою, повѣшенною на шеѣ, и учителей командующихъ талантами, какъ командуютъ строемъ въ арміи". Аббатъ это видѣлъ! Учителя, такимъ образомъ наказывающіе своихъ учениковъ, конечно поступали очень непохвально и жестоко. Однако же бьюсь объ закладъ, что аббата, или нѣкоторыхъ изъ его товарищей, не разъ въ коллегіи сѣкали до крови: дурной методъ, который былъ въ большомъ ходу, и отъ котораго лишь съ трудомъ отстаетъ учительская рутина; въ нашихъ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, тѣлесныя наказанія строго запрещены. Запрещены-ли онѣ во Франціи, г. аббатъ?—Оставляю въ сторонѣ сказанное Шаппомъ, будто учителя „командуютъ талантами, какъ командуютъ строемъ въ арміи"; ибо безуміе одного преподавателя не можетъ служитъ поводомъ къ заключенію, что подобно ему дѣйствуютъ въ школахъ всѣ учителя. Лишь опрометчивость и злоба могутъ вывести общее заключеніе изъ одного дурнаго примѣра. Аббатъ приводитъ таковой, разсказывая объ ученикѣ, который не хотѣлъ учиться, боясь, что, когда онъ выучится, господинъ его станетъ понуждать его къ работѣ и дурно съ нимъ обращаться; затѣмъ онъ говоритъ: „я зналъ многихъ лицъ, убѣжденныхъ въ томъ, что Русскіе неспособны къ большимъ успѣхамъ въ какомъ бы то ни было родѣ. Считаю это мнѣніе совершенно ложнымъ; они были введены въ заблужденіе фактами, подобными разсказанному мною о юномъ рабѣ. Такіе факты, напротивъ того, предполагаютъ по крайней мѣрѣ большую разсудительность".

Вотъ со стороны г. Шаппа избытокъ доброты, котораго нельзя было бы ожидать послѣ всего сказаннаго имъ: противорѣчіе между этимъ мѣстомъ и тѣмъ, что́ сказано аббатомъ во всей остальной его книгѣ, столь очевидно, что меня беретъ охота закрыть его in-quarto и бросить его въ огонь, до того онъ мнѣ опротивѣлъ; но нисколько не желаю сдѣлать того же самого съ моею критикою: моя отеческая къ ней привязанность того бы не допустила. Итакъ изъ любви къ одному рѣшаюсь оставить существованіе другому. Авторъ продолжаетъ: „Правительство думало устранить часть этихъ неудобствъ, повелѣвъ, чтобы всѣ тѣ, которые будутъ отличаться въ школахъ, переставали быть рабами своихъ господъ, но принадлежали государству. Но съ тѣхъ поръ, господа не посылаютъ болѣе своихъ рабовъ въ школы, или все-таки находятъ средство сохранять ихъ за собою, и во всякомъ случаѣ они остаются рабами". Послушаешь аббата, такъ все рѣшено. Правительство ошиблось, господа болѣе никого не пошлютъ въ школы, и тѣ, которые будутъ туда посылаемы, принадлежатъ ли они господамъ или го-

сударству, все таки останутся рабами. Есть однакоже школы, въ которыя принимаются лишь свободные люди, и я не знаю, какъ можно назвать рабами тѣхъ, которыхъ государство взяло подъ свое покровительство, которые не принадлежатъ никому, дѣлаютъ, что хотятъ, идутъ куда имъ заблагоразсудится, вырабатываютъ, что могутъ и никому не платятъ податей. Аббатъ продолжаетъ на стр. CCXXII (360): „Я могъ-бы привести тутъ множество фактовъ, подобныхъ разсказаннымъ мною и которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Умалчиваю о нихъ потому, что они могли-бы повредить лицамъ, нынѣ находящимся въ Россіи. Отравленное дыханіе деспота распространяется на всѣ искусства, на всѣ промышленности, проникаетъ во всѣ мастерскія. Въ нихъ видишь художниковъ, прикованныхъ къ своему станку. Я былъ тому свидѣтелемъ много разъ въ особенности въ Москвѣ, и съ такими-то рабочими Русскіе воображаютъ, что имъ удастся поддѣлаться подъ Ліонскія матеріи". Параграфъ этотъ начинается словами: „Я могъ бы привести тутъ множество фактовъ, подобныхъ разсказаннымъ мною, и которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Умалчиваю о нихъ потому, что они могли бы повредить лицамъ, нынѣ находящимся въ Россіи". Онъ привелъ однако же лишь фактъ объ ученикѣ, который не хотѣлъ учиться, боясь, чтобы его господинъ не заставилъ его работать и не обращался съ нимъ дурно; и такъ аббатъ напрасно говоритъ во множественномъ числѣ. Сожалѣю о томъ, что онъ не привелъ болѣе фактовъ, ибо можно бы привести ему другіе, которые показали бы, что у насъ есть великія, честныя, благородныя и добрыя души, которыя, далекія отъ того, чтобы стѣснять учащихся, издерживали значительныя суммы не только для того, чтобы дать имъ полную свободу, но чтобы вполнѣ обезпечить ихъ будущность. Аббатъ говоритъ: „Отравленное дыханіе деспота распространяется на всѣ искусства, на всѣ промышленности и проникаетъ во всѣ мастерскія". Праздная декламація со стороны г. д'Отероша; мы въ протяженіи этой книги представили столько доказательствъ противнаго, что, изъ-за лишней брани г. Шапиа, не станемъ впадать въ скучныя повторенія тамъ, гдѣ найдемъ ихъ лишними. Онъ заключаетъ приведенный параграфъ словами: „Въ нихъ видишь художниковъ, прикованныхъ къ своему станку; я былъ тому свидѣтелемъ много разъ, въ особенности въ Москвѣ, и съ такими-то рабочими Русскіе воображаютъ, что имъ удастся поддѣлаться подъ Ліонскія матеріи". Это дѣйствительно большая смѣлость, если принять въ соображеніе слѣдующее различіе: когда наши рабочіе оставляютъ фабрику, къ которой они приписаны, безъ позволенія, то ихъ наказываютъ; когда-же Ліонскіе рабочіе оставляютъ свою провинцію, или выѣзжаютъ изъ Франціи, то ихъ вѣ-

шаютъ, если ихъ поймаютъ. Но затѣмъ, намъ нѣтъ никакой надобности ни поддѣлываться подъ Ліонскія фабрики, ни даже приближаться къ нимъ. Наши шелковыя фабрики — только игра. Наши настоящія, солидныя фабрики суть фабрики шерстяныя и полотняныя: въ нихъ обработываются отечественные матеріялы. Напрасно истощали бы мы въ нашихъ шелковыхъ фабрикахъ всю пестроту цвѣтовъ радуги, въ подражаніе Ліонскимъ матеріямъ; онѣ все таки не дали-бы намъ тѣхъ прибылей и богатствъ, которыя мы извлекаемъ изъ собственныхъ своихъ продуктовъ; требованіе на нихъ гораздо больше, чѣмъ можетъ быть потребленіе матерій, составляющихъ часто предметъ роскоши, вкусъ которыхъ, а вмѣстѣ и цѣнность, измѣняющуюся со дня на день, опредѣляетъ прихоть. Предоставимъ Французамъ гордиться несравненнымъ преимуществомъ носить кафтаны столь-же пестрые, какъ платье покойнаго Веньямина, славной памяти; но не станемъ имъ подражать. Вернемся къ аббату; онъ говоритъ: „Петръ I былъ убѣжденъ, и вся нація до сихъ поръ раздѣляетъ его убѣжденіе, что Русскими слѣдуетъ руководить такимъ образомъ. Такой способъ дѣйствій могъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ считаться основательнымъ, когда Петръ I вступилъ на престолъ; но весьма странно, что этотъ ненавистный предразсудокъ все еще существуетъ въ Россіи". Не знаю въ точности, на что мѣтитъ аббатъ, говоря: „но весьма странно, что этотъ ненавистный предразсудокъ все еще существуетъ въ Россіи". Порицаетъ ли онъ смѣлость людей, дерзающихъ надѣяться, что имъ удастся подражать Ліонскимъ матеріямъ; или же онъ возстаетъ противъ привязыванія мастеровыхъ къ станку? Первый упрекъ смѣшенъ, на второй могу отвѣтить лишь двумя фактами: вопервыхъ, нѣтъ еще шести мѣсяцевъ, какъ монахи монастыря св. Клавдія, недалеко отъ Лозанны, отстаивали свои права, по которымъ они хотѣли обратить въ рабство всѣхъ крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ, между тѣмъ какъ у насъ съ 1762 года запрещено вновь приписывать крестьянъ къ фабрикамъ. Во вторыхъ, ничто такъ не трудно, какъ упразднить отношенія, при которыхъ интересъ общій сталкивается съ частнымъ интересомъ многихъ отдѣльныхъ лицъ.—Шаппъ продолжаетъ: „Гордость Русскихъ также представляетъ большое препятствіе успѣхамъ наукъ и искусствъ въ этомъ народѣ. Порокъ этотъ связанъ съ народнымъ складомъ ума; онъ проявляется во всѣхъ состояніяхъ. Едва ученикъ сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, какъ онъ уже считаетъ себя равнымъ своему учителю, и даже вскорѣ выше его. Русская публика столь мало просвѣщена, что ставитъ ихъ на одну доску. Кромѣ невыгодъ, проистекающихъ отъ такой ничѣмъ неоправданной само-

надѣянности, такое поведеніе усиливаетъ непріятности, коимъ подвергается иностранецъ, призванный въ Россію для того, чтобы учить Русскихъ; и часто иностранные художники считаютъ себя вынужденными держать своихъ учениковъ подъ опекою, для того, чтобы казаться болѣе необходимыми. Большая часть изъ нихъ, наскучивъ своимъ ремесломъ, менѣе думаютъ о томъ, чтобы обучить ему другихъ, чѣмъ о томъ, чтобы нажить себѣ состояніе, которое они рѣдко увозятъ съ собою на родину. Я не встрѣчалъ въ Россіи ни одного иностранца, который не сожалѣлъ бы о томъ времени, когда онъ жилъ съ своими соотечественками".

Недавно аббатъ изображалъ всю націю униженною, огрубѣлою; теперь онъ говоритъ, что успѣхамъ наукъ и искусствъ препятствуетъ гордость. Этотъ порокъ, по его мнѣнію, находится въ связи съ народнымъ складомъ ума, а въ другомъ мѣстѣ вы видѣли, что г. Шаппъ отвергалъ въ Русскихъ и умъ и характеръ; но для того, чтобы понимать выраженія, слѣдуетъ условиться объ ихъ смыслѣ; есть страны, въ которыхъ извѣстный жаргонъ, вошедшій въ употребленіе въ обществѣ, слыветъ умомъ передъ толпою: часто иностранецъ, пріѣзжающій въ Россію и не находящій у Русскихъ того жаргона, къ которому онъ привыкъ, воображаетъ, что Русскіе дураки; Русскіе же считаютъ такого иностранца поверхностнымъ и легкомысленнымъ, хотя онъ и имѣетъ притязаніе понимать и критиковать все то, чего онъ не видалъ дома. Упрекъ аббата ученикамъ въ томъ, что, послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ, они считаютъ себя равными своимъ учителямъ и даже выше ихъ, не доказываетъ въ народѣ упадка духа, но напротивъ того большое желаніе дѣлать успѣхи. Если бы ученики были такими великими подражателями, какъ говоритъ г. д'Отерошъ, имъ быть можетъ не понадобилось бы труда чрезвычайнаго для того, чтобы сравняться съ своими образцами: ибо, въ концѣ концовъ, эти учителя также люди. Правда, что у насъ любятъ поощрять молодыхъ людей, въ которыхъ замѣчаютъ таланты, и это-то и ввело аббата въ заблужденіе и заставило его сказать: „Русская публика столь мало просвѣщена, что ставитъ ихъ на одну доску (учителя съ ученикомъ)"; но это всеобщее поощреніе отечественныхъ учениковъ, подающихъ надежды, есть ничто иное, какъ участіе, принимаемое всякимъ въ успѣхахъ соотечественника; это—патріотическое движеніе, стремленіе сравниться съ другими народами и затмить ихъ. Прилежаніе и трудолюбіе, въ сочетаніи съ этимъ прекраснымъ расположеніемъ, могутъ повести насъ далеко, ибо рѣдкій народъ можетъ похвалиться бо́льшею понятливостію, чѣмъ та, которою мы вообще одарены отъ при-

роды. Аббатъ говоритъ, что желаніе учениковъ сравняться съ учителями, „усиливаетъ непріятности, коимъ подвергается иностранецъ, призванный въ Россію для того, чтобы учить Русскихъ". Авторъ не сознаетъ, что, говоря такимъ образомъ, онъ приписываетъ иностраннымъ учителямъ нечестные виды. Онъ продолжаетъ: „и часто иностранные художники считаютъ себя вынужденными держать своихъ учениковъ подъ опекою для того, чтобы казаться болѣе необходимыми". Г. академикъ приписываетъ тутъ иностраннымъ художникамъ, пріѣзжающимъ въ Россію, весьма некрасивую тактику, и они конечно не скажутъ ему за это спасибо: нужно надѣяться, что дѣло до такой степени не дошло; но если бы это было такъ, то нечему удивляться, если талантъ, такимъ образомъ угнетаемый, дѣлаетъ все возможное, чтобы сбросить съ себя иго подобнаго тиранства, и въ такомъ случаѣ публика, благопріятствующая талантамъ, содержимымъ подъ опекою, заслуживала бы за это лишь похвалы. Г. Шаппъ говоритъ объ учителяхъ: «Большая часть изъ нихъ, наскучивъ своимъ ремесломъ, менѣе думаютъ о томъ, чтобы обучить ему другихъ, чѣмъ о томъ, чтобы нажить себѣ состояніе, которое они рѣдко увозятъ съ собою на родину. Я не встрѣчалъ въ Россіи ни одного иностранца, который не сожалѣлъ бы о томъ времени, когда онъ жилъ съ своими соотечественниками". Изъ злобы на Русскихъ учениковъ, аббатъ представляетъ въ весьма дурномъ свѣтѣ иностранныхъ учителей. Если они недовольны и скучаютъ своимъ ремесломъ, почему же они не уѣзжаютъ, составивъ себѣ нѣкоторое состояніе? Онъ говоритъ, что „не встрѣчалъ въ Россіи ни одного иностранца, который не сожалѣлъ бы о томъ времени, когда онъ жилъ съ своими соотечественниками". Это значитъ, если мы хорошо поняли текстъ, что они предпочитаютъ жить съ Русскими, и что многое изъ сказаннаго г. аббатомъ падаетъ само собою. Къ концу страницы CCXXIII (362) и въ началѣ стр. CCXXIV, читаю слѣдующее: „Дворянство, обреченное на военную службу, посылаетъ своихъ дѣтей въ кадетскій корпусъ (въ выноскѣ онъ говоритъ, что это родъ коллегіи, устроенной для воспитанія дворянъ); или воспитываетъ ихъ въ лонѣ своего семейства; гувернерамъ, на которыхъ возложено воспитаніе дѣтей, оказывается величайшее вниманіе; но родители часто вынуждены отдавать это юношество въ руки малосвѣдущихъ учителей. Большинство изъ нихъ пріѣзжаетъ въ Россію съ тщетною надеждою въ ней разбогатѣть. Эти учителя рѣдко бываютъ способны развить этихъ юныхъ дворянъ, и отцы, сами необразованные и униженные рабствомъ, еще менѣе въ силахъ содѣйствовать воспитанію своихъ дѣтей, благотворно влiять на ихъ сердце и чувства. Деспотъ постоянно

напоминаетъ имъ объ опасности просвѣщенія по всѣмъ отраслямъ, которыя могутъ возбудить его подозрѣніе".

Если ожиданія отцовъ часто обманываются учителями, то въ отцахъ по крайней мѣрѣ нельзя отвергать желанія дать своимъ сыновьямъ образованіе. Очевидно, г. Шаппъ этому мѣсту, какъ и многимъ другимъ, хотѣлъ придать ядовитость, напримѣръ словами „отцы сами необразованные", за которыми мы встрѣчаемъ витіеватую выходку „и униженные рабствомъ". Жолчь его еще болѣе обнаруживается, когда онъ говоритъ: „Деспотъ постоянно напоминаетъ имъ объ опасности просвѣщенія по всѣмъ отраслямъ, которыя могутъ возбудить его подозрѣніе". Стóитъ только видѣть наши общественныя воспитательныя заведенія, для того, чтобы убѣдиться въ лживости этихъ фразъ; дурныя намѣренія, приписываемыя авторомъ нашему правительству, между тѣмъ какъ это послѣднее постоянно занято похвальною и благородною заботою о нашемъ просвѣщеніи и улучшеніи, обнаруживаютъ только злобу г. д'Отероша. На стр. CCXXIV (363) Шаппъ говоритъ: „Легко заключить изъ всего сказаннаго въ этой статьѣ, что правительство и воспитаніе виновны въ томъ, что Русскіе сдѣлали столь мало успѣховъ въ наукахъ и въ искусствахъ, и что этотъ народъ, вообще лишенный изобрѣтательности и воображенія, сдѣлался-бы однако-же народомъ во многихъ отношеніяхъ отличнымъ отъ нынѣ существующаго, еслибы онъ пользовался свободою. Но пошелъ-ли бы онъ очень далеко? Не знаю. Быть можетъ, если вѣрить г-ну Руссó изъ Женевы, было бы желательно, чтобы этого народа никогда не коснулось просвѣщеніе. Какъ-бы то ни было, царствованіе Императрицы Екатерины повидимому предвѣщаетъ перемѣну въ общемъ духѣ народа".

Всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ г. Шаппомъ сочтутъ Русскихъ за людей, лишенныхъ изобрѣтательности и воображенія, впадутъ въ грубую ошибку. Мы сказали выше, что природа одарила насъ большою воспріимчивостію. Мы показали, сколько ремеслъ производится въ каждой простой крестьянской избѣ. Спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, указываетъ-ли и то и другое на глупость? Скажемъ болѣе: вообще нашъ простой народъ (которому вредитъ его одежда въ глазахъ иностранцевъ, не видящихъ далѣе своего носа) хотя и мало просвѣщенный, одаренъ особенною смѣтливостію во всемъ томъ, чтó его касается; онъ, кромѣ того гостепріименъ и услужливъ: никогда не увидите вы опрокинутую телѣгу безъ того, чтобы прохожіе не оказали ея хозяину даромъ всевозможную помощь. Никогда сосѣдъ не отказываетъ сосѣду въ томъ, въ чемъ нуждается этотъ послѣдній, если только онъ не становится назойливымъ. Про-

стой народъ веселъ: онъ любитъ разговоры, смѣхъ, пѣсни, пляску, и слова и дѣйствія его отличаются здравымъ смысломъ. Иностранцы, не понимающіе нашего языка, или съ трудомъ лишь говорящіе на немъ, не могутъ судить о нашемъ простомъ народѣ; онъ имѣетъ свое собственное нарѣчіе, измѣняющееся почти во всякой области. Аббатъ сказалъ, что Русскіе „вообще лишенные изобрѣтательности и воображенія, сдѣлались-бы однако-же народомъ, во многихъ отношеніяхъ отличнымъ отъ нынѣ существующаго, еслибы они пользовались свободою". Затѣмъ онъ задаетъ себѣ вопросъ: „но ушли-ли бы они очень далеко"? на который отвѣчаетъ: „не знаю". Я же знаю очень хорошо и, вопреки ссылкѣ на г. Руссо́ изъ Женевы (сказавшаго, что быть можетъ было-бы желательно, чтобы этого народа никогда не коснулось просвѣщеніе) и вопреки г. аббату, рѣшаю, не боясь ошибиться, что онъ пошелъ-бы и пойдетъ далеко, очень далеко; стоитъ только взглянуть на исполинскіе шаги, сдѣланные имъ въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ: еще такихъ семьдесятъ, и предсказаніе мое оправдается.

О ЗАКОНАХЪ, О КАЗНЯХЪ И О ССЫЛКѢ.

Разборъ.

На стр. CCXXV (365) аббатъ говоритъ: „Мы узнаемъ отъ одного изъ первыхъ геніевъ Европы, изъ его „Исторіи Россіи", что Петръ I окончилъ въ 1722 году, новый сводъ законовъ, начатый въ 1718 году и усовершенствованный при императрицѣ Елисаветѣ". Въ 1722 году законы, изданные Петромъ I о разныхъ предметахъ въ теченіи его царствованія, были собраны и напечатаны; но сводъ, который собирался сдѣлать изъ нихъ этотъ Государь, и въ которомъ должны были быть сведены всѣ различные законы Россіи, не былъ при немъ оконченъ. Императрица Елисавета возобновила приказаніе трудиться надъ нимъ; и хотя за него и принимались, но дѣло подвинулось мало. Императрица Екатерина II снова пустила въ ходъ это дѣло, начатое шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и собственноручно начертала тѣ начала, которыми слѣдуетъ руководствоваться при этомъ громадномъ трудѣ, подвигающемся безостановочно, не смотря на войну. Народъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ этого уложенія, и можно надѣяться, что, по заключеніи мира, оно будетъ окончено. Авторъ продолжаетъ: „Петръ I, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ всѣмъ судьямъ удаляться отъ него и ставить свое частное

мнѣніе на мѣсто общаго закона. Этотъ страшный указъ былъ вывѣшенъ, и остается до сихъ поръ вывѣшаннымъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ Имперіи". Слѣдуетъ предполагать, что еслибы Петръ I окончилъ свое уложеніе, то онъ предписалъ-бы въ точности сообразоваться съ нимъ. Въ Англіи, законъ исполняется съ буквальною точностію. Г. Монтескье говоритъ, что неудобства этого метода болѣе выносимы, чѣмъ подчиненіе закона произвольному толкованію судей. Поэтому неслишкомъ понимаешь, что́ можетъ имѣть г. д'Отерошъ противъ закона, предписывающаго судьямъ исполнять законы. Его не можетъ пугать смертная казнь, ибо онъ видѣлъ, какъ каждый день вѣшаютъ людей за покражу въ нѣсколько копѣекъ. Г. Шаппъ говоритъ: „онъ подъ страхомъ тѣхъ-же наказаній, воспретилъ судьямъ брать взятки, и всякому служащему принимать подарки". Затѣмъ онъ разсказываетъ старинную, столько разъ уже повторенную, исторію о должностныхъ лицахъ, обличенныхъ въ лихоимствѣ и за то наказанныхъ. Затѣмъ онъ говоритъ: „Строгость эта весьма ослабѣла послѣ смерти Петра I. Всѣ области, черезъ которыя я проѣзжалъ, имѣютъ судебныя мѣста, именуемыя канцеляріями; судебныя мѣста, вѣдающія дѣла гражданскія и уголовныя, подчинены Сенату или Юстицъ-коллегіи". Лишь дѣла, собственно судебныя, восходятъ по аппелляціи до Юстицъ-коллегіи; другія-же дѣла восходятъ до коллегій, для нихъ назначенныхъ. Сенатъ есть высшее судебное мѣсто, въ которое подается послѣдняя аппеляція. Аббатъ говоритъ: „Во всѣхъ отдаленныхъ канцеляріяхъ я видѣлъ, что правосудіемъ торгуютъ почти открыто, и что невинный бѣднякъ почти постоянно приносится въ жертву богатому преступнику". Мы слышали подобныя жалобы во многихъ странахъ, мы повсюду находили и хорошее и дурное и убѣдились также во время нашихъ путешествій въ томъ, что большинство безусловныхъ отзывовъ преувеличено. Г. Шаппъ говоритъ на стр. CCXXVI (366): „казни, со времени восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, ограничиваются батогами и кнутомъ". Кнутъ считается позорною смертною казнію; она назначается лишь за самыя большія преступленія. Батоги употребляются, какъ и удары палкою, въ Германіи и во Франціи. Затѣмъ, на стр. CCXXVI (367), аббатъ повѣствуетъ, что видѣлъ, какъ сѣкли розгами молодую дѣвушку лѣтъ четырнадцати или пятнадцати; затѣмъ онъ говоритъ: „Русскіе увѣряютъ, что вынуждены обращаться такимъ образомъ съ своими слугами для того, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность. Это обращеніе имѣетъ слѣдствіемъ, что эти несчастные рабы, находя въ своихъ господахъ лишь мелкихъ тирановъ, заставляютъ ихъ жить въ постоянномъ страхѣ; и это до такой степени, что и въ

средѣ своего семейства, они постоянно должны остерегаться всякаго, кто къ нимъ подходитъ". Не такъ думаютъ всѣ Русскіе, и если есть между ними таковые, тѣмъ хуже для нихъ. Они достаточно наказаны за свое неумѣренное обращеніе съ своими слугами — такими-же людьми, какъ и они сами, если, какъ повѣствуетъ аббатъ, они проводятъ свои дни въ постоянномъ недовѣріи ко всѣмъ своимъ приближеннымъ.

На стр. CCXXVII (368), аббатъ объявляетъ, что онъ не бывалъ свидѣтелемъ наказанія кнутомъ; но что, гуляя по Петербургу, онъ получилъ свѣдѣнія по этому предмету отъ иностранца. Г. Шаппъ нашелъ этотъ разсказъ столь пріятнымъ, что съ наслажденіемъ угощаетъ имъ читателя. Но такъ какъ мы нашли въ немъ столько-же жолчи и злобы, сколько и лжи, то воздержимся отъ того, чтобы надоѣдать читателю опроверженіемъ картины столь-же непріятной, какъ и преувеличенной. Г. Шаппъ не можетъ разстаться съ кнутомъ; онъ говоритъ о немъ на протяженіи трехъ страницъ; предметъ этотъ несказанно ему нравится. Онъ говоритъ, на стр. CCXXVIII, что наказаніе „простымъ кнутомъ не приноситъ безчестія, ибо, при этомъ деспотическомъ правительствѣ, всякое частное лицо можетъ подвергнуться этой случайности, которая часто бывала слѣдствіемъ простыхъ дворскихъ интригъ. Онъ говоритъ это съ увѣренностію, и однако-же это неправда: наказаніе кнутомъ приноситъ безчестіе, и дворяне ему болѣе не подвергаются. За тѣмъ аббатъ смѣшиваетъ чрезвычайную пытку съ кнутомъ; ибо то, что́ онъ называетъ большимъ кнутомъ, есть ничто иное, какъ эта чрезвычайная пытка. Онъ не зналъ, что послѣ его отъѣзда уничтожены всѣ пытки. За тѣмъ онъ, на страницѣ CCXXIX (372), дѣлаетъ исчисленіе нашихъ старинныхъ казней, общихъ со всѣми прочими народами земнаго шара; онѣ упразднены у насъ, но существуютъ у народовъ, похваляющихся своимъ просвѣщеніемъ; но это ускользнуло отъ аббата Шаппа, который продолжаетъ на той же страницѣ: „Россія представляетъ разительный примѣръ тому, что ни смерть злодѣевъ, ни жестокость казней не дѣлаютъ людей лучшими". Такъ какъ, въ старину, наказанія у насъ были не болѣе сообразованы съ преступленіями, чѣмъ у прочихъ народовъ, то и не удивительно, что они не производили желаемаго дѣйствія. Но гдѣ тотъ народъ, который не находился, или еще не находится, въ томъ же положеніи? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что преступленія уменьшились въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ въ ней упразднена смертная казнь. Аббатъ продолжаетъ: „Императрица Елисавета сохранила только наказаніе кнутомъ, какъ уже упомянуто мною; и къ этому наказанію даже рѣдко приговариваютъ

преступниковъ; она замѣнила его ссылкою для дворянства, и конфискаціею его имуществъ, для простаго же народа присужденіемъ къ общественнымъ работамъ. Я зналъ многихъ людей, осуждавшихъ образъ дѣйствій Императрицы Елисаветы въ этомъ отношеніи: они считали эти наказанія слишкомъ мягкими. Мнѣніе это можетъ имѣть нѣкоторое основаніе относительно извѣстныхъ преступленій; но эти лица повидимому имѣли мало свѣдѣній относительно способа, которымъ въ Россіи производится ссылка. Всѣ преступники, присужденные къ общественнымъ работамъ, подвергаются одинаковому обращенію: ихъ запираютъ въ тюрьмы, окруженныя обширною оградою, составленною изъ кольевъ, вышиною отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ; они укрываются въ тюрьмахъ во время дурной погоды и гуляютъ въ оградѣ, когда то позволяетъ погода. Всѣ они скованы за ноги; издержки на нихъ весьма малы, такъ какъ они обыкновенно получаютъ лишь хлѣбъ и воду, или, смотря по мѣстностямъ, какую либо иную пищу, замѣняющую имъ хлѣбъ. Извѣстное количество солдатъ опредѣлено на то, чтобы ихъ стеречь и отводить ихъ на рудники и на прочія общественныя работы; при этомъ съ ними обращаются весьма жестоко. Это наказаніе во многихъ случаяхъ не сообразно съ преступленіемъ; оно не производитъ на Русскій народъ того впечатлѣнія, котораго-бы слѣдовало отъ него ожидать, потому что этотъ народъ состоитъ изъ рабовъ. Не то было бы въ народѣ просвѣщенномъ и пользующемся свободою. Это продолжительное наказаніе часто было бы уздою, сильнѣе сдерживающею его, чѣмъ смертная казнь. Нѣкоторые злодѣи даже смотрятъ на эту минуту, какъ на предѣлъ своихъ бѣдствій, и этому состоянію вещей слѣдуетъ приписать твердость, выказанную многими изъ нихъ на самой плахѣ; но полагаю, что (у насъ) было бы весьма опасно выставлять этихъ преступниковъ, какъ это дѣлается въ Россіи, на позорище всему народу. Привычка видѣть несчастныхъ наконецъ разрушаетъ чувствительность. А свойство это столь драгоцѣнно для человѣчества, что нельзя употреблять достаточно усилій, чтобы сохранить его въ народахъ, имъ одаренныхъ, и возбуждать его въ тѣхъ, которымъ оно неизвѣстно. Я убѣжденъ, что возмутительный видъ множества несчастныхъ въ цѣпяхъ, которыхъ встрѣчаешь въ большинствѣ Русскихъ городовъ, не мало содѣйствовалъ тому, чтобы развить въ Русскихъ ту жестокость нрава, которую я замѣтилъ въ этомъ народѣ".

Вотъ что имѣемъ мы сказать относительно длиннаго мѣста, начинающагося такъ: „Императрица Елисавета сохранила только наказаніе кнутомъ, какъ уже упомянуто мною; и къ этому наказанію даже рѣдко приговариваютъ преступни-

ковъ". Такъ какъ Императрица Елисавета, при восшествіи своемъ на престолъ, запретила судебнымъ мѣстамъ приговаривать къ смертной казни, то тюрьмы переполнились до того, что въ 1750 г. Сенатъ сдѣлалъ Ея Величеству представленіе объ устраненіи этого неудобства. Онъ предложилъ употреблять преступниковъ, виновныхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, подвергнувши ихъ тѣлесному наказанію, къ работѣ въ рудникахъ и къ другимъ тяжкимъ общественнымъ работамъ, и отсылать въ самыя отдаленныя поселенія тѣхъ, коихъ преступленія менѣе значительны. Представленіе это было одобрено. Аббатъ говоритъ: „она замѣнила его для дворянъ ссылкою и конфискаціею ихъ имуществъ; для простаго же народа присужденіемъ къ общественнымъ работамъ". Мы сказали уже въ первой части, что никого не ссылаютъ безъ суда, и что конфискація имуществъ внесена въ наши законы, какъ и въ законы многихъ другихъ странъ, за самыя тяжкія преступленія; и такъ тутъ не о чемъ бить тревогу.

За тѣмъ встрѣчаемъ слова: „я зналъ многихъ людей, осуждавшихъ образъ дѣйствій Императрицы Елисаветы въ этомъ отношеніи: они считали эти наказанія слишкомъ мягкими". По видимому тѣ, которые порицали исполненную человѣколюбія мѣру Императрицы Елисаветы, принадлежали къ числу тѣхъ кроткихъ и просвѣщенныхъ душъ, которыя ежедневно, не смущаясь, присутствуютъ при казни своихъ ближнихъ, и оттуда отправляются въ театръ, что̀ вполнѣ смягчило ихъ нравы, о чемъ свидѣтельствуютъ приводимыя г. Шаппомъ ихъ разсужденія. Г. д'Отерошъ толкуетъ по своему этотъ милый взглядъ на вещи, словами: „мнѣніе это можетъ имѣть нѣкоторое основаніе относительно извѣстныхъ преступленій; но эти лица, повидимому, имѣли мало свѣдѣній относительно способа, которымъ въ Россіи производится ссылка". И такъ, г. Шаппъ, самъ весьма мало свѣдущій о Россіи, встрѣтилъ людей, еще менѣе свѣдущихъ, чѣмъ онъ, и я вовсе тому не удивляюсь, зная глупые вопросы, часто предлагаемые его соотечественниками относительно всего, что̀ сколько нибудь разнится отъ привычной имъ обстановки. Г. Шаппъ смѣшалъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ и къ тяжкимъ работамъ съ простыми ссыльными; но нужно предупредить читателя, для того, чтобы онъ не былъ введенъ въ заблужденіе, что и въ томъ, и въ другомъ наказаніи существуетъ нѣсколько степеней. Негодяевъ просто ссылаютъ, или въ Сибирь, или въ какой либо городъ Россіи. Мы видѣли дворянъ, сосланныхъ въ ихъ имѣнія на всю жизнь, или на нѣсколько лѣтъ. Преступниковъ приговариваютъ къ тяжкимъ работамъ на много лѣтъ, другихъ на всю жизнь, еще другихъ къ работамъ и къ

тюрьмѣ. Убійцы, разбойники и т. п. послѣ тѣлеснаго наказанія заковываются въ цѣпи и посылаются на работу въ рудники на всю жизнь. Дворянинъ, уличенный въ уголовномъ преступленіи, лишается дворянства. Аббатъ говоритъ: „всѣ преступники, приговоренные къ общественнымъ работамъ, подвергаются одинаковому обращенію: ихъ запираютъ въ тюрьмы, окруженныя обширною оградою, составленною изъ кольевъ, вышиною отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ; они укрываются въ тюрьмахъ, во время дурной погоды и гуляютъ въ оградѣ, когда то позволяетъ погода". Аббатъ опять обобщаетъ; онъ увѣряетъ, что такова судьба всѣхъ сосланныхъ; онъ ошибается на счетъ прошлаго, еще болѣе на счетъ настоящаго, и онъ не знаетъ, что, по Наказу Императрицы Екатерины II, отселѣ должно быть три разряда тюремъ: тюрьмы, описанныя аббатомъ, назначены для тѣхъ, которыхъ въ иныхъ странахъ называютъ каторжниками, и которые не повсюду имѣютъ дозволеніе и возможность гулять, изъ чего я заключаю, что ихъ въ Россіи содержатъ человѣчнѣе, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ: ибо конечно имъ лучше прогуливаться съ цѣпями на ногахъ въ оградѣ, чѣмъ быть прикованными къ веслу на галерѣ; да еще на этихъ галерахъ не находится несчастныхъ, которые были бы столь преступны, какъ тѣ, которые у насъ скованы и заперты; между тѣмъ, за проступки гораздо менѣе важные, въ иныхъ странахъ налагается наказаніе столь же жестокое, какъ у насъ за самыя большія преступленія: послѣ этого читатель рѣшитъ, гдѣ родъ человѣческій испытываетъ наиболѣе жестокое и гдѣ наиболѣе кроткое обращеніе? Аббатъ говоритъ: „они всѣ скованы за ноги". Мы показали выше, что сковываютъ виновныхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Авторъ продолжаетъ: „издержки на нихъ весьма малы, такъ какъ они обыкновенно получаютъ лишь хлѣбъ и воду или, смотря по мѣстностямъ, какую либо иную пищу, замѣняющую имъ хлѣбъ". Они не могли бы жить, если бы имъ давались лишь хлѣбъ и вода. Г. Шаппъ не знаетъ, что наказаніе хлѣбомъ и водою въ Россіи считается смертельнымъ, если оно длится шесть недѣль; ежедневное содержаніе, выдаваемое казною преступникамъ, весьма скудно, но имъ позволено работать и принимать милостыню. Хлѣбъ они могутъ получать вездѣ, кромѣ окраинъ Камчатки, куда ихъ почти никогда не посылаютъ. Г. д'Отерошъ присовокупляетъ: „извѣстное количество солдатъ опредѣлено на то, чтобы ихъ стеречь и отводить на рудники и на прочія общественныя работы; при этомъ съ ними обращаются весьма жестоко". Столь же жестоко, какъ а галерахъ, г. академикъ; но за то между ними нѣтъ ни одного, котораго-бы не повѣсили во всякой

странѣ, кромѣ Россіи, гдѣ болѣе не вѣшаютъ. Аббатъ говоритъ: „это наказаніе, во многихъ случаяхъ, несообразно съ преступленіемъ". Это замѣчаніе забавно подъ перомъ Француза. Очень ему пристало критиковать другіе народы, между тѣмъ какъ въ его родинѣ ежедневно, въ силу законовъ, казнятъ смертію за бездѣлицы. Онъ присовокупляетъ: „наказаніе это не производитъ на Русскій народъ впечатлѣнія, котораго-бы слѣдовало отъ него ожидать, потому что этотъ народъ состоитъ изъ рабовъ". Г. покойникъ, производитъ-ли висѣлица большое впечатлѣніе на народы, яко-бы свободные? Развѣ не крадутъ на другой день послѣ какого-либо повѣшанія? Мы показали выше, что количество преступленій убавилось, какъ и жестокость наказаній. Онъ продолжаетъ: „Не то было-бы въ народѣ просвѣщенномъ и пользующемся свободою. Это продолжительное наказаніе было-бы уздою, сильнѣе сдерживающею его, чѣмъ смертная казнь. Нѣкоторые злодѣи даже смотрятъ на эту минуту, какъ на предѣлъ своихъ бѣдствій, и этому состоянію вещей слѣдуетъ приписать твердость, выказанную многими изъ нихъ на самой плахѣ."

И что-же? Не смотря на эти строки г. академика Шаппа, опытъ, повторяю, показалъ въ Россіи, что съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнена смертная казнь, какъ тѣлесныя наказанія стали прилагать въ постепенности, сообразной преступленіямъ, и точно такъ же поступаютъ относительно разныхъ степеней ссылки,—совершается безъ сравненія менѣе злодѣяній, чѣмъ когда злодѣевъ казнили смертію. Если есть злодѣи, смотрящіе на моментъ наказанія, какъ на предѣлъ своихъ бѣдствій, то это не по той причинѣ, которую приводитъ авторъ, но потому, что у насъ, точно такъ же, какъ и въ Англіи, нѣтъ ни одного преступника, который не сознавалъ бы, что ему придется когда нибудь претерпѣть наказаніе, заслуженное его дѣйствіями; нѣтъ ни одного, который бы не былъ внутренно убѣжденъ, что онъ заслуживаетъ это наказаніе; болѣе того: онъ вѣритъ, что лишь это наказаніе можетъ очистить его на томъ свѣтѣ отъ преступленій, въ которыхъ на землѣ упрекаетъ его совѣсть. По этой-то причинѣ, когда приходитъ минута страданія, онъ вооружается мужествомъ и твердостію. Аббатъ говоритъ: „но полагаю, что (у насъ) было-бы весьма опасно выставлять этихъ преступниковъ, какъ это дѣлается въ Россіи, на позорище всему народу. Привычка видѣть несчастныхъ наконецъ разрушаетъ чувствительность. А свойство это столь драгоцѣнно для человѣчества, что нельзя употреблять достаточно усилій, чтобы сохранить его въ народахъ, имъ одаренныхъ, и возбуждать его въ тѣхъ, которымъ оно неизвѣстно. Я убѣжденъ, что возмутительный видъ множест-

ва несчастныхъ въ цѣпяхъ, которыхъ встрѣчаешь въ большинствѣ Русскихъ городовъ не мало содѣйствовалъ тому, чтобы развить въ Русскихъ ту жестокость нрава, которую я замѣтилъ въ этомъ народѣ". Всѣхъ преступниковъ ссылаютъ въ Сибирь; поэтому не легко угадать, въ какомъ мѣстѣ Россіи г. Шаппъ могъ видѣть преступниковъ, безпрестанно выставленныхъ на позорище народу. Быть можетъ, онъ видѣлъ партію арестантовъ, которыхъ вели въ Сибирь, и тутъ-же, такъ какъ ему постоянно мерещатся небылицы, сочинилъ эту декламацію. И такъ, если мы дѣйствительно отличаемся жестокостію нрава, какъ то говоритъ г. д' Отерошъ, то этого не слѣдуетъ приписывать зрѣлищу множества закованныхъ людей, которыхъ, какъ увѣряетъ онъ, мы видимъ каждый день; ибо, напротивъ того, у насъ меньше увидишь закованныхъ людей, чѣмъ въ иныхъ странахъ висѣлицъ и повѣшенныхъ. Въ концѣ страницы CCXXX аббатъ самъ говоритъ: „ссылка не одинакова для всѣхъ тѣхъ, которые обречены на это наказаніе; однихъ запираютъ, другіе пользуются нѣкоторою свободою." Слѣдующія семь страницъ наполнены столькими обманами, неточностями и ложными показаніями, по большой части уже опровергнутыми, что я не стану надоѣдать читателю повтореніями, которыя могли-бы сдѣлаться столь-же несносными, какъ и самый текстъ.

Конецъ второй части.

Третья, и самая интересная часть, появится въ теченіи 1771 года.

Этой третьей части не было издано; по крайней мѣрѣ она не извѣстна ни по какимъ библіографическимъ указаніямъ. Да и первыя двѣ части составляютъ книжную рѣдкость, особенно въ первоначальномъ изданіи. Полнаго экземпляра его нѣтъ въ Москвѣ, и мы пользовались имъ изъ Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Изданіе это, въ небольшую осьмушку, безъ мѣста печати, съ обозначеніемъ только года (1770) содержитъ въ каждой части по 232 стр. и замѣчательно повторенною въ обѣихъ книжкахъ, на первой стр. виньетою, которая изображаетъ Каина, стоящаго съ палицею надъ убіеннымъ Авелемъ, возлѣ котораго лежитъ Адамова голова. Къ чему эта виньета? Не выражаетъ ли она мысли о братоненавидѣніи, коимъ проникнута книга аббата Шаппа о Россіи?

Въ Государственномъ архивѣ есть рукопись Антидота, написанная рукою статсъ-секретаря Г. В. Козицкаго; но подлинникъ ли это или переписанный экземпляръ, намъ неизвѣстно.

Но что Антидотъ писанъ, если не своеручно Екатериною, то по прямому ея указанію, съ ея словъ или подъ ея диктовку, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для тѣхъ читателей, которые знакомы съ ея образомъ мыслей, съ пріемами ея умозаключеній и съ политическими обстоятельствами того времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это сочиненіе Екатерины представляетъ собою черты, такъ сказать, государственной ея автобіографіи; въ другихъ оно служитъ дополненіемъ къ ея Запискамъ, какъ напр. разсказъ о первомъ днѣ царствованія Петра III-го, о поѣздкѣ въ Казань и пр.

Предпринятая сто лѣтъ тому назадъ самою государынею оборона Русскаго народа отъ навѣта иностранцевъ должна быть извѣстна въ Россіи. *П. Б.*

СОВРЕМЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ КАЗАНИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПАВЛА I-ГО. (*)

1798.

Маія 24-го, въ понедѣльникъ, получено извѣстіе, что Государь будетъ кушать въ Свіяжскѣ, почему по городу учинена повѣстка. По полудни въ 3-мъ часу, начали пріѣзжать въ городъ во множествѣ придворныя коляски; хотя скопища народа и церемоніальная встрѣча запрещены: но не взирая на то, на Казанкѣ, у моста и на горѣ, собрались многія тысячи народа, и хотя ожидали сухопутно, но Государь для покою въ Свіяжскѣ изволилъ сѣсть въ шлюбку, которая попала на мель въ рѣкѣ Казанкѣ; но мужики съ берега подоспѣли съ лодкой, въ которой изволилъ прибыть къ мосту Казанскому къ сдѣланной пристани по полудни въ 6-ть часовъ, гдѣ встрѣченъ военнымъ губернаторомъ Делассіемъ, Жемчужниковымъ, комендантомъ Пущинымъ и полковникомъ Татариновымъ, гдѣ первой Делассій, подавая рапортъ, сталъ на колѣни, почему и народъ тожъ учинилъ; но Государь приказалъ встать, а глупой народъ такъ стѣснилъ Государя, что, подошедши къ сдѣланной гаубвахтѣ, спросилъ карету и подана была князя Мещерскаго карета, въ которую изволилъ сѣсть съ наслѣдникомъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, и удостоился сѣсть Делассій. Шествіе было мимо Воспитательнаго Дома въ Спасскіе вороты; предъ каретою ѣхали Бухарцы съ копьями и съ навязанными значками. По въѣздѣ въ крѣпость, на гаубвахтѣ отдана была честь съ пре-

(*) Печатается съ современной рукописи. Ср. Записки Энгельгардта, изд. 1868 г. стр. 207 и слѣд.

клоненіемъ знамя; начался въ Соборѣ и во всемъ городѣ звонъ; у Собора встрѣченъ знатнѣйшими въ чалмахъ Татарами и Корпуса Артиллерійскаго офицерами; на крыльцѣ архіепископомъ Амвросіемъ, съ духовенствомъ, гражданскимъ губернаторомъ и пышно одѣтыми здѣшними господами. По приложеніи ко кресту и по благословеніи Государя и великихъ князей образами, шествовалъ во внутренность Собора; по приложеніи у святыхъ дверей къ мѣстнымъ образамъ, прикладывался къ мощамъ и говорилъ съ полминуты съ княземъ Мещерскимъ. Слѣдовалъ обратно въ карету, куда посажены тѣжъ самыя особы. Народъ толпою бѣжалъ возлѣ кареты, а улицы были сотнею тысячъ народа усыпаны; изволилъ прибыть во дворецъ, въ домъ, что́ на полѣ, генерала Лецкаго, а наслѣдникъ удостоилъ пребываніемъ домъ Чемесова, Константинъ Павловича Ушкова, а придворные помѣщены были по Грузинской улицѣ. О множествѣ придворныхъ экипажей судить можно по сему, что на каждой станціи выходило по 400 лошадей; изъ знатнѣйшихъ генераловъ только были Кушелевъ, Нелединской и Обрѣзковъ. Мещерскаго людямъ за карету пожаловано 100 рублей.

25-го во вторникъ по утру Государь изволилъ принимать рапорты, и допущены были съ хлѣбомъ и солью Казанское и Вятское купечество и Слободскіе Татары; а потомъ изволилъ встрѣчать полки на Арскомъ полѣ, сперва Екатеринбургской, потомъ Уфимской, Игельстромовъ, что́ продолжалось до 1-го часа. Послѣ обѣда изволилъ разсматривать рапорты и дѣла, и выставленъ былъ ящикъ для положенія въ него просьбъ, куда во время пребыванія положены сотни бумагъ. Въ тотъ день пожалованы многіе офицеры, и у Делассія двое Нечаевы въ порутчики.

26-го числа въ среду по утру Государь сдѣлалъ полкамъ инспекторской смотръ; за худое состояніе Рыльскаго полку шефу барону Игельстрому учиненъ выговоръ, а на Уфимскаго шефа генералъ-маіора графа Ланжерона за хорошее состояніе полка возложенъ орденъ Св. Анны 2-й степени. Въ 12-мъ часу изволилъ быть при разводѣ смѣны въ крѣпости Делассія полку и, по хорошему состоянію и исправности, 3-й баталіонъ повелѣлъ называть полевымъ. А въ

5-мъ часу учинена повѣстка съѣзжаться въ намѣстнической домъ, что въ крѣпости на валу, куда по собраніи учиненъ порядокъ таковымъ образомъ. Дойдя въ 1-ю залу, на лѣвой сторонѣ въ началѣ стояли Татарки, а потомъ купеческія въ платкахъ, а за ними подъ фатами; на правой Татары и купечество, а въ тронной, на лѣвой дамы, на правой генералитетъ и дворянство. Государь только съ наслѣдникомъ изволилъ прибыть въ 6-ть часовъ; встрѣчены были на крыльцѣ губернаторомъ и знатнѣйшимъ дворянствомъ, и пошли напередъ по два въ рядъ, въ прихожей знатнѣйшими дамами. По входѣ въ тронную, самъ удостоилъ открыть балъ. Музыка была Есипова и Молдствова съ хоромъ пѣвчихъ. А Государь и Александръ Павловичъ во все продолженіе бала съ придворными безпрестанно изволилъ танцовать польскіе и контръ-танцы, удостоя тѣмъ многихъ дамъ и дѣвицъ. Балъ продолжался два часа, гдѣ и муфти Татарской былъ.

27-го числа въ четвертокъ по утру на Арскомъ полѣ тремъ полкамъ и Делассія двумъ баталіонамъ было ученіе съ пальбою, которыми командовать изволилъ самъ Государь съ великими князьями. Поле, начиная отъ Колесьей до Горшечной, въ шесть рядовъ устроено было войсками Въ 12-мъ часу изволилъ быть при разводѣ, а въ 5-ть часовъ назначено въ придворномъ саду гулянье всякому состоянію, кто по формѣ былъ одѣтъ. Стеченіе было многочисленное обоего пола; музыка играла въ 4-хъ мѣстахъ, и пѣли актрисы Есипова, которымъ изволилъ пожаловать поясную бриліантовую пряжку. Угощеніе было придворное. Государь въ саду былъ два часа и отмѣнно веселъ.

28-го въ пятокъ въ 7-мь часовъ началось ученье 4-мъ полкамъ съ пушками артиллерійскими Амбразанцева корпуса съ 20-ю орудіями. Государь командовать изволилъ самъ; за хорошую пальбу и исполненіе точное приказалъ объявить отличное удовольствіе и благодарность и пожаловалъ каждому солдату по 1 руб. и по фунту рыбы, которыхъ въ строю было 13000. А по пріѣздѣ во дворецъ, изволилъ на артиллерійскаго генерала Амбразанцева надѣть ленту 2-й степени Св. Анны (*), подполковнику Булыгину шпагу 3-й степени, подполковнику князю Яшвилю бриліантовой перс-

(*) Ср. Р. Архивъ 1869, стр. 66.

тень, и пожалованы многіе офицеры чинами. Въ 6-ть часовъ, въ присутствіи Государя и великихъ князей, въ придворномъ саду было гулянье. Придворный садъ есть садъ Лецкаго, соединенъ вмѣстѣ съ садомъ Волка, и убраны оба въ лучшемъ видѣ. Въ тотъ же день Государь изволилъ узнать о поведеніи бывшаго въ Казани вицъ-губернатора Лаптева, которой нажилъ много денегъ и теперь въ Тамбовѣ губернаторомъ; отправилъ курьера съ повелѣніемъ, по пріѣздѣ его въ Тамбовъ, отъ должности отрѣшить, въ столицы не въѣзжать и распубликовать объ немъ въ Россіи.

У Булыгина отнята была пенсія 1000 рублей, которую приказалъ снова производить и по смерти до послѣдней дочери, до выходу въ замужество ежегодно; а въ живущую у нихъ Турчанку на гуляньи влюбился кофишенской помощникъ, такъ же изъ крещеныхъ Турковъ, и просилъ ихъ обвѣнчать, что́ и приказано было, и на свадьбу изволилъ пожаловать 2000 рублей; а въ разсужденіи поста по закону они до Петрова дни разведены.

29-е въ суботу по утру всѣмъ полкамъ и артиллеріи были маневры, въ такомъ видѣ какъ съ непріятелемъ сражаться. Государь изволилъ объявить за похвальное ученье свое благоволеніе. А въ 6-ть часовъ въ придворномъ саду было гулянье, гдѣ Государь изволилъ долго быть; между тѣмъ многіе экипажи придворные отпущены въ путь, и назначено быть на завтра обѣду въ селѣ Вязовахъ, а вечернему столу въ городѣ Чебоксарахъ.

30-е воскресенье по утру изволилъ Государь слушать раннюю обѣдню у Казанской; по отслуженіи оной была закладка соборной церкви, и первой камень положенъ Государемъ. Допущено было духовенство къ рукѣ, удостоена и игуменья на краткое посѣщеніе, которою поднесены были богато низанныя жемчугомъ иконы. И въ то самое время полученъ отъ Государыни курьеръ съ важными письмами, почему Государь изволилъ объявить, что онъ поспѣшно прямо поѣдетъ чрезъ Ярославль въ Петербургъ. И такъ, къ великому сожалѣнію и слезамъ, отправился въ путь.

Удостоены Монаршею милостію:

Военному губернатору Делассію пожалована Александровская кавалерія и препоручена инспекція всего Оренбург-

скаго корпуса, на мѣсто Игельстрома, отъ котораго Рыльской полкъ взятъ, а оставленъ только Оренбургскимъ губернаторомъ; шефомъ, опредѣленъ въ полкъ гвардіи полковникъ, пожалованный въ генералъ-маіоры, Бахметьевъ.

Военному губернатору Казанскому на шею ленту Св. Анны 2-й степени; губернской предводитель Еремѣевъ въ надворные совѣтники, артиллеріи маіоръ князь Баратаевъ въ подполковники, провіантской бригадиръ Татищевъ въ генералъ-маіоры, Делассія полку подполковнику Балашеву, маіору Нечаеву и Ессену даны шпаги 3-й степени; сверхъ того ему одному 1000 рублей; генералу Лецкому за постой табакерку съ бриліантами, а женѣ перстень, и улицѣ, гдѣ домъ его, навсегда именоваться Лецкой, людямъ его 1000 рублей. Чемесову табакерку; великіе князья, что квартировали въ его домѣ и были у него въ гостяхъ въ каменномъ домѣ и саду, каждый по бриліантовому перстню; Аверкіевой бриліантовыя серги; за хорошее обмундированіе полковъ Татаринову бриліантовой перстень и обѣщалъ въ Августѣ пожаловать въ генералы, сказавъ, что онъ за правило поставляетъ прежде года никого не производить. Губернаторской огромной домъ отданъ подъ гимназію, что́ на Воскресенской улицѣ; для построенія новыхъ лазаретовъ пожаловано 10000 руб. Купечество Казанское всѣхъ счастливѣе: имъ позволено построить гостинной дворъ, на что́ изволилъ пожаловать въ 10-ть лѣтъ безъ процентовъ 200000 рублей, отдана мельница и торговая баня, множество луговъ, лѣсу и земли, такъ что оное въ годъ будетъ получать доходу 10000 рублей. Отмѣнныя въ Казани были милости, каковыхъ въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ не было; а паче великіе князья привлекли и восхитили сердца. Пресчастливая Казань, многіе завидовать станутъ участи твоей! Государь публично сказалъ, что ему сказано было о народѣ въ Казани, что грубой; но онъ напротивъ нашелъ много обходительнымъ и просвѣщеннымъ, а паче дамъ, и въ самой Москвѣ, таковыхъ мало находилъ. Блаженна ты, Казань! Государь во всѣ дни, къ удивленію придворныхъ, веселъ былъ и почивалъ болѣе нежели въ Петербургѣ, и таковаго угощенія и веселости нигдѣ не было: на гуляньи со многими изволилъ говорить. Народъ предъ дворцемъ только

не спалъ, а другіе влѣзли въ окошки, но отгонять Государь не приказывалъ. Дворянства и прочихъ изъ разныхъ мѣстъ было многочисленно. Полки въ понедѣльникъ 31-го Маія выступили въ ходъ въ прежнія квартиры.

До пріѣзду Государя за недѣлю прибылъ курьеръ, чтобъ въ тотъ же день предсѣдателю палаты суда и расправы Волку отправиться въ Вятку въ вицъ-губернаторы; Голохвастова отрѣшить; совѣтника и ассесора по манеру этомужъ, а имѣніе у всѣхъ описать въ казну.

Просьбы взяты съ собою, маловажныя оставлены у Делассія. Господскихъ людей, просившихъ на господъ, били палками и въ полиціи сѣкли; солдатъ, просившихъ на командировъ, прогнали шпицъ-рутенъ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ПОСѢЩЕНІИ ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ I ГОРОДА ВЛАДИМІРА НА КЛЯЗЬМѢ.

Во Владимірскомъ уѣздѣ, въ д. Волкушахъ, проживалъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Александръ Дмитріевичъ Рагозинъ, вышедшій въ отставку въ годъ воцаренія императора Павла Петровича (6 ноября 1796). Г. Рагозинъ скончался 4 января 1868 года, на 91 г. отъ рожденія (29 октября 1777), сохранивъ до конца дней свѣжую память. Онъ мнѣ разсказывалъ не разъ о посѣщеніи Императоромъ Павломъ Владимірской губерніи; я записалъ разсказъ этотъ съ его словъ, съ возможною точностію, не прибавивъ ничего отъ себя. Конечно, какъ бы ни была хороша память у почтеннаго старца, событіе, случившееся за 70 лѣтъ до настоящаго времени, не могло быть передано имъ съ всею вѣрностію въ подробностяхъ; во всякомъ случаѣ разсказъ этотъ, какъ мнѣ кажется, носитъ на себѣ характеръ эпохи, къ которой относится. Желая съ большею точностію опредѣлить время пребыванія императора Павла I во Владимірѣ, я, воспользовавшись лестнымъ дозволеніемъ нынѣшняго губернатора В. Н. Струкова и

вице-губернатора Г. Г. Григорьева, справлялся въ дѣлахъ архива губернскаго правленія 1796—1801 годовъ, но не нашелъ въ нихъ никакого извѣстія, касающагося описываемаго мною событія.

Императоръ Павелъ I посѣтилъ Владимірскую губернію и городъ Владиміръ лѣтомъ 1798 года, въ первыхъ числахъ іюня (1) на обратномъ пути изъ Казани и слѣдовалъ изъ Нижняго-Новгорода на Муромъ, — тогда почтовый трактъ пролегалъ по этому направленію. Съ нимъ были великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. Подъ Муромомъ императора и его свиту перевозили черезъ Оку на особенно приготовленной для этого огромной косной лодкѣ, убранной краснымъ сукномъ. Лодка эта по сію пору хранится въ Муромѣ. Гребцами были именитые Муромскіе граждане, изстари привычные управлять весломъ; они были одѣты въ одинаковаго цвѣта шелковыхъ рубашкахъ и богатыхъ кафтанахъ. Императоръ остался очень доволенъ Муромцами и на прощаньи сказалъ имъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Одинъ очевидецъ (2) разсказывалъ, что въ кратковременное пребываніе августѣйшихъ особъ въ Муромѣ, вел. кн. Константинъ постоянно выказывалъ свое нетерпѣніе и неудовольствіе и, при отъѣздѣ, когда государь сѣлъ уже въ экипажъ, обратясь къ провожавшему поѣздъ народу, говорилъ: „прощайте... дѣти". Куда отправились изъ Мурома великіе князья, — извѣстій не осталось; но вѣрно то, что во Владимірѣ государь былъ безъ нихъ. Слѣдуя Судогодскимъ уѣздомъ и подъѣзжая къ д. Мошокъ, лошади, везшія экипажъ Его Величества, по причинѣ песчаной дороги и жаркаго времени, остановились. Разсказывали, что кромѣ этой естественной причины остановки, была еще и другая: кучеръ императора имѣлъ обыкновеніе получать съ каждаго исправника, за проѣздъ по уѣзду, 100 рублей. Су-

---

(1) Въ Нижегородскомъ ярмарочномъ листкѣ 1866 г № 4 г. Храмцовскій пишетъ, что Павелъ I проѣзжалъ Нижній на обратномъ пути изъ Казани 3 іюня 1797 г. Слѣдовательно во Владимірѣ онъ былъ 4 или 5 іюня; но въ годѣ ошибка: это было 1798 года.

(2) Бывшій муромскій стряпчій, Александръ Алексѣевичъ Горицкій. Онъ былъ лѣтъ 30, если не болѣе, стряпчимъ въ Муромѣ, и умеръ около 1860 года.

догодскій исправникъ, отъ робости или отъ неловкости, не смѣлъ подойти къ царской коляскѣ и не успѣлъ выплатить обычную дань. Павелъ вышелъ изъ экипажа, гнѣвный, закричалъ „рѣжь лошадей!“ приказалъ арестовать исправника и, по пріѣздѣ во Владиміръ, заготовлявшаго лошадей для царскаго поѣзда штабъ-офицера. Нѣсколько успокоившись, онъ пошелъ, сопровождаемый свитою, въ Мошокъ и, уставши, завернулъ въ первую избу. Въ избѣ, довольно чистой, хозяйка, уже пожилая женщина, узнавши, кто ея гость, поднесла ему шитое, деревенское полотенце. Императоръ развеселился, спросилъ кому принадлежитъ деревня и, узнавши, что Лопухину, какому-то дальнему родственнику извѣстной Анны Петровны Лопухиной, щедро наградилъ женщину и удостоилъ принять приготовленный Судогодскимъ дворянствомъ завтракъ, устроенный въ бесѣдкѣ, при станціи Новодеревенской, въ 23 верстахъ не доѣзжая Судогды; былъ черезвычайно милостивъ и разговорчивъ. Тутъ рѣшились ему напомнить, что штабъ-офицеръ, заготовлявшій лошадей, былъ родной дядя той-же Анны Петровны, подполковникъ Алексѣй Васильевичъ Лопухинъ. Павелъ немедленно его простилъ, равно и исправника и, въ отличномъ расположеніи духа, проѣхавъ не останавливаясь Судогду, прибылъ подъ вечеръ во Владиміръ.

Помѣщеніе императору во Владимірѣ было приготовлено въ каменномъ, близъ Золотыхъ воротъ, угольномъ домѣ, гдѣ нынѣ находится почтовое управленіе. Въ угловой комнатѣ этого дома, имѣющей круглую форму, была поставлена походная церковь, въ которой императоръ слушалъ всенощную, а на другой день обѣдню. У крыльца стояли двое часовыхъ, юнкера Владимірскаго баталіона внутренней стражи, Владимірскіе-же дворяне, родные братья, Николай и Сергѣй Александровичи Купреяновы. Похваливъ ихъ выправку и обмундировку, Государь спросилъ командира внутренней стражи, полковника Алексѣя Латышева, дворяне-ли часовые и на положительный отвѣтъ сказалъ: „произвести ихъ въ офицеры“. Тогда Латышевъ, ставъ на колѣни, доложилъ, что эти юнкера всего только 4 мѣсяца на службѣ. „А знаютъ ли они ее?“ спросилъ государь.—Отлично, ваше величество“. — „Такъ поздравляю васъ прапорщиками; а

тебя, прибавилъ онъ, обращаясь къ Латышеву, за правду, генералъ-маіоромъ."—Вмѣстѣ съ этими лицами, былъ также произведенъ въ офицеры, исправлявшій должность батальоннаго адъютанта, мѣстный дворянинъ Дмитрій Петровичъ Долговъ-Сабуровъ.

На другой день пріѣзда, Императоръ принималъ всѣхъ чиновниковъ губерніи. Тогда первымъ гражданскимъ губернаторомъ, послѣ уничтоженія намѣстничествъ, былъ во Владимірѣ тайн. сов. Павелъ Степановичъ Руничъ (1797—1802). Оставшись имъ доволенъ, Государь пожаловалъ ему орд. св. Анны 1-й степени; тотъ-же орденъ 2-й степени былъ данъ Владимірскому губернскому предводителю, Андрею Алексѣевичу Кузмину-Короваеву (3); а уѣздному, — Александру Аѳанасьевичу Рагозину (4) императоръ выразилъ свое особое благоволеніе. Архіереемъ въ Суздальской епархіи былъ тогда Викторъ, епископъ Суздальскій и Владимірскій, проживавшій впрочемъ съ 1789 года во Владимірѣ (5). Викторъ былъ однимъ изъ немногихъ духовныхъ лицъ, пожалованный въ день коронаціи, 5 апрѣля 1797 г. орденомъ св. Анны 1-й степени (6). Послѣ представленія, императоръ дѣлалъ смотръ батальону внутренней стражи и такъ былъ доволенъ, что поздравилъ Латышева губернаторомъ въ Вятку. Латышевъ, ставъ опять на колѣни, доложилъ, что такая должность ему не по силамъ, что онъ даже очень плохо читаетъ печатное, а писать, кромѣ своего имени и

---

(3) Родной дѣдъ, по матери, нынѣшняго владим. губернскаго предводителя графа Никол. Петр. Апраксина. Дочь Кузмина-Короваева, графиня Елизав. Андреевна, супруга владим. губ. пр. (1821—1827), графа Петра Ивановича Апраксина проживаетъ и по нынѣ во владимірскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своемъ, селѣ Ратисловѣ.

(4) Двоюродный братъ Александра Дмитр. Рагозина, передававшаго мнѣ этотъ разсказъ.

(5) Ал. Дм. Рагозинъ называлъ тогдашняго епархіальнаго архіерея Ксенофонтомъ. Это не вѣрно: Ксенофонтъ назначенъ на владимірскую епархію 24 февраля 1800 года, послѣ увольненія Виктора.

(6) См. Чтен. въ импер. общ. истор. и древн. россійскихъ при Москов. Универс. 1867, кн. 1.—Въ нижегородскомъ ярмарочномъ листкѣ 1866 г. № 4. г. Храмцовскій не вѣрно полагаетъ, что епископъ нижегородскій Павелъ былъ первое духовное лицо, получившее свѣтскую награду (орд. св. Анны) при проѣздѣ Павла I въ маѣ 1798 г. черезъ Нижній Новгородъ.

чина, ничего не можетъ. На это императоръ возразилъ: „Чего не достанетъ у тебя со стороны грамотности, съ избыткомъ вознаградится твоею честностью; а для грамоты я дамъ тебѣ хорошаго прокурора“, и тутъ-же назначилъ прокуроромъ въ Вятку г. Новосильчикова (7).—На смотру, казенные крестьяне подгородныхъ селъ Краснаго и Добраго подали Павлу Павлу I прошеніе, заключавшееся въ томъ, что будто-бы городъ захватилъ у нихъ изстари принадлежавшіе имъ по рр. Рпени и Клязьмѣ луга, и владѣетъ ими безъ законнаго права. Не разбирая справедливости жалобы, императоръ приказалъ немедленно отрѣзать луга эти по самую городскую землю и отдать ихъ въ собственность крестьянамъ (8).

Переночевавъ еще во Владимірѣ, императоръ Павелъ Петровичъ рано утромъ отправился по тракту въ Москву. Въ Покровѣ онъ остановился обѣдать въ единственномъ бывшемъ тогда въ этомъ городѣ порядочномъ домѣ, съ палисадникомъ. Народъ, желая видѣть Государя, сильно напиралъ на палисадникъ, такъ что сломалъ деревянную рѣшетку. Услышавъ трескъ, Государь подошелъ къ окну и спросилъ безъ малѣйшаго гнѣва: „что́ вамъ надобно?“ — „На тебя, отецъ нашъ, посмотрѣть“, отвѣчали ему.—Тогда императоръ высунулся по поясъ въ окно и, привѣтствуемый восторженнымъ ура, довольно долго оставался въ такомъ положеніи, милостиво кланяясь народу.

М. Рашъ.

---

(7) Кто этотъ Новосильчиковъ, и какъ онъ былъ извѣстенъ императору Павлу,—узнать я не могъ.

(8) Крестьяне селъ Краснаго и Добраго по сію пору владѣютъ этими лугами, безъ малѣйшаго на то права. Почему городъ, въ слѣдующее царствованіе, не искалъ возврата своей собственности, и нигдѣ отыскать не могъ.

БУМАГА КНЯЗЯ ЛОПУХИНА И ДВА РЕСКРИПТА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КО ВЛАДИМІРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ П. С. РУНИЧУ О ЗУБОВЫХЪ.

(Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго Екатеринѣ Николаевнѣ Муромцовой, въ с. Баловневѣ, Данковскаго у., Рязан. губ.).

1.

Секретно.

М. Г. мой Павелъ Степановичъ. При всеподданнѣйшемъ моемъ Государю Императору докладѣ по отношенію В. Пр. отъ 28 прошлаго Мая о упражненіяхъ князя и графа Зубовыхъ, и о всемъ въ ономъ описанномъ, Е. И. В. высочайше повелѣть соизволилъ: князю и графу Зубовымъ изъ деревень своихъ никуда не выѣзжать безъ особаго дозволенія; что̀ Вамъ, М. Г. мой, къ исполненію и сообщаю, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ, М. Г. мой, Вашего Пр. покорный слуга. *Подписалъ*: К. Лопухинъ. № 19, въ С.Пбургѣ, Іюня 7 дня 1799 г. Его Пр. Руничу. *На поляхъ и внизу собственноручная приписка кн. Лопухина*: „Пашпортыжъ прикажитѣ записать въ правленіе, и какъ въ ономъ, такъ и въ прочемъ поступать съ ними по законамъ, объ иностранцахъ изданнымъ, только стѣмъ, чтобъ они безъ воли вашей никуда не отлучались, а будѣ захотятъ отойти вовсе, то..... (неразобрано) прѣдъуведомить“ (*).

2.

Тайное.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Руничь. Имѣя свѣдѣніе о переводѣ денегъ за границу княземъ Зубовымъ, предписываю вамъ имѣть смотрѣніе по сему и доносить мнѣ, всякій разъ когда до свѣдѣнія вашего касательно сихъ переводовъ что нибудь дойдетъ. Пребываю вамъ благосклонный. *Собственноручно*: Павелъ. *Собственноручная приписка Государя*: „Равномѣрно и о полученіи денегъ изъ за границы“. Октября 14 дня 1799. Гатчино.

(*) Зубовы (князь Платонъ и графъ Николай) жили вѣроятно во Владимірскомъ помѣстьи втораго изъ нихъ, селѣ Унодлѣ. *П. Б.*

3.

По секрету.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и Владимірскій гражданскій губернаторъ Руничь. На рапортъ вашъ Мая отъ 14 числа, при коемъ прилагаете вы письма, присланныя къ вамъ Нижневоскресенскаго старообрядческаго Иргизскаго монастыря отъ настоятеля Прохора, повелѣваю вамъ, не входя теперь въ объясненіе по онымъ, оставить ихъ безъ отвѣта, а они-къ вамъ обратно препровождаются. Вразсужденіи надобности въ отъѣздѣ вашемъ въ тотъ край по дѣламъ Иргизскимъ, Узенскимъ и прочимъ таковаго рода, соизволяя на оный, — имѣете съ извѣстными мнѣ усердіемъ и точностію вашею войдти во всѣ подробности, по обстоятельствамъ до старообрядцевъ касающимся и о всемъ, что̀ по сему предмету найдете вы достойнаго вниманія, возвратясь во Владиміръ рапортомъ мнѣ донести, или изъ самыхъ мѣстъ тѣхъ, если найдете что тамъ, которое безъ замедленія должно дойдти до моего свѣдѣнія. Пять тысячь рублей возмите изъ казенной Владимірской палаты на ваши издержки путевыя. Вразсужденіи препорученія, на время отсутствія вашего, надзора надъ Зубовыми, то, полагаясь на одобреніе, которое дѣлали вы мнѣ въ рапортѣ вашемъ способностей и усердія Владимірскаго губернскаго предводителя Кузьмина-Короваева, повелѣваю вамъ поручить ему наблюденіе надъ ними, сходственно во всемъ извѣстной вамъ воли моей и точно такъ, какъ вы сіе доселѣ исполняли. Пребываю къ вамъ благосклонный. *Собственноручно*: „Павелъ". С.Пбургъ. Мая 11 дня 1800.

(*Сообщено графомъ Д. И. Толстымъ*).

ОДА ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ I-МУ.

6 Ноября 1797 года.

Хвалебныя, высокопарныя оды въ громадномъ количествѣ наводняютъ нашу словесность прошлаго столѣтія; онѣ переходятъ за порогъ текущаго вѣка и, раздаваясь громами замиравшей уже лиры Державина, постепенно смолкаютъ въ двадцатыхъ годахъ. Съ этого времени хвалебныя оды почти совершенно выходятъ изъ употребленія и если какіе нибудь торжественные случаи и высоко стоящія лица и вызываютъ пѣснопѣнія стихотворцевъ, то этими послѣдними являются піиты весьма и весьма дюжиннаго разбора, и притомъ они творятъ уже не по мѣркамъ и образцамъ прежнихъ одъ, а по новому складу.... *)

Отнюдь однако нельзя сказать, чтобы высокопарныя оды прошлаго вѣка, схороненныя нынѣ окончательно, не имѣли значенія. Напротивъ, значеніе ихъ не только для русскаго языка и словесности весьма велико, но оно немаловажно и въ политической исторіи нашего отечества. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о той громадной заслугѣ, которую принесли, для роднаго языка, *оды* Ломоносова, Державина и толпы ихъ подражателей, эти же памятники русской словесности прошлаго столѣтія, повидимому скроенныя по одинаковымъ образцамъ, сохранили въ себѣ множество чертъ для историка и бытописателя.

Предъ нами именно одна изъ такихъ одъ. Это произведеніе, въ триста сорокъ стиховъ, принадлежитъ нѣкоему *Степану Руссову*, весьма дюжинному писателю, подвизавшемуся на журнальномъ поприщѣ до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Ода его по времени относится къ своеобразному и мало разработанному еще у насъ царствованію Павла

---

*) Яркое исключеніе составляетъ ода М. А. Дмитріева на восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Появившись въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, она обратила на себя общее вниманіе. См. въ Собраніи его стихотвореній. М. 1865, ч. 2, стр. 5. *П. Б.*

Петровича и написана въ честь годовщины его восшествія на престолъ, по истеченіи одного года его царствованія.

Императоръ Павелъ, вступя на престолъ послѣ многолѣтней, самой тяжкой, почти изгнаннической жизни въ Гатчинѣ, весь предался необыкновенно-кипучей дѣятельности. Въ двѣнадцать мѣсяцевъ, истекшихъ со дня воцаренія своего, Государь успѣлъ коснуться разнообразнѣйшихъ сторонъ государственнаго и общественнаго быта Россіи и обнародовалъ множество указовъ и распоряженій въ видахъ исправленія дѣйствительнаго или казавшагося ему зла и неустройства въ порядкахъ, завѣщанныхъ предшествовавшимъ царствованіемъ. Здѣсь конечно не мѣсто вдаваться въ разборъ или подробное изложеніе правительственныхъ мѣръ Павла I-го; достаточно сказать, что, въ періодъ времени съ 6 Ноября 1796 по тоже число 1797 года, этотъ Государь издалъ, между прочимъ, слѣдующіе законы и постановленія: оградилъ „чистоту дворянскихъ родовъ", затрудненіями перехода въ это сословіе лицъ низшихъ слоевъ; озаботился оградить права по имуществу малолѣтнихъ сиротъ-дворянъ; освободилъ духовенство отъ тѣлесныхъ наказаній, подвергъ дѣтей причетниковъ церковныхъ рекрутскимъ наборамъ; ввелъ награжденіе крестами лицъ духовнаго сословія наравнѣ съ прочими; сдѣлалъ множество преобразованій въ военномъ сословіи, между прочимъ уничтожилъ вкоренившійся въ дворянствѣ обычай записывать дѣтей на службу съ колыбели и получать чины внѣ службы съ малолѣтства; уволилъ въ отставку многихъ дворянъ, числившихся только на службѣ, а не служившихъ въ дѣйствительности; измѣнилъ устройство, одежду и вооруженіе всѣхъ родовъ войска и въ особенности артиллеріи и кавалеріи; прекратилъ войну съ Персіей; обратилъ вниманіе на вялость и нерадивость веденія дѣлъ въ разныхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ; установилъ подачу прошеній прямо въ его руки по почтѣ или въ поставленный у дворца ящикъ; ввелъ жестокія тѣлесныя наказанія тѣмъ, кто оказывался нарушителемъ законовъ—безразлично, дворянинъ ли то былъ или лице изъ низшихъ сословій; необыкновенно усилилъ строгость цензуры и наблюденіе надъ ввозомъ въ Россію иностранныхъ книгъ; множество

лицъ оказавшихся, по его мнѣнію, въ чемъ либо виновными, подвергъ пыткѣ или заточенію въ тюрьмахъ, а съ другой стороны освободилъ изъ плѣна и тюрьмы тѣхъ лицъ, которыя были подвергнуты этому при Екатеринѣ II-й; относительно крестьянъ издалъ законъ о трехъ-дневной барщинѣ съ цѣлью огражденія крестьянъ отъ употребленія помѣщиковъ въ свою пользу всего крестьянскаго времени; старался собственнымъ примѣромъ противустоять распространенію роскоши въ высшемъ сословіи; озаботился о возсоединеніи раскольниковъ, при посредствѣ единовѣрія, съ православною церковью и пр. и пр.

Всѣ эти мѣры, частью приведенныя въ исполненіе, съ 6 ноября 1796 г. по тожъ 1797 года, частію только предположенныя, вмѣстѣ со множествомъ мельчайшихъ распоряженій Павла I-го, дали Степану Руссову богатый матеріалъ для его пѣснопѣнія. Онъ воспользовался этимъ матеріаломъ грубо, аляповато, бездарно и безъ всякаго разбора, и тѣмъ не менѣе его торжественное произведеніе, какъ голосъ современника, какъ свидѣтельство представителя той части общества, со стороны которой новое царствованіе вызывало похвалы и возбуждало великія надежды *), исполнено не малаго интереса. Оно, такъ сказать, вдвойнѣ любопытно: во первыхъ, какъ сборъ фактовъ изъ годовой правительственной дѣятельности императора Павла I-го и во вторыхъ по своему сатирическому, нерѣдко весьма явно выступающему, отношенію къ царствованію Екатерины II-й.

Не знаемъ, была ли ода Руссова въ свое время напечатана; мы впрочемъ приводимъ ее по списку конца XVIII столѣтія. Списокъ этотъ помѣщенъ въ небольшой тетрадкѣ, величиною въ четвертую долю, написанной на толстой синеватой бумагѣ. Тетрадь эта обязательно сообщена въ собраніе моихъ рукописей почтеннымъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Прокофьевымъ, которому и свидѣтельствую мою признательность.

Мих. Семевскій.

7 Іюля 1869 г. С. Ѳедорцево.

(*) А какъ велики были онѣ, видно, между прочимъ, изъ анекдотовъ объ этомъ царствованіи, собственно о его первыхъ мѣсяцахъ, собранныхъ А. Т. Болотовымъ и помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г.

ОДА ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

на высокоторжественнѣйшій день всевысочайшаго его императорскаго величества на Всероссійскій престолъ восшествія, 1797 года Ноября 6 числа, всеподданнѣйше поднесенная

Степаномъ Руссовымъ.

Въ сей день позволь благословенный,
Въ сей день достойный алтарей,
Какъ сталъ монархъ ты полвселенной
И многихъ въ свѣтѣ царь-царей,
Воспѣть не стихъ высокопарной,
Но пѣснь Россіи благодарной
За множество твоихъ щедротъ;
За подвиги неутомимы,
Въ которыхъ, мудростью водимый,
Провелъ ты царства годъ!

***

Самъ Богъ рукою невидимой
Когда на тронъ тебя воззвалъ,
И цесаревой діадимой,
Давъ скиптръ монаршій, увѣнчалъ:
Тогда силъ грозныхъ Воеводѣ,
Тебя хранящу въ цѣломъ родѣ,
Въ дому алтарь ты основалъ;
Тогда родителей почившихъ
Слезой сыновней оросившій (1)
Съ сынами къ вóйскамъ самъ предсталъ.

---

(1) Извѣстно, что Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, перенесъ прахъ Петра III изъ Александровской лавры, гдѣ онъ былъ погребенъ въ Іюлѣ 1762 г.,—въ Петропавловскій соборъ и совершилъ вторичное погребеніе своего отца съ большою церемоніею одновременно съ погребеніемъ тѣла Екатерины II. Въ моей библіотекѣ имѣются двѣ, того времени, 1796

* * *

И тамъ (ч)тобъ съ ложью льстецъ не вкрался,
И клеветникъ не обманулъ,
Своей рукой за все принялся
И окомъ собственнымъ взглянулъ.
Взглянулъ на огнь артиллерійскій,
Взглянулъ на бѣгъ кавалерійскій,
На флоты и полки взглянулъ;
Вездѣ, гдѣ спали иль дремали
И правилъ должности не знали,
На право кругомъ перевернулъ.

* * *

Тамъ гордымъ гордости убавилъ,
Строптивымъ дерзость прекратилъ,
Пороки, слабости исправилъ,
И кроткимъ мѣсто возвратилъ.
Отъ шалуновъ, лѣнтягъ и мотовъ
Отзначилъ всюду патріотовъ,
Себя чтобъ твердо каждый зналъ;
А враль—не вралъ бы небылицы,
Языку и перу границы
Въ уставахъ ясно предписалъ.

* * *

Велѣлъ, чтобъ службу (2) одѣвали,
Давали-бъ въ праздникъ ей шабашъ;
Солдаты-бъ ѣли, не жевали,
И шелъ бы конямъ ихъ фуражъ.
Ты далъ гульбѣ и дѣлу пору,
Вельможамъ показалъ Аврору:
Велѣлъ, чтобъ въ пять часовъ былъ день.
Трудамъ, заслугамъ, дарованьямъ

года, чрезвычайно интересныя гравюры: на одной представленъ Павелъ I отпирающій гробъ своего родителя. Петръ III, выходя изъ гроба, бросается въ объятія сына; а на другой гравюрѣ Петръ III вступаетъ въ Елисейскіи поли, гдѣ его встрѣчаетъ Петръ I, Елисавета Петровна и цѣлый сонмъ сидящихъ на Олимпѣ боговъ. Обѣ гравюры посвящены императору Павлу Петровичу.

(2) Т. е. солдатъ.

Открылъ дорогу къ воздаяньямъ;
Въ отставку чисту выгналъ лѣнь.

***

Взглянулъ на старость, на заслуги,
На члены ранены сто кратъ,
Томящи жестоко недуги
Россійскихъ ревностныхъ солдатъ.
По вѣрѣ рвенье ихъ любимо,
Противъ всего неколебимо
Стоять, какъ долженъ офицеръ.
Потомъ далъ право всѣмъ совмѣстно:
Крестьянинъ вѣкъ служи свой честно,
Съ крестомъ будь также кавалеръ.

***

Межъ сектъ полъ-сферы полуночной
Единодумье водворилъ,
Съ твоей церковью восточной
Твои богатства раздѣлилъ.
На мѣсто нѣги сибаритовъ
Въ полкахъ употребилъ левитовъ;
Не поле кровью ихъ росить,
Но слугъ какъ области небесной,
Отъ казни свободивъ тѣлесной,
Далъ право ордены носить.

***

Всеавгустѣйшая Марія,
Твоихъ участница всѣхъ дѣлъ,
Дѣла, труды твои святые
Пріяла часть ихъ въ свой удѣлъ.
Какъ щедры къ намъ простеръ ты руки,
То къ ней безмолвныя науки
Пришли, къ стопамъ твоимъ упавъ;
Она, какъ мать, на нихъ воззрѣла,
Умывъ, рубашки вздѣла бѣлы
И обняла какъ нѣжныхъ чадъ.

***

Потомъ далъ судъ твоимъ народамъ
И всюду жалобамъ ихъ внялъ.

Наказъ далъ строгой воеводамъ
И наглыхъ хищниковъ унялъ.
Вводя ихъ власть (въ) свои предѣлы;
Велѣлъ имѣть имъ руки бѣлы,
Чтобъ всякъ былъ тотъ, да не таковъ;
Чтобъ стражи житницъ не точили
И рылъ въ избыткахъ не мочили,
Въ избыткахъ бѣдныхъ простяковъ.

* * *

А гдѣ невинна кровь пролита
На небо крѣпко вопіетъ,
Гдѣ алчна пятерня не сыта
Тѣснитъ, жметъ, давитъ и деретъ,
А строгой судъ, судьи, законы,
Не шлютъ страдальцамъ обороны
Тамъ самъ далъ слово побывать;
Или къ себѣ велѣлъ дать шагу
И съ правдой въ ящикъ класть бумагу
Или по почтѣ присылать.

* * *

Тюрьмамъ дверь отперъ и темницамъ,
Оковы тяжки разрѣшилъ;
Невиннымъ дѣтямъ и вдовицамъ
Ручьи слезъ горькихъ осушилъ.
Больнымъ далъ кровъ, голоднымъ пищу,
Убогимъ уголъ, хлѣба нищу.
И отъ замершихъ Хинскихъ стѣнъ,
Отъ странъ холодныхъ, отдаленныхъ,
Воззвалъ супруговъ разлученныхъ,
Языкамъ плѣннымъ отдалъ плѣнъ.

* * *

Но чтобъ злодѣйствы неотмщенны
Иль ненаказанной порокъ
Сердца невинныхъ огорченны
Терзать несноснѣе не могъ,
Чтобъ извергами смертныхъ рода
Не всколебать покой народа,—

Сперва дѣла ихъ обнажилъ,
Открылъ кто отъ злодѣевъ стонетъ,
Кто самъ невинность гналъ и гонитъ,
Всѣмъ роздалъ кто что заслужилъ.

***

Чтобы злодѣйствы неотмщенны
Не смѣли руки простирать
Въ мѣста судилища священны
И тамъ законы раздирать,
Не смѣли, чтобъ ходить воришки,
Большихъ воровъ въ тѣни, въ закрышки,
Творя другъ на друга свой судъ;—
Назначилъ вору и воришку
Одну награду и, безъ лишку,
Одинъ нелицемѣрной кнутъ.

***

Не шло, чтобъ сѣно вмѣсто чаю
И вмѣсто кофію овесъ,
По времени, по урожаю,
Всему далъ цѣну ты и вѣсъ.
Чтобъ всѣмъ Петрополь наполнялся,
Чтобъ всѣмъ Петрополь насыщался,
Чтобъ все богачъ одинъ не съѣлъ,
Всему присмотръ устроилъ вѣрной
И, въ страхъ ему, судъ правомѣрной
Судьѣ съ судимымъ произвелъ.

***

Крестьянъ на тяжку призрилъ долю,
На потъ ихъ съ кровію воззрѣлъ,
Воззрѣлъ и далъ имъ полну волю
Свободнымъ въ праздникъ быть отъ дѣлъ.
Разсѣкъ на части ихъ недѣли,
Чтобъ три дни барину потѣли,
А три дни жали свой загонъ;
Дѣтей и сирыхъ бы кормили,
А въ праздникъ слушать бы ходили
Святой, божественной законъ.

***

Не разъ расходы примѣнялся
По мѣрѣ кой-какъ уменьшить;
Не разъ народъ ты принимался
Отъ даней многихъ разрѣшить:
Хлѣбъ вовсе снялъ, коней избавилъ,
Рекрутску подать такъ исправилъ,
Что воины въ поле идутъ вдругъ,
И въ сдачахъ ихъ, въ путяхъ, въ обрядахъ,
Подъ видомъ податей въ наградахъ
Одинъ не составляетъ двухъ.

***

Ты смертныхъ жизни взвѣсилъ цѣну,
Сколь имъ мила и коротка,
И многихъ тысячъ ихъ въ замѣну
Не рвешь лавроваго вѣнка.
Князей же, графовъ и героевъ
Творить умѣешь и безъ боевъ,
Лунѣ не корчивши роговъ;
И мечъ, мечъ острой и кровавой
Готовъ всегда разить со славой
Тебѣ лишь истинныхъ враговъ.

***

Гдѣ мудрой ради обороны,
И для защиты простоты,
Блюсти свободу и законы
Отъ нивъ оратаи взяты;
Но, въ знакъ, что ничего не знали,
Вездѣ свои печати клали,
Безмолвныхъ представляя слугъ:
Ты тамъ подобныхъ тунеядовъ,
Вездѣ сидѣвшихъ для обрядовъ,
Запрегъ, какъ прежде были, въ плугъ.

***

Познавъ душъ тайны положенья
И ихъ связующую нить,
Былъ скоръ—малѣйши ихъ движенья
Подъ парусъ мудрости ловить.

Всѣ состоянія и роды,
Въ строеньи сущіе природы
Проникнуть въ тонкости возмогъ;
Что́ значитъ даже смерть и горе
Узнать ты ѣздилъ самъ на море,
Какъ былъ въ фрегатѣ „Съ нами Богъ“.

* * *

Когда сиротка въ колыбели
Чужой грудь матери сосетъ,
Тогда, чтобъ хлѣбъ его не ѣли
Большой братъ, дядюшка-сосѣдъ,
Чтобъ ябеда его имѣнье
Какъ моль не приводила въ тлѣнье,
И не пила бы кровь какъ медъ:
Далъ право подавать прошенья
На беззаконныя рѣшенья
Не въ годъ, но въ двадцать равно лѣтъ.

* * *

Не трудно написать законы,
Но трудно силу онымъ дать,
И въ исполненіи препоны
На самомъ мѣстѣ перервать.
Затѣмъ законы пишешь ясно,
И имя повторять напрасно
Твое стократно не велишь.
Вездѣ, чтобъ правдѣ путь давали,
Чтобъ правдѣ рта не зажимали,
Ты самъ, гдѣ надобенъ, летишь.

* * *

Да и въ столицѣ, какъ бываешь,
Въ свободѣ отъ трудовъ, заботъ,
Легонько городъ объѣзжаешь,
Смотря въ кипящій тамъ народъ,
Смотря: вошли-ль во исполненье
Твои слова, узаконенья,
И всѣмъ ли твой законъ законъ;
Иль, къ бо́льшему въ карманахъ вѣсу,
Не вздумано ли гдѣ примѣсу,
Ты тотчасъ лишки чистишь вонъ.

***

Со страждущимъ ты самъ страдаешь,
Съ несчастнымъ бѣдствуешь въ бѣдахъ;
Но и коварства свѣта знаешь,
Гдѣ въ маскѣ друга ходитъ врагъ,
Гдѣ лютыхъ змѣй скрываютъ розы,
Ядъ смертный точатъ крупны слёзы,
Витійство украшаетъ бредъ;
Затѣмъ, какъ жалобамъ внимаешь,
Едино ухо зажимаешь,
Чтобъ онымъ выслушать отвѣтъ.

***

Ты вредной роскоши не любишь,
Разводишь съ нею твой народъ;
На кисти золота не губишь
И гонишь ухищренья модъ.
Однакожъ свѣтъ угрюмый, дикой,
Ты лѣтомъ веселишь музыкой;
И токмо въ томъ находишь вредъ,
Кто получая полъ-таланта,
Блеститъ во златѣ, въ бриліантахъ,
Душою жъ смуглъ, какъ Самоѣдъ.

***

И роскошь гнетъ не бичь закона,
Но твой, твой собственный примѣръ;
Ее ты прежде всѣхъ отъ трона
Прогналъ, и двери ей заперъ.
Ты годъ на тронѣ вознесенномъ,
Жилъ въ замкѣ томъ уединенномъ,
Гдѣ принцемъ жилъ и строилъ самъ.
Тамъ дворъ, министры всѣ съ тобою,
Тамъ воинство готово къ бою,
Тамъ былъ чертогъ и королямъ.

***

Друзей, любимцевъ ты имѣешь.
Но вѣрныхъ, истинныхъ друзей:
Не тѣ, но ими ты владѣешь,
Ведя ихъ правою стезей.

Твой другъ не лесть и не порода,
Но вѣры сынъ и другъ народа,
Защитникъ правды, другъ царей;
Ты сердце узнàлъ ихъ и руки,
Съ иными проходя науки ([3]),
Съ инымъ пуль Шведскихъ ревъ ([4]).

* * *

Но ты о чемъ, графъ юный, тужишь?
Крушишься, недоросль другой?
Что такъ, какъ братъ большой не служишь,
Служивъ которой за слугой
Иль милой нанюшки на лонѣ,
Сталъ ротмистръ не сидѣвъ на кóнѣ,
Въ полку не бывши бригадиръ?
А ты, какъ въ стары было годы,
Къ чинамъ идешь сквозь огнь и воды,
И еспонтонтомъ мѣришь міръ.

* * *

Но чѣмъ бы лестнѣй вамъ то время,
Какъ рѣзво счастье безъ причинъ,
Схвативши дюжину въ беремя,
Одинъ вдругъ дāвало всѣмъ чинъ.
А вы бъ въ развратахъ утопали,
Въ васъ славны бъ предки умирали,
Потомству лился-бъ въ кровь порокъ,
Иль какъ васъ маменьки рождали,
То дяди-бъ въ письмахъ присылали
Пашпортъ фурьерской на зубокъ.

* * *

Ты также воинъ на границахъ,
Храня ихъ вѣчно, удаленъ,
Не мни, что ты, не бывъ въ столицахъ,
Въ монаршихъ милостяхъ забвенъ.
Ни душъ, ни денегъ не имѣешь,
Ни жита въ хуторѣ не сѣешь,

([3]) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ.
([4]) Гр. Мусинъ-Пушкинъ.

Не носишь драгоцѣнныхъ перлъ;
Но кѣмъ даны тебѣ начала
Чинъ рядомъ брать до генерала?
Когда ты пенсію имѣлъ?

***

Вотще грустите огорченны
И вы, отъ почты получивъ
Съ надраньемъ просьбы возвращенны!
Вотще, вотще, не разсудивъ,
Нейдутъ отъ ящика ни пяди.
Просиха проситъ—Христа ради,
Богачъ—крестьянъ, гордецъ—крестовъ,
Подъячій—въ мѣсто прокуроры,
Квартальной посту въ сенаторы;
Но гдѣ же взять для васъ мѣстовъ?

***

Хоть столько трудно свѣтъ безпечной
Отъ сна глубокаго поднять,
Сколь отроковъ отъ пищи млечной
Иль отъ груди дитя отнять:
Но ты то лаской, то прещеньемъ,
То кроткимъ свѣта просвѣщеньемъ,
Возставилъ все въ одинъ твой годъ,
Въ годъ Божья къ намъ благословенья,
Въ годъ первой твоего правленья,
Порядка, правды и щедротъ!

***

Я пѣлъ дѣла, и тѣмъ-же тономъ
Дерзнулъ было хвалы воспѣть;
Но мѣсто-ль похваламъ предъ трономъ?
Тебѣ ихъ будутъ вѣкъ гремѣть
Тамъ, тамъ въ предѣлахъ отдаленныхъ
Въ градахъ, въ селахъ уединенныхъ,
Бѣдняги, богачи, цари,
Сосѣдъ съ сосѣдомъ, другъ со другомъ,
Отецъ съ дѣтьми, жена съ супругомъ,
Въ сердцахъ воздвигнувъ алтари.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ КНИГАХЪ «ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА».

Аа, р. Проэктъ соединенія ея съ оз. Пейпусомъ. IV, 75.

Абаза-паша. III, 245.

Абди-паша, III, 245.

Абдильмяновъ, Абдрахимъ, солдатъ, III 380.

Абовъ, г. IV, 8.

Абрамовичи, польск. фамилія. III, 204.

Аввакумъ, Черногорск. архим. Его письмо къ кн. Голицыну, III, 195, 196.

Августово, д. IV, 181.

Августъ II, кор. Польск. III, 69, 93, 99, 103, 108, 110, 114, 116, 124—129; IV, 3, 17, 24, 28, 37, 79.

Августъ III, кор. Польск. III, 200, 202; IV, 90, 204, 234, 297.

Авдѣевъ, Серг., гандлангеръ. III, 380.

Аверкіева (?) IV, 468.

Аверкій Григорьевъ, священ. III, 374.

Авзяно-Петровскіе заводы, III, 228.

Астрахань, коса, IV, 71.

Агутовъ, Миронъ солд. III, 377.

Аламовичи, околица, IV. 181.

Адеркасъ, гофмейстерина, III, 156.

Азовъ, III, 261; IV, 39, 45, 271, 284, 286.

Академія наукъ, (Парижская), III, 471, 472, 475, 478, 479; IV, 226, 227, 230—232, 237, 244, 248, 250—252, 258, 348.

Академія наукъ, (Петербургская) III, 178—182, 227, 392, IV, 15, 236, 237, 287, 288, 309, 427, 429.

Акатовъ, Ив., солд. III, 377.

Аксакова, Мар. Петр. III, 337.

Аксаковъ, Петръ, капит. III, 337.

Аксамитовскій, маіоръ, IV, 186, 196.

Алабердеевъ, Сем., ген.-м. III, 166, 172; IV, 29.

Аландъ, остр. IV, 21, 44, 47.

Алатырь, г. III, 483.

Александровичъ, IV, 197.

Александръ Невскій, св. вел. кн. IV, 290.

Александръ I. Павловичъ, его пребываніе въ Казани, IV, 464—468. Упом. III, 345, 432; IV, 151, 470.

Алексинъ, г. IV, 241.

Алексѣй Михайловичъ, царь, III, 232; IV, 290, 292—294, 327, 383.

Алексѣй Петровичъ, царев. III, 9, 14; IV, 7. Дѣло объ немъ IV, 26, 36.

Алопеусъ, Макс. Макс. III, 396.

Алтайскія, горы, IV, 436.
Альба, (де) дукъ, III, 84. Его архивъ, III, 122.
Альбертъ, Данило, конюхъ, IV, 125.
Альбертъ, еп. Рижск. IV, 50.
Альтона, г. IV, 38.
Амбразанцевъ, артил. генералъ IV, 466.
Амвросій, архіеп. Казанск. IV, 465.
Амвросій, архим. Его письмо къ архіеп. Платону, III, 394, 395.
Амстердамъ, г. III, 15, 144; IV, 42, 55.
Ангальтъ. Распоряженіе объ немъ Екатерины Вт. III, 231.
Андреева, д. IV, 71.
Андрей Іоанновичъ, кн., дядя Грознаго, IV, 301, 320.
Анжели, полковн. III, 229—231.
Аничковъ, маіоръ, IV, 122.
Анна, кор-ва Австрійск. IV, 307.
Анна, кор-ва Англійск. IV, 320.
Анна Іоанновна, имп. Ея вступленіе на престолъ, III, 28—30, 32 34, 36, 39, 41, 42, 44, 53—58, 151, 161, 174—176; IV, 296. Ея придв. штатъ, III, 59, 63, 176, 177. Присутствуетъ въ Сенатѣ, III, 60. Ея аудіенціи III, 60, 70, 85, 118—121. Празднества по случаю ея коронаціи, III, 62—71, 75, 176, 177. Вліяніе на нее: Бирона и Левенвольда, III, 63, 75, 116;—Остермана, III, 87, 105. Роскошь ея двора, III, 70. Ея жизнь въ Измайловѣ, III, 73, 90, 91, 108, 116 — 118. Опасается быть отравленною, III, 76. Ея богомольное путешествіе къ Троицѣ, III, 89, 90. Обѣщаетъ защищать свободу Польши, III, 104. Замѣчаніе Екатерины объ ея царствованіи, III, 151. Ея собственноручныя письма, III, 152—156. Любила забавляться охотой, III, 156. Условія ея брака съ герц. Курляндск. IV, 5. Упом. III, 29, 31, 34, 35, 38, 40, 43, 45, 49, 50, 52, 57, 62, 63, 72, 73, 75, 79—82, 88, 89, 92, 93, 96, 98—101, 103, 104, 106, 108, 109, 113 — 118, 125, 127, 129, 133, 150, 157, 158, 170, 189, 269, 285; IV, 13, 37, 46, 58, 59, 63, 85, 287, 297, 302, 304, 313, 341.
Анна Леопольдовна, герц. Мекленбургск. (впослѣдств. правительница). Любима Анной Іоан. III, 83. Участвуетъ въ богомольномъ путешествіи къ Троицѣ, III, 89. Упом. III, 71, 103, 104, 361; IV, 297, 298, 302—304, 306—308.
Анна Петровна, герц. Голштин. Ея рожденіе, III, 8—10, 15, 16, 35. Ея воспитаніе, III, 13, 23. Упом. III, 22, 264; IV, 62, 86.
Анофріевъ, Исаія, барабанш. III, 376, 377.
Анселo, Франц. мин. III, 474.
Антверпенъ, г. IV, 42.
Антиці, Польск. мин. IV, 175.
Антонъ, принцъ Брауншв.-Вольфенб. III, 361; IV, 302, 306.
Апостолъ, Дан. Павл., гетманъ, III, 162.
Апраксина, гр. Ел. Андр., урожд. Кузьмина-Караваева, IV, 472.
Апраксинъ, гр Андр. Матв. III, 166, 172, 173, 177.
Апраксинъ, гр. Ник. Петр. предв. дворян. IV, 472.
Апраксинъ, гр. Петръ Ив. предв. дворян. IV, 472.
Апраксинъ гр. Ѳед. Андр. III. 173, 174.
Апраксинъ, гр. Ѳед. Матв., адмиралъ IV, 47.
Апраксинъ, Викт. Владим., камерг, III, 348.
Апраксинъ, Ст. Ѳ. фельд. III, 348.
Аракчеевъ, Вас. Ст., ген.-м. III, 166.

Арбонъ, г. III, 398, 399.
Аренсбургъ, г. III, 225, 226, 238; IV, 1, 2, 78.
Арескинъ, докт. Его замѣчаніе о Петрѣ Вел. III, 3. Упом. IV, 15, 30.
Армфельдъ, Шведск. генералъ, IV, 8, 14.
Арсеній Мацѣевичъ, его показаніе, III, 357.
Арсеньевъ, Вас. Мих., тайн. сов. III, 166.
Арсеньевъ, ген.-м. IV, 128. Взятъ въ плѣнъ, IV, 131.
Артемьевъ, Ив., об.-секр. III, 226.
Артуа, г. IV, 345.
Архангельскъ, г. IV, 10, 278, 279, 283, 284, 286, 419, 436, 440.
Архангельцы, IV, 441, 443, 447.
Архаровъ, Ник. Петр. III, 346. 391.
Арчелли, См. Францискъ.
Астрахань. г. III, 12. 62, 74, 232; IV, 71, 72, 241, 256, 279—281, 284, 300, 417.
Аудернъ, мыза, IV, 80.
Ахенъ, г. IV, 392.
Ашъ, бар. Ив. Ѳед. IV, 99, 197.
Ашъ, бар. Фридр почтъ-директ. IV, 209.
Аѳанасій Кондоиди, еп. Вологодск. III, 171.
Аѳанасій, еп. Ростовск. III, 369.

*

Бабарыкинъ, Петръ Ив. III, 417.
Бабыкино, д. IV, 266.
Багратіонъ, кн. Петръ Ив. IV, 137.
Багрищевъ, Алексѣй, солд. III, 378.
Баднин, камерг, IV, 121.
Базанъ, Вас., фабричный, III, 333, 334, 336. Его жена, III, 334.
Байкальское, оз. IV, 418, 436.
Бакаръ Вахтангѣевичъ, Груз. царев. III, 165.
Баклановскій, Конст. извѣстіе о немъ, IV, 26.
Баку, г. IV, 72.
Балабановъ, Алексѣй, Перновск. комендантъ, IV, 24, 60. Указъ къ нему Петра Вел. IV, 47.
Балашевъ, подполк. IV, 468.
Балкъ, (урожд. Монсъ) Ея нерасположеніе къ Меншикову. III, 14. Замѣшена въ дѣлѣ брата, III, 22. Сослана, III, 24. Упом. III, 21, 23; IV, 36.
Балкъ, Ѳед. Ник., ген.-поруч. III, 21, 164; IV, 36.
Балкъ-Полевъ, Пав. Ѳед., камерг. III, 59, 169, 177.
Бальменъ, графиня, III, 440.
Бамбоччіо, живописецъ, IV, 397.
Барабинская, степь, IV, 280.
Барановъ, капит. III, 186.
Баратаевъ, кн., артил. маіоръ, IV, 468.
Барклай-де-Толли, гр. Мих. Богд. IV, 137, 167.
Барковъ, капит. III, 243, 244.
Баръ, г. III, 217.
Барръ (де ла), Жертва религіозн. нетерпимости, IV, 360.
Баръ (дела), Шведск. ген. IV, 14.
Баскаковъ, Алексѣй Петр., III, 152, 169, 172, 344.
Баскаковъ, Мих., капит. поруч. Свѣдѣніе о немъ, III, 344.
Баскаковъ, ген-лейт. Перновск. коменд. III, 344.
Бассевичъ, гр., Голшт. мин. Его пренія съ Меншиковымъ о престолонаслѣдіи, III, 15, 26. Упом. III, 165.
Бастилія, крѣп, IV, 242, 300, 325.
Батъ, (?). III, 434.
Баугмгартенъ, бухгал. III, 198.
Бауръ, бар., ген.-м. III, 166; (IV, 2 .

Бауръ, ген.-кварт. III, 245, 246.
Баускъ, См. Бовскъ.
Бахметевъ, Ив. ген.-м. III, 166.
Бахметевъ, ген.-м. IV, 468.
Баччіарелли, секрет. Станислава Понятовскаго, IV, 117.
Башовская, IV, 120.
Баязетъ, султ. III, 248.
Бедрыховскій Гродокъ, (городокъ?) въ Подоліи, IV, 204.
Безбородко, гр. Ал-дръ Андр. III, 393, 438, 444.
Безбородко, гр. Илья Андр. Назначенъ приставомъ къ Станисл. Понятовскому. IV, 102, 105. Инструкція данная ему, IV, 102—104. Его журналъ, IV, 115, 116, 119—126, 179, 181, 186, 187, 195, 197, 199, 200. Упом. IV, 111, 118, 120—126, 185, 186, 195, 196, 201, 202.
Беземакеръ, флотск. капит. IV, 44.
Безсоновъ, Вас., регистрат. III, 381, 382.
Безу, академикъ, IV, 230.
Бейеръ, Веніам., еврей, III, 252, 253.
Бекеръ, Теодрихъ, чл. Рижск. магистр. IV, 34.
Беклеръ, докторъ Станисл. Понятовскаго, IV, 116, 117, 122.
Бекъ, ассес, III, 359.
Бельски Чумахолова. См. Однокулова.
Бендеры, крѣп. III, 249. Взятіе ея, III, 250.
Бенингсонъ, бар. Леонт. Леонт. Изъ писемъ къ нему Репнина. IV, 106. Его воен. дѣйствія въ Литвѣ, IV, 136. Упом. IV, 105, 108, 122, 139, 194, 195.
Бенкендорфъ, (фонъ) Іоганнъ членъ Рижск. магистр. IV, 34 (74).
Бентинъ, Ив., подпоруч. IV, 15, 16.
Берлаин, мѣст. III, 243, 244.
Бердичевъ, г. IV, 100, 144.
Бередниковъ, Шлюссельб. комендант. III, 363, 364, 371, 378, 380, 381, 385.
Березинъ, Евдок., солд. III, 377.
Березовка, мѣст. IV, 250.
Березовъ, остр. III, 84.
Берлинъ, г. III, 93, 133, 158; IV, 6, 42, 91, 175.
Беренсъ. Пожертвовалъ капиталъ на содержаніе Рижск. библіотеки IV, 17.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр. Интриги противъ него, IV, 88. Его надпись объ Лестокѣ, IV, 89. Его письмо къ гр. А. Г. Разумовскому, IV, 90, 91. Ходатайствуетъ за Бирона, IV, 91, 92. Его записка о Тепловѣ, IV, 92, 93. Упом. III, 169, 346; IV, 310.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Михаилъ Петр. III, 169, 174.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Петръ Мих. Собралъ свѣдѣнія объ родныхъ Екатерины Перв. III, 26. Упом. III, 165; IV, 5, 29, 36—38, 41, 43, 44, 53, 54, 57—59, 61, 62, 69—71, 79, 82, 83.
Бетковъ, Мадымъ (Петр. Петров.), гренадеръ, III, 178—181.
Беттигеръ, посланникъ въ Гамбургѣ, III, 169.
Бетхеръ, резидентъ, IV, 65.
Бецкій, Ив. Ив. III, 162; IV, 88.
Бибиковъ, Ал—дръ Ильичъ. Его замѣчаніе о Пугачевѣ, III, 232. Его ордеръ. III, 271, 272. Упом. III, 212, 228, 347.
Бибиковъ, Алексѣй Юр. III, 169.
Бибиковъ, Вас. Ильичъ. Свѣдѣнія о немъ, III, 347.
Бибиковъ, Ив. Ив. III, 166, 172.
Бибиковъ, капит. гвардіи, IV, 71.
Бинъ-паша. III, 248.
Бирёво, с. III, 287.
Биржа, мѣст. IV, 134.
Биржеская маетность, III, 201.

Биронъ, Бенинья, урожд. Трейденъ. Жена временьщика, III, 63. 176, 269, 358.

Биронъ, Густ. III, 151.

Биронъ, Карлъ. (Сынъ временьщика). IV, 90.

Биронъ, Петръ, герц. Курляндск. III, 246—248, 252, 254, 255, 258, 259, 269; IV, 90.

Биронъ, Эрнстъ-Іоаннъ. Ненавидимъ Русскими, III, 63, 76. Его вліяніе на Анну Іоан. III, 63, 82, 116. Его росписка, III, 157. Его письма, III, 157—160. Отказывается отъ Курляндск. прест. III, 269. Интриги противъ него, IV, 90, 91. Упом. III, 59, 65, 75, 81, 82, 91, 92, 96, 109, 116, 118—121, 154, 176, 177, 187—192, 215, 221, 258, 269; IV, 296—298, 302.

Бишевскій, адъют. Станислава Понятовск. IV, 117, 186, 187.

Блиновъ, Макс., солд. III, 380.

Блокъ, лб.-медикъ. III, 411, 412.

Блудовъ, гр. Дм. Ник. Его записка о Мировичѣ, III, 357. Упом. IV, 96.

Блументростъ, Іоаннъ-Готлибъ. Презид. Медиц. Канц. III, 169.

Блументростъ, Лавр. Презид. Акад. Наукъ, III, 169.

Бобоѣдовы, Нижегородск. дворяне, III, 481—490.

Бобровизиковъ, Алексѣй, монетчикъ, III, 336.

Бобруйскъ, г. IV, 136.

Бовскъ (Баускъ), г. III, 215, 217; IV, 130—132, 134.

Богдановъ, совѣтн. III, 331.

Боголюбовскій монастырь (подъ Владиміромъ) III, 302.

Богемоловъ, Никонъ, отставн. солд. III, 336.

Богуславъ, помѣстье гр. Ржевускаго, IV, 165.

Богушъ, III, 204.

Бодини, Польск. канцлеръ, IV, 194.

Бодиско, III, 119.

Боевъ, крестьян. III, 287.

Болобоново, с. III, 483.

Болховитиновъ, Ст. Ив. III, 306, 307.

Бонде, гр. Голшт. послан. въ Спб. III, 35, 60, 77.

Бонъ фонъ Сельверстритъ, Германъ-Іоганъ, ген.-анш. III, 162. Свѣдѣнія о немъ, IV, 86.

Борго, г. IV, 8.

Бордосскія ланды. Мѣсто ссылки, IV, 297.

Бордъ (Bort) III, 119.

Борисъ-Аверкіевъ, дьяконъ, III, 374.

Борисъ Годуновъ, царь. Отзывъ объ немъ Екатерины Вт. IV, 290, 291. Упом. IV, 320.

Бормотовъ, крестьян. III, 489.

Борятино, с. III, 301, 302.

Борятинскій, кн. Ив. Серг. Его рапортъ о смерти Вольтера. III, 460, 461.

Борятинскій, кн. Ив. Ѳед. III, 58, 166, 172, 174—177.

Борятинскій, кн. Ѳед. Серг., об.-гофм. III, 343.

Босовъ, Матв., солд. III, 374, 376, 382.

Бошнякъ, Саратовск. коменд. III, 234.

Браницкая, гр. Елисав., урожд. Понятовская (Мадамъ де-Кракови). Отзывъ объ ней кн. Репнина, IV, 188. Ея пріѣздъ въ Гродно, IV, 196. Упом. IV, 177, 187, 189, 192, 197, 198, 201, 205.

Браницкій, гр. Іоаннъ-Климентій, каст. Краковск. III, 200; IV, 177, 204.

Брантъ, (коммисіонеръ), IV, 7.

Браславъ, г. III, 207.

Браунъ, академ. IV, 429, 439.

Бредаль, Петръ Петров., контръ-адм. III, 168.

Бредихина, Анна Ѳед., урожд. кн. Голицына, III, 344.

Бредихинъ, Ал—дръ д. ст. сов. III, 169.

Бредихинъ, Серг. Александр., кап.-поруч. Свѣдѣнія о немъ, III, 343, 344.

Бренвилье, отравительница, IV, 271.

Брентани, IV, 197.

Бреславль, г. III, 109; IV, 62. 418.

Брессанъ, придворн. парикмахеръ, III, 353.

Брестовскій, Польск. помѣщикъ, IV, 125, 187.

Брестъ, приморск. гор. IV, 257, 287, 438, 439.

Брестъ, (Литовскій), г. IV, 137, 139, 203.

Брётель, баронъ, IV, 237.

Бриль, полковн. IV, 75.

Бриннгъ, Генр., ген.-суперъинтендентъ, IV, 12, 81, 82.

Бриккенъ (фонъ-деръ), кам.-юнк. III, 39, 177.

Брискъ, суперъинтенд., IV, 75.

Брокгаузенъ. Нав. Его дерзкая выходка, IV. 33. Резолюція о немъ Петра Вел. IV, 34.

Броунъ, гр. Юр. Юр., Рижск. ген.-губ. Указы къ нему Екатерины Вт. III, 187. 193—195, 197—208, 210—219, 222—224, 228—234, 235, 240—248, 251—253, 255—262, 264, 273—276, 278, 279. Его переписка: съ гр. Н. Панинымъ, III. 204, 205, 207—211, 214, 215, 219—222, 276, 277;—съ кн. А. Вяземскимъ, III. 225, 226, 229—231, 242, 243;—съ Тепловымъ, III, 226, 227, 239, 240;—съ гр. Чернышевымъ, III, 250, 260;—съ Симолинымъ, III, 255;—съ кн. Голицынымъ, III, 261;—съ Сальдерномъ, III. 270. Его донесенія: Екатеринѣ, III, 206, 233, 267—269, 272—275, 277, 278;—Сенату, III, 262—267;—коллегіи иностр. дѣлъ. III, 198 Упом. III, 188, 271, 272, 277; IV, 129.

Броунъ, гр., бригадиръ, III, 250.

Брунетъ, камердин. Станисл. Понятовскаго, IV, 117.

Брылкинъ, Ив. IV. 214.

Брюль, гр. Саксонск. мин. III 156.

Брюнинъ, крѣп. IV, 233.

Брюсъ, гр. Праск. Ал—дров., урожд. гр. Румянцова, III, 351.

Брюсъ, гр. Як. Ал—дров., ген.-поруч. III, 349, 351, 407.

Брюсъ, гр. Як. Вилим. III, 162; IV, 16, 29, 44.

Брянскъ, мѣстечко, IV, 105, 109.

Бугъ, р. IV, 138.

Будбергъ (фонъ), полковн. III, 220, 221.

Букалеи, с. III, 481—483.

Букати, Польск. повѣрен. въ дѣлахъ въ Лондонѣ IV, 125, 126, 175.

Буксгевденъ, Ѳед. Ѳед. (III, 433). IV, 124.

Букштель, станція IV, 104—106.

Булыгинъ, подполковн. IV, 466, 467.

Бумаранова, подкоморжина IV, 197.

Буртискъ, мыза IV, 78.

Буслай, Степ., ученикъ Посольск. двора. III, 336.

Бутурлинъ, гр. Ал—дръ Борис., фельдм. III, 166, 173, 369; IV, 37.

Бутурлинъ, Ив. Ив. деньщикъ Петра Вел. (впосл. ген.-анш). III, 19, 62, 163.

Бутурлинъ, Ив. Ив. Сенаторъ III, 169.

Бутурлинъ, Петръ Ив., князь-папа. IV, 62, 68.

Бухановъ, Ив. Елисѣев., купеческ. сынъ. III, 306.
Буховецкій, пажъ. IV, 117.
Бушъ (фонъ) Рижск. коменд. IV. 7.
Быстржина, Елисав. IV, 152.
Быстржина, М. Ея письмо къ Репнину. IV, 151, 152. Упом. IV 153.
Быстржинъ, Адамъ. IV, 152.
Быстржыцкій, староста Бржостовск. III, 204.
Бѣлавода, р. IV, 233, 234.
Бѣлая Церковь, помѣстье гр. Браницк. IV, 204.
Бѣлгородъ. IV, 421.
Бѣлградъ. IV, 381.
Бѣлицы (мѣст.). IV, 234.
Бѣлозерскъ, г. IV, 241.
Бѣлой, Мих., солд. III, 377.
Бѣлой, г. IV. 241.
Бѣлоруссія. III, 123, 127, 130. 155, 164, 224. **Бѣлоруссы**. IV, 135. 148, 149, 159—161.
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн. Мих. Андр. IV, 92.
Бѣлосовъ, маршалъ конфедератовъ. III, 217.
Бѣлостокъ. г. IV, 105, 107—109, 136, 139, 235.
Бѣльскъ, г. IV. 101, 105, 106, 108.
Бѣляковъ, купецъ. III, 483, 486.
Бѣлякъ, Польск. генералъ. IV, 135, 197. Его жена. IV, 197.

*

Вадбольскій, кн. Мих., кол. ассес. III, 331.
Вадковская, Екат. Ив., урожд. гр. Чернышева. III, 408.
Вадковскій, Ѳед. Ив., ген.-анш. III, 343, 408.
Вадковскій, Ѳед. Ѳед. Свѣдѣнія о немъ. III, 408. Письма къ нему: кн. Куракина. III, 408—410;—в. к. Маріи Ѳед. III, 411—415;—в. к. Павла Петр. III, 416—418.
Ваза, г. IV, 14.
Валдай, мѣст. Построено и населено Поляками. IV, 387.
Валки, мѣст. IV, 75.
Валькъ, г. III, 238.
Ванъ-Вельденъ, Вильг. Вилим., ген.-поруч. III, 164.
Ванька-Каинъ. См. **Каинъ**.
Ваньеръ, секретарь Вольтера, III. 478.
Варвацкій. IV, 123.
Вардъ, Томасъ, англійск. консулъ въ Спб. III, 77—79, 81, 87, 88. 119.
Варшава. Ода Державина на взятіе ея. IV, 98. Штурмъ Праги. IV, 97. 100, 128, 137, 164, 169, 201, 202. Старое мѣсто (Stare Miasto). IV, 113. Революція 1794 г. IV, 126 — 128, 194. Упом. III, 93—95, 101—103, 113, 114, 119, 123, 124, 127, 128. 202, 204. 205, 208—210, 214, 222, 269. 271—274, 276; IV, 70, 99, 100, 104, 105, 107, 108, 112, 115, 118, 121, 122, 124, 126. 144, 151, 163, 165, 167, 175, 176, 179, 187, 188, 190—192, 194, 197, 234, 235.
Василій Іоанновичъ, вел. кн. IV, 301.
Василій Іоанновичъ-Шуйскій, царь. IV, 98, 108, 292.
Василій Петровичъ, (?). Любимый деньщикъ Петра Вел. III, 20.
Васильевъ, Герасимъ, крестьян. III, 484—490.
Васильевъ, Ив. дворов. человѣкъ. III, 288, 289.
Васильковскій, форпостъ III, 249.
Вахтель, Ив., берейторъ. III, 270, 271.
Везенбергъ, г. III, 238.
Вейде, генер. IV. 28, 30, 33.
Веймарнъ, Ив. Ив. ген.-поруч. III, 212, 213. Производилъ слѣдствіе по дѣлу Мировича. III, 358—361, 364, 367, 368.

Вейсбахъ, Іоаннъ-Бернардъ, ген.-анш. III, 101, 110, 113, 114, 121, 162.
Вейсенштейнъ, мѣст. III, 238.
Вейсманъ, капит.-инж. III, 264.
Вельяминовъ, Степ. Лук., ген.-м. III, 166, 172.
Вельяминовъ-Зерновъ, Петръ, д. ст. сов. III, 169, 172.
Венгрово, г. IV, 105, 108, 109.
Венденъ, г. III, 177, 238.
Венедигеръ, ген.-м. III, 166.
Венеція, г. III, 98; IV, 175.
Веніаминъ, еп. Псковск. IV, 332.
Вѐрки, дача подъ Вильной. IV, 165.
Верхотурскія горы. IV, 288.
Вѐрхотурье, г. IV, 262—264, 436.
Веселовскій, церемоніймейст. IV, 93.
Весна, р. IV, 75.
Вестфаленъ, бар. Датск. послан. въ Спб. III, 61, 76, 77, 89.
Ветерани, ген.-м. III, 166.
Веэръ, Петеръ, членъ Рижск. магистр. IV, 34.
Видау, Мельхіоръ, членъ Рижск. магистр. IV, 34.
Видацкій, Литовск. помѣщикъ. IV, 181.
Викторъ, еп. Суздальск. и Владимірск. IV, 472.
Вилана, старо̀ство. IV, 188.
Виленская губернія. Составъ ея населенія. IV, 147. Числительность Русскихъ IV, 159. Упом. IV, 172.
Вилетъ (де), марк. III, 476.
Вилія, р. IV, 115.
Вильбоа, фрейл. Екатерины Перв. III, 20.
Вильбоа, урожд. Глюкъ. Жена контръ-адм. IV, 54.
Вильбоа, Ал-дръ Никит. ген.-фельдцехм. III, 201, 202, 204, 211, 350.
Вильбоа, Никита Петр., контръ-адм. III, 6—8, 24, 201; IV, 53, 54.
Вилькоміръ, г. III, 219; IV, 139.
Вильмансъ, капитанъ—вербовщикъ. III, 398, 399.
Вильна. Памятники ея старины. IV, 112, 113. Православн. церкви. IV, 112. Ея окрестности. IV, 115. Названа мятежнымъ лукошкомъ, IV, 135. Упом. III, 206, 222; IV, 101, 105, 112, 114, 119, 127, 128, 130, 131, 135—137, 149, 162—165, 169, 171, 181.
Вильстеръ, Даніилъ, вице-адм. III, 165.
Виндава, г. IV, 49, 54.
Вирцау (Вирцава), за̀мокъ. III, 151, 153; IV, 37.
Висла, р. IV, 113.
Висмаръ, г. IV, 10.
Витгенштейнъ, графъ (потомъ князь) Петръ Христ. IV, 137.
Витеранія, бригадиръ. IV, 71.
Витманъ, адвок. IV, 70.
Виттулла, порт. III, 243, 244.
Вицкій, полковн. IV, 121, 186, 200, 205.
Вицъ, Анр., ген.-м. III, 166.
Вишневецкій, кн. III, 125, (129).
Вишневецъ, имѣніе графини Браницкой, IV, 189.
Вісльгурскій, Польск. генер. IV, 135, 136.
Владавы, мѣст. IV, 139.
Владиміръ, св. Вел. кн. IV, 320.
Владиміръ Андреевичъ, кн. двоюродн. братъ Грознаго IV, 320.
Владиміръ, г. (на Клязьмѣ). Пребываніе въ немъ Павла Перв. IV, 469—473. Упом. III, 302, 304, IV, 475.
Владиславъ, царев. Польск. IV, 108.
Власьевъ, Данило. Приставъ Іоанна Антонов. III, 357, 362—364, 377, 384. Его рапортъ Панину, III, 385. Его показаніе объ Іоаннѣ Антоновичѣ, III, 385, 386.

Воейковъ, Матв. Θед. об.-прокур. Сенатск. III, 169.
Воейковъ, Петр. Лук. Рижск. в.-губ. Указъ къ нему Петра Вел. IV, 68. Упом. III, 166, 172; IV, 69.
Воейковъ, Θед. Матв. Кіевск. ген.-губ. Рескриптъ къ нему Екатерины Вт. III, 249, 250.
Воейковъ, маіоръ. Его участіе въ событіяхъ 28 іюня 1762 г. III, 353, 354.
Воейковъ, совѣтн. III, 329.
Воишки (мѣст.). IV, 105, 106.
Волга, р. III, 232, 298, 301, 307, 481; IV, 255, 256, 280, 286, 391, 441, 442, 447.
Волковъ, Ал-сѣй Яков. III, 165.
Волковъ, Григ. Григ., братъ актера. Свѣдѣнія о немъ, III, 348.
Волковъ, Дм. Вас., секретарь Тайн. Совѣта, III, 352.
Волковъ, Матв.. солд. III, 377.
Волковъ, Мих. Яков.; ген.-поруч. III, 164.
Волковъ, Θед. Григ., актеръ, III, 343.
Волковъ, надв. совѣт. IV, 171. Назначенъ Слонимск. вице-губернаторомъ IV, 172.
Волковъ, переводч., IV, 89.
Волконская, кн. Ал-дра Никол., урожд. кн. Репнина, IV, 152, 186, 187, 198, 200, 201, 205.
Волконская, кн. Соф. Григ. IV, 152.
Волконскій, кн. Григ. Сем. IV. 201.
Волконскій, кн. Мих. Никит., ген.-апш. III, 207, 343, (374).
Волконскій, кн. Никита Григ. IV, 152.
Волконскій, кн. Петр. Мих.. фельдм. IV, 152.
Волконскій, кн. Серг. Григ. (Декабристъ). IV, 152.
Волкуши, д. IV, 469.
Волкъ, Петръ, ученикъ Третьяковск. фабрики, III, 333, 336.
Волкъ, IV, 467. Назнач. вице-губерн. въ Вятку IV, 469.
Воловичъ, аббатъ, IV 117, 121, 126.
Воловичъ, каштелянъ, IV, 120, 122, 123, 125.
Вологда, г. IV, 236, 440. Построена Нѣмцами, IV, 387.
Володковичъ, III, 204.
Волынскій, Артем. Петр. III, 167.
Вольмаръ, каштелянъ, IV, 194.
Вольмаръ, гор. III, 238.
Вольмерсгофъ, мыза, IV, 78.
Вольскій, камерг. IV, 124, 125, 200.
Вольтеръ. Письмо объ его смерти, III, 460 — 480. Упом. III. 183, 185, IV, 293, 294, 331, 358, 382. 384.
Вольфартъ, мыза, IV, 73.
Воронежъ, г. IV, 86.
Воронецкій, князь, IV, 121.
Воронѣговъ, Сем. Семенов., солд. III, 323.
Воронцова, гр. Анна Карл., урожд. гр. Скавронская, IV, 319, 320.
Воронцова, гр. Анна Мих., въ замужск. гр. Строганова, III, 351.
Воронцова, гр. Елисав. Ром., въ замуж. Полянская. Свѣдѣнія о ней, III, 351. Упом. IV, 221.
Воронцова, гр. Ирина Ив., урожд. Измайлова, III, 353.
Воронцовъ, гр. Мих. Ларіонов., канцлеръ, III, 349, 350; IV, 88, 237, 239, 266, 267, 303, 309.
Воронцовъ, гр. Ром. Лар., ген.-апш. III, 351; IV, 239.
Воронцовъ-Дашковъ, гр. Ил. Ив., III, 353.
Воскресенское, с. III, 483.
Врангель, бар. Андр. Ив., Ревельск. губернат. Его письмо къ кн. Репнину, IV, 153, 154.

Вратиславскій, гр., Австрійск. послан. въ Спб. III, 31—34, 37, 38, 43, 45, 51, 52, 54, 56, 58, 61, 63, 65, 69, 72—77, 79, 81, 82, 85, 89, 91, 92, 95—98, 100, 101, 103, 104, 108—111, 114, 116, 117, 120.

Всеволожская, Екат. Андр., урож. Зиновьева, III, 345.

Всеволожскій, Всев. Алексѣев. Свѣдѣнія о немъ, III, 347.

Всеволожскій, Илья Алексѣев. Свѣдѣніе о немъ, III, 345, 346.

Всеволожскій, Серг. Алексѣев. Свѣдѣніе о немъ, III, 345.

Всесвятское, с. III, 41, 174.

Вулфенштернъ, Шведск. послан. въ Спб. IV, 92.

Выборгъ, г. III, 238; IV, 54.

Вырубовъ. Петръ Ив. Свѣдѣнія о немъ, III, 345.

Вѣна, г. III, 98, 110, 113, 115, 120, 124, 129, 195. 196, 403, IV, 151, 152, 175, 188, 197, 203; 233, 251.

Вяземскій, кн. Ал-дръ Алексѣев., ген.-прокур. Его переписка съ Риж. ген.-губ. Броуномъ, III, 225, 226, 229, 230, 231, 242, 243. Письма къ нему Екатерины, III, 365, 366, 388, 391, Упом. III, 387.

Вяземскій, кн. Василій, ген.-м. III, 167, 172.

Вяземскій, кн. Никиф. Кондр. Взятъ подъ стражу по дѣлу царев. Алексѣя Петров. IV, 26.

Вязники, г. III, 304.

Вязовы, с. IV, 467.

Вязьма, г. III, 123, 430.

Вятка, г. IV, 248, 249, 469, 472, 473.

Вятка, р. IV, 255.

*

Габерландъ, архитект. IV, 83.

Габихсталь, (Абихсдаль), бар., об.-перемоніймейс. III, 28, 32, 44, 58, 169.

Габрій, банкиръ, IV, 152.

ГавріилъБужинскій, еп. Рязанск. II, 171.

Гавріилъ, еп. Тверск. IV, 332.

Гага, г. IV, 42, 175, 177.

Гагаринъ, кн. Матв. Петр. Сибирск. губернат. IV, 262.

Гагаринъ, кн. адъют. кн. Репнина, IV, 202.

Галиція, IV, 127, 164, 165, 188, 189, 203.

Галичь, г. IV, 446.

Галіани, аббатъ, IV, 279.

Галкинъ, Ал-сѣй Емельян., крестьян. III, 333.

Галлартъ, бар. Людв. Никол., инжен. генер. IV. 78. Свѣдѣнія о немъ. IV, 79. Упом. IV, 86.

Гамбургъ, г. III, 15, 396, 398; IV, 7, 12, 16, 65.

Гангутъ, мысъ, IV, 21.

Ганенфельдъ, капит. IV, 152.

Ганибалъ, цейхмейстеръ. Дѣдъ Пушкина, III, 244.

Гапсаль, г. III, 238.

Гартвигъ, архиваріусъ, III, 263.

Гатчина, г. III, 423, 441; IV, 477.

Гаугребенъ, поруч. III, 270—272.

Гданскъ. См. **Данцигъ**.

Гей, купецъ, IV, 57.

Гейкинъ, подполков. III, 217.

Гейнингъ (?), III, 434.

Гельсингфорсъ, г. IV, 8, 54.

Геннигъ, Польск. коммисаръ, IV, 175.

Геннингъ, Вильг., ген.-поруч. III, 164.

Генрихъ IV, кор. Французск. Отзывъ объ немъ Екатерины Вт. IV, 302, упом. IV, 334, 425.

Георгъ I, кор. Англійск. III, 87.

Георгъ II, кор. Англійск. III, 74, 77, 94, 112, 115.

Георгъ, принцъ Гес.-Кассельск. III, 82, 83.

Георгъ, принцъ Голшт.. III, 352.
Германъ, генер. IV, 135, 136, 139, 195, 201.
Герингутерскія, колоніи въ Россіи, IV, 281, 286.
Герсдорфъ, подполковн. IV, 122.
Гёрцъ, бар. IV, 28, 43, 44.
Гессенгомбургскій, принцъ, III, 121, 122.
Гиллембургъ, Шведск. дипломатъ, IV, 44.
Гильзенъ, графиня, IV, 197.
Гильзенъ, каштелянъ, III, 207.
Гиндфортъ, Англійск. послан. въ Спб. IV, 93.
Гистанли-паша, III, 245.
Глинскій, Польск. генер. IV, 184.
Глуховскій, IV, 197.
Глѣбовъ, Ал—дръ Ив.. ген.-прокур. III, 352, 356; IV, 209, 312.
Глѣбовъ, Богданъ, конюшій, IV, 377.
Глюкъ, паст. Свѣдѣнія о немъ, III, 1—3, 6, 7, 167; IV, 54.
Гмелинъ, Самуилъ-Готл. профес. IV, 227, 278, 430, 431.
Гнойница, д. IV, 181.
Говерсъ, Фридр., почтм. IV, 41.
Голиковъ, Ив. Ив. IV, 26.
Голицына, кн. Праск. Ив., урожд. Нарышкина, III, 133.
Голицына, кн. Тат. Борис., урожд. кн. Куракина, об.-гофмейстерина, III, 63, 176.
Голицынъ, кн. Ал—дръ Мих.. в.-канцл. Его переписка съ Рижск. ген.-губ. Броуномъ, III, 261. Упом. III, 350; IV, 215, 221.
Голицынъ, кн. Ал—дръ Мих., фельдм. III, 234.
Голицынъ. кн. Ал—сѣй Дм. III, 59, 133, 169, 174, 177; IV, 214.
Голицынъ, кн. Дм. Мих. Верховникъ. Замѣчаніе о немъ, III, 133. Упом. III, 27, 58, 63, 134, 138, 141—143, 147, 163, 172, 176.
Голицынъ, кн. Дм. Мих. Свѣдѣнія о немъ, III, 193. Письма къ нему изъ Черногоріи, III, 195—197.
Голицынъ, кн. Ив. Ѳед., любимецъ Петра Трет. III, 344. Свѣдѣнія о немъ, III, 352, 353.
Голицынъ, кн. Мих. Мих. (старшій), фельдм. Любимъ войсками. III, 31. Его великодушн. поступокъ, IV, 391. Упом. III, 29, 32, 34, 58, 63, 73, 162, 172, 176, 177.
Голицынъ, кн. Мих. Мих. (младшій). Отправленъ къ герц. Курляндской депутатомъ отъ Сената, III, 29, 34, 36, 172. Упом. III, 165, 173, 176, (IV, 8, 14, 56, 60).
Голицынъ, кн. Петръ Алексѣев. Свѣдѣнія о немъ, III, 345.
Голицынъ, кн. Петръ Алексѣев., Рижск. губернат. Рескрипты и указы къ нему Петра Вел. IV. 7—45.
Голицынъ, кн. Петръ Мих. Разбилъ Пугачева, III, 228. (Упом. III, 369).
Голицынъ, кн. Серг. Дм. Свѣдѣнія о немъ, III, 133, 165. Письма къ нему отъ разн. лицъ, III, 133—149.
Голицынъ, кн. Серг. Ѳед., ген.-поруч. Замѣчанія о немъ кн. Репнина, IV, 132; упом. IV, 105, 121, 133—135, 139, 163, 164, 170.
Голицынъ, кн., подполковн. упомянутъ въ указахъ Петра Вел. IV, 28, 32.
Голицыны, князья, III, 29, 63, 133; IV, 296.
Голландеръ, Іоганнъ, IV, 16.
Головизнинъ, Симонъ, солд. III, 380.
Головинъ, Ив. Мих., ген.-поруч. III, 164, 177.
Головинъ, Иванъ, прапорщ. III, 321, 322.
Головинъ, гр. Ник. Ѳед. Посланникъ въ Стокгольмѣ, III, 79, 168.

Головинъ, упомянутъ въ письмахъ дука де-Лирія, III, 45, 57, 59, 60.
Головкина, гр. Екатер. Ив., урожд. кн. Ромодановск., ст.-дама, III, 63, 177.
Головкинъ, гр. Ал—дръ Гавр., посланникъ въ Парижѣ (потомъ въ Гагѣ), III, 108, 150, 163; IV, 42.
Головкинъ, гр. Гавр. Ив. канцл. Его письмо къ кн. Голицыну, III, 140. Упом. III, 42, 45, 54, 56, 58, 62, 90, 108, 139, 162, 172, 173, 176, 288.
Головкинъ, гр. Ив. Гавр., тайн. сов. III, 165, 172, 175, 177.
Головкинъ, гр. Мих. Гавр. III, 19, 59, 169, 172, 175—177.
Головчина, д. IV, 45.
Гололобовъ, Троф., драгунъ, III, 337.
Голохвастовъ, бывш. Вятск. вице.-губернат. IV, 469.
Голуховскій, секрет. посольства, IV, 175.
Голштейнъ-Бекъ, княгиня. Свѣдѣнія о ней, III, 396.
Голштейнъ-Бекъ (фонъ), пр. Эстляндск. губернат. III, 262.
Гольдингъ (Гульдинкъ), г. III, 153.
Гольцъ, Прусск. послан. при Петрѣ Трет. IV, 210.
Гончаровъ, Ал—сѣй, солд. III, 378.
Гопманъ, куп. IV, 57.
Гордонъ, Ѳома, адм. III. 163.
Гордонъ, адъют. Станисл. Понятовскаго, IV, 117, 186.
Горжинскій, Польск. генер. IV, 116, 117, 120—122.
Горицкій, Ал—дръ Алексѣев. Его разсказъ о в. к. Конст. Павл—чѣ, IV, 470.
Горки, м. III, 123.
Городничанка, р. IV, 115.
Гороховецъ, г. III, 301, 304.
Гороховъ, капит. IV, 24.
Горскій, маршалъ конфедератовъ, III, 217.
Горчаковъ, кн. Ив., подполковн. III, 331.
Горшининъ, Ѳед., солд. III, 377.
Горѣлой Кабачекъ. (Подъ Петерб—мъ), IV, 209.
Госларъ, флотск. капит. IV, 68.
Готгардъ Кетлеръ, послѣдн. гермейст. Ливонск. орд. IV, 51.
Готовцевъ, Ив., баньщикъ, III, 326.
Готье, аббатъ, III, 474, 476, 479.
Гофригенъ, д. IV, 74.
Гохмутъ, Карлъ, ген.-м. III, 167, 177.
Грабовскій, адъют. Стан. Понятовскаго, IV, 117, 200, 205.
Грабовскій, крайчій корон. IV, 120, 125, 205.
Грабовскій, Польскій партизанъ. IV, 136.
Грандичи, д. IV, 181, 185.
Грановскій, Литовскій помѣщикъ. IV, 164.
Грановскій, секретарь корон. IV, 124, 125.
Гранъ-Жанъ де Фуши, секретарь Парижск. Академіи. IV, 230.
Грековъ, Макс., ген.-м. III, 167, 172.
Грековъ, Степ., ген.-м. III, 167, 172.
Гренгамъ, остр. IV, 60.
Григорій Дрекаловичъ архимандр. Его письма къ кн. Голицыну, III. 196, 197.
Григорьевъ, Петръ, солд. III, 377.
Гримальдо, Марк. III, 138, 139.
Гриневъ, курьеръ. III, 210.
Гринъ, д. IV, 46.
Гроденскій, сек.-маіоръ. IV, 195.
Гродна. Перасположеніе къ ней Августа II-го. III, 110. Называлась прежде **Гродней**. IV, 112. Коложенская православ. церковь. IV, 112, 198. Внѣшній видъ Гродны.

IV, 114. Пожаръ. Тж. Ея окрестности. IV, 115. Въѣздъ Станисл. Понятовскаго. IV, 115. Упом. IV, 99—105, 107—111, 113—125, 127, 128, 132, 139, 143—145, 149, 165, 167, 170, 171, 174—176, 179—185, 187, 190—196, 198—200, 206.

Гроте, Іоганъ, членъ Рижск. магистр. IV, 34.

Грудекъ, помѣстье гр. Замойск. IV, 190.

Губаревъ, маіоръ III. 289.

Гудовичъ, гр. Андр. Вас., фл.-адъют. Петра Трет. Свѣдѣнія о немъ. III, 352, 353. Упом. IV, 221.

Гудсонъ-Лоу, губернат. остр. Св. Елены. IV, 107, 203.

Гульдинкъ. См. Гольдингъ.

Гунтъ фонъ Залесъ. (Лифл. помѣщикъ). III, 198.

Гуровскій, Рохъ-Владиславъ, вел. маршалъ Литовск. Замѣчаніе объ немъ Сальдерна. III, 200. Уп. IV, 90.

Гурскій, кн. IV, 126, 185.

Гурьевъ, Никол., об.-секрет. III, 345.

Гурьевы, гвардейцы. Ихъ заговоръ. III, 491.

Гусаржевскій. IV, 197.

Густавъ-Адольфъ, кор. Шведск. III, 237, 264; IV, 51.

Гюйсенъ, бар., ген.-м. III. 167.

*

Дагеръ-ортъ, прист. IV, 23.

Даламберъ, академ. IV, 230, 231.

Далл'Огліо, Польск. агентъ, IV, 175.

Даль, об.-инспек. III, 223.

Данауровъ. III, 416, 427.

Даненштернъ, Христина. Ея челобитныя. IV, 84.

Даненштернъ, фонъ, Аристъ, об.-инспект. IV, 8, 84.

Данцигъ (Гданскъ), г. III, 109; IV, 34, 36, 38, 42, 53, 54, 57, 70, 82, 175.

Дашкова, кн. Екат. Ром., урожд. гр. Воронцова, ст. дама. III, 343, 348—351; IV, 310.

Дашковъ, Ал—сѣй, д. ст. сов. III, 169, 172. (IV, 18).

Дашковъ, Дм. Дм. III, 152.

Дашковъ, кн. Мих.-Кондр. Иванов. III, 348.

Двина, р. III, 257, 259, 264; IV, 2, 4, 12, 35, 48, 54.

Дебій, Голландск. резид. IV, 9.

Деболй, Польск. полномочн. мин. въ Россіи. IV, 175.

Де Бонъ. См. Бонъ.

Дебраскъ, Лифляндецъ IV, 39.

Дебриньи, Андр., ген.-м. III, 167.

Дебюръ - отецъ, Парижск. книгопродав. IV, 226.

Девіеръ, гр. Ант. Эмануил. III, 165.

Деніеръ, гр. Петръ Ант. IV, 211, 213.

Де Вилетъ. См. Вилетъ.

Дедье (de-Dieu), Гол. послан. въ Спб. III, 95, 98, 150.

Де Жизоръ. См. Жизоръ.

Де Кенигсекъ. См. Кенигсекъ.

Де Кулонъ. См. Кулонъ.

Де ла Барръ. См. Барръ.

Де ла Кадіеръ. См. Кадіеръ.

Де Ланьяско. См. Ланьяско.

Де ла Пассъ. См. Пассъ.

Делассій, воен. губернат. IV, 464—467, 469.

Де Лекаросъ. См. Лекаросъ.

Делиль, академ. IV, 272, 278, 287, 288, 347.

Делиль де ла Круайеръ (путешествен.). IV, 288.

Де Меллени. См. Меллени.

Де Ментенонъ. См. Ментенонъ.

Демидовъ Акинф. Никит. Его желѣзн. заводы. III. 323.

Демидовъ, Степ. Вас. Его домъ въ Москвѣ. III, 319.

Де Монти. См. **Монти.**

Денблинъ, помѣстье гр. Мнишка. IV, 189.

Денгофъ, графиня. Сватовство къ ней Португ. инфанта, III, 113.

Денгофъ, гр. Упомянутъ въ пис. дука де Лирія. III, 112.

Де Ниверпуа. См. **Ниверпуа.**

Денисовъ, Митроф., солд. III, 377.

Денисовъ, Мих., фабричн. III, 322.

Денисовъ, (генералъ), IV, 205.

Дени, племянница Вольтера. III, 473, 476, 478.

Дено, лѣкарь. III, 208—211.

Дербентъ, г. IV, 72.

Деревесъ-ага, Турецк. главнокоманд. III, 244.

Державинъ, Гавр. Ром. Его стихи по случаю смерти Дубянскаго. III, 347. Его участіе въ событіяхъ 28 Іюня 1762 г. III, 349. Его ода на взятіе Варшавы. IV, 98. Поданное имъ мнѣніе о степени виновности соучастниковъ заговора Домбровскаго. IV, 155, 156. Его замѣчаніе объ Реннинѣ. IV, 156. Упом. IV, 476.

Деритъ, г. III, 7, 216, 238, 359; IV, 1, 7, 18, 38, 43, 75, 241.

Дерфельденъ, ген.-поруч. IV, 132—134, 136—138.

Де Флёри. См. **Флёри.**

Де Фонте. См. **Фонте.**

Де Фрисія. См. **Фризе.**

Дзяконская, IV, 197.

Дзяконскій, подскарб. IV, 116, 120, 122, 125. Его сынъ. IV, 121.

Димитрій, царев. IV, 320.

Динабургъ, г. III, 217, 222; IV, 135, 136.

Динаминдъ, гор. IV, 2, 3, 48, 60, 78.

Диркъ, Арноутъ, купецъ, IV, 44.

Диспа, г. IV, 136.

Дистервальтъ Бартель, IV, 38.

Дитятевъ, Козьма, солд. III, 374, 376, 382.

Дицъ (фонъ), бар. Томасъ, III, 217.

Дмитрица, мѣст. III, 196.

Дмитріевъ, Ив. Ив. Написалъ эпитафію Дубянскому, III, 347.

Дмитріевъ, Мих. Александр. Замѣчаніе объ его одѣ. IV, 476.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Ал-дръ Матв. III, 417.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Вас. Аѳан., д. ст. сов. III, 169.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Ильичъ, ген.-поруч. Его скоропостижн. смерть, III, 76. Упом. III, 58, 164, 173, 176, 177.

Дмитрій Сѣченовъ, архіеп. Новгор. IV, 336.

Дмитровъ, г. III, 304.

Доброе, с. IV, 473.

Догавенъ, с. III, 7.

Долгово-Сабуровъ. Дм. Петр. IV, 472.

Долгорукова, княж. Анна Алексѣев. III, 84.

Долгорукова, княж. Екат. Алексѣев. (въ замуж. графиня Брюсъ). Невѣста Петра Вт. III, 28, 29, 35, 161; IV, 367. Сослана, III, 84.

Долгорукова, княж. Елена Алексѣев. III, 84.

Долгорукова, кн. Праск Юр., урожд. кн. Хилкова, III, 84.

Долгоруковъ, кн. Ал—дръ Алексѣев. III, 84.

Долгоруковъ, кн. Ал—сѣй Алексѣев. III, 84.

Долгоруковъ, кн. Алексѣй Григ., верховникъ, III, 28—31, 35, 44, 58, 163, 172; IV, 296. Сосланъ, III, 62, 84.

Долгоруковъ, кн. Вас. Вл., фельдм. Сосланъ, III, 62, 84. Выдержка изъ письма его къ Петру Вел. IV, 18. Упом. III, 29, 31, 32, 34, 39, 45, 56, 57, 73, 162, 172, 173, 176.

Долгоруковъ, кн. Вас. Лук. Отправл. депутатомъ къ герц. Курляндской, III, 29, 34, 36, 39, 172. Казненъ, III, 163. Упом. III, 58, 176; IV, 10, 12, 13.

Долгоруковъ, кн. Гр. Θед. III, 135; IV, 24, 28, (30).

Долгоруковъ, кн. Дм. Ив., сенат. III, 150, 157.

Долгоруковъ, кн. Ив. Алексѣев. Любимецъ Петра Вт. III, 30, 35, 58. Сосланъ, III, 62, 84. Казненъ, III, 163.

Долгоруковъ, кн. Ив. Григор. Сосланъ, III, 62, 84. Казненъ, III, 165. Упом. III, 173.

Долгоруковъ, кн. Мих. Влад., верховникъ, III, 163. Сосланъ, III, 62. Прощенъ, III, 74, 121. Упом. III, 172.

Долгоруковъ, кн. Никол. Алексѣев. Сосланъ, III, 84.

Долгоруковъ, кн. Петръ, III, 243, 244.

Долгоруковъ, кн. Серг. Григ. Сосланъ, III, 62, 84. Казненъ, III, 165. Упом. III, 173.

Долгоруковъ, кн. Серг. Мих., ген.-м. III, 167.

Долгоруковъ, кн. Юр. Влад. IV, 132.

Долгоруковы, князья, III, 29, 31, 33, 36, 62, 63, 84, 85, 91, 101, 133, 176; IV, 296, 403, 404.

Долматовъ-Карповъ, Левъ Ив., окольничій, IV, 378.

Домбровскій. Его заговоръ, IV, 155.

Доминго Артегу, секрет. посольства, III, 73.

Донской, Петръ, подъячій, III, 305.

Донъ, р. III, 225.

Дорогобужъ, г. III, 123; IV, 241.

Д'Орнуа. См. **Орнуа**.

Древникъ, Андр., гофъ.-юнк. IV, 80.

Дрезденъ, г. III, 16, 93, 124; IV, 91.

Дризенъ, Митавск. губернат. III, 398.

Друцкой-Любецкій, кн. IV, 125.

Дубецкій, пажъ. IV, 117.

Дубянская, Нат. Θед. III, 347.

Дубянскій, Зах. Θед. Свѣдѣнія о немъ, III, 344.

Дубянскій, Мих. Θед. Свѣдѣнія о немъ, III, 347.

Дубянскій, Θед. Мих., музыкантъ, III, 347.

Дубянскій, Θед. Яков., духовникъ Елисав. Петр. III, 344.

Дугласъ, гр. Оттонъ-Густавъ, ген.-поруч. III, 164.

Дугласъ, гр., туристъ, IV, 201.

Дульскій, IV, 201.

Дунай, р. III, 245, 248, 261; IV, 232, 386.

Дураковъ, Дементій солд. III, 377.

Дурново, капит. III, 489.

Дуффусъ, лордъ, контръ-алм. III, 168.

Дѣевъ, полковн. III, 133.

Дюгамель, камерг. IV, 116, 117, 121, 122, 124, 205. Его сынъ, IV, 122.

Дюнкиргенъ, г. IV, 42.

Дюпре, Ив. Як., ген.-поруч. III, 164.

*

Евдокія Лукьяновна (Стрѣшнева), царица. Описаніе ея бракосочетанія. IV, 368—382.

Евдокія Θеодоровна (Лопухина), царица. III, 11, 28, 44, 151, 167.

Евсаковъ, Андр., гандлангеръ, III, 380.

Езеры, мѣст. IV, 181.

Екатерина I-я. Ея дѣтство. III, 1, 2, 6, 7; IV, 54. Ея наружность, III, 2, 20, 21. Ея первое замужество, III, 2, 8, 15, 16. Взята въ плѣнъ, III, 3. Ея жизнь у Меншикова, III,

3, 4. Ея первая встрѣча съ Петромъ, III, 3—6. Ея жизнь въ Москвѣ, III, 6, 9, 10. Свѣдѣнія объ ея родителяхъ и родныхъ, III, 2. 6—8, 25, 26. Придворный каламбуръ объ ней, III, 7. Ея бракъ съ Петромъ, III, 8, 10, 11, 15. Участвуетъ въ разсужденіяхъ о государств. дѣлахъ, III, 9. Ея вліяніе на Петра, III, 10, 14, 15, 20. Къ ея характеристикѣ, III, 12, 13, 14, 20, 21, 26. Ея дворъ, III, 12. 13. Ходатайствуетъ за ц. Алексѣя Петр. и за Меншикова, III, 14. Вліяніе на нее Меншикова, III, 14, 15, 26. Ея встрѣча съ братомъ, III, 16, 17. Заботы Петра объ утвержденіи за ней престола, III, 17, 18. Охлажденіе къ ней Петра, III, 19, 20. Случай съ нею во время смотра, III, 20, 21, 26. Дѣло Монса, III, 21—24. Ея предсмертн. сонъ, III, 25. Ея болѣзнь и кончина, III, 25, 26, 153. Ея указы, IV, 77—85. Упом. III, 18, 142, 143, 147, 148, 152, 158, 170; IV, 3, 14, 32, 36, 45, 62, 73, 74, 76, 86, 296, 303, 320.

Екатерина II-я. Ея *указы и рескрипты*: Броуну, III, 187, 193—195, 197—208, 210—217, 222—224, 228—235, 240—248, 250—253, 255—262, 264, 273—276, 278, 279;—Репнину, IV, 171, 172;—Симолину, III, 188. 254; Военной Коллегіи, III, 217—219;—Воейкову. III, 249, 250;—Сенату, III, 257, 258;—Глѣбову, III, 356;—Тутолмину, IV, 166; объ отмѣнѣ пытки въ Литвѣ, IV, 171. Ея *письма*: къ Вяземскому, III, 365, 366, 388—391;—къ Б. А. (Куракину?), III, 391; къ Попову, III, 392, 393. Покровительств. іезуитамъ въ Бѣлоруссіи, III, 224. Первые пособники ея, III, 343—349, 408. Обстоятельства ея воцаренія, III, 348—354. Ея распоряженія предъ отъѣзд. въ Прибалт. губ. III, 357. Ея письма по дѣлу Мировича, III, 358—360. Ея *манифесты*: о конч. Іоанна Ант. III, 361—364;—къ жителямъ Литвы, IV, 172, 173;—по поводу восшествія ея на престолъ, IV, 216—224; о кончинѣ Петра Тр. IV, 224. Ея портретъ, III, 397. Ея кончина, III, 419, 421. Наряжаетъ судъ надъ Салтычихой, IV, 95. Какъ относилась она къ крѣпостн. праву, IV, 96. Первые дни ея царствованія, IV, 207—215. Петръ III, намѣренъ б. лишить ее жизни IV, 220, 221. Ея сочин. *Антидотъ*, IV, 225—463. Ея разсказъ о перв. днѣ царств. Петра III-го, IV, 311—313. Ея *замѣчанія*: объ царствов. Анны Іоан. III, 151;—Елис. Петр. IV, 95;—о Пугачевѣ, III, 232;—о Вольтерѣ, IV, 293;—о Борисѣ Годун. IV, 291;—о цар. Софьѣ, IV, 295;—о Генрихѣ IV-мъ, IV. 302;—по поводу маниф. о свободѣ дворянства, IV, 314, 315. Упом. III, 182—184, 193, 225, 226, 240, 264, 269, 270, 344, 346—348, 355, 367, 387, 394, 396. 397, 409, 411, 416, 422, 457, 489, 491; IV, 37, 83, 92, 99—102, 105, 107, 108, 119, 127. 130, 140—144, 150, 154, 165. 166, 169—171, 175, 177, 183, 186, 189—192, 194, 200, 201. 205, 478.

Екатерина Іоанновна, герц. Мекленбургск. Участв. въ богомольн. путешествіи къ Троицѣ, III, 89. Ея бракосочетаніе, IV, 38. Упом. III, 31, 55, 71, 83, 120.

Екатериненбургъ, г. IV, 436, 443.

Елагинъ, Андреянъ Никиф., гофмейст. III, 167, 172.

Елагинъ, Ив. Перф., ст.-секрет. III, 392.

Елагинъ, прокур. III, 185, 186.
Елена Васильевна (Глинская), вел. кн. мать Грознаго, IV, 301.
Елены, св., остр. IV, 203.
Елецъ, г. IV, 114.
Елизарьевъ, Козьма, сотскій, III, 374.
Елисавета Петровна, импер. Ея рожденіе и воспитаніе, III, 8—10, 13, 15, 16, 23, 35. Ея болѣзнь, III, 71. Участвуетъ въ богомол. путешествіи къ Троицѣ, III, 89. Ея наружность, III, 103, 104. Ея указъ объ „искорененіи злодѣевъ" III, 331. Ея распоряженіе объ Іоаннѣ Антонов. III, 357. Ея благосклонность канцл. Бестужеву, IV, 88. Ея внѣшн. политика, IV, 89, 90. Замѣчаніе Екатер. объ ея царствованіи, IV, 95. Обстоятельства ея воцаренія, IV, 303, 304, 306—309, 312. 313. Упом. III, 22, 28, 92, 93, 103, 109, 114, 151, 159, 160, 183, 184. 327, 344, 355, 361; IV, 46, 91, 92, 182, 217, 218, 238, 262, 297, 298. 302, 310, 311, 319, 323, 392, 456, 458—460.
Елисавета, кор. Англійск. IV, 320.
Елисаветградъ, кѣмъ основанъ, III, 355.
Еллинскій, Крайчій, IV, 197.
Елмаковъ, контръ-адм. III, 244.
Ельскій, коммисаръ, IV, 122.
Емельяновъ, Авр., солд. III, 380.
Енисей, р. IV, 442.
Еново, с. III, 482, 483.
Енерикъ, маршалъ конфедератовъ III, 217.
Ергольскій, вице.презид. III, 169.
Еремѣевъ, Григ., дворов. человѣкъ, III, 288.
Еремѣевъ, Казанскій губ. пред. дворянства, IV, 468.
Ермакъ Тимофѣев., казакъ IV, 50.
Ермоловъ, Ал-сѣй Петров. IV, 137.
Еропкинъ, Ал-сѣй Мих. III, 331. Свѣдѣнія о немъ, III, 347.
Еропкинъ, Дм. Ѳед., об.-коменд. III, 62, 167, 173.
Еропкинъ, Петръ Дм. III, 167, 345.
Еропкинъ, капит. IV, 122.
Есиповъ, музыкантъ, IV, 466.
Ефимова, Варв., солдатка, III, 336.
Ефимовъ, Ѳед., солд. III, 377.

*

Жала, Мих., фабричн. III, 336.
Ждановъ, Зотъ, солд. III, 380.
Ждановъ, маіоръ, IV, 52.
Жегаръ, мѣст. III, 217.
Желѣзнопольскъ, г. IV, 446.
Жемчужниковъ. IV, 464.
Жеребцова, Авд. Гурьев. III, 337.
Жеребцовъ, Алексѣй, сенат. IV, 214.
Жеребцовъ, Потапъ, инжен. III, 337.
Жефресъ, резиден. IV, 55.
Живулинъ, Осип. солд. III, 377.
Жижмора, староство, IV, 188.
Жизоръ, (де), дочь герцога де-Нивернуа, III, 473.
Жолкѣвскій, гетм. IV, 108.
Жузла, бѣгл. солдатъ, III, 307,
Жуковъ, III, 153.
Жуковы, мужъ и жена, злодѣи, IV, 95.
Журавка, Авд. Герас. IV, 93.
Жюссіе, академ. IV, 230.

*

Заблоцкій, Польск. консулъ въ Херсонѣ, IV, 175.
Заблоцкій, Польск. резидентъ въ Берлинѣ, IV, 175.
Забѣлло, упом. въ указѣ Екатерины Вт. III, 204.
Забѣллова. Ея письмо къ кн. Репнину, IV, 153. Упом. IV, 197.

Завьяловъ, дворцов. стряпчій, III, 288.
Загряжскій, Арт. Григ. ген.-м. III, 167.
Закутинъ, Степ. Лук., матросъ парусн. фабр. III, 322.
Замойская, гр. Людвига, урож. Понятовская (Мадамъ де Подоли). Ея пріѣздъ въ Гродну, IV, 196. Упом. IV, 177, 189—192, 197, 198, 204.
Замойскій, гр. Андр , вел. канцл. III, 214.
Замойскій, гр. Янъ, палатинъ Подоліи, IV, 177, 190, 191, 204, 205.
Заря, Мих., разбойн. III, 298—301.
Заторъ, м. IV, 234.
Збишевскій, Польск. посолъ въ Мадритѣ, IV, 175.
Зборомирскій, причетникъ, IV, 26.
Збуржинскій, указъ объ немъ Петра Вел. IV, 61, 62.
Зембицкій, Польск. повѣрен. въ Вѣнѣ. IV, 175.
Земково, с. III, 123.
Землинъ, г. III, 196.
Зимовейская, станица, III, 232.
Зихинскій, Мих., конюхъ, IV, 125.
Змаевичъ, Матв. Изм., вице-адм. III, 165.
Зомерсъ, д. IV, 8.
Зоричь, Сем. Гавр., ген.-м. IV, 37.
Зотовъ, Вас. Никит., ген.-м. III, 167.
Зотовъ, Кононъ, агентъ, IV, 31, 39.
Зубанъ, Мих., купецъ, III, 196.
Зубатовъ, Никита Ив. IV, 263, 264.
Зубовъ, гр. Вал. Александр. Письмо объ немъ Репнина, IV, 138, 139.
Зубовъ, гр. Дм. Александр. IV, 474, 475.
Зубовъ, гр. Никол. Александр. IV, 474, 475.
Зубовъ, кн. Плат. Александр. Отзывъ о немъ гр. Нельи, III, 397. Разсказъ о заграничн. его жизни, III, 397, 398. Упом. III, 438; IV, 107, 138,162, 167, 191, 193, 194, 201, 202. Его письмо къ Репнину, IV, 183, 184. Секретныя бумаги объ немъ, IV, 474, 475.
Зубцовъ, г. IV, 386.
Зыбинъ, Ал-сѣй, вице-презид. III, 172.
Зѣвакинъ, Ѳед. Тарас., солд. III, 325, 326.

*

Иванова, Агр., солдатка. III, 336.
Иванова, Анна, III, 308, 309, 311, 314, 326, 333—335.
Иваново, с. III, 294.
Ивановъ, Ал-сѣй, заплечн. мастеръ, III, 305, 308.
Ивановъ, Ерем., крестьян. III, 314, 315.
Ивановъ, Зах., канонирь, III, 379.
Ивановъ, Козьма, камердин. III, 290.
Ивановъ, Савва, грекъ, III, 289, 290.
Ивановъ, Яковъ, разбойн. III, 308.
Ивашевъ, Андреявъ. Его письмо къ кн. С. Д. Голиц. III, 148, 149.
Игастъ, мыза IV, 81.
Игельстромъ, бар., шефъ Рыльск. п. IV, 465, 468.
Игнатій Смола, еп. Коломенск. III, 171.
Игнатьевъ, Ст. Лук., ген.-м. III, 167, 180, 181.
Избыльце, с. III, 300, 301.
Измайлово, подмоск. село, III,

73, 90, 91, 96, 100, 101, 108, 116, 118.
Измайловъ, Вл. Влас., писат. III, 354.
Измайловъ, Ив. Мих. ген.-м. Свѣдѣнія о немъ, III, 353.
Измайловъ, Ив. Петр , гофмейст. III, 167.
Измайловъ, Левъ Вас., посолъ въ Китаѣ, III, 167, 350. Упом. III, 173.
Измайловъ, Мих. Льв. ген.-м. III, 350, 351; IV, 212, 215, 221.
Измайловъ, Петръ Вас., ген.-м. III, 167, 172, 353.
Измайловъ, Петръ Ив., капит. Свѣдѣнія о немъ, III, 354.
Измаилъ. Взятіе его, III, 245.
Ильинскій, гр. Авг. Ив., сенат. IV, 156.
Ильменьское озеро, IV, 447.
Инзовъ, И. Н. IV, 121, 123, 124.
Ипатовъ, Сем., крестьян. III, 291, 292.
Ирицкой, мичманъ, IV, 211.
Иркутскъ, г. IV, 418.
Иртышъ, р. IV, 257, 270, 271, 273, 275, 276, 280, 350, 353, 354, 418, 421, 436, 438, 439.
Исаевъ, Илья Исаев., об.-инспект. III, 169; IV, 19, 21, 30, 42. Письмо къ нему Петра Вел. IV, 48.
Исакчія, крѣп. III, 248.
Исбрантсъ-Идесъ, Эверардъ, путешествен. IV, 251, 255.
Исетъ, р. IV, 280.
Испагань, III, 44, 60.
Иштиряковъ, Яковъ, серж. III, 380.

*

Іоакимъ Струковъ, еп. Переясл. III, 171.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, III, 28; IV, 295.
Іоаннъ Антоновичъ, имп. Его смерть, III, 357. Погребеніе, III, 361. Манифестъ о кончинѣ его, III, 361—364, 367. Свѣдѣнія объ немъ, III, 385, 386. Упом. III, 367, 370, 371, 381, 384; IV, 297, 298, 302, 306—308, 320, 323.
Іоаннъ (III) Васильевичъ, царь. Его уложеніе, IV, 290. Упом. IV, (278), 324, 327.
Іоаннъ (IV) Грозный, царь, IV, 51, 294, 301, 320, 327.
Іоаннъ Макаровъ, ключарь Усп. соб. 394.
Іоганнъ, шведск. драг. Свѣдѣнія о немъ, III, 2, 3, 8, 15, 16.
Іонсенъ, (Юнсенъ), Петръ, подпоруч. (потомъ камерг.) IV, 67, 70, 74, 83—85.
Іосифъ II, имп. Австр. Его замѣчаніе о Польшѣ и о Полякахъ, IV, 152.

*

Кагулъ, III, 245.
Кадіеръ, (де ла) іезуитъ, IV, 361.
Казанка, р. IV, 464.
Казань, Пребываніе въ ней Павла I-го, IV, 464—469. Упом. III, 228, 229, 322; IV, 241, 249, 255, 388, 419, 463, 470.
Казбинъ, г. III, 44.
Каинъ, Ив. Ос. (**Ванька Каинъ**), III, 280—336.
Каковинскій, офиц. III, 351.
Каласъ, негоціантъ, IV, 360.
Каллотъ, живопис. IV, 397.
Калмыковъ, флотск. оф. IV, 19.
Кальценовъ, мыза, IV, 83.
Кама, р. IV, 255, 280, 286.
Камаскини, IV, 194.
Каменка, с. III, 484.
Каменская, дѣвица, IV, 419.
Каменскій, гр. Мих. Ѳедот., фельдм. III, 393.
Каменцъ, г. IV, 193.
Каминскій, конюхъ IV, 125.
Кампенгаузенъ, баронес. фрейл. III, 20.

Кампенгаузенъ, бар., ген.-м. III, 167.
Камчатка, См. Смирной Закутинъ.
Канда, р. IV, 436.
Кантемиръ, княж. Мар. Дм. III, 177.
Кантемиръ, кн. Антіохъ Дм., посланникъ въ Парижѣ, III, 155. Составилъ текстъ прошенія дворянства къ Аннѣ Іоан. III, 174, 175. Его сатиры. IV, 428. Упом. III, 177.
Кантемиръ, кн. Матв. Дм. III, 177.
Кантемиръ, кн. Серг. Дм. III, 177.
Каникиранъ, янычаръ-ага, III, 245.
Каплица, д. IV, 181.
Каргополь, г. IV, 241.
Карисъ-ла-неро, р. IV, 9.
Карлосъ (донъ) инф. Исп. III, 37, 46, 47, 126.
Карлсбадъ, г. IV, 5, 36, 203.
Карлъ I, кор. Англ. IV, 425.
Карлъ VI, имп. Австр. III, 31—34, 37, 38, 43, 45—52, 54, 60, 64, 72, 74, 77, 80—83, 87, 91, 96, 104, 105, 113—117, 121, 125, 127, 129, 155.
Карлъ X Густавъ, кор. Швед. III, 263, 264.
Карлъ XI, кор. Швед. III, 263, 264.
Карлъ XII, кор. Швед. III, 2, 11, 15, IV, 27.
Карлъ-Леопольдъ, герц. Мекленб. III, 83. Его бракосочет. IV, 38.
Карлъ Фридрихъ, герц. Голшт.-Готторп. Отецъ Петра Тр. III, 35, 54, 60; IV, 10, 62, 63, 86.
Карлъ, пр. Сакс. III, 269; IV, 234.
Карпо, полковн. IV, 122.
Карповичъ, Петръ Ст., предв. дворян. III, 421.
Карповичъ, Ст. Еф. III, 395.
Каролинъ, д. IV, 181.
Кариъ, староста, IV, 162.
Карусъ. Сост. въ свитѣ Станисл. Понят. IV, 117.
Касаткинъ, Тих. придв. лакей, III, 380—382.
Каскосъ. См. Хуанъ.
Кассини, академ. IV, 347.
Качуринъ, Мих., флейщикъ, III, 377.
Кашинъ, г. III, 298, 304.
Кашкинъ, подполк. производилъ слѣдствіе по дѣлу Мировича, III, 358, 360, 361, 364.
Кашкинъ, полицмейст. III, 406.
Кейзерлингъ, гр. Герм.-Карлъ. Его секретн. реляція, IV, 91, 92. Упом. III, 156, 202, 204, 205.
Кейтъ, Як. Вил., ген.-м. III, 113, 118, 167.
Кенигсбергъ, г. III, 158, 198, 202, 241, 242, 260; IV, 23, 24, 31, 34, 73.
Кенигсекъ (де), гр., Австр. послан. въ Мадритѣ, III, 33, 43.
Керженскій лѣсъ, III, 299.
Керчь, г. III, 261.
Кефельманъ, флотск. капит. IV, 57.
Кикинъ, Ал-дръ Вас. Арестованъ, IV, 26. Свѣдѣніе о немъ, IV, 36.
Килія, крѣп. III, 248.
Кинбурнъ, г. III, 261.
Кинешма, г. IV, 446.
Кинола (?), IV, 309.
Кинскій, гр., Австр. послан. при Петрѣ Вел. III, 19.
Кинешь, д. IV, 5.
Киримней, маетность, IV, 84.
Киркоръ, адъют. Стан. Понятовскаго, IV, 117, 186, 187, 200.
Кирѣевъ, Ѳед., солд. III, 377.
Кирѣевъ, команд. казачьяго полка, IV, 131.
Кицкій, об.-шталмейст. IV, 117, 186, 187, 195, 200.

Кіевъ, г. III, 249; IV, 45, 284, 286.
Кіянская, IV, 197.
Кланье де Колонгъ, ген.-м. III, 167.
Клейзингъ, Гансъ, членъ Рижск. магистр. IV, 34.
Клеммеръ, Янъ, друкарь, IV, 16, 17.
Клепиковъ, Степ. Гр., куп. III, 316, 317.
Клеро, академ. IV, 347.
Климовъ, Ѳома, крестьян. III, 292.
Климятино, с. III, 431.
Клисонъ, гр., полковн. IV, 138.
Клокманъ, кам.-юнк. III, 254.
Клязьма, р. IV, 473.
Кноррингъ, Богд. Ѳед., ген.-м. Его несогласія съ Тутолминымъ, IV, 135. Его воен. дѣйствія въ Литвѣ, IV, 136. Упом. IV, 105, 162.
Князевъ, Евд., солд. III, 377.
Кобелева, Авд. Ив.. маіорша, III, 289, 290.
Кобелевъ. Ѳед., солд. III, 378.
Кобринъ, г. IV, 136, 137, 139.
Ковна, г. III, 218, 219; IV, 101, 105, 113, 123, 130, 136, 170, 235.
Ковровъ, Антонъ, матросъ, III, 317, 333, 334, 336.
Ковровъ, Ив., матр. III, 317, 332, 336.
Козицкій, Григ. Вас., ст.-секрет. IV, 463.
Козловъ, г. (Тамбовск.), IV. 114.
Козодавлева, Анна Мих. Письма къ ней Авны Іоан. III, 152, 153. Упом. III, 151.
Козодавлева, Анна Петр., урожд. кн. Голицына, III, 151.
Козодавлевъ, Ос. Петр. III, 151.
Козодавлевъ, кам.-юнк. III. 151—153.
Козьмодемьянскъ, г. IV, 244, 268.
Колобковъ, Як., куп. III, 336.
Колобовъ, Як., цѣловальн. III, 316.
Коломна, г. IV, 114.
Колтовской, Ив., д. ст. сов. III, 169, 172, 174.
Колюбакинъ, капит. IV, 22.
Кондорсе, марк. III, 478, 479.
Кондратьевъ, Климъ, ямщ. III, 287.
Коновницынъ, гр. Петръ Петр. IV, 137.
Кононовъ, Емел., солд. III, 377.
Константиновъ (Новый), помѣстье гр. Ржевуск. IV, 165.
Константинополь (Царьградъ), III, 248; IV, 294, 386, 409.
Константинъ Павловичъ, в. к. Подаетъ мнѣніе на воен. совѣтѣ, III, 400, 401. Его пребываніе въ Казани, IV, 464—468; — въ Муромѣ, IV, 470. Упом. IV, 187.
Контра, священ. IV, 122.
Копенгагенъ, г. IV, 10, 13, 39—41, 175, 177, 210.
Кордесъ, куп. IV, 7.
Корешокъ, Ив. III, 290.
Коркинъ, Арх., капралъ. III, 379, 380.
Коробовъ, Вас., ученикъ Посольск. двора, III, 337.
Коронъ, крѣп. III, 243, 244.
Корфъ, бар. Альб., кам.-юнк. III, 59, 177.
Корфъ, бар. Іог.-Альб., Русск. послан. при Датск. дворѣ, IV, 90.
Корфъ, бар. Никол. Андр., ген.-анш. IV, 367, 214.
Корфъ, (бар.) Лифл. помѣщ. III, 207.
Корчминъ, Вас. Ив., ген.-м. III, 167.
Касаковскій, бригад. IV, 121, 123.
Косаковскій, гетм. IV, 163.

Косаковскій, еписк. Виленск. IV, 172.
Косецковъ, Кондр., Смол. помѣщ. III, 374.
Коссово, д. IV, 152.
Костомаровъ, адъют. IV, 212.
Костюринъ, Ив., сенат. IV, 214.
Косцюшко. Его прокламаціи, IV, 130, 131, 161, 166. Упом. IV, 132, 138, 159, 167, 168.
Коханово, д. IV, 181.
Кохановскій, Польск. повѣрен. въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ. IV, 175.
Кочневъ, Ив., солд. III, 377.
Кочубей, кн. Вик. Павл. Его записка о Мировичѣ, III, 357.
Кошелевъ, Род. Мих., шталмейст. III, 59, 167, 172.
Кошелевъ, флотск. капит. III, 148, 149.
Кошелевъ. Его дневникъ, III, 412.
Кракови (мадамъ де-). См. гр. Браницкая.
Краковъ, г. IV, 234. Его памятники старины, IV, 113.
Красное, с. IV, 473.
Краснощоковъ, Аѳ., солд. III, 377.
Красный Кабачекъ (подъ Петерб—мъ), IV, 208, 212.
Крашенинниковъ, профес. IV, 428.
Крейцбургъ, г. III, 217.
Крейцъ, адм. IV, 70.
Крекшинъ, Андр., крестьян. III, 374.
Крекшинъ, Дм., Смол. помѣщ. III, 374.
Креневъ, Андр., капр. III, 374, 376, 382.
Креницкой, Мих. солд. III, 377.
Крестный монастырь, на Бѣл. морѣ, III, 151.
Крестовичъ, IV, 123.
Кречетниковъ, генер. IV, 126.
Криворотовъ, бродяга, III, 307.
Кристофъ де Бомонъ, архіеп. Парижск. IV, 342.
Кронштадтъ, г. III, 349, 351; IV, 208, 210, 211, 213—215.
Кронъ, квартирмейст. III, 198.
Кропоткинъ, кн. III, 303.
Кропотовъ, Гавр. Сем., ген.-поруч. III, 165, 172.
Кропотовъ, Ив. Ив., д. ст. сов. III, 170.
Кропотовъ, Ив., Динамюндск. коменд. IV, 60.
Кропотовъ, ген.-м. Упом, въ ук. Петра Вел. IV, 71.
Крушецкій. Письмо объ немъ кн. Зубова, IV, 183, 184.
Крыловъ, Ив., фабричный, III, 317, 336.
Крыловъ, слѣдователь, III, 347.
Ксенофонтовъ, мичм. IV, 210.
Ксенофонтъ, еп. Сузд. и Владим. IV, 472.
Кубинская, д. III, 122.
Куваевъ, Ив,, фабричн. III, 307, 322.
Кузнецкъ, г. IV, 280.
Кузнецовъ, Герас., солд. III, 377.
Кузнины, ст. IV, 104, 105.
Кузовловъ, Троф., солд. III, 378.
Кузьминъ, Ег., солд. III, 377.
Кузьминъ-Короваевъ, Андр. Алексѣев., предв. дворян. IV, 472, 475.
Кулонъ (де), ген.-поруч. III, 164; IV, 77.
Кульбаки, околица, IV, 181.
Кульмъ (Хелмно), г. III, 198, 199.
Купреяновъ, Никол. Ал-др., юнк. IV, 471.
Купреяновъ, Серг. Ал-др., юнк. IV, 471.
Куракинъ, кн. Ал-дръ Борис., послан. въ Парижѣ, III, 170, 177.

Упом. въ письм. д. Лирія, III, 44, 54, 59, 89.

Куракинъ, кн. Ал-дръ Борис. Упом. въ записочкахъ Павла Петров. III, 406, 407. Его письмо къ Вадковск. III, 408—410. Упом. IV, 487.

Куракинъ, кн. Ал-сѣй Борис. III, 409, 410.

Куракинъ, кн. Бор. Александр., гофмейст. III, 391.

Куракинъ, кн. Бор. Ив., послан. въ Гагѣ, III, 142, 144; IV, 7, 10, 22, 55, 68.

Курдюковъ, Ѳед. Ив. Записк. къ нему в. к. Павла Петр. III, 406, 407.

Курляндія, III, 93, 118, 187—190, 192, 198, 199, 216—219, 231, 247, 252—254, 259, 269—271, 278; IV, 1, 2, 5, 6, 13, 18, 22, 28, 35, 37, 38, 41, 43—45, 48, 49, 53, 54, 57, 58, 61, 62, 69—71, 74, 78—80, 82, 91, 92, 128, 130, 134, 167, 235, 283, 423. Курляндцы, III, 187—192, 253, 254, 258; IV, 18, 22, 37, 54, 58, 59, 69, 134, 135, 154, 297.

Курмышъ, г. III. 481, 483, 488, 489.

Курпатскій, IV, 197.

Кусковъ, Ив., солд., III, 377.

Кушелевъ, генер. IV, 465.

Кюстринъ, крѣп. III, 115.

*

Лаваллетъ-Мальянвилль, корол. казначей, III, 473.

Ладожское, оз. IV, 283, 324, 386, 447.

Лалли (Толландаль), губернат. Индіи, III, 461, 479, 480. Его сынъ, III, 461, 479.

Ламеландская, гав. IV, 59.

Ланге, Лаврент (Путешествен.) IV, 288.

Ланжеронъ, гр., ген.-м. IV, 465.

Ланской, Ив., фабричн. III, 322.

Ланской, ген.-м. IV, 121, 122.

Ланчинскій, Людов., Русск. послан. въ Вѣнѣ, III, 170.

Ланьяско (де), гр., Польск. мин. III, 116, 124.

Ланно (Лапола), д. IV, 14.

Лантевъ, Тамб. губерн. Отрѣшенъ отъ должн. IV, 467.

Ларжъ, французъ, III, 230.

Лассій, Морицъ Петр., ген.-м. IV, 139.

Лассій, Петръ Петр., Остз. ген.-губ. III, 52, 162; IV, 2, 83, 86. Свѣдѣнія о немъ, IV, 46.

Ласунскій, Мих., капит. III, 346, 348, 491.

Латышевъ, Ал—сѣй, полковн. IV, 471. Милости къ нему Павла I-го IV, 472, 473.

Лауданъ, мыза, IV, 39.

Лаурницкій, шляхт. III, 7.

Лафермьеръ (де), Францъ-Герм. III, 406, 407.

Лафонъ, Соф. Ив. III, 452.

Лафоттъ, мастеров. IV. 31.

Лебедевъ, Мир., солд. III, 380.

Лебедевъ, Никита, фурьеръ, III, 378, 379.

Леблонъ, архитект. IV, 39.

Левашовъ, Вас. Яков., ген.-поруч. III, 164, 321.

Левекъ (фонъ), Дан. IV, 55.

Левенвольде, гр. Карлъ-Густ. III, (97), 116.

Левенвольде, гр. Рейнг. об.-гофм. III, 59, 177. Ненавидимъ Русскими, III, 63, 76. Его вліяніе на Анну Іоан. III, 63, 116. Его подкупность, III, 64. Уном. III, 73, 75, 91, 113, 116, 170.

Левенвольде, гр. Фридр., камерг. III, 167.

Левенвольде, бар., эгемератъ. Ук. къ нему Петра Вел. IV, 4. Упом. IV, 5, 11, 12, 64.

Левольде, гр. (Levolde. Не Левенволдъ-ли?), ген.-адъют. III, 97; IV, 30, 64.

Левъ Юрловъ, еп. Воронеж. Разстриженъ и заточенъ, III, 151. Упом. III, 154.

Ледуховскій, (гр.) IV, 197.

Лейденъ, г. IV, 42.

Лекаросъ, (де), Мануэль, курьеръ, III, 27, 29, 34, 98, 99, 102, 105, 107.

Леккъ, физикъ, IV, 434.

Леманъ, академ. IV, 429, 430.

Лемзаль (Малый), г. III, 238.

Лена, р. IV, 418.

Ленварденъ, мыза, III, 259.

Ленуаръ, полиц. оф. III, 474.

Ленючевскій, причетн. IV, 26.

Леонидъ, еп. Крутицк. III, 171.

Леонтьевъ, Мих. Ив., ген.-м. III, 167. Отправл. депутатомъ отъ Генералитета къ герц. Курляндской, III, 29, 34, 36, 39, 172, 173.

Ле Пренсъ. См. **Пренсъ**.

Леста-брукъ, желѣзн. зав. IV, 46.

Лестокъ, гр. Герм. IV, 87—89, 92, 303, 305—308, 310.

Лефортъ, Петр. Богд., ген.-поруч. III, 28, 52, 164.

Лефортъ, Польск. послан. въ Спб. III, 61, 69, 70, 74; IV, 76.

Лецкій, генер. Въ его домѣ останавл. Павелъ I-й, IV, 465, 467, 468.

Либава, г. IV, 18, 29, 32, 49, 54, 134.

Либманъ, евр. III, 101, 119.

Либоріусъ Денкинъ, об.-пасторъ. Его слово, IV, 25.

Ливенъ, генер. IV, 88.

Лидерсонъ, Гильбодъ, куп. IV, 66.

Линаръ, Мор.-Кар. Сакс. посолъ въ Спб. III, 156.

Линцъ, крѣп. IV, 233.

Липинскій, библіотек. IV, 197.

Лирій (де) дукъ. Его *письма о Россіи*. III, 27—122. Его *Дневн. Варшавск. дѣлъ*. III, 122—129. Упом. III, 133, 150.

Литкъ, прем.-м., IV, 171.

Литва. Революція, IV, 127, 128, 130—139, 146, 161, 167. Голодъ, IV, 133. Русск. раскольники, IV, 159, 161. Упом. III, 93, 119, 120, 202, 205, 215, 217—221, 253, 256—258; IV, 17, 18, 24, 28, 35, 48, 73, 100, 108, 112, 113, 126, 127, 129, 130, 134, 146—151, 154, 155, 157, 161—164, 166, 169—173, 188, 191. Литовцы, IV, 139, 144, 145, 147—150, 155, 157—162, 166—168, 170—172, 235, 407.

Литта, гр., контръ-адм. IV, 197.

Лифляндія. Чума, III, 1. Бѣдствія во вр. Сѣверн. войны, IV, 1, 2. Лифляндск. города, III, 238. Чрезвычайн. подать, III, 235—241, 268. Упом. III, 2, 93, 188—192, 199, 208, 212, 213, 222, 229, 230, 235, 238, 239, 241, 247, 256, 257, 262, 263, 265, 266, 268, 357; IV, 6, 24, 30, 31, 37, 43—48, 51, 55, 59, 73, 78—80, 82, 83, 86, 129, 131, 132, 136, 236, 386, 423. Лифляндцы, III, 187—193, 213, 215, 233, 234, 238, 241, 262, 263, 265—268, 358, 388, 389; IV, 2, 4, 12, 34, 65, 68, 69, 77, 236.

Лихаревъ, Ив. Мих., бригад. III, 164, 171, 172.

Лихаревъ, помѣщ. III, 300.

Лихачевъ, Ѳед., бояр. IV, 374.

Лобанова-Ростовская, кн. IV, 198.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Дм. Ив., ген.-м. IV, 186, 195, 200, 201, 205.

Лобикъ, флотск. кап. IV, 45.

Лозанна, г. IV, 452.

Ломанъ. Упом. въ п. Нелидовой, III, 434.

Ломоносовъ, Мих. Вас. Его оды, IV, 476. Упом. IV, 428, 429.
Лондонъ, г. IV, 175, 177.
Лопухина, Ан. Петр. IV, 471.
Лопухина, Нат. Ѳед., урожд. Балкъ, ст.-дама, III, 63, 177.
Лопухинъ, Алексѣй Вас., подполк. IV, 471.
Лопухинъ, кн. Петръ Вас. Его секретн. бум. о Зубовыхъ, IV, 474.
Лопухинъ, Ст. Вас., камерг. III, 59, 168, 172, 177.
Лопухинъ, Владим. помѣщ. IV, 471.
Лосенскій, перевозъ на Окѣ, III, 299.
Лососна, д. IV, 181, 194, 198, 199.
Лососна, р. IV, 181, 194.
Лубана, мыза, IV, 39.
Лубинскій, гр., староста Леловск. III, 202, 203.
Луиза, вдов. кор. Исп. III, 110.
Лукинъ, Ив., десятс. III, 374.
Лукинъ, капит. 186.
Лукьяновъ, Макс., крестьян. III, 287, 288.
Луцинскій, Ант., мундшенкъ, IV. 117, (124).
Луцкъ, г. IV, 3.
Львовъ, г. IV, 151.
Лѣсная, д. IV, 45.
Любанскій, аббатъ, IV, 117.
Любекъ, г. IV, 66, 70, 82.
Любертъ, Станисл., конюхъ, IV, 125.
Любецкіе, князья, IV, 114, 181.
Люблинское, староство IV, 189.
Люблинъ, г. IV, 190, 196, 203.
Люблинъ, м. IV, 136.
Любомірскіе, гр. IV, 197.
Любомірскій, кн. (Антоній), корон. мечн. III, 198.
Любрасъ, бар. Іоаннъ-Людв., ген.-м. III, 168.
Людвигъ, кондит. IV, 117
Людвигъ-Вильгельмъ, пр. Гес Гомб. III, 167, 177.
Людовикъ, XIII, кор. Франц. IV, 296, 425.
Людовикъ, XIV, кор. Франц. IV, 248.
Людовикъ, XV, кор. Франц. III, 80, 94, 125, 126; IV, 91, 226, 237, 257, 258.
Людовикъ, XVI, кор. Франц. III, 480.
Людовикъ, XVIII, кор. Франц. III, 398.
Люисъ, подполк. IV, 133.
Ляхницкая, помѣщица, IV, 181.
Ляхницкій, IV, 122.

*

Мадритъ, г. III, 101, 102, 119, 122, 134—136, 138, 140, 141, 145—148; IV, 175.
Мазепа, гетм. III, 362.
Мазинъ, Григ. Ст., крестьян. III, 322.
Мазовскій, капит. IV, 10.
Мазъ, Дм., фабричн. III, 336.
Майорка, остр. III, 110.
Макаровъ, Ал-сѣй Вас. Его письма къ кн. Голицину, III, 136, 137, 141, 142, 145. Упом. III, 166, 172.
Макаровъ, (сенат.) IV, 155.
Макаровъ, секрет. IV, 30.
Макарьевскій, монаст., на Волгѣ, III, 298.
Маковецкій, каштел. IV, 197.
Маковскій, Янъ, смотрит. королев. дворца, IV, 117.
Мальма, Михель, IV, 66.
Мамоновъ, См. **Дмитріевъ-Мамоновъ**.
Мамоновъ, садовн. III, 496.
Манкинъ, маіоръ, III, 222.
Мантейфелъ, Польск. мин. III, 114.
Мануэль, (Донъ), инф. Португ. III, 97, 98, 100, 101, 103, 108—113, 117, 120, 122, 125.

Маньянъ, секрет. посольства, III, 72, 79, 80, 99, 100, 107.
Маракасовъ, Фил., солд., III, 378.
Мардефельдъ, бар. Прус. посл. въ Спб. III, 34. 60, 63, 64, 70, 74, 75, 77—79, 81, 82, 85, 89, 116, 158.
Марниовъ, Степ., подъячій, III, 336.
Маріенбургъ, г. III, 2, 3.
Маріенгаузенъ, мѣст. III. 207, 208, 214.
Марія Алексѣевна, См. **Мароа**.
Марія Ильинишна, (Милославская), царица, IV, 293.
Марія Медичи, кор. IV, 307.
Марія Ѳеодоровна, в. к. (потомъ имп.). Два письма ея къ Вадковскому, III, 411—415. Ея переписка съ Пелидовой, III, 451—456. Упом. III, 406, 410, 422, 432, 458; IV, 200, 467, 481.
Маркинъ, Ѳед., донск. каз. III, 225, 226.
Мармонтель, Его *Велисарій* осужденъ Сорбонной, IV, 334.
Маро, слуга Вольтера, III, 476, 479.
Мартыновъ, полковн. IV, 208, 213.
Мароа (Марія) Алексѣевна, царев. III, 11; IV, 36.
Масальскій, кн., еп. Виленск. Замѣч. о немъ Сальдерна, III, 205. Упом. III, 204, 206, 207; IV, 163, 165, 172.
Масковъ, магистръ, III, 226. Свѣдѣнія о немъ, III, 227.
Масловскій, конюхъ, IV, 125.
Масловъ, Сем., полковн. IV, 212.
Матвѣева, Праск., солдатка, III, 336.
Матвѣевъ, Леонт. III, 289.
Матвѣевъ, гр. Ѳ. А. III, (108.) (122.) 174.
Матерпови, Георгъ, маст. IV, 16.
Матюшкинъ, Мих. Аѳ., ген.-анш. III, 40, 42, 44, 54, 162, 173.
Матюшкинъ, маіоръ, IV, 44.
Махмутъ-Утемышевскій, султ. Его неудачн. атака, IV, 72.
Медвѣдевъ, Степ., серж. IV, 85.
Медяно, с. III, 483.
Мезецкой, кн. Дан. Ив. IV, 372—375.
Мей, IV, 197.
Мейеръ, ген.-м. III, 246, 247.
Мейснеръ, банк. IV, 194.
Мелешино, д. IV, 258, 261, 262.
Меллени, (де), IV, 197.
Мелессино, подполк. IV, 208.
Мельгуновъ, Алексѣй Петр., ген.-пор. III, 352; IV, 352.
Мемель, г. III, 231; IV, 2, 4, 6, 22, 53, 54
Менгденъ, барон. Доротея-Соф., урожд. ф. Розенъ, IV, 236.
Менгденъ, (фонъ), бригад. IV, 56.
Ментеконъ (де), супр. Людов. XIV-го, IV, 248.
Меншикова, кн. Дар. Мих., урожд. Арсеньева, III, 166.
Меншикова, княж. Мар. Александр. IV, 367.
Меншиковъ, кн. Ал—дръ Дан. Его отнош. къ Екат. Перв. III, 3—5, 14, 15, 26. Его пренія съ Бассев. о престолонаслѣдіи, III, 15, 26. Его рубинъ, III, 19. Его замѣч. по поводу побѣговъ крестьянъ, III, 193. Слѣдствіе надъ нимъ, IV, 75. Его раздоры съ Репнин. IV, 76. Упом. III, 6, 36, 84, 166, 236; IV, 1—4, 6, 7, 10, 13, 29—31, 37, 38, 42, 43, 45, 59, 73, 77, 86.
Меншиковъ, Гавр., подпор. IV, 16, 17.
Мерчь, м. IV, 181.
Мещерская, кн. Соф. Серг., урожд. Всеволожская. Свѣдѣнія о ней, III, 345.
Мещерскій, кн. Мих. III, 319.

Мещерскій, кн. Сем. Θед., губернат. Архангелогор. III, 165.
Мещерскій, кн. IV, 464, 465.
Мещерскій, серж. IV, 43.
Миддлетонъ, капит. IV, 287.
Миддлетонъ, резид. IV, 175
Мизовичъ, Іосифъ, гайдукъ, IV, 121.
Миллеръ, исторіогр. IV, 429—431.
Милославскіе, IV, 293.
Милославскій, контръ-адм. IV, 208, 210.
Минихъ, гр. Анна-Доротея, урож. бар. Менгденъ, IV, 236.
Минихъ, гр. Бурх.-Христ., фельд. Оставался вѣренъ Петру III-му, III, 349, 354. Упом. III, 162; IV, 236, 297, 298.
Минихъ, гр. Іог.-Эрн., д. тайн. сов. IV, 236.
Минихъ (фонъ). Упом. въ ук. Екатерины Вт. III, 208.
Минорка, остр. III, 110.
Минскъ, г. IV, 131, 134, 135.
Миньо, аб., племян. Вольтера, III, 460, 473, 474, 477, 478.
Мирбахъ, сподвижн. Косцюшки, IV, 167.
Мировичъ, Вас. Его покушеніе, III, 357, 384, 385. Слѣдствіе и судъ надъ нимъ, III, 359, 360, 365, 366, 386, 387. Сентенція, III, 367—383. Свѣдѣніе о немъ, III, 359. Его дѣдъ, III, 362.
Мироновъ, Абак., капралъ, III, 374, 376, 382, 385.
Мируньянъ, Вас., конюхъ, IV, 125.
Мирязевъ, Муртаза, солд. III, 377.
Мистра, г. III, 243, 244.
Митава, г. III, 29, 30, 34, 36, 54, 56, 109, 111, 151, 152, 157, 172, 173, 187, 188, 190, 206, 215, 217—219, 221, 247, 251—255, 278, 358, 398; IV, 13, 15, 37, 42, 45, 53, 57, 59, 69, 235.
Митуаръ, аптек. III, 472.
Михаилъ Вишневецкій, кор. Польск. III, 125.
Михаилъ Павловичъ, в. к. Его рожденіе, III, 437.
Михаилъ Θеодоровичъ, царь, IV, 291, 292, 336, 383. Его бракосочетаніе съ Стрѣшневой, IV, 368—382.
Михайловъ, Ив., купеч. сынъ, III, 306.
Михайловъ, Кондр., канцеляр. III, 380.
Михалевскій, IV, 197.
Мишуковъ, поруч. IV, 30.
Млодзіевскій, Андр., корон. канцл. III, 214, 269.
Мнишекъ, гр. Урсула-Марія, урожд. гр. Замойск. IV, 177, 196, 198, 200, 201, 204, 205.
Мнишекъ, гр. Мих.-Юрій, вел. марш. IV, 177, 189, 190, 196, 198, 200, 202, 204, 205.
Молоствовъ, музыкант. IV, 466.
Мольеръ. Его комедіи, IV, 230, 385.
Монастыревъ, Дерпт. коменд. IV, 7.
Монахъ, Никита, ученикъ, III, 336.
Монтескье, IV, 403, 404, 432, 435, 443—445, 457.
Монти, (де), марк. III, 114.
Монсъ, камерг. Екатерины I-й, III, 21—24, 157; IV, 36.
Мордвиновъ (Никол. Сем.), III, 442.
Морицъ Саксонскій, гр. III, 70, 75. Интригуетъ прот. Бирона, IV, 90, 91.
Морозовъ, Вас. Петр., бояр. IV, 376.
Морозовъ, своякъ ц. Алексѣя Мих. IV, 292, 293.
Мортомъ-Энгель, поруч. IV, 36.
Москва, г. Пожары, III, 85, 281. 289, 290, 318—321. Чума, III,

345, 347. Казнь Салтычихи. IV, 94, 95. Упомин. III, 3, 6, 10, 15, 16, 27, 28, 39, 65, 75, 79, 90, 100, 118, 122, 133, 138, 141, 152, 158, 161, 171, 173, 174, 179—181, 185, 193, 195, 232—234, 260, 280—283, 285, 287—294, 297, 300, 302—308, 310, 313—325, 327—331, 337—342, 346, 393, 490, 491; IV, 3, 4, 36, 68, 72, 74, 75, 86, 94, 98, 108, 112, 118, 132, 224, 239, 245, 272, 278, 283, 284, 287, 293, 300, 301, 321, 354, 356, 358, 359, 377, 386—388, 391, 401—404, 415, 419, 422, 429—431, 435, 441, 451, 463, 468, 473.

Москва, р. III, 281, 288, 310, 316, 319, 323, 330; IV, 95.

Мостовская, IV, 197.

Мошинскій, гр., марш. корон. IV, 121, 124, 177, 202, 205.

Мошокъ, д. Пребываніе въ ней Павла I-го, IV, 470, 471.

Муравская, генеральша, IV, 197.

Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв. III, 396, 397.

Муравьевъ, Упом. въ п. Нелидовой, III, 434.

Муремойсъ, мыза, IV, 78.

Муромъ, г. III, 301; IV, 470.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валент. Плат., фельдм. III, 343, 408—411, 414.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексѣев., д. тайн. сов. III, 163, 173.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Плат. Ив., Смол. губернат. III, 123, 170, 172, 173, 175.

Мухановъ, (Ипатъ Калинычъ?), кап.-пор. IV, 36.

Мушинскій, гр., марш. IV, 122—124.

Мытищи, с. III, 291.

Мѣшковъ. Упом. въ запискѣ Павла I-го, III, 407.

*

Наваринъ, крѣп. III, 244.

Нагаевъ, конт.-адм. IV, 208, 210, 213.

Наживинъ, Мих., ученикъ Пос. двора, III, 336.

Наполеонъ I-й, IV, 107, 182, 203.

Нарбутъ, камерг. IV, 125.

Нарбурій, Янъ, флот. капит. IV, 23, 24.

Нарбутъ, хорунж. IV, 197.

Нарва, г. III, 2, 17, 18, 203, 230, 235, 238, 239, 360; IV, 7, 18, 42, 45, 315.

Наргинъ, остр. IV, 56.

Нарышкина, Мар. Ант., урожд. кн. Четвертинск. IV, 194.

Нарышкинъ, Ал-дръ Александр., об..шенкъ, III, 351, 352.

Нарышкинъ, Ал-дръ Льв., конт.-адм. III, 169.

Нарышкинъ, Левъ Александр., шталмейст. III, 351, 352.

Нарышкинъ, Сем. Григ., ген.-пор. III, 164.

Нарышкинъ, ген.-адют. Петра Вел. IV, 30.

Нарышкинъ, Нарвск. коменд. IV, 7.

Нарышкины, IV, 300, 320.

Нарушевичъ, бискупъ, IV, 124, 125.

Наталья Алексѣевна, вел. кн. III, 262, 265—267.

Наталья Кириловна, (Нарышкина), цариц. IV, 300.

Наталья Петровна, царев. III, 25.

Наумовъ, Ѳед. Вас., сенат. III, 166, 173.

Нева, р. III, 294; IV, 207, 208, 210, 283, 439.

Негилинъ, бурмистръ, IV, 31.

Нейтишейнъ, (гор.), IV, 234.

Нейшлотъ, крѣп. IV, 14.

Нейштатъ, г. IV. 68, 69.

Нелединскій - Мелецкій, Юр. Степ. Дѣдъ поэта, III, 171.

Нелединскій, генер. IV, 465.
Нелидова, Ек. Ив. Ея отношеніе къ Павлу Петров. III, 422, 423, 445—447. Переписка съ нимъ, III, 424—444, 448—450. Ея переписка съ Маріей Θеод. III, 451—456. Извлеченіе изъ ея некролога. III, 457—459.
Нелидова, Соф. Θед., урожд. Буксгевденъ, III, 433.
Нелидовъ, Арк. Ив. III, 433.
Нельи, гр. Изъ его воспоминаній, III, 396—405.
Непенинъ, чиновн. III, 328, 331.
Неплюевъ, Ив. Ив., д. т. сов., III, 358; IV, 207, 214.
Нероновъ, помѣщ, III, 286.
Нерчинскъ, г. IV, 288, 436.
Несвижъ, г. IV, 100, 125, 131, 133, 135, 136.
Несвицкій, кн. Ив. Вас. Свѣдѣнія о немъ, III, 346, 347, 491.
Неселовская, урожд. кн. Масальская IV, 163.
Неселовскій, воев. новогрудск. Его участіе въ Польск. революціи 1794 г. IV. 162. Ходатайство за него Репнина, IV, 163. Его сынъ Тж.
Нефедовъ, Григ., цирюльн. III, 380.
Нечаевъ, маіоръ, IV, 468.
Нечаевы, офицеры, IV, 465.
Нивернуа, (де), Герцогиня, III, 473.
Нижній Новгородъ, III, 298, 304, 322, 323, 490; IV, 240, 241, 243, 244, 247, 255, 272, 470, 472.
Никепинъ, г. IV, 46.
Никифоровъ, Ив., сторожъ, III, 336.
Николаевъ, Θед., солд. III, 378.
Николай Павловичъ, вел. кн. Замѣчаніе объ его наружности, III, 430. Упом. III, 454.
Никольсбургъ, г. IV, 233.
Никонъ, патріар. IV, 383, 384.
Новиковъ, Никол. Ив. Его участіе въ событ. 28 іюня 1762 г. III, 349.
Новицкій, Петръ, конюхъ, IV, 125.
Новицкій, ген.-м. Назнач. Слонимск. губернаторомъ, IV. 172.
Новичковъ, фурьеръ, III, 374.
Новгородъ, IV, 285, 287, 324, 342, 386. Новгородцы слывутъ *сутягами*, IV, 440.
Новодеревенская, станція, IV, 471.
Новосильцевъ, Вас. Яков. Его письмакъ Голицыну, III, 144—148, Упом. III, 58, 170, 172, 176, 177.
Новосильчиковъ. Назнач. прокуроромъ въ Вятку, IV, 473.
Ножанъ, (на Сенѣ), г. III, 474.
Ноздринъ, Ив., солд. III, 377.
Нордекъ, членъ рижс. магистр. IV, 34.
Норденъ, бургом. IV, 2.
Нордтштетъ, переводъ, IV, 210.
Норовъ, капит. IV, 37, 38.
Норрисъ, адм. IV, 56, 57.
Нумерсъ, ген.-пор. III, 215, 218, 219, 222.
Нумсенъ, генер. Замѣч. о немъ, IV, 132. Упом. IV, 133.
Нѣманъ, р. IV, 114, 115, 137, 180, 181, 185, 194, 196, 198, 199.

*

Образцевъ, Дм., совѣтн. IV, 373, 374.
Обрѣзковы, IV, 121, 465.
Обуховъ, Ив. Вас. Свѣдѣнія о немъ, III, 345.
Обь, р. IV, 284, 436.
Овцынъ, ген.-пор. IV, 212.
Огинскіе. Ихъ палаццо въ Гроднѣ, IV, 114.
Огинскій, Казим.; воев. Троцк. IV, 17, 18, 20.

Огинскій, гр. Мих.-Казим. Свѣдѣнія о немъ, III, 202. Его мемуары, IV, 164. Упом. III, 202.
Одаръ, Піемонтецъ. Свѣдѣнія о немъ, III, 349.
Однокулова, Ентлавета, (*Бельски Чумахолова*), солдатка, III, 178—181.
Одоевскій, кн. Ив. В. сенат. IV, 214.
Одуловъ, Андрей, слѣпецъ, III, 306.
Ожгибовка, д. III, 481—484, 487, 489, 490.
Озеровъ, бригад. III, 245.
Ока, р. III, 299; IV, 240, 470.
Олеарій, путешествен. IV, 280, 358.
Олишева, Мар. Вас., урожд. Суворова, III, 434.
Олишевъ, Ал-сѣй Вас., предв. дворян. III, 434.
Олонецкъ, г. IV, 74, 446.
Олонскіе пески, ссыльн. мѣсто, IV, 297.
Олсуфьева, фрейл. Екатер. Перв. III, 20.
Олсуфьевъ, Ад. Вас. IV, 16.
Олсуфьевъ, Матв. Дм. Его письмо къ кн. Голицыну, III, 146—148. Упом. III, 171, 173; IV, 8, 30.
Олсуфьевъ, полковн. III, 352.
Ольгово, с. III, 348.
Онежское, оз. IV, 447.
Онденель, куп. IV, 24.
Оноки, с. III, 374.
Ораніенбаумъ, г. IV, 211—214, 220.
Орашевскій, Польск. послан. въ Парижѣ, IV, 175.
Оренбургъ, г. III, 228, 315, 323; IV, 280.
Орелъ, г. III, 317.
Орловъ, гр. Ал-сѣй Гр. III, 247, 248, 343.
Орловъ, гр. Гр. Гр., ген.-фельдцех. III, 201, 226, 343, 346, 347.
Орловъ, гр. Ѳед. Гр. Его дѣйствія въ Архипелагѣ, III, 243, 244, 343.
Орловы, III, 344, 346, 347, 349, 354.
Орнуа, (д), племян. Вольтера, III, 473, 474, 477, 478.
Осиповъ, Никол., капр. III, 374, 376, 382.
Осиповъ, Фролъ, солд. III, 377.
Оскерко, Польск. генер. IV, 135.
Остенъ-Ботенъ, гор. IV, 9.
Остерманъ, баронесса, ст.-дама, III, 63.
Остерманъ, баронъ (пот. графъ), Андр. Ив. Его письма: къ кн. Голицыну, III, 133—143;—къ неизвѣстному лицу, III, 150. Упом. III, 22, 27—29, 31, 33, 35, 36, 38, 41, 42, 52, 55, 58, 60—63, 75, 78—82, 85—91, 93, 96, 97, 99—101, 104—108, 111, 112, 114—118, 120, 121, 154—156, 172, 173, 174; IV, 44, 296.
Остерманъ, гр. Ив. Андр. IV, 177.
Отенгофъ, мыза, IV, 85.
Охотскъ, г. III, 303.
Ошмяны, г. IV, 136.

*

Павелъ I Петровичъ. Награждаетъ любимцевъ Петра Тр. III, 352—354. Его записочки къ Кудрюкову, III, 406, 407. Участвуетъ въ Финл. камп. III, 408, 411. Его недоразумѣнія съ гр. Мус.-Пушк. III, 408—410, 414. Его завѣщаніе, III, 408, 409, 412. Его отнош. къ Мар. Ѳеод. III, 410, 412. Его письма къ Вадковскому, III, 416—418. Его мысли о своей смерти, III, 416. Частн. письмо о первыхъ дняхъ его царст. III, 419—421. Его отнош. къ Нелидовой, III, 422, 423. Его пе-

реписка съ нею, III, 424—444, 448—450. Его письмо къ Екатер. III, 445—447, Разсказъ о пребываніи его въ Казани, IV, 464—469,—о посѣщеніи имъ Владиміра IV, 469—473. Два его рескр. о Зубовыхъ, IV, 474, 475. Ода въ честь его, IV, 476, 479—488. Начало его царствов. IV, 477, 478. Посвященныя ему гравюры, IV, 480. Упом. III, 262, 265—267, 347, 357—360, 370, 397, 401, 419, 452, 454—457; IV, 155, 156, 207, 209, 210, 213, 218—220, 311, 479.

Павелъ Конюскевичъ, митр. Тобольск. Отзывъ объ немъ Екатер. IV, 334. Упом. IV, 342, 343, 347, 349, 352—354, 376.

Павелъ, еп, Нижегор. IV, 472.

Павилено, с. III, 326.

Павлова, Агаѳ., солдатка, III, 337.

Павловскъ, г. (подъ Спб.), III, 406—408, 415, 430.

Павловъ, Тимоф., гандланг. III, 379.

Павлуцкій, IV, 350, 353, 354.

Пазухинъ, Ив. Петр., помѣщ. III, 481, 482.

Пазухинъ, капит. III, 288.

Паленъ (фонъ-деръ-). Рижск. губернат. IV, 167.

Паленъ, гр., ген.-м. IV, 144, 145, 195.

Паленъ, маіоръ, IV, 122.

Палласъ, академ. IV, 430.

Пальмбенбахъ, ген.-пор. III, 215—217, 221, 222.

Пальмъ, Янъ, IV, 27.

Помпадуръ. Ея салонъ, IV, 167.

Панина, гр. Соф. Влад., урожд. гр. Орлова, IV, 197, 198, 200, 201, 206.

Панинъ, Андр. Вас., ген.-м. III, 168.

Панинъ, Ив. Вас., ген.-м. III, 168.

Панинъ, гр. Ник. Ив. Его переписка съ ген.-губернат. Броуномъ, III, 204, 205, 207—211, 214, 215, 219, 220—222, 276, 277. Первенствуетъ въ дѣлахъ государств. III, 357. Его донесенія Сенату, IV, 208, 209, 213. Упом. III, 168, 206, 343, 358—360, 364, 385, 391; IV, 90.

Панинъ, гр. Никита Петр. III, 411; IV, 194, 197, 200—202, 205.

Панинъ, гр. Петръ Ив. Какъ онъ объясн. причину част. побѣговъ крестьянъ, III, 193. Его дѣйствія прот. Пугачева, III, 231, 232. Взялъ Бендеры, III, 250. Его замѣч. о Мировичѣ, III, 359. Упом. III, 168, 411.

Панинъ, Перновск. коменд. IV, 24.

Панкратьевъ, Ѳед., десятск. III, 374.

Папинскій, гайдукъ, IV, 125.

Парижъ, г. III, 70, 461, 473—475, 477, 478, 480; IV, 42, 226, 227, 232—236, 240, 257, 260, 271, 272, 289, 294, 342, 347, 348, 363, 418.

Парчевскій, капит. IV, 121.

Паршинъ, Ѳед., солд. III, 377.

Парыгинъ, Ѳед., крестьян. III, 314, 315.

Пассекъ, Петръ Богд. ген.-анш. III, 343, 354; IV, 164.

Пасъ (де-ла), марк. III, 33, 124, 128.

Патинье (Донъ-Хосе), III, 32.

Паткуль, гауптм. IV, 2.

Патонъ. Упом. въ запискѣ Павла Петров. III, 406.

Паульзенъ, Христ., канцеляр. III, 262, 266.

Пацъ, Польск. фамилія, III, 204, 269; IV, 164.

Пашковъ, Ег. Ив., Воронеж. в.-губерн. III, 152. Письмо къ нему Анны Іоан. III, 154.

Педель, р. IV, 75.

Нейпусъ, оз. III, 1. Проэктъ соединенія его съ р. Аа, IV, 75.

Нелькепь, р. IV, 9.

Нелымъ, мѣсто ссылки, IV, 298.

Нерминова, IV, 249.

Нерпава, д. III, 357.

Нерновъ, г. III, 233, 238, 344; IV, 1, 2, 23, 24, 42, 47, 48, 60, 62.

Нетербургъ, г. Пожаръ, III, 85. Наплывъ Поляковъ, IV, 173. Упом. III, 6, 17, 22—26, 61, 71, 73, 74, 79, 82, 103, 109, 115, 136, 141, 145, 146, 157, 166, 167, 178, 186, 206, 229, 231, 233, 234, 242, 243, 244, 319, 320, 349—355, 357, 359, 361, 381, 382, 409, 419, 421, 429, 430, 435, 452, 459; IV, 3, 5—10, 17, 21, 32, 36—39, 42, 44, 48, 59, 61, 62, 64, 68, 72, 73, 76, 80, 86, 90, 107, 112, 113, 115, 118, 119, 133, 139, 188, 194, 201, 202, 207—214, 224, 236, 237, 239, 243, 244, 256, 266, 268, 270, 278, 279, 283, 284, 286, 287, 308, 309, 319, 321—323, 354, 365, 402, 403, 411, 414, 417, 422, 430, 431, 435, 436 439—441, 458, 463, 467, 468.

Нетергофъ, г. III, 348—351, 359; IV, 208—210, 212, 215.

Нетерсонова, прачка, IV, 117.

Нетровъ, Вас. Петр. Отзывъ Екатер. объ его переводѣ Энеиды, IV, 428.

Нетровъ. См. Бетковъ.

Нетръ I. Его внѣшн. политика, III, 1, 2; IV, 1—4, 6, 10, 13, 28, 37, 38, 55, 62, 74. Замѣч. о немъ Арескина, III, 3. Его перв. встрѣча съ Екатер. и дальнѣйшія отнош. къ ней, III, 3—6, 9, 10, 12, 13, 15. Его бракъ съ нею, III, 8, 10—12, 15, 18. Его припадки, III, 10. Вліяніе на него Екатер. III, 10, 14, 15, 20 Неудача при Прутѣ и заслуга Екатер. III, 13. Его замѣч. о свое вспыльчивости, III, 14. Называлъ Екат. и Менш. „дѣтьми своего сердца“, III, 14. Зналъ-ли онъ о судьбѣ перв. мужа Екатер. III, 16. Устроиваетъ встрѣчу Екатер. съ ея братомъ, III, 16, 17. Его заботы объ утвержд. престола за Екатер. III, 17, 18. Его охлажденіе къ ней, III, 19, 20. Разрываетъ актъ о престолонасл. III, 20. Его нравъ, III, 21. Дѣло Монса, III, 21—24. Упрекаетъ Екатер. III. 23. Его кончина, III, 24, 145; IV, 76. Сонъ объ немъ, III, 25. Ведетъ переговоры съ Мадр. Дворомъ объ имп. титулѣ, III, 135—138. Его портретъ, III, 310. Его записка къ Меншик. IV, 1. Провозглашенъ в.-адмираломъ, IV, 21. Его *рескрипты и указы*: Полонскому, IV, 2—7; —Левенвольду, IV, 4; — кн. Голицыну, IV, 7—45; — кн. Репнину, IV, 45—48, 53—62, 66—76;—Балабанову, IV, 47;—Бестужеву, IV, 58, 59;—Воейкову, IV, 68; — Рижск. магистрату, IV, 52, 53. Устроив. Православн. церкви въ Ригѣ, IV, 25. Его заграничн. путеш. въ 1717 году, IV, 42. Его письмо къ Исаеву, IV, 48. Его отвѣты на вопросы Репнина, IV, 48—50, 63—65. Смягчаетъ пригов. объ Шафировѣ, IV, 73. Штрафуетъ Меншикова, IV, 75. Его уваженіе къ пам. Бор. Годун. IV, 291. Изображенъ на грав. III, 8; IV, 480. 291. Упом. III, 7, 8, 28, 41, 50, 87, 88, 117, 126, 134, 140—145, 169, 170, 303, 350, 361; IV, 3, 6, 18, 32, 34, 37—39, 51, 52, 62, 63, 67, 70, 74, 78, 79, 84—86, 182, 219, 262, 281—283, 292, 295—297, 300, 302, 304, 314, 315, 320, 334, 336, 341, 351, 366, 382—385, 391, 424—427, 452, 456, 457.

Петръ II. Его болѣзнь и конч. III, 27, 161. Его погреб. III, 41, 42. Упом. III, 28—38, 44, 59, 64, 83, 90, 133, 151, 153, 161, 171; IV, 296, 367.

Петръ III. Не хотѣлъ слыш. о перв. замуж. Екатер. I-ой, III, 8. Обстоятельства его низверженія, III, 349—355, 419; IV, 208—212, 214, 215. Посѣщаетъ Іоанна Ант. III, 357. Его меморіи, III, 392. Его кончина, IV, 213, 223, 224. Его тѣло перенес. въ Петроп. соб. III, 419; IV, 479. Намѣренъ б. лишить жизни Екатерину, IV, 220, 221. Его отреч. отъ прест. IV, 221, 222. Маниф. о конч. его, IV, 224. Первый день его царств. IV, 311—313. Изображенъ на гравюрахъ, IV, 480. Упом. III, 28, 35, 60, 184, 193, 195, 196, 344, 396, 491. IV, 214, 217—219, 221, 309, 310, 314—317.

Петръ Петровичъ, царев. Его болѣзненность, III, 14.

Печерскій монаст. (въ Дерпт. у.), IV, 84.

Печоры, г. III, 261.

Пиза, г. IV, 165.

Пинетти. Даетъ свои представленія въ Гроднѣ, IV, 198, 200.

Пинскъ, г. IV, 135.

Пирмонтъ, г. IV, 32, 38, 39.

Пискловъ, Яковъ, солд. III, 374, 376, 382.

Платеръ, гр. в.-капил. IV, 120—123, 125, 126.

Платеръ, резидентъ, IV, 20.

Платонъ, архіеп. Московск. Письмо къ нему архим. Амвросія, III, 394, 395. Упом. IV, 332.

Плетенбергъ, гермейст. Лив. орд. IV, 51.

Плехановъ, шт.-оф. IV, 120.

Плещеевъ, Ал-сѣй Льв., Московск. губернат. III, 166, 173.

Плещеевъ, Ив. Никиф., т. сов. III, 166, 172.

Плещеевъ Упом. въ п. Нелидовой, III, 426.

Пломбекъ, Польск. ген. IV, 197.

Плоховъ, Вас., солд. III, 377.

Плохой, Савел., крестьян. III, 322.

Подолй (мадамъ де-). См. гр. **Замойская**.

Подымовъ, серж. III, 333, 334.

Пойницъ, диплом. агентъ, III, 108.

Покровское, с. Пожаръ, III, 319.

Покровъ, г. Пребыв. въ немъ Павла I-го, IV, 473.

Политальскій, полковн., шталмейст. IV, 117, (186).

Полонное, д. IV, 189.

Полонскій, Панкр., секрет. III, 262, 266.

Полонскій, Яковъ Вас., Лифл. ген.-губернат. Рескрипты къ нему Петра Вел. IV, 2—7; Упом. IV, 17, 41.

Полоцкъ, г. IV, 38, 135, 136.

Полтава, г. III, 15.

Полубояриновъ, курьеръ, III, 231.

Польша (Рѣчь Посп.). Зараза. III, 246—251, 253—255. Сеймы, III, 98, 99, 103, 110, 113, 114, 117, 120, 121, 219—221; IV, 112, 129, 150. Торгов. конфедерація, IV, 128, 157. Революція, IV, 128—137, 140. Упом. III. 30, 92—95, 98, 103—105, 108, 110, 112, 114, 115, 121, 122, 125, 127, 128, 192, 197—208, 210—219, 221—224, 237, 256, 258, 259, 270; IV, 1—3, 8, 17, 18, 24, 28, 38, 42, 44, 45, 51, 57, 97—99, 101—103, 108, 112, 113, 126—131, 133, 134, 146—148, 150—152, 154, 156, 157, 160, 161, 168, 170, 171, 173, 174, 176, 178, 182, 190, 191, 199, 235, 291, 408. *Поляки*, III, 93—95, 105, 114, 123, 125, 129, 201,

204, 212, 213, 221—223, 253; IV, 18, 28, 38, 48, 73, 98, 106, 113, 127, 128, 130, 133, 134, 136, 148—150, 154, 160, 162, 168, 173, 174, 179, 180, 197, 198, 229, 292, 387, 407. 408.

Полянскій, Ал—дръ Ив. III, 351.

Полянскій, шталмейст. III, 291.

Помеловъ, Вас., солд. III, 380.

Поневѣжъ, г. IV, 134.

Понѣмунь, двѣ деревни подъ Гродной, IV, 180, 185, 186, 195, 198.

Понятовскій, Антонъ, IV, 117, (200).

Понятовскій, кн. Іосифъ, IV, 115, 117, 177, 188, 189.

Понятовскій, кн. Карлъ, IV, 177, 189.

Понятовскій, Ромуальдъ, квартирм. IV, 117.

Понятовскій, кн. Станисл., вел.-подск. IV, 177, 196, 198, 204.

Понятовскій, маіоръ, IV, 116.

Поповъ, Вас. Ст., прав. канц. Потемкина. Письмо къ нему Екатер. III, 392, 393. (Упом. III, 438).

Поповъ, Петръ, солд. III, 378.

Попугай, флотс. капит. IV, 45.

Порнесъ, флотс. капит. IV, 19.

Поросятково, староство, IV, 190, 204.

Порошинъ, Вас. Ив., ген.-м. III, 168.

Порѣчье, г. IV, 38.

Потемкинъ, Ал—сѣй Ив., ген.-м. III, 168.

Потемкинъ, кн. Григ. Александр., фельдм. III, 343, 393; IV, 199.

Потоцкій, гр. Антоній, III, 89, 92—96, 100, 103, 105, 112, (129).

Потоцкій, гр. Игн., надв. маршалъ, III, 200. Его нерасположеніе къ Россіи, IV, 184.

Потоцкій, гр. (Сѣвер. Осипов.), сенат. IV, 156.

Потоцкій, кн. Станисл., Кіевск. палатинъ, III, 125.

Потоцкій, гр. Теодоръ. Примасъ Польши, III, 89, 94, 95, 104, 105, 125.

Потоцкій, Польск. послан. въ Стокгольмѣ, IV, 175.

Потсдамъ, г. IV, 91.

Потѣй, гетм. IV, 24.

Похвисневъ, Мих. Семен. Свѣдѣнія о немъ, III, 345.

Поцалуевъ, Мих., казакъ, III, 225, 226.

Почебутъ, ректр. Виленск. акад. IV, 122, 170, 184.

Прага. г. III, 101.

Прасковія Іоанновна, царев. Ея отношенія къ Дм.-Мамонову, III, 76. Участвуетъ въ богомольн. путеш. къ Троицѣ, III, 89. Упом. III, 28, 71, 117, 157.

Прасковія Ѳеодоровна (Салтыкова), царица, III, 58, 60.

Прдушевичъ, парихмах. IV, 117.

Пресъ (ле). Его рисунки, IV, 227.

Преображенское, III, 317.

Принценштіерна, К. III, 170.

Протасова, гр. Анна Ст., кам.-фрейл. III, 344.

Протасовъ, Гр. Гр. Свѣдѣнія о немъ, III, 344.

Протопотоцкій (?), IV, 152.

Прохоръ, настоят. Иргизск. мон. IV, 475.

Пружаны, г. IV, 139.

Псковъ, г. IV, 285, 324, 386.

Пуату, г. IV, 345.

Пугачевъ. Разбитъ подъ Татищевой, III, 228. Сравненіе его съ Стеньк. Разинымъ, III, 232. Замѣчанія объ немъ Екатер. и Бибикова, III, 232. Упом. III, 344, 345, 347, 482, 483, 489, 490.

Пугачевщина, III, 231, 232, 481—490; IV, 96.

Пузына, княгиня, IV, 197.

Пузына, секрет. Станисл. Понятовскаго, IV, 117.
Пултускъ, г. III, 270—272.
Пустозерскъ, мѣсто ссылки кн. И. Долгорук III, 84.
Путришки, д. IV, 181.
Пушкинъ, Ал—дръ, Серг. Строфа изъ его стихотв, *Мѣщанинъ*, III, 354.
Пушкинъ, Ал—сѣй Мих., стихотв. III, 348.
Пушкинъ, Левъ Александр., дѣдъ поэта. Оставался вѣренъ Петру III-му, III, 354.
Пушкинъ, Мих. Алексѣев., поруч. III, 348.
Пушкинъ, графъ, Тобольск. прокур. IV, 271, 276, 348, 351.
Пущинъ, Казанск. коменд. IV, 464.
Пычкала, Андр., суконщ. III, 332, 337.
Пышки, дача, IV, 181.
Пьяна, р. III, 302, 482, 483.
Пѣтуховъ, Ив., секрет. III, 217, 231.
Пѣшинскій, преступн. IV. 193. 194.

*

Работки, с. III, 299, 300.
Рагозинъ, Ал—дръ Аѳан., предв. дворянс. IV, 472.
Рагозинъ, Ал—дръ Дм. IV, 469, 472.
Рагузинскій, гр. Савва Лукичъ Владиславъ, III, 165; IV 39.
Радзивиллова, кн. IV, 197.
Радзивиллъ, кн. (Мих.), воев. Виленск. III, (200), 201.
Радзивиллы, князья, III, 204.
Радоминъ, помѣщ. III, 207.
Разинъ, Стенька. Сравненіе его съ Пугачев. III, 232.
Разумовская, гр. Елис. Кирил., въ замуж. гр. Апраксина, фрейл. III, 351.
Разумовская, гр. Нат. Кирил., въ замуж. Загряжская фрейл. III 351.
Разумовскій, гр. Ал—сѣй Гр. Письмо къ нему канцл. Бестужева, IV, 90—93.
Разумовскій, гр. Кир. Григ. Допрашивалъ Мировича, III, 369. Упом. III, 178, 183, 343, 358; IV, 210, 213.
Райскій, IV, 197.
Рамза, Юрій, кораб. маст. IV, 27.
Ранепбургъ (Ораніембургъ), г. III, 84.
Растрелли, архитекторъ. III, 65; IV, 36, 37.
Ратиславъ, с. IV, 472.
Рафаилъ Заборовскій, архим. III, 171.
Рахмановъ, капит. III, 261.
Рацкій, послан. въ Митавѣ, III, 166.
Ревель (Колывань), г. III, 20, 238; IV, 1, 2, 8, 16, 18, 21, 26, 27, 29—31, 40—44, 47, 56.
Рей, книгопродав. IV, 227, 260.
Рейзеръ, фл.-адъют. IV, 209.
Рейнедоринъ, Оренб. губернат. III, 228.
Рейнъ, р. III, 399.
Рейтеръ, ратм. IV. 2.
Ренъ, об.-гауптм. IV, 69, 70.
Репнина, кн. Нат. Александр., урожд, кн. Куракина, IV, 186, 187, 198, 200, 201.
Репнинъ, кн. Аник. Ив., Лифл. ген.-губернат. Свѣдѣнія объ немъ, IV, 45. Рескр. и указы къ нему: Петра Вел. IV, 45—48, 53—62, 66—76.—Екатер. Перв. IV, 77—85. Его доклади. записки, IV, 48—50, 63—65. Его раздоры съ Меншик. IV, 76. Его кончина и похороны, IV, 85, 86. Надпись надъ гроб. его, IV, 85. Упом. III, 16; IV, 1, 2, 12, 13, 20, 21, 23—25, 27, 28, 37, 53, 55, 57, 391.

Репнинъ, кн. Никол. Вас. Его *донесенія* о Станисл. Понятовскомъ, IV, 101, 102, 174, 175, 177—179, 188, 193. Его *предписанія* и *инструкціи*: гр. Безбородку, IV, 102—104.,—кн. Циціанову, IV, 104, 105, 109—111.,—кн. Голицыну и Кнорринту, IV, 105., — Ферзену, IV, 159. Его *письма*: къ Бенигсону, IV, 106.,—къ кн. Салтыкову, IV, 129—132, 137—139, 163, 164, 202, 203., къ гр. Ржевускому, IV, 165.,—къ кн. Зубову, IV, 183, 184, 202. Его замѣч. о свитѣ Стан. Понятовскаго, IV, 117. Ходатайствуетъ: за Стан. Понятовск. IV, 119.,—за Неселовскаго, IV, 163. Его воен. дѣйствія въ Литвѣ, IV, 127, 128, 130, 131, 133—136. Его мнѣніе о Польск. Конституціонистахъ, IV, 129. Жалуется на недостатокъ хорош. офицеровъ, IV, 131. Его мысли о способѣ веденія войны съ Польшей. IV, 133. Его замѣч. о Полякахъ, состоящ. въ Русск. службѣ, IV, 133, 134. Устраненъ отъ главн. командованія войсками, IV, 137. Его отношенія къ Суворову, IV, 137, 138. Его маниф. и прокламація къ жителямъ Литвы, IV, 139—143, 150, 157, 158. Назнач. Литовск. ген.-губернаторомъ, IV, 144. Трудность его положенія, IV, 146, 162. Замѣч. о немъ Державина, IV, 156. Къ біографіи его, IV, 107, 127, 151, 199, 202, 245. Его отзывъ о гр. Браницкой, IV, 188. Его письмо объ отреченіи Ст. Понят. IV, 202. Упом. III, 204, 205, 210, 213, 214, 219, 222, 223; IV, 100, 101, 107, 108, 114—116, 118, 119, 121—125, 127, 137, 145, 151—154, 160—162, 164, 166—169, 173, 176, 180—189, 191, 193—195, 198, 200, 201, 205, 206.

Репнинъ, полковн. IV, 121.

Репнинъ-Волконскій, кн. Никол. Григ. IV, 152, 186.

Ржевская, Елис. Александр., урожд. Римск.-Корсакова, III, 346.

Ржевскій, Ал—дръ Ильичъ. Свѣдѣнія о немъ, III, 346, 491.

Ржевускій, гр. (Адамъ Станисл.), III, 209, 211; IV, 165.

Ржевускій, (Станиславъ), хорунж. Литовск. III, 204.

Ржевускій, гр. (?), IV, 197.

Рибера, капелланъ, III, 123.

Ривенвольденъ. Его случай при дворѣ Екатер. Перв. III, 25.

Рига, г. Чума. IV, 3. Городск. библіотека—древнѣйш. въ Европѣ, IV, 17. Православн. церкви, IV, 25, 26, 78, 79, 82, 83, 85. Къ исторіи города, IV, 50—52. Царскій садъ, IV, 67, 70, 83. Упом. III, 97, 120—122, 148, 187—189, 191, 197, 198, 200—203, 206, 207, 210, 212, 213, 215, 216, 219, 224—227, 229, 230, 233, 234, 238, 240, 241, 247, 251—254, 256, 257, 263, 268, 270—278, 357; IV, 1—23, 25—32, 34—55, 57, 59—64, 66—71, 73, 76—80, 82, 83, 85, 86, 102, 112, 115, 119, 129, 167, 235, 236, 244, 285, 286, 386, 392.

Рикманъ, плацъ-маіоръ, III, 272—276.

Риликсъ-Фигль, уроч. IV, 21.

Римскій-Корсаковъ, Ал-дръ Мих. III, 398, 399.

Римъ, г. IV, 99, 175, 204, 342, 343.

Рингенъ, с. III, 7.

Ринъ, куп. IV, 24.

Рихтеръ, ассес. IV, 2.

Рихтеръ, кондит. IV, 117.

Ришелье, герц. Посѣщаетъ Вольтера, III, 472.

Ришелье, кардин. IV, 296, 297.

Рогачевъ, г. IV, 136, 137.

Роде, шт.-лѣк. IV, 139.

Родіоновъ, Ларіонъ, солд. III, 377.
Розинъ, Лифл. помѣщ. III 6—8.
Романова, кн. Іуліанія Никит. IV. 378, 379.
Романово, м. III, 123.
Романовъ, кн. Ив. Никит. IV, 372, 378—380.
Ромодановская, гр. Анаст. Θед., урожд. Салтыкова, III, 60.
Ромодановскій, кн. Ив. Θед., III, 58, 60, 163, 176.
Ромодановскій, кн. Θед. Юр. Его перцовка, III, 13.
Рондо, повѣрен. въ дѣлахъ въ Англіи, III, 77, 78, 106, 111, 112.
Ропша, г. III, 351.
Рославлевъ, Ал-дръ Ив. Свѣдѣнія о немъ, III, 345, 346.
Рославлевъ, Ив. III, 336.
Рославлевъ, Никол. Ив., прем.-м. Свѣдѣнія о немъ, III, 344—346, 491.
Росситтенъ, м. III, 207.
Ростокъ, г. IV, 39.
Ротердамъ, г. IV, 42.
Рпень, р. IV, 473.
Рудаковъ, Козьма, серж. III, 290.
Руснъ-Гросгофъ, мыза, IV, 84, 85.
Румовскій, академ. IV, 429.
Румянцева, гр. Мар. Андр., урожд. гр. Матвѣева, III, 90.
Румянцевъ, гр. Ал-дръ Ив. ген.-пор. III, 90, 121, 164.
Румянцевъ, гр. Мих. Петр., ген.-пор. III, 261, 406, 407; IV, 120, 136, 187, 195, 201, 205.
Румянцевъ, гр. Петръ Александр. Его побѣда при Кагулѣ, III, 244, 245. Упом. III, 261; IV, 119, 127, 128, 133, 190.
Руничъ, Пав. Степ., Владим. губернат. IV, 472. Секретн. бумага къ нему отъ Лопух. IV, 474. Два рескр. къ нему Павла I-го, IV, 474, 475.
Русановъ, бригад. IV, 171.
Русиновское, с. IV, 250.
Руссо, Ж. Ж. IV, 455, 456.
Руссо, камердин. IV, 117.
Руссовъ, Степ. Его ода Павлу 1-му, 476, 478—488.
Рыксъ, экономъ, IV, 118, 121, 185.
Рысъ, Степ., егерь III, 231.
Рѣдькинъ, полковн. III, 298, 301.
Рѣльское, оз. Почему такъ названо. III, 484—486.
Рѣткинъ, Θед., крестьян. III, 291, 292.
Рѣчь Посполитая. См. **Польша**.
Рюгенъ, остр. IV, 10.
Рянина, мыза, IV, 75.

*

Саандамъ, г. IV, 42.
Савельева, Θедосья, солд. III, 325, 326.
Савельевъ, Степ., генеральн. писарь, III, 231.
Савишна (?). Упом. въ п. Анны Іоан. III, 152.
Саготинскій, секрет. IV, 117.
Сакенъ, гр. (Карлъ Ив.), IV, 197.
Сакенъ, шляхт. IV, 64.
Сакмара, д. III, 228.
Саксъ, гр., маршалъ, IV, 91.
Сакъ, архит. IV, 196.
Сала, р. IV, 9.
Салмонъ, Яганъ, доносч. IV, 65, 66.
Салтыкова, Дар. Никол., по прозв. **Салтычиха**. Современ. письмо о ней, IV, 94, 95. Ея казнь изображена на картинкѣ, IV, 95.
Салтыкова, Праск. Юр., урожд. кн. Трубецкая, ст.-дама, III, 63, 177.
Салтыковъ, Вас. Θед., Моск. ген.-губернат. III, 58, 69, 118, 168, 176.

Салтыковъ, гр. Ив. Петр. III, 407, 417.

Салтыковъ, Мих. Алексѣев, д. ст. сов. III, 170.

Салтыковъ, кн. Никол. Ив., III, 406, 407; IV, 128. Выдержки изъ писемъ къ нему кн. Репнина, IV, 129—132, 137—139, 163, 164, 202, 203.

Салтыковъ, Петръ Сем., камерг, III, 59, 168, 177.

Салтыковъ, Сем. Андр., об.-гофм. III, 53, 55, 59, 164, 176, 177.

Салтычиха. См. **Салтыкова**.

Сальдернъ (фонъ), Русск. послан. въ Варшавѣ. Его замѣчанія о марш. Гуровскомъ, III, 200;—о еп. Масальскомъ, III, 205. Его п. къ Броуну, III, 270. Уном. III, 271—273, 276.

Сальморова, графиня, IV, 152.

Самара, г. III, 179; IV, 280.

Самара, р. IV, 280, 286.

Самойловъ, гр. Ал-дръ Никол., ген.-прокур. III, 420; IV, 168.

Самойловъ, Никол., об.-секрет. III, 262.

Самоѣды. Ихъ отвѣтъ Коммисіи для составл. Уложенія, IV, 443.

Самсоновъ, Яковъ, солд., III, 380.

Самыкинъ, Ант., фурьеръ, III, 225.

Сангушка, кн. Его полацко въ Гроднѣ, IV, 114.

Санктпетербургъ. См. **Петербургъ**.

Санта-Крусъ де Марсенадо, мар., III, 51, 72, 88, 108.

Сапѣга, гр. Соф. Карл., урожд. Скавронск. III, 25.

Сапѣга, гр. Петръ Ив. III, 25.

Сапѣга, гр. Янъ-Казим., фельдм. III, 162.

Сапѣга, кн. (?), IV, 120, 123, 126.

Сапѣги, графы, III, 204.

Сарасухинъ, Ив., солд. III, 380.

Свистуновъ, Петръ, III, 231.

Свіяжскъ, г. IV, 464.

Свѣшниковъ, Петръ, матр. III, 337.

Святославъ Игоревичъ, кн. IV, 386.

Секіотовъ, Серг., д. ст. сов. III, 170, 173.

Секкендорфъ. См. **Цеккендорфъ**.

Секретъ, загород. мѣсто, IV, 194.

Семенниковъ, по прозв. **Голый**, бродяга, III, 307.

Семенниковы, III, 136, 137, 141.

Семеновъ, Григ., крестьян. III, 374.

Семеновъ, Сем., куп. III, 337.

Семишинъ, подпоруч. IV, 183, 184.

Сена, р. IV, 240.

Сенъ-Жермень, гр. Его участіе въ соб. 28 Іюня 1762 г. III, 349.

Сенявинъ, Наумъ Аким., в.-адм. III, 165.

Сенявинъ, Ул. Акимов. III, 168.

Сенявинъ, кап.-пор. IV, 18.

Сергачъ, г. III, 481, 482.

Сергіевская пустынь (подъ Петербург.), III, 350.

Серковъ, Вас., канон. III, 379.

Серпуховъ, г. IV, 114, 241.

Сесвегинская мыза, IV, 37.

Сибилевъ, Фил. Иван., протокол. III, 179, 180.

Сибирь, III, 15, 16, 24, 36, 62, 133, 302, 305, 315, 403; IV, 34, 36, 73, 226, 228, 230, 236, 237, 256, 260, 262, 263, 269—271, 273—275, 277—281, 284, 286—288, 296—298, 322, 348, 350, 352, 355, 359, 360, 386, 400, 416, 417, 419—422, 428, 431, 436, 441, 442, 460, 463.

Сиверсъ, Петръ Ив., адм. III, 163.

Сиверсъ, гр. Як. Еф., послан. въ Польшѣ, IV, 190, 390.

Сивцовъ, Мих., солд. III, 377.

Сигизмундъ-Августъ I-й, кор. Польск. IV, 114.
Сидоровъ, Григ., солд. III, 377.
Сидякинъ, Ѳед., солд. III, 380.
Силинъ, куп. III, 290.
Силистрія, крѣп. III, 261.
Сильвестръ, архіеп. Казанск. III, 171.
Симбирскъ, г. IV, 419.
Симолинъ, Кар. Густ. Матв. Русск. послан. въ Митавѣ. Рескрипты къ нему Екатер. III, 188, 254. Его меморіалъ герцогу Курляндскому, III, 188—192. Его п. къ Броуну, III, 255. Упом. III, 187, 207, 215, 217, 218, 222, 251, 253, 269.
Симоновъ, Емельянъ, солд. III, 378.
Сицкій, кн. Андр. Дан. IV, 375.
Скавронскіе (Сковорощенки, Сковороцкіе), III, 7, 16, 25. Справки объ нихъ, III, 7, 8, 26. Вызваны въ Спб. III, 25.
Скавронскій, гр. Кар. Сам. Свѣдѣнія о немъ, III. 7, 16. Его встрѣча съ Екатер. Перв. III, 17. Пожалованъ помѣстьями, III, 25. Жена его. Тж. Упом. III, 8; IV, 320.
Скавронскій, гр. Март. Карл. IV, 207, 214.
Скавронскій, Самойло, отецъ Екатер. Перв. III, 7, 8.
Скидель, м. IV, 181.
Скорняковъ-Писаревъ, Гр. Гр. III, 168.
Скорульскій, пажъ, IV, 117.
Слава, гор. IV, 381.
Слатинскій, поруч. IV, 196.
Слонимъ, г. IV, 135, 136, 149.
Слуцкъ, г. III, 10.
Сляевъ, капит. IV, 30.
Смирновъ, фабричн. III, 336.
Смирной Закутинъ (Камчатка), Петръ Роман., солдатск. сынъ, III, 295—298, 300, 302, 304, 305, 322, 323.
Смирной, Ром. Герас., солд. III, 322.
Смоленскъ, г. III, 123, 212, 374; IV, 11, 14, 20, 25, 26, 34, 41, 54, 85, 285, 324, 386.
Снегиревъ, Ив. Мих. III, 8; IV, 95.
Соболевскій, дворов. челов. III, 286.
Соболевскій, (?) IV, 197.
Соймоновъ, Леонт., Яковл., ген.-м. III, 168.
Соймоновъ, Ѳед. Ив. Сибирск. губернат. IV, 270, 271, 351. Отз. объ немъ Екатер. IV, 352, (IV, 386, 387).
Соколка, м. IV, 104, 105, 109.
Соколовъ, Ос., матр. III, 317, 325, 333—335, 337. Его жена, III, 334.
Соколовъ, Серг.. матрос. сынъ, III, 336.
Соликамскъ, г. IV, 251, 254—256, 267, 272, 273, 277, 436, 441.
Соловецкій, монаст. III, 84.
Соловой, кур. IV, 5.
Соловьевъ, Ал-сѣй Ив., бѣгл. солд. III, 306.
Сольмсъ, Прусск. послан. въ Спб. III, 247.
Софи-Тамасъ, Персидск. принцъ, III, 44. Провозглашенъ шахомъ, III, 60, 85.
Софья Алексѣевна, царев. Отзывъ объ ней Екатер. Вт. IV, 295. Упом. III, 10; IV, 294, 300.
Софья-Шарлота, принц. Бланкенбург., супруга ц. Алексѣя Петр. Любима Екатер. Перв. III, 14. Уном, IV, 6, 7.
Спа, г. IV, 42.
Спасская, подмосковная гр. Матвѣева, III, 122.
Сперрейтеръ, Ульр. Олофов., ген.-м. III, 168.
Спѣшневъ, поруч. III, 290.

Сржедникъ, д. IV, 153.
Станиславовъ, имѣніе кн. Любецк. IV. 181.
Станиславъ-Августъ Понятовскій, кор. Его письма къ Екатер. IV, 98, 99, 176, 177, 203. Ему указано жить въ Гроднѣ, IV, 99—101. Подозрѣнія къ нему Репнина IV, 106, 107. Его путь изъ Варш. въ Гродну, IV, 105, 108, 109. Замѣтка объ немъ проѣзж. офицера, IV, 108. Его въѣздъ въ Гродну. IV, 115, 116. Его свита, IV, 117, 118. Издержки на содерж. его двора, IV, 118, 119. Его жизнь въ Гроднѣ. IV, 119—126, 174, 179—182, 184—187, 193—195, 197—201, 205, 206. Его финансов. затрудненія, IV, 175. Его депеша къ Польск. заграничн. дипломатамъ, IV, 176, Его родственники, IV, 177, 188, 196, 204. Изъ письма его къ Репнину, IV, 188, 189. Его меморіалы, IV, 189—191, 203—205. Его отрѣченіе, IV, 201, 202. Упом. III, 204, 211, 214, 357; IV, 97, 98, 101—104, 114, 115, 128, 170, 175, 177, 178. 188, 191—193.
Станиславъ Лещинскій, кор. Пол. III, 125, 126, 129.
Становичи, м. III, 202.
Старая Руса, г. IV, 241.
Старградъ, г. IV, 381.
Старинское, с. III, 483.
Старуха, Дмитр., куп. III, 337.
Стенька Разинъ, См. **Разинъ**.
Степанова, Авд. III, 326.
Степановна, кормил. III, 152.
Степановъ, Вас. Петр., секрет. Верх. Тайн. Совѣта, III, 166, 173.
Степанъ Малый, самозв. III, 193—197.
Стефанъ Баторій, кор. Польск. IV, 115.
Стокгольмъ, г. III, 151, IV, 6, 175, 177.
Столпъ, г. IV, 381.
Стоянъ Поповичъ, куп. III, 196.
Страдонокъ, Петръ, конюхъ, IV, 125.
Страсбургъ, г. IV, 392.
Стржембашъ, (Strzembasz), камерг. IV, 127, 122, 185, 186, 206.
Стрепинскій, Польск. генер. IV, 184, 186.
Строгановъ, бар. Ал-дръ Гр., камерг. III, 170.
Строгановъ, гр. Ал-дръ Серг., камерг. III, 349, 351.
Струковъ, В. Н., Владим. губернат. IV, 469
Струковъ, Никита, чинов. III, 331.
Струцъ, III, 204.
Стрѣлковъ, Степан., гандлавг. III, 379.
Стрѣшневъ, (Вас. Ив.), кам.-юнк. III, 59, 177.
Стрѣшневъ, Лук. Степ., бояр. IV, 368, 378.
Ступишинъ, Ив. Вас. Свѣдѣнія о немъ; III, 344.
Суворовъ. Его наружн. и привычки, III, 400. Изображенъ въ одѣ Державина, IV, 98. Пріемъ, сдѣлан. имъ Варшавск. депутатамъ. IV, 99. Его письма: къ Репнину; IV, 101, 107;—къ Стан. Понятовскому; IV, 191, 192. Назнач. главнокомандующ. въ Польшѣ, IV, 137. Его записка о вз. Праги, IV, 137, 138. Его отношенія къ Репнину. Тж. Упом. III. 202, IV, 97, 105. 107, 108, 128, 132, 138, 163, 187, 191.
Судетелге, г. IV, 46.
Судогда, г. IV, 471.
Сукинъ, Сем. Ив., ген.-м. III, 58, 168, 172, 176, 177.
Сулистравская, урожд. Пацъ, IV, 166.
Сулистравскій, начальн. революц. банды, IV, 165.

Сумарокова, Іоганна Христіанов., жена писателя, III, 184.

Сумароковъ, Ал-дръ Петр. Свѣдѣнія о немъ. III, 183. Два доношенія его, III, 184—186. Отзывъ Екатер. объ его сочиненіяхъ, IV, 428. Упом. III, 182.

Сумароковъ, Петръ Спир. Арестованъ, III, 173. Присутств. въ Сенатѣ, IV, 214.

Сура, р. III, 301.

Сусленъ, мыза, IV, 82.

Суходольскій, IV, 122.

Сухотинъ, Мих. Андр. III, 170, 173.

Сытинъ, чиновн. III, 328, 331.

Сычовъ, Вас., солд. III, 378.

Сѣраковскій, Польск. генер. IV, 135, 136.

*

Таганрогъ, г. IV, 271.

Талызина, Мар. Ст., урожд. Апраксина. III, 348.

Талызинъ, Ал.-дръ Ѳед. Свѣдѣнія объ немъ, III, 348. Упом. III, 406, 407.

Талызинъ, Лук. Ив., адм. Его участіе въ соб. 28 іюня 1762 г., III, 349; IV, 208—211, 213, 215.

Тальмонъ, Австр. мин. III, 155.

Тальцовъ, Мих., солд. III, 380.

Тамасъ. См. **Софи-Тамасъ**.

Тамбовъ, г. IV, 467.

Тамерсфорсъ. г. IV, 9.

Танѣевъ, курьеръ, IV, 27.

Таракановъ, Ал-сѣй Ив., ген.-м. III, 60, 168, 172, 176, 177.

Тарасовъ, Вас., солд. III, 377.

Тарасовъ, Фад., солд. III, 378

Татариновъ, полковн. IV, 464, 468.

Татищево, д. III, 228.

Татищевъ, Ал-сѣй, гофъ-юнк. IV, 85.

Татищевъ, Вас. Никит. Составилъ текстъ протеста прот. Верховниковъ, III, 172—174. Отзывъ Екатер. объ его *Исторіи*, IV, 428. Упом. III, 175, 177.

Татищевъ, ген.-полицм. III, 326—330.

Татищевъ, бригад. IV, 468.

Тихмасибъ, Перс. шахъ, IV, 74.

Тверь. г. IV, 241, 324, 386.

Тенингенъ, г. IV, 45.

Теплицъ, г. IV, 5.

Тепловъ, Григ. Ник. Его переписка съ Броуномъ, III, 226, 227, 239, 240. Записка о немъ капцл. Бестужева, IV, 92, 93. Упом. III, 223, 343.

Терки (Терскій городокъ), крѣп. IV, 71.

Терновскій, Вас., солд. III, 336.

Терре, аббатъ, IV, 394.

Тизенгаузенъ, Литовск. подскарбій, III, 204; IV, 114, 115, 181.

Тимофѣевъ, Ос., куп. III, 316.

Тингоборскій, корон. секрет. IV, 123, 125.

Тихановскій, Пав., отст. капралъ, IV, 187.

Тичинъ, имѣніе гр. Замойской, IV, 189.

Тоболъ, р. IV, 266, 268, 269, 280.

Тобольскъ, г. IV, 34, 36, 226, 227, 233, 236, 237, 249, 266, 267, 270, 271, 273, 276, 277, 283, 287, 342, 347—353, 355—359, 362, 397, 401, 411, 415, 417, 421—423, 435, 436, 438—441. Наводненіе, IV, 354.

Толстой, гр. Петръ Андр. III, 22.

Топчи-паша, III, 245.

Торгау, г. IV, 7.

Торжокъ, г. IV, 241.

Тормасовъ, гр. Ал-дръ Петр. Его письмо къ кн. Репнину, IV, 107, 108. Назнач. Виленск. губернатор. IV, 172. Упом. IV, 101, 106, 107, 116, 120—123.

Торнъ, г. III, 198.

Травельскій, камерг. IV, 122.

Траухбургъ, г. III, 402.
Тредьяковскій, Вас. Кирил. Выписка изъ дѣла „о присвоеніи имъ жены гренадерской", III, 178—181. Упом. IV, 428.
Трейденъ, капит. IV, 122, 124.
Трель, главн. кухм. IV, 117.
Трембицкій, гр., камерг. IV, 117, 186.
Третьяковъ, Вас., солд. III, 377.
Третьяковъ, Ѳед., солд. III, 380.
Троицкое, с. IV, 249.
Троицко-Сергіева Лавра. Богомольн. путешествіе къ ней Анны Іоан. III, 90. Упом. III, 304, 323.
Троншенъ, врачъ Вольтера III, 472.
Трубецкая, княг. Ал-дра Александр. III, 458.
Трубецкая, княг. Анна Льв. III, 336.
Трубецкой, кн. Ив. Юр., фельдм. III, 58, 162, 173, 175—177; IV, 88.
Трубецкой, кн. Никита Юр., кам.-юнк. III, 173, 175, 177, 350; IV, 309.
Трубецкой, кн. Сергій, сенат. III, 58.
Трубецкой, кн. Сергій, IV, 292.
Трубецкой, кн. Юр. (Никитичъ), сенат. IV, 214.
Трубецкой, кн. Юр. Юр., ген.-поруч. III, 164, 176, 177.
Трухзесъ, графъ, III, 402—404.
Тула, г. IV, 446.
Тулья, Серг., дворов. челов. III, 336.
Тумашевскій, IV, 122.
Тура, р. IV, 262.
Тутолминъ, Тим. Ив., ген.-пор. Его нерѣшительность, IV, 131. Его несогласія съ Кнорринг. IV, 135. Участвов. въ составленіи маниф. къ Литовцамъ, IV, 139. Указъ къ нему Екатер. IV, 166. Упом. IV, 126, 128.
Тучковъ, капит. IV, 164.
Тышкевичъ, гр., маршалъ корон. IV, 122, 184.
Тышкевичъ, гр. рейсферендарій, IV, 197.
Тюлковъ, Аѳан., солд. III, 377.
Тюмень, г. IV, 241, 266.

*

Увальдъ, каноникъ, IV, 195.
Уваровъ, Сем. Ѳед. Свѣдѣнія о немъ, III. 409. Упом. III, 410.
Уваровъ, гр. Серг. Сем. III, 409.
Угличь, г. IV, 446.
Уденкили, мыза, IV, 84.
Ульяновъ, Кононъ, солд. III, 377.
Умма (Старая и Новая), г.г. IV, 56.
Унгернъ-Штернбергъ, бар. Кар. Кар., ген.-адъют. Петра III-го. Свѣдѣнія о немъ, III, 352, 353.
Унпихтъ, мыза, IV, 81.
Упитъ, г. III, 219.
Упсаль, крѣп. III, 265.
Урбановичъ, Христоф., ген.-пор. III, 164.
Урусовъ, кн. Вас. Алексѣев., ген.-м. III, 168.
Урусовъ, кн. Гр. Алексѣев., ген.-м. III, 58, 168, 176.
Урусовъ, кн. Никита Серг. III, 419.
Устрицкій, секрет. IV, 117.
Устюжна, г. III, 304.
Уфа, р. III, 228.
Ушаковъ, гр. Андр. Ив. ген.-пор. III, 22, 58, 164, 172, 176—178; IV, 27, 38.
Ушаковъ, Апол., поруч., сообщн. Мировича, III, 370, 373, 374.
Ушаковъ, Вас., поруч. III, 374.
Ушаковъ, Ѳед., ген.-м. III, 320, 321, IV, 207, 214.
Ушковъ. Его домъ въ Казани, IV, 465.

*

Фалькъ, академ. IV, 430.
Фаминцынъ, Ег. Ив. III, 168.

Фандебургъ, (коммис.), III, 144.
Фанлетнетъ, Яковъ, куп. IV, 44.
Фароцкій, помѣщ. III, 207.
Фегезакъ, эльтерманъ, IV, 2.
Феллинъ, (Малый), г. III, 238.
Фелтенъ, Янъ, об.-кихенм. IV, 81.
Фелькерзамъ, об.-ком. IV, 72, 73.
Фенгерленъ, (австр. оф.) III, 399.
Фердинандъ (Кетлеръ), герц. Курл. IV, 15, 37, 70.
Ферзенъ, гр. Ив. Евстаф., ген.-пор. IV, 107, 132, 133, 137, 159.
Ферней, имѣніе Вольтера, III, 460, 478.
Фикъ, в.-президент. III, 170,
Филаретъ Никитичъ, патр. IV, 264, 291, 336, 368, 369, 381—383.
Филатьевъ, Петръ Дм., куп. III, 294, 296, 297.
Филиппъ V, кор. Исп. III, 27, 32, 33, 36—38, 46—49, 54, 57, 60, 61, 63—65, 72—74, 85—87, 90—95, 98, 99, 101, 103, 105—107, 110, 113, 119—121, 124—127, 129, 135—138.
Филиппъ (Донъ), инф., Исп. III, 95, 125, 126, 128, 129.
Финистерскій мысъ, IV, 402.
Финкенштейнъ, Прусск, послан. въ Спб. Его депеша, IV, 87—89.
Финляндія. Ея покореніе, IV, 8, 9, 13, 14. Упом. IV, 90, 386, 436.
Финны. Ихъ свадебн. обычай, IV, 361. Замѣч. о нихъ Екатер. IV, 441.
Фирксъ, шталмейст. III, 59.
Фитингофъ, ур.гр. Минихъ, IV, 236.
Фитингофъ, Шведск. ген. IV, 8.
Фитингофъ, совѣтн. IV, 236.
Флёри (де), марк., Польск. мин. III, 114, 115, 124.
Фонте (де), адм. IV, 287, 288.
Фонъ-Визинъ, Ден. Ив. Изъ письма къ нему Бибикова, III, 232. Упом. IV, 182.
Фофановъ, Ив., солд. III, 377.
Фохтъ, рентмейст. III, 274.
Франкенбергъ, Ходатайство за него Ст. Понятовскаго, IV, 193, 194.
Францискъ Арчелли, монахъ, III, 126. Инструкція ему, III, 128, 129.
Францискъ I, кор. Франц. IV, 426.
Францышка, канонникъ, III, 206.
Фридрихъ-Вильгельмъ, герц. Курл. Свѣдѣнія о немъ, IV, 5.
Фридрихъ-Вильгельмъ I, кор. Прусск. Его подарокъ Аннѣ Іоан. III, 90. Арестуетъ своего сына, III, 115. Его свиданія съ Петромъ Вел. IV, 6, 38. Упом. III, 64, 74, 75, 83, 93, 108, 114, 116, 125, 129, 158; IV, 10.
Фридрихъ II, насл. принцъ Прусск. Арестованъ, III, 115. Кор. Прусск. III, 246, 355; IV, 91, 152, 210, 282.
Фридрихъ-Вильгельмъ II, кор. Прусск. Ненависть къ н. Ст. Понятовскаго, IV, 202. Упом. IV, 152.
Фридрихъ IV, кор. Датск. IV, 4, 6, 38—40.
Фридрихъ VI, ландгр. Гес.-Кас. IV, 43.
Фридекъ, м. IV, 234, 244.
Фриденштирнъ, совѣтн. посольства, IV, 90.
Фридрихсгамъ, г. III, 238.
Фридрихштатъ, г. IV, 6, 45.
Фризе (де), гр., об.-камерг. III, 122, 124.
Фризель, полковн. IV, 123, 171, 172.
Фризъ, секрет. Понятовскаго, IV, 117, 177, 180, 186, 202.
Фробрихъ, эльтерм. IV, 2.

*

Хвощинская, Матр. III, 152.
Хелмно. См. Кульмъ.
Херсонъ, г. IV, 175.
Хитрово, Екат. Ѳед. III, 346.
Хитрово, Нат. Ѳед. III, 346.
Хитрово, Ал—сѣй Андр. ген.-пор. III, 346.
Хитрово, Никол. Ѳед., поруч. III, 346.

Хитрово, Θед. Алексѣев. Свѣдѣнія о немъ, III, 346, 491. Упом. III, 345

Хованская, княг. Анна Серг. III, 151.

Ховенъ, (фонъ), Отто-Герм. Арестованъ, III, 269—279.

Ховенъ (фонъ), Отто-Христоф., гофмарш. Его письмо къ Броуну и прошеніе къ Екатер. III, 276, 277. Упом. III, 269, 278, 279.

Хозе-де-Эскилусъ, Донъ, секрет. посольства, III, 97.

Хоментовскій, воев. Мазовецк., Польск. посолъ въ Спб. IV, 57, 59.

Хоминскій, воев. Минск. IV, 120—123, (165).

Хоминскій, подполковн. IV, 120.

Хомяковъ, Емел., солд. III, 377.

Хорватъ, Ив., ген.-пор. Свѣдѣнія о немъ, III, 355, 356. Указъ объ немъ Екатер. III, 356

Хорваты, Георг. Ос. Ив. III, 356.

Хотинъ, крѣп. IV, 391.

Храповъ, Петръ, солд. III, 380.

Хребтовичъ, гр., канцл. IV, 125, 194, 200.

Христина. кор. Шведск. III, 237, 263, 264.

Хрущовъ, Мих., ген.-м. III, 168.

Хрущовы, Ихъ заговоръ, III, 491.

Хуанъ-Каскосъ-Вильяде-Моросъ, Донъ, секрет. посольства, III, 99, 100, 107, 120, 121.

*

Царевококшайскъ, г. IV, 245.

Царицынъ, г. IV, 280, 281, 286.

Царское Село, г. III, 210, 417.

Цеккендорфъ (Секендорфъ), гр. Австр. послан. въ Берлинѣ, III, 83.

Циммерманъ, Христіанъ, членъ Рижск. магистр. IV, 34, 68.

Цинцендорфъ, графъ, III, 98.

Циціановъ, кн. ген.-м. Инструкціи и наставленія, дан. ему Репнинымъ, IV, 104, 105, 109—111. Упом. IV, 115, 116, 121, 122, 125, 128, 131, 132, 136, 139, 169, 170, 187, 195, 200.

Циціановъ, кн., маіоръ, IV, 122.

Цишненскій, IV, 122.

Цуриковъ, Ал—сѣй, поруч. III, 270—272.

Цюрихское оз. III, 398.

Цюрихъ, г. III, 398, 399.

Цѣхоновецкіе. Польск. фамилія, III, 204.

*.

Чаликовъ, шт.-оф., IV, 120.

Чарторижская, княг. Ея отношенія къ Репнину, IV, 151.

Чарторижскіе, князья. III, 129, 185, 200, 205, 208; IV, 125, 126, 152, 188.

Чарторижскій, кн. Адамъ. Его происхожд. IV, 151. Упом. IV, 194.

Чебоксары, г. IV, 467.

Чеботово, с. III, 123.

Чевкинъ, Θед. Гавр., ген.-пор., III, 164.

Чекинъ, приставъ Іоанна Ант., III, 357, 362—364, 377, 384. Его рапортъ гр. Панину, III, 385. Его показаніе III, 385, 386.

Чекулаевъ, Вас., солд. III, 380.

Чемесовъ. Его домъ въ Казани, IV, 465, 468.

Чердынь, р., IV, 436.

Черкасовъ, бар. Ал-дръ Ив. Допрашивалъ Мировича, III, 369, 387. Упом. III, 365, 366.

Черкасовъ, бар. Ив. Ант., д. ст. сов. III, 170.

Черкасовъ, Мокей, подмастерье, IV, 32.

Черкасская, княг. Мар. Юр., ст.-дама, III, 55, 63.

Черкасскій, кн. Ал-сѣй Мих., сенат., III, 39, 40, 42, 53—56, 58, 60, 62, 74, 96, 105—107, 115, 166, 174—176; IV, 309.

Черкасскій, кн. Ив. Бор. IV, 373.

Черниковъ, Род., казакъ. III, 337.

Чернышева, ст.-дама. III. 63.
Чернышевъ, Андр. Гавр., ген.-адъют. Петра III-го. III, 353.
Чернышевъ, гр. Гр. Петр., ген.-пор. III, 58, 164, 172, 176, 177; IV, 46. Назнач. Лифл. ген.-губернатор., IV, 86.
Чернышевъ, гр. Зах. Гр., ген.-губ. Бѣлорус. III, 224. (Его письма къ гр. Броуну. III, 250, 260.)
Чернышевъ, гр. Ив. Гр. III, 408.
Чертковъ, Евгр. Александр. Свѣдѣнія о немъ, III, 344.
Чесменскій, полковн. IV, 124.
Четвертинская, княг. IV, 194.
Четвертинскій, кн. Ант. IV, 194.
Четвертинскій, кн. Польск. ген. IV, 184.
Чефаридзевъ, Сем., подпоруч., III, 381, 382.
Чиговъ, Тимоѳ., III, 307.
Чижикъ, Вас., Алексѣев., суконщ., III, 332, 333.
Чижикъ, Серг. куп., III, 333, 336.
Чоглокова, Екат. Никол., въ замуж. Рославлева, фрейл., III, 491.
Чоглокова, Мар. Симон., урожд. гр. Гендрикова, III, 491.
Чоглоковы, III, 238.
Чудова, д., IV, 238.

*

Шаберъ, булочн., IV, 276, 348, 349, 417, 419, 420.
Шавли, г., IV, 134, 171.
Шапилевъ, метрдот., III, 17.
Шапинъ д'Отерошъ, аб. IV, 226—463.
Шато-Тромпетъ, мѣсто заключ., IV, 297.
Шарогородская, Ек. Ив., кам.-юнгф., III, 348.
Шафировъ, бар. Петръ Пав. Свѣдѣнія о немъ, III, 170; IV, 73. Упом. III, 101, 110, 115, 174; IV, 75.
Шаховской, кн. Ал-сѣй Ив., ген.-м., III, 59, 168, 172, 175, 176.
Шацъ, сеньора, III, 441.
Швабштедъ, г. IV, 6.
Швартенъ, мыза, IV, 78.
Швейковскій, секрет. посольства, IV, 175.
Швендровичъ, IV, 117
Шверинъ, бар. гер.-пор, III, 164.
Шверинъ, г., IV, 39.
Шеватинъ, Ив., солд., III, 377.
Шепинъ, Марья Мих., IV, 373, 374.
Шепинъ, Мих. Борис. IV, 374.
Шелковниковъ, Ив., ученикъ Посольск. двора, III, 336.
Шемякинъ, поруч IV, 68.
Шепелевъ, Дм. Андр., гофмарш. III, 59, 166, 172.
Шепелевъ (Петръ Амплѣев. ?). Ходатайство за него Пелидовой, III, 429.
Шепелевъ, маіоръ. III, 354.
Шереметева, гр. Варв. Алексѣев., урожд. кн. Черкасская, III, 174.
Шереметева. Ея отношенія къ Петру Вел. III, 21.
Шереметевъ, гр. Бор. Петр., фельдм. Его воен. дѣйствія, III, 2; IV, 1, 2, Его донес. Петру Вел. IV, 1. Упом. III, 3; IV, 5, 6, 28, 30, 41, 51.
Шереметевъ, Вас. Петр., ген.-м. III, 168.
Шереметевъ, Влад. Петр., ген.-пор. III. 164.
Шереметевъ, Ив. Петр. III, 170.
Шереметевъ, гр. Петръ Борис. III, 174; IV, 207, 214.
Шереметевъ, Ѳед. Ив., бояр. IV, (292); 378.
Шереметевъ, гр. Воспомин. объ немъ гр. Нельи, III, 401—405.
Шерешевъ, м. IV, 139
Шестемировъ, ад. Пет. Вел. IV, 3.
Шеферъ, куп. III, 206.
Шидловскій, Польск. генер. IV, 120, 122, 123.

Шидловскій, Литовск. помѣщ. IV, 165.
Шинкарка, Ал—сѣй, фабричн. III, 316, 317, 333, 334, 336. Казненъ, III, 335.
Шиповъ, маіоръ, IV, 60.
Шишковъ, Артем., депутатъ въ Ком. объ Улож. III, 389.
Шишкинъ, презид. шт.-конторы, III, 184—186.
Шкурина. Пользовалась милостями Екатер. Вт. III, 348.
Шкуринъ, Вас. Гр., гардеробмейст. III, 347.
Шкуринъ, курьеръ IV, 5.
Шлиненбахъ, Шведск. генер. Его разговоръ съ Екатер. Перв. III, 16.
Шлюссельбургъ, крѣп. III, 133, 357—359, 362, 363, 367, 371, 374, 378, 380, 382, 385.
Шмелевъ, Ал—сѣй, солд. III, 377.
Шоринъ, Ив. III, 292.
Шпееръ, Веніам., еврей. Его прошеніе къ Екатер. Втор. III, 252, 253, 255.
Шпигель, Кар.-Людв., ген.-м. III, 168.
Штадъ, крѣп. IV, 4, 5.
Штайнъ (Stain), шефъ Австр. полка, III, 398, 399.
Штакельбергъ, гр. От.-Магн. послан. въ Варшавѣ, IV, 197.
Штакельбергъ, генералъ-экономіи директоръ, III, 223.
Штафъ, ген.-поруч. III, 164.
Штейнверъ, капит. Замѣч. о немъ кн. Куракина, III, 408—410. Упомянутъ въ завѣщаніи в. к. Павла Петр. III, 408, 409. Письмо о немъ Маріи Θеод. III, 414.
Штейнъ, капит. IV, 125.
Штернпильдъ, Шведск. генер. По его проэкту основ. Рижск. цитад. IV, 51.
Штернпканцъ, полковн. IV, 9.
Штетинъ, г. IV, 4, 10, 19, 38, 45.
Штехъ, Карлъ, камерд. III, 231.
Штофельнъ, ген.-м. III, 168.
Штоффъ, лѣкарь, IV, 138.
Штраленбергъ, путешествен. IV, 283, 284, 331.
Штральзундъ, г. IV, 10, 28.
Штрембергъ, гр. Рижск. ген.-губернат. IV, 1, 2.
Шуазель-Гуффье, графиня. Ея замѣч. объ Екатер. Перв. III, 20.
Шубинъ, Ал—сѣй Яков., генер. III, 299—301.
Шуваловъ, гр. Ал—дръ Ив., фельдм. III, 346, 350, IV, 214.
Шуваловъ, Ив. Ив. III, 349.
Шуваловъ, Ив. Макс. III, 168.
Шуваловъ, гр. Петръ Ив., ген.-фельдцейхм. III, 201, 346; IV, 53.
Шулковскій, Упом. въ п. Анны Іоан. III, 156.
Шульцъ, буфетч., IV, 117.
Шуценъ фонъ Левенштернъ. Іоганнъ, чл. Рижск. магистр. IV, 34.
Шушерминъ, курьеръ IV, 39.

*

Щербаковъ, гренад. III, 290.
Щербатова, кн. Анна Мих., урожд. кн. Хилкова, III, 151.
Щербатовъ, кн. Ив. Андр., послан. въ Испаніи, III, 61, 85—87, 89, 170.
Щербатовъ, кн. Мих. Юр., ген.-м., отецъ историка, III, 168.
Щербинино, м. III, 123.

*

Эбергардъ фонъ-Мангеймъ, гермейст. Лив. орд. IV, 50, 51.
Эгильонскій герцогъ, IV, 395.
Эзель, остр. III, 199, 225, 226, 233, 235-241, 266-268 IV, 2, 8, 23.
Эзрефъ, Перс. шахъ, III, 44, 60.
Эйлеръ, математ. IV, 430.
Экъ, коменд. Аренсбургск. крѣп. III, 225, 226.
Эльбингъ, г. III, 198; IV, 2—4, 6, 22.

Эльсинъ, полковн. IV, 122.
Эмбахъ, р. IV, 75.
Энгельгардтъ, ген.-экон.-дирек. III, 223.
Эниколь, г. III, 261.
Эпинусъ, академ. IV, 429, 430.
Эренштильдъ, Нильсонъ, Шведск. шаутбенахтъ, IV, 21.
Эртманъ, об.-аудит. Его письмо къ Петру Вел. IV, 57.
Эспинола, донъ Лука. III, 72.
Эссенъ,(фонъ) Луиза-Элеон., монахиня, III, 197. Ея похожденія, III, 198. Ея прошеніе къ Екатер. Втор. III, 198—200.
Эссенъ, Ковенск. почм. IV, 122.
Эссенъ, полковн. IV, 126.
Эссенъ, маіоръ, IV, 468.
Эстляндія. Чрезвычайн. подать. III, 235—241, 268. Эстляндск. депутаты въ Ком. объ Ул. III, 389.
Этингъ, (фонъ), членъ Рижск. маг. IV, 34.

*

Юдинъ, Леонт. Вас., сынъ матрос. III, 306.
Юмъ. Его мнѣніе объ самодержавн. правительствѣ, IV, 432.
Юнгферигофъ. прист. IV, 35.
Юндзилова. IV, 197.
Юндзилъ. Его палаццо въ Гроднѣ, IV, 114.
Юнсенъ, см. *Іонсенъ*.
Юрій Васильевичъ, князь, братъ Грознаго, IV, 320.
Юрій Дашковъ, архіеп. Ростов. III, 171.
Юрій Іоанновичъ, князь Дмитровск., дядя Грознаго IV, 301.
Юсуповъ. кн. Бор. Григ., кам.-юнк. III, 59, 177, 319.
Юсуповъ, кн. Григ. Дм., ген.-пор. III, 53, 55, 58, 164, 172, 176, 177.
Юсуповъ. (кн Никол. Бор.), III, 419.

*

Ябинскій, паж. IV, 117.
Яблоновскій, кн. Станисл.-Пав. Польск. послан. въ Берл. IV, 175.
Яворово, м. IV, 3.
Ягужинская, гр. Анна Гавр., ро. гр. Головк., ст.-дама, III, 63.
Ягужинскій, г. Пав. Ив., ген.-прок. III, 19, 22. Арестованъ, III, 39, 173. Освобожденъ, III, 54, 176. Упом. III, 56, 58, 59, 96, 105—107, 115, 117, 163.
Ядровичъ, еп. жмудск. IV, 197,
Языково, с. III, 301.
Яикъ, р. III, 228; IV, 280.
Яковлевъ, Андр. Яковл., канцеляр. III, 179.
Яковлевъ, Ѳома, крестьян. III, 291, 292.
Якутскъ, г. IV, 418.
Ямбургъ, г. IV, 241.
Яниши, м. IV, 131.
Янкуновичъ, канон. IV, 197.
Янъ, кухмист. IV, 30.
Ярославль, г. III, 421; IV, 241, 256, 389, 440, 467
Ярославль, г. (въ Галиціи IV, 3.
Ярославъ I, вел. кн. IV, 290.
Яуза, р. III, 319.
Яшвиль, кн. подполк. IV, 466.

*

Ѳедорова, Екат. солд. III, 336
Ѳедоровъ, Тарасъ, крестьян. III, 314, 315.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, ц. IV, 294, 383,
Ѳеодоръ Іоанновичъ, ц. IV, 289, 291, 320, 327, 328, 383, 424.
Ѳедосій Яновскій, архіеп. Нов. городск. III, 19.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіеп. Новгородск III, 65, 171; IV, 428.
Ѳеофилактъ Локатинскій, архіеп. Тверск. III, 171.

1P5076/7-P

15-60

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*строка (сверху)*	*напечатано*	*слѣдуетъ*
		Въ III-ей книгѣ.	
21	32	дѣйтвовала	дѣйствовала
27	26	Петръ III	Петръ II
34	6	субсисій	субсидій
107	16	Досъ	Донъ
121	31	Поября	Ноября
176	16	П. Г. Чернышевъ	Г. П. Чернышевъ
—	20	П. Г. Чернышеву	Г. П. Чернышеву
—	40	кн. 2-я	кн. 3-я
183	24	на	но
190	2	свохъ	своихъ
209	47	кн. 2-я	кн. 3-я
213	23	сверхъ того	сверхъ того
277	1	прошлаог	прошлаго
460	11	И. Ѳ. Борятинскаго	И. С. Борятинскаго
		Въ IV-й книгѣ.	
114	4	*тѣнятникомъ* (т. е. бульваромъ)	*телятникомъ* (teletnik), т. е. бульваромъ
—	35	Сигизмундомъ-Августомъ II	Сигизмундомъ-Августомъ I
119	35	гр. Н. П. Румянцеву-Задунайскому	гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому
148	11	неисчерпанная	неиспорченная
151	29	*майка ойчизны*	*матка ойчизны*
—	39	шляхтескихъ	шляхетскихъ
164	34	На погулянкѣ	На Погулянкѣ
182	8	слорадство	злорадство
245	3	этого	этою
247	12	таковымъ	таковымъ
265	15	тасъ	такъ
267	36	гергнутеронъ	гергнутеровъ
274	11	наводитъ	наводятъ
276	40	пилюло	пилюлю
289	10	находилось	находилась
297	12	разрушишь	разрушить
344	47	давать другу	давать другъ другу
355	35	съ съ тою же	съ тою же
359	28	проьодящая	проводящая
387	6	Мѣстяко	Мѣстечко
—	18	какъ нито	какъ никто
399	1	ббатъ	аббатъ
420	41	Ренера	Венера
453	11	соотечественками	соотечественниками
463	36	Авеломъ	Авелемъ
—	42	Андтидотъ	Антидотъ
—	49	царствованіи	царствованія
465	15	Павловича	Павловичъ
470	12	приготовленный	приготовленной

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
127
B37
kn.4

Bartenev, Petr Ivanovich
Osmnadtsatyi viek